

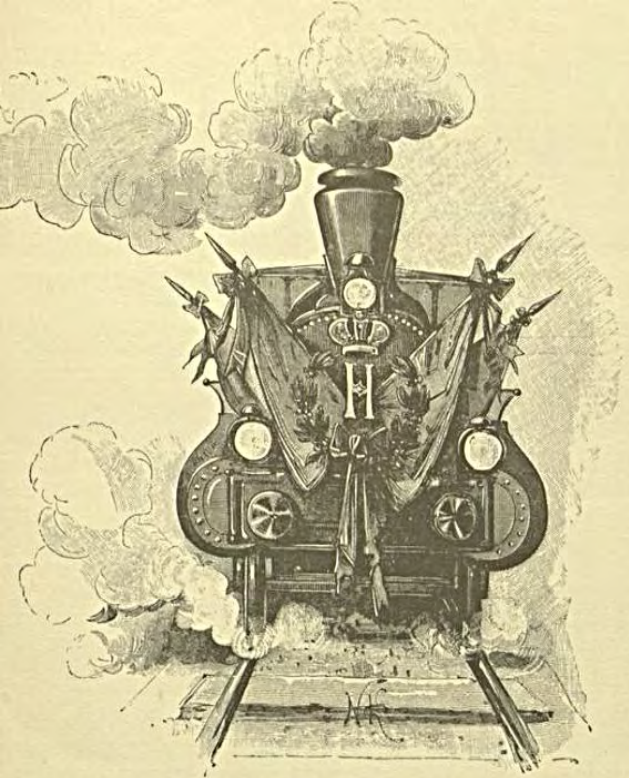
ЭВЕРЕТТ

ПУТЕШЕСТВІЕ

НА САФАННКУ ЦЕАРЕВНА

ТОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИЗД. №

ИЗДАНО
53480

НА ВОСТОКЪ.

ТОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИЗД. №

Н. К. Козлов

*Государь Императоръ
Николай II Александровичъ
Самодержецъ Всероссийскій*

Печено стали у Ф.А.Вронгауза въ Лейпцигѣ.

91(5)
У 89
—

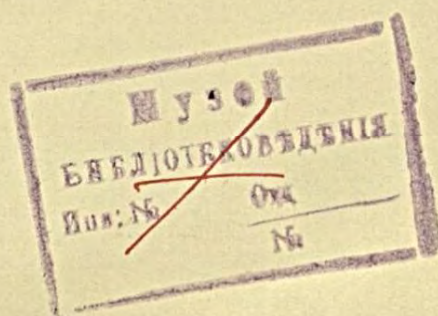
ПУТЕШЕСТВІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II НА ВОСТОКЪ

(ВЪ 1890—1891).

АВТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ КН. Э. Э. УХТОМСКІЙ.

ИЛЛЮСТРИРОВАЛЪ Н. Н. КАРАЗИНЪ.

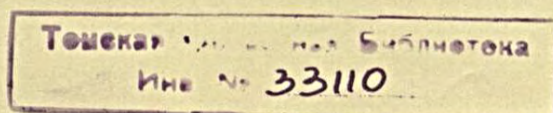
Т. II.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

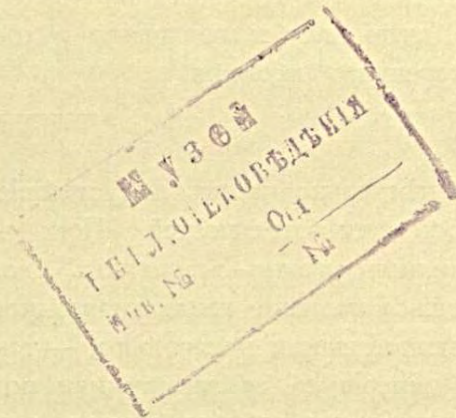
ЛЕЙПЦИГЪ: Ф. А. БРОКГАУЗЪ.

1895.

Tous droits réservés.

Типографія Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигъ.

ВЪ БЕНАРЕСѢ.

..... Asia! thou Light of Life!
Shadow of beauty unbeheld!
(Shelley Prometheus Unbound.)

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ пребываетъ въ самомъ любопытномъ городѣ Азіи. Центры ассиро-вавилонской, египетской и эллинской культуры давно померкли, отчасти стерты съ лица земли, только очами и устами археологовъ глясятъ о древнихъ, почти доисторическихъ формахъ человѣческаго культурнаго быта: одна дравидо-арійская Индія, отраженная и олицетворенная бенаресскими богомольями у священныхъ струй «небороднаго» Ганга, полна вѣчной тайны и вѣчнаго жизненнаго трепета, искони жаждетъ Божественнаго свѣта и томится предъ бездушнымъ мракомъ идоложреческихъ храмовъ, относится къ сверхчувственному міру съ вѣрой ребенка, но суровымъ стоицизмомъ дикаря.

Бенаресъ! Наименованіе, благоговѣнно повторяемое и чтимое сердцами сотенъ милліоновъ! Окаменѣлый прообразъ страны, на ряду съ которымъ тысячелѣтія Дѣли — одинъ день бытія обитающихъ надъ Гималаями боговъ! Стоитъ припомнить, что лѣтописныя баснословія буддистовъ заставляютъ 84,000 монарховъ, потомковъ мудраго царя Асоки (Владимира Красное Солнышко индо-туранской старины), непрерывно править «во святомъ Варанази».

Названіе города объясняется двояко: или прозвищемъ раджи Банаръ, отстроившаго громадный разрушенный центръ восемьсотъ лѣтъ назадъ, или сліяніемъ близъ него съ водами Ганга двухъ окаймляющихъ столицу шиваизма рѣчекъ Варана и Ази. Последнее, впрочемъ, менѣе вѣроятно.

Древнее и донынѣ уцѣлѣвшее имя ея — «Каси» (блестящая, великолѣпная). Хотя свѣтлый царевичъ-аскетъ Шакьямуни начало проповѣди своей положилъ въ окрестностяхъ современнаго Бенареса и еще въ V—VII вѣкахъ нашей эры китайскіе пилигримы притекали сюда поклоняться памятникамъ излюбленной ими чужеземной религіи, воздвигнутымъ на мѣстѣ основной дѣятельности «учителя», — городъ всетаки преимущественно и даже почти

исключительно оставался и остался во власти браминовъ, создавшихъ себѣ тутъ въ нѣкоторомъ родѣ очагъ глубокаго знанія и соотвѣтственнаго вліянія на несмѣтныя толпы пришлаго и кореннаго населенія.

Черезъ нѣсколько часовъ Августѣйшіе путешественники приступятъ къ обзорѣннѣ здѣшнихъ достопримѣчательностей. Пока же, свыкаясь съ неуютнымъ и по характеру какъ-бы нежилымъ мрачно-сыроватымъ «домомъ для гостей» туземнаго махараджи, невольно озираешься на наше тридцатидвухдневное странствованіе по азіатскому материку и на порогѣ этнографически новаго міра, — такъ-сказать составляющаго переходную ступень къ Небесной имперіи съ ея гигантскими полуассальными окраинами на юго-западѣ, — мысленно представляешь себѣ въ общихъ чертахъ ясную судьбу недавно покинутаго собственнаго Индостана. Это — тѣмъ болѣе кстати, что до сихъ поръ, при посѣщеніи и осмотрѣ черезчуръ тронутыхъ цивилизаціей (вродѣ Бомбея) или же, напротивъ, не въ мѣру обособленныхъ по духу городовъ (вродѣ Джодпора), соображенія культурно-историческаго, а подавно и политическаго свойства естественно отстранялись сами собой на второй планъ. Однако постепенно, чѣмъ сознательнѣе въ дорогѣ вырабатывается взглядъ на Востокъ, — вѣяніе его жизни, его культа и затаенной безсмертной мощи такъ и просится въ душу, такъ и чаруетъ невыразимой скорбною прелестью. Гдѣ, если не въ Бенаресѣ, умѣстно вспомнить хотя бы слѣдующую характеристику неподвижной Азіи?!

Въ тебѣ потокъ время, стирающій народы,
Надъ бездной зла и тьмы стихаетъ и молчитъ, —
А призракъ красоты, блаженства и свободы
Изъ вѣчности встаетъ, тускнѣетъ и бѣжитъ.

Но думать, будто двѣ трети человѣчества, именно въ силу какого-то фатализма и прирожденной косности, чуть-ли не вѣчно нѣмы и мертвы, чуть-ли не сказали своего послѣдняго слова на аренѣ міроваго развитія и міровыхъ событій, противорѣчило бы дѣйствительному положенію вещей: намъ — русскимъ особенно важно и любопытно вникнуть въ несостоятельность подобнаго обобщенія западниковъ, ибо наше прошлое и прошлое самой типичной восточной страны (Индіи) до мелочей сходны и родственны, одинаково смутны и печальны въ матеріальномъ отношеніи, въ совершенно равной мѣрѣ заключаютъ въ себѣ залогъ обновленнаго будущаго и увѣренной борьбы за свои исконныя права. Согласиться съ тривиальной европейской точкой зрѣнія на инородческіе міры, значитъ подписать жалкій приговоръ самимъ себѣ, какъ государству и какъ племени съ преобладающими надъ всѣмъ остальнымъ мистически окрашенными высокими идеалами. Тамъ, за Алтаемъ и за Памиромъ, та же неоглядная, неизслѣдованная, никакими еще мыслителями не сознанная допетровская Русь съ ея непочатой ширью преданія и неизсякающей любовью къ чудесному, съ ея смиренной покорностью насылаемымъ за грѣховность стихійнымъ и прочимъ бѣдствіямъ, съ отпечаткомъ, наконецъ, строгаго величія на всемъ своемъ духовномъ обликѣ.

Сближеніе туземцевъ Индіи съ русскимъ простонародьемъ многими должно быть сочтено тенденціознымъ, почти невѣроятнымъ или же просто напросто фантастическимъ. Случайное подтвержденіе того, что не мнѣ одному аналогія рѣзко бросалась въ глаза, я нахожу въ купленной здѣсь на дняхъ трехтомной книгѣ епископа Хебера, которая издана, когда о нашемъ наступательномъ воссоединеніи съ Азіей англичане серьезно и не помыш-

ляли. Замѣтки названнаго автора относятся къ двадцатымъ годамъ, послѣ того какъ онъ посѣтилъ Россію и проѣхалъ ее отъ столицы до южныхъ границъ, оставаясь подъ неизгладимымъ впечатлѣніемъ церквей и палатъ Кремля, подобіе коего иногда ему чудится потомъ въ Индіи при видѣ иного колоссальнаго сооруженія. Духомъ старой Москвы повѣяло на Хебера, лишь только онъ вступилъ на бенгальскую почву. Раджпутскіе и маратскіе вершники, сопровождавшіе его въ теченіе оффиціальныхъ передвиженій по гигантской епархіи, показались ему схожими съ кубанскимъ казачествомъ: видно, недаромъ въ Индостанѣ принято именовать «козаками» тамошнихъ смѣлыхъ конныхъ, а то даже пѣшихъ воиновъ (напр. джатовъ, во главѣ которыхъ до сихъ поръ выдѣляется бартпурскій махараджа у Агры, своевременно являвшійся съ визитомъ къ Августѣйшему Атаману казачьихъ войскъ), которые воспитаны поэзіей непрерывнаго боеваго напряженія и удалыхъ наѣздовъ.

Безъ сомнѣнія чѣмъ глубже стануть всматриваться въ индійскую исторію и въ индивидуальныя качества населяющихъ ея полуостровъ расъ, тѣмъ опредѣленнѣе могутъ сдѣлаться извѣстные тезисы объ этой странѣ, вызывающей въ насъ все бѣльшій и бѣльшій какъ-бы инстинктивный интересъ. Разъ что понятія «Россія» и «Востокъ», — подразумѣвая подъ послѣднимъ совокупность культурныхъ особенностей ислама, браманизма, буддійскихъ развѣтвленій, конфуціанства и т. п. поставлены будутъ исторіософами въ одну органически цѣльную группу жизненно стойкихъ народовъ, — ихъ одинаково рѣзкое отличіе отъ западныхъ націй съ ихъ минувшимъ и настоящимъ ясною истиной мало по малу скажется всякому безпристрастному наблюдателю.

Хотя на первый взглядъ очень трудно уловить между Россіей и Индіей что-нибудь общее въ историческомъ отношеніи, а тѣмъ болѣе представляется невозможнымъ проводить между столь далекими и по видимому столь не однородными странами основанную лишь на нѣкоторыхъ крайне любопытныхъ фактахъ параллель, тѣмъ не менѣе намѣтитъ ее, рано или поздно, кому-нибудь все равно бы пришлось, — почему именно русскому умѣстнѣе, значитъ, привести подобныя мысли въ извѣстную связь, особенно подъ тѣмъ знойнымъ небомъ, которое разстилается теперь надъ нашей головою.

Несмотря на то, что обозрѣваемый Его Императорскимъ Высочествомъ обширнѣйшій край въ сущности представляетъ собою самую смѣшанную, пеструю амальгаму народностей, вѣрованій и культуръ, — онъ все-таки, въ своихъ главнѣйшихъ основахъ, строго отмѣченъ отпечаткомъ аріискаго духа. Этотъ духъ очень давнихъ и горделивыхъ пришельцевъ, постепенно колонизировавшихъ страну, передавался и передался въ теченіе вѣковъ отдаленнѣйшимъ областямъ и даже уголкамъ Индіи. Этотъ духъ неискоренимо жилъ и живетъ въ сердцахъ большинства ея обитателей. Сами англичане указываютъ, какъ на несомнѣнную и характерную истину, что они отвоевали и отняли ее не у мусульманскихъ правителей, а у языческихъ князей, такъ какъ въ прошломъ и нынѣшнемъ вѣкѣ индуизмъ (въ лицѣ маратовъ, а затѣмъ отчасти и сикховъ) безспорно занялъ первенствующее мѣсто на своей великой родинѣ. Подобная живучесть свидѣлствуетъ о глубинѣ національнаго сознанія (въ широкомъ смыслѣ слова) даже среди народовъ, разобщенныхъ и какъ-бы ненавидящихъ другъ друга. Какая-то незримая сила постоянно составляла и упорно составляетъ подпочву всего, на чемъ зиждется, вырастаетъ, развивается и, даже погибая, принимаетъ тождественный по идеѣ преобразованный видъ крайне сложная психическая жизнь болѣе чѣмъ 200 милліоновъ туземцевъ.

Борющіеся съ автохтонами Пятирѣчья и Деккана, мощные аріицы Ведъ и позднѣйшаго индійскаго эпоса — тѣ же славяне, осѣдающіе по лѣсамъ и у рѣкъ доисторической Россіи, гдѣ уже издревле разсѣяно множество инородческихъ элементовъ, напоминающихъ

чернокожую своеобразно цивилизованную «чудь», которую кшатрии принимались истреблять, а брамины и пахари силились обратить, углубляясь въ глушь неизвѣданнаго полуострова. Какъ только этотъ двоякій внѣшній и внутренній процессъ тамъ совершился до извѣстнаго предѣла (и у насъ встарь князья съ дружиною при малѣйшей нуждѣ охотно искореняли «нечистыхъ» инородцевъ, пока шедшій въ дебри крестьянинъ и пламенѣвшій ревностью миссіонеръ подготавливали грядущее сближеніе и сліяніе), на Индію сталъ наступать грозный и труднопримиримый степной Туранъ, единовременно двигавшій свои варварски-хищныя орды на Удѣльную Русь. И тамъ, и тутъ результатъ подобнаго вторженія и вліянія грубыхъ началъ на основы государственнаго строя и народнаго быта привелъ къ невольному самоуглубленію и неисчерпаемый по составу браминскій міръ, и наше отягченное «ношей крестной», многострадальное великорусское племя. Затѣмъ, съ обѣихъ сторонъ, началась реакція, едва замѣтная на глазъ, но чрезвычайно послѣдовательная и знаменательная по своему творческому напряженію. Въ эпоху, когда Индостанъ и Московское царство, поверхностно судя, сильно поддались басурманскимъ обычаямъ, слегка потеряли арійскій обликъ, отчасти приняли совершенно туранскую окраску (что между прочимъ выразилось хотя-бы напр. въ томъ, какъ сложилась высшая придворная жизнь въ Бѣлокаменной и въ послѣднемъ Дѣли, вознесшемся къ славѣ при помощи раджпутскаго меча и даровитости подданныхъ — индусовъ), — характеръ обоихъ дворовъ, ихъ отношенія къ иноземцамъ, полуварварская роскошь и до щепетильности доведенный этикетъ — все дышетъ далеко не случайнымъ сродствомъ и олицетворяетъ глубокій Востокъ, въ которомъ больше ассири-вавилонскаго и скиѣскаго, чѣмъ славянскаго или вообще европейскаго. И вдругъ нѣдра Россіи, а за Гималаями Декканъ (преимущественно же конканское побережье) приблизительно въ тотъ же періодъ просыпаются съ расширеннымъ сознаньемъ.

Средняя Азія, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ тревожившая и насъ, и Пятирѣчье немолчнымъ прибоемъ безпокойныхъ степей, мало по малу почувствовала неизбежную стѣну передъ собой, — живую стѣну сплотившихся бойцевъ — арійцевъ (по языку и культурѣ), рѣшившихъ отбросить и умалить ненавистный Туранъ. Подобно русской вольницѣ и отважной голытьбѣ, двигавшейся противъ него въ качествѣ передовыхъ застрѣльщиковъ, свободолюбивые сикхи страшными ударами потрясли исламъ, съ юга же отъ Дѣли (словно изъ нашихъ центральныхъ губерній) стали неотразимѣе и неотразимѣе наступать когда-то мирные и добродушно настроенные мараты, безсознательно выросшіе до степени героевъ и носителей національнаго, довольно еще туманнаго идеала. Отъ престижа Моголовъ, отъ преобладанія тюркской расы вскорѣ сохранилась одна (и то расплывающаяся!) тѣнь. Индуизмъ торжествовалъ, смѣло могъ праздновать побѣду, обѣщалъ обратить родные ему края въ нѣсколько федеративныхъ государствъ древне-языческаго типа, со здоровой въ корнѣ основой. Если бы это дѣйствительно случилось, то въ предѣлахъ страны, имѣющей религіознымъ центромъ Бенаресъ, въ непродолжительномъ времени, быть можетъ, начала бы вырабатываться непринужденная и самостоятельная потребность къ образованію, просвѣщенію, гуманизму и. т. п. (что въ виду свойственной народамъ Востока быстротѣ воспріимчивости, отъ разумаго соприкосновенія съ европейской цивилизаціей, легко дало бы тѣ же плоды, какъ и у насъ при зарожденіи наукъ и искусствъ съ XVIII на XIX столѣтіе). Но судьба судила иное. Юная, возростающая изъ праха, независимая по духу и вѣрная исконнымъ традиціямъ Индія испытала новое паденіе вслѣдствіе прихода и воцаренія въ ней горсти пришельцевъ — эксплуататоровъ съ Запада. Всѣ тѣ бѣды, которыя могли насъ ожидать, если бы Россія полтора столѣтія назадъ, шагнувъ

на пути прогресса, не высвободилась бы рѣшительно и безповоротно изъ-подъ непрошенной опеки заграничныхъ авантюристовъ, привыкшихъ зачастую смотрѣть на наше отечество точно на тучную ниву, съ которой имъ дозволено жать, ничего не сѣючи и не вспахавъ, — всѣ эти бѣды, повторяю, какъ-бы незамѣтно обрушились на несчастную родину буддизма. Летаргическій сонъ оковалъ ее на два-три поколѣнія. Пока тождественный съ ней по историческому складу сѣверный колосъ развернулся и все еще съ каждымъ днемъ развертывается, открывая накопленное за 1000 лѣтъ психическое наслѣдіе борьбы и взаимоотношеній съ финно-монголо-татарскими наслоеніями, — Индія нѣмѣетъ подъ гнетомъ своихъ беспочвенныхъ университетовъ и прочихъ дорого стоящихъ, но энергично прививаемыхъ благъ... За то сколько ироніи таится въ словахъ: «туземные конгрессы», «туземная необуздываемая печать», наконецъ «туземныя права быть гражданами великой колониальной имперіи»!...

Раньше чѣмъ излагать мысли, составляющія такъ-сказать органическое продолженіе намѣченнаго на этихъ страницахъ, любопытно вкратцѣ помедлить надъ основной чертой туземнаго строя и всего внутренняго міра языческой среды.

Вѣротерпимость индусовъ, не смотря на всѣ крайности ихъ кастовыхъ предразсудковъ и самоограниченія, лучше всего проявляется въ томъ явленіи, что они, будучи по природѣ глубоко убѣжденными въ божественномъ происхожденіи своей собственной религіи, тѣмъ не менѣе охотно допускаютъ, будто и мусульманамъ вѣра ихъ могла быть дана отъ Бога, что и христіане исповѣдуютъ святое ученіе, обновляющее ихъ жизненный строй и т. д. По мнѣнію индусовъ (да и вообще восточныхъ народовъ) всѣмъ людямъ подобаетъ оставаться въ той вѣрѣ, въ какой они родились. На базарахъ любого большого города осматриваемой нами страны въ продажѣ, говорятъ, есть картинки, ясно свидѣтельствующія о томъ, до чего полны эклектизма умы современныхъ язычниковъ-браманистовъ: напримѣръ, тамъ бываетъ изображенъ человѣкъ съ восемью руками, изъ коихъ каждая — различнаго цвѣта и обозначаетъ «восемь верховныхъ учителей міра». Шесть изъ нихъ: Брами, Вишну, Шива, Кришна, Кали и Дурга — божества, наиболее близкія и понятныя фантазіи туземцевъ; седьмая и восьмая длань, держащая по книгѣ, характеризуютъ Христа-Спасителя и создавшаго Коранъ Магомета.

Настроеніе индуса — чрезвычайно миролюбиваго свойства и потому, отнюдь не желая относиться съ какимъ-нибудь насиліемъ къ чужимъ вѣрованіямъ, онъ и самъ проситъ только объ одномъ, чтобы ему не мѣшали вѣрить, какъ онъ признаетъ это для себя спасительнымъ. Знающіе народъ не только по его нынѣшнимъ взглядамъ и наклонностямъ, а также и по его исторіи, утверждаютъ, будто индусы въ прежнее время въ сущности были гораздо фанатичнѣе. Различныя секты свирѣпо боролись другъ съ другомъ, превозносимые толпою кумиры словно жаждали исключительнаго значенія и преобладанія передъ другими. Жречество скорѣе поддерживало, чѣмъ смягчало подобный разгаръ религіозныхъ страстей.

Понемногу, однако, страшный разладъ умолкъ и затихъ. Теперь индусъ, хотя бы онъ и ненавидѣлъ въ душѣ иной обрядъ, кажущійся ему противнымъ и достойнымъ презрѣнія, тѣмъ не менѣе спокойно смотритъ на его совершеніе и открыто не протестуетъ. Люди, посвятившіе себя, напримѣръ, служенію, не допускающему кровопролитія и лишенія жизни, — почитая свѣтлаго небожителя Вишну, тѣмъ не менѣе за деньги принимаютъ

участіе въ жертвоприношеніяхъ кровожадной богинѣ Дургѣ. Старые брамины, не лишены извѣстнаго рода начитанности и даже учености, нерѣдко приносятъ въ даръ своему избранному божеству какія-нибудь установленныя жертвы и параллельно съ тѣмъ бросаютъ горсть рису чужимъ богамъ, какъ-бы признавая, что за предѣлами нашего познания есть много непостижимыхъ силъ, жить въ ладу съ которыми намъ и полезно, и необходимо. Не этимъ-ли объясняется, что различные религіозные памятники Индіи, — гдѣ только къ нимъ не прикасалась рука мусульманъ-разрушителей или не въ мѣру ревностныхъ португальцевъ, — въ теченіе ряда вѣковъ сохранялись почти нетлѣнными; хотя одинъ побѣдившій культъ уже успѣвалъ смѣниться другимъ и въ иныхъ мѣстностяхъ, по видимому, некому было пещись о сохраненіи предметовъ упраздненной вѣры и совершенно невѣдомаго искусства. Тѣмъ не менѣе населеніе, вѣруя въ новыхъ боговъ, умѣло съ благоговѣніемъ относиться и къ тѣмъ, которыхъ постигало забвеніе. Обожаніе вещества, принявшаго какую-нибудь законченную и канонически установленную форму, до того казалось важнымъ и неизбѣжнымъ для индуса, что едва-ли не этимъ можно главнѣйшимъ образомъ объяснить, почему многія архитектурныя и скульптурныя созданія древности въ первобытной красотѣ дошли до нашихъ дней.

Сегодня престоитъ увидѣть впервые сожиганіе труповъ на берегу Ганга. Страшный обрядъ требуетъ нѣкоторыхъ поясненій и оправданій.

Индусское міросозерцаніе ни въ чемъ такъ самобытно не выражается, какъ во взглядѣ на смерть, на отношенія къ умирающимъ и къ усопшимъ. Европейцы присутствуютъ на странномъ зрѣлищѣ, гдѣ народъ, — среди котораго любовь родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ и т. д. глубока и трогательна, — при мысли, что кто-нибудь близокъ къ кончинѣ, прежде всего заботится не о борьбѣ съ тяжкимъ недугомъ, поразившимъ любимое существо, не объ охраненіи его спокойствія и не объ облегченіи его послѣднихъ минутъ, но прежде всего о спасеніи и успокоеніи его души. Изъ всей утомительно-сложной обрядности, соблюденіе которой индусъ считаетъ для себя обязательнымъ, долгъ по отношенію къ расстающимся съ жизнью и къ покойникамъ наиболѣе кажется, съ нашей точки зрѣнія, дикимъ (!) и суровымъ.

Согласно ученію браминской религіи, какъ-бы ни былъ грѣшенъ человѣкъ, достаточно ему умереть на берегахъ священнаго Ганга или другой какой-нибудь высоко чтимой рѣки, — а то и прямо даже у связаннаго съ ними водохранилища, — и духъ такого счастливица можетъ достигнуть блаженства въ новой жизни. Стоитъ бросить въ спасительныя воды хоть частицу трупа, и это уже послужитъ на благо душъ умершаго. Такъ какъ поведеніе отдѣльнаго лица не всегда отличается степенью праведности, требуемой для счастливаго дальнѣйшаго возрожденія, то родственники опасно заболѣвшаго, видя приближеніе смерти, прежде всего торопятся принести его къ священной влагѣ. Поступить иначе значило-бы навлечь и на него, и на себя много бѣдствій въ будущемъ. Соблюденіе обычая особенно сильно развилось за послѣдніе три-четыре вѣка; оно исходитъ изъ того глубокаго вѣрованія, что рѣка Гангъ (skr. Ganga), жена бога Шивы, проникнута всеисцѣляющею и всеискупляющею святостью. «Ганга», какъ ее называютъ туземцы, сошла съ небесъ; прикасающіеся къ ней, обмывающіеся въ ея струяхъ, погружающіеся въ ея чистое лоно — тѣмъ самымъ какъ-бы приобщаются къ лучшей жизни, къ блаженному существованію, однимъ словомъ къ безгрѣшной радости и живительной тишинѣ

обителѣй рая. Воззванія индусовъ къ умиротворяющей ихъ души рѣкѣ положительно свѣтятся дѣтской вѣрою въ ея благотворное начало:

У ГАНГА НА ЗАРЬ.

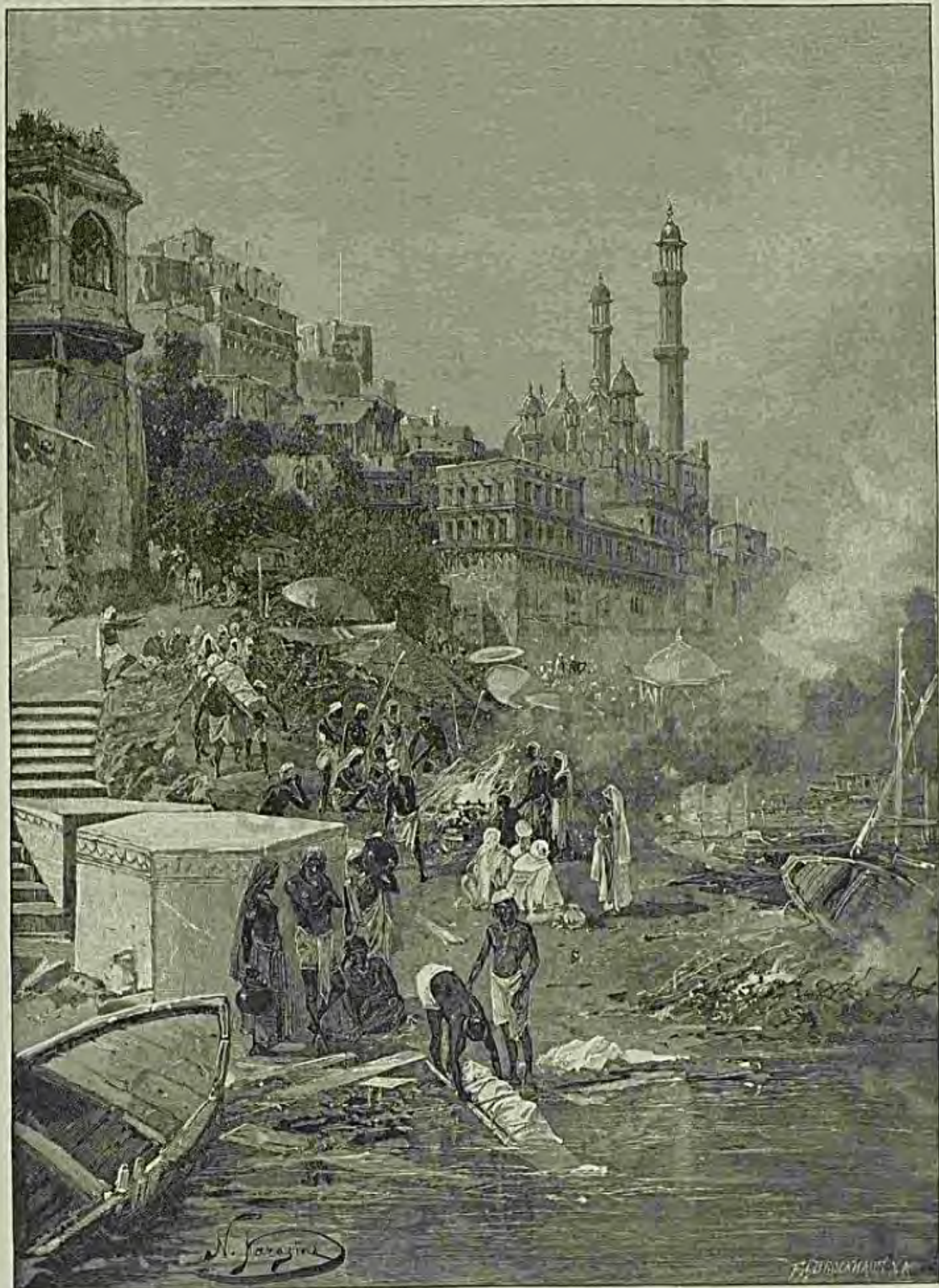
«О мать Ганга, я склоняюсь къ твоимъ ногамъ! Умилосердись надъ твоимъ рабомъ! Кто можетъ передать, каковы твои добродѣтели, когда разумѣніе человѣческое не въ силахъ ихъ постигнуть и только верховное существо — Брама — знаетъ нѣкоторыя изъ твоихъ свойствъ? Величайшій грѣшникъ, оскверненный безчисленными злодѣяніями, пусть только произнесетъ твое имя... и онъ очистится, возродится среди небесныхъ жилищъ. Ты одна справедливо называешься «источникомъ счастья», «спасительницею людей». Безконечны тѣ средства, которыя въ твоей власти. Омывающійся

въ твоихъ струяхъ не только самого себя спасетъ, но очищаетъ также духъ своихъ предковъ, предковъ своей матери, предковъ своей жены. Ты — елиновременно и вещество, и не вещество, — ты заразъ и проста, и крайне сложна, — ты — вѣчное начало всего.»

Какъ глубока должна быть вѣра индуса въ чудотворныя качества рѣки, видно, хотя бы изъ того, что въ народѣ живетъ убѣжденіе, будто даже людямъ, отдаленнымъ отъ Ганга на многія сотни верстъ, стоитъ вспомнить святое имя богини и этимъ спастись! Каждому умирающему слѣдуетъ лишь подумать о великой рѣкѣ, и мѣсто въ раю Шивы для него обезпечено! Если человѣкъ отправляется изъ дому, чтобы выкупаться въ Гангѣ и умираетъ по дорогѣ, — одно уже доброе намѣреніе засчитывается ему въ заслугу, словно бы онъ дѣйствительно совершилъ установленныя омовенія. Такіе ужасныя для браминиста грѣхи, какъ напр. умерщвленіе своихъ духовныхъ наставниковъ или коровъ, какъ напр. пристрастіе къ одуряющимъ напиткамъ и т. п. прощаются человѣку отъ прикосновенія къ божественнымъ водамъ, если погружающіеся въ нихъ мысленно каются въ содѣянномъ. Народная религія учитъ, что всякій червячекъ, или насѣкомое, или растеніе, находящіяся на берегахъ дивной рѣки и падающіе въ нее, въ случаѣ смерти, затѣмъ болѣе не возрождаются, а прямо сливаются съ Брамой. Даже кончающіе самоубійствомъ, утопая въ волнахъ Ганга, непременно удостоиваются конечнаго блаженства. Если чье-нибудь тѣло, въ моментъ кончины, на половину погружено въ божественную влагу, душа въ воздаяніе того тысячу тысячъ лѣтъ будетъ блаженствовать въ раю.

Фантазія туземца ищетъ даже въ разныхъ сказкахъ поясненія, что случается съ тѣми тварями, которыя случайно попадаютъ и тонутъ въ Гангѣ. Напр. какъ проста и мила одна повѣсть о маленькой птичкѣ, гнѣздившейся подъ широколѣтвистымъ деревомъ, вблизи рѣки! Однажды свирѣпая буря вырвала его съ корнемъ и птичка, унесенная порывомъ урагана, погибла въ водоворотѣ. . . Но вотъ она возрождается на небѣ, становится одною изъ царицъ Индры. Блаженствовать тамъ ей, однако, приходится короткое время, потому что, какъ только ея крошечное тѣло быстро разложилось въ водѣ на мельчайшія частицы, и душѣ птички, соотвѣтственно съ этимъ, необходимо было снова возродиться въ какой-нибудь иной земной оболочкѣ. Индра, отпуская свою царицу, спросилъ ее, какую внѣшность она хочетъ выбрать для этой новой жизни и она выбрала съ умысломъ тѣло слона, такъ какъ его гигантское туловище, а особенно кости, и послѣ смерти долго не могутъ разложиться. Душа прежней птички (она же и душа одной изъ царицъ бога Индры), родившись у Ганга въ формѣ слона, нарочно пребывала до смерти на берегу рѣки: потомъ трупъ упалъ въ протекавшія мимо струи и безплотная тѣнь отлетѣла опять въ небо Индры, для вкушенія блаженства, на безчисленное число лѣтъ.

Когда туземные врачи признаютъ положеніе какого-нибудь больного безнадежнымъ, его друзья и родственники немедленно рѣшаются «отдать его Гангу». Никому и въ голову не приходитъ, что можно отсрочить часы кончины, усугубить борьбу съ недугомъ, отвоевать заболѣвшаго у смерти. «Жизнь и смерть», — разсуждаютъ они, — «во власти боговъ, но отъ насъ зависитъ отнести умирающаго къ священнымъ водамъ». Больного кладутъ поэтому на носилки, — если темно, его выносятъ при свѣтѣ факеловъ, вообще торопятся впередъ, опасаясь, какъ-бы несомый ими не умеръ по дорогѣ. Можно себя представить, до чего несчастный долженъ страдать нравственно отъ стремительности

БЕНАРЕСЬ.

его выноса изъ дому, отъ прощанья съ остающимися тамъ членами семьи, которые неизбѣжно оглашаютъ минуты разлуки воплями и рыданіями. Притащивъ свою ношу на берегъ желаннаго водомѣстилища, процессія скучивается вокругъ умирающаго и требуетъ отъ него, чтобы онъ устремилъ свой взоръ на водное пространство, разстилающееся передъ нимъ, со словами: «Мать Ганга, я пришелъ тебя улицезрѣть!». Такъ какъ смерть обыкновенно наступаетъ не сразу, то родственники кладутъ больного въ какой-нибудь низкій, сырой и жалкій шалашъ на берегу, гдѣ томящемуся въ агоніи суждено дожидаться разставанія души съ тѣломъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ для пріема больныхъ воздвигнуты болѣе приличныя постройки, но онѣ такъ грязны и такъ переполнены существами, лежащими въ состояніи послѣдней предсмертной борьбы, что умирающимъ съ проблескомъ сознанія быть среди нихъ еще вдвое тяжелѣе. Все вокругъ стонетъ и хрипитъ въ отвратительныхъ корчахъ. Родственники, между тѣмъ, ждутъ, когда же пора будетъ окунуть больного въ рѣку, чтобы онъ наконецъ испустилъ тамъ духъ. Обыкновенно смерть приходитъ далеко не вдругъ, и (что всего ужаснѣе!) принесенныя на берегъ Ганга женщины и даже дѣти подолгу лежатъ, — страдая отъ солнца и ночью отъ холода, — въ тягостномъ ожиданіи, чтобы наконецъ пробилъ ихъ послѣдній часъ. Бываетъ и такъ: больные иногда сами добровольно соглашаются въ столь мучительныхъ условіяхъ ожидать недѣли по три своей кончины; зачастую, впрочемъ, и родственники не согласились бы взять ихъ обратно домой. Съ обѣихъ сторонъ считается какъ-бы несчастіемъ лишеніе возможности найти успокоеніе въ Гангѣ.

Порою рвеніе на пользу умирающаго доходитъ до того, что радѣющіе о немъ ближніе набиваютъ ему въ ротъ рѣчной глины, и несчастный умираетъ, задохнувшись.

Однако живучесть индусовъ настолько поразительна, что иные разъ десять проходятъ черезъ подобные варварскіе опыты и въ концѣ концовъ всегда приносятся назадъ къ родному очагу. Когда это случается съ пожилыми людьми, то они просто стыдятся того, что смерть ихъ не взяла на Гангѣ. Хуже всего положеніе старухъ-вдовъ. Тѣ, не успѣвъ задохнуться даже при помощи набиванія въ ротъ глины, отъ горя и позора сами потомъ топятся въ рѣкѣ.

Если кто-нибудь даже нечаянно попадетъ въ Гангъ, его не станутъ спасать, считая за счастье для него погибнуть въ священныхъ струяхъ; если же иной человѣкъ и спасется, то на него съ тѣхъ поръ смотрятъ, какъ на отвергнутаго божествами.

Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о степени и причинахъ нашего внутренняго сродства съ Индіей, нельзя однако не отмѣтить нѣкоторыхъ характерныхъ особенностей въ духовно-исторической жизни обѣихъ странъ. Эти особенности такъ странны, такъ рѣзко поражаютъ, если надъ ними призадуматься, такъ въ своемъ родѣ замѣчательны и достойны внимательнаго разслѣдованія, что не далекъ часъ, когда о нихъ серьезнѣе и безъ предубѣжденія заговорятъ. Вотъ тѣ случайные, въ сущности общеизвѣстные факты, о которыхъ стоитъ сказать два-три слова. Почему въ XIII—XIV вѣкахъ языческая Литва, оборонявшаяся противъ суровыхъ крестоносцевъ, удивительно напоминаетъ и какъ-бы повторяетъ собою (по обычаямъ и величію характера борцевъ) рыцарски настроенную, грозную мусульманамъ Раджпутану? Князь Маргеръ, изнемогшій при осадѣ роднаго городка и спокойно рѣшившійся, вмѣсто сдачи врагу, принести въ жертву пламени женщинъ, дѣтей, сокровища, кумировъ своей крѣпости, — чтобы потомъ, соорудивъ изъ

всего дорогого и завѣтнаго страшный погребальный костеръ, бѣшено ринуться на послѣдній бой съ «нѣмцами», — развѣ этотъ Маргеръ и его окружающіе чѣмъ-нибудь отличаются отъ индійскихъ махараджей средневѣковаго типа, которые, удушивъ въ дыму слабый полъ и облекшись въ одежды шафрановаго цвѣта, бросались на вѣрную смерть въ мусульманскій станъ съ высоты поколебленныхъ Тураномъ древне-арійскихъ кремлей?!.. Но вѣдь литовцы того періода въ сущности — олицетвореніе нашей же тождественной съ загималайскими землями Руси!

А какими, спрашивается, путями надо истолковывать непостижимое, именно индуизму свойственное предубѣжденіе нашихъ раскольничьихъ общинъ, осквернять себя вкушеніемъ пищи совмѣстно съ иновѣрцами, хотя бы разногласіе въ религіозномъ отношеніи было даже крайне ничтожно и поверхностно, коренясь преимущественно въ унаслѣдованной косности мыслей? Затѣмъ: неужели въ изувѣрствѣ нашихъ иныхъ сектантовъ XVII-го столѣтія, въ ихъ жадѣ саморазрушенія, самосожженія не видѣть чисто индійскихъ чертъ? Почти неизслѣдованные и загадочные «душителі» (тюкальщики) среди русскихъ отщепенцевъ отъ православія развѣ только по звуку представляютъ аналогію съ «тюгами», избиравшими преступный родъ дѣятельности исключительно въ угоду религіи?

Высказывать по этому поводу что-либо опредѣленное пока чрезвычайно трудно. Всякая смѣлая гипотеза въ столь богатой неожиданными сближеніями области фактовъ отчасти преждевременна, отчасти беспочвенна. Можно чутьемъ быть непосредственно у истины, не имѣя еще достаточныхъ данныхъ, чтобы ее формулировать. Одно, впрочемъ, кажется вполне яснымъ и неоспоримымъ: мы непомѣрно много должны были безсознательно впитать въ себя изъ Индіи въ тяжелую эпоху колонизаціи своихъ заволжскихъ окраинъ, когда русскіе полоненники ежегодно тысячами увлекались на басурманскую чужбину, продавались съ базаровъ Хивы и Самарканда пышнымъ вельможамъ Моголовъ, подолгу влачили рабское существованіе между язычниковъ, которые этимъ невольникамъ естественно представлялись симпатичнѣе и ближе обоюдныхъ господъ-мусульманъ, — незамѣтно возвращались иногда на родину съ претворенными взглядами на духовный міръ, съ иноземными предразсудками первобытно-жизненнаго свойства, со складомъ религіозныхъ умозрѣній, способнымъ нравиться нашему патриархально мыслящему простонародью. Вотъ откуда, вѣроятно, происходилъ упорный токъ странныхъ воззрѣній, исключительныхъ чувствъ, мистическихъ порывовъ, — пожалуй, и самозарожденныхъ въ глубинѣ русскаго сравнительно новѣйшаго сознанія, но едва-ли не подъ прямымъ вліяніемъ браминской Индіи. Не потому-ли теперь (да въ смутномъ видѣ и гораздо раньше) у насъ постепенно крѣпнеть стремленіе тѣснѣе соприкоснуться съ ней, больше узнать о ней, основательнѣе убѣдиться въ какомъ-то коренномъ сродствѣ (усилившимся благодаря хищному степному Турану) нашего пестраго по составу населенія съ еще значительно сложнѣйшими племенными элементами той Азіи, гдѣ таинственно пошелъ въ толпу посыпанный пепломъ нищій Шива и гдѣ выросъ историческій Будда?

Гостя въ Бенаресѣ, нельзя умолчать, какъ и почему отсюда распространилась религія кроткосердечнаго царевича изъ воинственнаго рода Шакіевъ. Они не были достаточно браманизированы, симпатизировали исконному населенію покоренной арійцами страны, чувствовали свою племенную и духовную связь съ дравидо-туранскими элементами. Непокорство по отношенію къ всеильной кастѣ жрецовъ, параллельно съ глубокой внутренней потребностью искать и найти въ себѣ Божество, порождали смуту въ умахъ индусовъ

двѣ тысячи пятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Толпа хотѣла приблизиться до неприступныхъ ей, окованныхъ кумиреннымъ мракомъ алтарей. Мудрецы отрицали самое существованіе сверхъ-естественнаго міра за гранями познаваемой тщеты явленій и бессмысленно-жалкой дѣйствительности. Соціально-религіозный кризисъ становился неизбежнымъ и вотъ тогда-то надъ сѣверной Индіей зазвучала проповѣдь одного изъ «тѣхъ», кто, по рельефному опредѣленію Фета:

. . . . давно въ кручинѣ жаркой,
Въ перегарѣ силъ,
Всю неволю жизни яркой
Втайнѣ отлюбилъ.

Идеализировать буддизмъ бесполезно. Въ немъ несомнѣнно можно подмѣтить мрачныя стороны, и христіанскимъ націямъ труднѣе чѣмъ какимъ-нибудь инымъ удовлетвориться его отвѣтами на вопросы бытія и небытія. Но на Востокѣ массы слѣпы и жаждутъ очарованія цѣлебными для больныхъ душъ рѣчами. Такія рѣчи съумѣлъ свое-временно произнести на берегу Ганга полулегендарный человѣкъ, именуемый Гаутама Будда, и онѣ нашли неожиданно-страстный откликъ въ разнообразнѣйшихъ слояхъ древней Индіи. Слова любви и правды впервые были восприняты мірянами тамъ, гдѣ теперь возвышается безформенная «ступа» (памятникъ специально буддійскаго типа для ознаменованія какихъ-либо благочестивыхъ поступковъ или помышленій) у незначительнаго прибенаресскаго пункта Сарнатъ. Затѣмъ и самый «священный» городъ, и брамины, и раджи точно нечаянно заслушались облекшагося въ смиреніе и нищету чуждаго фанатическихъ бредней царевича. Онъ же поучалъ собиравшихся вокругъ него и встрѣчавшихся ему на пути:

«Печальные, истомленные борьбой, согбенные отъ жизненныхъ золъ, приходите ко мнѣ, — и я покажу вамъ стезю мира, приму васъ въ мои объятія. Истинная дорога широка какъ небо: знатнѣйшіе и ничтожнѣйшіе люди, богачи и бѣдняки, старцы и молодежь, всѣмъ одинаково хватитъ мѣста идти ею.

«Помните, что плоть всегда стремится преобладать надъ духомъ: старайтесь подчинять ее поэтому правильному образу жизни, воздерживаясь отъ чрезмѣрно обильной и пряной пищи, принимая ѣду лишь въ установленные часы, избѣгая пѣсенъ, плясокъ, соблазнительныхъ увеселеній, драгоценныхъ уборовъ, благовоній, мягкихъ ложъ и т. п. Наипаче же остерегайтесь денегъ, этого корня большинства грѣховъ.

«Не задумывайтесь о завтрашнемъ днѣ. Трудитесь для совокупности человѣчества. Ради него пренебрегайте собственными выгодами, удобствами, эгоистическими заботами о душеспасеніи. Будьте бодры тѣломъ и мыслью: ни о комъ не помышляйте дурно, не возносите горделивыми мечтами, сохраняйте доброе настроеніе, несмотря ни на какое противодѣйствіе, и прощайте тѣмъ, кто наноситъ вамъ обиды.»

Въ такомъ направленіи проповѣдывалъ основатель буддизма, и неудивительно, если сердца слушателей наполнялись умиленіемъ, внимая его бесѣдамъ и наставленіямъ. Передъ нами лежитъ цѣлый рядъ странъ, куда проникло и гдѣ оставило извѣстный неизгладимый слѣдъ уступающее лишь христіанству гуманное ученіе Гаутамы. Начиная отъ Цейлона, гдѣ напитался мудрости распространитель этой вѣры на востокъ «сладкогласный» Будда-гоша, до Японіи и Забайкалья, куда пролегаютъ наши пути, — всюду будутъ попадаться храмы, построенные для прославленія того, кто возвѣщалъ о средствахъ безмятежнаго достиженія Нирваны, — всюду станетъ обступать народъ, лелѣющий въ душѣ его простые завѣты. Аріійская Индія въ сущности утратила буддистовъ, — отчасти изгнала, отчасти поработила ихъ браминству (чему значительно поспособствовалъ сокрушавшій все языческое

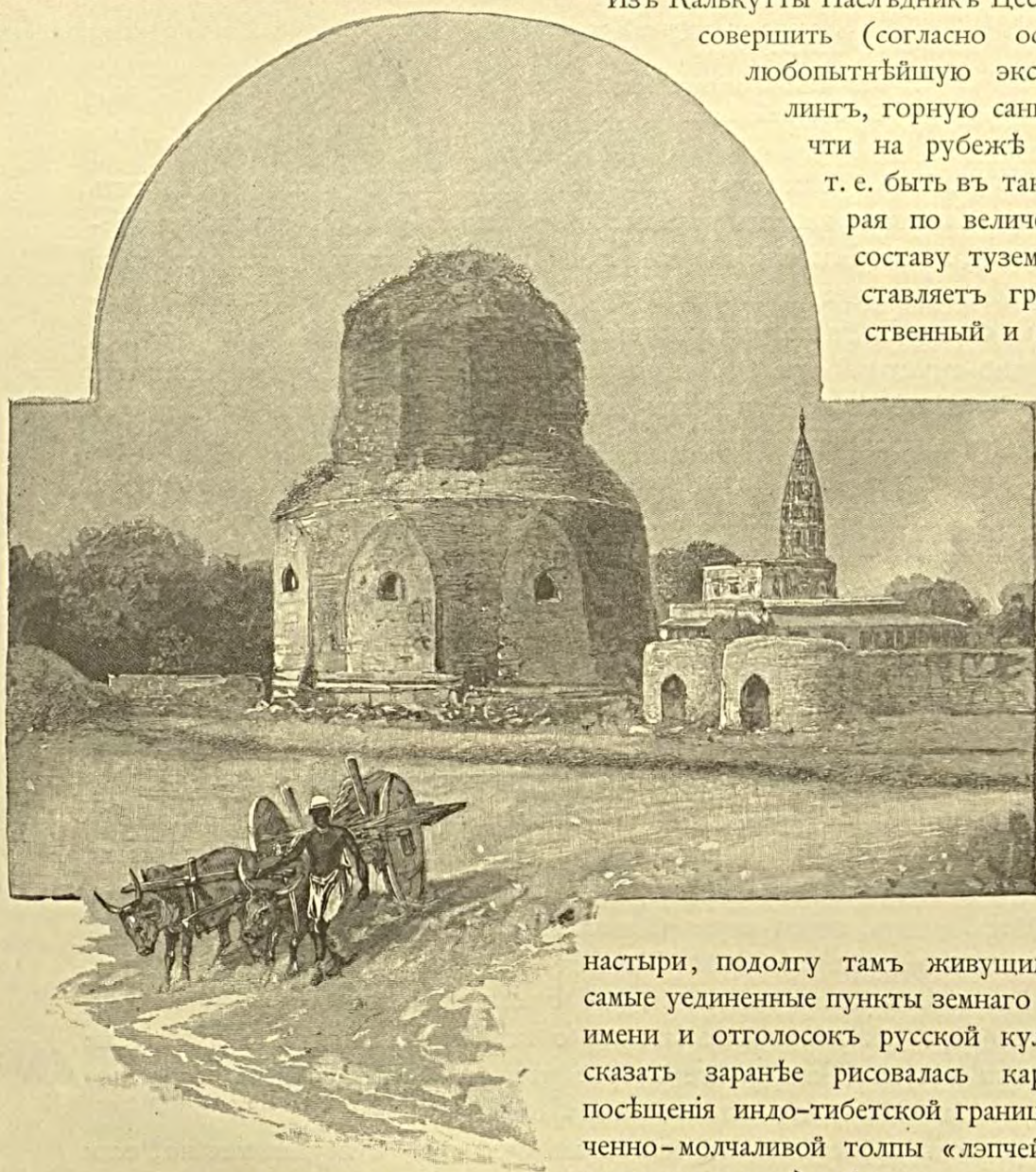
исламъ); но, выростая изъ нѣдръ страны, привлекательная для массъ религія признала цѣлый міръ за свою новую родину, пошла въ глубь и ширь азіатскаго материка съ его важнѣйшими островами, наложила на отдаленнѣйшіе отъ Ганга тропическіе и сѣверные (сибирскіе) края отпечатокъ индійскаго творчества, индійскаго міросозерцанія, индійскихъ понятій о мудрости и святости.

Изъ Калькутты Наслѣдникъ Цесаревичъ предполагалъ совершить (согласно основному маршруту) любопытнѣйшую экскурсію въ Дарджилингъ, горную санитарную станцію (почти на рубежѣ Сиккима и Тибета), т. е. быть въ такой мѣстности, которая по величественной красотѣ и составу туземнаго населенія представляетъ громаднѣйшій художественный и этнографическій ин-

тересъ, — интересъ для насъ — русскихъ тѣмъ болѣе жизненный, что владѣнія Далай-ламы, номинально признающія власть маньчжурскаго дома, фактически находятся въ сравнительно тѣсномъ общеніи съ нашими инородцами, безпрерывно посѣщающими тибетскіе ученѣйшіе мо-

настыри, подолгу тамъ живущими, разносящими въ самые уединенные пункты земнаго шара обаяніе русскаго имени и отголосокъ русской культуры. Мнѣ такъ-сказать заранѣе рисовалась картина Августѣйшаго посѣщенія индо-тибетской границы: среди сосредоточенно-молчаливой толпы «лэпчей» (подданныхъ сиккимскаго раджи) и бутанцевъ, среди далеко не случайныхъ гостей изъ Дашилхунбо (главнаго религіознаго центра въ южномъ Тибетѣ) и Лхассы благоговѣнно

стоятъ и незримо привѣтствуютъ Первенца своего Царя богомольцы-буряты или тунгусы изъ предѣловъ Иркутска и приамурскаго генераль-губернаторства. Никто ихъ не знаетъ и не подмѣчаетъ, никто не обратитъ даже вниманія на ихъ пристально устремленный радостный взоръ. Но пройдетъ пять мѣсяцевъ, и эти люди снова будутъ встрѣчать Дорогаго Путешественника на большемъ московско-сибирскомъ трактѣ, поклонятся Ему отъ избытка вѣрнопреданныхъ чувствъ, поднесутъ подарки съ тибетскими «священными»

САРНАТСКАЯ СТУПА.

начертаніями, ночью и днемъ стануть открыто молиться за Великаго Князя, отражающаго на себѣ (по инородческому убѣжденію) силу и доблесть Государя.

Въ виду весьма печальныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній о нездоровьи Е. И. В. Вел. Кн. Георгія Александровича проэктъ поѣздки къ подножію царственныхъ Гималаевъ, вѣроятно, окажется неосуществимымъ, такъ какъ фрегатъ «Адмиралъ Корниловъ», по Высочайшему повелѣнію, вскорѣ долженъ идти съ Нимъ въ Алжиръ, и Наслѣдникъ Цесаревичъ, конечно, вернется до этого въ Бомбей на «Память Азова».

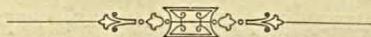
Достаточно, что удастся побыть и въ атмосферѣ Бенареса. Что за городъ внутреннихъ контрастовъ и психическихъ чудесъ! Недаромъ индусы не считаютъ его основаннымъ на землѣ, какъ обыкновенные города, а дивнымъ лотосомъ, распустившимся на кончикѣ трезубца Шивы. Оттого-то изъ жаркой Бирмы и съ сѣвернаго нагорья сюда стекаются жаждущіе святыни, неутомимые путники: наряду съ бродягами-нищими, очень состоятельные азіаты (быть можетъ, отчасти привлекаемые торговыми выгодами?), туземные сановники въ опалѣ, родовитые изгнанники и т. д. идутъ въ эту столицу шиваизма поправить дѣла, успокоить совѣсть, замолить грѣхи, наконецъ забыться. . . Несчетныя суммы денегъ расходуются здѣсь на богоугодныя постройки, на высокомѣрное жречество; особенно много тратится такимъ образомъ язычниками во дни ихъ именинъ (т.-е. во время празднествъ въ честь кумировъ, чье имя кто носить): брамины, по возможности, щедро одаряются серебромъ и рисомъ, между тѣмъ какъ слѣпые и калѣки не знаютъ отказа со стороны именинниковъ въ полученіи пищи. Прежній главный вождь маратовъ (Пэшва въ Пунѣ, сравнительно невдалекѣ отъ Конканскаго побережья) при подобныхъ принципіально обязательныхъ для него торжествахъ вручалъ бенаресскимъ бѣднякамъ сразу по нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Епископъ Хеберъ, — наблюдательностью и мнѣніями котораго европейцы дѣйствительно могутъ дорожить, — именно тутъ, стоя у Ганга, среди грубыхъ съ виду, иновѣрческихъ мольбищъ, почувствовалъ, что Богъ — и надъ этими пестрыми толпами, что Его невѣдомые избранники пребываютъ, пожалуй, и въ этой тѣмѣ. . . До того велика и животворна въ человѣкѣ сила милосердія!

Когда означенный архипастырь осматривалъ мѣстныя кумирни, народъ вѣнчалъ его гирляндами цвѣтовъ. Съ одинаковымъ радушіемъ встрѣчаютъ и провожаютъ наши сибирскіе инородцы-ламаиты искренно ими чтимыхъ Преосвященныхъ.

По любопытному замѣчанію Хебера, въ его время индусы почему-то ожидали приѣзда въ страну патріарха Цареградскаго.

На каждомъ шагѣ наталкиваешься на неожиданныя аналогіи, невольно обобщаешь самые разрозненные факты, смотришь на окружающій восточный міръ «инымъ, прозрѣвшимъ окомъ». Безконеченъ Великокняжескій путь окраинами Азіи и необъятнымъ просторомъ Сибири. Когда только помыслишь о томъ, что еще ждетъ и манитъ впереди, — не хватаетъ фантазіи, не хватаетъ умѣнья и знанія все схватывать, все понимать.

Часть тому назадъ у Ихъ Высочествъ былъ съ визитомъ махараджа бенаресскій. Его Августѣйшіе Гости, въ свою очередь, изволятъ вскорѣ отправиться къ нему и на осмотръ города съ рѣки. Коляски поданы. Раскрой намъ какую-нибудь новую тайну, поясни намъ трепетомъ жизни окаменѣлую старину, царственная Индія, — магическая Индія суроваго обряда и дѣтской вѣры!

НА ГАНГЪ.

Востокъ... Заря святынь, завѣщанныхъ вселенной!
Союзъ луны и звѣздъ въ ночи священныхъ рѣкъ:
Лишь тамъ — въ огнѣ молитвъ, въ тоскѣ неизрѣченной
Предъ ликомъ Божества томится человѣкъ.

Большое пространство, опоясывающее Бенаресъ, считается наравнѣ съ нимъ священнымъ. Оно пересѣкается чтимою богомольцами дорогою (Панчъ-Коси), которая ни въ одномъ пунктѣ не отдаляется отъ города выше какъ на 17—18 верстъ. По ней разсыпаны безчисленные маленькія кумирни. Населяющіе ихъ истуканчики, по мнѣнію толпы, неусыпно пекутся о благостояніи, чистотѣ и устойчивости сосѣдняго религіознаго центра. Полоса связывающаго ихъ пути сама по себѣ обладаетъ поэтому чудесными свойствами. По бокамъ ея (за чертой бенаресскаго округа) — земля какъ земля. Прахъ же «Панчъ-Коси» есть уже святыня. Шествующіе по ней, обитающіе между нею и прибрежными мольбищами — тѣмъ самымъ спасаются, чувствуютъ себя внутренно обновленными. Даже мусульмане и европейцы, даже тяжкіе преступники и презрѣннѣйшіе паріи проникаются здѣсь на мѣстѣ «божественной атмосферой», осянаются Шивою, становятся желанной частицей гордаго браминскаго міра. И здѣшніе горожане находятъ нужнымъ, на благо душѣ и тѣлу, по крайней мѣрѣ дважды въ годъ пройти босыми ногами (предварительно искупавшись) по знаменитой дорогѣ. Ъхать по ней не подобаешь: ни возрастъ, ни положеніе не даютъ права воспользоваться повозкой, осломъ, конемъ, верблюдомъ, слономъ. Только больные и калѣки прибѣгаютъ къ чужой помощи для передвиженія.

Совершающимъ переходъ запрещено жевать пряные листики, до которыхъ индусы такіе охотники, брать у кого-нибудь пищу или воду, ссориться, браниться и т. д.

О поддержкѣ «Панчъ-Коси» заботятся англійскія власти, охотно простершія бы свое вмѣшательство и въ неурядицу переполненныхъ народомъ улицъ «города боговъ»,

чтобы какъ-нибудь оздоровить его, правильнѣе обстроить и распланировать, наконецъ шире открыть его не одному санитарно-полицейскому, но и политическому надзору, ибо тутъ, безъ сомнѣнія, многое дѣлается, замышляется и затѣмъ отсюда незамѣтно распространяется по странѣ, чего «бѣлые владыки» не доискиваются въ корнѣ или о чемъ черезъ чуръ поздно узнаютъ.

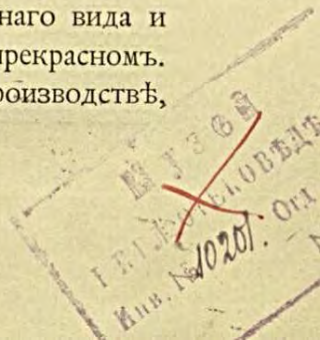
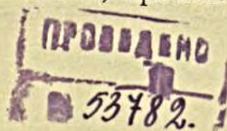
Августѣйшіе путешественники направляются изъ загороднаго дворца въ окрестности Бенареса. По дорогѣ мелькаютъ лавки, незатѣйливыя мастерскія, группы ремесленниковъ у бѣднаго жилья. Изъ производствъ наиболѣе бросаются въ глаза издѣлія туземныхъ мѣдниковъ, которые справедливо извѣстны по цѣлой Индіи, такъ какъ вполне удовлетворяютъ широкимъ потребностямъ массъ, стекающихся къ Гангу для обрядовыхъ омовеній и запасанія его водою. Сосуды, употребляемые для этого, чаши и блюда, подсвѣчники и лампы, колокольчики и курильницы, особенно же такъ-называемыя «лоты» (своего рода кувшины и тазы) красиво отчеканиваются и весьма любопытны тысячекратно выдержанностью своихъ изящныхъ формъ. Диковинная страна какъ-бы сохраняетъ въ мельчайшихъ подробностяхъ доисторическія очертанія внѣшняго быта, подобно нѣдрамъ земли, гдѣ окаменѣлыми наслоеніями покоятся давно отжившія флоры и фауны. Въ традиціонномъ начертаніи религиозныхъ символовъ и божественныхъ образовъ на мѣди своей обыденной утвари индусъ естественно видитъ родную глубочайшую старину, читаетъ священную для него міѳологическую повѣсть.

Городъ, излюбленный Шивой, не только является какъ-бы Меккою индуизма и Аѳинами браминской учености, но и мѣстнымъ Бирмингхамомъ, хотя и сильно павшимъ за нынѣшнее столѣтіе отъ западнаго губительнаго вліянія.

Золото, серебро, желѣзо искусно и дешево обрабатываются терпѣливо-прилежною рукой, тщательно и со вкусомъ орнаментируются, испещряются узорами — тонкими, точно жилки растений, и причудливо нѣжными, точно пестрыя крылушки птицъ. Кромѣ того, тутъ изготовляются въ большомъ количествѣ не уступающія ахмедабадскимъ парчевыя ткани, шелка, муслинъ, чепраки и сѣдла, оружіе съ дорогою насѣчкой и т. п. Скопленіе богомольцевъ въ нѣкоторыя времена года, — причѣмъ первые крѣзы страны или сами наѣзжаютъ сюда, или присылаютъ блестящихъ представителей, — конечно, сторицей окупаетъ, а главное окупало въ прежнюю, болѣе цвѣтущую пору благородный трудъ горожанъ, посвятившихъ себя тайнамъ древней металлургіи, при помощи однихъ примитивнѣйшихъ инструментовъ (маленькихъ молоточковъ или даже часто простыхъ гвоздей), благодаря врожденной чуткости въ дѣлѣ возсозданія художественныхъ предметовъ, надъ которыми нерѣдко внимательно сидятъ бокъ-о-бокъ и сѣдой старикъ въ очкахъ, и способный мальчугашечка, съ дѣтства присмотрѣвшійся къ занятіямъ своей касты.

Когда видишь вблизи работу бенаресскихъ мѣдниковъ (а намъ ее приносили показывать на веранду дома махараджи), положительно любишься ея прочностью, цвѣтомъ и звучностью чекана, — что объясняется качествами сплава, который состоитъ изъ ртути, цинка, олова, жести, желѣза, мѣди, золота и серебра. За то какой тѣмбръ, какіе отливы! Немудрено, если покупателями оказываются, между прочимъ, Европа и Америка.

Въ числѣ подобныхъ вещей, предназначаемыхъ для сбыта, не послѣднее мѣсто занимаютъ различныя принадлежности языческаго культа и божки всевозможнаго вида и величины, далеко не отвѣчающіе западнымъ понятіямъ о возвышенномъ и прекрасномъ. Правда, что и работаютъ они въ массовомъ количествѣ, причѣмъ въ этомъ производствѣ,

въ свою очередь, одинаково заинтересованы столяры, каменщики, даже гончары, лишь на сутки лѣпящіе идоловъ изъ глины! Вѣрующіе имъ молятся и потомъ тотчасъ топятъ куски такого обожествленнаго вещества.

Наши коляски катятся мимо громаднаго и довольно пышнаго зданія (въ смѣшанномъ: не то готическомъ, не то индо-мавританскомъ стилѣ). Это — одно изъ важнѣйшихъ правительственныхъ училищъ для туземцевъ, образовавшееся изъ первоначально здѣсь основанной британскими властями специальной школы санскритовѣдѣнія и преуспевающее уже въ теченіе ста лѣтъ. За послѣднее время число слушателей возросло до семисотъ, подъ вліяніемъ талантливаго директора Griffith и ориенталиста Arthur Venis.

Весьма кстати вспомнить, что этотъ разсадникъ знаній существуетъ чуть-ли не на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ браминскіе мудрецы Капила и другіе развивали каждый свою сложную философскую систему, а великій грамматикъ Панини намѣчалъ дивныя опредѣленія «стройной рѣчи боговъ и Ведъ». Какъ-бы для большей иллюзіи, за стѣнами училища виднѣтся странный высокій монолитъ очень давняго періода, перевезенный сюда съ обломками изваяній изъ Сарната и аналогичныхъ съ нимъ по значенію окрестностей, нынѣ почти забытыхъ исторіей и оживляемыхъ лишь проблесками археологическихъ открытій.

Минуя городъ, мы ѣдемъ садами и невзрачной равниной. Слѣва выдѣляется ограда какой-то кумирни съ красно-голубою кровлей. Крики обезьянъ слабо долетаютъ оттуда до нашего слуха. Два-три уродливыхъ рыжеватыхъ животныхъ даже выглядываютъ изъ-за обрамляющихъ ее деревьевъ на дорогу. Тамъ — извѣстнѣйшее капище «кровожадной» Дурги, вокругъ котораго въ волю тунеядствуютъ сотни человѣкоподобныхъ тварей, пользующихся со стороны индусовъ и почетомъ, и лаской, что выражается щедрыми приношеніями и непротивленіемъ всякому безчинству обезьянъ, когда онѣ предпринимаютъ грабительскіе походы на сосѣднее, а то и на дальнее жилье.

Послѣднія долго считались почти неприкосновенными, но съ нѣкоторыхъ поръ благоразуміе жрецовъ беретъ верхъ надъ пошлыми суевѣріями, и «двуногихъ» тварей по ночамъ стараются сплавлять цѣлыми стадами въ джонгли за рѣку.

Отсюда царю Соломону какъ рѣдкость добывали павлиновъ и обезьянъ! На порогѣ индійскаго рая, т. е. у струй Ганга, бенаресскія представительницы близкой людямъ породы могли казаться еще оригинальнѣе и забавнѣе, еще сверхъестественнѣе по своимъ качествамъ, чѣмъ болѣе дикія чада лѣсовъ...

Августѣйшіе путешественники переправляются на правый берегъ священнаго тока водъ, гдѣ на крутомъ обрывѣ (въ 7 в. отъ города) раскинутъ Рамнагаръ, резиденція по титулу одноименнаго съ городомъ махараджи, который однако не имѣетъ владѣній и живетъ близъ него, какъ частный человѣкъ. Громкій санъ его отнюдь не соотвѣтствуетъ скромному дѣйствительному положенію. «Владыка Бенареса», «подобіе одного изъ Царей-Волхвовъ», притекшихъ по преданію за таинственной звѣздой съ Востока поклониться Предвѣчному Младенцу, — едва-ли не единственный въ странѣ «князь браминской крови» (хотя и касты низшаго подраздѣленія), находясь непосредственно около духовнаго центра

Индіи (въ сущности при довольно убогой внѣшней обстановкѣ) производитъ и долженъ производить на пришельцевъ съ Запада скорѣе печальное и тяжелое впечатлѣніе. . . .

Конечно, время — безжалостный палачъ, но когда оно уничтожаетъ или умаляетъ матеріальныя созданія духа человѣческаго, съ фактомъ забвенія или съ величіемъ многихъ руинъ еще миришься и даже порою проникаешься къ нимъ благоговѣніемъ: если однако жизненные формы — тѣ же, но въ каррикатурномъ видѣ и неестественномъ освѣщеніи — наше мыслящее «я» противъ воли протестуетъ отъ сознанія, какъ обидна дѣйствительность. . . Нѣчто похожее приходится испытывать, напримѣръ, сегодня, приближаясь къ декорированной пристани махараджевыхъ палатъ, надъ которой заняли ведущую въ гору тропу три-четыре слона, столь необходимые съ точки зрѣнія индійскаго оффиціального приѣма.

Рамнагаръ! Въ наши дни — пустое, хотя и звучное названіе старой крѣпости, гдѣ когда-то (да, впрочемъ, и недавно — при великомъ государственномъ дѣятелѣ прошлаго вѣка, Уорренъ Гастингсъ) туземные представители браманизированнаго народа мнили себя самостоятельными и непобѣдимо-властными! Положимъ, ихъ иногда (съ XII в.) громилъ исламъ, положимъ, близость европейцевъ ощущалась съ каждымъ вѣкомъ замѣтнѣе; но сильные иллюзіей своего прежняго случайнаго могущества (правда, въ очень тѣсномъ районѣ!) и относительнаго значенія, предшественники нынѣшняго развѣнчаннаго князя держались здѣсь еще надъ толпой въ видѣ чего-то органически съ нею связаннаго и какъ-бы устойчиваго.

Около 1780 года богатый мѣстный махараджа Чейтъ-Сингъ, уплатившій сотни тысячъ червонцевъ поддерживавшей его противъ соперниковъ остъ-индской компаніи, наконецъ утомился постоянными требованіями о присылкѣ непомѣрно крупной дани (подъ конецъ съ него спросили сразу — въ видѣ жестокой, несправедливой пени — пять милліоновъ рублей) и отказался выставять въ пользу англичанъ болѣе 1000 сипаевъ. Уорренъ Гастингсъ тогда прямо отправился съ конвоемъ къ строптивому туземному правителю, и, несмотря на то, что этотъ его встрѣтилъ далеко на дорогѣ и въ знакъ дружелюбія положилъ ему на колѣни свою чалму, предательски велѣлъ арестовать князя на зарѣ въ его собственномъ дворцѣ.

Ясно, какъ возмутилась бенаресская чернь: цѣлые сонмы тихихъ богомольцевъ вооружились, сплотились, двинулись на выручку популярнаго среди нихъ Чейтъ-Синга. Свыше двухъ или трехсотъ солдатъ калькутскаго генераль-губернатора (цифра огромная для того періода и даже теперь!) кровью заплатили за нанесенную обиду. Махараджа успѣлъ бѣжать во время смятенія, спустившись со стѣны, на нѣсколькихъ скрѣпленныхъ вмѣстѣ повязкахъ, въ лодку на рѣкѣ. Когда распространилась вѣсть объ его освобожденіи, незлобивые индусы отступили въ городъ, продолжая однако собираться скопищами, на случай нападенія со стороны Уорренъ Гастингса.

Чейтъ-Сингъ писалъ ему, прося забыть о кровопролитіи. Сосѣдняя Индія волновалась. До царства Оуда доходило негодованіе населенія, — и тѣмъ не менѣе, стоило остъ-индской компаніи послать къ Бенаресу отрядъ настоящихъ войскъ, и тридцатитысячная громада добровольныхъ защитниковъ махараджи разсѣялась. Тщетно взывалъ Чейтъ-Сингъ въ посланіяхъ къ другимъ единоплеменнымъ властителямъ: «Мои поля обработаны, мои деревни переполнены жителями, мое княжество — цвѣтушій садъ, мои подданные благоденствуютъ. Въ мой Бенаресъ стекаются важнѣйшіе въ странѣ купцы, вѣря въ то, что собственность тутъ обезпечена. Сокровища маратовъ, сикховъ, джатовъ и отдаленнѣйшихъ расъ Индіи скопляются въ чертѣ моего города. Сюда безбоязненно

идутъ (подъ покровъ святынь) и вдовы, и сироты. Въ моихъ владѣніяхъ путникъ вездѣ спокойно слагаетъ съ плечъ ношу и, не зная опасеній, отдыхаетъ. Посмотрите рядомъ съ тѣмъ, въ какомъ положеніи находится край, завоеванный англичанами: голодомъ и нищетой, разбойничьими подвигами, заброшенными пашнями, вымершимъ жильемъ, — вотъ чѣмъ онъ отмѣченъ въ глазахъ наблюдателя. Этимъ иноземцамъ мало было разорять меня: они пожелали моихъ земель, моей крѣпости, моей чести, моей бѣдной семьи. Воспрянемъ, друзья! Изгонимъ хищныхъ пришельцевъ! Это — общее дѣло, за которое слѣдуетъ постоять.»

Въ результатѣ Рамнагаръ окончательно достался Уорренъ Гастингсу, и въ княжескихъ кладовыхъ нашли около 2½ милліоновъ рублей. Какъ щедро тогда себя вознаграждали участники такихъ походовъ, видно, напр. изъ слѣдующаго: начальникъ отряда маіоръ Пофамъ взялъ изъ конфискованнаго имущества лично для себя 360,000 р., прочіе офицеры — отъ 40 до 56,000, солдаты — до 14,000 каждый! Развѣ удивительно послѣ того слышать, что Индія, при всей мудрости господствующихъ въ ней порядковъ, *de facto* опустошена, изсякаетъ въ самыхъ корняхъ: отъ перехода богатствъ въ чужія руки? Остъ-индская компанія, не удовольствовавшись захватомъ стратегически жалкой твердыни, вскорѣ отобрала еще тридцать милліоновъ рублей у двухъ вдовствующихъ султаншъ царства Оудъ, какъ-бы въ наказаніе за сочувствіе протестовавшимъ у Бенареса. Но такого рода симпатіи были въ сущности совершенно естественны въ виду долгой общепризнаваемой политической связи здѣшнихъ махараджей съ могущественнымъ Лэкноу. Англійскія власти лишь въ 1775 г. оттягали себѣ право на нѣкотораго рода главенство надъ важнѣйшимъ центромъ индуизма.

Чейтъ-Сингъ тщетно пытался усидѣть (въ 85 в. къ югу отъ Бенареса) въ своемъ укрѣпленномъ замкѣ Биджиргаръ, затѣмъ скрылся въ горы области Бунделькундъ и умеръ двадцать лѣтъ спустя изгнанникомъ у Гваліора, памятуя, какъ его брошенный въ Рамнагарѣ гаремъ съ 300 женщинъ грубо обыскивали иноземные солдаты, какъ съ его плѣнной матери снимали украшенія, какъ съ неповиннаго города взыскали еще четыре милліона рублей контрибуціи. Эта столь любопытная и столь понятная намъ Азія черезчуръ богата случаями однороднаго характера!

Августѣйшихъ путешественниковъ встрѣчаетъ у пристани его высочество махараджа бенаресскій Прабу Нараянъ Сингъ со старшимъ взрослымъ сыномъ: они — потомки юноши-племянника Чейтъ-Синга, котораго Уорренъ Гастингсъ намѣтилъ послѣднему въ номинальные преемники, отобравъ однако всякую власть и назначивъ сюда въ окрестности особаго полномочнаго резидента.

Развѣнчанная династія изъ «браминскаго Іерусалима» еще обладаетъ очень хорошими средствами, довольно значительными помѣстьями, правомъ на салютъ въ 13 выстрѣловъ со стороны королевскаго правительства.

При отсутствіи честолюбивыхъ стремленій, она живетъ (уже долѣе вѣка) внѣ внутренней борьбы, волнуемой Индію. Съ тѣхъ поръ здѣсь въ центрѣ дважды убивали англійскихъ чиновниковъ, вспыхивалъ въ 1857 г. мятежъ, въ молчаливомъ негодованіи морилъ себя голодной смертью народъ (что считается грознымъ нравственнымъ явленіемъ, коего послѣдствія, согласно мѣстнымъ суевѣріямъ, всецѣло должны ложиться на вызвавшихъ его); но въ Рамнагарѣ царили видимая тишина и довольство. Священные струи Ганга,

несущаго въ знойныя моря «снѣжную» тайну заоблачно-дивныхъ Гималаевъ, словно убаюкали и смирили наслѣдниковъ Чейтъ Синга.

Въ посѣщаемую Наслѣдникомъ Цесаревичемъ крѣпость достопамятнѣйшимъ гостемъ прїѣзжалъ раньше, къ дядѣ нынѣшняго князя, принцъ Уэльскій, вступившій на этотъ берегъ въ вечернее время, при ослѣпительномъ блескѣ серебряныхъ факеловъ и эффектной иллюминаціи рѣчнаго обрыва.

Ихъ Высочества направляются къ рамнагарскимъ палатамъ съ окружающимъ ихъ городкомъ, сидя на слонахъ, лѣниво переваливающихся на пути въ гору. У воротъ и во дворѣ, близъ «краснаго крыльца» стоитъ немногочисленная стража въ убогомъ средне-вѣковомъ вооруженіи. Подобіе почетнаго караула въ панцыряхъ вызываетъ въ европейцѣ понятное изумленіе. Вступая-же въ дворцовыя залы, обставленныя отчасти на европейскій ладъ, ощущаешь какое-то смѣшанное чувство горечи и разочарованія.

Но вотъ передъ возвышенными сѣдалищами махараджи и его Гостей заунывно дрогнули звуки туземной плясовой музыки. Три старыхъ безцвѣтныхъ баядерки медленнымъ хороводомъ двинулись вдоль «троннаго» покоя. . . Съ миѳическихъ временъ въ странѣ принято тѣшить взоры властителей граціею дѣвушекъ, отдавшихъ себя на служеніе хореографическому искусству. Сами боги любятъ въ недостижимыхъ чертогахъ совершенно аналогичною пляскою сверхъ-естественныхъ прекрасныхъ существъ. Бенаресь издревле славится баядерками, которыхъ даже выписываютъ въ отдаленнѣйшія части Индіи. Въ Рамнагарѣ, конечно, нельзя — несмотря на поверхностный отпечатокъ новѣйшей цивилизаціи — обойтись безъ танцевъ («научъ»), почти обязательныхъ въ каждомъ случаѣ высокотожественнаго пріема.

Затѣмъ идетъ традиціонное увѣнчиваніе гирляндами, поднесеніе розовой воды или какой-то иной благовонной эссенціи. Августѣйшіе путешественники со свитой снимаются вмѣстѣ съ радушнымъ хозяиномъ, большимъ любителемъ фотографіи. Первая группа сдѣлана на террасѣ дворца, вторая — у главнаго подъѣзда: на слонахъ. Махараджа показываетъ Имъ охотничьи трофеи (особенно массы тигровыхъ шкуръ) и бездѣлушки изъ слоновой кости, составляющія настоящую коллекцію образчиковъ превосходной туземной рѣзбы, приглашаетъ отправиться за рѣку, въ свой заповѣдный лѣсъ, изобилующій звѣрьемъ и дичью. Прабу Нараянъ — одинъ изъ видныхъ спортсменовъ Индіи.

Намъ остается замкнutoй и даже въ общихъ чертахъ неуловимой домашняя, такъ-сказать духовная жизнь этого симпатичнаго князя. Тамъ, за стѣнами дурбарной залы (гдѣ-то надъ пристанью) есть, какъ говорятъ, интереснѣйшій храмъ въ честь Ведавіаса, чудеснаго собирателя ведаическихъ пѣснопѣній и заклинаній, который по дорогѣ въ Бенаресь, приближаясь къ цѣли странствованія (къ столь великой святынѣ!) вдругъ умилился и рѣшилъ, что съ него достаточно счастья дойти до Рамнагара. Тутъ онъ освятилъ берегъ, считавшійся гораздо менѣе благополучнымъ, чѣмъ противоположный, и учредилъ праздничное богомолье съ января на февраль, съ цѣлью привлечь отовсюду (между прочимъ, также изъ «гордаго» сосѣдняго города) индусовъ, жаждущихъ обряда и очищенія.

Жарко и свѣтло на царственномъ Гангѣ. Огромная пестро раскрашенная баржа подъ тентомъ, съ деревянными примитивной работы конями на носу, плавно скользитъ по направленію къ скученнымъ храмамъ и зданіямъ центра браминскихъ божествъ. Мы почему-то не видѣли (въ Рамнагарѣ) созданную для культа махараджи мраморную статую

женскаго генія рѣки, по которой насъ катитъ теченіе. А жаль! Оригинальный кумиръ, по описанію осматривавшихъ его, изображенъ въ діадемѣ и возсѣдаетъ на изваянномъ крокодилѣ, являющемся эмблемою этихъ самыхъ водъ. У богини — 4 руки: въ одной — лотосъ, въ другой — «лота» (металлическій сосудъ), третья просто опущена, четвертая слегка приподнята. Дравидо-арійское творчество такъ много подразумѣваетъ подъ символической фигурой дочери горъ, — единственной въ своемъ родѣ «Ганги» (отъ санскритскаго *gam* — идти), что, дѣйствительно, съ разныхъ точекъ зрѣнія любопытно было бы всмотрѣться въ нее, приступая къ бѣглому обозрѣнію таинственнѣйшаго изъ азіатскихъ городовъ.

Отчего она пользуется такимъ значеніемъ и обаяніемъ? Откуда могла возникнуть столь пламенная вѣра въ ея магическія свойства? Что въ поклоненіи «божественной» рѣкѣ достойно размышленія, истолкованія?

Влага вообще чтится на Востокѣ. Культъ змѣй, по всей вѣроятности, связанъ съ первобытными представленіями о струящейся водѣ. Веды именуютъ животворные водяные токи богинями, «матерями земли». Гдѣ природа — мачиха, если нѣтъ орошенія; тамъ человѣкъ естественно поклоняется олицетворенному источнику плодородія. Кто же болѣе Ганга подходитъ въ умѣ индусовъ къ олицетворенію щедротъ по отношенію тружениковъ-пахарей, изъ которыхъ въ сущности состоитъ девять десятыхъ населенія страны?

На протяженіи тысячъ верстъ онъ его питаетъ и раститъ. Цѣлыя поколѣнія лѣпятся на увлажжаемой имъ почвѣ, такъ-сказать исключительно по милости его утучняющаго ила и никогда неизсякающихъ струй. Дѣтище Гималаевъ вообще гораздо полноводнѣе благодѣтельнаго Нила, и притомъ, въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ не имѣется близкой подпочвенной влаги, гдѣ нѣтъ хорошихъ колодцевъ.

Образуясь въ далекихъ горахъ почти недосягаемаго сѣвера, важнѣйшая индійская рѣка сначала порывисто устремляется отъ роднаго ледника, съ высоты 13,800 футовъ надъ уровнемъ моря. Міросозерцаніе браманистовъ какъ-то невольно поэтизируетъ происхожденіе Ганга изъ чуждыхъ знойному югу снѣговъ. Вишнуиты убѣждены, что онъ пробивается наружу въ «Вайкунтѣ», наилуччезарнѣйшемъ раю ихъ бога, брызнувъ изъ-подъ его чудотворной стопы. Шиваиты, напротивъ, рисуютъ ищущую воплощенія рѣку спускающеюся съ неба по окованнымъ стужею волосамъ ихъ завѣтнаго божества; страшный Шива, застывшій (среди заоблачныхъ чертоговъ своего «Кайласа») въ созерцаніи мертваго простора вокругъ горныхъ окрестныхъ вершинъ, точно вошелъ вдругъ въ положеніе жаждущихъ пробужденія полуденныхъ странъ и является проводникомъ творческаго тока водъ, низвергающихся съ головы и плечъ этого настоящаго владыки вселенной: правда, онъ разрушаетъ, но онъ же первоначально и способствуетъ всякому созиданью.

Рѣка, по которой скользитъ барка Гостей бенаресскаго махараджи, считается чуть-ли не самой священной въ Индіи. Недаромъ, есть даже большой народный праздникъ (Дасахара), исключительно памятующій нисхожденіе ея съ небесъ. Исккупаться въ ней тогда, принося въ жертву цвѣты и злаки, значитъ загладить грѣхи десяти предъидущихъ существованій. Впрочемъ, брамины, обитающіе на берегахъ Нэрбуды (въ Декканѣ) и Кавери (на югѣ, въ Мадрасскомъ президентствѣ), почему-то предсказываютъ, будто обаяніе Ганга вскорѣ исчезнетъ и перейдетъ къ двумъ послѣднимъ, какъ обладающимъ еще болѣею способностью очищать отъ грѣховъ. Пока, однако, нѣтъ осязательныхъ доказательствъ тому, чтобы подобный переворотъ во внутренней жизни края дѣйствительно совершился. Милліоны богомольцевъ по прежнему наводняютъ нѣкоторые особенно

излюбленные пункты исцѣляющей и духовно возрождающей рѣки, уносятъ отсюда въ даль сосуды съ ея влагой, освѣжаютъ ею запекшіяся уста тяжело больныхъ и умирающихъ. Постоянно находятся ревнители «хожденія съ молитвой вдоль Ганга», (что называется «Прадакшина») отъ истоковъ до устьевъ и обратно по противоположному побережью. Иные индусы, путешествуя такимъ образомъ, послѣ cadaго шага падаютъ ницъ, затѣмъ ступаютъ впередъ, начиная съ мѣста, котораго только-что коснулись челомъ, опять ложатся на землю и т. д. Подобный подвигъ-переходъ въ совокупности продолжается нерѣдко шесть мучительныхъ лѣтъ. Одинаково поступаютъ сѣверные буддисты (ламаиты), бесконечно много времени затрачивая на посѣщеніе своихъ крайне разбросанныхъ религіозныхъ центровъ. При этомъ нерѣдко проходится тотъ же искусь.

Не довольствуясь существованіемъ видимаго Ганга (длиною въ 3000 верстъ), туземцы повсюду въ странѣ ищутъ незримой связи различныхъ водоемовъ съ его великимъ лономъ. Кто глубоко вѣрилъ въ нее, силой упованія могъ по преданію притягивать, куда угодно, подземное теченіе неисчерпаемой рѣки. Вотъ отчего частицами ея признается въ Индіи немало колодцевъ, изъ коихъ едва-ли не самый извѣстный находится въ Гангакандапурѣ (въ округѣ Тричинополи, Мадрасскаго президентства).

Передъ Августѣйшими путешественниками развѣртывается одно изъ любопытнѣйшихъ и во всякомъ случаѣ единственное по своеобразности зрѣлище въ мірѣ. Архаическій Бенаресъ, очагъ языческихъ вѣрованій и совершенно недоступныхъ европейцу взглядовъ на жизнь, встаетъ вдоль побережья, блистая свѣтло-сѣрыми громадами своихъ храмовъ и чертоговъ. На противоположной отъ него сторонѣ спокойно-широкаго Ганга тянутся желтые пески. Здѣсь же, гдѣ медленно движется наша барка, рѣка величавымъ изгибомъ заворачиваетъ къ «городу боговъ», городу обоготворяемаго солнца и кумиренной тайны... Глухо несется съ высокой террасы близкаго капища, надъ сосѣднимъ обрывомъ, мѣрный звукъ гонга, о чемъ-то говорящій сбѣгающей толпѣ. Что это за пестрый по составу народъ! Какъ безыскусно сочетается въ немъ жгучее любопытство при встрѣчѣ Русскаго Престолонаслѣдника съ неудержимой потребностью единовременно служить религіозному чувству!.. Оживленныя группы горожанъ и смѣшанныхъ съ ними богомольцевъ наполняютъ узкія набережныя и гигантскія лѣстницы («гаты»), спускающіяся къ «священной» рѣкѣ. Многія изъ нихъ — въ періодѣ разрушенія, равно какъ и нѣкоторыя сооруженія, слишкомъ непосредственно склонившіяся у крутизны надъ лѣнивымъ бѣгомъ мутныхъ струй. Серебристо-хрустальный на своей родинѣ токъ спасительныхъ водъ, по мѣрѣ удаленія отъ Гималаевъ, замедляетъ порывистое теченіе, мѣшается съ прахомъ, проникается цвѣтомъ матери-земли, и тише катитъ къ морю щедро-плодоносныя, но уже весьма невзрачныя волны. Для индуса, однако, эта влага одинаково чудотворна. Густыя вереницы женщинъ, дѣтей, стариковъ, людей всякаго возраста и состоянія движутся вверхъ и внизъ по широчайшимъ ступенямъ, ведущимъ къ лону Ганга: кто набожно и подолгу погружается въ него, кто безъ умолку шепчетъ традиціонныя молитвы, остановившись тутъ же рядомъ въ блаженномъ экстазѣ, — кто черпаетъ воды въ тяжелый кувшинъ, кто тянетъ за собой или поддерживаетъ еле бредущаго больнаго. Лысый, пожилой человѣчекъ въ зеленомъ плащѣ равнодушно пригнулъ въ тѣни огромнаго соломеннаго зонта, какихъ много вдѣлано на бенаресскомъ берегу. Хрупкій маленькій мальчикъ, съ мягкими задумчивыми глазками, — въ бархатной

шапочкѣ, шитой золотыми цвѣтами, — повидимому поджидаетъ мать, совершающую обычныя религіозныя омовенія. Здѣсь, у Ганга, для купающихся нѣтъ кастъ и предразсудковъ, нѣтъ желѣзнаго гнета внѣшнихъ условій, которыя почти всегда требуютъ отъ каждаго браманиста, а тѣмъ болѣе отъ мѣстнаго слабого пола соблюденія строго опредѣленныхъ жизненныхъ формъ. Стыдливая и полоненная теремомъ супруга знатнаго туземца, отродясь не показывавшая ни одному чужому мужчинѣ своего лица, у «гаты» свободно и безбоязненно снимаетъ съ чела покрывало: вѣдь поступая такимъ образомъ и входя въ желанный, вѣчно дорогой Гангъ, сопричисляешься небожителямъ, не можешь и въ помышленіяхъ согрѣшить, отождествляешься съ существами высоко-чистыми и непорочными! Погружающіеся въ рѣку вполне соблюдаютъ должное приличіе. Обнаженныхъ тѣлъ нигдѣ не замѣчаешь. Рѣдко если бородатые купальщики, по поясъ стоя въ водѣ, распахнуть на груди мокрое одѣяніе.

Сегодня, по индійскимъ понятіямъ — сравнительно прохладный день. Долгое пребываніе въ рѣкѣ навѣрно ощутительно отзывается на ревнителѣхъ и ревнительницахъ, но они бодро переносятъ ознобъ и не торопятся сушиться на берегу. Ветхая, сѣдовласая старуха, съ прилипшими къ ея оставу складками алой ткани, словно выросла въ иль у залитой на половину часовенки, вокругъ которой тѣснится жаждающая омовеній толпа, — а надъ послѣдней поминутно вспархиваютъ голуби или вороны, взлетаютъ коршуны-стервятники, льетъ свои зимніе лучи безучастное къ этой земной суетѣ тускло-бирюзовое небо.

Зданія, составляющія безконечную набережную Бенареса, въ сущности являютъ изъ себя сплошную вереницу башенъ и стѣнъ необыкновенной крѣпости и высоты. Золотистые каменные фасады, отражающіе трепетъ солнца, многоэтажны и вообще давятъ размѣрами, потому что каждая пядь земли надъ лономъ «священной» влаги дороже драгоценныхъ металловъ и преисполнена мистическаго значенія. Всякому раджѣ или богачу-браминисту лестно построиться или просто поселиться въ непосредственной близости Ганга. Оттого-то надъ его побережьемъ такъ круто и возносится городъ языческихъ храмовъ, центръ языческаго благочестія. Только одна подробность должна (въ глазахъ истиннаго шиваита или вишнуита) оскорблять богомольца своими рѣзкими какъ диссонансъ очертаніями, это — минареты мечети Аурангзеба, словно парящіе воплощенною побѣдою ислама надъ отвратительными для него прирѣчными мольбищами идолослужителей: протестъ односторонне понимаемаго единобожія противъ избытка пантеистическихъ чувствъ у народовъ, живущихъ вѣчно творящею фантазіей!

Фанатикъ-Моголь, временно дохнувшій разрушеніемъ на мирный Бенаресъ и даже переименовавшій его въ Мухаммабадъ, представляетъ собою въ общемъ уродливое исключеніе изъ числа мудрыхъ мусульманскихъ правителей сѣверной Индіи, которые чаще всего воздерживались отъ насилій надъ духовной жизнью коренныхъ элементовъ страны. Хотя поверхностно изучавшіе исторію края считаютъ завоевателей изъ Турана грубѣйшими иконокластами, безпощадными врагами памятниковъ древне-языческаго искусства; но этотъ взглядъ теперь все болѣе и болѣе признается ошибочнымъ. Султаны умѣли быть вѣротерпимыми по отношенію къ созданіямъ иновѣрнаго зодчества и обыкновенно довольствовались оскверненіемъ кумиренъ кровью «священныхъ» коровъ, съ обращеніемъ первыхъ въ мечети.

Хотя Бенаресъ и подвергся сравнительно ожесточенному натиску ислама, сторонники послѣдняго тѣмъ не менѣе играютъ ничтожную роль среди мѣстнаго браминскаго «благолѣпія»: индуизмъ заразилъ собою на Гангѣ религію «пророка» Магомета. Исповѣ-

дующіе ея одинаково съ язычниками, преспокойно совершаютъ омовенія въ рѣкѣ у тѣхъ самыхъ «гать», гдѣ чтимые народомъ аскеты-гяуры добровольно топились въ обожествляемыхъ струяхъ или откуда они прямо (огненными языками) возносились на небо, — гдѣ каждый камень, каждая влажная ступень отмѣчены какимъ-нибудь чудомъ, какою-нибудь подробностью изъ соприкосновенія многообразныхъ боговъ и богинь съ мѣстными «святынями», съ шиваито-вишнуйскими центрами молитвы и покаянія.

Англійскіе солдаты, какъ говорятъ, тоже ходятъ купаться въ Гангъ; но видъ обнаженныхъ «бѣлыхъ» людей, со смѣхомъ нарушающихъ непорочное обаяніе «дочери снѣговъ», невыгодно для европейцевъ отражается на мысляхъ прирѣчнаго населенія.

Какъ быстро и какъ безшумно оно скоплетъ на лѣстницахъ, торопясь всмотрѣться въ Высокаго Гостя на баркѣ махараджи! Разноплеменнѣ этой толпы мы еще нигдѣ не встрѣчали: что ни фигура, все — смѣсь обыденной индійской прозы съ красками изъ инаго міра, отрѣшающаго отъ узъ земли. Грязныя доски плотовъ у воды, кучи мусора у преддверья наглухо замкнутыхъ храмовъ, изможденно-отвратительныя тѣла юродивыхъ бродягъ, упитанно-самодовольныя лица браминовъ, задрапированныхъ въ бѣлое, болтовня прачекъ у «люющей блаженство» рѣки, острый запахъ гари отъ испепеляемыхъ гдѣ-то по близости труповъ, толкотня богомольцевъ надъ «влажнымъ лономъ чистоты и конечнаго покоя», аляповато-тяжелыя украшенія цѣлой группы баядерокъ, тоже погружающихся въ спасительныя струи, — до чего подобное зрѣлище необычно и ново! До чего лгало воображеніе, рисуя Бенаресъ полувоздушнымъ городомъ, отражающимъ одну лучезарную древность! Нижнія капища, при непосредственномъ къ нимъ приближеніи, сѣрѣютъ выцвѣтшими фасадами, — жалкіе туземцы на обсыпающемся берегу смотрятъ сентябремъ, — духовная столица Шивы начинаетъ поражать безхитростностью и невзрачностью своего убора и движенія. Тысячи и тысячи человѣческихъ существъ саранчею сползаютъ въ мутную гигантскую «купель», измышленную народомъ какъ объектъ вѣры и поклоненія. Всего страннѣе и рельефнѣе проявляется экстатическое поведеніе женщинъ. Онѣ всей душой ушли въ обрядъ, обратились въ порывъ, принадлежатъ не окружающей жизни, а Гангу.... Великій таинственный Гангъ, улади имъ сердце и обнови! Что эти несчастныя падчерицы рока, — даже при извѣстномъ счастьи, выпадающемъ на долю большинства семействъ въ индійскомъ простонародьѣ, — что онѣ видятъ отъ судьбы, кромѣ борьбы съ голодомъ и кромѣ вѣчнаго соціального безправія? Замѣчательнѣйшій знатокъ и бытописецъ Индіи Рудіардъ Киплингъ правдиво сказалъ про туземца поселенина:

His life is a long drawn question
Between a crop and a crop.

Если такое пессимистическое опредѣленіе примѣнимо къ мужчинамъ, то слабый полъ и подавно долженъ являться предметомъ состраданія съ европейской точки зрѣнія. У насъ Толстой во «Власти тьмы» очертить весьма просто и ужасно психику русской крестьянки: чѣмъ отмѣтить, — скользя мимо женъ индуизма, — ихъ воплощенныя скорби, источникъ ихъ упованій и моленій? Здѣсь — въ странѣ, гдѣ проявился монашескій обликъ Будды и ему подобныхъ «учителей», — жизнь была и бьетъ ключемъ со столь неумолимою силою, что мыслители саму ее сочли за божество, опредѣлили рядомъ мифологическихъ названій, однимъ словомъ всячески ее антропоморфизировали. Вѣчная смѣна и преемственность явленій получила въ глазахъ народа отпечатокъ свыше даруемой законности: женщина поэтому внѣ брака и материнства ничего не знаетъ, ни о чемъ не грезитъ, ничему себя не способна отдать. Если нѣтъ дѣтей, — на ней тяготѣетъ проклятіе;

если придетъ вдовство, она становится ничтожнѣйшимъ звеномъ въ цѣпи существъ. За чадородіемъ или уврачеваніемъ больной осиротѣлой души притекли сюда къ лону Ганга эти горожанки и странницы въ пестроцвѣтныхъ, свободно откинутыхъ покрывалахъ! Какія кротко-вдумчивыя поднятыя къ небу очи, какой нѣжный овалъ иной склонившейся надъ рѣчными струями женской головы! По общему свидѣтельству изучавшихъ современный строй Индіи, страна сплошь обладаетъ образцовыми любящими женами, примѣрными матерями. Вся ихъ внутренняя жизнь сводится къ религіи, къ постоянной самоохранѣ членовъ семьи отъ сглазу, отъ порчи, отъ зависти боговъ и богинь.

Смертность при родахъ здѣсь, на югѣ, поразительно велика. Передъ наступленіемъ роковаго дня мученій принято устраивать праздникъ въ честь ожидающей плода, увеселять ее пѣніемъ и пляской (научъ), дарить бѣдняжку какъ-бы на прощаніе. Хорошо еще для нея, если родится сынъ и родственники возликують; если будетъ дѣвочка, то вмѣсто радости ее встрѣтитъ огорченіе за то, что судьба немилостива, лишая отца прямыхъ наслѣдниковъ и необходимыхъ по закону молельщиковъ за души предковъ. Родильница долго остается почти безъ ухода. Ее ввѣряютъ весьма ненадежнымъ попеченіямъ Шасты, сверхъестественной покровительницы царства дѣтей и вообще женскаго благополучія: тучная, желтая — она (согласно повѣрьямъ) охотно является на зовъ, стоя на своемъ любимомъ животномъ — домашней кошкѣ; отъ этой небожительницы зависитъ участь жены и ребятишекъ каждаго индуса. Немудрено, если капризную богиню всѣми мѣрами умило-стивляютъ, ублажаютъ. Не о ней-ли невольно призадумались, омрачивъ лучистые взоры, поклонницы Ганга, благоговѣнно погружающіяся въ него въ двухъ шагахъ отъ насъ? Или, можетъ стать, матерямъ важно предотвратить мольбами страшное посѣщеніе богини Ситлы (оспы), отъ которой въ деревняхъ мало спасенія (развѣ только одѣвать дѣтишекъ въ лохмотья, чтобы свирѣпствующая болѣзнь прошла мимо, не замѣчая тѣхъ, кто, по видимому, въ пренебреженіи и чья доля недостойна зависти, злобы)?

Какіе-то угрюмые люди въ одеждѣ, опушенной мѣхомъ, съ дорожными посохами въ рукахъ, рѣзко выдѣляются въ толпѣ, наводняющей побережье. Это — нѣпальцы, которые тоже связаны съ центромъ индуизма. За ближайшими къ рѣкѣ зданіями виднѣется, между прочимъ, рѣзная кровля тибето-китайскаго архитектурнаго стиля, надъ кумирнею, воздвигнутою здѣсь однимъ правителемъ, изгнаннымъ изъ Катманду, нагорной столицы края.

Бенаресъ представляется священнымъ и для этихъ сѣверянъ, принадлежащихъ скорѣе къ «желтой расѣ», такъ какъ по преданію сами буддійскіе вѣроучители (Маньчжуши, Гаутама) насадили въ горахъ индійскую вѣру, — причемъ, правда, въ концѣ концовъ шиваизмъ сталъ господствующей религіей, — и кромѣ того царствующія тамъ династіи любили кичиться раджпутскимъ происхожденіемъ, — а извѣстно, до какой степени послѣднее связываетъ съ почитаніемъ древности, т. е. съ культомъ всего того, что было завѣтно предкамъ. Потому и теперь еще образованные горкинцы или, пожалуй, точнѣе «гуркалинцы» (наиболѣе воинственные обитатели Нѣпаля, — изъ области Гуркалы) находятъ достаточнымъ, осквернивъ себя напр. посѣщеніемъ Англіи или Китая (съ дипломатическими цѣлями) искупаться, затѣмъ, у видимыхъ нами «гать».

Каждая лѣстница имѣетъ свою сказочную исторію, свое строго опредѣленное соотвѣтственное наименованіе. Грандіозною панорамой развертывается «городъ» блаженствующихъ въ немъ браминскихъ «боговъ». Вотъ дворцы-кумирни ревнителей мѣстнаго благочестія — раджей нагпурскаго (изъ Центральной Индіи) и аметійскаго (изъ Оуда);

вотъ дальше въ сторонѣ храмы джайнистовъ. Въ центрѣ набережной находится Маникараника, важнѣйшая часть бенаресскаго побережья, въ смыслѣ значенія для притекающихъ сотенъ тысячъ богомольцевъ. Наверху, гдѣ кончаются идущія отъ воды ступени, есть водоемъ, вырытый добротворцемъ Вишну и наполненный исключительно его испариной. Когда Шива заглянулъ туда, безчисленные солнца засіяли ему на встрѣчу, а его лучезарный собратъ попросилъ «мрачнаго» пришельца съ Кайласы навсегда остаться на этомъ мѣстѣ. Тотъ обрадовался лестному предложенію и сильно потряхнулъ головой, такъ что одна изъ его серегъ упала въ колодезь. Оттого-то послѣдній и получилъ названіе отъ «мани» (драгоценность) и «карна» (ухо). Все вокругъ тоже чѣмъ-нибудь замѣчательно. Тутъ — отпечатокъ ступней Вишну, здѣсь — кумиръ, отстраняющій засуху и содержимый въ резервуарѣ со влагой: стоитъ богу-покровителю забыть про свои прямыя обязанности, и его лишаютъ воды, дабы принудить къ служенію нуждамъ человѣчества. Въ чудесный колодезь Маникараники индусы бросаютъ сандалное дерево, цвѣты, ристъ и сласти, даже льютъ молоко; можно вообразить, въ какой степени разложенія получается туземцами отвратительное пойло, которое оттуда достаютъ.

Подобныхъ разсадниковъ гнилостнаго тифа и холеры (и въ данное время въ Бенаресѣ не благополучно!) — нѣсколько. Обонаніе и вкусъ вѣрующихъ, должно быть, отъ этого не страдаютъ, подъ бременемъ умиляющихъ впечатлѣній. Припутешествовавшіе издалека лишь искреннѣе каются въ грѣхахъ и, при усиленіи смертности въ своей средѣ, усматриваютъ въ ней новое доказательство заслуженной немощи «земнородныхъ». Смѣютъ-ли люди роптать на судьбу и до заботы-ли имъ о гигиенѣ, если споконъ вѣка такъ жилось и будетъ житься тѣмъ, кто прибѣгаетъ близъ «священныхъ» струй подъ покровъ «истинныхъ міроправителей»? Не они-ли дѣлаютъ всевозможное для возвеличенія города, для спасенія души ревнителей?! Не боги-ли тутъ особенно пекутся объ уврачеваніи одержимыхъ различными недугами, о прокормленіи массы неимущихъ и т. п.

Передъ нами — печальнѣйшее изъ зрѣлищъ: у берега прикрѣплены два-три маленькихъ суденышка съ лѣсомъ, тошіе костры сложены на грязной обуглившейся землѣ, недвижимое тѣло подъ алой тканью покоится у самой воды. . . . Это — мѣсто сожженія отошедшихъ къ праотцамъ! Сейчасъ оно почти безлюдно. Огонь, зажженный чьей-то родственной рукой, медленно обвиваетъ собою одну старушку съ изсохшимъ лицомъ. По мѣрѣ того что пламя разрастается, ноги покойницы судорожно поднимаются и трупъ вздрагиваетъ въ шелестѣ огненныхъ струй. Тяжелая картина, невыразимыя ощущенія при созерцаніи традиціоннаго обряда!

Подлѣ, надъ пристанью, жрецы говорятъ молитвословіе, установленное за испепеляемыхъ. У крошечнаго песочнаго алтаря (веди) какой-нибудь оплакивающій отца почтительный сынъ, съ помощью брамина, принимаетъ мѣры къ облегченію загробной участи дорогаго существа. Другой потомокъ кормитъ нищихъ обжоръ изъ касты «богоравныхъ» чадъ Брамъ. Позолота капищныхъ куполовъ искрится на солнцѣ, тусклый пепель отъ тѣлъ, истлѣвшихъ подъ жгучими лобзаніями божества Агни (олицетвореннаго Огня) сиротливо устилаетъ узкую полосу вдоль побережья. . . . Какъ странно умираютъ и отходятъ въ Неизвѣстное эти бронзовые дѣти зноя и нужды!

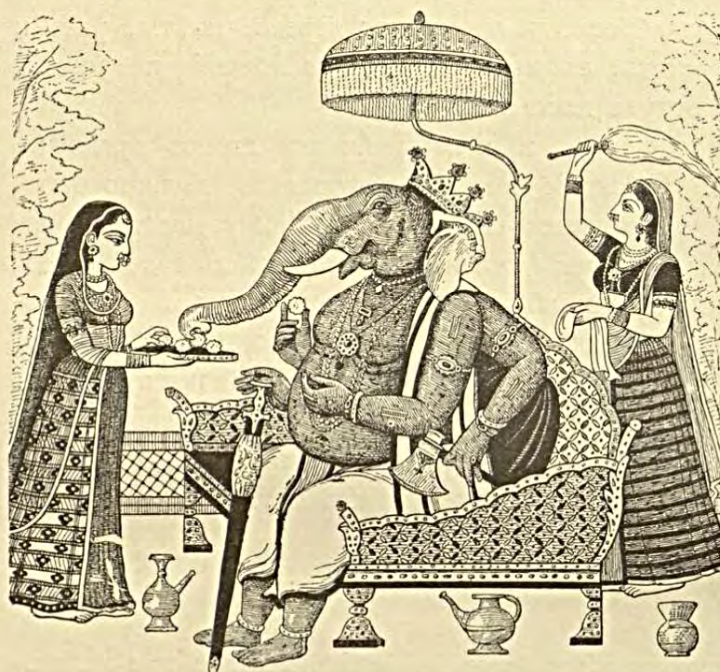
Наслѣдникъ Цесаревичъ изволить покинуть барку махараджи около обсерваторіи, построенной въ 1600 г. правителемъ Амбера (современнаго Джайпура). Она принадлежитъ къ числу немногихъ зданій, уцѣлѣвшихъ отъ жестокаго землетрясенія 1828 г.

Августѣйшіе путешественники высаживаются у пристани Дасашвамедъ, — гдѣ боги, искушая одного благочестивѣйшаго мѣстнаго махараджу Диводаса, заставили его приготовиться къ жертвоприношенію и принести въ жертву 10 коней, что сопряжено было въ древней Индіи съ выполненіемъ и знаніемъ тончайшихъ обрядовыхъ подробностей. Царь съ честью вышелъ изъ испытанія и будто-бы принудилъ самихъ далеко не безгрѣшныхъ небожителей временно удалиться изъ Бенареса.

Коляски приготовлены близъ верхней площадки длинной каменной лѣстницы. Обступившая ихъ чрезвычайно характерная толпа состоитъ чуть-ли не изъ всѣхъ племен-

ныхъ элементовъ культурной коммерческой Азіи. На первый взглядъ какъ-то неожиданно сочетаніе въ томъ же многолюдьи: и гибкихъ бенгалійцевъ, и персіанъ, афганцевъ, бухарцевъ, татаръ... Въ 1824 г. епископъ Хеберъ видѣлъ здѣсь, впрочемъ, также одного грека, прилежно изучавшаго санскритъ, и одного торгующаго русскаго (!!).

Въ такомъ жизненномъ центрѣ дѣйствительно стягивались и стягиваются издавна нити коммерческихъ отношеній цѣлаго міра. Не надо забывать, что здѣшнія ткани искони служили прообразомъ роскошнѣйшихъ матерій Запада. Вавилонъ, Тиръ, Александрія, греко-арабскій Востокъ требовали и покупали бенаресскіе златотканые «кинкобы» (пра-

ГАНЕША.

вильнѣ: Kimkhwab). Драгоценное одѣяніе Улисса, столь живо охарактеризованное въ XIX книгѣ Одиссеи, должно было быть сходнымъ съ царскими парчами временъ законодательства Ману, временъ Рамаяны и Махабхараты.

Уже сегодня утромъ мѣстное купечество разложило передъ комнатами Наслѣдника Цесаревича разные нѣжные шелка, перевитые серебряными и золотыми звѣздочками, съ кружевными украшеніями изъ самоцвѣтныхъ камней. Кромѣ того принесены были на продажу всевозможнѣйшіе божки разной величины: изъ алебаstra съ наложенными на него грубыми красками и металлическіе. Рядомъ съ танцующею на одной ногѣ богинею любовнаго обольщенія важно усѣлся покровитель знанія и удачи, «мудрый» Ганеша со слоновой головой, которую ему приставилъ отецъ его — Шива, раньше того изуродовавшій во гнѣвъ это дѣтище Парвати. Усатые каменные истуканчики съ лицомъ настоящихъ *jeunes premiers* чередовались съ красноржими олицетвореніями сказочнаго Ханумана, предводительствовавшего обезьянами, когда Рама совершалъ знаменитый походъ на Цейлонъ. Тутъ же предлагались тигровыя когти, высоко цѣнящіеся туземцами какъ талисманъ.

КАЛЬКУТТА.

Наканунъ отъѣзда изъ столицы индуизма, въ приготовленной для Августѣйшихъ путешественниковъ пригородной махараджевой резиденціи «Нандешваръ Коти» состоялся вечеръ, устроенный тамошнимъ скучающимъ европейскимъ обществомъ. Туристы издавна тяготятся здѣшними обычаями мучить проѣзжающихъ и всего болѣе нуждающихся въ отдыхѣ иностранцевъ парадными обѣдами, вечерними собраніями и т. п.

Въ виду крайней непомѣстительности дома, — котораго размѣры и старинное убранство чуть-ли не безусловно тождественны съ бывшимъ еще въ январѣ 1799 г., когда тутъ защищался отъ нападенія туземцевъ англійскій резидентъ, — въ гостиной и на смежной крытой терасѣ весьма жарко и тѣсно, что вдвойнѣ чувствительнѣе отзывается на насъ послѣ утомительно проведеннаго дня. Съ цѣлью увеселенія, около 9—10 часовъ, поставлена была какая-то индійская драма, — съ немногими, правда, дѣйствующими лицами и незамысловатымъ содержаніемъ, но достаточнымъ ревомъ, прыганьемъ, переливаньемъ изъ пустаго въ порожнее. Участвовали главными актерами: нѣкій владѣтельный князь, одна царевна, грознаго вида небожитель, — да вотъ, кажется, и все... Однако шуму, пѣнья, гогатанья, безконечныхъ разговоровъ происходило положительно больше, чѣмъ слѣдуетъ. Туземныя представленія вообще славятся не столько запутанностью, сколько длительностью фабулъ. Новѣйшія пьесы къ тому же и по достоинству ниже справедливо прославляемыхъ средневѣковыхъ. На сценѣ играютъ одни мужчины. Аккомпанирующая дѣйствию музыка отличается крайнею заунывностью. Пока за кулисами то вздрагивали, то замирали звуки тамбуриновъ, — я замѣтилъ въ томъ же оркестрѣ скрипача, который преспокойно отложилъ свой инструментъ и жеваль бетель.

На слѣдующее утро Ихъ Высочества отправились за рѣку, — (черезъ огромный мостъ, недавно сооруженный надъ Гангомъ и открытый при вице-королѣ лордѣ Дэфферинѣ: до того сообщеніе между берегами производилось по стянутымъ въ рядъ деревяннымъ судамъ) на охоту въ Шикарганджѣ, въ лѣсу махараджи Прабу Нараянъ-Синга, едва-ли не лучшаго стрѣлка въ цѣлой странѣ (напр. онъ безъ промаха попадаетъ въ бросаемую на воздухъ серебряную монетку), — откуда вернулись уже прямо на станцію Могуль-Серай, съ тѣмъ чтобы въ 10 часовъ вечера направиться въ Калькутту.

Понедѣльникъ, 14 (26) января 1891 г.

Наслѣдникъ Цесаревичъ приближается къ административной столицѣ Индіи; Великокняжескій поѣздъ мчится низовинами Бенгальской провинціи, прорѣзаетъ болотистыя рисовыя поля съ синеватымъ отливомъ и пальмовыя рощи богатѣйшаго по плодородію края. Это — уже міръ тропической растительности (несмотря на географическое положеніе), область арійскаго духа въ сино-малайской оболочкѣ, часть сравнительно молодаго материка, который образовался лишь, когда волны ненасытнаго «восточнаго» моря отступили отъ равнины Ганга. При всей интенсивности затраченнаго на нее культурнаго труда, страна до сихъ поръ еще какъ-бы носитъ слѣды борьбы суши и океана за конечное преобладаніе, до сихъ поръ еще слегка похожа на изумрудную островную гряду, только — что выросшую изъ глубины влажнаго полуденнаго простора. Изрѣдка въ купѣ листьевъ мелькнетъ (среди обильной влаги повсюду кругомъ) одноцвѣтная съ ними хижина «земноводнаго» туземца. Мы пока почти совсѣмъ не видимъ населенной полосы, а одну лишь безконечную зыбкую глушь изъ густой зелени, пересѣкаемой блестящими жилами притоковъ и рукавовъ «небородной, неистощимой, милосердной кормилицы-рѣки». . . . Пора однако сказать нѣсколько словъ и о Бенгаліи.

Она теперь составляетъ во многихъ отношеніяхъ базисъ англійскаго денежнаго благополучія и исключительно съ нимъ связаннаго могущества въ Индіи; такъ какъ число жителей, подданныхъ здѣсь въ краю ея величеству — королевѣ, мало уступаетъ числу жителей Европейской Россіи, а доходность утучненныхъ иломъ пажитей вдоль Ганга равняется сотнямъ милліонамъ рублей въ годъ. Но въ сущности не очень далеко то время, что британскій элементъ игралъ тутъ незавидно-скромную роль случайныхъ пришельцевъ-купцевъ, пускавшихъ корни лишь по милости мусульманскихъ владыкъ цвѣтушаго края. Когда Бомбей и Мадрасъ, какъ колоніи, уже достигли извѣстнаго развитія и выдерживали борьбу съ соперниками-европейцами, — Калькутта, въ смыслѣ центра, не достигла должной высоты и политическаго значенія. Только этимъ объясняется, почему мараты смѣло простирали походъ за походомъ къ окрестностямъ неокрѣпшаго города, насчитывавшаго лишь около 10—12,000 обитателей, и почему въ 1756 г. правившій областью суровый «навабъ» (Сураджъ-удъ-Даула) легко его занялъ на 7 мѣсяцевъ, разграбилъ торговые склады и велѣлъ заточить въ непомѣрно тѣсномъ помѣщеніи 145 «бѣлыхъ», изъ коихъ 123 къ утру задохлось въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ. Злодѣяніе совершилось близъ устьевъ рѣки, гдѣ сильный западный народъ, обладавшій превосходнымъ флотомъ и вооруженный лучше туземцевъ, повидимому могъ бы до извѣстной степени непоколебимѣе ограждать свой престижъ и свои насущные интересы. Почти одновременно англичанамъ удалось же отразить наступающихъ на ихъ Бенгальскую колонію голландцевъ, которые располагали кромѣ экипажа семи кораблей шестью стами отважныхъ малайцевъ съ Явы! Между тѣмъ противъ сосѣда — наваба на первыхъ порахъ не нашлось достаточныхъ силъ! . . . Тутъ есть что-то странное, не вполне понятное, точно также какъ поражаетъ, почему немного позже въ Патнѣ туземцы разстрѣляли 148 плѣнныхъ ими сыновъ Альбіона, чего съ другими европейцами въ Индіи не дѣлали. Разгадка заключается лишь въ признаніи за несомнѣнный фактъ крайней непопулярности англичанъ среди дельты Ганга съ Брамапутрою и смежно съ нею. Это грустное для нихъ обстоятельство, конечно, еще яснѣе опредѣлилось въ 1770 г., когда они, въ качествѣ искусныхъ купцевъ, предугадавъ при засухѣ народное бѣдствіе, заранѣе скупили весь рисъ и въ голодную пору продавали его въдесятеро дороже настоящей цѣны.

Треть населенія вокругъ погибла отъ нужды. Въ Бенгаліи умирало ежемѣсячно до милліона человѣкъ и въ общемъ скончалось до 10,000,000. Улицы, храмы, дороги, поля, джонгли переполнялись издыхающимъ въ корчахъ безпомощнымъ людомъ, умолявшимъ о пищѣ. Зараза стояла въ знойномъ воздухѣ отъ разлагавшихся повсюду тѣлъ. Красавицы изъ теремовъ выходили на торжище и старались добыть крохи для своихъ несчастныхъ дѣтей. Индусы страдали съ кротостью иныхъ больныхъ животныхъ, не ополчались на мучителей, а тихо и покорно испускали послѣдній вздохъ. Рѣчныя волны поминутно катили множество труповъ мимо роскошнаго жилья эксплуататоровъ, которые вообще привыкали тогда въ два-три года составлять себѣ въ Индіи милліонныя состоянія. Объ этомъ краснорѣчиво говорятъ данныя англійскихъ сочиненій. Парламентъ тогда же призналъ представителей власти виновными въ бездѣйствіи и попушеніи. Но вернуть жизнь потерпѣвшимъ бенгалійцамъ не могло уже ничье сочувствіе, никакое общественное негодованіе, никакой историческій приговоръ. Въ каждомъ государствѣ и среди всякаго народа мыслимы постыдныя неурядицы, вызванныя эгоизмомъ плутократическихъ началъ: это, такъ сказать, внутреннее домашнее дѣло и вина, искупаемая нѣсколькими поколѣніями. Если, однако, бездушный піонеръ цивилизаци и по рожденію христіанинъ стоитъ передъ косной голой массой непросвѣщенныхъ иноплеменниковъ, и въ результатѣ онъ — звѣрь, а они — люди, то какъ-то даже страшно дѣлается за безплодные вѣка нашего прогресса!

Названіе провинціи, куда прибыли Августѣйшіе путешественники, происходитъ отъ санскритскаго Банга, каковое имя носилъ легендарный основатель особаго арійскаго царства въ этой области. Марко Поло и арабскіе географы говорятъ уже о странѣ «Бангала». Подъ такимъ названіемъ край сталъ извѣстенъ при Моголахъ въ видѣ весьма значительнаго административнаго цѣлага, въ составъ котораго входили даже завоеванія мусульманъ на востокѣ, за Брамапутрой. Въ лицѣ ислама далекій Западъ давно пытался властно проникнуть въ предѣлы Небесной имперіи, — и притомъ сухимъ путемъ, чтобы связь была прочнѣе и глубже. Но Индо-Китай, на этихъ своихъ окраинахъ, почти столь же упорно, какъ и теперь, противодѣйствовалъ иноземнымъ вождельніямъ: разница — лишь въ томъ, что въ то время борьба велась равнымъ оружіемъ, нынѣ же матеріальное превосходство вторгающихся элементовъ слишкомъ наглядно и съ возрастающею силой приводитъ коренное населеніе къ молчаливому признанію чужаго ига.

Еще въ XIV в. султанъ Тоглакъ безуспѣшно вторглся въ нынѣшнія владѣнія богдыхана. При Аурангзебѣ генералы его считали Ассамъ прямою дорогою къ важнѣйшимъ центрамъ желтой расы. Но въ то время она проявляла столько жизненной энергіи, что ворваться въ эту самобытную и крайне замкнутую среду народамъ тюркско-арійской крови не представлялось возможности. Пока Нѣпаль, Бутанъ, Сиккимъ, Тибетъ пользовались полною независимостью, путь къ сердцу Азіи (съ юго-запада) въ политическомъ отношеніи былъ недоступенъ, да и теперь еще весь состоитъ изъ непредвидѣнныхъ затрудненій и опасностей. Гималайскія горы, которымъ ламаиты молятся какъ олицетвореннымъ божествамъ, дѣйствительно стояли и стоятъ до сихъ поръ на стражѣ культурно-историческихъ интересовъ неогляднаго нагорнаго края. Если европеецъ войдетъ туда повелителемъ и хозяиномъ, мѣстная жизнь неминуемо осуждена будетъ на увяданіе. Вотъ почему туземные элементы такъ твердо и отстаиваются за своими заоблачными твердынями, вотъ почему тамошній строй остается отчасти тайной даже для нашихъ основательныхъ изслѣдователей.

Половина пятого пополудни. Станція Хаура. Еще не Калькутта, но почти-что она... Предмѣстье столицы полуострова. Поѣздъ медленно подходитъ къ желѣзнодорожной платформѣ, буквально лоснящейся отъ чистоты и устланной краснымъ сукномъ. Вокзалъ пестро декорированъ. Бѣлый, желтый, голубой цвѣтъ перемежаются на столбахъ дебаркадера съ листвою, которою обрамлены станціонные часы и фонари. Послѣдній заставленъ сидѣніями, такъ какъ прибытіе Августѣйшихъ Гостей составляло предметъ большихъ ожиданій и большого скопленія встрѣчающихъ. Не только европейцевъ, но и метисовъ, и чисто туземнаго элемента видимо-невидимо.

Во главѣ собравшихся: маркизъ Лэнсдоунъ, вице-король Индіи, и сэръ Чарльсъ Элліотъ, Бенгальскій генералъ-губернаторъ, со свитами.

Грохотъ салюта привѣтствуетъ моментъ прибытія Русскаго Престолонаслѣдника. У выстроеннаго на платформѣ почетнаго караула изъ ста двадцати желѣзнодорожныхъ волонтеровъ (East Indian Railway Volunteers), подъ начальствомъ маіора и 13 офицеровъ (при двухъ хорахъ музыки — изъ самой Хауры и важнаго промышленнаго центра Джемальпуръ, за 500 верстъ отъ Калькутты) гремитъ «Боже, Царя храни!».

Внѣшній фасадъ зданія станціи — весь въ пальмовыхъ листьяхъ. Передъ подѣздомъ — длинный почетный караулъ отъ «East Surrey Regiment» со знаменемъ и музыкой.

Парадный вице-королевскій экипажъ, куда изволить сѣсть Его Императорское Высочество съ намѣстникомъ королевы-императрицы, а кромѣ того съ его военнымъ секретаремъ — полковникомъ лордомъ Уильямомъ Бересфордомъ (вотъ уже нѣсколько лѣтъ считающимся одною изъ выдающихся по таланту личностей англо-индійской администрации) и флигель-адъютантомъ кн. Оболенскимъ, въ виду многолюдья довольно тихо направляется съ вокзала къ понтонному мосту черезъ Хугли, главный рукавъ Ганга. Шествіе открывается (подъ звуки нашего гимна) тѣлохранителями вице-короля. Во второй коляскѣ помѣщается принцъ Георгій Греческій съ Бенгальскимъ генералъ-губернаторомъ, съ сэромъ Мэкензи Уоллесеъ и полковникомъ Ардагъ, секретаремъ маркиза Лэнсдоуна. За экипажами Августѣйшихъ путешественниковъ слѣдуютъ эшелонъ его же конвоя и орудія 31-ой королевской батареи. Затѣмъ ѣдутъ князь Барятинскій и М. К. Ону съ Джерардомъ, и т. д. Положительно необозримыя массы зрителей (многочисленнѣе чѣмъ въ Каирѣ!) наводняютъ путь къ «Government House». Интересъ населенія, состоящаго въ значительной степени изъ бенгалійцевъ, т. е. даровитыхъ, начитанныхъ и зорко слѣдящихъ за политикою туземцевъ, видимо возбужденъ до крайняго предѣла.

Сперва по дорогѣ выстроены солдаты 17-го полка Бенгальской пѣхоты. На мосту ихъ смѣняетъ городская полиція, затѣмъ вдоль набережной (Strand Road) — 3-й пѣхотный полкъ, дальше по улицамъ — молодцеватые всадники «3-d Bengal Cavalry», опять «East Surrey Regiment» и «Buffs».

Картина, представляемая рѣкою, чрезвычайно любопытна по открывающемуся за нею изобилію величественныхъ свѣтложелтыхъ зданій (Калькутта давно уже прозвана «городомъ дворцевъ») и лѣсу мачтъ на лонѣ питающаго ее Хугли. Хотя въ столицѣ сходятся четыре желѣзнодорожныхъ линіи, сообщеніе водою играетъ для товаровъ главнѣйшую роль. Послѣднихъ доставляется и отправляется ежегодно по меньшей мѣрѣ на миллиардъ рублей. Предметы ввоза и вывоза безконечно разнообразны: скотъ, уголь, хлопокъ, овощи и плоды, хлѣбъ и рисъ, гутаперча и смолы, кожи, циновки, масла, металлы, опиумъ, сѣра, шелкъ, пряности, китайскіе и мѣстные чаи, сахаръ, табакъ, шерсть, дерево, сукно, красящія вещества, соль, всякаго рода машины. Тѣсныя коммерческія сношенія поддерживаются не только съ Англіей и вообще съ Европой, но и съ Индо-Китаемъ, Японіей, Америкой,

мысомъ Доброй Надежды и Австраліей, съ которою постепенно завязывается и крѣпнеть дружба на почвѣ обоюдныхъ экономическихъ выгодъ отъ болѣе тѣснаго общенія и сравнительнаго сосѣдства. Въ Калькутту за годъ прибываетъ свыше тысячи океанскихъ пароходовъ (съ водоизмѣщеніемъ въ тысячи тоннъ) и четырехмачтовыхъ парусныхъ судовъ, морскихъ гигантовъ новѣйшей конструкціи. Особенно хорошо работаетъ извѣстная «Peninsular and Oriental» компанія, чаще слышущая подъ сокращеннымъ названіемъ «Піэндо» (P. and O.). Одинъ вывозъ въ Англію равняется ежегоднымъ ста пятидесяти пяти милліонамъ рублей, а ввозъ оттуда ста восьмидесяти пяти!

Неуклюжія туземныя лодки (динги), съ крытыми половинами, снуютъ на рѣкѣ. Каждый поселянинъ въ восточной Бенгаліи старается имѣть свое суденушко (какъ въ другихъ странахъ свою телѣгу). Мы ѣдемъ по мосту, считающемуся едва-ли не самымъ огромнымъ понтоннымъ сооруженіемъ въ свѣтѣ. Онъ существуетъ съ 1873—74 г., обошелся въ слишкомъ два милліона рублей, имѣетъ почти полъ версты длины и до 8—9 сажень въ ширину. По срединѣ — просторный путь для экипажей, по бокамъ — широкіе огороженные мостки для пѣшеходовъ. Между городомъ и предмѣстьемъ, гдѣ находятся важные склады и доки, происходитъ непрерывное сообщеніе, лишь въ опредѣленные часы недѣли пріостанавливаемое ради пропуска крупныхъ судовъ сквозь разводимые понтоны.

Всѣ путешественники по Индіи, знающіе нашъ Петербургъ, охотно сравниваютъ его по внѣшности съ Калькуттою. Сама судьба обѣихъ столицъ отчасти сходна. Основанныя приблизительно въ одно время и въ разгаръ борьбы великихъ народовъ за преобладаніе въ мірѣ, онѣ параллельно возникли на болотной міазмической почвѣ, около устья двухъ исторически важныхъ рѣкъ, въ одинаковые періоды развивались, являясь очагами бодрой мысли и стремленія впередъ въ національномъ смыслѣ слова, наравнѣ съ однимъ только Пекиномъ дѣлятъ Азію на характерные станы, гдѣ Востоку приходится мало-по-малу высказываться подъ непосредственно-сильнымъ вліяніемъ Запада и вставать на защиту своихъ исконныхъ правъ. Вмѣщая тысячи представителей образованной въ англійскомъ духѣ брамино-магометанской страны, Калькутта (отъ «Кали — гать» — прирѣчная святыня въ честь грозной супруги Шивы) столь же типично олицетворяетъ въ извѣстномъ отношеніи весь еще дремлющій (до XX вѣка) полуостровъ, какъ «градъ царя Петра», наполненный учащимися у Европы, все сознательнѣе и разумнѣе опредѣляетъ собою славяно-инородческій восточный міръ, выступающій рѣзкой, но еще весьма хаотической противоположностью государствамъ западнаго типа (съ иной организаціею, съ иной культурою). Насколько они отличаются ясно выразившимся прошедшимъ, настолько Русь и органически съ нею связанный Востокъ — область будущаго. Споръ Азіи и Европы за настоящее несомнѣнно разыгрывается въ двухъ важнѣйшихъ административныхъ центрахъ міра, гдѣ вершится судьба четырехсотъ милліоновъ душъ (столица Китая, потерявшая счетъ населенію, еще мало участвуетъ при рѣшеніи міровыхъ вопросовъ) — я разумѣю Петербургъ и Калькутту. Мы не меньше ея, на берегахъ Невы, облагодѣтельствованы свѣтомъ знанія; но также, какъ и эта «порфиноносная» представительница индуизма и даже отчасти индійскаго ислама, склонны чувствовать свою духовную политическую обособленность отъ отягощенныхъ слишкомъ требовательною цивилизаціею германороманскихъ земель. Для насъ, для нетронутаго въ его нѣдрахъ Русскаго Востока, для Азіи основу жизни составляетъ вѣра: вѣра въ Непостижимое, преклоненіе передъ единою богоустановленною властью, жажда нравственнаго подвига и обновленія. Когда, среди смуты вѣка, со столь простодушнымъ міросозерцаніемъ милліарда людей соприкасается

матеріалістически настроєний чловѣкъ Запада, разладъ между нимъ и нами неизбѣженъ, неумолимъ, такъ — сказать намѣченъ самою природою явленій.

Что за прелесть эта прозаическая Калькутта, если взглянуть въ наводняющій улицы людъ! Въ ней нѣтъ тѣхъ жгучихъ красокъ и варварски смѣлыхъ очертаній, которыми отличались Декканъ и Индостанъ: тутъ не замѣтно ни шумнаго любопытства, ни безпорядочнаго движенія, — чѣмъ встрѣчали иные изъ предъидущихъ городовъ; но за то по римски задрапированные въ свою тогу бенгалійцы кажутся классически правильными изваяніями, тихій говоръ толпы и выражающее привѣтъ хлопаніе въ ладоши могли бы напоминать древнихъ зрителей, замиравшихъ передъ жизненною правдой обожаемой ими сцены; бѣлая одѣянія съ пестрыми каймами, — подъ небомъ изъ бирюзы и лучей, — какъ нельзя лучше гармонируютъ съ золотистымъ или, чаще того, оливковымъ цвѣтомъ лица у большинства туземцевъ. Обладающіе первымъ считаются красивыми: сами богини любви и семейскаго быта всегда изображаются «золотыми»!

«Босоногіе» франты (здѣсь иначе рѣдко ходятъ!), вкусившіе въ англійской средѣ плодовъ просвѣщенія, мѣстами щеголяютъ крахмальными рубашками поверхъ національнаго костюма и безобразными зонтиками. Въ общемъ, однако, внѣшность горожанъ сохраняетъ типическія черты и внушаетъ неподдѣльный интересъ. Печать чего-то мягкаго и женственнаго лежитъ на уроженцахъ края, за изнѣженность такъ сурово очерченныхъ перомъ безсмертнаго Маколея: рабы исключительныхъ климатическихъ условій, бенгалійцы заслуживаютъ болѣе безпристрастной оцѣнки за недюжинныя умственныя способности и стойкость въ смыслѣ сознательной неподатливости вѣяніямъ враждебно-чужой культуры. Европейски образованные инородцы здѣсь носятъ прозвище «бабу», каковое наименованіе презрительно звучитъ въ устахъ британскаго чиновника. Въ этомъ сказывается коренной антагонизмъ двухъ даровитыхъ расъ (англосаксонской съ индо-арійской).

Едва-ли не самымъ любопытнымъ и жгучимъ современнымъ вопросомъ, — который несомнѣнно долженъ волновать и волнуетъ всю сколько-нибудь образованную и хотя-бы искусственно пробужденную къ высшему сознанію Индію, — представляетъ борьба за идею національных конгрессовъ и за право, данное правительствомъ, ихъ собирать. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ туземцамъ, такъ-сказать *en grand* разрѣшено думать вслухъ (и притомъ не только на столбцахъ легкомысленной печати!), довольно громко выражая въ особенности свои автономическія стремленія. Послѣднія постепенно крѣпнуть и осуществляются. Но на ряду съ этимъ безпощаднѣе чѣмъ когда-либо слышатся осуждающіе голоса консервативно-нетерпимыхъ газетъ и англійскихъ высшихъ администраторовъ; ибо большинству ихъ уродливой мнится самая мысль, что болтливые «бабу» позволяютъ себѣ игру въ либерализмъ и мечтаютъ о независимости, желая подражать западнымъ конституціоннымъ порядкамъ.

Уже въ 60-хъ годахъ извѣстнымъ знатокомъ страны, сэромъ Джономъ Лауренсомъ, заявлено о способности индійскаго простонародья къ самоуправленію въ широкихъ размѣрахъ. Деревенскія туземныя общества, будучи своего рода микроскопическими республиками, споконъ вѣка мирно процвѣтали и могутъ процвѣтать въ силу однихъ присущихъ имъ качествъ. Исторія учитъ, будто въ Индіи только тогда все и обстояло благополучно, когда никто не вмѣшивался въ бытъ крестьянъ и когда естественный ходъ событій предоставлялся собственному теченію. По мнѣнію вышеозначеннаго государственнаго мужа,

властямъ именно и надо пользоваться столь благодѣтельными особенностями въ характерѣ населенія, отнюдь ничему не мѣшая и ничего не тормозя въ безобидной интимно-внутренней жизни края.

Въ 80-хъ годахъ въ Индіи пробудилось упорное умственное движеніе, въ защиту якобы стѣсненныхъ гражданскихъ правъ европейски образованной части туземнаго населенія. Нечего и говорить, что во главѣ столь современно настроенныхъ туземцевъ оказались нѣкоторые либерально мыслящіе англичане. Англія въ духовномъ отношеніи всегда была и будетъ до такой степени олицетвореніемъ индивидуализма и протеста на легальной почвѣ, что соприкосновеніе ея литературы и всего ея культурнаго строя съ умами индусовъ неизбежно должно было отражаться и дѣйствительно сильно отразилось на подроставшемъ и зрѣющемъ поколѣніи тѣхъ, которые составляютъ или точнѣе хотятъ составить изъ себя такъ-называемую «молодую Индію». Эта нарождающаяся величина обыкновенно служитъ заразъ предметомъ многихъ нападокъ и еще болѣшихъ ожиданій. Конгрессы собираются вотъ уже шесть лѣтъ подрядъ: между прочимъ, послѣдній происходилъ въ Калькуттѣ, за какихъ-нибудь полъ мѣсяца до нашего пріѣзда. Вице-король и вліятельнѣйшіе чиновники уклонились отъ приглашеній посѣтить столь имъ непріятное сборище; европейскій элементъ, взамѣнъ того, былъ представленъ публицистомъ изъ-за Ламанша и даже чуть-ли не однимъ изъ членовъ англійскаго парламента. Напыщенно-наивныя рѣчи краснорѣчивѣйшихъ туземцевъ, а также горячія увѣренія во взаимномъ пониманіи и участіи со стороны ихъ «бѣлыхъ» друзей лишь вскользь пока еще намѣчены попадавшими мнѣ на глаза газетами, но уже и въ такомъ видѣ даютъ крайне интересный матеріалъ для размышленій, чѣмъ подобныя затѣи въ будущемъ могутъ грозить спокойствію страны. На послѣднемъ конгрессѣ, засѣдавшемъ три дня, вѣдь постановлено же было простить о назначеніи особой королевской комиссіи для разслѣдованія, въ какомъ положеніи находится «нынѣ дѣло управленія Индіей на мѣстѣ и изъ Англіи», вѣдь проскользнуло же неодобреніе политики, вызвавшей захватъ Бирмы, вѣдь осуждены же оказались въ принципѣ помысленія правительства о новыхъ усиленныхъ вооруженіяхъ на туземныя деньги! Подобная отвѣдь — еще только начало. Неудивительно, если «Times» изрекаетъ хулу на дерзкій лепетъ калькуттскихъ конгрессистовъ.

Изрѣдка — въ окружающихъ насъ (на почтительномъ разстояніи) густыхъ толпахъ — мелькаетъ глянцовитый головной уборъ парсовъ, золотистая чалма инаго мусульманина, зеленая или алая повязка пришлаго западнаго индуса. Здѣсь видишь человѣка, облеченнаго въ пестрый «кинкобъ», тамъ въ нѣжноцвѣтный свѣтлый атласъ или бенаресскую парчу, а не то подъ горделиво наброшенной кашмирской шалью.

Когда сквозь это многолюдье прокладываетъ себѣ путь запряженный четверкою экипажъ вице-короля съ фореиторомъ и кучеромъ въ эффектной багряной одеждѣ, шитой золотомъ, — изъ оконъ, съ крышъ и терасъ европейскій элементъ машетъ платками и шляпами. Особенно, повидимому, радушно настроены дамы и дѣти. Сегодняшній пріемъ положительно производитъ цѣльное и хорошее впечатлѣніе.

Важнѣйшія торговыя фирмы разукрасили фасады занимаемыхъ ими зданій изобиліемъ флаговъ и знаменъ всевозможной величины. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ развѣвается великобританскій королевскій штандартъ. Наряду съ нимъ часто зыблется красный «Union Jack» съ его пересѣченнымъ двумя крестами голубымъ полемъ.

Шествіе направляется отъ набережной черезъ «Fairlie Place» и «Clive Street» къ такъ называемому «Dalhousie Square», центру коммерческой дѣятельности и европейскаго квартала. Тутъ — на площади, носящей громкое имя Далузи, генераль-губернатора 50-хъ годовъ, который въ сущности далъ толчекъ и смыслъ главному возстанію сипаевъ — высятся: громадная Главная Почта и Центральный Телеграфъ, Секретаріатъ Бенгальскаго генераль-губернатора (гдѣ вѣдаются мѣстные судебныя дѣла, вопросы народнаго образованія, статистики, ирригаціи, полицейскаго и санитарнаго надзора, устройства тюремъ, работъ для заключенныхъ и т. п.), «Currency Office», правительственное учрежденіе, обмѣнивающее бумажные денежные знаки на золото и серебро. Когда-то, именно на этомъ квадратѣ, основана была (въ честь короля Вильгельма III) первоначальная крѣпостная твердыня «Fort William», пріютившая бывшихъ до того беззащитными англійскихъ купцовъ. Императоръ Аурангзебъ, недружелюбно смотрѣвшій на нихъ по наговору турецкаго султана, подъ конецъ смилостивился, принялъ посла изъ Лондона и отправилъ за море «монарху чужой вѣры и чужой крови» пріязненное посланіе и саблю въ даръ.

Изъ-за группы сумрачныхъ, хотя декорированныхъ по праздничному зданій выглядываетъ очень высокій шпигъ шотландской церкви св. Андрея (Scotch Kirk), сооруженный въ такомъ видѣ главнымъ образомъ потому, что англиканскій епископъ по нетерпимости не хотѣлъ допустить подобнаго внѣшняго отличія у пресвитеріанцевъ.

Новая Почта, съ фронтономъ изъ греческихъ колоннъ, уже по однимъ размѣрамъ должна включать огромное число служащихъ. Черезъ нея, какъ говорятъ, ежегодно проходитъ по семи и восьми милліоновъ газетъ, писемъ, посылокъ и т. п.

Необозримыя массы зрителей на улицѣ словно растутъ. Бенгальскіе горожане кажутся на взглядъ чрезвычайно дисциплинированными. Что-то совершенно европейское присуще имъ въ отношеніи умѣнія осмысленно держать себя въ толпѣ. Видѣть ихъ непосредственно близко (въ такомъ огромномъ числѣ!) тѣмъ любопытнѣе, что вся эта громада недавно еще жила радостями и огорченіями конгрессистовъ.

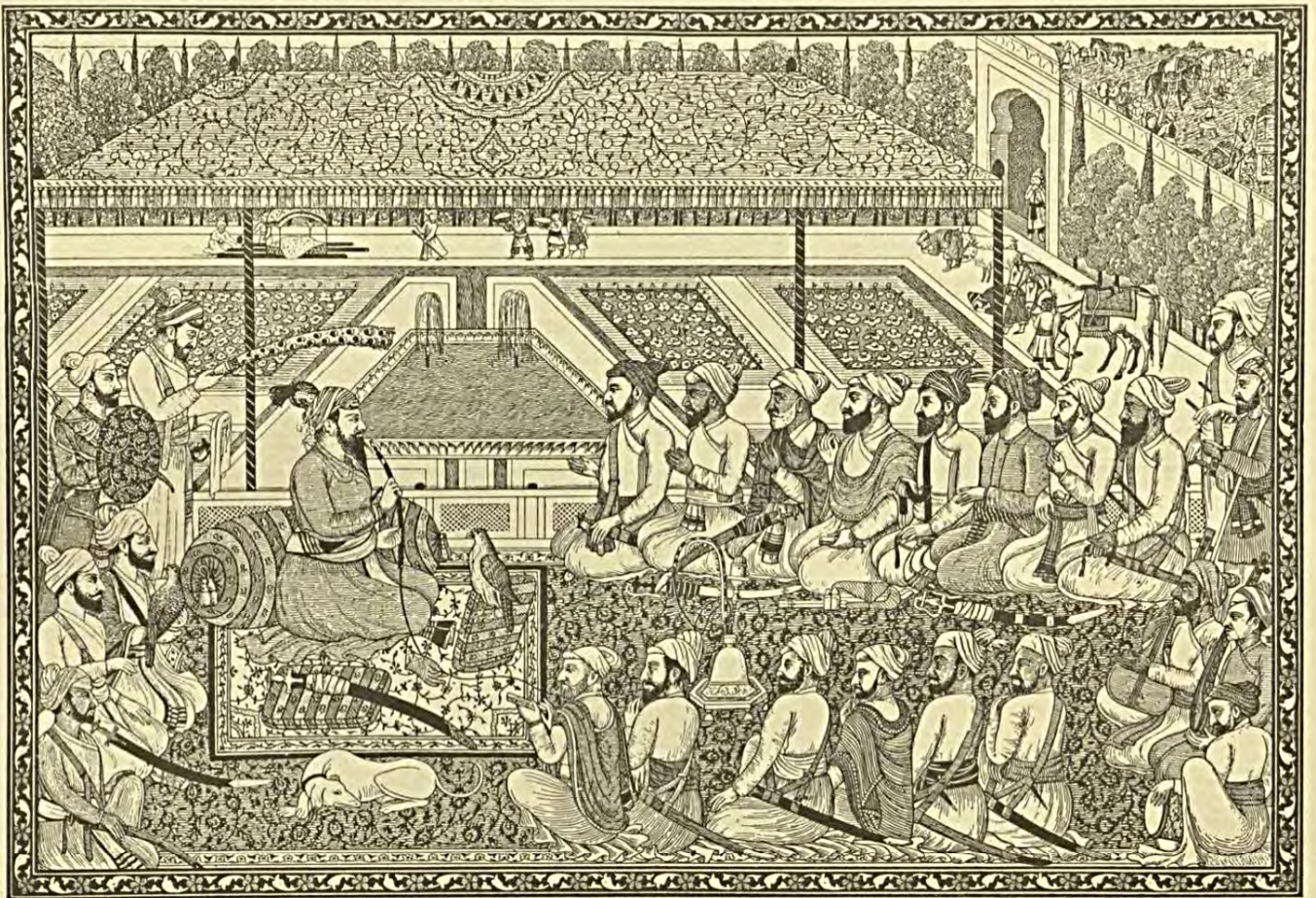
Атмосфера, въ которой они дѣйствовали или, по правдѣ сказать, больше говорили, пока остается неизмѣнной.

Организовать въ Индіи національный конгрессъ — не легкое дѣло! Даже матеріальныя хлопоты, и тѣ очень велики. Напр., на недавно бывшемъ собраніи пришлось озаботиться, какъ усадить 6000 человекъ. Вмѣстить ихъ могла только наскоро сдѣланная аудиторія изъ бамбука (съ циновками) въ 250 футовъ длины и 125 ширины; разныя школы уступили на время свои скамейки, 4000 стульевъ нарочно были выписаны изъ Вѣны. Но увы! пароходъ, который доставлялъ этотъ заказъ, потерпѣлъ крушеніе и бѣднымъ устроителямъ конгресса подобная бѣда причинила немало заботы. А вѣдъ та сравнительно горсть участвовавшихъ въ немъ теперь ничтожна, если подумать, чьей представительницей она хотѣла бы выступить. Каждый изъ милліоновъ необъятнаго населенія страны говоритъ или точнѣе не говоритъ, а силится что-то пролепетать въ лицѣ одного делегата, да и то лишеннаго всякихъ строго юридическихъ полномочій. Между тѣмъ увѣряютъ, будто уже не менѣе 6 милліоновъ людей въ Индіи сознательно относится къ вопросу объ избраніи ратоборцевъ за свои права. Если принять во вниманіе количество молодежи, ежегодно выдерживающей экзамены въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и университетахъ (англичане же очень заботятся о подъемѣ и вообще о самомъ широкомъ распространеніи образованія въ своихъ колоніяхъ), то понятнымъ становится, что задержать крѣпнущее снизу теченіе никакими мѣрами нельзя и правительству волей-неволей рано или поздно, придется считаться съ жизненнымъ фактомъ столь оригинальнаго харак-

тера, какъ искусственное пробужденіе къ сознанію цѣлыхъ общинъ и раздробленныхъ племенъ, — которыя еще въ прошломъ поколѣніи были безсильны и нѣмы.

Исторія видимо создаетъ на Востокѣ новыя, сложныя задачи для западно-европейскихъ государствъ, которыя не стоятъ по духу на почвѣ Азіи (какъ, напр., мы стояли и до сихъ поръ, сами того не зная, крѣпко стоимъ), а отчасти являются лишь случайными болѣзненными наростами на ея гигантскомъ тѣлѣ.

Чѣмъ дальше Наслѣдникъ Цесаревичъ углубляется на Востокъ и чѣмъ сложнее разворачивается наше гигантское путешествіе, тѣмъ труднѣе ведущему дневникъ объ этомъ безпримѣрномъ обозрѣніи цѣлой Азіи: во-первыхъ, сдерживать проявленіе своихъ чувствъ;

ДВОРЪ ТУЗЕМНАГО КНЯЗЯ (СЪ ИНДІЙСКОЙ КАРТИНЫ).

во-вторыхъ, сгруппировывать мимолетныя впечатлѣнія быстро движущагося туриста въ рамкахъ вполне упорядоченнаго и литературно изложеннаго описанія, наконецъ, воздавать должное историческимъ моментамъ, которые подчасъ переживаются нами и которые не повторяются. Фактъ посѣщенія культурныхъ странъ Востока Первенцемъ Бѣлаго Царя преисполненъ глубокаго смысла съ истинно русской точки зрѣнія. Узы, соединяющія нашу часть Европы съ Ирано-Тураномъ (а черезъ него и съ родственными имъ во многихъ чертахъ Индіей, Небесной Имперіей), до того такъ-сказать предвѣчны и прочны, что мы и сами пока (какъ народъ и государство) не достаточно понимаемъ ихъ значенія и своихъ истекающихъ отъ этого обязанностей по отношенію къ вопросамъ внутренней и внѣшней политики на полуневѣдомыхъ окраинахъ.

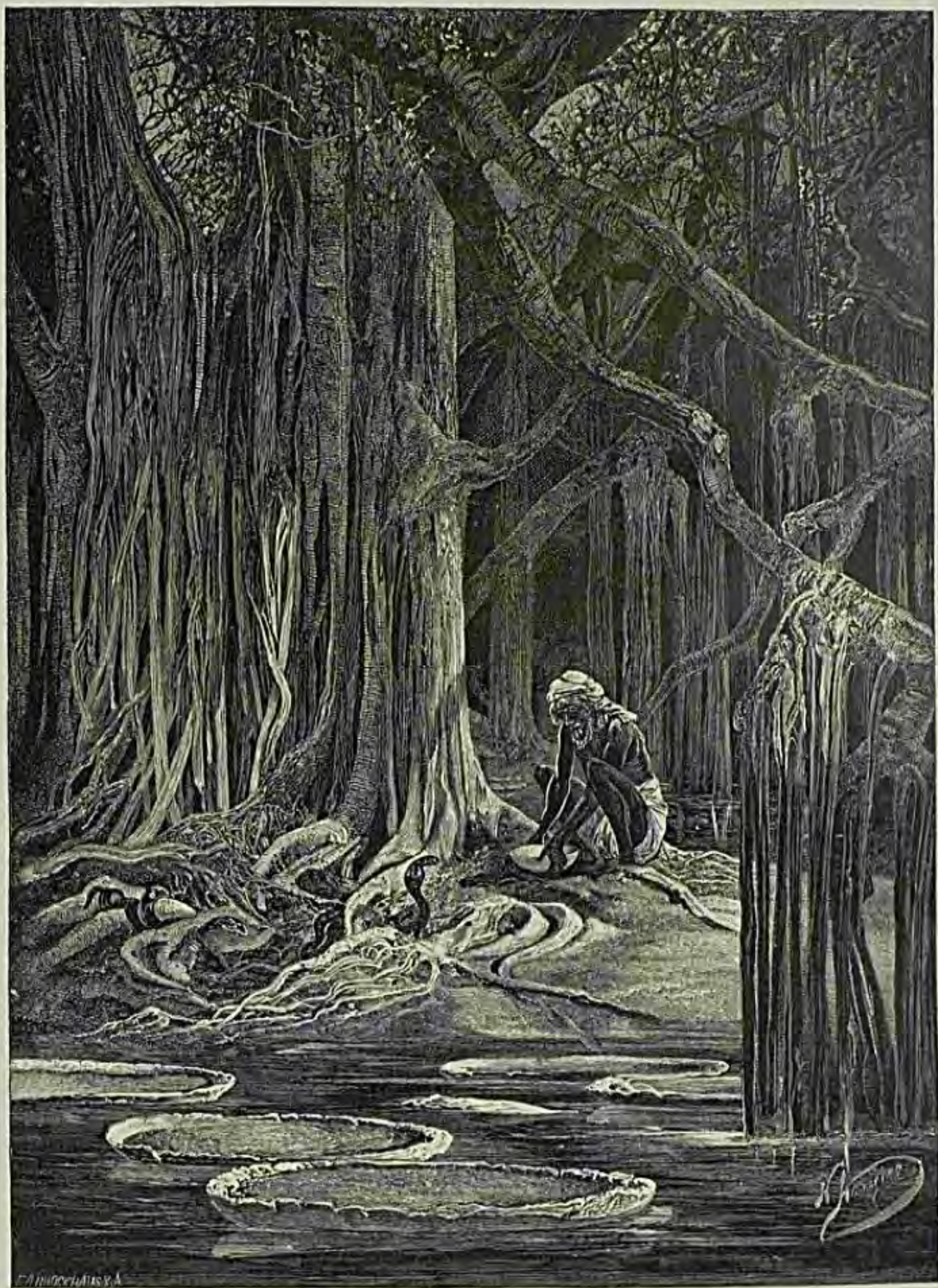
Всматриваясь вотъ уже нѣсколько лѣтъ въ ихъ духовную жизнь и строй сосѣднихъ странъ, я невольно и каждодневно почерпаю на пути богатый, разносторонній матеріалъ для созданія себѣ ясной идеи о томъ, что понимать подъ словами «Азіатская Россія» и въ виду крайней скудости напечатаннаго у насъ о ней (несмотря на крѣпнущую необходимость приходить постепенно къ расширенному самосознанію), пользуюсь случаемъ удѣлять здѣсь иногда мѣсто исключительно и *лично моимъ* замѣткамъ, выводамъ, взглядамъ. Въ нихъ многое безспорно должно быть ошибочно, но пора же русскимъ людямъ хоть и не безъ грѣха, да выражать какія-нибудь опредѣленные мысли по поводу своего наслѣдія отъ весьма намъ бывшихъ полезными Чингисовъ и Тамерлановъ. Славянская по языку и религіи, но въ смыслѣ крови необыкновенно пестрая и смѣшанная съ инородческими элементами Русь, подъ наплывомъ западнаго общечеловѣческаго просвѣщенія, естественно просыпается и вскорѣ еще сознательнѣе проснется въ качествѣ обновленнаго «восточнаго» міра, съ которымъ не только у ближайшихъ азіатовъ, а и у индуса, и у китайца въ сущности есть и будетъ неизмѣримо больше общихъ интересовъ и симпатій, чѣмъ съ колонизаторами инаго типа, выработаннаго европейскою исторіею за послѣднихъ четыре вѣка.

Какъ ни странно это можетъ показаться, а рядомъ событій доказано, что — по мѣрѣ соприкосновенія Запада съ Азіей — бездна между нимъ и между нею съ каждымъ столѣтіемъ разверзается. Первоначальные случайные пришельцы еще чувствовали себя отчасти какъ-бы дома (по развитію и жизненнымъ потребностямъ).

Разные средневѣковые миссіонеры, купцы, мало цивилизованные дипломаты и т. п. не сознавали въ то время, насколько Европа чужда настоящему Востоку. Лишь въ прошломъ и въ XIX в. у всѣхъ на этотъ счетъ понемногу открылись глаза. Одна Россія не чувствуетъ, да въ сущности по природѣ своей и не можетъ чувствовать усиливающегося въ этомъ отношеніи разлада между народами мнимо-молодыми и странами мнимо-одряхлѣвшими по культурѣ: древняя туманно очерченная Скиѳія, родина непобѣдимыхъ завоевателей и міроправителей, арена передвиженія и взаимодействія разнообразнѣйшихъ племенъ, она неизмѣнно сохраняетъ политическое равновѣсіе среди враждебно настроенныхъ и противоположныхъ другъ другу міровъ восточнаго и западнаго типа.

Исторія нашихъ отношеній къ Азіи и къ инородцамъ, населявшимъ когда-то добрыхъ двѣ трети Европейской Руси, еще не написана и намъ самимъ извѣстна (въ осмысленно-правдивомъ освѣщеніи) гораздо менѣе прошлаго иностранныхъ государствъ. Когда невѣдѣніе по этой части съ годами разсѣется, мы волей-неволей должны будемъ прійти къ сознательно-непреклонному убѣжденію, что Тотъ (на чьемъ челѣ магическими лучами сіяютъ слитые воедино вѣнцы Великихъ Князей Югорскаго, Пермскаго и Болгарскаго на Волгѣ, Царей Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, — чьи предки еще въ Бѣлокаменной издавна величались «всея сѣверныя страны повелителями и иныхъ многихъ великихъ государствъ государями и обладателями») является единственнымъ настоящимъ вершителемъ судебъ Востока. Крылья Русскаго Орла слишкомъ широко прикрыли его, чтобы оставлять въ томъ малѣйшее сомнѣніе. Въ органической связи съ этими благодатными краями — залогъ нашего будущаго.

Какъ это на первый взглядъ ни странно, но положительно можно провести весьма замѣчательную параллель между тѣмъ, какъ почти одновременно двигались на Востокъ и мужественные португальцы, и наши казаки. Маленькое королевство, имѣющее столицею Лиссабонъ, раньше другихъ европейскихъ государствъ вошло въ необыкновенно тѣсныя сношенія съ отдаленными невѣдомыми странами. Воспитанное (какъ и мы, при татарскомъ игѣ) подъ владычествомъ мавровъ и борьбою за свои національно-христіанскіе идеалы,

КУЛЬТЪ ЗМѢИ.

оно не только осилило, изгнало исламъ, но и ринулось за нимъ вслѣдъ, на африканскія побережья. Даровитый принцъ Генрихъ «Морепоплаватель», въ жилахъ котораго съ материнской стороны текла англійская царская кровь, далъ толчекъ изученію и развитію морскаго дѣла. Отважные сыны Португаліи постепенно стали входить въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми частями «Чернаго материка», омываемыми Атлантическимъ океаномъ, съ успѣхомъ обогнули, нежданно-негаданно, страшный «Мысъ Буръ», переименованный въ виду столь радостнаго событія въ «Мысъ Доброй Надежды», и достигли Индіи, почти отождествлявшейся въ тогдашнихъ представленіяхъ съ юго-восточными окраинами Китая. Вотъ чего собственно и добивались современники Колумба и Васко-да-Гамы. Правда, уже немного ранѣе того, одинъ португалецъ, посланный своимъ королемъ черезъ Красное море и сухими путями, пробрался на Малабарскій берегъ; но, вообще говоря, возможность проплыть сюда прямо или оспаривалась, или представлялась въ ложномъ освѣщеніи. Европейцы направлялись туда, въ заповѣдныя страны восходящаго солнца и несмѣтныхъ сказочныхъ богатствъ, почти ошупью и вполнѣ безсознательно, словно наша средневѣковая новгородская вольница и, позже, бѣгущіе царскаго гнѣва казаки: только мы боролись со стужей, заповѣдными лѣсами и неоглядными пустырями сибирскаго приволья, а закаленные вѣковою враждою съ мусульманами, предприимчивые обитатели Пиринейскаго полуострова, какъ истые южане шли (на неслыханные подвиги) въ безпредѣльное море и въ самыя знойныя, населеннѣйшія страны земнаго шара. Случайно, исключительно благодаря морскимъ походамъ къ Индіи, при этомъ открыты были Центральная Америка и Бразилія.

Въ поискахъ за такою же обѣтованною землею, гдѣ рѣки текутъ млекою и медомъ, передовые казачьи отряды остановились, наконецъ, у непривѣтливыхъ волнъ Тихаго океана, — остановились, сроднились съ ними и (въ качествѣ неустрашимыхъ промышленниковъ) черезъ нихъ перекинулись до Калифорніи. Эти полулегендарныя экспедиціи съ далекаго Запада отчасти совпадаютъ по времени: разница въ десяткахъ лѣтъ, на такихъ разстояніяхъ и при величій совершавшихся тогда событій, ровно ничего не значитъ. Отношенія къ инородцамъ, на которыхъ впервые воздѣйствовали португалцы, въ нѣкоторыхъ чертахъ весьма сходны съ тѣми, которыя завязывались между нами и приводившимися, съ уплатою ясака, подъ державную руку Московскихъ Государей. Такъ напр. иные знатные туземцы съ береговъ Сенегала, а то и благоухающей Индіи, являлись къ Лиссабонскому двору на поклонъ, а подчасъ и для принятія крещенія, въ надеждѣ на полученіе какихъ-нибудь милостей: точъ въ точъ остяцкіе главари, на первыхъ порахъ нерѣдко бившіе челомъ Бѣлому Царю, въ стѣнахъ Москвы! Когда Васко-да-Гамъ даровывался королемъ титулъ «генераль-адмирала восточныхъ странъ», піонеры русской цивилизаціи въ Приуральѣ, дальновидные Строгановы, получали въ свою очередь совершенно исключительныя права за услуги отечеству и окраинѣ. Суровость, которую ставятъ въ укоръ нашей вольницѣ, надвигавшейся на Востокъ, положительно кажется преувеличенной, если сравнивать ея образъ дѣйствій, зачастую крайне гуманный и обыкновенно соотвѣтствовавшій мѣстнымъ условіямъ, съ тѣми проявленіями крайняго жестокосердія, которымъ запятнали себя хотя-бы первые европейскіе колонизаторы Индіи. Напримѣръ, еще въ самомъ началѣ изумительной эпопеи, воспѣтой безсмертнымъ лузитанскимъ поэтомъ Камоэнсомъ, португальцамъ какъ-то слегка не посчастливилось въ борьбѣ съ «невѣрными», — и Васко-да-Гама, ослѣпленный жаждой мести, не постыдился, настигнувъ въ открытомъ морѣ одинъ ни въ чемъ неповинный корабль, возвращавшійся со множествомъ богомольцевъ изъ Мекки въ Индостанъ, предать это судно огню, — причемъ женщины въ ужасѣ простирали дѣтей къ безпощадному адмиралу, тщетно моля о пощадѣ. Воспла-

мененное, оно представляло изъ себя настоящій адъ съ облеченными на вѣрную гибель жертвами, гдѣ въ роли демоновъ-мучителей являлись моряки-крестоносцы съ Запада.

Ненавидя мусульманскій элементъ на индійской окраинѣ, какъ опасный въ политическомъ отношеніи и съ точки зрѣнія конкуренціи, португальцы не стѣснялись истреблять послѣдователей Магомета всякими правдами и неправдами. Тотъ-же великій Васко-да-Гама, приступая къ бомбардировкѣ приморскихъ городовъ, предварительно вѣшалъ на мачтахъ плѣнниковъ-мусульманъ, затѣмъ, снявши трупы, посылалъ ихъ отрубленныя руки и ноги родственникамъ, наконецъ бросалъ въ море и гналъ къ берегу, для устрашенія врага, обезображенныя туловища пострадавшихъ. Сомнѣваюсь, чтобы даже наши разбойники въ нѣдрахъ Сибири XVI вѣка доходили до такого утонченнаго звѣрства, до подобной слѣпой ненависти къ кореннымъ насельникамъ края.

Постепенно португальцы стали сливаться съ индусами, соединяться съ побѣжденными брачными узами, передавать имъ католическую вѣру и въ свою очередь проникаться мѣстнымъ строго языческимъ міросозерцаніемъ. Въ результатѣ получилось нѣчто, лишенное творчества въ политическомъ и культурномъ отношеніи: уголокъ Пиринейскаго полуострова, окруженный экзотическими жизненными условіями, — частица клерикальнаго Рима на почвѣ Индіи и ея консервативнѣйшихъ основъ, — древню священную хоругви, затерянную въ двигающейся густой массѣ коммерческихъ флаговъ и новыхъ боевыхъ знаменъ съ совершенно отличными земными лозунгами.

Послѣ того какъ «британскій левъ» улегся на мадрасскомъ побережьи, торжествуя главнымъ образомъ успѣхъ надъ соперниками изъ Франціи, а кромѣ того и надъ туземными властителями, англичане сначала не отдѣляли себя настоящей стѣною отъ инородцевъ, нерѣдко умѣвшихъ сослужить «бѣлымъ» колонизаторамъ неоцѣнимую и вѣрную службу на полѣ брани. Сипаи того времени видѣли въ офицерахъ-европейцахъ: товарищей по вкусамъ и по ремеслу, «добрыхъ малыхъ» безъ всякой чванливости и съ потребностями жить несложною жизнью всѣхъ однополчанъ, — среди которыхъ туземцы въ офицерскихъ чинахъ пользовались одинаковыми правами съ сынами господствующей расы, а также извѣстнаго рода уваженіемъ, заставлявшимъ, напримѣръ, англичанина сажать такого заслуженнаго сипая въ своемъ присутствіи и т. д. Отдаленные (сравнительно на долгіе сроки) отъ туманной родины, сродняясь съ обычаями края, куда ихъ закинула судьба, обзаводясь гаремомъ и черезъ него хорошо знакомясь съ мѣстнымъ бытомъ — первые военные, основывавшіе индо-британскую имперію, равно какъ и представители остъ-индской компаніи, ближе подходили къ Востоку, чѣмъ подходятъ современные дѣятели: тѣхъ онъ втягивалъ и убаюкивалъ, сближая съ населеніемъ страны, — этихъ же скорѣе отталкиваетъ отъ себя, въ силу множества радикально измѣнившихся условій. Возможность частыхъ и непродолжительныхъ отлучекъ домой, воцареніе соотечественницы въ обществѣ и у домашняго очага, тяготѣніе ко всему духовно-родному (при быстротѣ, съ какою изъ Англіи теперь доходятъ разнообразнѣйшія вѣсти и сенсационныя слухи), — цѣлый рядъ подобныхъ существенно важныхъ обстоятельствъ вызвалъ отчужденіе колонизаторовъ отъ «колонизуемыхъ» (послѣднее выраженіе, быть можетъ, странно звучитъ, однако съ точностью характеризуетъ европейское высокомерное воззрѣніе на опекаемыхъ азіатовъ). Въ данную минуту неизмѣримая пропасть отдѣляетъ послѣднихъ отъ гордыхъ хозяевъ края, естественно не питающихъ особенной симпатіи къ «дикимъ понятіямъ, жалкимъ суевѣріямъ, противному соціальному строю инородцевъ, на которыхъ, вдобавокъ, ни въ чемъ и полагаться нельзя». А вѣдь какихъ-нибудь десятки лѣтъ назадъ было иначе! Солдаты туземной крови считались *à toute épreuve*,

бились (завоевая для Англіи обширнѣйшую область за областью) съ бѣльшимъ мужествомъ, чѣмъ присылаемыя изъ-за моря «бѣлыя» войска, въ походахъ самоотверженно помогали этимъ ослабѣвавшимъ отъ климата сотоварищамъ по оружію, братски дѣлились съ ними припасами въ дни нужды, безропотно дожидались запаздывавшихъ платежей жалованья и т. д. Командиръ-иновѣрецъ казался сипаямъ «полубогомъ»: ему повиновались съ беззавѣтнымъ порывомъ, на могилѣ такого офицера подчиненными возжигались лампочки, даже его портретамъ они отдавали честь; не было няньки при дѣтяхъ, не существовало конвоя для дамъ-путешественницъ надежнѣе туземца-солдата.

Послѣ Лондона, Калькутта — самый населенный изъ городовъ британской имперіи, такъ какъ насчитываетъ почти до милліона жителей. Отъ станціи до вице-королевской резиденціи сегодня положительно собралось не менѣе трехъ или четырехсотъ тысячъ (правда, много зрителей могло явиться изъ окрестностей или издалека). Одиѣ повозки заперудили доступъ къ пути со всѣхъ примыкающихъ улицъ и переулковъ.

Шествіе торжественно слѣдуетъ по «Old Court House Street». Надъ широкой маркизой у входа въ богатый магазинъ Гамильтона поставлены двѣ фигуры рыцарей съ маленькими знаменами въ рукахъ. Окна открыты, и красивой выставкой пестрятъ за ихъ глубиною ряды художественныхъ предметовъ, продажею которыхъ онъ специально занимается. Вообще надо сказать, что англійскія торговыя фирмы не поскупились разукраситься къ приѣму: здѣсь виднѣются перекинутыя черезъ нашъ проѣздъ флаги разныхъ государствъ, — тамъ опять вывѣшены шкуры тигровъ, пантеръ и леопардовъ, — дальше столбы иныхъ верандъ убраны синимъ, краснымъ и бѣлымъ сукномъ. Съ терассы «Great Eastern Hotel» наемный струнный оркестръ (изъ Австріи) встрѣчаетъ звуками: «Боже, Царя храни!» Наслѣдникъ Цесаревичъ едва успѣваетъ отвѣчать на поклоны, на привѣтствія. Вотъ и «Government House» величественно ширится за рѣшетчатою оградой....

Хоръ музыки у выстроенныхъ среди двора почетныхъ карауловъ (отъ «Buffs» и «Калькуттскихъ волонтеровъ») грянулъ русскій гимнъ. Какое любопытное зрѣлище представляетъ, среди политическаго центра Индіи парадный кортежъ вокругъ Высокаго Гостя съ Сѣвера (въ лейбъ-гусарской формѣ) и «девятаго» по счету вице-короля, маркиза Лэнсдоуна (до того было еще двадцать семь администраторовъ съ одинаковою широчайшею генераль-губернаторскою властью) въ мундирѣ, какой принято носить на «большихъ выходахъ» королевы въ Уиндзорскомъ замкѣ, съ двумя оригинальными англо-туземными орденами («Indian Empire», «Star of India») и лентой свѣтло-синяго цвѣта съ бѣлою каймой.

«Зимній Дворецъ» современной индійской имперіи — «Government House» въ Калькуттѣ — сооруженъ съ огромными затратами (лѣтъ девяносто тому назадъ) въ стилѣ Empire. За прототипъ были приняты палаты одного лорда (Скарсдэля) въ графствѣ Дэрби. Надъ двумя громадными воротами, по бокамъ отъ главнаго крыльца, стоятъ каменные львы. Длинными четырьмя флигелями расходятся отъ центральнаго помѣщенія: жилые покои, канцеляріи, наконецъ комнаты для постоянно мѣняющихся гостей «вице-королевскаго двора». Съ металлическаго купола, вѣнчающаго зданіе, вѣетъ флагъ оффиціального повелителя страны. Раньше (какъ говорятъ) тамъ стояла статуя Британіи въ шлемѣ и съ копьемъ, но это изображеніе пришлось убрать изъ-за урагановъ. Старыя пушки, притащенные грустными трофеями изъ афганскихъ походовъ, украшаютъ газонъ передъ великолѣпнѣйшей колоссальной лѣстницей, наверху которой теперь собрались для

приема: и власти, и консула, словомъ вся парадная столица Индіи. По ступенямъ спускаются живописно раздвигающимися вереницами туземцы-тѣлохранители (молодцы на подборъ!) въ бѣлоснѣжныхъ чалмахъ, въ одеждахъ съ золотомъ. Наряду съ генералами, сановниками, духовенствомъ различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій (присутствуетъ, между прочимъ, православный священникъ греческой общины) виднѣется нѣсколько бенгальскихъ раджей (Биттійскій и Дарбунгійскій, также Кучъ-Бихарскій изъ Ассама) и другихъ знатныхъ туземцевъ.

Въ 7 часовъ 45 минутъ — обѣдъ у маркиза Лэнсдоуна (съ 90 приглашенными). Въ числѣ послѣднихъ (исключительно мужчинъ) наиболѣе замѣтно выдѣляются: англиканскіе епископы, сэръ Фредерикъ Робертсъ, главнокомандующій индійскою арміею (извѣстный своею боевою дѣятельностію въ Афганистанѣ), генераль Гордонъ изъ Тегерана, генерал-инспекторъ артиллеріи въ странѣ (Nairne) и начальникъ мѣстныхъ войскъ — виконтъ Франкфортъ, вліятельнѣйшіе совѣтники правительства изъ мусульманской среды (браманисты, напр., высокообразованный раджа Нараянъ Кришна, тоже засѣдающій въ совѣтахъ, отсутствуютъ въ силу кастовыхъ требованій о неоскверненіи себя ѣдой съ иновѣрцами): Амиръ-Али, Али-Ханъ, Навабъ-Ашанулла-Ханъ, Шахзадэ Фурукшахъ, — генеральные консула (германскій: баронъ фонъ-Гейкингъ, человѣкъ съ большимъ вѣсомъ и знаніемъ, австро-венгерскій: Штокингеръ изъ Бомбея, французскій: Альтемеръ, датскій: Симсонъ, сѣверо-американскій: полковникъ Меррилъ).

Изъ случайныхъ гостей можно только назвать молодого лорда Гамильтона, временно находящагося въ Калькуттѣ (онъ былъ одно время въ Петербургѣ и знаетъ по русски).

Также присутствуютъ: греческій священникъ отецъ Н. Паннасъ и греческій консулъ Петрокоchino. Современная Эллада, какъ видно, дальше нашего шагнула (въ смыслѣ предприимчивости) на коммерчески важный юго-востокъ. Православный храмъ во имя Преображенія Господня тутъ существуетъ уже съ 1780 г., когда тогдашній знаменитый генераль-губернаторъ Уорренъ Гастингсъ, женатый на уроженкѣ г. Архангельска, первый подписалъ на сооруженіе этой церкви двѣ тысячи рублей.

Выходъ къ обѣденному столу совершается изъ тронной залы, гдѣ намѣстникъ королевы Викторіи въ «дурбарные» дни является князьямъ инородческой крови или на особомъ серебряномъ престолѣ, или на золоченомъ «слоновомъ сѣдалищѣ» (ховда) когда-то грознаго англичанамъ султана Типу (въ южной Индіи). Все вокругъ отведеннаго подъ это мѣсто возвышенія изукрашено свѣтлымъ привознымъ мраморомъ и озарено вечерними огнями. Портреты по стѣнамъ, колонны, мундиры залиты блескомъ.

Архіепископъ для Индіи и Цейлона — Джонсонъ (The Right Reverend Lord Bishop and Metropolitan) благословляетъ трапезу. Рядомъ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ садятся вице-король и Бенгальскій генераль-губернаторъ. Въ концѣ обѣда превозглашаются тосты за Государя Императора и ея величество «Queen Empress», за Августѣйшихъ путешественниковъ.

Трудно себѣ представить банкетъ оригинальнѣе и знаменательнѣе того, на которомъ мы сегодня присутствуемъ. Въ оправѣ восточнаго великолѣпія, среди неслышно скользящихъ безчисленныхъ слугъ-инородцевъ, фактически правящая Индія чествуетъ прибытіе Высокаго Гостя, почерпающаго ежедневно на пути разностороннѣйшія данныя объ искусствѣ европейцевъ распоряжаться Азіей, объ ея великомъ прошломъ и неопредѣлимомъ будущемъ, о задачахъ истинной міровой культуры на Востокѣ.

Вотъ — обаятельно любезный маркизь Лэнсдоунъ (съ громкимъ въ Англіи именемъ, именемъ гуманистовъ, филантроповъ!). Въ данное время положительно мало дѣятелей на земномъ шарѣ, у которыхъ на плечахъ лежало бы болѣе тяжкое умственное и нравственное бремя, чѣмъ лежитъ въ исходѣ XIX вѣка на англо-индійскихъ вице-короляхъ. Наслѣдье Акбара и Аурангзеба — незавидное наслѣдье для европейцевъ. Страна можетъ быть источникомъ богатства и могущества для ея современныхъ владыкъ, но таковое матеріальное благополучіе покупается цѣною неусыпныхъ заботъ и опасеній, печальнымъ сознаніемъ трудности удержать за собою ненасытныя земельныя пріобрѣтенія предшественниковъ съ одинаковою административною властью, наконецъ, вѣчно чуткимъ вниманіемъ по отношенію къ тѣмъ явленіямъ, что создастъ на политическомъ горизонтѣ вѣроломная внутренняя жизнь страны.

Намѣстникъ королевы-императрицы держитъ власть надъ населеніемъ (на 1,800,000 квадратныхъ миль, съ длиною сухопутныхъ границъ въ 8000, а морскихъ въ 7000 верстъ). Сложнѣйшіе административные и политическіе вопросы, вызываемые простою необходимостью попеченія объ уврачеваніи многихъ нуждъ покореннаго края, суровая отвѣтственность передъ англійскимъ общественнымъ мнѣніемъ и особенно передъ не знающей удержу либеральной родной печатью, — все заставляеть аристократовъ, соглашающихся принять вице-королевскій постъ въ Индіи, не смотрѣть на него какъ на синекуру. Никакой почетъ, никакая благодарность потомства не могутъ вознаградить за безсонныя ночи труда и страданія на этой высотѣ, на этомъ искусственномъ престолѣ. Развѣ можно напр. не испытывать огорченій, вѣчно субсидируя изъ индійскихъ же суммъ коварный какъ море Афганистанъ, гдѣ столько пядей земли обагрено кровью британскихъ солдатъ, куда каждый походъ ознаменовывался и впредь неожиданно можетъ всегда ознаменоваться невѣроятными пораженіями, безславными побѣдами, безцѣльными захватами и неминуемыми уступками? Рядомъ, въ горныхъ ханствахъ, представляющихъ отчасти *terram incognitam* съ этно-географической точки зрѣнія, что ни шагъ — рискованныя дипломатическія комбинаціи, обоюдострыя рѣшенія, сознаніе нравственного безсилія что-нибудь справедливо пріобрѣсть и твердо отстоять. Предательски близкія и лакомыя владѣнія туземныхъ князьковъ (Кафиристанъ, Хунза и Нагаръ) съ одной стороны сами собой падаютъ въ руки англо-индійской имперіи (къ радости такихъ ожесточенныхъ руссофобовъ, какъ ученый Лейтнеръ, знатокъ этихъ мѣстностей!), но съ другой стороны какъ-бы составляютъ лишній гордіевъ узелъ на сѣверной окраинѣ.

Участь, постигшая махараджу Кашмира въ прошломъ году, и вызванные подобнымъ событіемъ (Голабъ-Сингъ въ 1846 г. по договору въ Амрицарѣ получилъ «благословенную» область — за вѣрность Англіи — въ неотчуждаемую собственность, а резидентъ Низбэтъ недавно устранилъ прямого преемника-правителя, по подозрѣнію въ измѣнническихъ замыслахъ) неодобрительные толки въ средѣ развитыхъ индусовъ тоже, конечно, не относятся къ числу обстоятельствъ, скрашивающихъ злобу дня. Усиливающееся финансовое разстройство, — благодаря всякимъ побочнымъ огромнымъ расходамъ (въ особенности военнымъ) не на пользу странъ, — въ свою очередь, въ высшей степени непріятно отражается. Уже прежнему намѣстнику королевы — Дэфферину выпала на долю исторически неблагоприятная роль завоевателя свободолюбивой Бирмы и подстрекателя противъ Россіи, т. е. противъ совокупности разумныхъ началъ Азіи, во главѣ коихъ мы невольно стоимъ: того, кто замѣнитъ болѣе осторожнаго и чуткаго маркиза Лэнсдоуна, ждетъ удѣлъ настоящаго творца въ новомъ миролюбиво-осмысленномъ направленіи, своевременность котораго дальновидные англичане теперь, пожалуй, и сами признають. Жаль

только въ интересахъ всего этого неогляднаго края и его повелителей, что вице-короли на слишкомъ короткіе сроки назначаются на подобную важную должность и, едва успѣвъ объѣхать полуостровъ съ примыкающими къ нему землями, отзываются назадъ (до момента, когда государственный дѣятель начинаетъ созрѣвать для созданія чего-нибудь разносторонне обдуманнаго, цѣльнаго и самобытнаго).

Положеніе такъ-называемыхъ «Lieutenant-Governors» (вродѣ Бенгальскаго) гораздо лучше и плодотворнѣе. Они обыкновенно остаются подолгу въ странѣ, имѣютъ хотя и гигантскій, но опредѣленный раіонъ дѣятельности, изучаютъ свои любопытнѣйшіе округа въ мельчайшихъ деталяхъ, судятъ объ инородцахъ не случайно (по идеямъ, принесеннымъ изъ Англіи), а сердечно и тонко, вникая въ корень вещей. Элліотъ, управляющій Бенгаліей, представляется именно таковымъ. Какъ ни опасно приходится къ выводу на основаніи мимолетныхъ впечатлѣній, относительно сэра Чарльса онъ едва-ли ошибоченъ. Въ немногихъ живыхъ словахъ онъ мнѣ очертилъ симпатичную сторону характера туземцевъ, говорилъ какъ человѣкъ, а не сухой администраторъ, остановился, между прочимъ, на одной трогательной подробности, которая рисуетъ интимную связь любой англо-индійской семьи съ коренными элементами. Рѣчь идетъ объ «аяхъ» (ayah означаетъ кормилицу или няньку, избираемую въ туземной средѣ). Онѣ, по отзыву безпристрастнаго англичанина-наблюдателя, являются свѣтлыми точками даже при наиболѣе скорбныхъ домашнихъ очагахъ европейскаго населенія въ странѣ. Съ минуты, что «ая» вошла въ домъ, онъ ей дѣлается роднымъ и дороже всего въ мірѣ. Самоотверженно привязываясь къ чужимъ «бѣлолицымъ» дѣтямъ, принимая къ сердцу всѣ радости и особенно всѣ горести господъ, заботясь исключительно о сохраненіи ихъ хозяйственныхъ интересовъ, такая нянька-наемница (инородческаго происхожденія) въ концѣ концовъ на каждомъ шагѣ преобразается въ добраго генія, въ ангела-хранителя представителей и представительницъ пришлой высокомерной расы, которую сородичи подобной «ай» или боятся, или ненавидятъ. Она же всецѣло предана этимъ европейцамъ: ихъ малютки отъ нея заимствуютъ мѣстные нарѣчія, узнаютъ чудныя индійскія пѣсенки и сказки, шутя служатъ отличными переводчиками для взрослыхъ членовъ семьи, проникаются гуманными чувствами и взглядами. Няня опять-таки забываетъ даже о своихъ насущнѣйшихъ потребностяхъ, тратитъ послѣднія деньги на покупку игрушекъ ненагляднымъ питомцамъ, готова ради нихъ оставить дорогую родину, нерѣдко замѣняетъ имъ рано утраченную мать. Народы Индіи, гдѣ престонародная масса непрерывно выдѣляетъ такихъ женщинъ, счастливы и отмѣчены лаской судьбы: въ этой странѣ человѣчество пользуется еще истиннымъ здоровьемъ духа, а отъ него исходитъ и на немъ зиждется жизнь высшаго порядка. . .

Епископъ Джонсонъ, присутствующій на парадномъ вице-королевскомъ обѣдѣ, олицетворяетъ собою оффиціальную Англиканскую церковь, воздѣйствующую на индо-цейлонскій міръ. По правдѣ сказать, значеніе ея пока не столь глубоко, какъ вліяніе другихъ вѣроисповѣданій, лишенныхъ одинаковой поддержки и равнаго сочувствія правительственныхъ сферъ. Свѣтлыя благородныя личности (вродѣ Хебера, Мидльтона, Уильсона) стояли во главѣ англиканства на колонизируемомъ полуостровѣ; но представителями иныхъ религіозныхъ направленій являлись еще болѣе сильныя, убѣжденные и прозорливыя натуры съ апостольскимъ призваніемъ. Немудрено, что озаренное творчествомъ миссіонерство, пробужденіе къ «свѣту Истины» если не массы, то многихъ отдѣльныхъ единицъ,

доставалось именно ревнителямъ, проповѣдывавшимъ и боровшимся съ грубымъ инновѣріемъ на почвѣ любви къ ближнему, — кто-бы онъ ни былъ, — на почвѣ равноправнаго отношенія къ людямъ любой расы, любого устарѣлаго строя.

Христіанство съ очень давнихъ поръ пустило корни въ Индіи. Оно занесено было туда евреями еще въ ту далекую эпоху, когда финикійяне единовременно торговали и съ туманными берегами Англіи, и съ цвѣтущимъ Цейлономъ. Въ I. вѣкѣ нашей эры знаменитый мореходъ Гиппалъ вникъ въ чередованіе муссоновъ на Индійскомъ океанѣ и прямо отъ Аравіи проплылъ открытымъ моремъ къ Малабарскимъ заливамъ, островамъ. Послѣ окончательнаго паденія Іерусалима, бѣглецы оттуда устремились на востокъ и пронесли до порога Деккана «великую благую вѣсть» о Богочеловѣкѣ. Въ свою очередь индусы (наравнѣ съ иранцами и скиѣми, съ жителями Бактріи и Эѳіопіи) стали стекаться — въ ту же пору — къ міровому центру знаній, торговли и вообще всякой культуры (т. е. въ Александрію). Духовно-нравственная атмосфера, вліявшая на великихъ Отцевъ — Оригена и Климента, подвинула на проповѣдь язычникамъ Индіи извѣстнаго покаявшагося стоика Пантѣна. Черезъ Египетъ, вверхъ по Нилу и отъ города Коптоса къ Чермному морю, а затѣмъ черезъ Адень направился туда въ исходѣ II. вѣка этотъ краснорѣчивый учитель (изъ важнѣйшаго тогдашняго разсадника христіанской науки) и, насадивъ здѣсь православіе, благополучно вернулся обратно.

Мало-по-малу на Востокѣ однако восторжествовали еретическія начала. Несторіанство создало себѣ въ Месопотаміи центръ новаго воздѣйствія на жаждавшую свѣта Азію. Когда европейцы (католики и протестанты) въ послѣдствіе стали замѣтно утверждаться въ ней, ихъ надежды найти тутъ опору среди квази-единовѣрцевъ отнюдь не увѣнчались успѣхомъ, а скорѣе наоборотъ: послѣдніе, охотно сносившіеся съ Армянской церковью и даже съ Коптскимъ патріархомъ, по временамъ открыто дѣлались врагами первыхъ. На такого рода пріемъ въ значительной степени вліяло поведеніе самихъ пришельцевъ изъ-за моря, особенно португальскаго фанатичнаго духовенства, которое простерло свою нетерпимость съ язычниковъ и на такъ-называемыхъ «малабарскихъ христіанъ», будто-бы просвѣщенныхъ еще въ апостольскія времена Апостоломъ Тимотею, но затѣмъ уклонившихся отъ истиннаго пути. Была пора, когда отъ руки католиковъ тутъ даже насильственной смертью гибли пріѣзжавшіе изъ Сиріи епископы. Теперь, впрочемъ, въ этой средѣ замѣчается (несмотря на упорно-консервативное настроеніе туземныхъ вѣрующихъ) желаніе ближе быть къ роднымъ по духу вѣроученіямъ, открыто протянуть дружественную руку Западу и просить у него помощи, совѣта. Въ данномъ случаѣ Англиканская церковь идетъ на встрѣчу несторіанамъ, часть коихъ въ странѣ уже съ XVII. вѣка признала, однако, власть Римскаго первосвященника.

Что касается до калькутскихъ правительственныхъ архіепископовъ, всегда выдѣлявшихся своею ученостью, — то, надо признать, они съ своей стороны дѣлали и дѣлаютъ все, дабы «бѣлый элементъ» въ колоніи отличался добрыми качествами и дабы инородцы, такъ-сказать, сами собою непринужденно склонялись къ принятію крещенія.

Высчитано, что еще недавно въ Индіи каждое обращеніе протестантами въ христіанство въ общемъ обходилось до тысячи фунтовъ стерлинговъ. Въ данное время, при широкомъ развѣтвленіи миссіонерской дѣятельности, положеніе дѣла быстро улучшается. Какъ ни странно, но толчекъ ей данъ не столько изъ набожной и богатой Англіи, сколько изъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, откуда организованное воздѣйствіе на индійскій языческій міръ пріобрѣтаетъ съ каждымъ годомъ новые и новые фазисы развитія. Материкъ, ошибочно открытый Колумбомъ вмѣсто Индостана, когда гениальный

мореплавателъ плылъ на западъ съ хоругвью, на которой былъ начертанъ «зеленый крестъ», долженствовавшій свидѣтельствовать о высшихъ проповѣдническихъ цѣляхъ экспедиціи (помимо другихъ земныхъ), — этотъ самый материкъ нынѣ высылаетъ старому Востоку многихъ христіанскихъ вѣроучителей, жертвуетъ на духовное просвѣщеніе тамошнихъ косныхъ массъ, безкорыстнѣ кого-либо относится къ настоящимъ нуждамъ населеннѣйшаго азіатскаго полуострова. Такъ, напр. изъ 64 миссіонерскихъ обществъ, трудящихся въ районѣ «Индіа, Бирма, Цейлонъ» — 18 (и притомъ едва-ли не самыхъ энергичныхъ!), приходится на долю американцевъ, — что, впрочемъ, и не мудрено, когда знаешь, что ими ежегодно собирается съ вѣрующихъ на миссіи и дѣйствительно тратится на нихъ до 10,000,000 рублей.

Пока число христіанъ во владѣніяхъ королевы-императрицы равняется менѣе чѣмъ одному проценту населенія въ странѣ. И то лишь за послѣднее время столь ничтожное въ сущности количество доросло и до этой величины! Отчасти явленію способствовала незримо воспламенившаяся, съ удвоенными силами, неутомимая проповѣдь католическихъ проповѣдниковъ, которые легче другихъ сживаются съ инородцами и безропотно переносятъ самыя тяжелыя жизненныя условія. Оттого, конечно, власть Ватиканскаго узника крѣпнеть не по днямъ, а по часамъ. Большинство когда-либо обращенныхъ индусовъ исповѣдуетъ католицизмъ.

Переходящіе въ христіанство часто принадлежатъ къ фетишистамъ и шаманствующимъ, къ чертопоклонникамъ, къ змѣепоклонникамъ и т. п. элементамъ низшихъ кастъ или, выражаясь точнѣе, иногда даже не кастъ, а племенныхъ особей, еще недостаточно подпавшихъ подъ могучее вліяніе браминовъ, которые съ постепенно возрастающею энергіей, упорно идутъ въ глушь, гдѣ обрѣтаются во множествѣ дикари, приносящіе въ жертву богамъ людей, — обожающіе тотъ или иной камень странной формы, — до сихъ поръ не знающіе ведической культуры и пантеона новѣйшихъ шиваито-вишнуитскихъ измышлений.

Къ чести протестантскаго міра слѣдуетъ сказать, что онъ — одинаково съ католическимъ духовенствомъ — подчасъ выдѣлялъ для активной проповѣди и разумнаго воздѣйствія на инородческую среду почтеннѣйшихъ дѣятелей, убѣжденнѣйшихъ ревнителей воплощенія Истины Христовой, апостоловъ смиренія и любовнаго отношенія къ глубоко непросвѣщеннымъ иноплеменникамъ. Таковыми были, напримѣръ: въ началѣ XVIII вѣка шведъ Кирнардеръ (изъ хорошей семьи, давшей Карлу XII двухъ превосходныхъ офицеровъ, убитыхъ въ бою подъ Полтавою), значительно позже — баптистъ Карей, въ срединѣ нашего столѣтія — самоотверженный шотландецъ Duff. Первый (изъ названныхъ) до 88-лѣтняго возраста прожилъ въ Индіи, всецѣло отдавшись ея населенію и ни разу не помысливъ вернуться въ Европу. Между присоединенными къ христіанскимъ понятіямъ, подъ его непосредственнымъ воздѣйствіемъ, насчитывались не только индусы, но и здѣшніе китайцы. Второй (William Carey) въ поту лица одиноко принялся трудиться (во имя сближенія съ туземцами) надъ расчисткой не благополучнаго — изъ-за мѣзмовъ и звѣрей — густаго джонгля въ устьяхъ Ганга. Результатомъ вскорѣ явилась возможность окрестить одного индуса въ струяхъ священной для него рѣки (при громадномъ скопленіи любопытнаго народа). Карей провелъ въ Индіи свыше сорока лѣтъ и скончался праведникомъ, у котораго незадолго до его смерти англиканскій епископъ Калькутты испрашивалъ благословенія. Duff работалъ главнымъ образомъ надъ насажденіемъ знанія въ инородческомъ юношествѣ (съ освѣщеніемъ всего воспринимаемаго учениками въ христіанскомъ духѣ, въ связи съ практически-полезнымъ примѣненіемъ европейской науки къ индійской жизни).

Помимо этих трех лиц выдвигались и навѣрно выдвигаются другіе менѣе извѣстные благочестивые ревнители однороднаго миссіонерскаго типа. Плодотворная дѣятельность ихъ безспорно полна значенія, но у предмета есть, между прочимъ, также и оборотная характерная сторона. Индусы, какъ и вообще въ большинствѣ случаевъ язычники на Востокѣ, терпимы до крайней степени. Родители не задумываются поручать дѣтей воспитанію западныхъ проповѣдниковъ, а наряду съ тѣмъ молятся своимъ кумирамъ, чтобы обучаемые отнюдь не принимали христіанскихъ обычаевъ и взглядовъ. Не рѣдко встрѣтить знатныхъ туземцевъ, щедро жертвующихъ на Библейское общество и ремонтъ церквей, единовременно съ тѣмъ посылая дары капищу Кали. Для правильнаго сужденія о крестящихся или просто сочувствующихъ нашей вѣрѣ азіатахъ требуется особый масштабъ зрѣнія *et beaucoup d'indulgence*.

Только мусульмане почти безусловно замкнуты передъ подобными просвѣтительными вліяніями. Они (хотя и съ колебаніями) готовы принимать образованіе, развиваться, искать соціальной равноправности съ англичанами; но въ религіозномъ отношеніи этотъ элементъ не любитъ и зачастую не терпитъ проповѣди, несогласной со смысломъ Корана. Съ тѣхъ поръ, что исламъ, въ 80-хъ годахъ, сталъ распространяться (правда, въ незначительныхъ размѣрахъ!) въ самой Англіи, куда его изъ Марокко завезъ ливерпульецъ Квильямъ, устроившій настоящую мечеть и пріобрѣтшій нѣсколько десятковъ послѣдователей среди соотечественниковъ, миссіи у индійскихъ мусульманъ естественно потеряли много шансовъ на успѣхъ.

Стоитъ взглянуть на сосредоточенно-горделивыя фізіогноміи сидящихъ за вице-королевскимъ столомъ мусульманъ, чтобы понять, какую политическую силу они собою представляютъ въ Индіи. Вопросъ конгрессовъ ихъ мало тѣшитъ. Краснорѣчіе всякихъ «бабу» у нихъ въ полномъ пренебреженіи. Передовые «навабы» деспотичны по природѣ и готовы, лишь скрѣпя сердце, дѣлить съ пришельцами положеніе и значеніе въ краю: правительству же надо выбирать на перепутьи, какого рода *captatio benevolentiae* своевременнѣе, т. е. дружить-ли и угождать-ли милліонамъ магометанъ или отчасти поддерживать индуизмъ въ его вѣчно прорывающейся ненависти къ «убивающимъ священныхъ коровъ» иновѣрцамъ-магометанамъ. Взвѣсить выгоды, могущія проистекать отъ того или другаго направленія, не такъ-то легко: въ кровавомъ мятежѣ 1857 г. непримиримые до поры-до времени туземцы-враги (по религіи) клятвенно сплотились въ жаждущую крови и разрушенія напряженно-воинственную массу...

Послѣ параднаго обѣда — вечеръ въ «Government House» съ двумя тысячами приглашенныхъ. Въ исходѣ десятаго часа Ихъ Высочества проходятъ изъ столовой въ верхній этажъ по довольно узкой лѣстницѣ, гдѣ на стѣнахъ развѣшены и выразительными обликами говорятъ о своемъ быломъ весьма сомнительномъ величій портреты какого-то персидскаго шаха и афганскаго эмира Ширъ Али, причемъ тутъ же рядомъ смотрятъ изъ рамъ: Биконсфильдъ, мальчикъ-Низамъ и Людовикъ XI французскій, служащій трофеемъ чьей-то побѣды надъ французами въ окрестной мѣстности, когда кромѣ этой картины англичане взяли, съ захваченнаго непріятельскаго корабля, еще нѣсколько цесарскихъ мраморныхъ бюстовъ, которые теперь украшаютъ обѣденный залъ.

Наслѣднику Цесаревичу представляется цѣлая безконечная вереница знатнѣйшихъ туземцевъ. Между ними выдѣляется (именемъ и даже, до извѣстной степени, доброю

славой) покровитель и знатокъ туземной музыки, вообще туземной мудрости и искусствъ — раджа Тагоръ. Въ этомъ семействѣ уже не одно лицо заслужило общее уваженіе за гуманитарныя стремленія и меценатство.

Музыка издревле пользуется въ Индіи исключительнымъ положеніемъ и почетомъ. Наше слово «гамма» — санскритскаго происхожденія и означаетъ «лѣствицу звуковъ», а также (что весьма удивительно и характерно) «деревню» какъ стройное цѣлое съ общимъ устройствомъ. Каждой мелодіи, каждому пѣснопѣнію присуще въ странѣ особое, такъ-сказать почти магическое вліяніе на міръ явленій, причемъ вполне допускается сокровенная связь ихъ съ природою вещей. Система нотъ, — кстати добавить, извѣстная индусамъ уже, по крайней мѣрѣ, за нѣсколько столѣтій до Р. Хр. — браминами передана будто-бы въ Иранъ и оттуда лишь черезъ арабовъ въ Европу, гдѣ только въ XI столѣтіи италіанскій монахъ Аретинъ (Guido di Arezzo) опредѣлилъ скалу тоновъ.

Одинъ изъ князей Тагоръ, въ качествѣ тонкаго цѣнителя, давно уже печется о родной музыкѣ, собираетъ инструменты, которыми край славится со времени эпическихъ поэмъ, издаетъ произведенія ея искусства, всячески старается заинтересовать ею европейцевъ.

Дѣйствительно, туземныя «балалайки» (схожія съ русскими!), — однородныя съ ассирійскими арфы, — прообразы нашихъ западныхъ скрипокъ, гитаръ и тамбуриновъ, — орнаментировка древне-египетскаго типа на предметахъ царства Терпсихоры, — мистическая роль раковинъ, какъ боевыхъ роговъ и принадлежностей культа, — все это крайне замѣчательно и достойно самаго разносторонняго изслѣдованія.

Море свѣта въ отраженіи зеркалъ. Тяжелая позолота на мебели и на стѣнахъ. Желтоцвѣтные шелковые диваны въ гостиной. Среди толпы гордо выступаетъ и бросается въ глаза Вали-Ахмедъ, посланецъ изъ Кабула. Рядомъ, обращаютъ на себя вниманіе туземцы-офицеры разныхъ полковъ Бенгальской кавалеріи и пѣхоты.

Въ числѣ гостей на вечерѣ у вице-короля намъ показываютъ нѣмецкаго путешественника Отто Элерса, извѣстнаго своимъ долгимъ пребываніемъ въ Африкѣ и участіемъ въ экспедиціяхъ Висмана. Этотъ туристъ направляется въ Ассамъ и въ Индо-Китай, для изученія тамошнихъ колоніальныхъ дѣлъ съ точки зрѣнія піонера германской цивилизаціи, въ предѣлахъ «Чернаго материка», и въ связи съ вопросомъ о возможности приручить со временемъ африканскихъ слоновъ къ боевой, т. е. особенно къ транспортной службѣ, какъ привычны здѣшніе «великаны джонгля» и какъ были когда-то (въ эпоху разцвѣта кареагенской власти и при Птолемейхъ) мѣстные, еще болѣе огромные, но и болѣе неукротимые слоны. Воспользоваться ихъ силой и выносливостью, конечно, желательно, — и нельзя не найти весьма практичною мысль нѣмцевъ о пріобрѣтеніи столь важнаго средства для борьбы съ препятствіями въ негритянской странѣ. Она представляетъ такую обширную арену дѣятельности ощущающимъ дома тѣсноту соотечественникамъ Элерса, что чѣмъ скорѣе ихъ Drang nach Süden изберетъ оригинальные пути, тѣмъ легче будетъ западной континентальной Европѣ.

Между знатнѣйшими туземцами въ залѣ невольно приковываетъ взоры рѣдко одѣвающийся въ цвѣтныя національныя ткани, обыкновенно предпочитающій имъ европейское платье, — воспитанный на англійскій ладъ, отверженный всѣми кастами, молодой и несмѣтно богатый Кучъ-Бихарскій махараджа. Сегодня онъ сіяетъ въ шелкахъ и драгоценностяхъ. Его ближайшіе предки стояли на уровнѣ полудикарей, добивались признанія за собою браминами человѣческихъ и княжескихъ правъ, — а онъ уже порвалъ связи со стариной, обвинчался съ дочерью одного реформатора, проповѣдывавшаго такъ-называемый «брамоизмъ», — религіозную общину съ отрицающимъ средневѣковой строй

направленіємъ (на половину въ духѣ Ведъ, отчасти же опять-таки на раціоналистической подкладкѣ).

Княгиня (махарани) ѣздила съ мужемъ за море, гостепріимнѣйшимъ образомъ принята была королевой Викторіей и аристократами Великобританіи, вращалась среди нихъ за́просто, какъ «Mrs. Cutch», въ данную минуту, очевидно, присутствуетъ на многочисленнѣйшемъ собраніи. Она, впрочемъ, и не одна. Кромѣ нея замѣчается нѣсколько дамъ иностранческаго происхожденія. Индія просыпается въ смыслѣ эмансипаціи. Многіе терема раскрылись. За стѣнами ихъ растетъ потребность въ образованіи. Мужская молодежь ищетъ грамотныхъ и сколько-нибудь развитыхъ женъ. Миссіонерши охотно принимаются въ качествѣ наставницъ и совѣтницъ, въ смыслѣ помощи больнымъ дѣтямъ, поддержки нравственной при домашнихъ неурядицахъ и т. п. Энергичная лэди Дэфферинъ искусно утилизировала свое положеніе, создавъ громаднѣйшій фондъ изъ щедрыхъ пожертвованій на правильную организацію дѣла врачеванія слабаго пола, который отъ равнодушія и суетвѣрія окружающихъ терпѣлъ и терпитъ суровую нужду. Человѣколюбивая супруга прежняго вице-короля выписала сюда женщинъ-медиковъ (первою явилась, кажется, дѣвица Елена Бурше) и акушеровъ, открыла десятки больницъ и лѣчебницъ для приходящихъ, завѣщала преемницъ: столь же гуманно настроенной маркизѣ Лэнсдоунъ, и свою инициативу, и крупный капиталъ, составившійся изъ подношеній владыкъ Джайпура, Альвара и другихъ.

Справедливость требуетъ сказать, что настоящею и первою печальницею о судьбахъ женщины въ Индіи была miss Carpenter, сестра знаменитаго фізіолога: уже будучи старушкою, она прибыла сюда изъ Англіи, вникла въ положеніе страждущихъ матерей и родильницъ, основала ради вспомошествованія имъ, въ 1870 г. «National Indian Association», нынѣ находящуюся подъ Августѣйшимъ покровительствомъ принцессы Уэльской.

Все пока — въ туземной замкнуто-семейной жизни — противорѣчитъ условіямъ гігіены. Многіе чисто вѣроисповѣдные обряды предписываютъ поступать въ ущербъ здоровью. Широко и трудно призваніе европейской ревнительницы, желающей отъ души облегчить или хоть сколько-нибудь смягчить участь представительницъ мѣстнаго слабаго пола, охотнѣе прибѣгающихъ подъ покровъ Шивы и Дурги, чѣмъ внимающихъ непонятному голосу иноземной науки. Но свѣтъ пронизываетъ тьму. Каждый годъ даетъ тотъ или иной благой результатъ, смягчая муки сотенъ тысячъ душъ населенія, отъ рожденія осужденнаго прозябать въ глухомъ затворничествѣ... Правда, у сѣятельницъ на этой нивѣ чисто-христіанскаго милосердія свои страданія, свои утраты, наконецъ переутомленіе: напр. въ Калькуттѣ отъ него недавно умерла американка-докторша Mary Seelye, всецѣло посвятившая себя уходу за туземками и дѣтьми. Неусыпное рвеніе ее преждевременно убило.

Въ 1883 г., маленькая хрупкая браминка Анандибай-Джоши направилась на Нью-Йоркъ и въ Пенсильванію изучать медицину и за докторскимъ дипломомъ. Послѣдній она получила, и съ тріумфомъ принята была на родинѣ за подвигъ и жажду помочь соотечественницамъ. Чахотка подкосила труженицу въ 1887 г. на двадцать второмъ году.

Приблизительно въ тѣ-же зимы, другая 18-лѣтняя вдова — индуска (Pundita Ramabai Sarasvati) поѣхала заниматься въ Англію, сопровождаемая лишь своимъ ребенкомъ.

Обѣ эти поклонницы знанія — изъ маратской земли, гдѣ женщина менѣе скована общественными предразсудками, гдѣ больше потребности въ практическихъ знаніяхъ, гдѣ шире сочувствіе различныхъ слоевъ населенія педагогическимъ начинаніямъ, облагороженному стремленію впередъ. Строго говоря, Рамабай и ей подобныя лица даютъ жизненный толчекъ идеямъ лэди Дэфферинъ.

Исторія Индіи вообще богата замѣчательными женскими типами, самоотверженно-пылкими дѣятельницами, государственно-мудрыми и единодержавными царицами. За примѣрами достаточно обратиться отъ эпическихъ жизненно-правдивыхъ описаній, съ изумительнымъ колоритомъ, къ эпохѣ вторженій ислама въ языческій міръ: султанши, повелѣвавшія, вродѣ правнучки Мамая — литвинки Елены Глинской и враждебной Петру Софіи (съ ихъ Телепневымъ-Оболенскимъ, Голицынымъ), — властолюбиво настроенныя жены и вдовы Моголовъ съ ихъ презрѣніемъ къ опасностямъ, съ ихъ прозорливостью и внѣшнюю красотой богинь, — всѣ онѣ составляютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ достойное и психологически-интересное pendant нашимъ типичнѣйшимъ княгинямъ и боярынямъ въ Московскій періодъ. Вотъ-бы гдѣ черпать матеріалъ и вдохновеніе русскимъ писателямъ и художникамъ! Жаль только, что мы еще не вполне освоились съ подробностями того быта, — того прошедшаго, о которомъ я говорю.

Вторникъ, 15 (27) января.

Утромъ Ихъ Высочества посѣщаютъ (въ сопровожденіи англійскихъ офицеровъ Swinton, Brasier-Creagh и Lister) Зоологическій садъ, — извѣстный подъ сокращеннымъ названіемъ «Zoo». Онъ обязанъ своимъ настоящимъ положеніемъ вниманію и поддержкѣ одного изъ выдающихся англо-индійскихъ дѣятелей — сэра Ричарда Тэмплия, хотя и до него много было создано основателемъ учрежденія Карломъ Людовикомъ Швендлеромъ. Въ память послѣднему за его труды (онъ умеръ, работая здѣсь, въ 1882 г.) среди звѣринцевъ высятся обелискъ и домикъ, пріютившій фазановъ, наименованъ «Schwendler House».

Мы идемъ отъ ограды къ оградѣ, гдѣ помѣщена туземная и всевозможная иная фауна, — вдоль сооружений, носящихъ названія по махараджамъ или богатымъ жертвователямъ (преимущественно евреямъ: Гюббай, Эзра), которые ихъ воздвигали. Изъ числа князей, не безъ тщеславія принявшихъ участіе въ расширеніи и благоустройствѣ «Зоологическаго сада», можно упомянуть Кучъ-Бихарскаго, Дарбунгійскаго, Сонбарсійскаго, Ангульскаго, Джиндійскаго.

Количество различныхъ экземпляровъ, собранныхъ тутъ, равняется примѣрно 100 млекопитающихъ, 600 птицамъ и 150 пресмыкающихся.

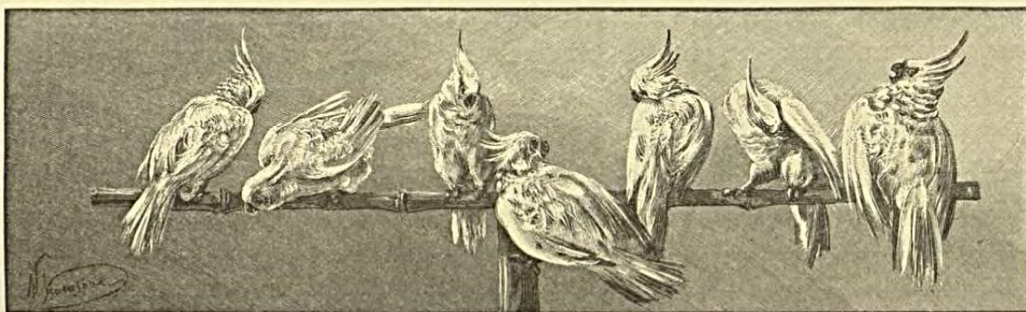
Почти противъ входа — въ «Думраонскомъ» отдѣлѣ (онъ, кажется, возникъ на средства горожанъ одноименнаго съ нимъ центра въ Бенгаліи) — орутъ и кривляются, цѣпляясь хвостами за перекладины и столбы, цѣлыя кучи обезьянъ (не только со всего полуострова, но и вообще различнѣйшихъ азіатскихъ породъ). Вотъ ужъ подлинное царство Ханумана, помогавшаго своими полчищами божественному Рамѣ, когда онъ шелъ походомъ на Цейлонъ!

Бурья макаки прыгаютъ рядомъ съ серебристо-сѣрыми, длинно-хвостыми, черномордыми лангурами, у которыхъ — уморительно-серьезное выраженіе лица, обрамленнаго бѣлою густою шерстью. Одна обезьянка шаловливо сидитъ, отвернувъ голову въ бокъ и притворяясь глубоко равнодушной къ происходящему вокругъ нея. Другая набила полный ротъ кормомъ и сердито пучитъ глаза при нашемъ приближеніи. У третьей вырывается изъ груди тихая нѣжная жалоба и лапки свѣшены внизъ, тогда какъ грустный взглядъ ея устремленъ впередъ: это — уже такая особенность ассамской породы.

Промежъ строеній — изобиліе зелени, воды. За извѣстную плату посѣтителямъ дозволено катанье въ лодкѣ, уженье. Красивый бассейнъ наполненъ золотыми рыбками. На открытомъ воздухѣ, однако, мало видно водяныхъ пернатыхъ, что объясняется частыми

нашествіями шакаловъ, противъ ловкости и жадности которыхъ сторожа безсильны. За то уроды-носороги какъ-то рельефнѣе выдѣляются одиночествомъ среди садовой влаги. Говорятъ, будто экскременты ихъ дорого продаются въ туземныя аптечки, ибо народная медицина считаетъ таковыя полезнымъ ингредіентомъ лекарствъ. Цвѣтами радуги пестрятъ и горятъ въ своихъ стеклянныхъ затворахъ крылатые представители тропическаго міра. Здѣшній «Зоо» постоянно совершаетъ обмѣны съ важнѣйшими аналогичными учрежденіями Америки, Австраліи и Европы.

Гіены и волки, омерзительно пахнушія лисицы, кэнгуру, кабаны, крокодилъ, черныя лебеди, разнообразнѣйшія антилопы, сингапурскія и яванскія лани, курдючныя афганскія овцы и т. д. и т. д. по очереди привлекаютъ вниманіе Августѣйшихъ путешественниковъ. А вотъ и «косопалые мишки», уроженцы края, заявляютъ о себѣ несмолкающимъ ревомъ... Бенгальскіе медвѣди крайне безобидны и добродушны; они непрерывно встаютъ на заднія лапы, опираясь о рѣшетку клѣтки, жалобно стонутъ и какъ-бы взываютъ къ сочувствію каждаго, кто подходитъ къ ихъ тюремѣ. Изъ другихъ «потопычей» — налицо: во-первыхъ, гималайскій медвѣдь, который считается крупнѣйшимъ изъ всѣхъ,

когда-либо и гдѣ-либо томившихся въ неволѣ (ему даны дерево и башенка-колодезь для жилья), — а затѣмъ внушительныхъ размѣровъ «стервятникъ» съ нашего Сѣвера. Книжечка (guide-book) о достопримѣчательностяхъ Калькутты коротко и ясно говоритъ о немъ, что онъ, не зная отдыха, мечется въ заточеніи, какъ «истый москвитѣ!» И у насъ еще, послѣ подобныхъ лестныхъ аттестацій, плачутся на русскую лѣнь!... Англичане на примѣрѣ внушаютъ инородцамъ совершенно иныя понятія.

Мы подходимъ къ загражденію, гдѣ спятъ или еле движутся пресмыкающіяся. Даже спокойному европейцу въ концѣ концовъ должны быть непріятна ихъ близость, ихъ медлительность и притягательный взоръ. Что же ощущаютъ суевѣрные коренные жители края?

Культъ змѣй до сихъ поръ еще весьма распространенъ въ Индіи. Смертоносное животное, которое предпочитаетъ щадить все живое и скорѣе неохотно пользуется даннымъ ему отъ природы страшнымъ ядомъ, туземцами естественно читается какъ нѣчто сверхъ-естественное и мудрое, воплощающее божественную силу и достойное соотвѣтствующаго поклоненія. Язычниками измышлена даже особая богиня (Манаса), царица гадовъ и покровительница тѣхъ людей, кто ей молится, для спасенія отъ нихъ.

Если въ любой крестьянской хижинѣ Индіи хозяйка слышитъ шелестъ движеній незримой кобры, гоняющейся на кровлѣ или въ подпольѣ за крысами и мышами, то она

оставляетъ работу и благоговѣнно складываетъ руки, какъ-бы для молитвы: вѣдь ядовитая змѣя служить ожерельемъ грозныхъ боговъ, является стражемъ сокрытыхъ въ землѣ сокровищъ, можетъ обогатить любого бѣдняка, обладаетъ чудеснымъ даромъ ежегодно мѣнять кожу и вообще обновляться, пользоваться вѣчной юностью, принимать любой образъ! Чаше всего отъ змѣинаго укушенія у поселянъ гибнетъ скотъ и тѣмъ не менѣе они считаютъ именно кобру чуть-ли не покровительницею своихъ домашнихъ животныхъ. Англійское правительство сулитъ и платитъ хорошія деньги истребляющимъ опасныхъ гадовъ; но ни одинъ уважающій себя индусъ не подниметъ руки на такую для него святыню, какъ ядовитая змѣя, и даже постарается спасти ее отъ гибели, если ей грозитъ таковая отъ нечестиваго европейца. За послѣднѣе время, всякое цыганье, — живущее въ джонгляхъ, — нарочно плодитъ гадовъ, чтобы потомъ въ болѣшемъ количествѣ представлять ихъ убитыми британскимъ чиновникамъ. Ясно, что при такомъ отношеніи народа, число смертныхъ случаевъ отъ укушенія не уменьшается, размноженіе ядовитыхъ пресмыкающихся трудно остановить; напротивъ, во всѣхъ провинціяхъ (кромѣ Бомбейской) теперь даже больше погибаетъ людей отъ змѣинаго яда, чѣмъ погибало нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Есть только одно средство для борьбы со зломъ: это — расчистка лѣсной чащи у деревень и въ связи съ этимъ безпощадное преслѣдованіе гадовъ; но для приведенія въ силу такихъ проектируемыхъ мѣропріятій у администраторовъ едва-ли скоро хватитъ денегъ и досуга. Обслѣдовать съ этими цѣлями джонгль вокругъ инородческаго жилья тоже едва-ли мыслимо, да и не всегда политично, такъ какъ онъ крайне милъ привыкшему къ нему населенію. Пожалуй, что и не стоило издержать за 1888—90 г.г. около 200,000 р. на уплату за умерщвленныхъ змѣй!

Пресмыкающіяся (въ калькуттскомъ Зоологическомъ саду) въ данную минуту спасаются отъ солнечныхъ лучей, заползли въ камни, свернулись кольцами въ прохлаждающемъ дернѣ. Въ часы кормленья, подъ вечеръ, гады просыпаются и жадно ловятъ бросаемыхъ имъ живыхъ лягушекъ.

Босоногій привратникъ, при этомъ логовищѣ змѣй, безстрашно перелѣзаетъ къ нимъ за рѣшетку, пускаетъ туда двухъ несчастныхъ бѣлыхъ мышей, тревожитъ палкой сердито шипящихъ сытыхъ тварей. Онѣ не хотятъ лакомиться, залѣзаютъ подальше подъ миниатюрную горку, — гдѣ ихъ норы, — чернѣютъ и синѣютъ (изъ отверстій въ нихъ) переливчатою чешуею. Бѣдные же грызуны, отданные на съѣденіе, не чувтъ опасности, перебѣгаютъ отъ одной зловѣщей закрытой пасти къ другой, съ любопытствомъ заглядываютъ въ подземные переходы, гдѣ сторожитъ смерть. Не знаешь, чему больше удивляться: равнодушію-ли туземца, который выводитъ изъ оцѣпенія и дразнить змѣй, или трогательной безпечности мышатъ, осужденныхъ на скорую гибель.

Нѣсколько шаговъ въ сторону отъ необычнаго зрѣлища, — и мы у львовъ, у тигровъ, у «чернаго леопарда» (съ Малакки). Кромѣ миловидныхъ новорожденныхъ тигрятъ, въ звѣриныхъ клѣткахъ всего замѣчательнѣе «полосатый» людоедъ, истребившій будто-бы, до поимки, свыше двухсотъ человекъ. Тигры вообще неохотно нападаютъ на двуногаго «царя природы», но иногда проникаются болѣею хищностью и, отвѣдавъ немного нашего мяса, ищутъ уже затѣмъ жертвы за жертвой, пока прожорливости такихъ страшилищъ не положатъ предѣла или искусные охотники, или несокрушимыя тенета.

Содержащійся здѣсь косматый «man-eater» и взаперти внушаетъ къ себѣ чувства почтенія: онъ не мирится съ участью узника, грозно кидается на подходящихъ чуть-чуть поближе, старается достать ихъ когтями, бѣшено кружитъ на своемъ каменномъ помостѣ и словно говоритъ сверкающими глазами: презрѣнные люди, я все-таки могущественнѣе

вась! дайте мнѣ мгновенье свободы, и я все окрестъ растерзаю, упыюсь вашей кровью, до пресыщенія напитаюсь вашими тѣлами!

Неподалеку отъ этого свирѣпаго тигра сидитъ философски настроенный орангутангъ; онъ по природѣ — комикъ, насмѣшливо посматриваетъ на посѣтителей сада, съ ужимками чешетъ себѣ затылокъ и готовъ удрать всякую штуку. Напримѣръ, кто-то ему передаетъ газету: умная громадная обезьяна сначала точно читаетъ по печатному, но затѣмъ отчаевается найти въ ней смыслъ и дѣлаетъ себѣ изъ нея колпакъ, — причесть всѣ присутствующіе при подобной сценѣ, конечно, помираютъ со смѣху. Изъ-подъ бумаги, низко опущенной на лобъ, презабавно торчитъ выразительное, совершенно человѣческое лицо съ глубокомысленно нахмуренными бровями.

Ихъ Высочества возвращаются въ «Government House» изъ предмѣстья Алипуръ, гдѣ находится «Zoo», пересѣкая черезъ такъ-называемый «Дзирутскій мостъ» притокъ Хугли «Tolly's Nulla». На берегу послѣдняго было и есть ядро доисторической и сравнительно новой Калькутты, такъ какъ притягивающая массы богомольцевъ кумирня Кали, давшая наименование городу, помѣщалась и до сихъ поръ помѣщается именно тутъ. Капище возникло въ память чуда. Жена Шивы изъ любви къ мужу, старая отъ причиненной ему ея отцемъ обиды, убила себя. Неутѣшный вдовецъ, богъ аскетизма и разрушенія, взвалилъ на плечи ея трупъ и пошелъ съ нимъ бродить: куда онъ ни приходилъ, неразлучно шествовали чума и всякія бѣдствія, пока Вишну не ухитрился разсѣчь тѣло богини своимъ дискомъ на многіе куски. Народъ воздвигалъ по святынѣ, гдѣ они падали на землю. У «Tolly's Nulla» образовался выдающийся религіозный центръ, ибо сюда свалился второй палецъ лѣвой ноги Кали.

Однимъ изъ піонеровъ англійскаго дѣла на бенгальской почвѣ, въ концѣ XVII вѣка, оказался Джобъ Чарнокъ, въ сильнѣйшей степени обьязычившійся отъ долгаго пребыванія среди туземцевъ: когда умерла его любимая наложница, которую онъ вытащилъ изъ погребальнаго костра ея супруга, этотъ европеецъ даже приносилъ ежегодно установленныя обычаемъ жертвы на дорогой для него могилѣ. Собственно онъ является основателемъ настоящей Калькутты. Ему понятно было крайне благопріятное положеніе, занимаемое въ краю алтаремъ властнаго надъ населеніемъ божества, которому толпа слѣпо молилась, обыкновенно закалывая козъ (и, въ години страшнаго несчастья, дѣтей!). Еще не очень давно, при какой-то эпидеміи или въ голодную пору, передъ идоломъ нашли человѣческую голову въ цвѣтахъ. «Черная» подруга Шивы любитъ кровавыя зрѣлища, корчи умирающихъ, муки тварей. Она изображается съ высунутымъ золотымъ языкомъ. По преданію, враждуя съ демонами, богиня пришла въ ярость, повергла передъ собою всякія препоны и подъ конецъ, восторжествовавъ надъ злыми началами, въ дикой пляскѣ стала выражать свой неистовый восторгъ: вселенная заколебалась, ужасъ охватилъ небеса, моря и сушу, — а Кали продолжала адскій танецъ, — и вдругъ, о стыдъ! видитъ во прахѣ, — подъ ногами у себя, — самого великаго Шиву. Смущенная до глубины души — она такъ и замерла съ высунутымъ языкомъ...

Наивное міросозерцаніе, — но всетаки мало интереса медлить на немъ!

Мы выѣзжаемъ на обширнѣйшее ровное пространство (Maidan), идущее по направленію къ вице-королевскому дворцу. Съ одной стороны — родъ парка, съ другой — арена скачекъ. Наконецъ, прямо впереди высится вереница памятниковъ, составляющихъ гордость правителей Индіи. Наиболѣе бросается издали въ глаза колонна (въ двадцать

пять сажень высоты, съ галлереею вокругъ вершины), воздвигнутая въ честь сэра Давида Октерлони, искусно дѣйствовавшего въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка въ Раджпутанѣ, воевавшего съ маратами, сикхами, горкинцами. Затѣмъ различаешь изваянія, памятующія заслугу различныхъ выдающихся по уму и таланту администраторовъ (лордовъ: Бентинка, Каннинга, Лауренса, Норфбрука). Джэмсъ Оутрамъ на конѣ, — величаемый старожилами восточнымъ Баяромъ, «рыцаремъ безъ страха и упрека», — красуется тутъ же «на ристалищѣ храбрости, энергіи и благородства». Могучій всадникъ словно осаждаетъ ретиваго скакуна, оборачивается къ «своимъ», ведетъ соотечественниковъ къ побѣдѣ надъ возмущенными сипаями, готовъ врѣзаться въ ихъ ряды для освобожденія гибнущаго Лэкнуу и для мести надъ инородцами, рубившими «бѣлыхъ» женщинъ и дѣтей въ Каунпорѣ.

Когда ѣдешь по Майдану и видишь эти бронзовыя фигуры «съ непокрытой головою», (начиная отъ Хардинга, — работы извѣстнаго художника Фолей, — и кончая имъ же исполненной статуей лорда Мэо, открытой при посѣщеніи страны принцемъ Уэльскимъ), невольно проникаешься чувствомъ удивленія къ націи, которая такъ умѣетъ чтить и превозносить родныхъ героевъ, патріотовъ и государственныхъ мужей. Живымъ пантеономъ стоятъ подобные монументы подъ небомъ Калькутты и только одно маленькое сомнѣніе закрадывается въ душу иностранца, отдающаго должное британскому самосознанію: зачѣмъ понадобилось правительству отмѣчать на пьедесталахъ участіе туземныхъ элементовъ въ сооруженіи столь вещественныхъ доказательствъ чужеземнаго торжества надъ мѣстными народами? Вѣдь между цѣлями тѣхъ, кому здѣсь даруется безсмертіе за покореніе и обузданіе инородческихъ массъ, и понятіями коренныхъ жителей края, въ сущности нѣтъ и не можетъ быть безусловно ничего общаго, — а если такъ, то кого же этимъ послѣднимъ искренно оплакивать, о комъ хвалебно вспоминать, чему создавать ореолъ величія и славы? Очевидно, въ подобномъ явленіи кроется нѣкоторая аномалія. Политическій тактъ требовалъ бы другаго отношенія къ вопросу.

Жаль, что англичане, при широтѣ своихъ политическихъ взглядовъ и убѣжденій, не поставили до сихъ поръ памятника на калькуттскомъ «Майданѣ» гениальному французу Дюплэ, который первый изъ европейцевъ въ срединѣ прошлаго вѣка охватилъ Индію творческой мечтой колонизатора и администратора, стремился къ закрѣпленію торговыхъ связей съ Китаемъ и Тибетомъ, провидѣлъ способность азіатовъ быть послушнымъ боевымъ орудіемъ подъ руководствомъ «бѣлыхъ», положилъ начало смѣлому проекту созданія цѣлой новой имперіи на развалинахъ царства Моголовъ и махараджей. Британскіе государственные люди и полководцы энергично примѣнили къ жизни эти идеи непризнаннаго и развѣнчаннаго королевскимъ Парижемъ генераль-губернатора франко-индійской территоріи. Среди вереницы изваяній, составляющихъ гордость всякаго истиннаго патріота съ береговъ Альбіона, прозорливецъ Дюплэ, такъ-сказать намѣтившій основу и возможность относительно твердаго европейскаго владычества на брамино-мусульманскомъ полуостровѣ, въ видѣ страннаго исключенія справедливо могъ бы занять почетное мѣсто.

Кромѣ «Zoo» и музея, столица полуострова имѣетъ еще лишь одну достопримѣчательность: роскошнѣйшій Ботаническій садъ, раскинувшійся на рѣкѣ, — на томъ же берегу, что и Ховра, — у предмѣстья Сибпуръ, въ 8 верстахъ отъ центра города. Ботаники цѣлаго міра стараются посѣтить это образцовое учрежденіе развивающееся въ теченіе ста лѣтъ.

Полковникъ Robert Kyd, будучи любителемъ-садоводомъ, положилъ ему начало въ 1786 г. Преемникомъ ему Остъ-индская компанія назначила ученаго натуралиста — William

Roxburgh (изъ Мадраса), и онъ съ 1793 г. до 1815 г. трудился надъ составленіемъ неисчерпаемой «Flora Indica». Дальнѣйшіе директора оказались въ свою очередь на высотѣ призванія. Королевскій Ботаническій садъ вскорѣ сталъ знаменитъ и, служа интересамъ знанія, параллельно съ тѣмъ принесть и приносить громадную практическую пользу, ибо отсюда почерпаются драгоцѣнныя данныя о культурѣ и акклиматизаціи множества иноземныхъ растений, которыя экономически важны для зарожденія и процвѣтанія плантацій въ благодатной для нихъ сѣверо-восточной Индіи. Опыты доказали, насколько примѣнимо, напр. въ Ассамѣ и Дарджилингѣ, производство чая, хинныхъ деревьевъ (съ Андовъ), улучшеннаго хлопка и вестъ-индскаго сахарнаго тростника. Параллельно являлась возможность точно и безъ особенныхъ затратъ узнать, чего нельзя пересаживать на мѣстную почву.

ГИГАНТСКІЙ БАНИАНЪ У КАЛЬКУТТЫ.

Ихъ Высочества послѣ завтрака отправляются къ Сибпуру, въ сопровожденіи вице-короля и его семьи, съ большою свитою. Дорога туда избрана водою, внизъ по Хугли, на пароходикѣ. Эффектная набережная съ вилами (Garden Reach), подавляющее количество коммерческихъ судовъ, оживленнѣйшая лихорадочная дѣятельность въ сферѣ ихъ якорной стоянки, все ново и оригинально на взглядъ европейца.

Только одному какъ-то плохо вѣрится, когда видишь воочию, что такое столица Индіи: неужели еще какіе-нибудь десятки лѣтъ назадъ здѣсь свободно хозяйничали «тюги» (разбойники въ силу религіозныхъ предписаній), улавливавшіе (на лодкахъ) богомольцевъ и купцовъ для принесенія ихъ въ жертву Кали.

Рукавъ Ганга, по которому мы спускаемся, далеко не безопасенъ въ судоходномъ отношеніи, потому что изобилуетъ мелями, и къ тому же теченіе крайне капризно:

аваріи — не рѣдкость. Искуснѣйшіе лощмана не всегда могутъ справляться тутъ съ труднымъ дѣломъ кораблевожденія; тѣмъ не менѣе, этотъ рѣчной путь до того выгоденъ, что имъ издревле пользуются, и въ эпоху расцвѣта буддизма въ Бенгаліи ближе къ устью находился богатѣйшій торговый городъ Тамлукъ, посѣщенный въ VII вѣкѣ однимъ извѣстнѣйшимъ китайскимъ пилигримомъ (Hiouen-Thsang).

Слѣва на рѣкѣ высится группа зданій, окруженныхъ садомъ: бывший дворецъ потерявшаго престолъ Ваджиды-Али, проживавшаго здѣсь въ теченіе тридцати лѣтъ, послѣ того какъ съ нимъ по своему расправились его прежніе союзники, новые владыки Индіи, которымъ и онъ и его предшественники всячески въ свое время помогали: деньгами, перевозочными средствами и зерномъ (въ тяжелыя для пришельцевъ години). Англичане отобрали у него царство, включивъ послѣднее въ обширныя и безъ того владѣнія Остъ-индской компаніи. Предлогомъ для такого образа дѣйствій калькуттскимъ властямъ (при генераль-губернаторѣ лордѣ Далузи) послужили нѣкоторыя злоупотребленія въ предѣлахъ Оуда. Но такъ какъ самъ король, — къ слову сказать, незаконно (отъ европейцевъ) получившій еще въ лицѣ дѣда столь громкій титулъ, не соотвѣтствовавшій зависимой роли простыхъ намѣстниковъ Могола, — такъ какъ самъ король совершалъ разныя насилія, исключительно съ цѣлью всегда быть щедрымъ по отношенію англичанъ, съ дѣтской наивностью зачастую прибѣгая къ защитѣ ихъ штыковъ; то суровая кара, внезапно постигнувшая его, повергла въ трепетъ другихъ князей страны (съ мнимо-самостоятельнымъ положеніемъ) и не могла не поразить глубоко пострадавшаго, хотя ему и оставили часть его сокровищъ. Вотъ одна изъ причинъ раздраженія, распространявшагося въ массахъ передъ возстаніемъ сипаевъ, которые (что бы ни говорили и не писали противъ нихъ!) въ сущности встали мятежемъ не какъ скопище разбойниковъ, но какъ ратоборцы за ту старую Индію, при разложеніи коей многіе еще тогда не хотѣли равнодушно присутствовать. Ропталъ и хотѣлъ борьбы въ многихъ округахъ самъ народъ, а за нимъ и съ нимъ вмѣстѣ солдаты. Герой обороны города Лэкноу, сэръ Генри Лауренсъ, безукоризненный образецъ мужества и чести, незадолго до смерти, въ стѣнахъ осажденной «Residency», будто-бы изрекъ: «присоединеніе Оуда было величайшею ошибкою и несправедливостью....»

Ваджидъ-Али сперва сильно убивался, когда его устранили отъ управленія краемъ, но едва-ли онъ принималъ какое-нибудь участіе въ заговорѣ милліона туземцевъ противъ своихъ обидчиковъ. Онъ удовольствовался тѣмъ, что отправилъ мать въ Англію безуспѣшно ходатайствовать о возстановленіи его поправленныхъ правъ, а самъ довольно замкнуто и беспорядочно-дико зажилъ подъ Калькуттою: среди вѣчно пополняемаго гарема, громаднаго штата баядерокъ, музыкантовъ и шутовъ, наконецъ среди цѣлаго замѣчательнаго звѣринца, который возникъ здѣсь какъ разъ напротивъ разроставшагося Ботаническаго сада. Съ той минуты, что эксъ-король съ грустью положилъ свою чалму на колѣни англійскаго резидента, который лишилъ его власти, онъ заскучалъ и отказался отъ всякой политики. Единственнымъ для него утѣшеніемъ сдѣлалось: дразнить высшую мѣстную администрацію неисполненіемъ тѣхъ замѣчаній относительно его дурнаго поведения, которыя послѣдняя себѣ не рѣдко позволяла. Разъ ему поставили на видъ, что напрасно онъ держитъ огромное число женъ. Ваджидъ-Али немедленно удвоилъ составъ гарема. Когда принцъ Уэльскій посѣтилъ Калькутту и проѣзжалъ мимо оудскаго дворца, обитатели его высыпали на берегъ посмотреть на диковинное для нихъ зрѣлище, но отнюдь не выказали никакихъ знаковъ привѣтствія и почтенія.

Когда Лэкноусскаго царя развѣнчивали, онъ безпечно утѣшался игрой въ чехарду. На рѣкѣ Хугли онъ часами сидѣлъ у искусственной горки въ чертѣ своего парка, наблюдая

за тѣмъ, какъ вползали и выползали пущенныя туда змѣи. Подходящее занятіе для случайно познавашаго суету земныхъ суетъ! Наконецъ (передъ смертью: въ 80-хъ годахъ) шіиту Ваджидъ-Али наскучило томиться въ Индіи и онъ отпросился у правительства въ Багдадъ, чтобы успокоить свой грѣшный прахъ въ мусульманской странѣ, неподалеку отъ Кѣрбелы, гдѣ схоронены Хассанъ и Хуссейнъ, внуки Магомета черезъ Фатьму и сыновья четвертаго халифа Али.

У пристани Ботаническаго сада Ихъ Высочества и маркизъ Лэнсдоунъ съ женой встрѣчены директоромъ — докторомъ Кингомъ, въ теченіе 20 лѣтъ управляющимъ широкою прирѣчною полосой, занимаемой многоцѣнными насажденіями. Сразу вступаешь въ заколдованный міръ природы, цвѣтущей первозданными красотами растительнаго царства, однако при заботливомъ уходѣ человѣка. Отъ зыбкой золотистой тѣни по сторонамъ и мягкой прохлады слегка кружится и все-таки свѣжѣе работаетъ голова: мы идемъ изъ одной дивной аллеи въ другую. Впечатлѣнія мѣняются съ чарующею медлительностью. Только въ лѣсной тиши можно испытывать столь-же цѣлебное и сладостное настроеніе. Пальмы, пальмы и пальмы Я не потревожу глаза и слуха читателей дневника сухимъ перечнемъ латинскихъ наименованій. . . .

ВЪ БОТАНИЧЕСКОМЪ САДУ.

Въ глубинѣ вереницы косматыхъ, но стройныхъ деревьевъ (съ острова Кубы) бѣлѣетъ мраморная ваза (работы скульптора Бэкона): памятникомъ основателю замѣчательнаго сада. Зеркальные пруды отражаютъ небо, межъ непроницаемой зеленью и отягченными ею стволами. Небольшіе мостики соединяютъ рядъ просторныхъ красивыхъ дорожекъ. Люди представляются такими маленькими и ничтожными среди купы космополитовъ-исполиновъ тропической растительности. Чѣмъ дальше подвигаешься подъ ея сѣнь, тѣмъ гармоничнѣе она ширится: не то громадою храма, не то навѣсомъ гигантской ставки кочевника-чингисханида, не то опять-таки симпатичнѣйшимъ изгибомъ любой уединенной

прогулки нашего Царскосельскаго парка. Обиліе Божіихъ даровъ сочеталось здѣсь въ оригинальное цѣлое прилежной человѣческой рукою.... Одинъ изъ прежнихъ директоровъ Dr. Wallich (датчанинъ родомъ) по возможности объѣхалъ съ ботаническими цѣлями земли, населенныя малайцами, посѣтилъ Нѣпаль, списался (около 1829 г.) относительно нужныхъ саду коллекцій и отдѣльныхъ экземпляровъ: съ Мысомъ Доброй Надежды, Бразиліей, Африкой, Австраліей. Отовсюду сдѣланы были богатые вклады. Въ двѣ тысячи ботаническихъ садовъ въ свою очередь посланы были изъ Калькутты цѣнные подарки.

ПОДЪ ТѢНЬЮ БАНИАНА.

По временамъ здѣсь такъ и кажется, что находишься въ Мильтоновскомъ раю. Саговья пальмы, сдвигающіяся въ изящную группу, величавостью очертаній напоминаютъ, параллельно съ тѣмъ, инныя линіи готическаго стиля. Съ какою жалостью невольно относишься въ этой области древеснаго міра къ какому-нибудь сѣверному дубочку, пересаженному сюда: на бенгальскую почву, въ дышущую избыткомъ жизни атмосферу, гдѣ среди представителей, напр. тихо-океанскаго экваторіальнаго архипелага аккуратному кудрявому чужанину некогда отдохнуть въ объятіяхъ зимы, некогда отряхнуть усталыхъ листьевъ, некогда погрузиться въ тихія грезы временнаго соннаго небытія.

При садѣ, говорятъ, есть великолѣпная библіотека и связанный съ нею первоклассный въ Азіи гербарій, гдѣ хранится 30—40,000 сухихъ растений.

Передъ нами — чудо полуденныхъ красвъ, воспѣтое санскритской пѣсней дерево «Асвата», широколѣтвиный или точнѣе потерявшій счетъ вѣтвямъ, столѣтній баніанъ

(*Ficus indica*). Онъ обладаетъ, примѣрно, 250 воздушными корнями и отростками, то припадаетъ къ матери-землѣ, то снова отдѣляется отъ нея свѣжими побѣгами, образуетъ колоннаду столбиковъ подъ тѣнью листвы, могущей, пріютить до 10,000 человѣкъ, такъ какъ она имѣетъ до ста двадцати сажень въ окружности. Удивительно-ли, что индусы молятся на подобную «рощицу отъ одного могучаго ствола», стремятся украсить подобными же насажденіями свои религіозные центры, не рубятъ фикуса, вообще стараются не прикасаться къ нему съ корыстной цѣлью. Такого рода деревья начинаютъ жить эпифитами на другихъ и постепенно душатъ, уничтожаютъ прежнюю точку опоры. Есть экземпляръ, еще громаднѣе калькутскаго: въ маратской землѣ, близъ Пуны.

Столица края часто посѣщается ужасающими по дѣйствию циклонами. Множество кораблей срывается съ якоря, обломки снесенныхъ крышъ кружатся въ воздухѣ, толпы пострадавшихъ и лишенныхъ крова людей долго въ испугѣ мечутся по городу. Ураганъ обрушивается обыкновенно и на садъ, губитъ питомники, лишаетъ пальмы ихъ гордаго убора, низвергаетъ красивѣйшія аллеи, въ минуту обшипываетъ сенегальскій баобабъ, у котораго семь сажень въ объѣмъ, — но передъ баніаномъ ярость вихря безсильна или, скорѣе, ничтожна, такъ какъ сокрушить столь прочное и гибкое полуодушевленное существо никакому порыву не удастся.

Одному такому циклону англичане въ Калькуттѣ 1857 г. отчасти обязаны своимъ спасеніемъ: махараджа Гваліора пригласилъ тогда (до возстанія) общество на пикникъ въ Ботаническомъ саду. Сипаи собирались напасть тамъ врассплхъ на веселящихся: только погода помѣшала тѣмъ и другимъ.

Мѣстами (вокругъ искусственно проведенной влаги) во избѣжаніе однообразія, насыпаны зеленѣющіе бугорочки. Мы проходимъ мимо благоухающихъ цвѣтниковъ, мимо оригинальныхъ оранжерей, которыя, съ одной стороны, предназначены оберегать черезчуръ нѣжныя растенія отъ теплой бенгальской зимы, съ другой же, — должны служить огражденіемъ для тѣхъ, что пересажены съ сѣвера и боятся непомѣрнаго зноя безжалостно палящихъ и острыхъ лучей; отъ послѣднихъ дана защита въ видѣ проволочныхъ сѣтокъ и пучковъ травы, наложенныхъ слоями надъ ними.

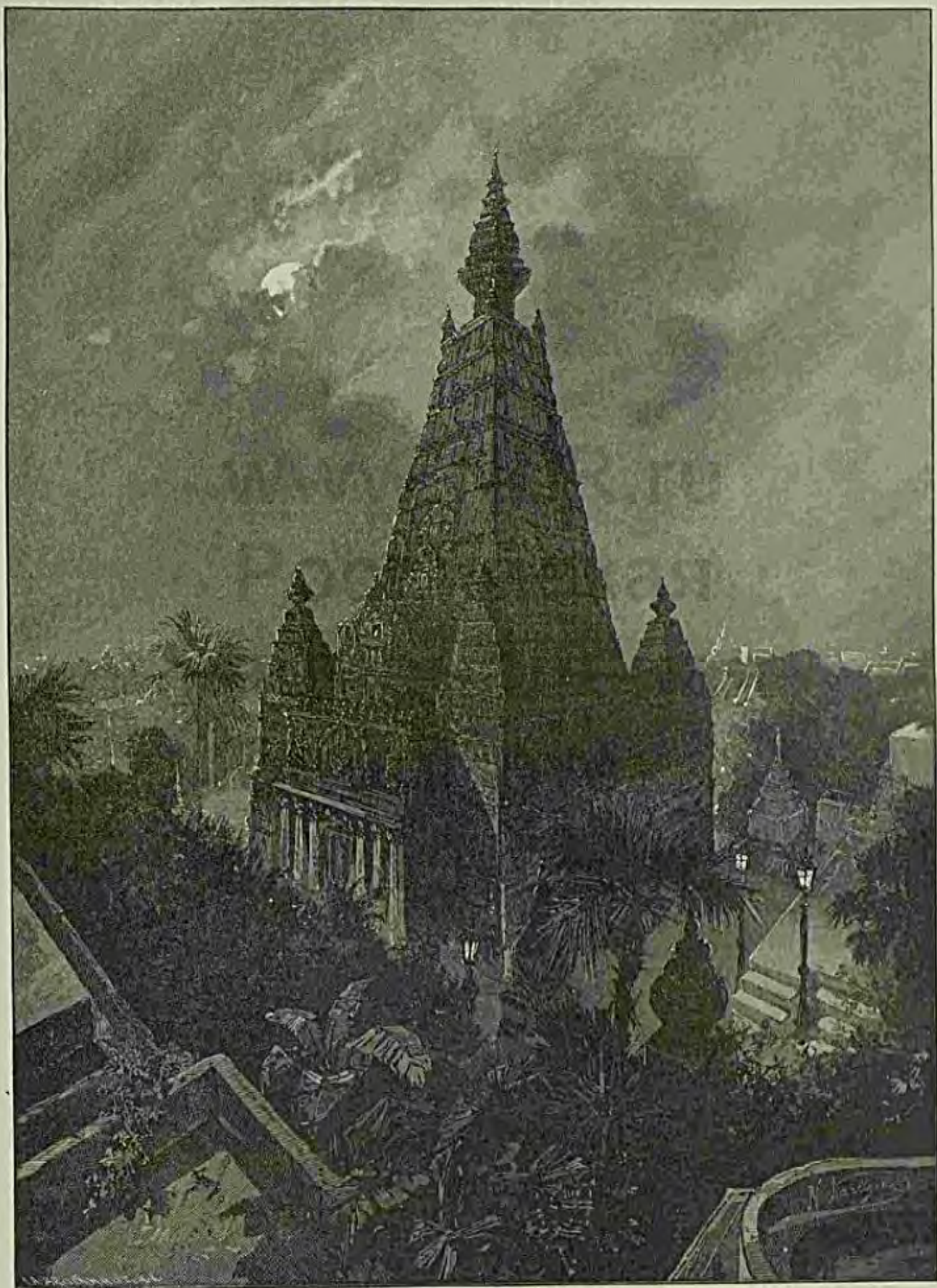

НА ПУТИ ВЪ МАДРАСЪ.

Завтра состоится отъездъ въ Бомбей. Черезъ двѣ недѣли вообще придется проститься съ Индіей. Воспріятыя при посѣщеніи ея поучительныя мысли и неисчерпаемые по обилію образы то яснѣютъ, то расплываются въ неопредѣлимые и причудливыя сочетанія предметовъ, именъ и лицъ. Не будь у меня съ собою, почти на каждомъ шагу, порядочнаго запаса специальныхъ и справочныхъ книгъ, не сопровождай Наслѣдника Цесаревича по странѣ такой тонкій знатокъ Востока, какъ сэръ Мэкензи Уоллестъ, — крайняя быстрота передвиженія еще замѣтнѣе бы отражалась на формѣ и содержаніи записей о мѣстныхъ достопримѣчательностяхъ и связи туземнаго настоящаго со стариной. Надо сказать, что любезность властей, — при желаніи иностранца получить какія бы то ни было свѣдѣнія объ имперіи ея величества королевы Викторіи, — внѣ похвалы и подражанія: всевозможные вопросы освѣщены и обслѣдованы, кромѣ того, многоцѣнными источниками съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Официальные гигантскіе печатные труды (вродѣ «Statistical Survey» «Imperial Gazetteer of India») составляютъ цѣлую библіотеку изъ сотенъ томовъ. Если бы у насъ развитымъ обществомъ съ одинаковымъ рвеніемъ и самознаніемъ изучалась не только Азіатская, но даже Европейская подмосковная Россія, то результатамъ давно уже приходилось бы порадоваться. Между тѣмъ въ смыслѣ пользы для нашихъ восточныхъ окраинъ послѣдніе положительно были бы неоцѣнимы. Сибирь, Кавказъ, Туркестанъ сіяли бы ослѣпительнѣйшими алмазами въ Императорской коронѣ.

Англичанамъ остается пока и должно оставаться замкнутымъ, самое важное: душа народовъ, которыми они правятъ. Глубоко и убѣжденно преклоняясь передъ искусствомъ Британіи владычествовать надъ океанами и чужими царствами, всякій патріотично, но безпристрастно мыслящій русскій не можетъ и не смѣетъ закрывать глаза на коренную противоположность ея правильнаго и нашего далеко неупорядоченнаго хозяйничанья въ предѣлахъ того же громаднѣйшаго и населеннѣйшаго материка. Для однихъ это — пріятная, однако весьма ненадежная оккупация земель, облюбованныхъ солнцемъ и съ невѣроятно дешевымъ человѣческимъ «трудомъ на другихъ изъ-за куска хлѣба». Для антипода

БУДДА-ГАЙЯ ВЪ XX ВѢКѢ.

Англии, для Азии Блага Царя, это есть домостройный принципъ, недостаточно еще перевоплощенный въ туземную жизнь. Оттого здѣсь, за Гималаями, все сухо какъ схема и рѣзко обрисовано, какъ привязанный къ пушечному жерлу строптивый сипай: тамъ, отъ Эрзерума до Южно-Уссурийскаго края, отсутствіе внутренняго разлада между такъ-называемыми побѣдителями и побѣжденными, развивающаяся и бьющая ключемъ народная жизнь, которой нѣтъ цѣли скрываться отъ нескромнаго взора политическихъ соперниковъ, — которой нечего опасаться за будущее, потому что она собою олицетворяетъ будущее, — которая, по правдѣ сказать, ничего не завоевываетъ, такъ какъ весь этотъ втягивающійся въ насъ инородческій людъ — намъ брать по крови, по традиціямъ, по взглядамъ. Мы только тѣснѣе скрѣпляемся и роднимся съ тѣмъ, что всегда было наше.

Слѣдующій случай, передаваемый по англійскому интересному источнику, всего нагляднѣе говоритъ о сущности отношеній, господствующихъ между англо-саксонской рассой и безотвѣтнымъ, беззащитнымъ кореннымъ населеніемъ Индіи. Въ то время какъ у насъ на базарахъ Мерва и Ташкента молодой солдатикъ, смѣшавшись съ толпой азіатовъ, запросто обращается съ ними и отнюдь не чувствуетъ себя среди какихъ-то грубо ему ненавистныхъ дикарей, типичные представители британскаго оружія и британскаго престижа, въ лицѣ нижнихъ чиновъ, постоянно видятъ въ инородцахъ подобіе тварей, а не людей, такъ что даже насиліе противъ нихъ не можетъ и не должно будто-бы быть поставлено никому въ особую вину.

Близъ Калькутты есть мѣстечко, называемое Думъ-Думъ, гдѣ расположены бараки Лейнстерскаго полка. Недавно четыре солдата ушли вечеромъ, захвативъ съ собою ружья изъ казармъ, съ цѣлью гдѣ-нибудь напиться. Они стучались и врывались въ нѣсколько жилищъ, требуя спиртныхъ напитковъ и колотя обывателей, наконецъ раздобылись чужимъ пальмовымъ виномъ и до полуночи пьянствовали. Вслѣдъ затѣмъ эти молодцы пришли къ дому нѣкоего Селима-Шейха, разбудили хозяина, стащили его съ кровати и велѣли вести себя къ ближайшему кабаку. Инородецъ отговаривался незнаніемъ, и за это былъ брошенъ въ сосѣдній прудъ. Одинъ изъ солдатъ вздумалъ тогда стрѣлять по барахтавшемуся въ водѣ Селиму. Поднялась тревога. Сосѣди стали сбѣгаться на помощь умирающему, а убійца съ товарищами спокойно ушелъ въ казармы, и только въ послѣдствіе его удалось обнаружить, когда въ награду за раскрытіе преступленія власти пообѣщали дать 300—400 рупій. Два товарища стрѣлявшаго соблазнились этой суммой и выдали виновнаго, котораго, вдобавокъ, призналъ и уличилъ туземецъ, бывшій свидѣтелемъ невѣроятнаго поступка. Къ чести англійскаго судьи, разбиравшаго дѣло, надо сказать, что онъ приговорилъ солдата къ смерти; но приговоръ вызвалъ столько негодованія въ средѣ мѣстныхъ англичанъ и такое возбужденіе среди однополчанъ убійцы, что въ концѣ концовъ его совершенно оправдали и выпустили безнаказанно на свободу. Характерно въ этомъ инцидентѣ слѣдующее: когда солдатъ стрѣлялъ, онъ шутилъ тѣмъ мотивировалъ поступокъ товарищамъ, что въ этомъ, дескать, нѣтъ бѣды: «много еще останется такихъ черномазыхъ»; а Лейнстерскій полкъ заявлялъ, что если приговоръ приведутъ въ исполненіе, то надо открыто возмутиться и сгоряча приступить къ истребленію всякаго инородца (nigger), который бы попался на дорогѣ. Любопытные нравы! любопытный строй, гдѣ подобныя явленія возможны!

Фактъ приводится не въ укоръ англичанамъ, но лишь для поясненія, какъ въ Индіи страшна бездна между правящими и пассивными элементами. Развѣ на русскихъ наиболѣе запущенныхъ и глухихъ окраинахъ подобное просвѣщенное звѣрство мыслимо и не граничило бы съ областью небывальщины пѣсенъ о Соловьѣ-разбойникѣ?

Вотъ когда и по поводу чего умѣстны были бы митинги для выраженія негодованія, — а то, вѣдь, въ Англіи ихъ принято устраивать лишь въ видѣ антирусскихъ демонстрацій! Тутъ интересъ положенія заключается не въ томъ довольно естественномъ фактѣ, что пьяный и грубый простолюдинъ съ береговъ Альбіона безпричинно убилъ какого-то Селима. Любопытна среда, если не прямо потакающая насилію, то во всякомъ случаѣ воспитывающая необразованныхъ соотечественниковъ въ убѣжденіи, что «бѣлая» кость и «черная» — небо и земля. Наряду съ этимъ, туземцы по-своему тѣшатся надъ враждебными имъ «красными» мундирами. Фокусники (по отзыву англичанъ) не прочь разумѣть подъ учеными обезьянами, разѣзжающими на дрессированныхъ козахъ, нижнихъ чиновъ чужой арміи. Въ сороковыхъ годахъ юный правитель дружественнаго Британіи Нэпаля забавлялся устройствомъ фиктивныхъ битвъ между горзинцами и разными жалкими паріями, одѣтыми по образцу англійскихъ войскъ и съ набѣленными лицами. Очевидно, кто въ такихъ стычкахъ терпѣлъ поражение и выносилъ побои: игра князя была, однако, выраженіемъ народныхъ чувствъ. . .

Тѣмъ желательнѣе, для пользы индійской имперіи, чтобы главное вниманіе ея правящихъ сферъ устремилось на уврачеваніе или по меньшей мѣрѣ смягченіе недуговъ нравственнаго характера, которыми поражены общественные слои. Эпизоды, вродѣ думъ-думскаго, неизмѣримо опаснѣе и печальнѣе всякихъ пограничныхъ инцидентовъ на рубежахъ сѣвернаго и сѣверо-восточнаго Афганистана; наивной же европейской печати, по прежнему, кажется знаменательнѣе и важнѣе, когда телеграфъ приноситъ вѣсть о томъ, что мы гдѣ-то въ средней Азіи по необходимости кому-нибудь дали отпоръ, что русскіе начинаютъ мало-по-малу сознательнѣе относиться къ «своему» Востоку, что намъ при всемъ нашемъ добродушіи пора, наконецъ, почаще тамъ произносить нешуточное: «Quos ego».

Согласно компетентному французскому источнику, годовые расходы англо-индійскаго правительства на содержаніе арміи равняются болѣе чѣмъ 200,000,000 р., т. е. иными словами, каждый житель страны платитъ, помимо обыкновенныхъ налоговъ, весьма обременительную дань для упроченія власти надъ собой чуждой рассы и западной разрушительно дѣйствующей цивилизаціи. За послѣднія тридцать лѣтъ на однѣ фортификаціонныя работы издержано до полумилліарда. Не слишкомъ-ли много, когда на Англію въ предѣлахъ Азіи никто и не помышляетъ нападать, а скорѣе сама она постоянно вызываетъ и склоняется къ агрессивной политикѣ?

Гораздо любопытнѣе данныя о томъ, что дѣлается мудрою администраціей съ цѣлью оживлять производительность края.

Какъ уже сказано, Австралія начинаетъ все болѣе и болѣе интересоваться Индіей и ея экономическимъ положеніемъ. Вопросы ирригаціи и земледѣлія, конечно, играютъ при этомъ первенствующую роль. Говорятъ, что сюда ѣдетъ теперь, по инициативѣ мельбурнскаго изданія «Age», извѣстный тамошній специалистъ по орошенію Альфредъ Дикинъ, раньше того занимавшій дома важную должность «minister of water», а также посѣтившій съ цѣлью спеціальнаго изученія и Сѣверные-Американскіе Штаты, и Египетъ, и Италію. Не мѣшало бы, кажется, въ свою очередь русскимъ инженерамъ чаще знакомиться на практикѣ съ чужими краями, гдѣ — какъ напр. здѣсь — ирригаціонное искусство постепенно доводится до совершенства. Изъ-за границы то и дѣло являются въ эти владѣнія королевы Викторіи просвѣщенные иностранцы, понимающіе высокое значеніе подобныхъ дорого

стоящихъ, но быстро окупающихся сооружений. Между тѣмъ мы чуть-ли не приглашаемъ англичанъ, для преподаванія совѣтовъ въ этой области. Вотъ, хотя бы въ данную минуту, въ Мургабское Царское имѣніе (за Мервомъ, въ Закаспійскомъ краѣ), какъ слышно, пріѣхалъ начальникъ ирригаціонныхъ работъ въ странѣ фараоновъ — сэръ Колинъ Монкрифъ (Colin Moncrieff). Средняя Азія вообще ждетъ нашего творчества: въ отношеніи знанія, чѣмъ вызвать усиленную производительность почвы взамѣнъ гнетущаго и подчасъ ужасающаго безплодія. Туркестанъ, когда-то испытывшій лучшіе дни (сравнительно мирной жизни и культурнаго развитія), такъ-сказать опять «жаждетъ» пробужденія и новой эры при помощи техники. Если въ означенномъ направленіи у кого-нибудь есть чему поучиться въ смыслѣ богатаго опыта и энергическаго содѣйствія природѣ, то именно у индо-британскихъ администраторовъ и водоснабдителей.

Въ виду мѣстныхъ условій и исторической необходимости искусство ирригаціи нигдѣ не процвѣтало шире чѣмъ въ Египтѣ и въ отдаленнѣйшихъ отъ Европы азіатскихъ государствахъ. Сами вавилоняне учились ей на берегахъ Нила. Пока народъ, населявшій равнины Евфрата, близко знакомъ былъ съ нею, до тѣхъ поръ онѣ процвѣтали, — а затѣмъ вдругъ обратились въ пустыню, гдѣ съ нѣмымъ укоромъ взираютъ на путника великія безформенныя развалины городовъ и остатки славившихся прежде каналовъ. Въ Китаѣ и въ Индіи дѣло орошенія связано съ первыми проблесками осѣдлаго быта и существуетъ навѣрное около 3—4000 лѣтъ. Посланникъ царственныхъ преемниковъ Александра Македонскаго, грекъ Мегасенъ, въ IV вѣкѣ до Р. Хр. нашелъ уже въ Бенгаліи превосходную ирригаціонную систему, причемъ свободно получалось по два урожая въ годъ. На Цейлонѣ еще встрѣчаются водоемы, сооруженные задолго до нашего лѣтосчисленія: это тѣмъ менѣе удивительно, что даже въ Мексикѣ и въ Перу первые испанцы открыли цѣлую сѣть превосходныхъ оросительныхъ приспособленій, каковыя были знакомы туземцамъ съ незапамятныхъ временъ. Европейцамъ, колонизировавшимъ Старый и Новый свѣтъ, оставалось только примѣнить въ этомъ отношеніи свое искусство къ унаслѣдованному въ завоеванныхъ краяхъ. Наибольшаго достигли при этомъ англичане въ Индіи, — гдѣ страшныя, часто повторявшіяся голодовки естественно заставили подумать объ упорной борьбѣ съ засухами. Однако, въ 70-хъ годахъ, несмотря на ассигнованіе 100 милліоновъ рублей для помощи крѣпко нуждавшимся туземцамъ, подъ эгидой калькуттскаго вице-короля умерло голодной смертью 5,250,000 душъ. Очевидно, правительству въ Калькуттѣ немыслимо отступать передъ громаднѣйшими затратами и крайнимъ напряженіемъ вниманія у искусныхъ инженеровъ-ирригаторовъ, разъ что призракъ гибели милліоновъ человѣческихъ существъ, отъ недостатка влаги, вѣчно готовъ угрожать несчастнымъ поселянамъ. Конечно, теперь страна изрѣзана сѣтью желѣзныхъ дорогъ и нуждающимся округамъ легче чѣмъ когда-либо доставлять запасы. Но, благотворя голодающимъ, власти не всегда могутъ достаточно вникать въ настоящія размѣры бѣдствія: многое, что съ европейской точки зрѣнія представляется вполне справедливымъ, на дѣлѣ носитъ совершенно другой отпечатокъ. Напр. во владѣніяхъ инаго раджи всѣ, протягивавшіе руку за помощью, по возможности получали ее, — даже когда просившій или (чаще того) просившая обладали еще браслетами или кольцами-талисманами. Англичане же давали этимъ несчастнымъ пищу лишь въ обмѣнъ за металлъ украшеній, разстаться съ которымъ для инородца равносильно было проступку противъ религіи. Обѣ стороны по своему правы, — но развѣ полудикарь способенъ понять кажущееся безсердечіе чужанина-иновѣрца?..

Здѣсь мнѣ уже который разъ приходится слышать о плохомъ состояніи мѣстныхъ финансовъ.

Не правда-ли, странно говорить о бѣдности или, что еще хуже, объ обѣдненіи Индіи? Вѣдь она намъ-европейцамъ съ дѣтства представляется сказочнымъ источникомъ неистощимыхъ богатствъ, неизсякаемаго плодородія — однимъ словомъ, какою-то Голкондою съ алмазами въ голубиное яйцо! Но на дѣлѣ, особенно въ данное время, этого нѣтъ. Фантастически огромныя сокровища махараджей и Великихъ Моголовъ, неописуемый блескъ туземныхъ дворовъ, все это — область преданія. Чаше чѣмъ когда-либо встрѣчаешься и въ мѣстныхъ отзывкахъ, и въ литературѣ предмета съ роковымъ призракомъ «бѣднѣющая Индія»: отчего? отвѣтовъ много, даже слишкомъ много — и всѣ они съ такою откровенностью разоблачаютъ неприглядную картину управленія края чужеземцами, — всѣ они до такой степени живо рисуютъ ненормальное положеніе вещей между южно-малабарскимъ побережьемъ и устьями Ганга, что на первыхъ порахъ плохо вѣрится.

Ежегодный доходъ Индіи равняется приблизительно тремъ милліардамъ рублей. Помню, однако, какъ сегодня и никакъ не могу забыть день Великокняжескаго пріема въ бомбейскомъ губернаторскомъ дворцѣ Парель. . . Кто-то изъ насъ-спутниковъ случайно выразилъ въ разговорѣ свое мнѣніе объ изобиліи даровъ, которыми судьба ее надѣлила. Мэкензи Уоллесъ, слывшій за одного изъ ея авторитетнѣйшихъ цѣнителей, улыбнулся и сказалъ: — «О, нѣтъ: это — въ сущности бѣдная страна (a poor land)!» И какой невѣроятною ироніею звучали эти правдивыя слова среди роскоши и великолѣпія оффиціальной встрѣчи! Да, англичане (надо имъ отдать справедливость) не скрываютъ и отъ самихъ себя горькой истины: «Индія — несчастная страна»!

Административное устройство и мѣропріятія для обороны отъ того, кто представляется врагомъ Англіи (но ужъ никакъ не туземнаго населенія), такъ дорого обходятся, что вся прибыль внѣшней торговли испаряется за море, а параллельно съ тѣмъ изсякаютъ ресурсы края. Онъ отнюдь не богатѣетъ отъ тѣснаго общенія со своею могущественною опекуншею и покровительницею, но постепенно теряетъ и ту жизненную энергію, которая ему прежде была присуща. Исчислено, будто, — что ни годъ, — то 300—400 милліоновъ рублей уплываетъ изъ Индіи. Спросятъ: какъ это возможно? Очень просто. Цѣлая армія чиновниковъ, — не считая войска въ красныхъ мундирахъ, — щедро оплачиваетъ инородческими деньгами свой благородно направляемый интеллектуальный трудъ и притомъ кормится ими не только на мѣстѣ, но и вслѣдъ затѣмъ, уже состоя на отдыхѣ и на покоѣ, — дослуживается до громадныхъ пенсій и живетъ, строго говоря, на счетъ голодающаго кореннаго населенія. Суммы, взимаемыя на пользу «бѣлыхъ» и добываемыя цѣною столь тяжелыхъ чужихъ лишеній, не остаются здѣсь и не тратятся на благосостояніе самой страны, а идутъ (въ значительной степени исключительно) на обогащеніе господствующаго элемента. Умные туземцы справедливо недоумѣваютъ: «чего же въ концѣ концовъ англичане отъ насъ хотятъ? неужели же того, чтобы наша родина раззорилась и погибла?» и, конечно, со свойственною азіатамъ лъстивостью дополняютъ: «нѣтъ, намъ желаютъ добра; насъ эксплуатируютъ лишь по недоразумѣнію» . . .

Чѣмъ дольше находишься въ Индіи, тѣмъ яснѣе становятся нѣкоторыя весьма своеобразныя причины неустойчивости западныхъ принциповъ на почвѣ консервативно-древняго Востока.

При всемъ великолѣпіи, которымъ обставляютъ себя представители высшей англійской власти въ краѣ, имъ всетаки далеко до того, чѣмъ являлся въ глазахъ темнаго

туземнаго населенія, цѣнящаго по временамъ особый внѣшній блескъ, дворъ Моголовъ, дворъ настоящихъ царей полуострова. Тогда принято было тратить ежегодно много десятковъ милліоновъ рублей на покрытіе расходовъ по содержанію однихъ только гаремовъ и штатовъ. Стоило, напр. такому властелину, какъ императоръ Акбаръ, отправиться на охоту — и за нимъ поднимался въ путь цѣлый городокъ палатокъ и шатровъ, причемъ 100 слоновъ, 500 верблюдовъ и 4000 телѣгъ требовались только для подъема такого гигантскаго лагеря. Даже при отсутствіи парадной обстановки, 500 человѣкъ конвоя и 2000 слугъ неизмѣнно слѣдовали за Моголомъ, не включая въ это число необходимыхъ въ дорогѣ ремесленниковъ. Когда другой императоръ той же династіи (Аурангзебъ) въ 1665 г. отправился въ Кашмиръ, то взялъ съ собою на прогулку 35,000 всадниковъ, 10,000 человѣкъ пѣхоты и 70 тяжелыхъ пушекъ, для передвиженія каждой изъ которыхъ нужно было впрягать до 40 воловъ. Кромѣ того, взято было въ путь извѣстное количество легкихъ орудій, помѣщавшихся на богато изукрашенныхъ повозкахъ, запряженныхъ парами лошадей. Такія маленькія пушки всегда посылались впередъ и, въ моментъ прибытія царя къ любому мѣсту стоянки, салютовали. Послѣдняя представляла собою необозримое множество пестроцвѣтныхъ временныхъ сооружений: покои императора, его пріемные шатры, ограды гаремовъ, купаленъ и т. п. образовывали рядъ правильныхъ улицъ и переулковъ среди еще болѣе многочисленныхъ и разнохарактерныхъ ставокъ cadaго министра или любого знатнаго царедворца. Конюшни, провіантскіе магазины, военные склады, кухни, — все это ночью ширилось до безконечности, а на зарѣ снова шумно поднималось и двигалось въ дальнѣйшій путь, гдѣ къ вечеру ожидалъ такой же ночлегъ, т. е. организованный въ грандіозныхъ размѣрахъ станъ.

Если принять въ соображеніе, что убогое и забитое населеніе страны по невѣжеству и до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ не знаетъ, кто собственно правитъ ими: боги-ли или эпическіе герои — то ясно, какое значеніе необходимо придавать помпѣ правительственныхъ передвиженій по краю. Вице-королями назначаются лорды-богачи; имъ ежегодно дается въ видѣ жалованья цѣлое крупное состояніе — и тѣмъ не менѣе даже этихъ суммъ не хватаетъ на поддержку настоящаго царскаго престижа, который нельзя же искусственно создать для народовъ, привыкшихъ видѣть во властелинѣ Помазанника Божія, а не вѣчно чередующагося съ другими сановника, отдающаго, въ концѣ концовъ, отчетъ въ своихъ замыслахъ, поступкахъ и распоряженіяхъ, то парламенту, то (что всего хуже) радикаламъ несправедливо-рѣзкой и безстыдно-тенденціозной печати. Природному повелителю на Востокѣ въ сущности не нужны ни внѣшній блескъ, ни эфемерные знаки почета: въ обаяніи личности, въ степени окружающаго ее мифологическаго престопаго творчества таится сила cadaго престола. . . Ну, а гдѣ же европейцамъ fin du siècle набраться такихъ атрибутовъ древности и власти?

Въ Индіи давно уже отличается нѣкоторымъ вліяніемъ армянскій элементъ, никогда не порывавшій духовныхъ связей съ Эчмиадзиномъ. При каждомъ избраніи Католикоса въ предѣлахъ Россіи есть голосъ и отъ его единовѣрцевъ съ Ганга. Кавказъ и наше государство вообще поэтому дороги сердцу народа, въ интересахъ торговли давно углубившагося въ Азію и занявшаго во многихъ краяхъ видное экономическое положеніе. Положимъ, съ той прикаспійской окраины за Гималаи споконъ вѣка являлись выходцы съ разнообразнѣйшими профессіями. Въ XIV вѣкѣ, напимѣръ, около Бомбея мусульмане

казнили грузина-христіанина Димитрія изъ Тифлиса. Въ исходѣ XV столѣтія въ южной Индіи основалъ новую мусульманскую династію нѣкій Баридъ изъ проданныхъ въ рабство грузинъ или малоазійскихъ турокъ. У Акбара считалась любимой женою христіанка изъ Грузіи.

Но преобладающимъ племенемъ съ кавказской кровью всегда были армяне. Когда одинъ Великій Моголь искалъ невѣсту служившему у него доктору-англичанину и тотъ отказывался, говоря, что не возьметъ иновѣрки, — ему представили армянку, дочь царскаго военно-начальника. Когда сэръ Ро, первый англійскій посланникъ въ Индіи, собирался ѣхать во внутрь страны изъ Сурата, — вдругъ (почти на погибель экспедиціи) поваръ свиты страшно набуянилъ, напившись у духанщика — «армянина». Въ этой роли, а также и въ качествѣ плантаторовъ (особенно въ области разведенія и сбыта индиго) потомки Гайка разбрелись по цѣлому полуострову, переправились въ Бирку, всюду, — гдѣ можно, — основали по цвѣтущей колоніи. И въ Калькуттѣ возникла таковая, настолько прочная и состоятельная, что уже въ 1724 г. Аго Назаръ основалъ тутъ армяно-григоріанскую церковь. Число ея прихожанъ должно было быть значительнымъ, если специально на ихъ долю перепало въ 1757 г. 700,000 р. пени съ Бенгальскаго наваба за нападеніе на городъ. Теперь въ столицѣ страны ихъ насчитывается свыше восьмисотъ.

Калькуттскія духовныя чада Эчміадзинскаго патріарха (коихъ предки, къ слову сказать, уведены персіянами на чужбину изъ Джульфы), сознавая значеніе для нихъ Россіи, захотѣли что-нибудь принести въ даръ Е. И. В. Наслѣднику Цесаревичу и пользующійся авторитетомъ среди своихъ единовѣрцевъ археологъ-любитель Іосифъ Меликъ-Бегкаръ заказалъ съ этой цѣлью модель знаменитаго храма въ Будда Гайѣ. Серебряники-армяне взялись сработать ее, подъ наблюденіемъ англійской ювелирной фирмы Стефенъ. Фактъ подношенія любопытенъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, потому что безусловно исходитъ отъ чистаго сердца и краснорѣчиво говоритъ о возбуждаемыхъ нами симпатіяхъ, — а во вторыхъ, въ виду сдѣланнаго выбора, что именно возсоздавать. Памятникъ, о которомъ упомянуто, выражаетъ собой непрерывное вѣковое служеніе Азіи буддійскому принцу на его родной почвѣ, несмотря на все противодѣйствіе ислама и браминскаго міра.

Кумирня-монументъ, возникши на мѣстѣ, прославленномъ созерцательной жизнью и достигнутымъ ею просвѣтленіемъ въ душѣ «учителя», вотъ уже двѣ съ половиною тысячи лѣтъ притягиваетъ взоры его послѣдователей. Заново отстроенная при царѣ Асокѣ пагода, въ средніе вѣка и въ наше время, подымается нѣсколько разъ изъ развалинъ, благодаря усердію присылавшихся къ ней бирманскихъ посольствъ. За послѣдніе годы англичанами обращено больше вниманія на сохраненіе или даже на подходящую реставрацію древнихъ «языческихъ святынь». Изысканія, недавно произведенныя въ Будда-Гайѣ, привели занимавшихся ими къ мысли, что въ стѣнахъ главнаго памятника, вѣроятно, еще замурованы: и «адамантовый престолъ царевича-мудреца», и обломки его перваго кумира, сдѣланнаго, по преданію, изъ 8 драгоценностей (кристала, жемчуга, слоновой кости, коралловъ, рубиновъ, сапфировъ, аметистовъ, изумрудовъ).

Нынѣ Будда-Гайя становится центромъ въ глазахъ мѣстнаго теософическаго общества (наслѣдія отъ нашей соотечественницы Блаватской) и разноплеменныхъ буддистовъ, которые мечтаютъ основать при старомъ храмѣ монастырь, высшія училища съ богословскимъ и философскимъ факультетами, съ просвѣщеннымъ кружкомъ космополитовъ-ревнителѣй (Maha-bodhi Society) и своимъ журналомъ, съ книгохранилищами и т. п. — создать, однимъ словомъ, цѣлый городокъ, разсадникъ знанія и вѣры въ духѣ «учителя», съ цѣлью воздѣйствія на браманизированную Индію, — чтобы постепенно воспользоваться расколами въ

ней и снова обратить несмѣтныя толпы на стезю почитанія «царевича-монаха». Во главѣ умственного и религіознаго движенія, кажется, хотять имѣть Далай-ламу. Но только вопросъ — въ томъ, можетъ-ли сравнительно замкнутая Лхасса войти въ болѣе или менѣе тѣсныя сношенія съ родиной буддизма. Рѣшеніе этой задачи не лишено и политическихъ оттѣнковъ, о которыхъ тѣмъ своевременно вспомнить, что въ Дарджилингъ, около тибетской границы, Ихъ Высочества не ѣдутъ: слѣдовательно мнѣ и не придется при случаѣ подробнѣе говорить о царствѣ жречества въ Гималаяхъ и за ними, о присущей ему громадной культурной силѣ, — о томъ, какъ именно она бьется въ сердца Азіи. Открыть къ нему доступъ до сихъ поръ никому не доводится въ полной мѣрѣ. Только

Китай въ лицѣ ряда династій вліятеленъ тамъ и смотритъ до нѣкоторой степени хозяиномъ въ странѣ ламъ. Посягать на нее святотатственной рукой пока рѣшались лишь грубые горкинцы. Напр. въ прошломъ столѣтіи они разграбили, въ южномъ Тибетѣ, его важнѣйшій центръ: Даши-лхунбо. Пекинскій дворъ въ отмщеніе послалъ армію на Нэпаль. Она быстро совершила труднѣйшіе зимніе переходы горами, настигла нападавшихъ, разгромила ихъ и, отобравъ добычу, продиктовала пораженнымъ постыдныя условія мира. Много жертвъ оставили китайцы при этомъ неслыханномъ въ лѣтописяхъ походѣ: когда войско хоть на минуту испытывало трепетъ, командовавшій мандаринъ изъ пушекъ арьергарда стрѣлялъ по смутившимся. И престижъ имени богдохана держится вотъ уже цѣлые вѣка надъ тибетскими пустынями и монастырями. Англія тщетно стучится въ двери края, молящагося на вѣчно возрождающихся «святыхъ» людей (изъ мѣстныхъ же уроженцевъ) и сохраняющаго въ самомъ загадочномъ смѣшеніи формъ культъ Будды съ культомъ Шивы.

Военно-дипломатическая миссія Маколея (на сѣверъ: за предѣлы британскаго Сиккима), съ конвоемъ въ триста человекъ, вѣжливо отклонена была недавно китайскимъ вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ. Вскорѣ затѣмъ произошли даже кровопролитные инциденты тревожнаго для Лхассы характера. Но оттуда трудно бороться съ наступленіемъ или, точнѣе, вторженіемъ европейцевъ въ южный Тибетъ, гдѣ это, по видимому, сознается и самими правителями: по крайней мѣрѣ, въ печатныхъ дневникахъ лэди Дэфферинъ значится, что ея мужу, какъ вице-королю, въ 1885 г., прислано изъ Даши-лхунбо, привѣтственное письмо отъ великаго «перерожденца» Баньченъ Ринпочэ, съ приложеніемъ этнографически цѣнныхъ подарковъ и благодарностью за полученіе въ даръ изъ Калькутты параднаго одѣянія въ 2000 рублей.

БУРЯТСКІЙ ЛАМА НА ИНДО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦѢ.

Ясно, что англичане не дремлютъ, — и сношенія постепенно завязываются. Предпологовъ для изученія пограничныхъ мѣстностей — сколько угодно.

Члены альпійскаго клуба въ Лондонѣ, захвативъ съ собою швейцарскихъ проводниковъ, поднялись на нѣкоторыя сиккимскія высоты и увидѣли за недосыгаемой «царственной» Кинчинджингой еще болѣе гигантскіе вершины и хребты. Кто туда, наконецъ, первый проникнетъ съ Запада, торжествуя побѣду науки и прогресса надъ преградами чисто физическаго характера: мы-ли, имѣющіе въ своемъ свободномъ распоряженіи для любыхъ экспедицій (несомнѣнно мирнаго и безкорыстнаго свойства) тысячи кроткихъ и преданныхъ, исполнительныхъ пилигримовъ-ламаитовъ, или же британскіе эмиссары съ горными батареями впереди? Объ этомъ, положительно можно сказать, никто и не думаетъ пока на берегахъ Невы. Между тѣмъ торговля удостовѣряетъ, какими путями вліялъ и вліяетъ Востокъ на пригималайскія страны. Въ числѣ лучшихъ даровъ, присланныхъ княземъ Ладака, когда онъ принималъ подданство англичанъ, находились куски кожи, тисненой золотомъ, съ Всероссійскимъ Орломъ.

Среда, 16 (28) января.

Вчера Ихъ Высочества обѣдали въ такъ называемомъ «Бельведерѣ», — около Зоологическаго сада въ Алипурѣ, — у Бенгальскаго генералъ-губернатора. Его резиденція раскинута среди садовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ знаменитый зиждитель англійской Индіи Уорренъ Гастингсъ имѣлъ свою пышную виллу и гдѣ онъ дрался на дуэли со своимъ врагомъ и обличителемъ Францисомъ.

Сегодня утромъ Августѣйшіе путешественники ѣдутъ осматривать «Mint», величайшій «монетный дворъ» азіатскаго Востока. Лордъ Бересфордъ провожаетъ Наслѣдника Цесаревича по огромному зданію и показываетъ работы.

Оно ширится на углу «Strand Road» у Хугли и улицы Нимтала. Сооруженіе — въ дорическомъ стилѣ; главный входной портикъ — копія половинныхъ размѣровъ съ древне-аѳинскаго храма Минервы.

«Mint» строился въ теченіе 1824—1830 годахъ маіоромъ Форбесъ и съ тѣхъ поръ оставался почти безъ передѣлокъ. Только въ 1865 г. пришлось добавить большой флигель для чеканки мѣдной монеты.

Мы спускаемся въ преддверье Ваалова царства (часть мастерскихъ и кладовыя — немного ниже уровня набережной). Въ такъ-называемой «pre-melting room» лежатъ тяжелые свѣтки съ долларами, полученными отъ разныхъ торговыхъ фирмъ для обращенія этихъ денегъ — за особую двухпроцентную плату — въ рупіи. Здѣсь серебро взвѣшивается, плавится, опредѣляется и оцѣнивается по своимъ качествамъ. Иными купцами оно покупается затѣмъ прямо въ слиткахъ, которые вообще въ большемъ ходу на дальнемъ Востокѣ, гдѣ они «рубятся» на куски и образуютъ измѣнчивыя (смотря по мѣстности) денежныя единицы, послужившія прообразомъ нашего стараго «рубля».

Насъ вводятъ въ просторныя высокосводчатыя подземелья, гдѣ растоплены гигантскія печи; пламя съ адскимъ блескомъ шипитъ отъ продолжительнаго (трехчасоваго) соприкосновенія съ металлами; цѣлые токи бѣлой кипящей массы льются (съ примѣсами золота и мѣди) въ соотвѣтствующіе ихъ количеству чаны. Сплавъ формируется въ круглыя толстыя палки (каждая стоимостью въ 300—400 р.). Онѣ погружаются въ воду для охлажденія и поступаютъ потомъ въ отдѣлъ машинъ, шлифующихъ поверхность всякаго такого слитка. Искусство плавильщиковъ настолько велико, что лишь $\frac{1}{5000}$ металла

теряется, отпадаетъ при работѣ. Отшлифованные куски растягиваются и штампуются, попадаютъ (въ новомъ маломъ видѣ) на автоматическіе вѣсы, катятся съ нихъ съ математически безошибочно то въ разрядъ черезчуръ тяжелыхъ, то слишкомъ легкихъ, то нормальныхъ монетъ. Первые (тщательно и согласно съ излишкомъ) обрѣзаются, подпиливаются; вторые опять отправляются въ плавильню. Чувствительность вѣсовъ неимоверна. Они могутъ отличать (какъ насъ увѣряютъ) колебанія на одну шестидесятитысячную долю рубля.

Вслѣдъ затѣмъ мастерятся зубчики у краевъ каждой денежной единицы. Послѣднія еще разъ нагрѣваются до каленія, чтобы придать имъ больше мягкости и чистоты состава, оmyваются въ кислотахъ и водѣ, передаются наконецъ въ «*coining department*», гдѣ съ обѣихъ сторонъ тогда отчеканиваются монаршій ликъ, годъ и т. п.

Любая машина съ оглушительной быстротой выстукиваетъ до ста рупій въ минуту. Онѣ, по 2000, зашиваются въ мѣшки и относятся въ провѣрочное бюро, зорко отбрасывающее всякіе дефекты: при сколько-нибудь плохомъ звонѣ отъ паденія на камень, при маломальски шероховатой поверхности монеты неизбѣжно бракуются.

Золото пока — въ ничтожномъ обращеніи среди полуострова. Серебро играетъ первенствующую роль, несмотря на крайнія неудобства вообще сводить счеты съ Европой при разной валютѣ. Поговариваютъ, правда, что она здѣсь доживаетъ свой вѣкъ.

Ихъ Высочества очень долго осматриваютъ «*Mint*», получая ясное представленіе о дѣятельности этого единственнаго въ своемъ родѣ монетнаго двора, снабжающаго кромѣ двухъ третей Индіи: Цейлонъ, Сингапуръ съ такъ-называемыми «*Straits-Settlements*» и даже нѣкоторыя ближайшія англо-африканскія колоніи. Въ данное время здѣсь ежедневно (въ семичасовой срокъ) чеканится 250,000 рупій и 600,000 мѣдныхъ денегъ. За годъ отсюда выходитъ теперь свыше 150,000,000 монетъ, изъ коихъ лишь 35,000,000 отливаются изъ серебра. Въ Бомбей есть, однако, громадное однородное учрежденіе, откуда тоже пускается въ оборотъ до 90,000,000 рупій въ годъ, — но гдѣ за то больше не изготовляется мѣдной монеты. Спросъ на послѣднюю постоянно растетъ. Матеріалъ для нея доставляется изъ Австраліи лучшими копиями «*Wallaroo Company*».

Пока мы присутствовали на работахъ въ плавильнѣ, — при погруженіи въ воду мѣдъ клокотала, напоминая ревъ тигра. Любопытно было наблюдать, какъ она мѣняла потомъ въ мастерскихъ свою темную и тусклую окраску на радостный чистый блескъ, какъ эта безформенная масса рѣзалась и шлифовалась, какъ она исчезала наконецъ мелкими гладко отполированными единицами въ счетныхъ столахъ съ 400 отверстіями. Въ каждое валится восемь штукекъ. Стоитъ столу такимъ образомъ наполниться, его накрываютъ и сыпаютъ содержимое въ массивные кулі.

Осмотръ монетнаго двора завершается посѣщеніемъ комнатъ, гдѣ трудятся граверы («*Mint*» выдѣлываетъ медали для арміи, а также по особымъ заказамъ) и гдѣ собраны всевозможные образцы отлитыхъ имъ произведеній болѣе или менѣе художественнаго характера.

Въ ожиданіи устраиваемой на прощанье многолюдной «*Garden party*» передъ вице-королевскимъ дворцомъ (со стороны садовъ), Ихъ Высочества пользуются остаткомъ свободного времени въ Калькуттѣ, чтобы посѣтить весьма разнородный по составу и крайне замѣчательный музей, находящійся, — за Майданомъ, — на улицѣ Чауринги.

Коллекціи начали собираться съ 1814 г. ученою «*Asiatic Society of Bengal*» и постепенно разрослись до того, что полстолѣтіе спустя дѣйствительно потребовалась правительственная помощь для ихъ дальнѣйшаго поддержанія и храненія, т. е. иными словами, пришлось отвести подъ нихъ специально отстроенное огромное зданіе.

Въ данное время оно, по видимому, подновляется и не открыто публикѣ, которая вообще здѣсь — охотница до такихъ полезныхъ и любопытныхъ учреждений. Ежегодное число посѣтителей напр. «National Museum of India», въ столицѣ полуострова, равняется будто-бы полумилліону человѣкъ. Правда, и есть же тутъ на что подивиться туземцу!

Во-первыхъ, конечно, заслуживаютъ вниманія галереи, отведенныя естествовѣдѣнію. Кораллы, губки, моллюски, крабы, бабочки, пауки, образуютъ въ одномъ мѣстѣ достойную рамку исполинскому японскому омару съ невѣроятно длинными клешнями и какому-то рѣдкому земноводному раку, который питается исключительно кокосовыми орѣхами. Въ другомъ отдѣлѣ (the Fossil Gallery: съ бюстомъ потрудившагося на Востокѣ чешскаго натуралиста Фердинада Столички) рѣзко бросаются въ глаза: вызванные къ свѣту геологическими изысканіями, но по существу своему уже давно чуждые нашей теперешней планетѣ, ископаемые (преимущественно изъ Сиваликскихъ возвышенностей въ сѣверной Индіи) черепа и кости допотопныхъ причудливыхъ тварей, вродѣ полумедвѣдя-полутіэны (Nyаenarctos), чудовищной по размѣрамъ собаки (Amphicyon), доисторическаго слона — Динотеріума, такихъ же — крокодила, черепахи и т. п.

Камни и минералы всей страны, наряды съ моделями исторически извѣстныхъ алмазовъ, занимаютъ особый залъ. Затѣмъ большое пространство отведено млекопитающимъ: въ видѣ чучель и скелетовъ. Среди первыхъ красуются свирѣпый мѣстный бизонъ (гауръ) и дикій тибетскій якъ, а вокругъ нихъ собрано цѣлое царство звѣрей, олицетворена всевозможнѣйшими представителями фауна страны. Есть даже рѣдкій въ наши дни туземный сѣрый левъ безъ пышной гривы, нѣкогда служившій приманкой отважнымъ охотникамъ. Его горделивый и болѣе рослый африканскій собратъ тутъ-же около изображенъ въ лютой схваткѣ съ королевскимъ тигромъ. Кто на дѣлѣ остался побѣдителемъ (разодрались эти хищники въ калькутскомъ Зоологическомъ саду, стравленные привратниками, бывшими объ закладъ), я такъ и не могъ выяснить: въ «Зоо» говорили, что одолѣлъ уроженецъ Бенгаліи, а тутъ говорятъ, что его царственный противникъ. Какъ бы тому ни было, оба скрѣплены теперь въ некрасивую разъяренную группу, въ отдѣльной стѣнной витринѣ, и положительно не прибавляютъ интереса къ окружающимъ довольно богатымъ коллекціямъ, гдѣ, напр. почти двухсаженный оставъ крупнѣйшаго изъ замѣченныхъ въ Индіи слоновъ и висящія съ потолка ребра непомѣрно большаго кита, заходящаго въ смежныя съ Хугли морскія воды, по очереди приковываютъ вниманіе посѣтителя.

Спустившись въ другой этажъ, Ихъ Высочества обходятъ комнаты, отведенныя археологическимъ драгоцѣнностямъ. Что ни шагъ, то изваянная страница о древнемъ мірѣ! Куда ни взглянешь по сторонамъ, кроткій ликъ Будды обрисовывается въ каждой нишѣ, изъ-подъ любого орнамента, надъ важнѣйшими сценами прежняго быта, — а галереи, обращенныя въ хранилище языческаго искусства, полны барельефовъ, статуй, обломковъ, наконецъ каменныхъ стѣнъ или точнѣе оградъ и воротъ, испещренныхъ начертаніями болѣе или менѣе легендарнаго свойства! Надписи на языкѣ Пали временъ царя «Асоки» («безпечальнаго»), фигуры типа первыхъ приверженцевъ буддійскаго вѣроученія, т. е. преимущественно отъ племенъ неарійской крови, почитаніе ими почему-нибудь «священныхъ» деревьевъ, общеніе набожнаго народа съ небесными духами и пятиглавыми змѣями, знаменательное и прямо указывающее на глубокую древность отсутствіе (межъ этихъ безчисленныхъ изображеній) самого Будды, въ качествѣ кумира, — поклоненіе лишь отпечатку его ногъ, и проч. и проч. — вотъ чѣмъ особенно любопытна, по срединѣ своей, первая зала съ религіозными памятниками. Красота и отчасти даже реализмъ, съ которыми выполнены многія бытовые детали, не поддаются описанію. Нѣкоторое вліяніе западнаго

греческаго искусства, по видимому, безспорно. Оно коснулось Индіи славною эпохой Александра и его преемниковъ, не только волной прошло до равнинъ Ганга, но и до сравнительно глухой области Орисса у Бенгальскаго залива, — гдѣ до сихъ поръ не мало остается храмовъ, изсѣченныхъ, подобно элорскимъ, въ скалахъ. Сочетаніе иныхъ облагороженныхъ формъ эллинскаго творчества съ первобытно-наивными и странными способно и восхищать, и приводить въ недоумѣніе.

Въ калькутскомъ музеѣ сгруппированы инныя архитектурно-скульптурныя созданія, которымъ (въ удачныхъ слѣпкахъ, напр. въ Берлинскомъ «Museum für Völkerkunde» или просто по рѣдкимъ специальнымъ сочиненіямъ) дивится и завидуетъ учено-артистическій міръ. Перечислять всѣ сокровища немислимо: можно назвать лишь главнѣйшіе предметы умиленія для археологовъ, интереса для профановъ. Вѣдь такъ-называемыхъ галлерей — нѣсколько! Одна посвящена періоду Асоки, другая — индо-скиеской старинѣ, затѣмъ джайнскимъ изваяніямъ, многимъ надписямъ (въ томъ числѣ китайскимъ), курганнымъ раскопкамъ, находкамъ у Афганистана и т. д. Есть цѣлый объемистый каталогъ, чтобы разобратся въ этой массѣ вещественныхъ данныхъ о туземномъ прошедшемъ.

На первомъ планѣ — Бархутская «ступа», памятникъ древне-буддійскаго характера для ознаменованія исключительныхъ событій: какого-нибудь чуда, какой-нибудь проповѣди «вѣщаго учителя». Сооруженію, перенесенному сюда съ цѣлью его оберечь отъ разрушенія, отчасти присущъ видъ шатра: словно тогдашніе, создававшіе ступу за ступой, пламенные буддисты (2000 лѣтъ до нашихъ дней), какъ прообразомъ руководились кочевымъ жильемъ, и даже очертаніями хотѣли напомнить, по крайней мѣрѣ, степной таинственный курганъ. Люди, изваянные вдоль Бархутскаго памятника, даже лицомъ схожи скорѣе всего съ монголами, во всякомъ случаѣ — туранской крови. Около него — однородные по значенію останки изъ Санчи въ Центральной Индіи.

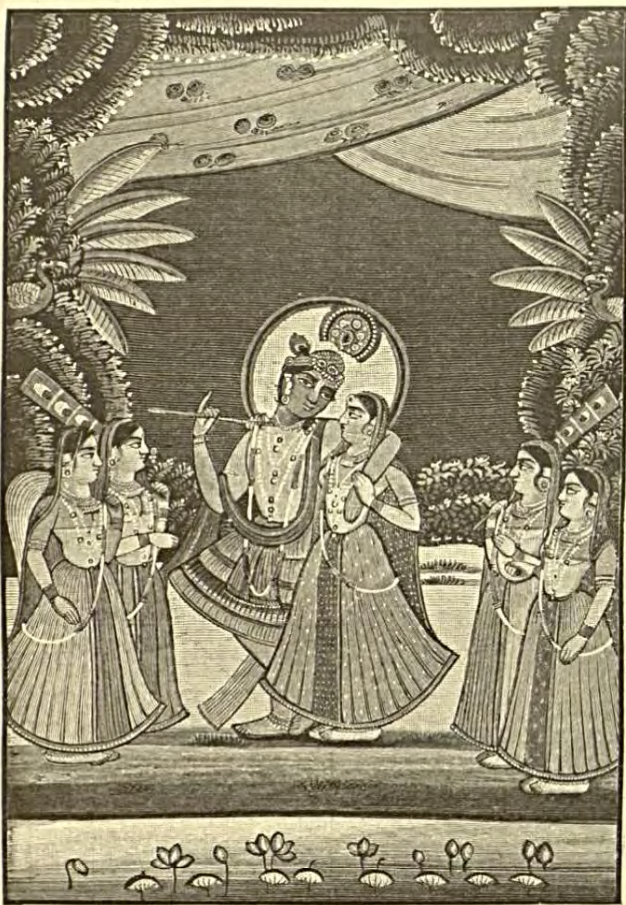
На столбахъ и карнизахъ рисуются фазисы бытія Будды, въ разныхъ тѣлесныхъ несовершенныхъ оболочкахъ: до просвѣтленной свободной дѣятельности на благо совокупности живыхъ существъ, — когда онъ могъ безмятежно почитать въ Нирванѣ, но продолжалъ стремиться къ нравственному пробужденію и врачеванію человѣчества. Параллельно начертаны соотвѣтствующія, на половину и поднесъ не устарѣвшія сцены изъ быта исторически еще туманной Индіи: гдѣ кончается область міа и сказки, гдѣ опредѣляется нить преданія, — и не разберешь. Только одно ясно: каждый тутъ камень — своего рода святыня въ глазахъ истинно богомольнаго азіата. Недаромъ въ края Ганга издавна приходили для жертвы и на поклонъ даже корейцы!

Традиціонныя эмблемы, символическія украшенія, излюбленныя неестественныя позы, — все (тутъ на поверхности памятника) тождественно съ объектами культа въ современныхъ культурно-языческихъ религіяхъ. Вотъ напр. на вратахъ изъ Санчи боги держатъ по маленькому магическому жезлу (вачжра), каковой и теперь составляетъ принадлежность произносящихъ заклинанія ламъ. Вотъ «богиня любви и счастья» сидитъ на лотосѣ, и два слона льютъ на нее воду: точь въ точь картинка, продаваемая и нынѣ въ лавченкахъ любого индійскаго города! Вотъ чудесная птица Гаруда (съ огромными серьями на попугайной головѣ), нещадно истребляющая змѣй, мирно выступаетъ рядомъ съ ними, какъ-бы внявъ поученіямъ проповѣдующаго миръ и любовь, доступнаго всѣмъ тварямъ Будды, — вотъ она-же служитъ конемъ небожителю, летящему на поклоненіе какимъ-нибудь буддійскимъ святынямъ. Крылатые львы, съ обликами хищныхъ грифозъ или косматыхъ псовъ тибетской породы, быки съ человѣческими лицами, многолюдныя процессіи со взирающими на нихъ съ углубленныхъ терасъ наивными

обывателями, нисхождение «вѣщаго учителя» (на землю съ небесъ, въ видѣ слона) къ сладко дремлющей Майѣ, отъ которой ему суждено родиться, — каждый изваянный сюжетъ, каждая изваянная подробность полны оригинальности и сокровеннаго смысла. Быть края въ далекія и близкія времена цѣликомъ отразился на овѣянныхъ жизненнымъ трепетомъ камняхъ, отпечатлѣлся и на изображаемыхъ ими жилищахъ боговъ, которые сегодня — величественные боги, а завтра за грѣхи (по народному вѣрованію) могутъ опять опуститься до уровня немощныхъ и страждущихъ существъ. Изслѣдователи съ изумленіемъ констатировали фактъ, что на ногахъ у сѣверянъ, изсѣченныхъ въ Санчи — наши русскія онучи, извѣстныя также афганцамъ и жителямъ Кафиристана, — что фигу-

рирующие тутъ же музыкальные инструменты одинаковы съ доставленными въ Калькутту изъ Нэпаля.

Археологическій отдѣлъ изобилуетъ произведеніями мѣстнаго ваянія (за много вѣковъ до насъ). То видишь передъ собою погруженнаго въ созерцаніе «длиннорукаго» праведника-индуса, — что и здѣсь, и въ Иранѣ издревле считалось признакомъ знатнаго происхожденія, — то любишься греческаго типа головою Будды: прекраснаго какъ Аполлонъ и причесаннаго, какъ принято было въ цесарскомъ Римѣ, завитаго какъ иной Геркулесъ Британскаго музея, — то останавливаешься у гигантской жестоко поврежденной статуи языческаго «бога-учителя», съ обнаженнымъ плечемъ, точно у его современныхъ послѣдователей-монаховъ, — то невольно всматриваешься съ понятнымъ интересомъ въ изображенія его престоловъ, подпираемыхъ львами, его нищенской чаши на пьедесталѣ, осѣняемомъ царскимъ зонтикомъ, и т. п., и т. п. Вотъ небольшой мраморный «джинъ» Парсваната, найденный на рѣкѣ Хугли: семиглавая кобра балдахиномъ распростерлась надъ нимъ. Вотъ остатки

КРИШНА.

буддійскаго разцвѣта у Матуры (возлѣ Агры), гдѣ мы были. Мало однако этихъ доказательствъ прежняго браминскаго упадка въ областяхъ, отвоеванныхъ въ данное время опять у религіи «царевича-мудреца». Вишнуизмъ и шиваизмъ въ странѣ — сильнѣе сильныхъ. Кришна незримо очаровываетъ миллионы людей тѣми же сладкозвучными напѣвами, изъ-за которыхъ отдавали ему сердце простодушныя пастушки у нынѣшняго Биндрабана.

Ихъ Высочества проходятъ въ сравнительно новый отдѣлъ учрежденія, въ такъ-называемый «Economic Museum» съ обширными коллекціями этнографическаго характера. Здѣсь Августѣйшіе путешественники встрѣчены просвѣщеннымъ хранителемъ этой части

музея — туземцемъ Trailokya Nath Mukharji, авторомъ двухъ извѣстныхъ справочныхъ трудовъ, отпечатанныхъ въ столицѣ полуострова: «Indian produce, contributed to the Amsterdam exhibition 1883» и «Art-manufactures in India». Что касается знанія мѣстныхъ производствъ, ремеслъ, художественныхъ издѣлій, — почтенный г. Мукхарджи не имѣетъ себѣ равнымъ никого: кромѣ, пожалуй, еще болѣе свѣдущаго сэра Джорджа Бэрдвуда, написавшаго «Industrial arts of India».

Все мѣстное сырье въ образцахъ, предметы кустарной промышленности, сосуды и ткани какого угодно качества, — рѣзныя, мозаиковыя и тому подобныя вещи, — дышущія реальностью модели разнообразнѣйшихъ классовъ и племенъ Индіи сгруппированы въ нѣсколькихъ специальныхъ залахъ. Не бѣда, если у нѣкоторыхъ крошечныхъ куколъ — настоящіе волосы на головѣ, если платье на нихъ сшито изъ той именно матеріи, какая вообще въ употребленіи у ихъ живыхъ прообразовъ: столь согласное съ дѣйствительностью отношеніе лишь придаетъ особую прелесть тщательной «Кришнагарской» бенгальской работѣ, вслѣдствіе чего Мукхарджи и рѣшается поднести отъ себя на память Наслѣднику Цесаревичу изготовленную такимъ способомъ крайне оригинальную группу: «подковываніе упряжнаго быка».

Вторникъ, 22-го января (3-го февраля).

Безостановочно слѣдуя по желѣзной дорогѣ черезъ Джубульпуръ въ Бомбей, что составляетъ отъ Калькутты до 2300 верстъ, — Августѣйшіе путешественники, поздно вечеромъ 18-го, вернулись на «Память Азова». Отдыхая въ родной средѣ и готовясь къ новой поѣздкѣ въ Южную Индію, вмѣстѣ съ тѣмъ приходится переживать общее всѣмъ на фрегатѣ тяжелое настроеніе отъ предстоящаго отбытія Великаго Князя Георгія Александровича въ Алжиръ. По настоятельному совѣту доктора Рамбаха окончательно рѣшено, что Его Императорскому Высочеству не слѣдуетъ дольше оставаться въ тропикахъ, особенно у конканскаго побережья, — гдѣ климатъ усиливаетъ лихорадочное состояніе. Разставаться надолго, и такъ-сказать на полпути къ плѣнительной дальней чужбинѣ, представленіе о которой постоянно сквозитъ въ повѣствованіи большинства изъ нашихъ старшихъ соплавателей-моряковъ, обвороченныхъ Японіей, — Августѣйшимъ Братьямъ должно быть вдвойнѣ грустно. Четыре дня наканунѣ разлуки проходятъ для Нихъ какъ испытаніе, и не веселыя мысли роятся у каждаго изъ насъ въ головѣ, когда говоришь себѣ, что завтра въ эту же пору «Адмиралъ Корниловъ», удаляющійся на Сѣверъ, уже скроется изъ виду.

Любоваться здѣшнимъ рейдомъ можно до самозабвенія. Полуденныя краски неотразимо ласкаютъ и нѣжатъ взоръ. Особенно восхитительны предвечерніе часы въ заливѣ Бомбея. Съ запада золотистыми полосками поднимаются легкіе, какъ паръ, облачка. Взглянешь по одному направленію: безконечно тянется зелень, чередуясь съ бѣлизною прибрежныхъ зданій. Съ другой стороны обрисовываются горы (гхаты), причудливо выступая своими подобными башеннымъ замкамъ вершинами. Небо алѣетъ. Надъ моремъ оно вскорѣ становится багровымъ, надъ сушей же простирается поблекшей синевой. Вода — изжелта красная. Мачты и рей, паруса и такелажъ судовъ свѣтятся. . . Затѣмъ вдругъ темно, и при лунномъ сіяніи еще очаровательнѣе окрестность, — еще яснѣе сознаніе, что мы на Востокѣ: въ Индіи. . .

За время стоянки, на эскадрѣ все обстояло благополучно. Нѣкоторые офицеры брали отпускъ во внутрь страны. Команда иногда отпускалась на берегъ, — и разъ пьяные матросики накуралесили, не даваясь въ руки полиціи, у «Apollo Bunder»; двое изъ нихъ, отъ избытка силъ, забрались даже въ парсійскій клубъ и непонятнымъ образомъ ухитрились перемѣстить оттуда на улицу громоздкій бильярдъ: потомки храбрыхъ иранцевъ, зачастую предлагающіе себя англичанамъ въ качествѣ превосходнаго боеваго элемента противъ и не думающей наступать Россіи, разбѣжались при первомъ появленіи ея добродушныхъ и слегка лишь разгулявшихся сыновъ.

Среда, 23-го января (4-го февраля).

Памятныя минуты, съ острой горечью пережитыя сегодня послѣ полудня. Вотъ отчаливаетъ катеръ съ «Азова»: сами офицеры — на веслахъ, чтобы доставить и передать на другой готовый къ отплытію фрегатъ сблизившагося съ ними, полюбившаго каютъ-компанію и замѣтно потрясеннаго предстоящею разлукой Великаго Князя Георгія Александровича. Лица провожающихъ тягостно омрачены... Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ затѣмъ посѣтить покидающій эскадру крейсеръ, милостиво прощается съ офицерами и командой. При съѣздѣ — салютъ по уставу. Вотъ «Корниловъ» рѣжетъ корму «Азова»: около разстроеннаго и блѣднаго Августѣйшаго мичмана стоитъ энергичный, загорѣлый командиръ Алексѣевъ съ черной густой бородой и немного прищуренными пристальными глазами, — на флагманскомъ фрегатѣ поднять сигналъ: «Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ желаетъ крейсеру „Адмиралъ Корниловъ“ счастливаго плаванія», — люди на судахъ посланы по вантамъ, прощальное «ура» гремитъ тревожными перекатами по заливу; но въ мощномъ выраженіи чувства командъ нѣтъ обычнаго электризующаго тока, — звуки рѣютъ, словно чайки кругомъ, безпокойно опускаясь на волну, а пловецъ-фрегатъ все быстрѣе и быстрѣе уходитъ въ ширь. На мостикѣ, надъ рулевою рубкой у насъ, долго продолжаетъ махать фуражкой и командовать повтореніе несмолкающаго, постепенно слабѣющаго «ура» нашъ глубже всѣхъ опечаленный и пораженный въ самое сердце командиръ Н. Н. Ломенъ, бывший морскимъ воспитателемъ Великаго Князя Георгія Александровича и до сихъ поръ неотлучно сопровождавшій Его въ заграничныхъ плаваніяхъ.

Покинувъ снова фрегатъ для слѣдованія въ Мадрасъ, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и принцъ Георгій Греческій по дорогѣ къ вокзалу обѣдаютъ со свитой на терасѣ красиваго бомбейскаго яхтъ-клуба у самой набережной. Живительное дыханье океана, вмѣстѣ съ тихимъ шумомъ прибоя, такъ и просится въ душу. Сегодня — ровно три мѣсяца со дня отъѣзда изъ Гатчины; только треть пути (да и то неполная!) — за нами, а какъ посмотришь: настоящее путешествіе едва начинается, сознательное отношеніе къ этому Востоку едва проясняется, подавляющее многообразіе впечатлѣній все растетъ и растетъ.

Осмотрѣнная до сихъ поръ Индія, съ ея разнородными городами столь понятнаго намъ средне-азиатскаго типа и нѣкоторыми памятниками сравнительно дальней старины, мало-по-малу отодвигается на второй планъ: вмѣстѣ съ ландшафтами Нила и скалами Адена. Отъ прежняго обаянія, въ которое такъ-сказать мысленно облечена была страна до посѣщенія всякихъ Дэли и Лахоровъ, пожалуй, не остается и слѣда. Ароматъ несомнѣнно

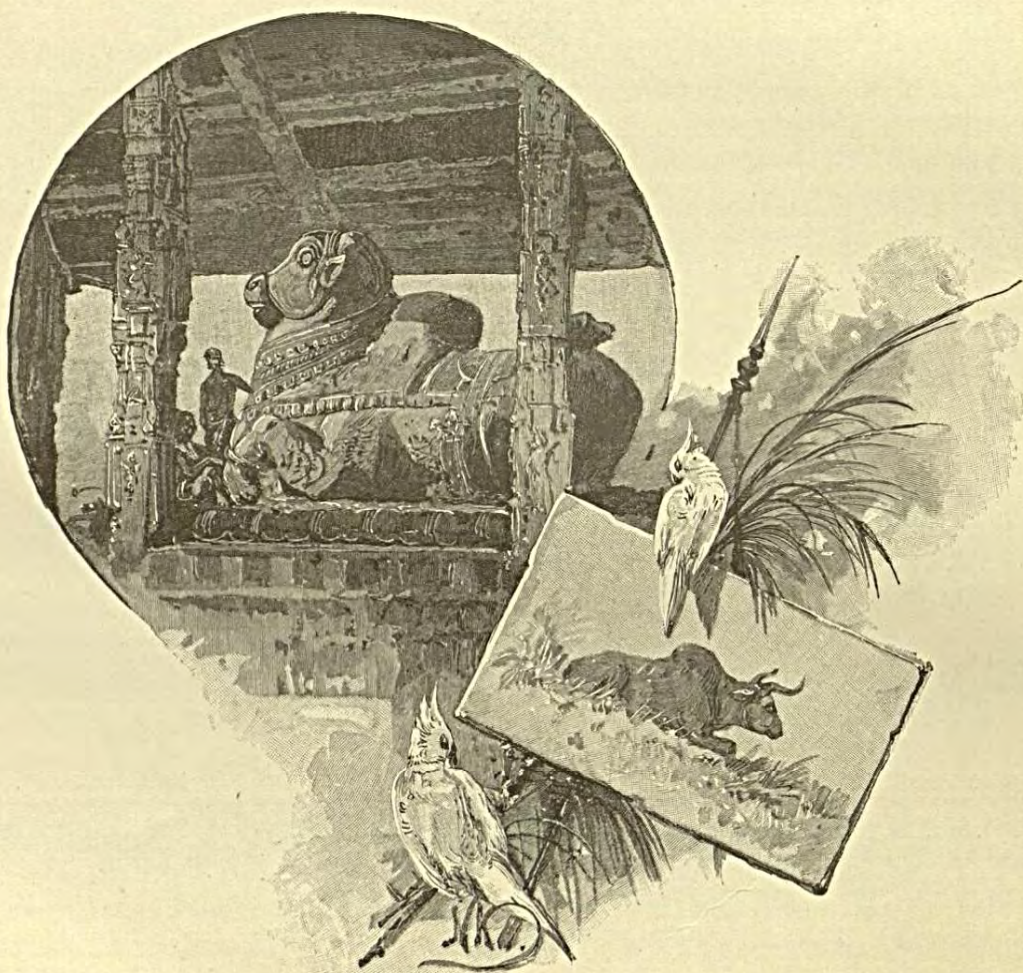
имъ присущей красоты при непосредственномъ соприкосновеніи испаряется изъ-за окружающей ихъ грустной прозы. Существующій въ однихъ воспоминаніяхъ край рыцарей — раджей и бардовъ, священныхъ для народа по своему значенію, духовно замкнутъ передъ современными путешественниками. Мы (какъ, впрочемъ, и всѣ туристы за послѣднія 30 лѣтъ) видѣли почти исключительно Индію англійскаго режима, а не дѣйствительности: но вѣдь накопъ чужой цивилизаціи надъ цѣлой бездной невыраженныхъ чувствъ и затаенныхъ стремленій не есть отраженіе истиннаго положенія вещей, которое скорѣе угадывается чутьемъ, нежели сквозить чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ. Въ теченіе недѣли, что

БОМБЕЙСКІЙ ЯХТЬ-КЛУБЪ.

намъ еще придется быть въ предѣлахъ полуострова, надо ближе и подробнѣе взглядѣться въ обликъ этого стойкаго и страннаго народа, чье творчество создало единственную въ мірѣ по качествамъ, стройную и сложную браминскую культуру. Въ южной Индіи уже каплями можно насчитывать чистую арійскую кровь пришельцевъ съ Сѣвера. Главные языки (тамилъ и телугу) не подчинились сильному воздѣйствію санскрита. Но религіозная греза проникла въ глубину душъ, воздвигла себѣ престолы въ оградѣ грандіознѣйшихъ храмовъ, превзошедшихъ (по размѣрамъ) довольно скромную (рядомъ съ ними) архитектуру болѣе сѣверныхъ областей, заполонила подъ властью жречества бодрое тѣломъ и

духомъ первобытно мыслящее чернокожее населеніе. Вторженіе въ эту область ислама, въ концѣ концовъ, ни къ чему не приводило. Густой тропическій лѣсъ можетъ на мгновеніе раздаться при наступленіи дровосѣка; но всякая проложенная тропа скоро опять зарастаетъ, чаща затягивается и черезъ короткое время не отыскать даже тѣхъ ранъ, которыя пыталась ей нанести рука человѣка. Тоже и съ міромъ интенсивныхъ и стародавнихъ языческихъ вѣрованій. Сколько бы ни наносилось ему ударовъ, — преклоняющаяся передъ одухотворяемыми кумирами, экзальтированная, живущая фантазіей толпа упорно создастъ еще болѣе странныя формы культа, жаждетъ еще болѣе дерзновенныхъ и непостижимыхъ умозрѣній.

ЮЖНАЯ ИНДІЯ.

Отбывъ 23-го января (4-го февраля) съ бомбейской главной станціи «Victoria Terminus» въ 10 часовъ 30 минутъ вечера, Августѣйшіе путешественники черезъ Каліанъ и Пуну направились въ четвергъ 25-го января (6 февраля) Декканомъ на Кальбаргу, — гдѣ нѣкогда процвѣтали самостоятельные султаны съ пышнымъ дворомъ: напр. Фирозъ, при которомъ въ обычаѣ было набирать гаремъ изъ русскихъ, грузинокъ, черкешенокъ и т. п. (съ каждою онъ учился говорить на ея родномъ языкѣ) — и на старую туземную твердыню Райчуръ, откуда дорога черезъ Адони прямо ведетъ на юго-востокъ: въ Мадрасъ, отстоящій отъ конканскаго побережья на 1400 верстъ. Переѣздъ туда вообще не интересенъ. Путь почти сплошь тянется унылыми сверкающими подъ солнцемъ равнинами съ рѣдкимъ глинобитнымъ жильемъ, — съ отстроенными какъ крѣпостцы и окруженными терновникомъ деревнями, — съ небольшими стадами косматыхъ черныхъ буйволовъ, бредущихъ оттуда на водопой къ каменистому руслу полуизсохшей рѣчки, — съ нагими причудливо-мрачными холмами, теряющимися вдали...

Въ Гайдерабадъ, гдѣ править могущественный Низамъ, почему-то рѣшено не ѣхать, хотя этотъ оригинальный центръ и лежитъ у дороги. Отношенія молодого властелина къ господствующей расѣ, при всей ихъ кажущейся лояльности, не лишены странныхъ отбѣнокъ: напр. онъ вѣдь не захотѣлъ встрѣчать принца Уэльскаго при его торжественномъ въѣздѣ въ Индію! Изъ европейцевъ, тутъ въ области, въ качествѣ военныхъ инструкторовъ сначала хотѣли знать однихъ французовъ, англичане же были ненавистны. Такія антипатіи обыкновенно коренятся довольно глубоко и не скоро предаются забвенію. Гордая славными преданіями мусульманская знать плохо сживается съ мыслями о смиреніи.

Край, по которому мы движемся, теперь привлекаетъ вниманіе западныхъ капиталистовъ, ибо изысканія свидѣтельствуютъ о возможномъ здѣсь развитіи золото- и углепромышленности въ сравнительно широкихъ размѣрахъ: чаще и чаще поговариваютъ также о разработкѣ когда-то знаменитыхъ алмазныхъ копей. Агентъ «Deccan Mining Company» (нѣкто Ловинскій) подаетъ, по крайней мѣрѣ, радужныя надежды на то.

Вечерѣтъ — подъ разсказъ кого-то изъ нашихъ спутниковъ-англичанъ, какъ здѣсь въ окрестностяхъ находился неприступный замокъ, владѣлецъ коего, разбойникъ-маратъ Морари Рао, страстно любя шахматную игру, заставлялъ случайно взятыхъ въ плѣнъ проезжихъ искусно съ собою состязаться: если партнеръ не умѣлъ занимать хозяина и не старался быть побѣдителемъ, его безжалостно сбрасывали съ крутой стѣны.

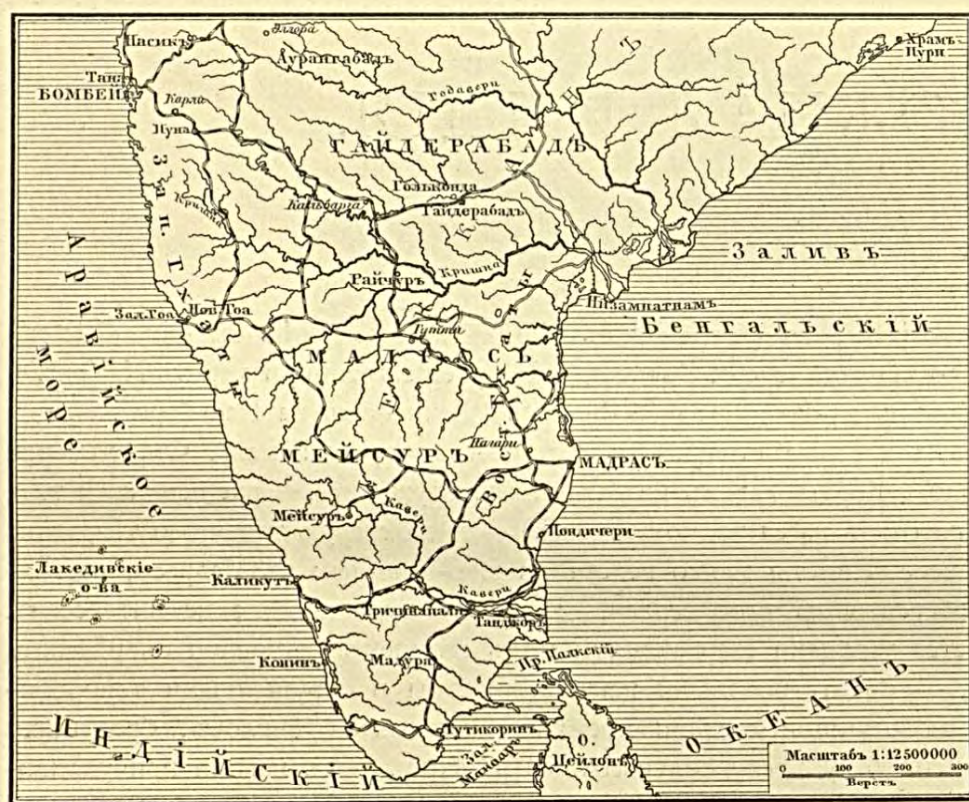
Пятница, 25-го января (6-го февраля).

Девять утра. Слегка пахнетъ болотной сыростью. Мѣстность приняла тропическій характеръ. Рельсовый путь замѣтно спускается къ морю съ «восточныхъ» Гхатовъ. Пло-

скій песчаный берегъ, низкія возвышенности за нами: Мадрасть.

Губернаторъ — лордъ Уинлокъ, власти, почетный караулъ, масса разодѣтыхъ туземцевъ ожидаютъ Наслѣдника Цесаревича. Между прочимъ, радостно встрѣчаютъ Его путешествующіе по Индіи князь А. Г. Щербатовъ съ женой, урожденною гр. О. А. Строгановой.

Экипажи направляются съ вокзала къ довольно близкому «Government House» черезъ опоясываемый рѣчкой

ЮЖНАЯ ИНДИЯ.

Куамъ островокъ, на которомъ красуется статуя сэра Мунро, считающагося благороднѣйшимъ и отважнѣйшимъ дѣятелемъ въ южныхъ областяхъ, за періодъ съ XVIII-го на XIX-й вѣкъ. Конь, на которомъ сидитъ этотъ бывший губернаторъ и генералъ, не осѣдланъ. Во всей фигурѣ всадника (работа Чантрея) — удивительно много энергіи. Недаромъ, онъ въ 1764 г. безсердечнѣ кого-либо изъ другихъ своихъ соотечественниковъ привязывалъ въ Бенгаліи къ пушкамъ вѣрныхъ полковому знамени храбрѣйшихъ сипаевъ за одинъ только ропотъ въ ихъ рядахъ, зачѣмъ награда «бѣлымъ» солдатамъ, послѣ побѣды, почти въ семь разъ превосходила плату столь же самоотверженно потрудившимся туземнымъ. Даже нижніе чины — англичане, присутствуя вмѣстѣ съ инородцами на парадахъ, при звѣрской расправѣ, бывали тронуты до слезъ. Командиръ же пользовался правомъ сильного и во имя престижа наказывалъ такую страшную мѣрою, что о ней

ЮЖНО-ИНДИЙСКІЕ ХРАМЫ.

и говорить нельзя безъ ужаса. Жертва (обыкновенно съ гордымъ презрѣніемъ къ палачамъ!) привязывалась у орудія: когда разсѣявался дымъ отъ выстрѣла — на землѣ валялись однѣ ноги несчастнаго, а искаженная судорогами голова лишь черезъ нѣсколько мгновений спускалась сверху, подброшенная туда со стремительною быстротою. Для большаго впечатлѣнія на покоренный народъ и молчаливо негодовавшихъ сипаевъ, Мунро возилъ осужденныхъ изъ одного спокойнаго пункта въ другой и казнилъ постепенно, направивъ пушки на подозрительно настроенныхъ вооруженныхъ туземцевъ. Хотя этотъ карательный пріемъ и унаслѣдованъ будто-бы просвѣщенными колонизаторами отъ эпохи Моголовъ, но ему нѣтъ оправданія въ глазахъ христіанскаго міра: между тѣмъ, *еще недавно* (въ 80-хъ годахъ) власти Пѣнджаба этимъ же возмутительнымъ способомъ устранили у себя съ дороги группу «куковъ», сикховъ съ сепаратистическимъ направленіемъ. Какъ далеко смотрѣлъ въ глубь грядущаго вождь галловъ (Бреннъ), воскликнувъ при разгромѣ Рима: «горе побѣжденнымъ! . . .»

Мадрасъ довольно безцвѣтенъ. Несмотря на свое продолжительное (250-лѣтнее) пребываніе подъ англійскимъ управленіемъ, онъ мало усвоилъ западныхъ чертъ и параллельно съ тѣмъ значительно потерялъ всякую *couleur locale*. Желтыя невысокія зданія, жгучее солнце, однообразная растительность, темносиняя полоса окаймленнаго пѣною океана за купами деревьевъ. . . Природа окрестъ кажется грубо раскрашенною дѣтскою сказкой, лишенною однако наивной прелести содержанія. Мозаика разноплеменныхъ типовъ и одеждъ, плѣнявшая въ болѣе сѣверной Индіи, здѣсь не существуетъ.

Столица южнаго президентства отчасти живетъ и богата торговлей, по каналамъ стягивающеюся извнѣ и поддерживаемою приходомъ многихъ судовъ на сравнительно безопасный рейдъ. Коромандельское побережье, отчасти благодаря мелководью, вообще отличается отсутствіемъ хорошихъ гаваней; а море крайне бурно. До послѣдняго времени даже у Мадраса циклонами срывались съ якоря и гибли цѣлые корабли. Въ бытность принца Уэльскаго положено было основаніе могучему двойному молу и, хотя бѣшенство прибое далеко не вполне ослаблено въ виду неудовлетворительнаго характера инженерныхъ заданій, однако волны не грозятъ уже до такой степени, какъ раньше, стоянкѣ и дѣятельности грузохозьевъ. Въ прошломъ столѣтіи и началѣ нынѣшняго ураганы взяли немало жертвъ: напр. въ 1746 г. около самаго города разбилась французская эскадра и 1200 человѣкъ экипажа утонуло (всего три недѣли послѣ того, какъ адмиралъ вынудилъ мадрасскихъ гражданъ сдать и водрузилъ на британскомъ берегу флагъ своей націи!).

Съ главнаго бульвара «Mount Road» Августѣйшіе путешественники вѣзжаютъ въ ограду парка вокругъ губернаторской резиденціи. Утренняя жара становится невыносимой. Теперь въ южной Индіи — еще чуть-ли не зимняя пора, но небо дышетъ огненными лучами.

Небольшой «Government House» съ разбитыми на газонѣ палатками для свиты, сверкаетъ ярче мрамора бѣлыми стѣнами изъ замѣчательнаго туземнаго штука (чунамъ). Внутри дворецъ не особенно интересенъ. Портреты разныхъ грустныхъ навабовъ и блѣдныхъ губернаторшъ представляютъ лишь галлерею лицъ, которымъ этотъ политическій центръ навѣрно не далъ при жизни ничего, кромѣ огорченія.

Мѣстное англійское общество и множество туземцевъ съѣзжается днемъ на «Garden party», пріемъ (подъ открытымъ небомъ) у лорда Уинлока. Главною цѣлью служитъ увидѣть ВысокихъGuestей ея величества королевы. Для развлечения же устраивается полетъ

воздушного шара съ нѣкимъ г. Спенсеромъ, который изъ поднебесья бросается внизъ на парашютѣ и, благополучно коснувшись земли, вскорѣ возвращается въ паркъ къ именитымъ зрителямъ.

Вслѣдъ за параднымъ обѣдомъ съ обычными тостами — балъ въ красивомъ обширномъ павильонѣ (Banqueting hall) подлѣ дворца. Зала, съ колоннадами и знаменами по сторонамъ, залита свѣтомъ люстръ. Украшающія ее картины (извѣстный генералъ прошлаго столѣтія — Еуге Сoot съ какимъ-то раболѣпно кланяющимся ему туземцемъ, южно-индійскій герой Гаррисъ въ синемъ мундирѣ съ серебряными эполетами, одинъ изъ прежнихъ администраторовъ лордъ Гобартъ въ гражданскомъ платьѣ старомоднѣйшаго покроя и т. д.) какъ-то не подходятъ къ царящему подъ ними праздничному блеску и оживленію.

Въ сіяющемъ чертогѣ душно. Двери открыты и постоянно есть возможность удалиться на воздухъ, вдыхать свѣжесть вечера. Въ числѣ интересныхъ собесѣдниковъ не могу сегодня не отмѣтить секретаря губернатора г. Рисъ (J. D. Rees). Онъ принадлежитъ къ тѣмъ разносторонно воспитавшимъ себя на пути изученія Азіи англичанамъ, которые очень много по ней ѣздили и серьезно ее узнали. Онъ побывалъ въ Китаѣ, напечаталъ свои замѣтки о Персіи, вотъ уже нѣсколько лѣтъ находится при кормилѣ правленія на югѣ Индіи. До Уинлока тутъ стоялъ во главѣ дѣлъ зять вице-короля Дэфферина — лордъ Коннемара.

Рисъ работалъ при немъ, занимался для правительства переводами съ индустани и съ персидскаго, съ тамилъ и телугу. Сопровождая прежняго мадрасскаго губернатора по краю, онъ наглядно намѣчалъ въ особыхъ запискахъ подробности и результатъ подобнаго соприкосновенія высшей мѣстной власти со ввѣреннымъ ей тридцатипятимилліоннымъ населеніемъ и его нуждами. Помѣщая въ журналахъ отрывки изъ дневника, Рисъ умѣлъ привлечь въ Англіи общественное вниманіе къ полезной дѣятельности своего начальника.

Теперь этотъ писатель готовитъ на ту же тѣму цѣлую книгу, а также иллюстрированный очеркъ краткаго прошлогодняго путешествія герцога Кларенскаго по мадрасскому президентству.

Со словъ Риса мнѣ удалось запомнить два-три не лишенныхъ самобытности анекдота.

Глубокій знатокъ мѣстныхъ нарѣчій и нравовъ епископъ Кальдвель допытывалъ разъ у простодушнаго инородца, кто собственно въ данное время владычествуетъ надъ страной. Тотъ съ убѣжденіемъ называлъ полулегендарное лицо изъ давнымъ-давно угасшей языческой династіи: «а что же дѣлають здѣсь англичане?» — «Да они только охотятся!»

Дѣйствительно, туземцамъ легко сбиться на счетъ истинныхъ причинъ посѣщенія иныхъ глухихъ округовъ незнакомыми джентльмэнами. Однажды Рисъ завернулъ въ такой уголокъ съ администраторами-автохтонами. Когда онъ случайно вернулся съ охоты, не видавъ ни одного тигра, старшій между ними укоризненно закачалъ головою по направленію къ младшимъ: «Хороши порядки! хороша администрація, если даже нѣтъ тигра для джентльмэна!»

Какъ извѣстно, въ Индіи существуетъ довольно строгій налогъ на соль. Какую-то старушку-вдову пробовали уличить, что она держитъ ее контрабандно. Дабы удостовѣриться, насколько не правы ея клятвенныя завѣренія, будто конфискованное вещество — совсѣмъ не соль, эксперты стали его пробовать. Бѣдная женщина тогда въ священномъ ужасѣ подняла руки къ небу: «этимъ людямъ мало того, что они меня несправедливо обижаютъ, — нѣтъ, они еще ѣдятъ пепелъ отъ моего мужа!»

Въ pendant забавнымъ разсказамъ можно (изъ книги лэди Дэфферинъ объ Индіи) привести отзывъ дѣвочки-англичанки о памятникахъ туземной архитектуры: «я такъ люблю эти старыя могилы! въ нихъ всегда приготовленъ чай для посѣтителей».

Суббота, 26-го января (7-го февраля).

Ночью Ихъ Высочества переѣхали въ экипажахъ изъ Мадраса, за 10 верстъ, въ загородную губернаторскую резиденцію Гинди (Guindy). Дорога туда въ полумракѣ вела безконечными предмѣстьями, густыми сводчатыми аллеями: инородческимъ городомъ-лѣсомъ, которому не замѣчалось конца. Дѣло въ томъ, что главный центръ южнаго президентства раскинутъ на огромномъ пространствѣ и вдоль моря, и въ глубь материка. Можетъ быть, оттого-то и благоустройство его съ внѣшней стороны заставляетъ желать лучшаго.

Утромъ, прежде всего, спѣшишь въ чудные сады за индійскимъ дворцомъ, славящіеся своими экзотическими и мѣстными растеніями. Поражающія размѣрами «*Victoriae regiae*» (съ діаметромъ листовъ: болѣе чѣмъ въ полъ сажени), благовонные бѣлые цвѣты съ Амазонской рѣки, алые лотосы, мадагаскарскія пальмы, — до чего эта флора тропиковъ нѣжитъ взоръ! Отсутствіе горизонта за непроницаемой листвою тѣмъ не менѣе вызываетъ впечатлѣніе грандіознаго.

Цѣлый день, въ сущности, посвященъ отдыху, — если не считать легкой охотничьей экскурсіи въ прилегающій сюда заповѣдный прекрасно содержимый паркъ со множествомъ куропатокъ и зайцевъ, а также съ 500 дикихъ козъ (*capra bezoartica*), чтимыхъ браманистами, и оленей (*axis maculatus*).

Около полудня передъ дворцовымъ крыльцомъ, у широкой крытой терассы, толпа жалкихъ съ виду фокусниковъ показываетъ свое довольно сложное искусство. Во всей Индіи мы еще ни разу не наблюдали одновременно такого разнообразнаго проявленія ловкости и чего-то почти сверхъестественнаго, что я положительно не берусь опредѣлить.

Полуголые туземцы садятся въ двухъ шагахъ отъ насъ, опустивъ рядомъ на ступени лѣстницы грязный мѣшокъ со скарбомъ, 2 корзинки со змѣями, тряпье съ землей, откуда должно внезапно произрости дерево — манго. Тѣмъ временемъ, — пока у этихъ артистовъ идутъ приготовленія, — атлетически сложенные, достойныя рѣзца Микель-Анджело фигуры высоко подбрасываютъ крупныя кокосовыя орѣхи, подставляютъ макушку головы падающимъ внизъ и раскалываютъ ихъ. Приведенныя цыганьемъ обезьянки, шутовски принаряженныя чертопоклонниками, т. е. индусами, не признающими браминскаго міра, жадно лижутъ пролившееся молоко и подбираютъ куски толстой скорлупы, а затѣмъ (на общую потѣху) начинаютъ уморительно подражать мистическому характерному танцу служителей и заклинателей дьявола, такъ-сказать мѣстныхъ шамановъ. Люди же, только что доказавшіе необычайную крѣпость своего черепа, какъ ни въ чемъ не бывало, принимаютъ участіе въ нашемъ смѣхѣ. Вотъ одинъ изъ фокусниковъ обнаженными руками сталъ непонятно откуда и какъ (не изъ рукавовъ, потому что ихъ у него нѣтъ, не изъ пояса-передника — своего единственнаго одѣянія) вытаскивать и раскладывать множество небольшихъ предметовъ (преимущественно камушковъ). Иные изъ нихъ зашевелились, исключительно по слову туземца, безъ малѣйшаго къ нимъ прикосновенія. Вдругъ среди нихъ задвигалась настоящая заморенная птичка. Крышка одной корзинки полуоткрылась и кобра скорѣе удивленно, чѣмъ сердито, вытянулась на свѣтъ, мѣрно закачалась подъ

усыпляющіе звуки хозяйской волынки и тихо ушла обратно, словно повинуюсь голосу и волѣ человѣка. Эти змѣи, говорятъ, вовсе не безвредны и не лишены железъ, выдѣляющихъ ядъ, а просто-напросто очарованы особенной силой цыгана-магнетизера, имѣющаго природный даръ приручать пресмыкающихся. Въ концѣ концовъ послѣднія всетаки смертельно жалятъ самоувѣренныхъ укротителей, если тѣ на мгновенье потеряютъ свою безусловную власть надъ гадами.

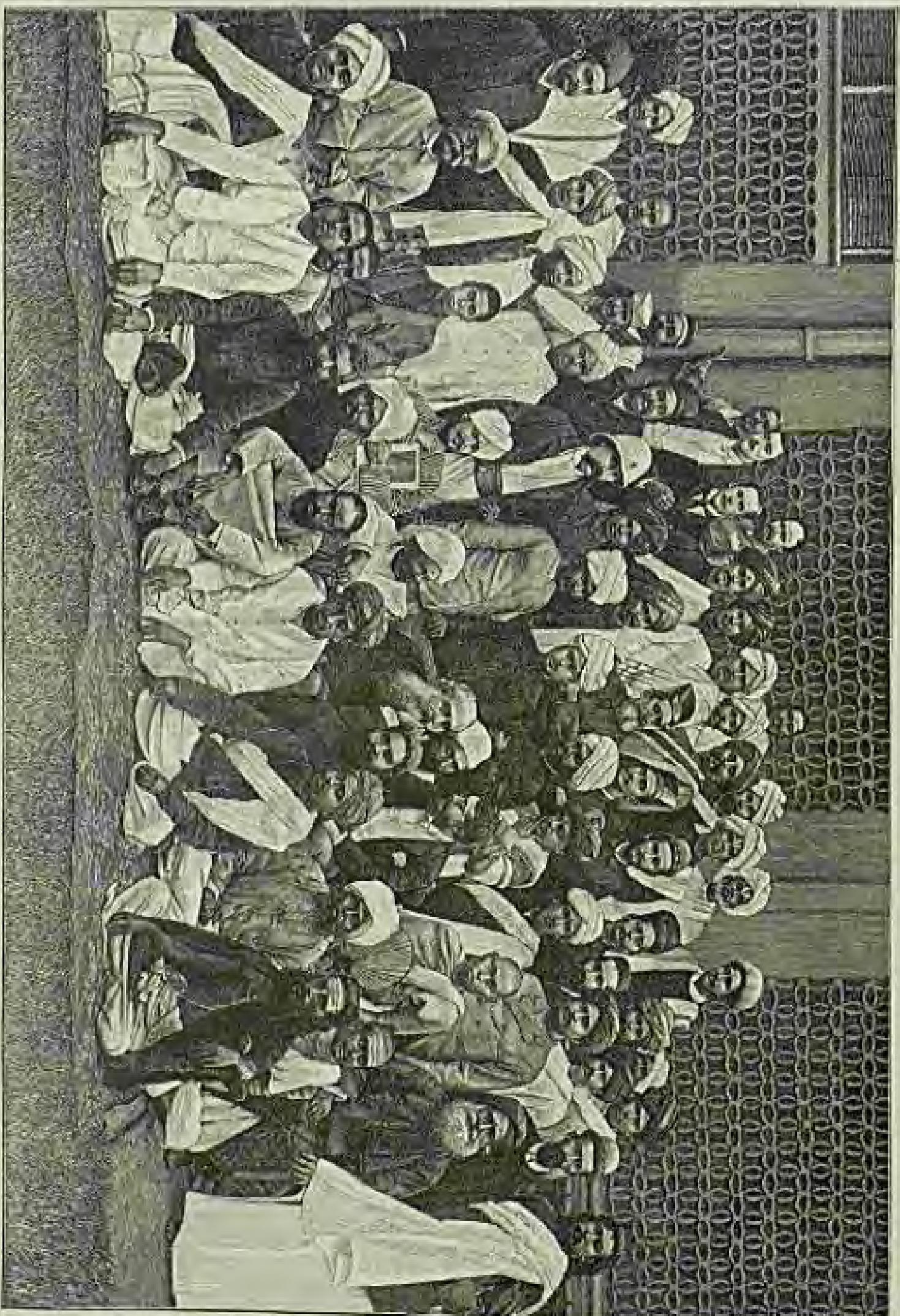
Вотъ быстро произрастаетъ, чуть-ли не на глазахъ нашихъ, деревцо, котораго ростокъ нѣсколько минутъ назадъ фокусникомъ былъ посаженъ въ маленькую земляную кучу и задернуть дерюгой. Поднимается стебель, распускаются листики, ожидается образование плода.

Показавъ тотъ или другой фазисъ чудеснаго развитія, *soit-disant* фокусникъ прячетъ его подъ сѣро-бурую ткань и черезъ короткій промежутокъ времени снова обнаруживаетъ, съ явнымъ торжествомъ. Манго все растетъ и растетъ... Какъ достигаютъ этого ловкіе туземцы, будто-бы ухитряющіеся (на виду у насъ всѣхъ и у самыхъ нашихъ ногъ) подмѣнивать ростки и стебли, непонятно. Прежде духовенство съ Запада запрещало соотечественникамъ смотрѣть на подобное соблазнительное дѣло сатаны. Теперь же, кажется, и натуралисты склонны допускать, что туземцамъ извѣстны тайны природы, которыми они вызываютъ иное явленіе, отнюдь не прибѣгая къ фокусу или грубому обману.

А вотъ и еще диковинное зрѣлище!... Мужчины, подставлявшіе макушку головы подъ кокосовые орѣхи, веревками вяжутъ дѣвушку изъ своей среды, словно опутываютъ ее крѣпкой сѣтью и укладываютъ въ тѣсную корзину. Затѣмъ, одинъ старикъ начинаетъ колоть послѣднюю кинжаломъ, продырявливаетъ ее насквозь, наконецъ впрыгиваетъ черезъ ея пробитую крышку на дно: дѣвушка видимо исчезла и только смутно, какъ-бы изъ близкой листвы, слышится чей-то женскій голосъ, напоминающій раздвоенную рѣчь чревовѣщателя. И вдругъ, — когда всѣ готовы были протирать себѣ глаза, убѣдившись, что за ловкость обнаружила дѣвушка, незамѣтно ускользнувъ изъ корзины, — оттуда показывается бодрою и невредимою она сама, главное дѣйствующее лицо въ представленіи!...

Мы положительно находимся въ странѣ, гдѣ далеко не проведены и пока, пожалуй, неопредѣлимы связь и грань между явленіями совершенно естественнаго порядка и тѣми, которыя на европейскій взглядъ отмѣчены признаками чудеснаго. Оттого-то именно въ Индіи, по инициативѣ одной много видѣвшей и много знавшей русской женщины (Е. П. Блаватской), зародилась мысль о возможности и необходимости основать цѣлое общество теософовъ, искателей Истины въ широчайшемъ смыслѣ слова: съ цѣлью избирать адептами людей всякой вѣры и расы, глубоко вникать въ сокровеннѣйшее ученіе восточныхъ религій, привлекать азіатовъ къ искреннему духовному общенію съ образованными иностранцами, поддерживать таинственныя сношенія съ разными верховными жрецами, аскетами, чародѣями и т. п. Здѣсь, у Мадраса, въ предмѣстьѣ Адіаръ (у маленькой рѣчки того же названія) учредился центръ новаго оригинальнаго братства. Дѣятельнымъ помощникомъ и другомъ нашей талантливой соотечественницы, пріобрѣтшей въ Россіи литературную извѣстность подъ именемъ Радда-бай, явился американскій полковникъ Олькотъ. Огромное число развѣтвленій мадрасской теософической логи возникло и въ Азіи, и въ Америкѣ, и въ Европѣ. Нѣсколько органовъ періодической печати специально посвятило себя констатированію и отчасти изученію необъяснимыхъ психическихъ феноменовъ изъ области югизма, т. е. магическихъ актовъ воли человѣка, для котораго условія пространства и времени перестаютъ существовать. Блаватская вызвала бурю обличеній въ шарлатанствѣ,

НАСТАВНИКЕ ЕКАТЕРИНСКОЙ СТАРШИ ОДНОКЛАССНИКИ И МАЛАХОВСКИЕ ТЕОЛОГИ

чуть-ли не въ силу подозрительности англичанъ должна была навсегда покинуть преисполненный чудесъ и столь полюбоившійся ей полуостровъ; но искусство ея вызывать къ себѣ безкорыстную симпатію и преданность туземцевъ, ихъ смутная жажда сплотиться подъ знаменемъ этой странной *сѣверной* женщины изъ народа, радикально чуждаго Альбіону, — ея постоянные разъѣзды по странѣ ради сближенія съ волхвами и въ попыткахъ быть допущенной къ разнымъ завѣтнымъ тайнохранилищамъ браминовъ и джайнистовъ, — все вмѣстѣ взятое создало ей исключительное положеніе, какого съ давнихъ поръ никто и нигдѣ не занималъ (пожалуй, начиная отъ тѣхъ отдаленно-блаженныхъ дней, когда ясновидящія старицы на рубежѣ исторіи говорили со своими первобытно мыслящими единоплеменниками на вѣщемъ языкѣ боговъ!). Для Индіи настоящаго и будущаго Е. П. Блаватская не умерла и не умереть.

Душный вечеръ. Обѣдъ у губернатора, за часъ до отъѣзда по узкоколейной желѣзнодорожной линіи на югъ: въ города, болѣе или менѣе олицетворяющіе интересное прошедшее края. Летучія мыши рѣютъ по комнатамъ, смежнымъ со столовою. Испытываешь какое-то странное преждевременное утомленіе, еще не успѣвъ даже погрузиться въ море новыхъ впечатлѣній. Этотъ знойный и убаюкивающій Востокъ, по правдѣ сказать, слѣдовало бы познавать исподволь и съ большими промежутками полнѣйшаго отдыха. Иначе безконечное обиліе образовъ и мыслей чрезмѣрно поглощаетъ всѣ силы души, пробуждаетъ слишкомъ напряженное состояніе, не даетъ мозгу своевременно перерабатывать воспринимаемое извнѣ: точно также, какъ, — выражаясь грубѣе и нагляднѣе, — желудокъ не могъ бы безъ перерыва принимать пищу. . . Обзоръ страны видимо приходится заканчивать, — отчасти вслѣдствіе климатическихъ условій, — въ нѣсколько вяломъ настроеніи.

Хозяинъ и болѣзненно-блѣдная хозяйка дома удивительно радушны, симпатичны. О Гинди увозишь крайне свѣтлое воспоминаніе. Недаромъ баронъ Уинлокъ, племянникъ герцога Вестминстерскаго, извѣстенъ въ Англіи за одного изъ просвѣщеннѣйшихъ аристократовъ либеральнаго лагеря (Liberal Unionists). Несмотря на свою относительную молодость (ему, навѣрно, не свыше 40 лѣтъ), онъ уже на родинѣ, въ Йоркскомъ графствѣ, занималъ нѣсколько почетныхъ должностей.

Воскресенье, 27-го января (8-го февраля).

Раннее утро. Только седьмой часъ. Танджоръ. Станція, густо убранная олеандровыми гирляндами (въ знакъ привѣта и благопожеланія, согласно туземному обычаю). Группа горожанъ съ пріятными, осмысленными лицами. У каждого въ рукахъ — его визитная карточка, по которой онъ допущенъ властями на дебаркадеръ. Кланяясь Ихъ Высочествамъ, встрѣчающіе танджорцы наперерывъ протягиваютъ «коллектору» (начальнику округа) свои имена, какъ-бы долженствующія, между прочимъ, свидѣтельствовать о радушіи мѣстнаго пріема.

Мы — у послѣдней средневѣковой столицы древняго царскаго рода Кола или Чола, долго игравшаго въ южной Индіи весьма важную роль. Теперь здѣсь — одинъ изъ

самыхъ видныхъ административно-промышленныхъ центровъ мадрасскаго президентства, съ 60,000 жителей (на округъ въ два милліона).

Оранжевый цвѣтъ одежды населенія спорить съ бѣлымъ. Люди съ довольно могучимъ тѣлосложеніемъ, некрасивыя черныя женщины наполняютъ путь къ старой крѣпости. Дорога обсажена пальмами, слегка пыльна, монотонна. Начиная отъ Коромандельскаго побережья, природа и мѣстная культура постепенно внушаютъ чувство разочарованія. Болѣе родной намъ сѣверо-западъ страны какъ-то ярче свѣтился красками.

Насъ подвозятъ къ массивнымъ воротамъ, за которыми высится стройно задуманная и выполненная кумирня (Періа Ковиль, т. е. «большой храмъ»), считающаяся знатоками за типичнѣйшее и лучшее архитектурное произведеніе дравидскаго стиля. Послѣдній многими загадочными чертами, безъ достаточно выясненной исторической связи, близокъ ассирійскому и въ свое время создалъ въ Индіи немало памятниковъ выдающагося характера: стоитъ вспомнить хотя-бы изваянный изъ части горы монолитическій дворецъ Шивы «Кайласу» у эллорской гряды.

Въ эпоху разцвѣта туземныхъ искусствъ и широко прививавшагося умозрительнаго знанія, когда народъ и полубогъ-правитель составляли одно цѣлое, половина населенія занималась земледѣліемъ, — на что вполне хватало рукъ, — другая же, въ силу приказа свыше и повинуваясь вмѣстѣ съ тѣмъ собственному религіозному влеченію, отдавала свою жизненную энергію и выдающіяся артистическія способности угодному небожителямъ зодчеству, для котораго въ ту пору какъ-будто не существовало даже невѣроятныхъ техническихъ затрудненій. Къ слову сказать, вотъ передъ нами куполь огромной центральной пагоды, обтесанный изъ одной глыбы гранита: что за изобрѣтательные люди подняли его на двадцать пять сажень отъ земли?

Пять бронзовыхъ «баядерокъ храма» встрѣчаютъ у входа въ очень высокую ограду, гдѣ находится небольшая группа красноватыхъ капищъ различной величины, и вѣнчаютъ Августѣйшихъ путешественниковъ цвѣтами. Ими же въ видѣ почетныхъ украшеній завѣшаны проходы дворомъ вокругъ языческихъ «святилищъ». Тутъ, какъ оказывается, нѣтъ теперь обычныхъ тайнодѣйствій и чуть-ли даже нѣтъ идоловъ, потому что въ прошломъ столѣтіи безумно храбрый и одинаково опрометчивый французъ — графъ де Лалли, оружіемъ насаждая въ Индіи вліяніе своей націи и не стыдясь прибѣгать при случаѣ къ варварскому разстрѣливанію браминовъ у пушечныхъ жерлъ, столь же мало постѣснился захватить «Періа Ковиль» съ цѣлью обратить его въ твердыню. Съ той минуты какъ ее, въ самыхъ недостижимыхъ нѣдрахъ, осквернило присутствіе европейскихъ солдатъ, — кумирня потеряла извѣстную долю обаянія въ глазахъ суевѣрной толпы. Туристы ею любятъ, обѣднѣвшіе жрецы собираютъ съ нихъ за это дань; но искусно воздвигнутое капище перестало быть центромъ благочестія и поклоненія.

Дословное длинное названіе его — «Шри Брахадишвара Швами». Строителемъ, въ лицѣ своего старшаго полководца, является Раджараджа (династіи Чола), правившій съ 1023 по 1064 г. Его сынъ Вира или Раджендрараджа, царствовавшій до 1114 года, щедро надѣлилъ чертоги боговъ и недвижимой собственностью, и деньгами, и драгоценностями. О дарѣ свидѣлствуютъ подробнѣйшія старотамильскія надписи на нижнихъ стѣнахъ фасада центральной кумирни. Эти послѣднія сравнительно — не изъ особенно древнихъ. Тутъ есть и много древнѣе (напр. IV-го вѣка), — притомъ наряду съ почти новыми

маратскими, гласящими о позднѣйшихъ исправленіяхъ и достройкахъ. Но письма времени Виры наиболѣе важны, ибо памятуя о славномъ правленіи царя, съумѣвшаго подчинить себѣ и цейлонцевъ, и декканцевъ, и бенгалцевъ, и жителей Оуда, доведя такимъ образомъ южную Индію до столь значительной степени объединенія и внѣшняго могущества, какого она никогда ни раньше, ни послѣ того не достигала. По танджорскому главному храму историки убѣдительно судятъ о богатствахъ золотомъ, присущихъ краю въ тѣ столѣтія. Онѣ были будто-бы положительно необъятны и могли происходить преимущественно отъ добычи и промывки драгоцѣннаго металла на мѣстѣ, въ подавляющемъ количествѣ. Еще англичане застали здѣсь (въ чертѣ мадрасскаго президентства), у терявшихъ власть султановъ и раджей, остатокъ гигантскихъ сокровищъ: извѣстный врагъ британскаго элемента Типу обладалъ десятками милліоновъ рублей, неограниченно тратилъ на политическія интриги и уплату военной контрибуціи, однажды, напр. сразу послалъ для подкупа въ далекій Гваліоръ 38 верблюдовъ, тяжело нагруженныхъ червонцами.

Уже въ старину замѣчательно, однако, отсутствіе серебряныхъ рудъ и серебра въ обращеніи. Аналогичныя явленія наблюдались, впрочемъ, и въ предѣлахъ древней Средней Азіи.

Осматриваемая нами группа языческихъ «святилищъ» возникла въ честь Шивы, его воинственнаго «духовно зачатого» сына Картікеи (онъ же и Сканды, и Субраманія, т. е. буквально «покровитель касты жрецовъ»), а также и Вишну. Раздоры между послѣдователями того или другаго культа точно замолкали и стушевывались на взглядъ, когда шла рѣчь о возвеличеніи божественныхъ міроправителей и о низведеніи ихъ на землю въ трепетно обожаемыя массами дивныя творенія роднаго зодчества, куда кромѣ служителей алтаря возбранено было кому бы то ни было переступить порогъ. Цѣлая колоссальная башня, не многимъ уступающая Кутабъ-Минару въ окрестностяхъ Дѣли, шестнадцатію этажами стремится въ высь. Индія пламеннаго видѣнія, порыва и экстаза, — Индія воплощеннаго глагола небесъ и упорно борющихся съ ними соблазновъ персти! — вся ты отражаешься своею сокровенною природою въ такихъ гранитныхъ памятникахъ, которымъ не находишь соотвѣтствующаго истолкованія, — въ такихъ граничащихъ съ чудомъ созданіяхъ, передъ которыми нѣмѣетъ современный человѣкъ...

Тонкій лѣпной орнаментъ подъ кровлями зданій, стерегущіе доступъ въ нихъ четверу кумиры (изъ прекрасно отполированнаго сіэнита) у замкнутыхъ дверей, видимо недавно подновленная мифологическая живопись и двѣсти черныхъ коническихъ камней (лингамъ) по сторонамъ двора (подъ аркадами), — какою оригинальностью дышетъ каждая еле-замѣтная подробность работы великихъ безвѣстныхъ ваятелей, каждый

НА ФАСАДѢ ХРАМА.

символь, каждое цементное изображеніе демоновъ или небожителей, слоновъ съ фигурками на концѣ хобота или быковъ! Около нихъ торчатъ вѣроподобныя прикрасы, скорѣе всего напоминающія павлиній хвостъ. Фантазія художниковъ-дравидянъ положительно готова нагромождать другъ надъ другомъ безконечное число вѣковѣчныхъ эмблемъ, сверхъестественныхъ туловищъ и головъ, причудливыхъ сценъ малопонятнаго религіознаго содержанія, — однимъ словомъ, смѣсь возможнаго и невозможнаго, чего-то варварски-дикаго и параллельно съ тѣмъ законченнаго по формѣ. Въ одномъ мѣстѣ, на стѣнѣ храма, показываютъ лицо европейца въ круглой матросской шляпѣ, съ чертами самодовольнаго Джонъ Булля. Сооруженіе относится къ XI вѣку и туземцы видятъ въ этомъ каменномъ иноземномъ обликѣ старинное предсказаніе, что страну покорятъ именно такіе люди изъ-за моря, — хотя безъ малѣйшаго сомнѣнія танджорскіе скульпторы лишь постепенно создавали и дополнили рѣзбу фасада, такъ что и это экзотическое изваяніе появилось, конечно, когда индусы познакомились съ «бѣлыми» колонизаторами.

Сравнительно красивое капище «богу войны» (Картикейѣ) возникло, по предположенію археологовъ, значительно позже другихъ основныхъ сооружений, — вѣроятно, не раньше исхода XVI столѣтія. «Баядерки храма», обязанныя по самому смыслу своего служенія увеселять тамъ плясками уединенныя отъ толпы статуи божествъ, съ дѣтства посвящаются Скандѣ, обручаются стальному клинку, призваны слѣпо повиноваться браминамъ и способствовать наполненію ихъ казны. У воротъ «Періа Ковиль» лежитъ, такъ-сказать въ особомъ открытомъ павильончикѣ, огромный темнокаменный быкъ Нанди (олицетворенная грозная туча, на которой ѣздитъ Шива, и вмѣстѣ съ тѣмъ прообразъ плодородія). Фигура животнаго лоснится отъ масла, приносимаго индусами для ея умашенія.

Экипажи Ихъ Высочествъ и свиты вѣзжаютъ, миновавъ крѣпостной ровъ и мрачныя ворота (съ надписью 1779 г.), на обсаженный деревьями холмикъ, гдѣ стоятъ церковь и домикъ извѣстнѣйшаго покойнаго миссіонера Шварца. Первая пуста и угрюма. Войдя въ нее, невольно останавливаешься въ созерцаніи рельефной бѣломраморной группы, вдѣланной противъ упраздненнаго въ данное время алтаря. За нею погребены останки благочестиваго мужа, занявшаго далеко не послѣднее мѣсто въ развитіи духовной жизни края.

Вотъ въ немногихъ словахъ характеристика значенія и дѣятельности этого проповѣдника. Протестантскій міръ сравнительно поздно приступилъ къ благовѣствованію среди язычниковъ. Въ этомъ направленіи починъ принадлежалъ датскому правительству. Гуманный король Фридрихъ IV (1699—1730) отправилъ въ Индію, гдѣ у его народа были маленькія владѣнія, нѣсколькихъ самоотверженныхъ ревнителей Истины. Между всѣми посланными, прилежно начавшими изучать мѣстныя нарѣчія и туземный бытъ, практически наиболѣе выдѣлился упомянутый Шварцъ, получившій образованіе въ Галле и отдавшій себя совокупностью силъ и стремленій осуществленію широко понимаемыхъ свѣтоносныхъ христіанскихъ идеаловъ. Пока другіе грубые пришельцы съ Запада на каждомъ шагѣ оскорбляли туземцевъ своею развращенностью и хищностью, — проникнутый смиреніемъ и пламенѣвшій вѣрою миссіонеръ рѣзкимъ контрастомъ опредѣлился какъ олицетворенное добро среди враждующихъ разноплеменныхъ народовъ. Величавая фигура иноземца — «учителя и пастыря» съ Новозавѣтнымъ міросозерцаніемъ — ярко обрисовывается въ обступавшей ее тѣмѣ раздоровъ, кровопролитія, звѣрства и невѣжества. За то онъ

имѣлъ безспорный успѣхъ: не лукавя передъ самимъ собою, Шварцъ могъ до семи тысячъ инородцевъ назвать обращенными по искреннему убѣжденію.

Онъ постепенно пріобрѣлъ во мнѣніи туземнаго населенія сверхъ-естественное обаяніе, сталъ неизмѣримо выше толпы «единоплеменниковъ и единовѣрцевъ» (въ широкомъ смыслѣ этихъ словъ), не прибѣгая къ аскетизму чисто индійскаго характера, тѣмъ не менѣе выросъ до небесъ передъ чтущимъ святость туземнымъ народомъ. Какихъ размѣровъ достигло такое значеніе, лучше всего доказываютъ факты. Въ одномъ походѣ англійскому отряду случайно не хватило денегъ на покупку провіанта и грозила опасность. Никто окрестъ не хотѣлъ помочь начинавшимъ терпѣть бѣдствіе. Шварцъ своимъ вліяніемъ обусловилъ подачу помощи, честию поручившись за своевременную уплату долга. Другой разъ султанъ Гайдеръ-Али не пожелалъ вести прямыхъ переговоровъ съ британскими властями: «пусть съ этой цѣлью пріѣдетъ нѣмецъ! онъ не обманетъ!» Послѣ различныхъ военныхъ смутъ въ предѣлахъ Танджора произошла борьба изъ-за престола: мальчикъ Шарфоджи (маратъ), усыновленный умиравшимъ бездѣтно махараджею, сперва не былъ признанъ. Воспитаніе ребенка было поручено добродѣтельному Шварцу, — и онъ блистательно выполнилъ свою задачу воспитать примѣрнаго по развитію и гуманно настроеннаго князя. Объ обращеніи малолѣтняго впечатлительнаго питомца въ христіанство не заходило и рѣчи. Мудрый миссіонеръ понималъ, что участь отрока и его будущихъ владѣній — въ исключительной зависимости отъ культуры сердца и ума. Изъ Шарфоджи именно вышелъ человекъ съ уравновѣщенной внутреннею природою, несмотря на искусственно ему привитую европейскую образованность. Близко ознакомленный съ научными трудами Линнея и Бюффона, сознательно относясь къ твореніямъ Шекспира, глубоко уважая своего втораго отца — миссіонера, танджорскій раджа остался однако настоящимъ маратомъ до мозга костей: неподобный наѣздникъ, охотникъ и стрѣлокъ — онъ, удивляясь Бонапарте и держа въ библіотекѣ его портретъ, съ горечью все болѣе и болѣе убѣждался въ тягости зависимаго положенія отъ Мадраса. Родись этотъ правитель Танджора полустолѣтіемъ раньше, онъ бы заставилъ о себѣ говорить, какъ о воинѣ съ политической силою; но почти лишенный владѣній онъ погрузился въ литературныя занятія и всецѣло тамъ искалъ себѣ удовольствія.

Со смертью престарѣлаго Шварца въ 1798 г. для Шарфоджи, вѣроятно, наступило замѣтное ослабленіе узъ, связывавшихъ его съ западнымъ цивилизованнымъ міромъ. На мраморной группѣ въ церкви, гдѣ мы стоимъ, какъ-бы выразились чувства мѣстнаго князя, искренно оплакавшаго кончину наставника. Послѣдній изображенъ умирающимъ или уже умершимъ, покоится на одрѣ и окруженъ нѣсколькими приближенными, между тѣмъ какъ раджа (его ученикъ), невольно приковывающій вниманіе своей царственной осанкой и рѣзкимъ профилемъ, на прощанье жметъ руку праведнаго старца и словно не можетъ сдержать слезъ. Работа скульптора полна экспрессіи. Такими памятниками европейцы въ правѣ гордиться на Востокѣ. Миссіи, направляемыя туда на широко понимаемое благо инородцевъ, сами въ себѣ носятъ залогъ будущаго и не могутъ бояться никакихъ антипатій. Любвеобильное стремленіе обновить косную языческую среду животворнымъ прикосновеніемъ Новозавѣтныхъ началъ ежегодно должно крѣпнуть и направляться въ глубь Азіи. Уврачеваніе душъ тамошнихъ милліоновъ неразрывно связано съ милосердіемъ по отношенію къ ихъ матеріальнымъ нуждамъ. Только въ данномъ случаѣ есть твердая надежда достигнуть отрадныхъ результатовъ. Западъ, какъ извѣстно, не оскудѣваетъ носителями христіанской идеи для обездоленныхъ любой рассы. Европа и Америка съ умиленіемъ узнали недавно о подвигѣ католическаго миссіонера — отца Дамъэна, посвятив-

шаго себя дѣятельности и нашедшаго мученическую медленную кончину (отъ зараженія) среди пораженныхъ проказою островитянъ Тихаго океана (на островѣ Молокай, Сандвичевой группы)!

О судьбѣ прокаженныхъ въ Индіи сравнительно поздно, т. е. въ наши дни, позаботился Wesley Bailey, основавшій «Lepet Mission to India». Число ихъ равняется приблизительно полутора ста тысячамъ, — причемъ, по крайней мѣрѣ, двѣ пятыхъ приходится на Бенгалію.

Убѣжища, устроенныя съ цѣлью изолированія этихъ несчастныхъ, даютъ возможность прокормить и обставить каждого изъ нихъ рублей за пять въ мѣсяцъ.

Одержимые страшнѣйшимъ изъ недуговъ и отверженные родною средою — эти жалкіе люди иногда (до вмѣшательства англійскихъ властей) заживо погребались съ собственнаго согласія. Такой обычай именовался «самадъ»: истомленного жизненной пыткой бѣднягу вели къ могилѣ подъ оглушительный ревъ барабановъ и гонговъ, сажали въ яму и медленно засыпали землею.

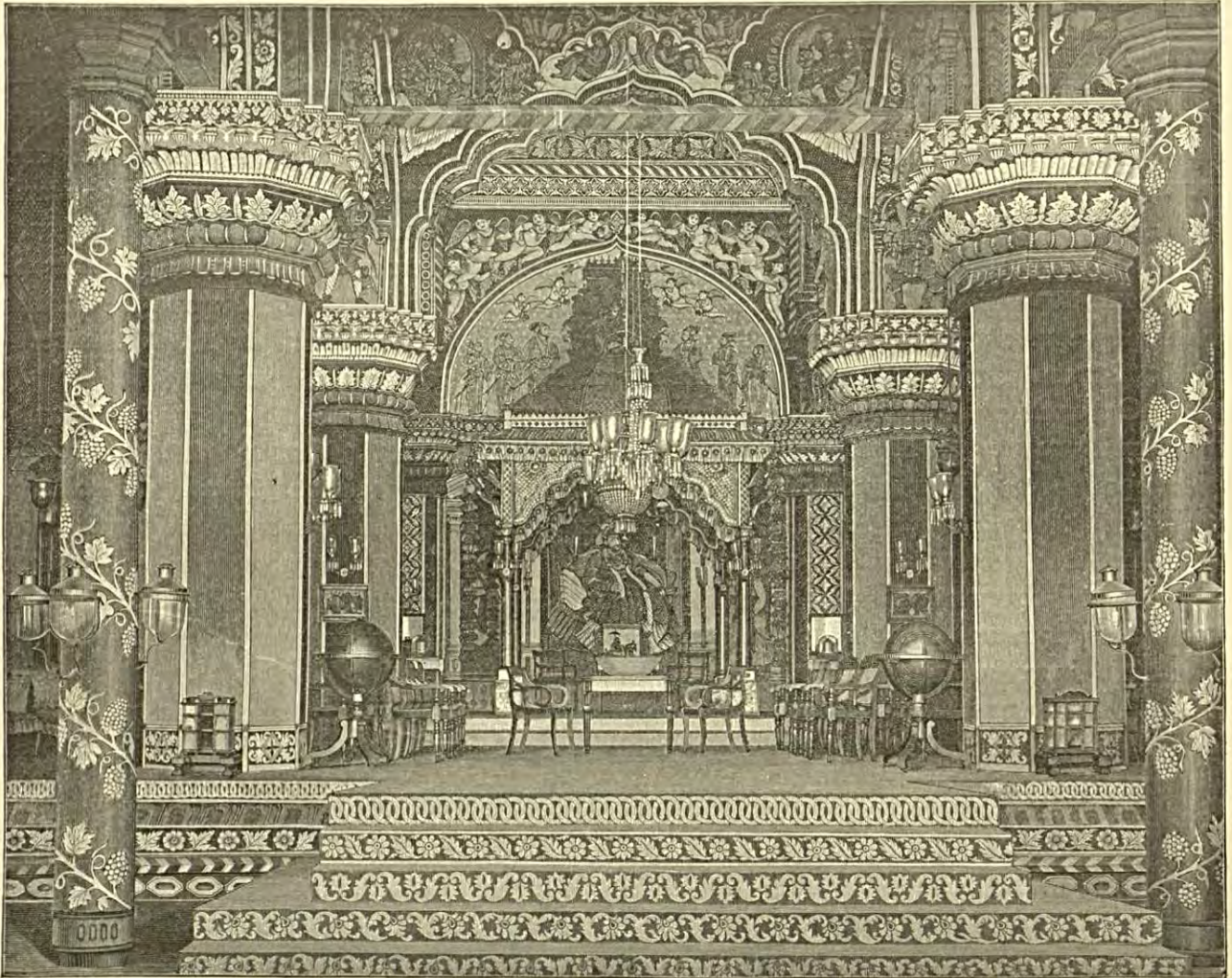
Не пришло-ли время или не пора-ли ему наступить въ исходѣ нашего смутнаго вѣка, когда западный человѣкъ (колонизаторъ) не только взглянетъ на инородческій Востокъ съ братскими чувствами состраданія и сожалѣнія за причиненныя и причиняемыя азіатамъ обиды, — но и пойдетъ дальше этого на пути сближенія съ туземными элементами, въ которыхъ искра Божія никогда не погасала и даже нерѣдко разгоралась какъ чистая молитвенная свѣча передъ иконою Спасителя, взявшаго на себя грѣхи міра?

При выходѣ изъ церкви Шварца Ихъ Высочества встрѣчены, со стороны мѣстныхъ христіанъ, заунывнымъ пѣніемъ и музыкой примитивнаго характера. Какъ говорятъ, имъ сначала пробовали внушить полезность, въ духовно-нравственномъ отношеніи, изученія хораловъ, но безуспѣшно: туземцы любили и любятъ лишь родные напѣвы съ ихъ трудно передаваемымъ страннымъ ритмомъ, почему и приноравливаются даже при западномъ богослуженіи почти исключительно къ нимъ. Глубокій теоретическій знатокъ миссіонерства въ Азіи — германскій пасторъ Грундеманъ, находящійся въ данное время въ Индіи, — по словамъ бесѣдовавшихъ съ нимъ лицъ, видитъ въ подобномъ непосредственномъ выраженіи религіозныхъ чувствъ залогъ возможности большаго распространенія вѣроученій Запада среди культурно-языческихъ народовъ.

Здѣсь въ городѣ умеръ четверть вѣка назадъ нѣкій 90-лѣтній старецъ: тамильскій поэтъ и композиторъ-самородокъ, по имени Веданайхенъ. Онъ былъ христіанинъ, пользовался однако денежною помощію отъ мѣстнаго махараджи, и сочинилъ многое до сихъ поръ распѣваемое и разыгрываемое въ населеніи не только его единовѣрцами, но и браманистами. Не его-ли это внуки только-что пѣли тамъ, у скромной свѣтлой могилы почтеннаго Шварца?

Мы приближаемся къ запущенному полузаглохшему дворцу Танджора, отстроенному въ срединѣ XVI столѣтія. Августѣйшихъ путешественниковъ сконфуженно привѣтствуетъ довольно богато одѣтый и моложавый съ виду индусъ, считающійся усыновленнымъ приемникомъ вдовъ покойнаго князя, но не признанный британскимъ правительствомъ. Оно совершенно справедливо, со своей точки зрѣнія, отрицаетъ за ними право поддерживать фикцію династіи, которой на дѣлѣ уже давно нѣтъ и заботиться о которой въ данную минуту потеряло всякій историческій смыслъ. Округъ лишился политическаго значенія съ момента борьбы за него французовъ и англичанъ. Первые, раззоря край въ лицѣ Лалли,

слишкомъ поторопились открыть огонь по мѣстнымъ храмамъ. Населеніе, питавшее въ основѣ больше симпатій къ бурбонскимъ знаменамъ чѣмъ къ мадрасскому купечеству, изъ-за оскорбленія религіи возстало противъ послѣднихъ. Надо, впрочемъ, сказать правду, что главная вина за фанатическое насилие и безразсудный характеръ нападенія лежитъ главнымъ образомъ на служившихъ подъ ними эмигрантахъ-ирландцахъ. Какъ бы то ни было, въ барышахъ отъ чужой стремительности и оплошности по обыкновенію осталась Англія. Дочь умершаго въ 1853 г. Сиваджи, — съ которымъ по настоящему прекратился

ВЪ ТАНДЖОРСКОМЪ ДВОРЦѢ.

родъ маратовъ, завоевавшихъ себя въ 1675—77 гг. этотъ благодатный югъ, — обѣднѣла и до 70-хъ годовъ влачила свой вѣкъ грустною жертвою превратностей рока, — что однако ей не помѣшало съ большимъ достоинствомъ вести себя при свиданіи съ наслѣдникомъ англійскаго престола и сказать на прощанье: «прошу передать мой княжескій привѣтъ моей царственной сестрѣ — принцессѣ Уэльской».

Одинъ дурбарный залъ (архитектурнаго дворцоваго стиля старыхъ туземныхъ раджей) образуетъ довольно эффектный четырехугольникъ, гдѣ въ углубленіи красуется бѣломраморное изваяніе работы скульптора Флаксмана: послѣдній мѣстный правитель съ малѣйшимъ значеніемъ — Шарфоджи! Онъ стоитъ въ треугольной шапочкѣ, поднявъ

и сложивъ руки точно для молитвы. Статуя возвышается надъ огромнымъ кускомъ черного гранита, по каймамъ котораго выступаетъ рѣзба, изображающая борьбу какихъ-то демоническихъ силъ противъ небожителей. На этомъ пьедесталѣ, изъ одной глыбы, раньше (въ XVI—XVII в.) сидѣли судьями «наики», вожди народа тамиль и телугу, смѣнившіе династію Чола. Здѣсь же, во дни самостоятельности Танджора, принято было держать военный совѣтъ. Теперь все заглохло и полно запустѣнія. Ни малѣйшей жизни не придаютъ упраздненному чертогу нарисованныя доморощенными художниками и развѣшанныя по сторонамъ фигуры раджей: съ соколами на рукѣ, съ длинными саблями у пояса. Грустно смотрятъ со стѣнъ эти портреты прежнихъ князей, мало-по-малу отвоевываемыхъ забвеніемъ у исторіи.

Смежно съ означенной палатой помѣщается библіотека «наиковъ» и махараджи — ученика Шварца, гдѣ собрано до 18,000 «санскритскихъ» рукописей: почти половина изъ нихъ шрифтомъ «телугу» въ любопытной транскрипціи начертана на узкихъ пальмовыхъ листахъ, какъ вообще здѣсь на югѣ и дальше на буддійскомъ востокѣ принято писать. Она — по богатству единственное въ своемъ родѣ индійское книгохранилище. Главный матеріалъ собранъ былъ въ 1820—30 гг. самимъ Шарфоджи въ Бенаресѣ. Кромѣ того въ ту же пору приобрѣтено немало иностранныхъ западныхъ изданій, преимущественно иллюстрированныхъ; ибо просвѣщенный князь серьезно и со вкусомъ слѣдилъ за литературой. Много цѣннаго украдено отсюда послѣ смерти послѣдняго раджи.

Ориенталистъ Burnell, не щадя здоровья и зрѣнія, самоотверженно посвятилъ свое свободное отъ бюрократическихъ занятій время на то, чтобы близко ознакомиться съ танджорскою библіотекою. Это ему въ извѣстномъ отношеніи и удалось, въ смыслѣ классификаціи рукописей, изъ которыхъ большинство представляло и представляетъ *terra incognita* для европейцевъ со стороны ихъ философско-богословскаго и въ особенности мистическаго содержанія. Тантрическій отдѣлъ (магіи, заклинаній, тайнодѣйствій), вѣроятно, не уступаетъ тутъ по объему отдѣлу многочисленныхъ специальныхъ сочиненій о зодчествѣ и сродныхъ ему искусствахъ.

Полезнѣйшимъ пособникомъ Бэрнеля при его работахъ по приведеніи цѣлаго въ систему явился никому невѣдомый, но крайне знающій здѣшній книгохранитель Кувачатту, получавшій жалованья (*mirabile dictu!*) всего какихъ-нибудь 5 рублей въ мѣсяцъ!

На мѣстѣ, гдѣ теперь хранятся эти литературныя сокровища, еще только двѣсти лѣтъ тому назадъ побѣжденный сосѣдями вождь телугу сжегъ себя и своихъ женъ.

Ихъ Высочества проходятъ въ другую безвкусно убранную дурбарную залу: въ углубленіи ея изображенъ во весь ростъ «раджа Сиваджи». Не можетъ же это быть безцвѣтный сынъ могикана своей династіи Шарфоджи! Хочу думать, что передъ нами — великій вождь жизненнаго племени, начавшаго первенствовать въ Индіи на зло фанатикамъ ислама и колонизаторамъ изъ-за моря. Какая сила повелѣнія въ благообразно-мужественныхъ чертахъ! Моголы презрительно прозвали непримиримо-страшнаго врага «горной крысою», но трепетали при столкновеніяхъ съ нимъ. Гордость и отвага столь глубоко одушевляли этого человѣка, что граничили съ чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Коварно приглашенный въ Дэли не менѣе грознымъ чѣмъ нашъ Грозный Аурангзебомъ, онъ идетъ туда, въ логовище тигра, точно на отдыхъ домой, — не соглашается поклониться царю среди его пышнаго двора, тѣшится гнѣвомъ своего далеко негостепріимнаго хозяина какъ постороннимъ зрѣлищемъ, за которое не ему самому, дерзкому виновному, придется отвѣчать. Сиваджи ввергаютъ въ тюрьму, держатъ важнымъ государственнымъ плѣнникомъ, томятъ и мучатъ, — а онъ притворяется больнымъ и затѣмъ, хитро выбравъ и обдумавъ

моментъ, бѣжитъ въ одеждѣ факира къ Гангу, оmyвается въ спасительныхъ водахъ и, не торопясь, возвращается съ насмѣшливой улыбкой въ родныя «Гхаты», чтобы съ удвоенной мощью обрушиться на мусульманъ.

Между рѣдкостями, въ залѣ-музеѣ съ характерной картиной, есть модель скелета изъ слоновой кости, заказанная прежнимъ правителемъ съ цѣлью нагляднѣе представить себѣ данныя изучаемой имъ медицины. Оставъ живаго существа по религіознымъ обычаямъ неудобно было бы имѣть во дворцовыхъ покояхъ. Хотя Шарфоджи считался ревностнымъ приверженцемъ браминовъ, онъ иногда становился выше ихъ предразсудковъ и однажды не побоялся нарушить заветныя правила о неоскверненіи себя прикосновеніемъ къ трупу. Это случилось при смерти Шварца, котораго онъ горячо оплакалъ и, собственноручно накрывъ парчей, проводилъ до могилы.

У насъ распространено совершенно ошибочное мнѣніе, будто индусы споконъ вѣка чужды естествознанію и настроены исключительно въ умозрительно-отвлеченномъ направленіи. Но отчего же напр. практики-врачи издавна пользовались въ странѣ необычайнымъ уваженіемъ за искусство? При походѣ Александра Македонскаго его войско встрѣтило за Индомъ хорошо освѣдомленныхъ медиковъ-туземцевъ. Имъ нечего было даже въ то время заимствовать у эллиновъ. Мѣстные хирурги многое продѣлывали, до чего европейскіе не додумались раньше XIX в. Напр. по части лѣченія ранъ и приращенія носовъ темнокожіе азіаты оказались чуть-ли не учителями Европы черезъ посредство англичанъ. Уже халифы Багдада, уже персіане пытались переводить и вникать въ медицинскіе труды загималайскаго населенія. Толчекъ разцвѣту этой гуманнѣйшей отрасли міровѣдѣнія несомнѣнно далъ буддизмъ. Мудрый Асока въ своихъ 14 эдиктахъ, изсѣченныхъ на скалахъ и столбахъ отъ Ориссы до Афганистана, предписывалъ вездѣ врачевать и людей, и животныхъ. Любвеобильныя стремленія въ такомъ именно духѣ немало поспособствовали успѣху вѣры Шакья-Муни въ чужихъ краяхъ. До сихъ поръ сибирскіе ламы, сами того не подозревая, являются цѣлителями древне-индійскаго типа, обязанными не только всячески помогать больнымъ, но и относиться къ нимъ словно къ роднымъ дѣтямъ.

Августѣйшіе путешественники изъ любопытства проходятъ дальше въ угрюмое зданіе, прилегающее къ дворцовымъ постройкамъ и дворамъ. Тамъ поселился зять послѣдняго сравнительно убогаго Сиваджи. Правда, въ 1841 г. его еще въ квази-королевской обстановкѣ видѣлъ нашъ соотечественникъ, туристъ-художникъ князь Алексѣй Салтыковъ: раджа сидѣлъ подъ балдахинѣмъ, на тронѣ изъ слоновой кости (съ луками, колчанами и стрѣлами побокамъ), щеголялъ златотканой одеждой, обладалъ сорока слонами и гаремомъ въ 300 душъ; въ пріемные часы слуги опахивали его павлиньими перьями, жгли ѳиміамъ на ступеняхъ этого игрушечнаго престола, громко славилъ величіе, могущество, красоту и другія достоинства своего князя... А онъ задумывался подъ звуки грубо-льстивыхъ рѣчей: глаза его разгорались иногда отъ горделиваго бреда, отъ празднои мечты — но чуть-ли не ярче ихъ сверкалъ громадный изумрудъ, по-маратски прикрѣпленный къ чалмѣ, т. е. низко спускающійся на лобъ... Внуки блестящаго Шарфоджи нѣтъ болѣе въ живыхъ. Ея гораздо менѣе знатный мужъ обратилъ свое жилище не то въ лавку старьевщика, не то въ складъ никому ненужныхъ и заброшенныхъ барскихъ вещей. Спертый воздухъ помѣщенія, густая пыль на предметахъ забавы или роскоши изъ прежнихъ палатъ, скрипучія зыбкія половицы подъ ногами... Что за иронія называть его тоже одною изъ достопримѣчательностей Танджора!

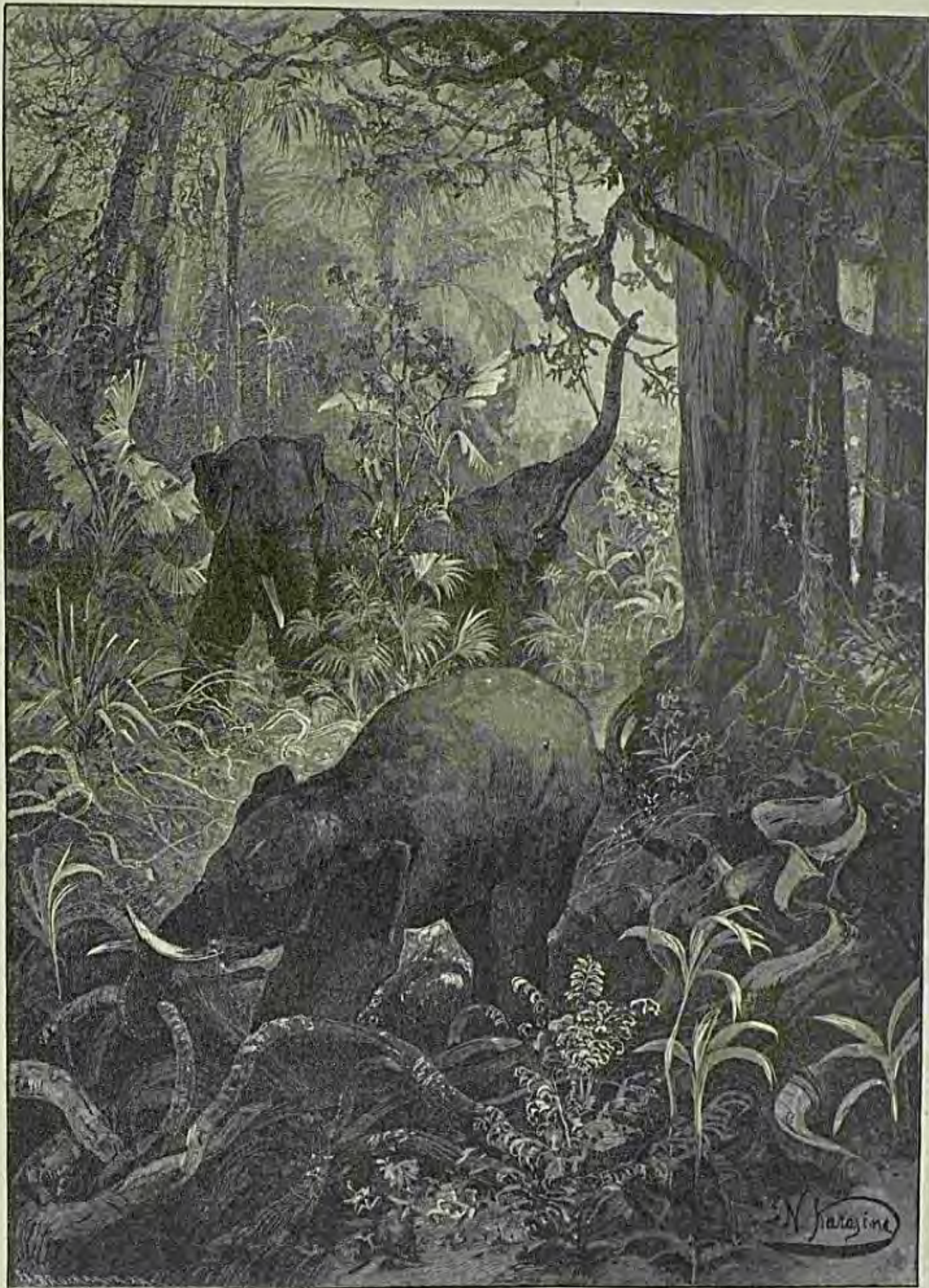
Городъ попалъ по настоящему въ категорію осужденныхъ на несамостоятельность, съ того момента какъ его правитель потѣснилъ рамнадскаго раджу въ южной Индіи (мы могли замѣтить на мадрасской «Garden party» его высокаго хромаго потомка и преемника въ бѣломъ одѣяніи): англичане, — на первыхъ порахъ охотно продававшіе кровь своихъ сипаевъ и европейскихъ наемниковъ тому, кто больше дастъ, — соблазнились свѣжимъ предлогомъ вмѣшательства въ танджорскія дѣла, которыми они и раньше не въ мѣру интересовались, надѣясь досадить маратамъ въ ихъ распряхъ съ мусульманами Деккана. Затѣмъ на цвѣтушій край тоже съ жадностью взглянули французы, и разгорѣлась борьба . . .

Здѣсь намъ покажутъ лишь главнѣйшіе любопытные пункты на желѣзно-дорожной линіи. Въ сторону отъ нея, въ относительную глушь не предположено уклоняться. Охотъ не будетъ. Даже молодеватые «шикари», солдаты-сикхи изъ полка Джерарда, взятые спеціально для сопутствованія въ джонгляхъ, остались позади въ Бомбеѣ. Характерные лѣса (на югѣ полуострова), гдѣ бродятъ дикіе слоны и куда нерѣдко направляются стрѣлки-европейцы, за недостаткомъ времени не будутъ посѣщены Ихъ Высочествами. И то мы слишкомъ много осматриваемъ, объѣзжаемъ въ краткіе сроки черезчуръ значительныя пространства, охватили шестьюнедѣльными экскурсіями цѣлую гигантскую страну!

За городомъ или точнѣе поодаль отъ крѣпости разбитъ въ восточномъ вкусѣ шатеръ, обращенный въ столовую. Послѣ завтрака мы еще успѣваемъ полюбоваться своеобразными туземными издѣліями, совершенно отличными отъ работы сѣверныхъ ремесленниковъ-художниковъ. Первые справедливо сравниваются Джорджемъ Бэрдвудомъ съ тѣмъ, что говорится у Гомера про великолѣпныя производства Сидона или что извѣстно по выполненію на ассирійскихъ скульптурахъ, и по преимуществу состоятъ изъ металлическихъ сосудовъ съ изящною инкрустаціей, изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей съ орнаментомъ міѳологическаго содержанія, изъ ковровъ съ вычурно-яркимъ рисункомъ, изъ тонкихъ вышивокъ, наконецъ изъ кютиковъ съ грубо намалеванными божествами, у которыхъ продѣты цѣпочки черезъ носъ.

Августѣйшіе путешественники покидаютъ Танджоръ, крайне радушно привѣтствовавшій Наслѣдника Цесаревича. На аркахъ красовались надписи: «Здравствуйте!» «Боже, Тебя Храни!» «Peace, happiness and prosperity», и т. д. — наконецъ у вокзала: «Прощайте!» Полдень. Нестерпимая жара. Маленькіе тѣсные вагоны на узко-колейной линіи просто раскалены. Раньше каждый переѣздъ былъ обставленъ значительно бѣльшимъ комфортомъ въ виду устройства ихъ примѣнительно къ далеко не всегда пріятнымъ климатическимъ условіямъ. Циркулирующія почти повсюду (кромѣ южной Индіи, гдѣ это необходимо!) просторныя отдѣленія на двухъ, снабженныя комнатками для умыванія и превосходно защищенныя отъ солнца дымчатыми стеклами и ставнями, тутъ какъ на зло отсутствуютъ. Отъ Танджора до Тричинополи — 50 верстъ, и немного больше часа ѣзды по желѣзной дорогѣ. Путь туда, при такомъ зноѣ, довольно непріятенъ, — да кромѣ того и ведетъ по ровной неживописной мѣстности, лишенной интереса. Она издревле отличалась крайнимъ плодородіемъ, зависѣвшимъ не отъ качествъ почвы, но исключительно отъ доведенной до совершенства ирригаціи. Поэтому край естественно привлекалъ вождѣлѣнія мусульманъ, когда они облагали данью тамильскихъ раджей, и позднѣе (въ XVII—XVIII в.) сюда же вызвалъ смѣлые набѣги маратовъ, которымъ представило сильный отпоръ лишь временное преобладаніе Низама.

На станціи Ихъ Высочества встрѣчены представителями администраціи и отправляются въ расположенный за городомъ, въ обширномъ паркѣ, домъ коллектора, т. е.

ВЪ ЮЖНО-ИНДІЙСКОМЪ ЛѢСУ.

окружного начальника (съ маленькимъ подвѣдомственнымъ ему королевствомъ въ три съ половиною тысячи квадратныхъ миль, при населеніи въ 1,200,000).

Неисказенное на англійскій ладъ наименованіе центра и его округа по-тамилски звучитъ «Тирусси-наппалли», по санскритски «Триширапура», что значитъ «мѣсто трех-главаго» (подразумѣвается «великана»). Магометане же прозвали этотъ важнѣйшій послѣ Мадраса пунктъ «Натарнагаръ» по имени погребеннаго здѣсь благочестиваго шейха Натаръ.

Край уже въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ озаряется вспышками данныхъ историческаго характера. Торговля съ заморскою чужбиною видимо всегда была очень обширна. Богатства туземныхъ жителей (естественныя и промышленныя) настолько могли казаться велики, что Тричинополи нерѣдко дѣлался яблокомъ раздора менѣе обеспеченныхъ сосѣдей и враговъ иноплеменныхъ.

Августѣйшіе путешественники, слегка лишь отдохнувъ отъ дороги, направляются въ экипажахъ къ подножію старинной твердыни, господствующей надъ опоясывающими ее довольно скученными городскими зданіями. Постепенно суживающаяся лѣстница ведетъ въ гору. Сквозь рѣшетки дверей по бокамъ отъ крутаго подъема слабо обрисовываются въ полумракѣ придѣлы капища, отстроеннаго здѣсь въ честь Шивы. Каждый августъ мѣсяцъ по ней взбирается масса богомольцевъ: въ сороковыхъ годахъ произошло въ эти именно дни внезапное смятеніе, и до 500 человѣкъ изъ обезумѣвшей отъ страха толпы поплатилось жизнью.

Путь наверхъ снабженъ лампами, изобилуетъ оригинальными скульптурными работами (фигурками людей и львовъ) вдоль ведущаго сквозъ слоистый гранитъ корридора. Иные изъ потпирающихъ его столбовъ ясно отмѣчены джайнскимъ зодчествомъ. Ступени, по которымъ мы идемъ, выбѣлены и располосованы краснымъ цвѣтомъ. Подъ конецъ онѣ уже высѣчены въ камнѣ не подъ сводами галлерей, а на открытой небу тропѣ, изгибающейся въ высь.

Съ вершины колоссальнаго гнейсоваго утеса открывается замѣчательный видъ. Краснобурая, одиноко разбросанныя скалы высятся среди окрестной равнины, — низкія возвышенности таютъ во мглѣ отдаленія, — съ противоположной стороны обманчивою синевой какъ-будто проступаетъ море, — поближе наконецъ изумрудною гладью въ объятяхъ солнца стелется дельта плодоносной Кавери. А прямо такъ-сказать подъ ногами у насъ бѣлѣетъ и розовѣетъ утопающій въ зелени обширный городокъ, снуютъ коричневые люди, летаютъ безчисленныя сороки, проходятъ запряженныя крошечными бѣлыми буйволами телѣги, бойко торгуютъ миниатюрныя лавочки, женщины достаютъ воду изъ колодезевъ, во дворикахъ туземнаго жилья стоитъ понурый скотъ, на плоскихъ убогихъ крышахъ сушится зерно... надъ всею же картиной безмятежнаго обыденнаго движенія зыбкій прозрачный воздухъ струитъ потоки свѣта.

Площадка украшена флаштоккомъ и довольно изящнымъ изваяніемъ Ганеши, вдѣланнаго въ стѣну небольшой кумирни. Слоновый хоботъ покровителя наукъ и ремеслъ уморительно загнутъ. Каменный ликъ дышетъ благодушіемъ. Странная голова, — если всмотрѣться, — положительно не кажется уродливою: скорѣе наоборотъ. Около Пуны, въ маратской землѣ, еще въ нашемъ столѣтіи жило *soit-disant* воплощеніе этого небожителя, а именно: мальчикъ-перерожденецъ (точь въ точь какъ въ ламайскихъ монастыряхъ!), ревниво охраняемый браминами въ качествѣ избраннаго существа, сверхъестественнаго по самому факту своего рожденія. Ребенокъ зналъ только по санскритски, давалъ аудіенціи именитымъ гостямъ (словно «хутухты» въ Тибетѣ, Монголіи и Пекинѣ!), чтился народомъ

какъ одно изъ звеньевъ цѣлой цѣпи прирожденныхъ «святыхъ». Вотъ до чего додумался и въ чемъ упорствуетъ глубоко языческій Востокъ!

Въ серединѣ нашего столѣтія приступлено было къ уничтоженію бесполезныхъ укрѣпленій вокругъ тричинополійскаго утеса, на которомъ когда-то томились въ плѣну многіе французы, которымъ не посчастливилось въ борьбѣ съ англичанами. Правда, въ ряду послѣднихъ находился тогда Клайвъ, одна изъ главныхъ героическихъ фигуръ индо-британскаго прошлаго, и кромѣ того свободному смѣлому почину энергичныхъ людей не ставилось препонъ издали, какъ напр. изъ жившаго интригами королевскаго Парижа, легкомысленно рѣшавшагося развѣнчивать лучшихъ своихъ представителей въ Индіи и даже послать славнѣйшаго за мнимую измѣну на эшафотъ.

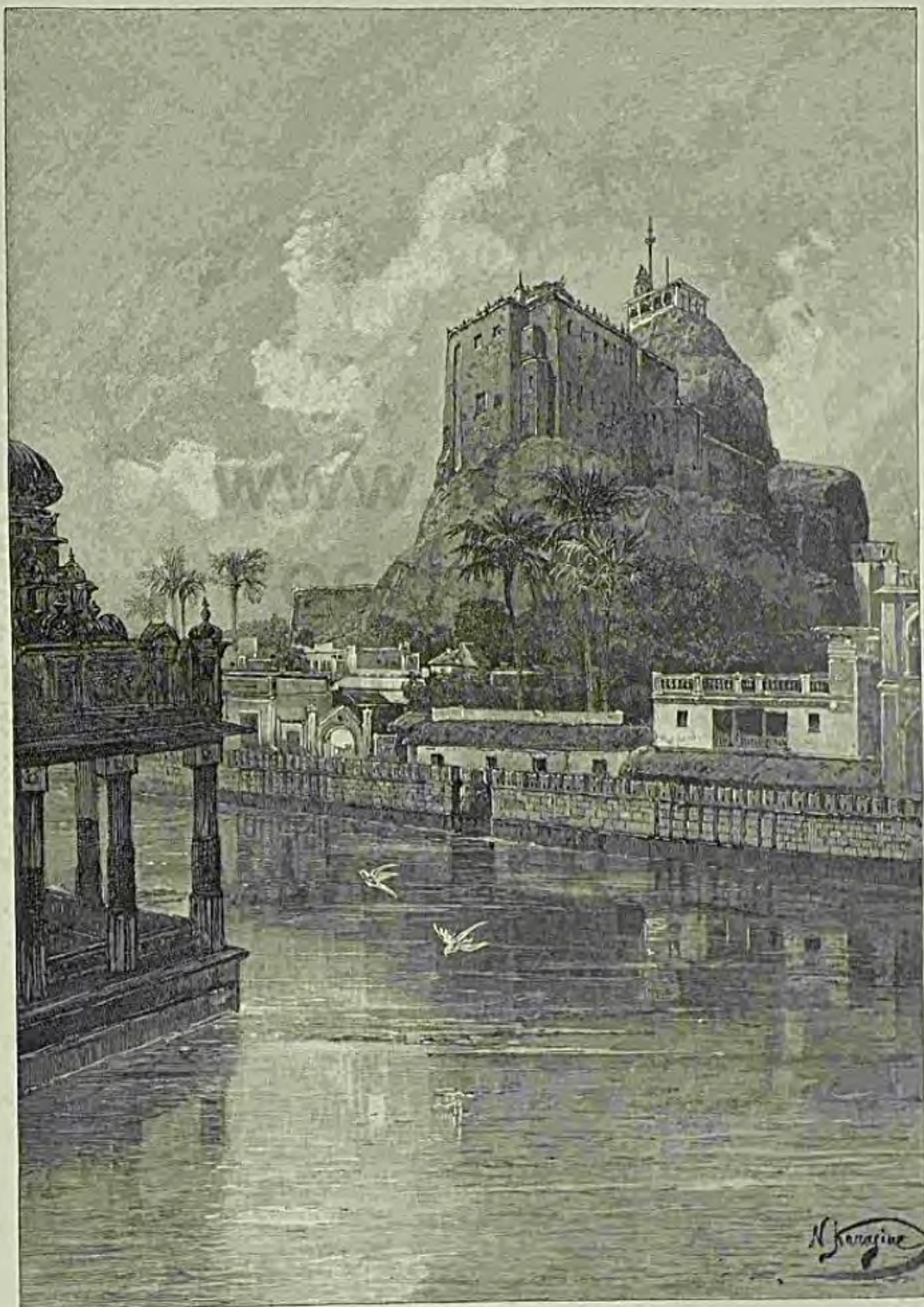
Понедѣльникъ, 28 января (9 февраля).

Кромѣ осмотра твердыни, Ихъ Высочества предприняли здѣсь экскурсію на расположенной довольно близко отъ города (верстъ за пять) островъ Шрирангамъ (или Серингамъ), образуемый рѣкой Кавери и рѣкой Колеруномъ. Тамъ все застроено пагодами, все связано съ центрами и предметами культа, скорѣе похоже на разросшійся до гигантскихъ размѣровъ монастырь, чѣмъ на сѣтъ деревушекъ, сгруппировавшихся вокругъ выдающейся браминской «святѣи».

Путь къ ней ведетъ черезъ мостъ значительной величины и густолиственными аллеями слегка бенгальскаго характера. Онѣ вскорѣ приводятъ въ узкую улицу — базаръ. Экипажи проѣзжаютъ его подъ пестрыми башенноподобными воротами (гопурами) съ причудливымъ мифологическимъ орнаментомъ на кровлѣ и на фасадѣ ихъ этажей. У входа въ черту кумиренныхъ зданій ученые слоны съ разрисованными на лбу эмблемами ихъ принадлежности къ служенію того или инаго небожителя совершаютъ установленный «саламъ» передъ Именитыми посѣтителемъ, т. е. привѣтствуютъ движеніями хобота и крикомъ точно подавленный трубный гласъ.

Безвкусная живопись (притомъ двусмысленнаго характера!) подъ сводами «гопуръ», которыя мы только-что миновали, — сотни гранитныхъ столбовъ, изваянія какихъ-то всадниковъ съ конями, вставшими на дыбы, и приспѣшниками-копѣйщиками въ борьбѣ съ тиграми, — мертвенная тишина среди цикла гигантскихъ построекъ однороднаго типа съ упомянутыми воротами... не безъ разочарованія обходишь районъ этихъ дворовъ, соединенныхъ валами, на которые позволено взбираться по лѣстницамъ: туда, въ предѣлы главнаго небольшого капища съ позолоченнымъ куполомъ, къ алтарямъ боговъ нѣтъ доступа! Когда тутъ на островѣ кипѣла англо-французская колоніальная распря (при участіи южно-индійскихъ язычниковъ, маратовъ и мусульманъ), когда побѣдныя восклицанія: «vive le roi!» и дробь барабановъ, бывшихъ «*ras de charge*» смѣнялись звуками марша гренадеръ изъ Мадраса и ихъ стремительнымъ натискомъ на врага, — браманисты категорически заявили, что не пропустятъ иновѣрцевъ за внѣшнюю ограду. Нашлись раджпуты, поклявшіеся умереть у порога недостигаемыхъ для смертнаго «святилищъ». Видя попытку европейцевъ все-таки перейти за нее, одинъ ожесточенный жрецъ бросился на глазахъ у народа съ высоты башенныхъ стѣнъ и убился...

Относительно малочисленные въ краю вишнуиты считаютъ себя хозяевами храмовъ, у которыхъ мы находимся. Самое названіе этой группы и мѣстечка окрестъ проистекаетъ, по мнѣнію ориенталистовъ, отъ словъ «Шри» («божественная»), — какъ принято величать богиню любви Лакшми, супругу Вишну, — и «рангамъ» («пляска»). Чѣмъ другимъ и

ТРИЧИНОПОЛІЙСЬКИЙ УТЕСЬ.

гдѣ въ дѣйствительности тѣшиться имъ, — блаженной четѣ свѣтлыхъ небожителей, спустившихся на землю, — если не на благочестивомъ тричинополійскомъ островѣ, затонувшемъ въ зелени и нѣгѣ? Отсюда, въ свою очередь, выходили новые вѣщие учителя народа, какъ напр. Рамануджа Ачарія въ XI—XII столѣтіи, обожаемый до сихъ поръ въ качествѣ воплощенія миѣической змѣи Сеша, на которой «богъ свѣта» отдыхалъ среди первозданнаго океана.

Хранители «имущества кумировъ» — а они непомѣрно богаты! — показываютъ его Августѣйшимъ путешественникамъ. На особыхъ столахъ, подъ навѣсомъ-шатромъ, разложены сверкающія повязки и запястья изъ плохо отшлифованныхъ алмазовъ, изумрудовъ и рубиновъ. Наручники, кольца и обувь «незримыхъ боговъ» блещутъ золотомъ и драгоценными камнями. Громадные сосуды изъ благороднѣйшаго металла, такія же замѣчательныя по тонкости цѣпи, старинныя монеты, — вотъ, пожалуй, и весь перечень кладовъ Вишну... Принцъ Уэльскій, посѣщая Шрирангамъ, подарилъ жречеству 500 рупій.

Нашъ знаменитѣйшій коронный брильянтъ, пріобрѣтенный при Екатеринѣ Великой, нѣкогда будто-бы таился въ здѣшнихъ кумирняхъ, занимающихъ по размѣрамъ и числу едва-ли не первое мѣсто среди южной Индіи. Массивнѣйшія сооруженія почти цѣликомъ относятся къ прошлому столѣтію, создавались и нагромождены отчасти въ хаотическомъ безпорядкѣ, отнюдь не производятъ гармоничнаго впечатлѣнія. Необузданная фантазія дравидскихъ зодчихъ и ваятелей проявила въ нормальномъ напряженіи такую же болѣзненно-жгучую силу творчества, какъ мозгъ опасно занемогшаго европейца, мечущагося въ лихорадочномъ бреду.

Вечеромъ, непосредственно передъ отъѣздомъ изъ Тричинополи, Ихъ Высочества любовались иллюминаціей городского утеса и прилегающаго къ его подножью водоема, по которому скользили и вертѣлись лодочки мѣстныхъ пиротехниковъ. Зажженъ былъ цѣлый грандіозный фейерверкъ. Твердыня озарилась мерцающими гирляндами огней. Снопы измѣнчиваго свѣта (зеленые, синіе, оранжевые) вспыхивали вдоль ея каменныхъ безформенныхъ глыбъ и словно падали на воду внизу. Мы стояли на площадкѣ вродѣ крыши какого-то зданія надъ сосѣдней набережной, въ двухъ шагахъ отъ фантастически освѣщеннаго озера-пруда, трепещущаго темно-серебристою поверхностью.

Вторникъ, 29 января (10 февраля).

Жаркое утро. Мадур. Опять придѣлы другаго замкнутаго чертога боговъ. Опять уродливыя «баядерки храма», посыпающія цвѣтами стезю Августѣйшихъ путешественниковъ...

Первенствующіе брамины ведутъ насъ сумрачными галереями, по гладко отполированнымъ плитамъ, мимо нескончаемой вереницы разнообразныхъ второстепенныхъ идоловъ, съ застывшей улыбкой на гранитномъ челѣ, или же легендарныхъ тварей. Не пора-ли кстати сказать, что такое, — по всей вѣроятности, — скрыто за таинственными боковыми дверями и зіяющими мракомъ корридорами, куда нельзя никому ступить?... Предупреждаю: это будетъ довольно неопредѣленно и прозаично.

Кумиры, обожествляемые взаперти или точнѣе въ глубинѣ капища, въ отличіе отъ изваянныхъ смертными художниками, считаются самосоздавшимися и одаренными особою жизнью; поэтому они окружаются царственными почестями, подобающею столь дивнымъ воплощеніямъ обстановкою, наконецъ заботливѣйшимъ уходомъ. Боги-куклы содержатся

въ тѣсномъ глухомъ пространствѣ, — вродѣ того, что мы видѣли въ обнаженномъ для иновѣрныхъ взоровъ когда-то тоже замкнутомъ Элфу. Египетъ имѣетъ съ Индіей немало общихъ чертъ въ пониманіи вопросовъ культа. Тамъ толпы молились какой-нибудь почти всегда невидимой твари (напр. быку, крокодилу), долженствовавшей олицетворять того или другаго небожителя: здѣсь предметъ поклоненія даже менѣе сложенъ. Онъ по ночамъ кладется на драгоцѣнное ложе, на зарѣ оmyвается и заворачивается въ дорогія ткани, передъ нимъ ставятъ угощеніе изъ принастей и другія яства, потомъ распределяющіяся

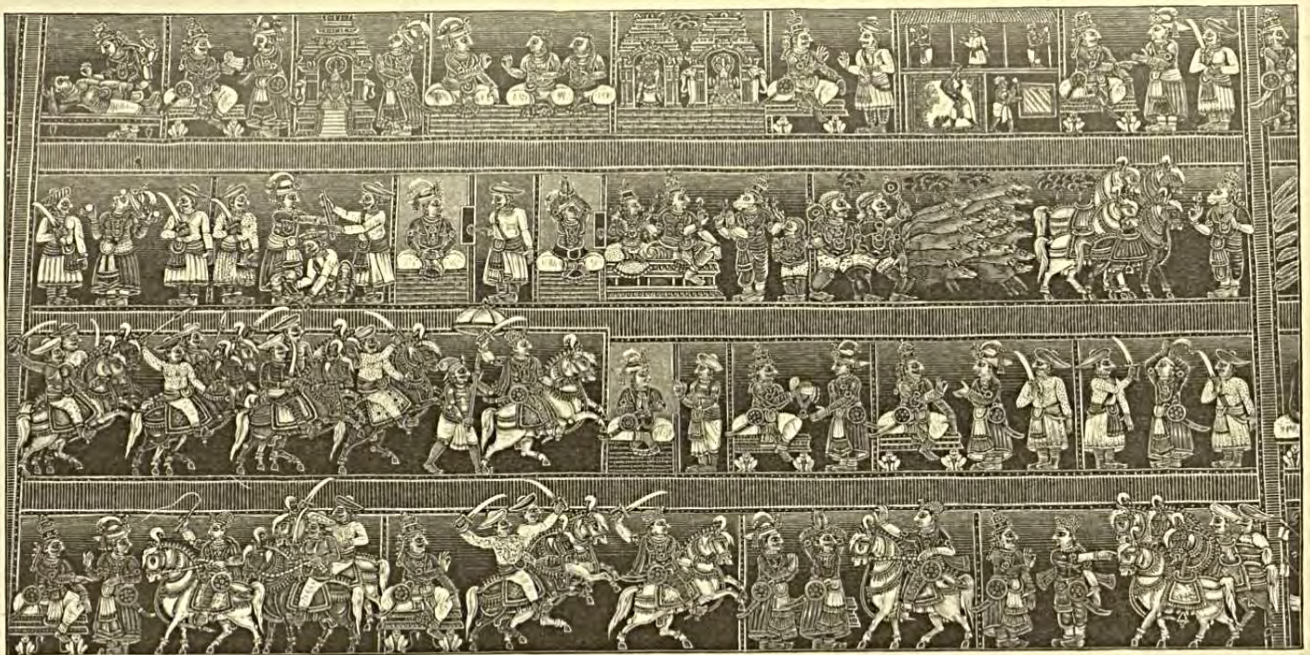

ВЪ КАПИЩѢ МАДУРЫ.

среди богатыхъ вѣрующихъ. Натертый душистыми смолами, онъ то сидитъ въ позѣ благодушствующаго человѣка, то снова опускается для отдыха на постель, то пробуждается музыкою, и т. д. Такъ тянутся дни, мѣсяцы, года, — народу же все это безразлично: онъ жаждетъ чудеснаго, знать не хочетъ реальнаго положенія вещей, во мглѣ далекихъ куреній въ честь идола силится подглядѣть и запомнить его трудно уловимыя черты.

Когда обходишь капище Мадурѣ, мало-по-малу начинаешь понимать, почему основанная здѣсь двѣсти лѣтъ тому назадъ католическая миссія вскорѣ стала притчей во языцѣхъ и возбудила жестокия нареканія со стороны правовѣрно мыслящихъ и строгихъ духовныхъ сферъ Запада. Почва, на которой ей приходилось дѣйствовать и творить, въ сущности представлялась до такой степени неподходящей, но въ то же время много

объщающей, что ревнители Истины по неволѣ увлекались идеей массоваго обращенія набожныхъ индусовъ въ христіанство, по неволѣ сживались съ этой довольно симпатичной средою простодушныхъ приверженцевъ необъятнаго языческаго пантеона, по неволѣ въ угоду ихъ вѣрованіямъ шли на извѣстнаго рода уступки: хотя бы ради сближенія съ туземцами въ духѣ любви высшаго порядка! Тотъ, кто здѣсь первый сталъ работать въ такомъ именно направленіи — Робертъ-де-Нобилибусъ былъ родственникомъ одного папы, племянникомъ могущественнаго кардинала Беярмина, пламеннымъ носителемъ и выразителемъ миссіонерскихъ взглядовъ примирительнаго характера. Онъ отправился въ Мадурѣ съ затаенными цѣлями бороться противъ браминовъ ихъ же орудіемъ, пустилъ о себѣ слухъ, что онъ — великій созерцатель и аскетъ, постепенно достигнулъ значительной извѣстности въ глазахъ суевѣрнаго населенія и, вникая въ сложныя подробности туземной обрядности, твердо освоившись съ мѣстною рѣчью и санскритомъ, объявилъ себя «свя-

СТѢНОПИСЬ МАДУРСКАГО ХРАМА.

тымъ», чѣмъ-то вродѣ воплощенія Шивы, чародѣемъ и учителемъ народа. Населеніе округа охотно, по-дѣтски повѣрило пришельцу; число его адептовъ стало расти и расти, увеличилось до милліона душъ; возникла такъ-сказать лишняя секта, которую оставалось только искусственно направлять по желанному пути. Іезуиты — помощники мнимаго брамина-реформатора убѣжденно взялись за мастерскую поддѣлку квази-дополнительной Веды и за составленіе цѣлыхъ мистерій въ стихахъ на тамильскомъ языкѣ, чтобы глубже воздѣйствовать на мадурцевъ. Мѣстный царь Тирумала (1623—1659) колебался въ своихъ вѣрованіяхъ, видя религіозный экстазъ странныхъ подвижниковъ новаго типа, и даже пересталъ вдругъ радѣть объ украшеніи и расширеніи кумиренъ. Тогда жречество поднялось на защиту попираемыхъ правъ браманизма, завлекло махараджу въ тайники храма и уморило голодной смертью, затѣмъ пошло гоненіемъ на католиковъ. Параллельно съ тѣмъ ихъ духовнаго вождя за ересь и отпаденіе отъ Церкви осудилъ Ватиканъ.

Но напасть, — обрушившаяся на индо-христіанскую, по міросозерцанію черезчуръ колоритную общину, — лишь усугубила ея значеніе. Отцы-миссіонеры до тонкости

изучили туземный языкъ, облеклись въ «желтую» одежду, посыпали себѣ чело пепломъ сандальнаго дерева, стали соблюдать строжайшій постъ (воду, рисъ и горькія травы), вмѣнили себѣ въ обязанность молчаніе и нищету. До сихъ поръ, хотя пріемы обращенія далеко не столь грубо практичны какъ прежде, число славословящихъ Папу крайне велико въ консервативной южной Индіи, гдѣ однако вишнуиты и шиваиты относительно составляютъ гораздо болѣе компактную и непроницаемую массу чѣмъ на сѣверѣ, куда въ языческій міръ острымъ клиномъ врѣзался монотеизмъ ислама.

Бѣлые и зеленые, розовые и красные попугаи, — согласно обычаю на счастье содержимые въ одной изъ внутреннихъ оградъ капища, — монотонно выкрикиваютъ намъ на встрѣчу имена языческихъ боговъ и безучастно косятся на мимо идущихъ. Галерея, которою насъ ведутъ, огибаетъ внутренній храмовой водоемъ (Патрамараи, т. е. «пруди золотыхъ лилій») со «священною» мутно-зеленою влагой. При немъ — часовенка, созданіе мѣстной красавицы-царицы Мангаммалъ, которую въ 1706 г. ея собственные подданные приговорили къ мучительной смерти за преступную любовь къ молодому брамину. Жертву утонченными пріемами довели до страшной агоніи; лишая несчастную пищи, послѣднюю нарочно ставили на виду у нея и давали ей безпрестанно обонять запахъ вкусныхъ блюдъ

Стѣна по сторонамъ отъ насъ изукрашена живописными изображеніями важнѣйшихъ пагодъ страны: надо замѣтить, что мадурская принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ, такъ какъ сконцентрированный при ней городъ издавна (задолго до Р. Хр.) служилъ столицей могущественнаго рода Пандіевъ, занимавшихъ въ старину едва-ли не первое мѣсто въ краю дравидянъ. Греческіе писатели уже правильно опредѣляютъ географическое положеніе и самый фактъ существованія этой династіи. Легендарныя туземныя лѣтописи любопытны въ то же время звучными именами ея представителей, а еще болѣе ихъ странными прозвищами, между которыми встрѣчаются напр. такія: «имѣющій стопу Шивы головнымъ уборомъ» (!), «солнце царей», «тигръ среди правителей», «закованный въ доблесть», «шестиликій государь», т. е. одно изъ воплощеній «грознаго бога», «левъ, похожій на оружіе громовника» (!) и т. п. Раньше всѣхъ смертныхъ въ Мадурѣ (отъ «маду»: сладкій, медовый) владычествовалъ Шива, окропившій городскія зданія «медвяной» росой со своихъ волосъ. Онъ совершалъ здѣсь чудо за чудомъ. Дѣянія бога вспоминаются потомками воспроизведеніемъ на гопурахъ: говорятъ, между ними по близости есть одна, гдѣ изваяно сказаніе, — какъ нѣкіе 12 братьевъ обращены были въ поросятъ за издѣвательство надъ какимъ-то великимъ факиромъ и какъ Шива затѣмъ обратился въ свинью, чтобы накормить ихъ и вернуть имъ человѣческія тѣла, но со свинными рылами

Чѣмъ дольше всматриваешься или вслушиваешься въ эту странную повѣсть о какомъ-то особомъ мірѣ, куда мы не въ состояніи проникать своими помыслами и чувствами, — тѣмъ томительнѣе онъ давитъ громадою башенныхъ стѣнъ съ кривляющимися рожами въ качествѣ сложнаго орнамента, однозвучностью мрачныхъ колоннадъ, наконецъ бездушною отчетливостью гранитныхъ кумировъ безъ счета и названія . . . Символическія животныя (яли) съ подобіями хоботовъ, долженствующія изображать звѣрей — полуволвовъ, чередуются со статуями героев Панду изъ дико-величественнаго эпоса почти доисторической Индіи съ ея разнороднѣйшими этно-психологическими наслоеніями: у богатыря Арджуны въ рукахъ — его знаменитый лукъ, у непомѣрно сильнаго Бхимы — палица, и т. д. Вотъ они эти братья — борцы за свой удѣлъ у нынѣшняго Дѣли, мнимые зиждители части эллорскихъ пещеръ, общіе мужья нѣжной царевны Драупади (въ ту эпоху многомужество было въ обычаѣ даже среди арійцевъ Индостана!), — осѣненные

лучами нелгушаго, хотя и смутнаго преданія олицетворенія туземныхъ традицій, симпатій, идеаловъ! Чтò за время было, когда они возникали! Эти прославляемые народомъ полубоги, подобно Дургѣ, пили послѣ удачнаго боя кровь враговъ!..

Въ сѣрый гранитъ ниши одного сумрачнаго корридора вдѣлана мѣдная дверь: она заперта наглухо, и за нею невольно ищешь воображеніемъ чего-нибудь таинственнаго. Тусклыя лампы свѣтятся мѣстами, въ недоступныхъ переходахъ капишнаго лабиринта, вдали, — гдѣ беззвучно рѣютъ однѣ летучія мыши. Мы медленно движемся среди окружающей тишины и молчанія. Здѣсь вырастаютъ изъ камня темныя силуэты бога войны, Ганеши или Лакшми, — тамъ видны полустертые краски на потолкѣ, — вотъ старинная стѣнопись о бытѣ раджей, вотъ изваянія со слѣдами разрушенія отъ вандальской руки, вотъ каменное изображеніе змѣи съ головой человѣка... Брамины поясняютъ, что кромѣ Шивы тутъ въ Мадурѣ особенно чтится его супруга — Минакши, дочь бога богатствъ Куверы, т. е. собственно «рыбоокая» богиня (отъ «мина», рыба и «акши», око). Есть также особая часовня въ честь «святѣйшихъ» индійскихъ мудрецовъ (риши).

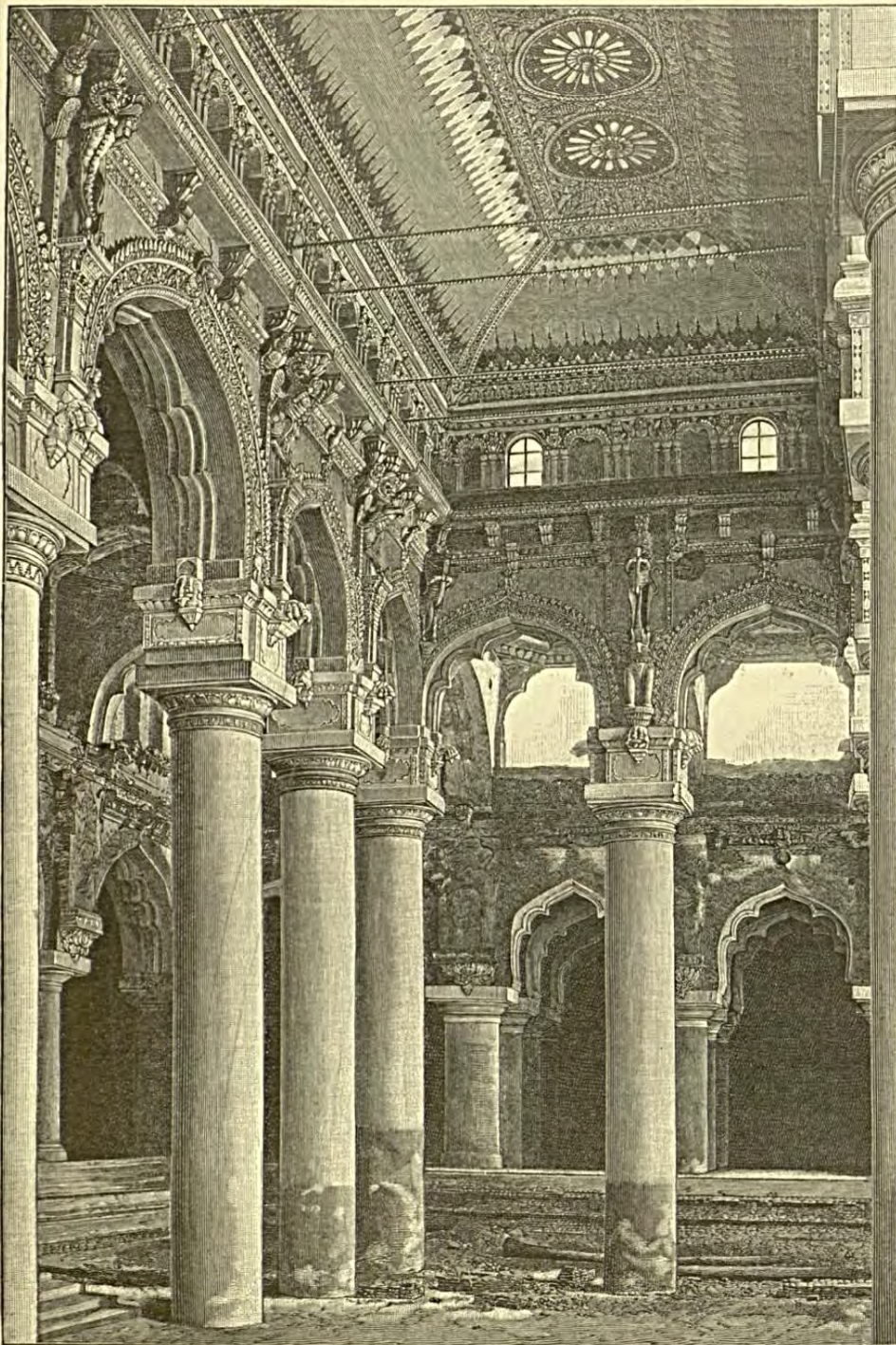
Пока мы еще находимся среди изрядно надоѣвшихъ статуй въ одной изъ главныхъ залъ храма, — статуй съ неестественными формами тѣла, съ черезчуръ заостренными чертами лица, и тонкими закрученными усами, — жрецы начинаютъ раскладывать свои сокровища передъ Августѣйшими посѣтителеми: ожерелья, тяжеловѣсные золотые нагрудники, головные уборы, серьги, — птичекъ и бабочекъ изъ сапфировъ, рубиновъ, изумрудовъ, жемчуговъ... Говорятъ, будто настоящее несмѣтное имущество кумировъ скрыли однажды въ подземельяхъ, при нашествіи мусульманъ въ средніе вѣка. Враги разрушили бôльшую часть построекъ, зарѣзали хранителей тайны, гдѣ — заповѣдный кладъ; однако его не достали, и онъ до сихъ поръ лежитъ тамъ, во мракѣ невѣдомыхъ склеповъ, тѣша взоры снисходящихъ туда небожителей. Въ столбахъ одной галлерей тутъ существуютъ шары, вырѣзанные изъ общей глыбы: ихъ можно вертѣть, слегка опускать и приподнимать; но нельзя вынуть, какъ и погребенную казну мадурскихъ шиваитовъ...

Мы проходимъ ближе къ выходу и гопурамъ: лавочки мѣняль, группы расположившихся по-семейному богомольцевъ издалика, лотки торгашей съ разнообразными мѣстными произведеніями, неуклюжія повозки для торжественнаго передвиженія кумировъ въ праздничные дни! Послѣднія, — видѣнныя, впрочемъ, нами и ранѣе на островѣ Шрирангамъ, — привлекаютъ вниманіе не только оригинальной фигурной рѣзбой надъ огромными колесами и символическими крылатыми конями спереди, но и своимъ религіознымъ значеніемъ, олицетворяя въ нѣкоторомъ родѣ живую силу вселенной, надъ которой возсѣдаютъ и какъ-бы парятъ вседовольные небожители. Дабы прогулять иногда городомъ, на радость вѣрующимъ, засидѣвшихъ въ одиночествѣ сокровеннѣйшихъ боговъ, — тысячи людей впрягаются въ диковинныя колесницы, уже одинъ орнаментъ которыхъ причудливыми сочетаніями тварей и человѣческихъ существъ словно долженъ свидѣтельствовать о взаимодействіи противоположнѣйшихъ міровыхъ началъ. Немудрено, если въ давнѣ случаются тяжелыя паденія и увѣчья со смертельнымъ исходомъ. Индусы не изъ фанатизма, какъ принято думать у насъ, бросаются подъ «священную» медленно везомую громаду: просто-напросто иные изъ тянущихъ разукрашенную чудовищную повозку въ экстазѣ совершаемаго подвига теряютъ самообладаніе и, уставъ, не имѣютъ возможности во время отойдти отъ вращающихся колесъ, которыя совсѣмъ не предназначены быть какимъ-то орудіемъ разрушенія.

Не такъ давно, когда почему-нибудь не хватало рукъ для катанья кумировъ изъ пагодъ, власти не стѣснялись наряжать съ этой цѣлью даже туземцевъ-христіанъ; но

трудно предположить, зная набожность народа, чтобы въ ихъ подмогѣ часто встрѣчалась потребность.

Обычай показывать массѣ «красу алтарей», по мнѣнію оріенталистовъ, — чисто буд-

ДВОРЕЦЪ ТИРУМАЛА.

дѣйскаго происхожденія и унаслѣдованъ въ Индіи отъ послѣдователей ученія Шакья-Муни. Дѣйствительно, въ ламайскихъ земляхъ принято напр. въ извѣстные дни года (въ Забайкальѣ — лѣтомъ, во славу Майдари, грядущаго Будды) точно также передвигать «бурхановъ» (боговъ) на телѣжкахъ, со впряженными въ нихъ для виду деревянными лошадами. Въ первые вѣка нашей эры буддѣйскіе пилигриммы изъ Китая видѣли уже въ Хотанѣ процессіи съ кумиромъ «бога-учителя» среди изображеній Брамъ и Индры.

Кромѣ колесницъ намъ бросаются въ глаза: золотыя носилки кумировъ, окованныя серебряными пластинками изображенія быка (Нанди), гуся или лебедя Брамъ (Ханза) и т. п.

Десять утра: мы и то уже очень долго пробыли въ капищѣ Мадурѣ! Провожая Августѣйшихъ путешественниковъ къ экипажамъ у «Swami

Sannadi Gate», первенствующій жрецъ (плотный старикъ съ плутоватою улыбкой) произноситъ маленькую рѣчь о возможной дружбѣ между Россіей и Британіей въ предѣлахъ Азіи. Среди воцаряющагося зноя, скользя разсѣяннымъ взоромъ по толпѣ тамильцевъ у

пестрящихъ вычурными изображеніями воротъ, — мало отдаешь себѣ отчета, почему это здѣсь какъ-то некстати говорится . . . Кирпичнаго цвѣта мужчины съ четками на шеѣ и кольцами на голыхъ ногахъ, — оранжевая краска на лицѣ и безобразно удлиненныя серьгами уши у довольно-таки некрасивыхъ женщинъ, — заслоняющія небо башни съ избыткомъ лѣпныхъ узоровъ . . . и вдругъ напоминаніе о теченіи европейской политической жизни въ узкихъ рамкахъ нашего крайне условнаго міропониманія! До чего этихъ бѣдныхъ туземцевъ портитъ чтеніе нервныхъ англійскихъ газетъ.

Ихъ Высочества направляются черезъ улицы Авани Мулай и Венгалакадай по прекрасно шоссированной дорогѣ на югъ, къ такъ-называемому «Terrakulam Bungalow», — къ дачѣ коллектора съ приготовленнымъ для Именитыхъ Гостей временнымъ помѣщеніемъ до вечера и разбитыми около нея палатками для свиты. Домъ стоитъ, — собственно за чертой города, — на небольшой насыпи, подлѣ искусственно возникшаго водоема весьма значительныхъ размѣровъ, среди котораго на островкѣ бѣлѣетъ въ оправѣ листвы изящная по стилю языческая кумирня. Создателемъ обоихъ сооружений является царь Тирумала. Нашъ художникъ-акварелистъ Гриценко садится на берегу срисовать пагоду для «Парижскаго Салона».

Въ половинѣ пятаго Августѣйшіе путешественники ѣдутъ по «Ramnad and Sandaretta road» во дворецъ, гдѣ нѣкогда владычествовали «наики» (отъ санскритскаго *naika* — вождь). Его недавно реставрировали, насколько это признается полезнымъ, съ цѣлью помѣстить въ немъ присутствія коллектора и окружнаго судьи съ инженеромъ.

Мадурѣ съ ближайшей окрестностью производитъ отрадное впечатлѣніе своимъ внѣшнимъ благоустройствомъ. До англійскаго непосредственнаго вліянія на нее она, напротивъ, отличалась антисанитарными качествами, — тѣмъ болѣе что вокругъ нея разстилался джонгль съ мiasmической почвой. Приходъ европейцевъ быстро все измѣнилъ къ лучшему. Широкія улицы, водопроводы, аллеи городскихъ предмѣстій явились на смѣну неприглядной дѣйствительности, уживавшейся тутъ наряду съ царскими архитектурно-величавыми чертогами и богатѣйшими по убранству капищами.

Дворецъ, куда въ данную минуту прибыли Ихъ Высочества, составлялъ нѣкогда гордость южно-индійскаго властелина (Maha Raja Manya Raja Shri Tirumala Sevari Nayani Ayyalu Garu). Особенно хороши углы колоссальнаго дурбарнаго зала (въ квази-готическомъ стилѣ) съ изображеніями фантастическихъ существъ, парящихъ надъ нимъ.

Если подняться наверхъ — на галерею съ окнами, огибающую зданіе, и выйти на террасы крыши, — снова видишь тѣснящуюся внизу массу зрителей-туземцевъ, которые, несмотря на дождь, его опоясываютъ.

Сегодня кончается путешествіе по Индіи, въ связи съ осмотромъ ея достопримѣчательностей. Разставаться съ ней какъ-то грустно, — грустнѣе чѣмъ съ чуднымъ Египтомъ: правда, вѣдь и пробыли мы въ ней цѣлыхъ семь недѣль, представляющихъ почти одинаковый глубокій интересъ въ области нашего невольнаго сближенія съ могучимъ Востокомъ!

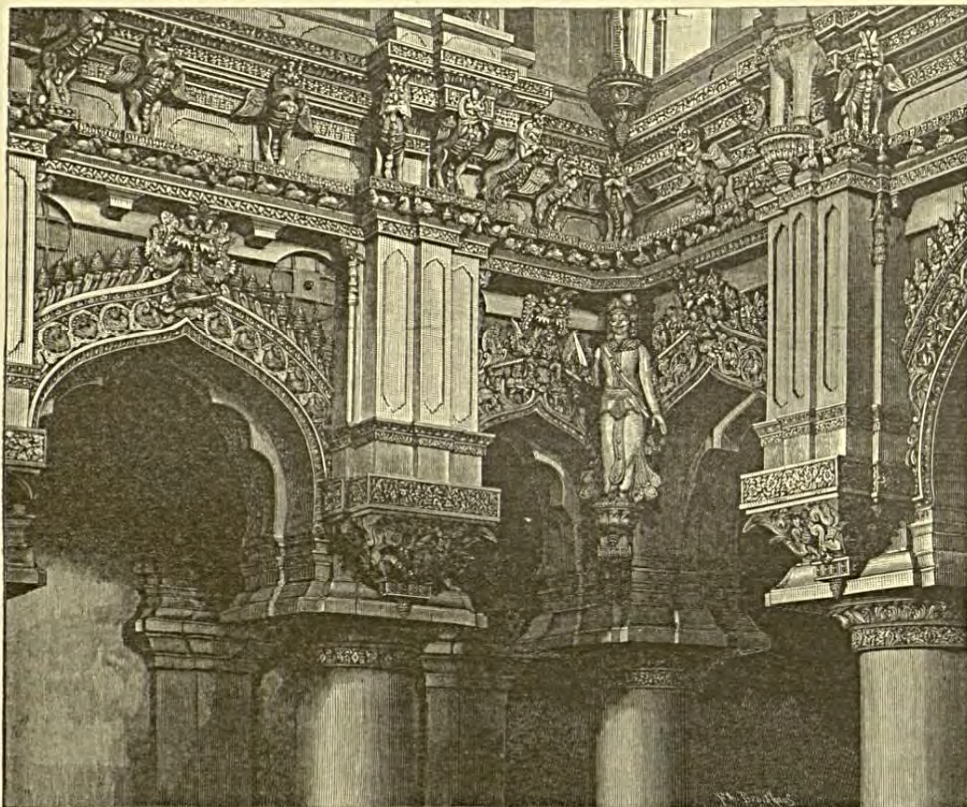
Не знаю почему, но край Будды и Акбара положительно производилъ и производитъ на каждого пришельца съ Запада неотразимо-властное впечатлѣніе. Тѣмъ сильнѣе этотъ важнѣйшій полуостровъ Азіи долженъ воздѣйствовать на воображеніе и на всю сферу помысловъ и чувствъ современнаго русскаго человѣка, сознательно всматривающагося въ ходъ событій на родныхъ окраинахъ, проходящихъ теперь черезъ такой же точно фазисъ развитія, какой переживали напр. въ XVII в. крѣпнувшіе подъ скипетромъ Москвы порубежные сторожевые города на югѣ и за Ураломъ, олицетворявшіе собой продолженіе

славныхъ дней Іоанна IV, т. е. наступающую въ избыткѣ молодыхъ силъ и духовно подчинившую себѣ многіе инородческіе элементы единодержавную Русь. Въ ту пору Посольскій Приказъ не слѣдилъ за восточной политикой по даннымъ и по масштабу «нѣмецкихъ людей англинскихъ и ерянцовскихъ», а понималъ и защищалъ наши государственные интересы на тюркско-монгольскихъ границахъ, какъ понимаетъ и защищаетъ тамъ эти интересы поднесъ любой казакъ, простой солдатъ, мужичекъ-старожилъ или переселенецъ.

Кто у насъ теперь изъ тысячи образованныхъ знаетъ и такъ-сказать видитъ цѣнныя стороны тогдашняго патріотизма и безхитростнаго взгляда на вещи?

Исторія московскихъ сношеній съ дальнимъ юго-востокомъ еще сравнительно мало обслѣдована; но за то что за прелестью слога вѣдетъ отъ наказовъ посламъ, отъ «статейныхъ

списковъ» той дорогой намъ эпохи! Беру наугадъ хотя-бы 1675 годъ, когда отъ Великаго Государя изъ Бѣлокаменной послана была «къ индѣйскому шаху грамота рускимъ письмомъ за государственною большею печатью, да въ запасъ съ той Великаго Государя грамоты списки полатыне да по-татарски, оба списка за тою же большею печатью а посланы тѣ списки въ запасъ, буде въ Индіи руского письма перевести нѣкому и тѣ грамоты для под-

ОРНАМЕНТЪ ВЪ МАДУРСКОМЪ ДВОРЦѢ.

линнаго выразумѣнья отдать». Снарядили съ ними астраханца «Маметъ Исупа Касимова». Наши подданные татары могли и должны были, само собой разумѣется, съ точки зрѣнія правительства, служить орудіемъ вліянія на Востокъ.

Задолго до того, что первый англичанинъ Ёома Коріать, полоумный скиталецъ, пробрался въ Индостанъ съ цѣлью покататься на слонѣ, — тверской гость Аѳанасій Никитинъ ходилъ туда же «за три моря» въ 1466—1472 гг. Ему подобныхъ навѣрно можно-бы насчитать немало, но мы всегда считали Азію чѣмъ-то хотя и басурманскимъ, а тѣмъ не менѣе роднымъ и своимъ, недостаточно достойнымъ упоминанія и описанія. Для европейца въ означенный періодъ посѣтить смежный населеннѣйшій материкъ значило открыть себѣ и соотечественникамъ новый міръ: для русскаго это представляло просто передвиженіе въ предѣлахъ непризнающей границъ досконально ему извѣстной Скиѳіи. Оттого-то и звучитъ нашему слуху привычно всякое повѣствованіе «о ссылкахъ» съ разными

ханами и шахами «съ поминки и великимъ челобитьемъ о любви». Купцы «изъ Бухаръ и Шармахани» (Самарканда) тогда уже являлись къ намъ непринужденно и естественно, словно и теперь по Закаспійской желѣзной дорогѣ, — а вѣдь этотъ людъ свободно перекидывался съ Волги «за грань отъ Индѣй» — въ царство Тамерлановыхъ внуковъ!

Съ упомянутымъ Касимовымъ ѣздилъ туда же (оба однако не добрались до цѣли по капризу Аурангзеба) татаринъ Аллабердѣй Топорковъ.

Послу предписывалось: «какъ приѣдетъ въ первой Индѣйской городъ, говорити того города владѣтелю, что посланъ онъ отъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и государя и обладателя, къ Великому Государю ихъ Шахъ-Эвреинъ-Зепову Величеству въ посланникахъ о ихъ государскихъ надобныхъ дѣлахъ, а съ нимъ посланы отъ Великаго Государя, всея Росіи самодержца къ Эвреинъ-Зепъ Шахову Величеству грамоты о дружбѣ и о любви и о иныхъ государскихъ добрыхъ дѣлѣхъ». Въ подарокъ послѣднему Москва слала соболей, зеркала подъ слюдою и т. п. «любительные легкіе поминки».

Кромѣ торговыхъ комбинацій и наказа «видѣти здоровье индѣйскаго величества», у монарха въ стѣнахъ Бѣлокаменной существовали еще и другія соображенія, обусловливаемыя христіанскимъ человѣколюбивымъ настроеніемъ. Поручить заботу о нихъ иноплеменникамъ-мусульманамъ даже въ то строго-православное время ничуть не мнилось бесполезнымъ или предосудительнымъ. Бѣлый Царь повелѣвалъ, — и этого было достаточно!... «И есть ли въ Индѣйскомъ государствѣ есть русской породы полоняники, и объ нихъ потомужь договариватся, чтобъ Государь ихъ Шахово Величество къ Великому Государю къ его Царскому Величеству оказалъ тѣмъ дружбу свою и любовь всѣхъ Руского полону людей изъ государства своего велѣлъ Царского Величества въ Російское государство отпустить безъ окупы, и впредь Руского народа людей къ своей вѣрѣ неволею принуждати заказалъ. А Великій Государь его Царское Величество подданныхъ Государя ихъ, которые обещутся въ Російскомъ государствѣ, а похотятъ ѣхать въ свое государство, и ихъ такожде безъ окупы въ Индѣйское государство отпустить повелить, и къ вѣрѣ имъ никакова принужденія чинить не прикажетъ». Еще при Екатеринѣ II академикъ Палласъ, изучавшій этнографію Росіи, отмѣчаетъ въ Астрахани присутствіе многочисленныхъ индусовъ (мультанцевъ) съ формами культа Кришны. Въ свою очередь извѣстно, что при дворѣ Моголовъ цѣнились русскія полонянки. Сколько дѣтей въ Дѣли и въ Агрѣ, можетъ быть, засыпали на рукахъ у нянекъ — подъ грустный напѣвъ, дышавшій тоскою о далекой Руси! Охрана тамошнихъ гаремовъ состояла изъ вооруженныхъ калмычекъ и татарокъ, сестеръ по горькой долѣ и по родному Сѣверу нашимъ исторически забытымъ соотечественницамъ... Любимая жена фанатично настроеннаго Аурангзеба была православная грузинка!

Среда, 30 января (11 февраля).

Вчера вечеромъ Августѣйшіе путешественники на прощанье любовались съ кровли «Терракулумъ Bungalow» красивой иллюминаціей сосѣдняго озера-пруда. Его вообще принято освѣщать иногда самымъ блистательнымъ образомъ во славу кумировъ, которыхъ сюда для визита привозятъ изъ центрального капища въ маленькую пагоду на островкѣ. Сто тысячъ огоньковъ воспламеняется по этому случаю на водѣ и на берегу. Идолы переправляютъ отъ пристани къ пристани на особомъ плоту (террамъ) изъ-за чего и водоемъ

получилъ названіе, — баядерки вьются передъ ними въ медлительной пляскѣ, народъ же наслаждается зрѣлищемъ и благоговѣтъ...

Сегодня утромъ мы — уже въ Тутикоринѣ, гдѣ Е. И. Высочество ожидаютъ «Азовъ» съ «Мономахомъ». Городокъ, составляющій конечную точку южно-индійской желѣзной дороги отъ Мадраса, прежде славился необыкновенно удачными и доходными ловлями жемчуга и кромѣ того былъ однимъ изъ главныхъ центровъ дѣятельности самоотверженнаго іезуита-миссіонера (St. François Xavier, наварскаго дворянина — современника Лойолы), пренебрегшаго земными благами и профессурой въ Парижѣ, чтобы всецѣло посвятить себя проповѣди среди язычниковъ, врачеванію больныхъ, уходу за сиротами, общенію съ нищими

и паріями. Позванивая сере-

брянымъ колокольчикомъ, въ черной суконной шляпѣ, поношенномъ платьѣ, босикомъ — онъ съ ласкою обходилъ селенія туземцевъ, поражая ихъ благородной осанкой и кроткимъ блескомъ своихъ задумчивыхъ голубыхъ очей. Великій Ксавье спалъ не иначе какъ на голой землѣ, подложивъ подъ голову камень, — питался подаваніемъ, довольствуясь рисомъ, — однимъ словомъ, велъ въ глазахъ народа жизнь истиннаго факіра: подобно подвижникамъ высшаго порядка, подобно поправшимъ плоть чудотворцамъ-махатмамъ, на которыхъ издревле съ вѣрою смотрятъ и молятся индусы.

На тутикоринской станціи, декорированной зеленью и фруктами (уже совсѣмъ на тропическій ладъ!), Наслѣдникъ Цесаревичъ встрѣченъ адмираломъ Басаргинымъ и представителями мѣстной англійской власти. Послѣ чая на вокзалѣ, Августѣйшіе путешественники въ коляскѣ отправляются къ морю, гдѣ далеко на рейдѣ выдѣляются силуэты

двухъ нашихъ военныхъ судовъ и британскаго корвета «Turquoise»: за крайнимъ мелко-водьемъ имъ нельзя было подойти ближе какъ на 10—12 верстъ.

Океанъ дышетъ неровною зыбью. Паровые и гребные катера съ «Азова» и «Мономахъ» не безъ сильнаго напряженія должны поработать въ теченіе нѣсколькихъ часовъ надъ переправой и перегрузкой багажа. Грохотъ салютовъ чередуется съ мощнымъ плескомъ волненія. Послѣднее до того своевольно, что Ихъ Высочества поднимаются къ себѣ на фрегатъ по лѣвому трапу: со стороны, сравнительно защищенной отъ вѣтра.

Сопровождать далѣе — на Цейлонъ — приглашены Великимъ Княземъ: М. К. Ону, полковникъ Джерардъ и Мэкензи Уоллесъ съ Хардингомъ. Мусульманинъ (мунши Азизъ-уддинъ) заболѣлъ въ Тричинополи холериной и отсталъ. Капитанъ Гроверъ и поручикъ Ньюхэмъ пріѣхали проститься на «Память Азова». Кажется, съ ними рѣшено отправить на сѣверъ богатый подарокъ королевскому драгунскому полку въ Матуръ (въ спискахъ его числится извѣстный изслѣдователь Центральной Азіи — Йонгхесбандъ) и весьма замѣтному въ англоиндійской боевой лѣтописи лѣкноусскому «16 Lancers», въ офицерскомъ собраніи коихъ Наслѣдникъ Цесаревичъ удостоилъ принять обѣдъ.

Низкій песчаный берегъ тонетъ въ отдаленіи. Прибой продолжаетъ бѣлѣть и дробиться надъ довольно обширнымъ пространствомъ, усыяннымъ мелями, гдѣ находятся знаменитыя устричныя банки съ жемчугомъ, плѣнявшимъ египтянъ и пышный цесарскій Римъ, куда по части этихъ драгоценностей доставлялись положительно уники цѣлаго міра: въ «вѣчномъ городѣ» было тогда въ обычаѣ щедро украшать жемчужинами не только одежду женщинъ и мужчинъ, но алтари и самихъ боговъ, бранныя колесницы, оружіе и т. п.

Время за полдень. Суда скоро снимутся съ якоря. На «Азовѣ» поднять сигналъ: «Наслѣдникъ Цесаревичъ благодаритъ фрегатъ Владиміръ Мономахъ за подъемъ миноноска».

ЦЕЙЛОНЪ.

Объ английской Индіи на Западѣ долго господствовали и до сихъ поръ держатся несомнѣнно односторонніе и оптимистическіе взгляды путешественниковъ, явившихся туда въ качествѣ беззаботныхъ туристовъ, которыхъ при малѣйшей рекомендаціи радушно встрѣчалъ хлѣбосоль-колонизаторъ и которые eo ipso почти невольно проникались постепенно мыслями и чувствами гостепріимныхъ хозяевъ. На материкѣ Европы общественное сознаніе видимо не реализировало того простаго факта, что неестественное усиленіе одного морскаго государства — на счетъ остальныхъ болѣе континентальныхъ и на счетъ безотвѣтнаго Востока — во-первыхъ аномально, а во-вторыхъ эфемерно; ибо земля тяготѣетъ къ землѣ и опытомъ доказано, поскольку непроизводительна роль Карфагена, когда на свѣтѣ есть римскіе легіонеры. Только такимъ непониманіемъ положенія вещей объясняется, почему напр. въ сороковыхъ годахъ принцъ Вальдемаръ Прусскій (братъ тогдашней королевы Маріи Баварской) отправился изъ Триеста воевать подъ британскими знаменами со свободолюбивымъ царствомъ сикховъ. Уже ранѣе того, впрочемъ, прусскій капитанъ фонъ-Орлихъ участвовалъ въ несправедливомъ походѣ 1842 г. на Афганистанъ! Бѣдная Азія, когда же тебя христіанскіе народы Запада признаютъ равноправной и достойной исполнѣ человѣческаго отношенія?

Наши фрегаты рѣжутъ спокойную поверхность океана на пути въ Коломбо. Убаюкивающая слухъ и зрѣніе тихая жалоба потревоженныхъ водъ будитъ въ душѣ вереницу нетлѣнныхъ впечатлѣній изъ яркаго прошедшаго. Природа Индіи вспоминается сначала какъ-то живѣе культурныхъ образовъ и памятниковъ съ глубокимъ значеніемъ . . .

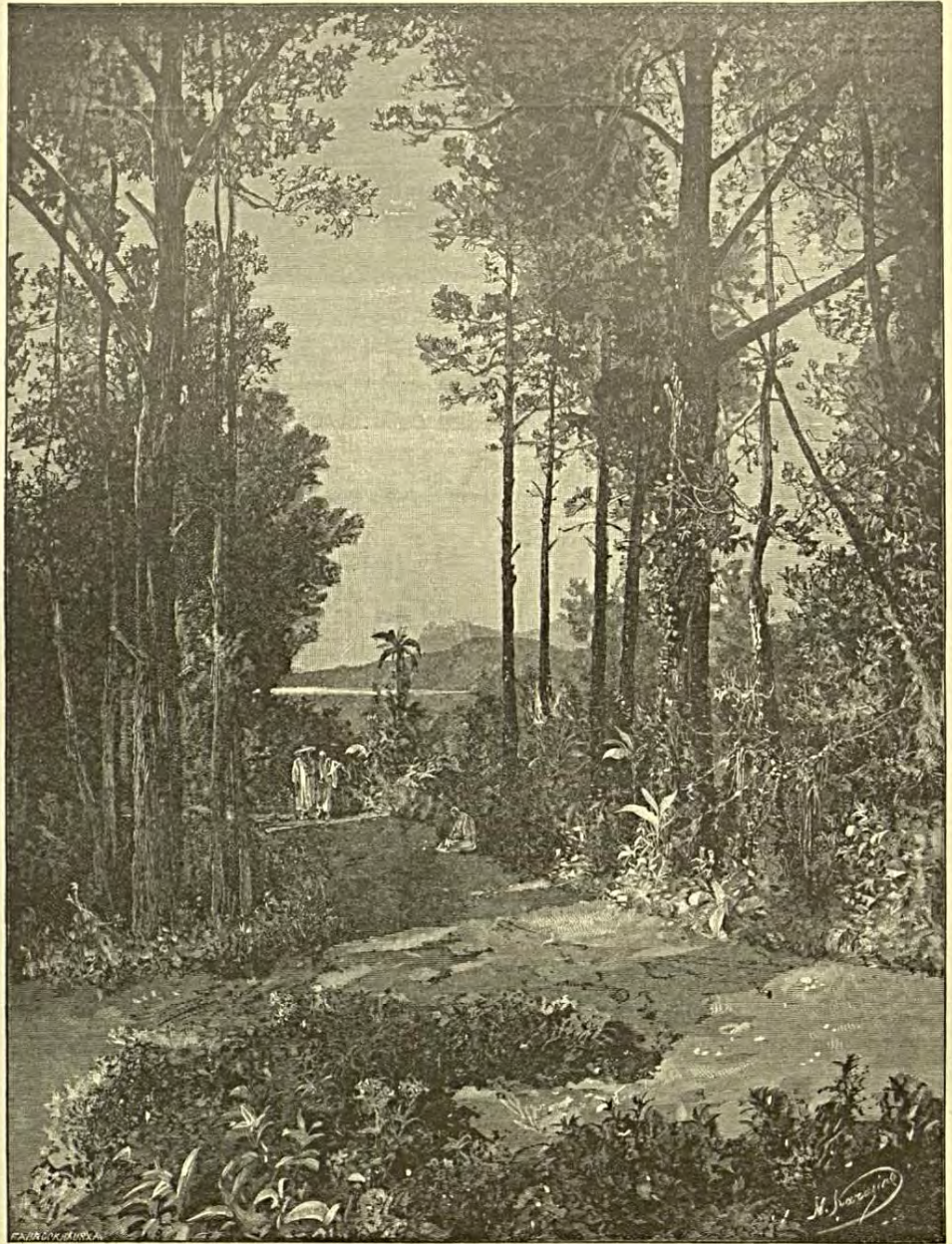
. . . . Предвечернія минуты на равнинахъ Пэнджаба. Въ легкомъ туманѣ серебрятся Гималаи. Небо обратилось въ расплавленную массу золота. Облака рдѣютъ рубинами. Отъ темнаго пурпура до нѣжнѣйшихъ оттѣнковъ розоваго цвѣта трепещетъ твердь. Если бы ихъ согласно дѣйствительности и непосредственно могъ воспроизвести художникъ, — ему бы не повѣрили, его бы сочли за сумасброднаго импрессиониста. Но вѣдь въ Индіи зачастую видишь въ моментъ заката, какъ изсиня-зеленый лучъ бьетъ съ горизонта отъ

багровой полосы, гдѣ только-что скрылось солнце?! Тамъ все — контрастъ, все — нераздѣлимая амальгама.

О чемъ ни задумаешься изъ осмтрѣннаго на исчезнушемъ за далью материкѣ, — каждая подробность облечена въ новую обаятельную форму, эстетически закончена и невыразимо симпатична. Недаромъ, — правда, по моему крайнему разумѣнью, — между покинутой сегодня страной и нашей Скиѳіей такъ много родственныхъ чертъ, психическаго единства, неуловимыхъ на первый взглядъ аналогій.

Разобраться въ столь благодарномъ и непочатомъ матеріалѣ — задача, надѣюсь, близкаго будущаго. Пока же достаточно намѣтить связь, подыскать ей подходящее объясненіе, принять ее за лишнее неоспоримо-вѣское доказательство, чѣмъ мы являемся даже для сравнительно отдаленныхъ частей Азіи, а онѣ *vice versa* для насъ. Когда кропотливыми филологическими умствованіями пытаются установить братство англо-саксонской расы съ арійскими элементами Индіи, это — сентиментальная фикція; если же заговорить объ узахъ, исторически и этнографически скрѣпившихъ русскій народъ съ Ирано-Тураномъ (отъ Каспія до Ганга и Деккана), то вопросъ совершенно правильно и законно обоснованъ минувшей и настоящей жизнью земель, о которыхъ собственно идетъ рѣчь.

И въ мелочахъ сказывается общность внутренняго характера! Наши слова «шуба», «шугай» тождественны съ наименованіемъ сколько-нибудь соотвѣтствующей одежды въ

ПРИРОДА ЦЕЙЛОНА.

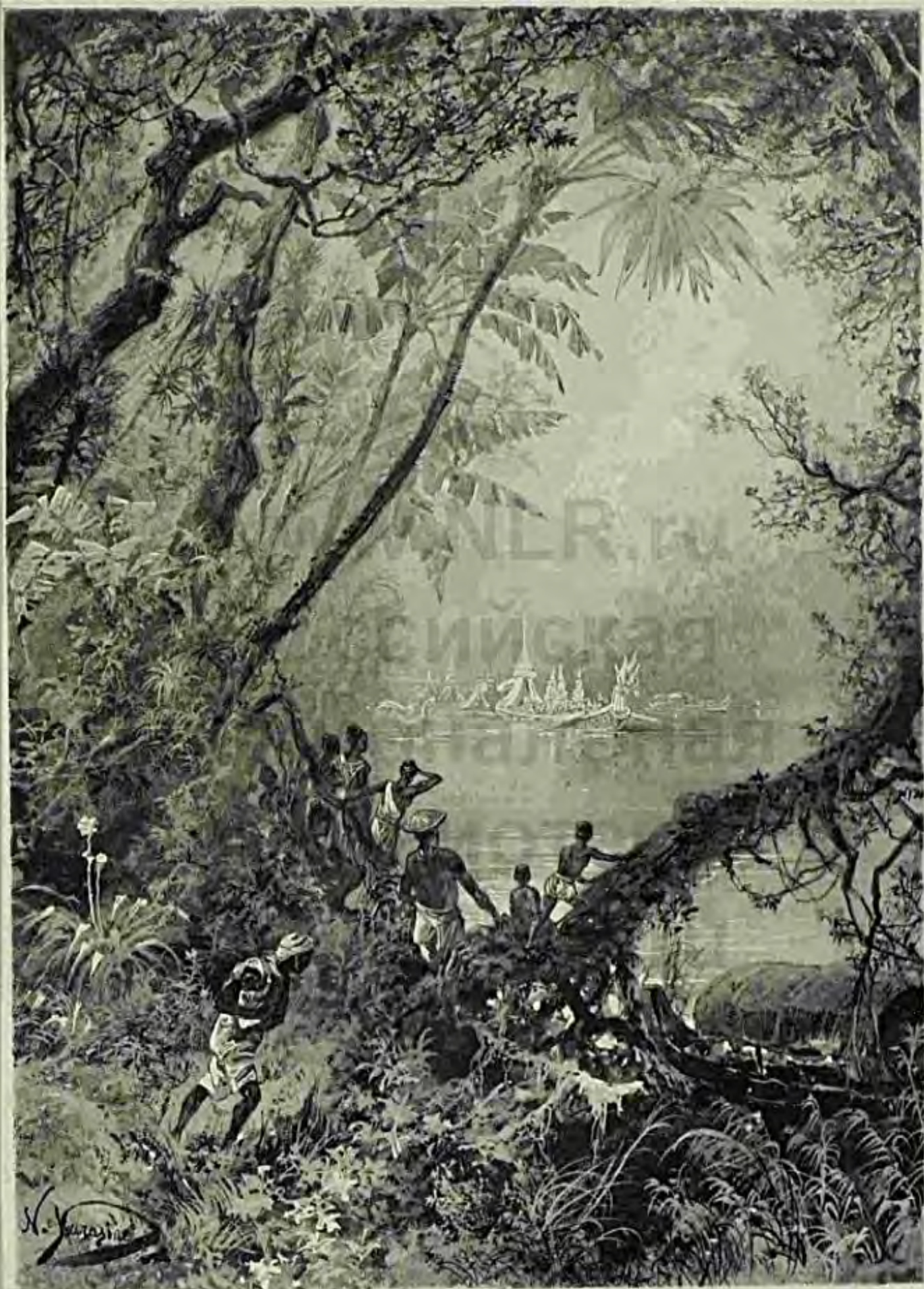
сѣверо-западной Индіи. И тамъ, и на Руси одинаково принято было у многихъ мужчинъ, по суевѣрнымъ побужденіямъ, носить серьгу и т. д. и т. д. А развѣ мало точекъ соприкосновенія въ иныхъ особенностяхъ быта индійскаго и русскаго простонародья? Кто у насъ, напр. слышалъ, что за Гималаями существуетъ праздничный лѣтній обычай у парней прыгать разъ въ годъ вокругъ костровъ и пѣть игривыя пѣсни? Пусть интересующіеся справятся въ книгѣ Самуэльсона «Vulgaria», сколько есть однороднаго въ обстановкѣ балканскаго славянина и индуса. Развѣ не странно, что общины у насъ и за Гималаями отличаются одинаковымъ устройствомъ? Приводить примѣры можно безъ конца. Доказатель-

БУДДІЙСКІЕ МОНАХИ НА ЦЕЙЛОНѢ.

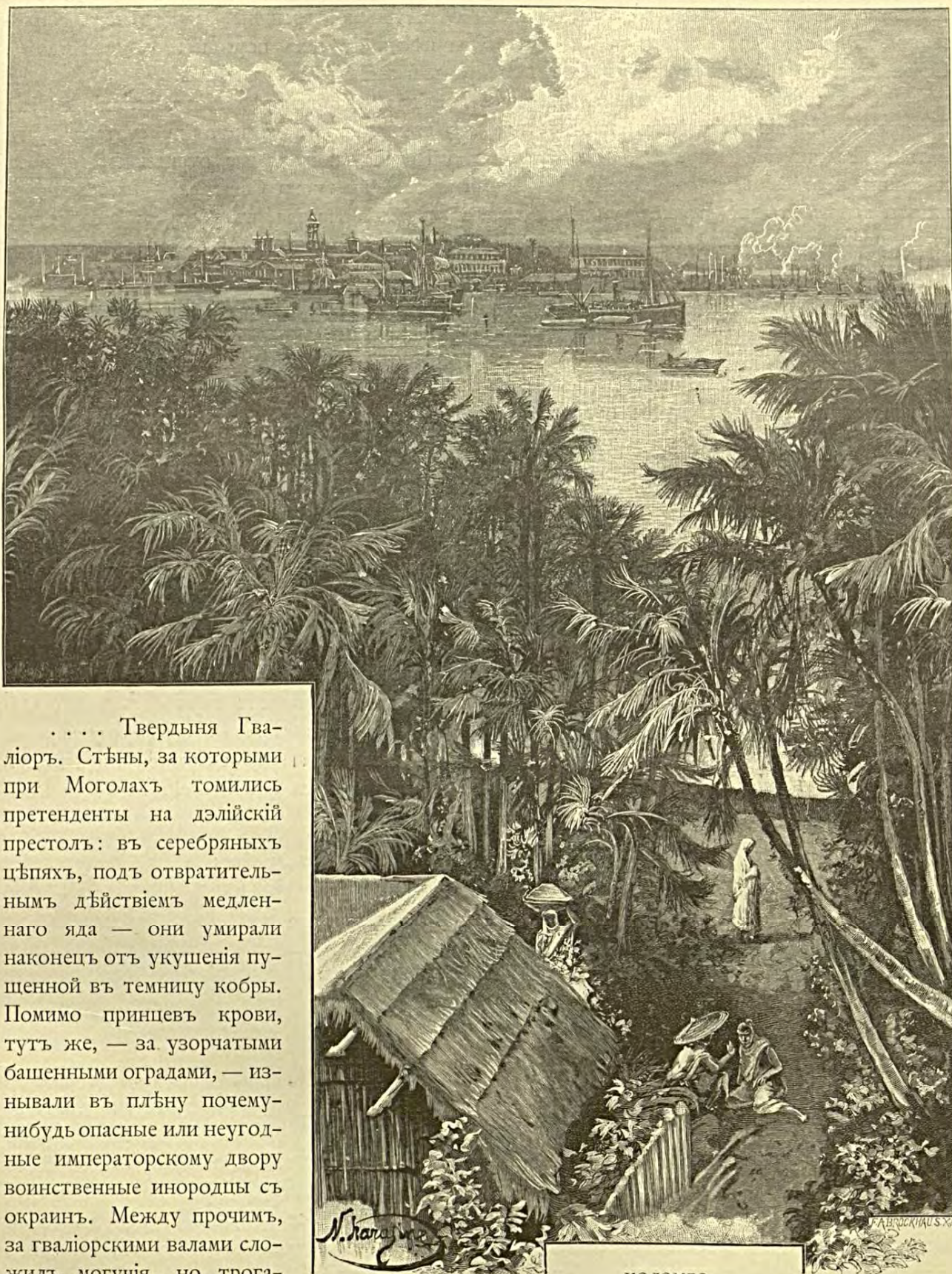
ная сила лежитъ не въ ихъ количествѣ, а въ качествѣ каждого изъ нихъ: кто же однако, кромѣ закоснѣлыхъ западниковъ, хоть на минуту затруднится у насъ считать не признанный еще нами Востокъ такой же органической по духу принадлежностью Мономаховой державы, какою по самой природѣ вещей въ урочный часъ стали Заволжье и Сибирь — оттого что, выражаясь лѣтописнымъ языкомъ, наши послы и воеводы «имя царя своего держали честно и грозно, по старинѣ».

Синее море разстилается дорогой камкой. Фрегатъ огибаетъ побережья Цейлона. Воскресающіе образы Индіи снова и снова дразнятъ мысленный взоръ. Вотъ они растутъ, разгораются . . .

Лодки сямского короля.

Скопировано у А. Гриншпана в. Лейпцига

..... Твердыня Гваліоръ. Стѣны, за которыми при Моголахъ томились претенденты на дэлійскій престолъ: въ серебряныхъ цѣпяхъ, подъ отвратительнымъ дѣйствіемъ медленнаго яда — они умирали наконецъ отъ укушенія пущенной въ темницу кобры. Помимо принцевъ крови, тутъ же, — за узорчатыми башенными оградами, — изнывали въ плѣну почему-нибудь опасные или неугодные императорскому двору воинственные инородцы съ окраинъ. Между прочимъ, за гваліорскими валами сложилъ могучія, но трогательныя пѣсни узникъ

III.

КОЛОМБО.

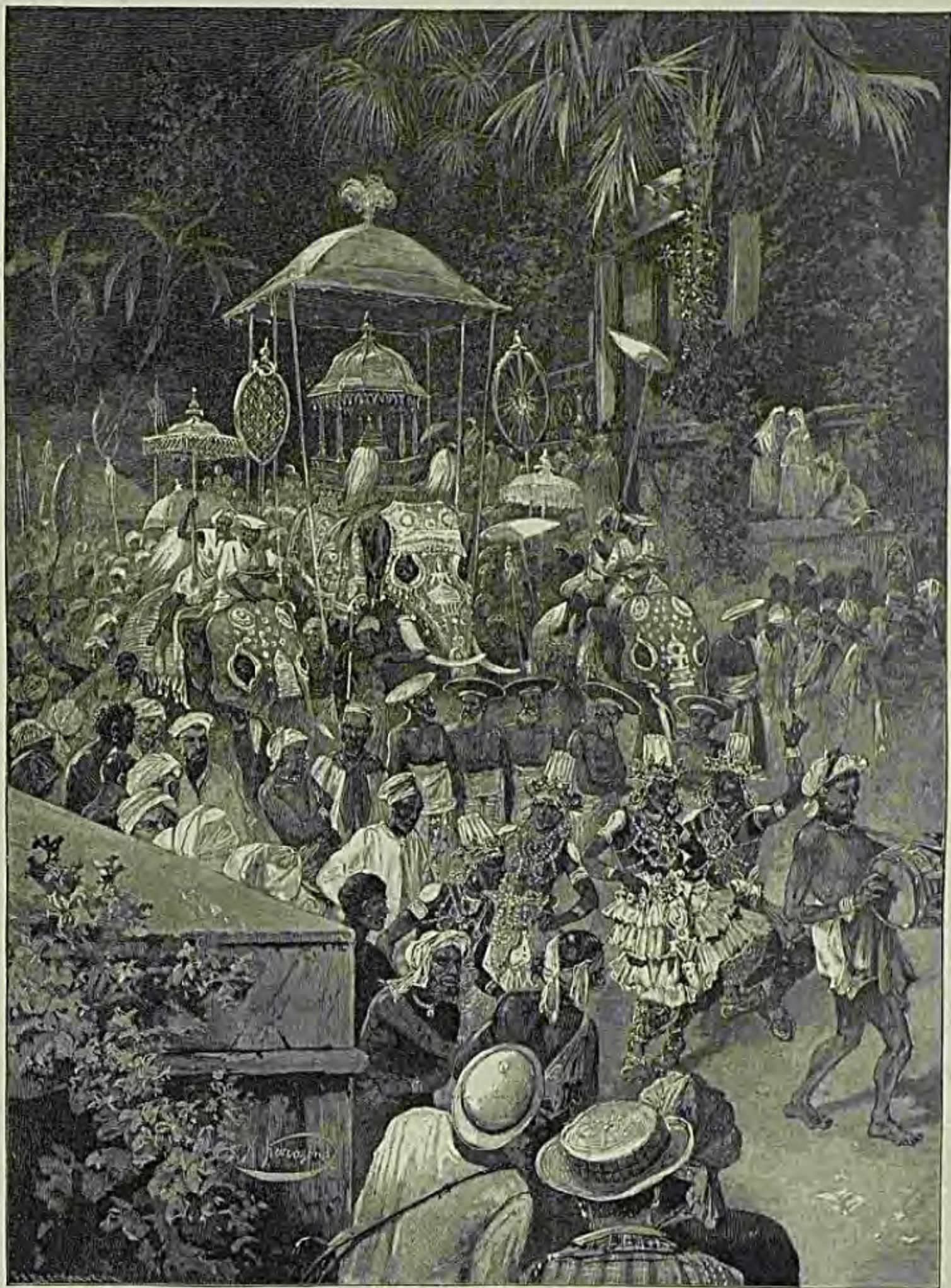
Аурангзеба-Кучаль (вождь горцевъ «катакъ» съ афганской границы, дикій танецъ соплеменниковъ коего мы видѣли въ Лахорѣ). Эти пѣсни до сихъ поръ поются за Индомъ. Оріенталистъ Дарместетеръ недавно ихъ собиралъ и записывалъ на мѣстѣ.

Онѣ создались на крутизнахъ гордаго Гваліора, гдѣ вскорѣ затѣмъ великій маратъ Махададжи Синдія возмечталъ сплотить воедино южно-индійскую конницу султана Типу, витязей Раджпутаны, превосходную артиллерію Низама, популярныя отряды французовъ и своихъ неотразимыхъ сородичей со свѣжими традиціями эпохи Сиваджи, — чтобы порази́ть и вытѣснить изъ страны усиливавшихся англичанъ. Правда, въ то время еще можно было предаваться подобнымъ иллюзіямъ: извѣстный намъ по исторіи мадрасскаго президентства графъ-де-Лалли, и савойскій графъ-де-Буанъ (Voigne), — къ слову сказать, бывшіе и служившіе въ Россіи до отъѣзда въ Индію, — являлись такими политическими соперниками и притомъ талантливыми военачальниками, что съ дѣятельностью ихъ британскому элементу нельзя было серьезно не считаться. Приблизительно въ ту же самую пору французскій посланникъ (le chevalier de St. Lubin) высадился около Бомбея и прибылъ въ маратскую столицу Пуну съ подарками отъ Людовика XVI, чтобы ободрить тамъ всѣхъ къ борьбѣ противъ Остъ-индской лондонской компаніи. Инструкторъ войскъ Низама — генералъ Raymond далъ немного позже своимъ баталіонамъ трехцвѣтное республиканское знамя, поощряя ихъ пѣть въ Гайдерабадѣ «Са іра» и танцевать по ночамъ «Carmagnole». А какъ подумаешь, отъ успѣха французовъ въ Индіи не остается и слѣда! Между тѣмъ симпатіи туземцевъ безспорно были на ихъ сторонѣ: кукольные представленія для народа (вродѣ нашего «Петрушки») тѣшили индусовъ на базарахъ начала XIX в. сценами пораженья англичанъ французами, и зрители радовались потѣхѣ.

Эти факты по своему, конечно, крайне любопытны, — но не на нихъ медлить воображеніе, когда оглянешься на покинутый полуостровъ. Его стародавній строй, его суровые обычаи и религіозныя основы гораздо властнѣе увлекаютъ мысль къ тому, что было и жизненно, и вмѣстѣ съ тѣмъ фантастично. На первомъ планѣ какъ-то невольно припоминается обрядъ сожженія вдовъ. Рѣзкія, полныя трагизма очертанія всплываютъ передъ взоромъ. Зная хоть отдаленно характеръ страны и ея обитателей, легко воссоздаешь мечтой заразы и грозную, и трогательную картину...

..... Костеръ погребальный и близокъ, и страшенъ, и нѣмъ:
Потусклое тѣло недвижно и ждетъ разрушенія —
Брамины сказали, что надо подумать надъ тѣмъ,
Какъ въ жизни грядущей достигнуть благаго рожденья.
Мы слабы и смертны, но воля сильнѣе чѣмъ рокъ, —
Законы природы ничтожны предъ подвигомъ духа:
Княгиня рѣшила покинуть обитель тревогъ,
И гулъ одобренія доходить до чуткаго слуха...
«Ты князя избавишь отъ долгихъ скитаній и мукъ,
Безмѣрно блаженство сгорѣвшаго съ вѣрной женою» —
Хоть сердце и очи туманить холодный испугъ,
Но вотъ она вышла и встала предъ смолкшей толпою!..

Сотни рукъ тянутся къ вдовѣ, обрекающей себя пламени: «возьми съ собой на память въ лучший міръ наши посильные дары дорогому усопшему!» Кто даетъ цвѣтокъ, кто — украшеніе, кто — благовонную эссенцію, и т. п. Все вокругъ «сати» до такой степени проникнуто сознаниемъ важности и знаменательности женскаго подвига, что даже твари его какъ-бы понимаютъ. Когда испепеляли сикхскаго царя Ранджитъ Синга, на его костеръ къ погибающимъ тутъ же наложницамъ слетѣли два голубя, словно возжаж-

ПРОЦЕССИЯ ПЕРАХЕРА ВЪ КАНДИ.

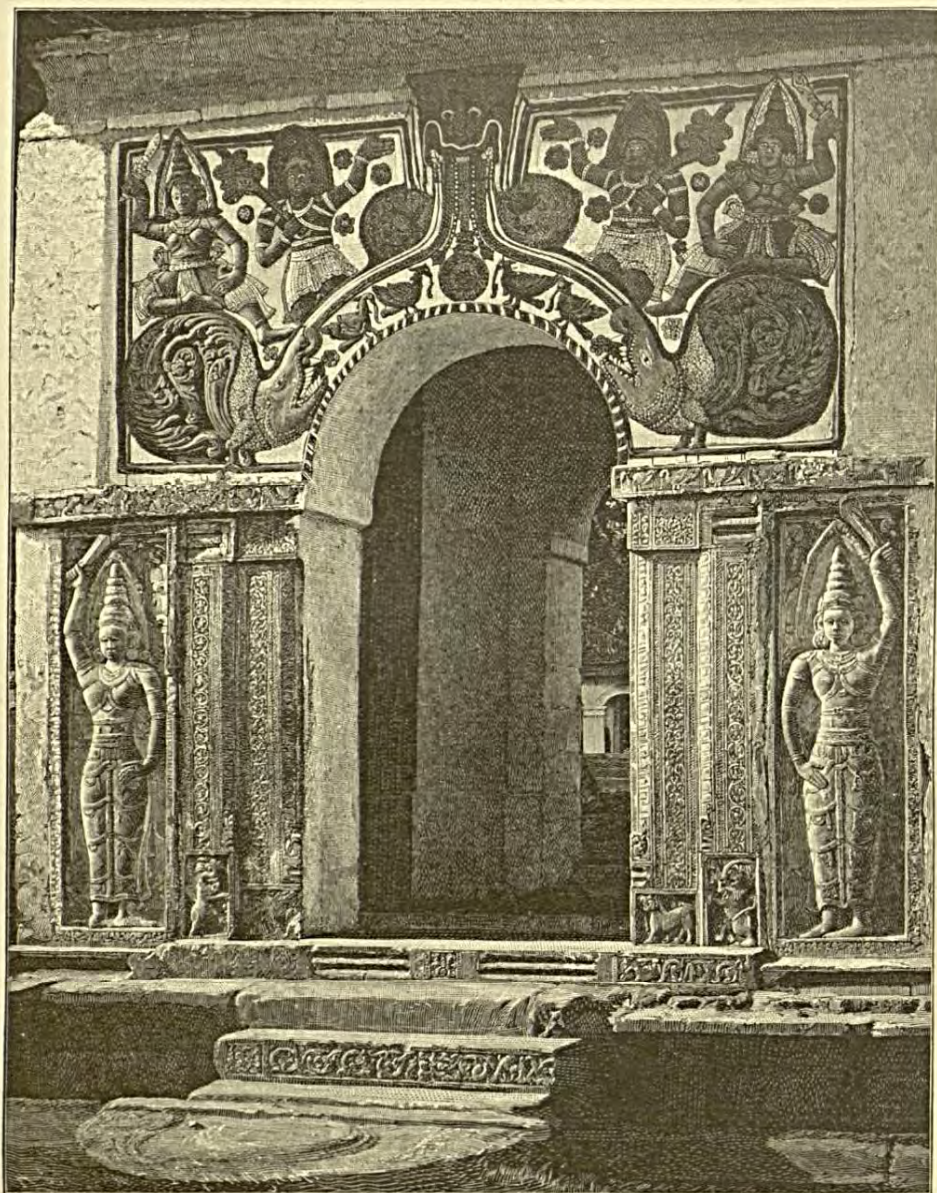
давшіе одинаковой съ ними кончины. За это ихъ увѣковѣчили особыми мраморными лотосами, вдѣланными въ могильную плиту лахорскаго владыки Можно-ли равнодушно говорить о строѣ народовъ, среди которыхъ выработался подобный взглядъ на жизнь и ея продолженіе — смерть? Что думать о краѣ, гдѣ возникали такое каменное олицетвореніе красоты и мощи какъ джодпорскій кремль или такой маленькій храмъ утонченнаго туземнаго искусства какъ альварскій зимній дворецъ? Забудемъ-ли мы, напримѣръ, когда-нибудь величіе перваго съ его чертогами на скалѣ, въ которыхъ изъ-подъ золотого потолка со стѣнъ смотрятъ живописные боги и раджи, подъ ними же изящною каймою обрисовываются строфы старинныхъ пѣснопѣній на языкѣ Хинди? А мозаика на зеркалахъ въ галлерей за дурбарной залой его величества Мангалъ-Синга (въ Альварѣ)? Цвѣтныя гирлянды на стеклѣ, подражанія изумрудамъ и рубинамъ, сказочныя изображенія надъ дверьми, — вотъ она раджпутская Индія, представляющая сама по себѣ неисчерпаемо-оригинальный міръ! А войска этого по-европейски воспитаннаго махараджи съ ихъ сѣрыми мундирами, при синихъ златотканыхъ чалмахъ и темныхъ гамашахъ, — что за молодецкая выправка у солдатъ князя, обучающаго ихъ не для пользы и обороны своего наслѣдія, но только въ видѣ одной изъ забавъ, разрѣшенныхъ ему чужеземными властями! Совершенно аналогичное явленіе наблюдается, впрочемъ, чуть-ли не повсюду: какое впечатлѣніе производятъ, напримѣръ, въ крѣпости Джодпора туземцы-артиллеристы въ бѣломъ и алыхъ головныхъ уборахъ, — какъ эффектно красуются надъ пушками у обрывовъ желтые и другіе пестрые значки однако все здѣсь показное: орудія стары и ржавы, изъ нихъ нельзя стрѣлять! Остается любоваться панорамой

Образы за образами мелькаютъ въ длинномъ свиткѣ воспоминаній. Таджъ. Гробница, въ которой даже воздухъ проникнуть вѣяніемъ чего-то неземнаго и высшаго: если подъ этими ласково-дымчатыми сводами произнесешь хоть слово, звукъ идетъ въ глубину купола и растетъ, — нѣсколько сказанныхъ словъ перерождаются уже въ нѣжную небесную музыку, сладко переливаются и уплываютъ въ невѣдомую даль, тонутъ въ ней и вдругъ опять призывно звучатъ съ тихою жалобой среди одушевленнаго камня и начертаній, гласящихъ: «земное бытіе для насъ — мостъ, по которому надо пройти, но на которомъ ничего нельзя прочно построить; наша брэнная жизнь длится какой-нибудь часъ, — отдадимъ же эти минуты молитвѣ, ибо что за ними — незримо!» Такъ хоронили при Моголахъ, когда вопросы сердца, по видимому, далеко не имѣли въ обыденной суетѣ XVI—XVIII вѣка первенствующаго значенія въ «жестоковѣйную эпоху мрака и застоя» на европейскій взглядъ. Вѣрно-ли, однако, судятъ отрицающіе въ ней духовное содержаніе и всякіе признаки прогресса?

Съ точки зрѣнія нашей допетровской старины, она обладаетъ многими симпатичными чертами. Умершій въ 1605 году Акбаръ едва-ли не стоитъ на цѣлую голову выше многихъ приблизительно современныхъ ему монарховъ Запада. Гдѣ въ ту пору, кромѣ мусульмано-языческой Индіи, могли воплотиться такіа дышущія вѣротерпимостью выраженія, какъ на одной надписи, сдѣланной другомъ императора Абѹль Фазль въ какомъ-то кашмирскомъ храмѣ: «Боже! повсюду созерцаю Тебя, видя молящихся: на языкѣ каждаго народа слышится славословіе Тебѣ. Куда бы изъ числа зданій, воздвигнутыхъ для Тебя, я ни вошелъ — вездѣ ищѹ и стараюсь найти Истину.» Этимъ объясняется, почему, — когда посланные изъ Гоа отцы-монахи не безъ трепета вручили въ подарокъ тому же дѣлйскому падишаху изображенія Спасителя и Непорочной Дѣвы, а также Библію, — Акбаръ приложился къ нимъ и поднялъ Св. Писаніе до чела, въ доказательство глубокаго

благоговѣнія. Католикамъ было разрѣшено построить отдѣльную часовню. Моголь посѣтилъ ее и въ землю поклонился изваянію Богочеловѣка.

Позже, при Шахъ-Джеханѣ, его первый министр украсилъ свой лахорскій дворецъ ликами христіанскихъ святыхъ. Параллельно съ тѣмъ туземные художники приняли за обычай рисовать индійскихъ «султановъ надъ султанами» съ ореоломъ вокругъ головы, — невольно напоминая италіанскую школу.

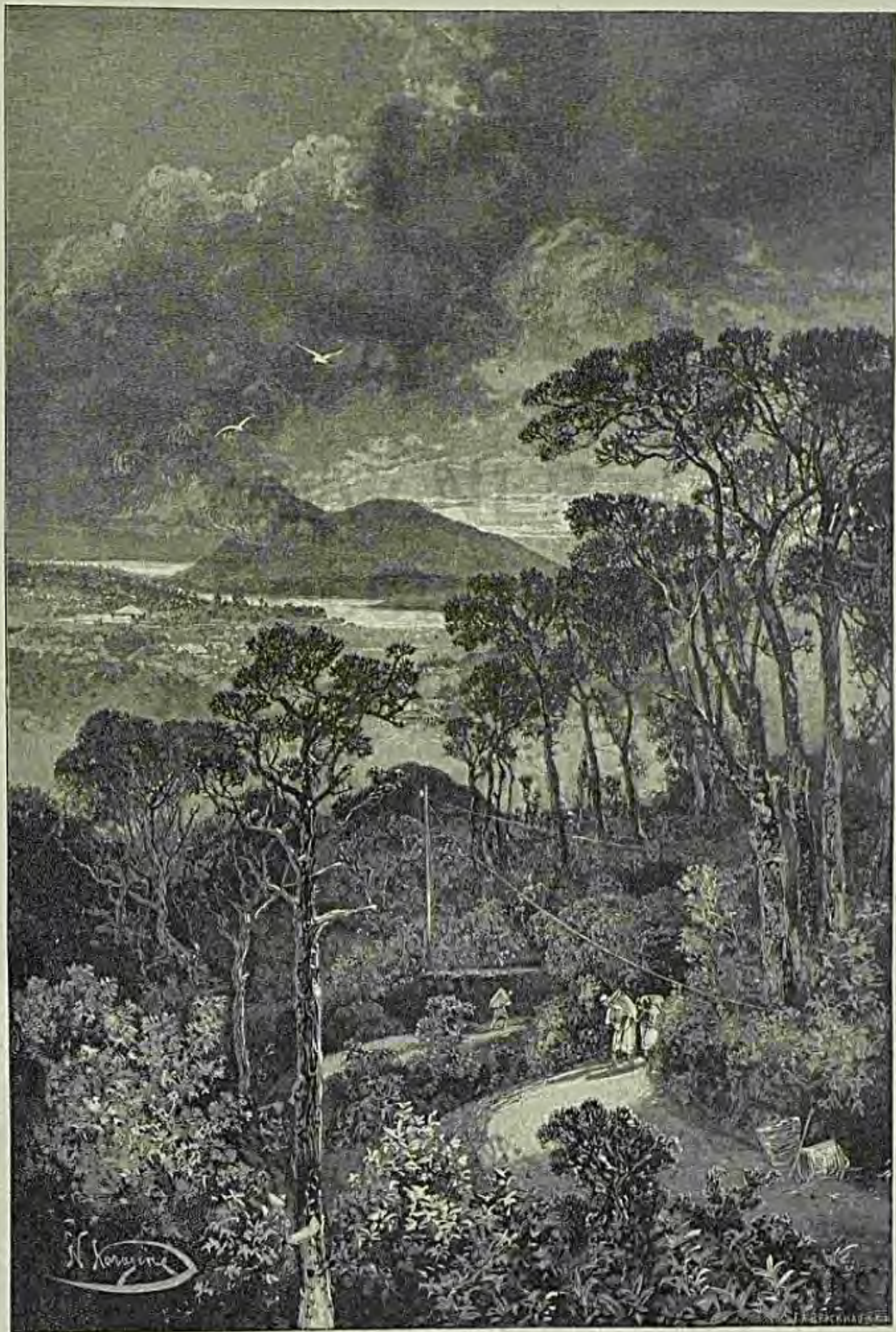

БУДДІЙСКІЙ ХРАМЪ НА ЦЕЙЛОНѢ.

Дворъ въ Дэли и въ Агрѣ, съ его жизненнымъ блескомъ до паденія и точно выточенными фигурами властелиновъ почти всего полуострова, возстаетъ самъ собой, — по однимъ уже описаніямъ, — передъ мысленнымъ окомъ того, кто переступилъ въ царственныхъ городахъ черезъ когда-то считавшійся «высокимъ» и «малодоступнымъ» порогъ дурбарныхъ залъ Тамерланова потомства.

Роскошь обстановки отчасти станетъ понятна, если упомянуть, что безъ обремененія сельскихъ классовъ податями и налогами, императоръ лично получалъ — на деньги нашихъ дней — до полутора милліарда рублей въ годъ (а теперь финансы Индіи разстроены!). Эти суммы тратились на поддержку ремеслъ,

кустарной промышленности и торговли. Гигантскія средства, которыми располагалъ Моголь, текли обратно въ народную массу: ни копѣйки не шло на нужды, чуждыя прямымъ интересамъ Индостана. Полюбивъ его любовью своего отчича и дѣдича Бабера, дэлійскіе Тимуриды-правители по силѣ разума были патріотами, — насколько тогда, при довольно патріархально-дикомъ строѣ, возможно было условно быть таковыми. Страна несомнѣнно стала уже для самого основателя династіи второю родиною: оригинально, какъ онъ съ

НУВАРА-ЭЛІЯ.

нею первоначально ознакомился. Въ одеждѣ скромнаго путника Баберъ обошелъ будто-бы свое будущее царство вдоль и поперекъ, вдохнулъ въ себя вѣянье туземной старины и природы, налюбовался всѣмъ досыта и вернулся въ Среднюю Азію за войскомъ. Съ цѣлью справедливо управлять обширными владѣніями и главнымъ образомъ знать, что творится въ глуши или на границахъ, — Моголы мудро завели (по примѣру могущественнѣйшихъ древнеперсидскихъ царей и халифовъ Багдада) особый классъ чиновниковъ-инспекторовъ, которые слѣдили за мельчайшими подробностями жизни въ провинціи и (конечно, не съ одинаковымъ усердіемъ!) доносили о ней властелину. Отъ наблюдательности преданныхъ слугъ царя зависѣло въ значительнѣйшей степени внутреннее положеніе государства.

Четвергъ, 31 января (12 февраля).

Гладь морей полуденныхъ
Въ переливахъ свѣта
Бирюзовой дымкою
Празднично одѣта.

Ясное благоухающее утро, — одно изъ тѣхъ, когда душа сама себя исцѣляетъ отъ усталости созерцаніемъ гармоніи міра и отрѣшенности свободного духа «отъ всего, что влачится въ пыли».

Изъ лазурныхъ водъ океана, изъ чертоговъ бога Вишну, поднялся намъ на встрѣчу очарованный островъ, вокругъ котораго творчество индійскаго міѳа, буддійскихъ легендъ и мусульманскаго или точнѣе арабскаго простонароднаго преданія сплели и до нашихъ дней сплетаютъ вѣнокъ поэзіи въ ореолѣ святости и красоты. Цейлонъ! Безчисленные путешественники, ученые географы среднихъ и новѣйшихъ вѣковъ, наконецъ за послѣднее время болѣе разносторонніе историки Востока, — всѣ говорили въ упоительно-восторженныхъ выраженіяхъ о цвѣтущемъ уголкѣ земнаго шара, окаймленномъ морскою пѣною у южной оконечности только-что покинутого нами полуострова. Греки и римляне, бирманцы и кашмирцы, сіамцы и граждане Небесной имперіи, весь ближайшій къ Цейлону сѣверъ (до пригималайскихъ странъ включительно), мореплаватели съ береговъ Аравіи и Персіи, отважные воины подъ стягомъ португальскаго короля, медлительно-упорные колонизаторы-голландцы, кто только изъ нихъ не соприкасался съ Цейлономъ, не грезилъ и не любовался имъ, не разносилъ о немъ радужную вѣсть и сказочныя представленія по цѣлому міру! Однако, — несмотря на крайнюю доступность острова, раскинутого такъ-сказать на перепутьи между восточными и западными странами, — несмотря на то, что онъ издавна служилъ звеномъ между ними и широко былъ всегда сопричастенъ культурно-международнымъ сношеніямъ, — о его географическомъ положеніи долго никто не имѣлъ вполнѣ опредѣленнаго понятія. Размѣры Цейлона рисовались въ крайне преувеличенномъ видѣ, иногда онъ даже смѣшивался со столь на него непохожей Суматрою. Уже индусы-космографы по размѣрамъ считали Ланку («блестящую») отдѣльнымъ материкомъ, вдающимся далеко въ море отъ юго-восточной части ихъ роднаго полуострова. Западъ на первыхъ порахъ усвоилъ себѣ подобный взглядъ и, фантазируя въ такомъ направленіи, рисовалъ себѣ Цейлонъ сушею, соединяющею Африку съ Китаемъ. Эллины македонской эпохи мало разсѣяли заблужденій по этому поводу и послѣднія продержались до XVI столѣтія. Только Аристотель въ главѣ III «De mundo» пытался съузить очертанія неизслѣдованнаго острова и высказывалъ предположеніе, не меньше-ли онъ Британіи. Самъ Марко Поло не опровергъ господствовавшихъ предразсудковъ и, одинаково съ буддійскими

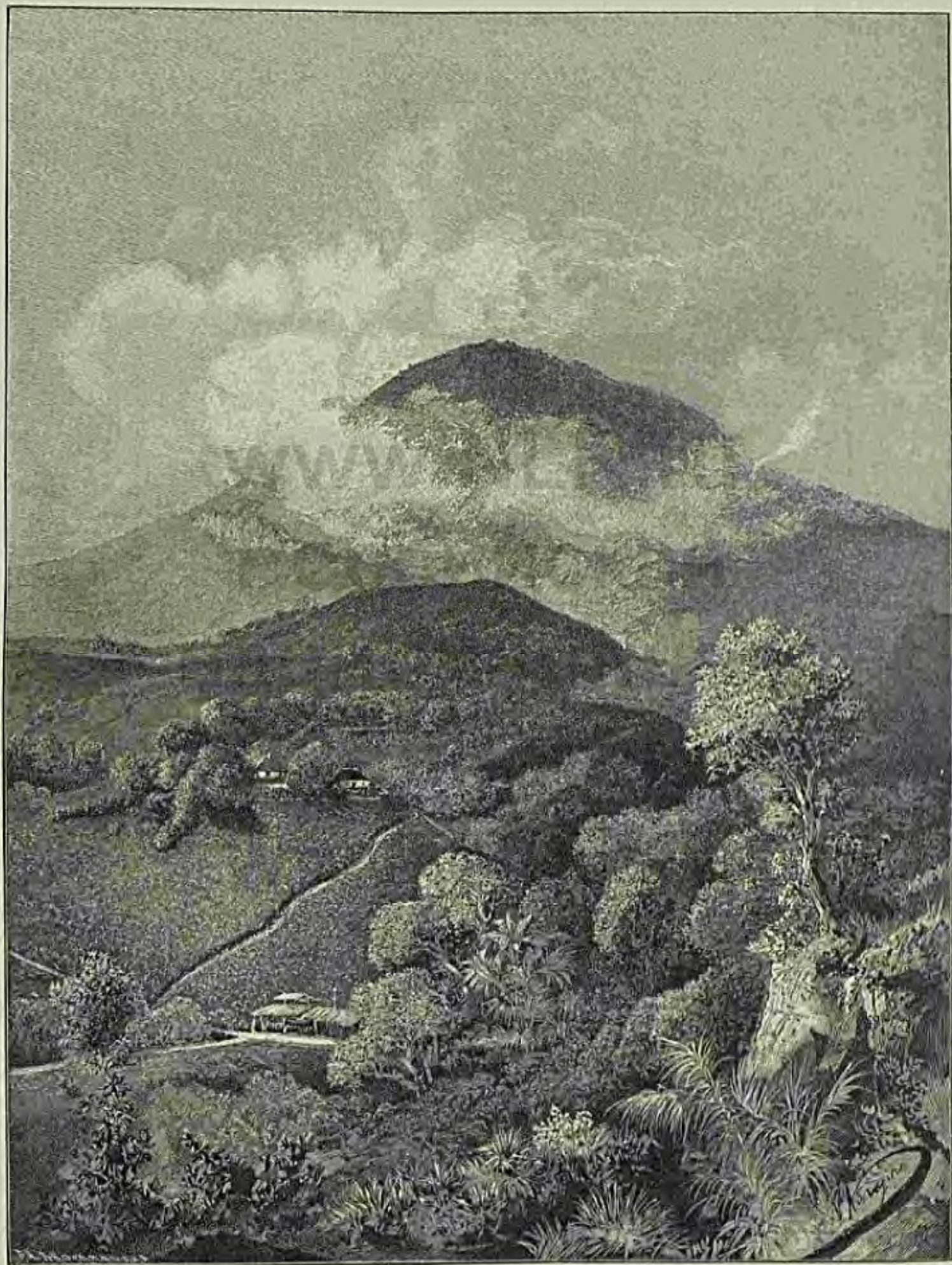
туземными лѣтописями, приписываетъ Цейлону древности значительно большій объемъ, на который будто-бы пагубно повліяли стихійныя силы природы, — между прочимъ еще въ IV столѣтіи нашей эры.

Историческая жизнь острова находится въ тѣсной зависимости отъ всего того, что происходило въ южной Индіи и въ Декканѣ, — отчасти-же даже обусловлена была нарожденіемъ могущественнаго буддизма на сѣверо-востокѣ полуострова, откуда онъ широкими волнами, размывая наслоенія браминской религіи, прорвался за предѣлы своей родины и, наводняя цѣлую Азію, не могъ не кинуть ростковъ и дѣйствительно пустилъ глубокіе корни на дивной Ланкѣ, гдѣ на высотахъ величавой Адамовой горы туземцы издревле хотятъ видѣть слѣды ногъ «учителя-Будды». Въ доисторическія времена Цейлонъ населяла темнокожая и некрасивая раса, стоявшая на очень низкой степени культурнаго развитія. Когда изъ цвѣтущаго царства Магады (у Ганга) на дальній югъ устремились предпріимчивые воители съ міросозерцаніемъ арійскаго характера, — они въ нѣкоторомъ родѣ явились тамъ піонерами цивилизаціи, насадителями земледѣлія и ремеслъ, борцами за религіозныя идеи. Благодаря конечной побѣдѣ пришельцевъ надъ полудикими островитянами, изъ Бенгаліи по слѣдамъ единоплеменниковъ скоро направились новые выходцы. Привлекая къ себѣ соотечественниковъ, князья-завоеватели постепенно набирались силъ и энергіи въ своемъ полумирномъ воздѣйствіи на аборигеновъ Цейлона. Приходъ буддійскихъ монаховъ, закладка монастырей, разцвѣтъ учености, сооруженіе замѣчательныхъ архитектурныхъ памятниковъ и т. п. и т. п. довершили духовное торжество сѣверныхъ началъ надъ туземными.

Грустная исторія первоначальнаго воздѣйствія колонизаторовъ съ Запада на ни въ чемъ неповинное населеніе Цейлона съ одной стороны крайне поучительна для мыслящихъ русскихъ людей, подтверждая ранѣе высказанные мною взгляды на ненормальность отношеній Европы къ народамъ Востока; но съ другой стороны свидѣтельствуетъ и о томъ, до какой степени эти народы въ сущности способны были давать надлежащій отпоръ врагу, пока его губительное отчасти вторженіе въ ихъ сферу, въ связи съ зависимостью послѣдняго отъ совершенно постороннихъ Азіи политическихъ причинъ, не заставляло туземцевъ все покорнѣе и покорнѣе склоняться передъ наступленіемъ германо-романской расы.

Становясь твердой ногой на индійскомъ побережьѣ и порываясь далѣе на востокъ: къ цвѣтущей Малаккѣ и морямъ, омывающимъ Китай, португальцы сначала не обращали вниманія на Цейлонъ и не находили нужнымъ развѣтвлять своихъ силъ на безполезныя войны ближе къ Гоа. Только случайно, преслѣдуя съ безпощаднымъ упорствомъ ненавистныхъ мусульманскихъ купцовъ и мореплавателей, сыны Лузитаніи вошли въ одну цейлонскую гавань (гдѣ тѣ какъ разъ въ видѣ груза принимали многоцѣнныхъ мѣстныхъ слоновъ!) и постепенно завязали переговоры съ довольно безвластнымъ королемъ (Пракрама Баху IX), правившимъ тогда недалеко отъ Коломбо. Мѣстный царь не хотѣлъ давать въ обиду весьма ему полезныхъ и чрезвычайно дѣятельныхъ магометанъ, но въ то же время не прочь былъ и отъ выгодной торговли, и отъ заманчиваго союза съ видимо богатыми и хорошо вооруженными пришельцами. На первыхъ же порахъ эти взаимоотношенія ясно опредѣлились какъ неестественныя и коварныя. Фанатичные и легко опьяняемые успѣхомъ португальцы вскорѣ заносчиво взглянули на строй и бытъ Цейлона, гдѣ въ свою очередь не замедлили выразиться непріязненные чувства къ закованнымъ въ броню иноземцамъ.

Высадившійся и укрѣпившійся въ Коломбо отрядъ вице-короля изъ Гоа (за неимѣніемъ камня для построекъ солдаты собирали пустыя раковины жемчужныхъ устрицъ и

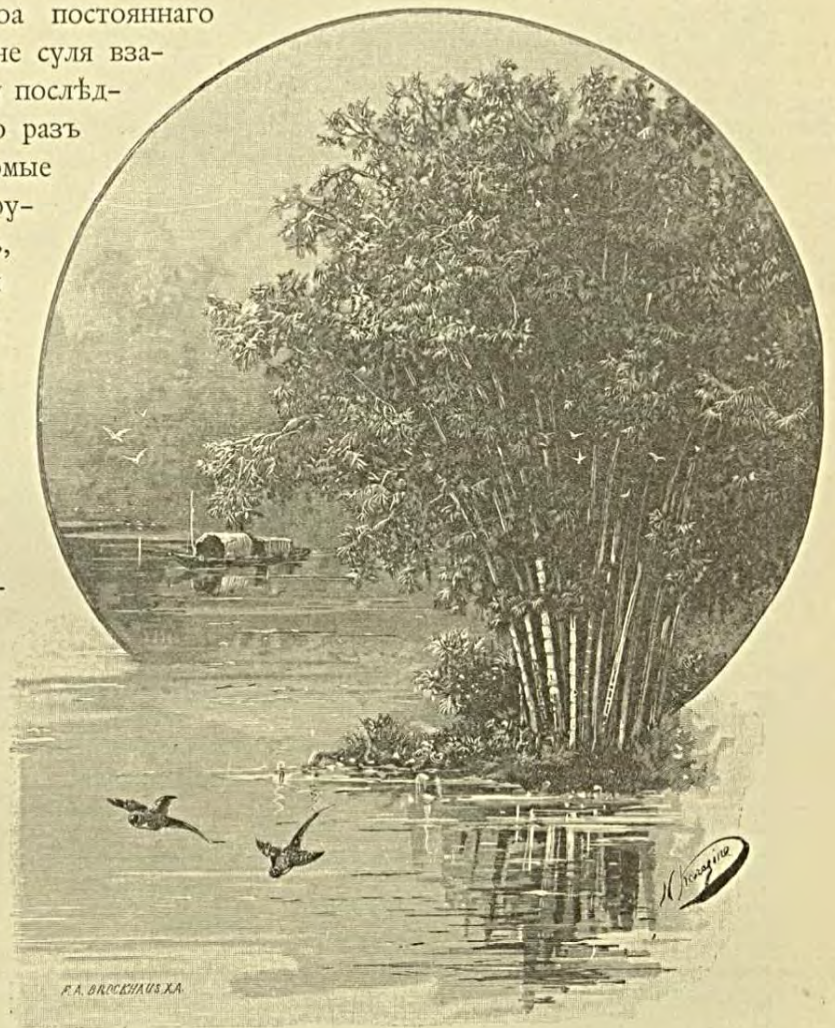

ЯВАНСКІЙ ВУЛКАНЪ.

жгли изъ нихъ цементъ) не на шутку сдѣлался подозрительнымъ и опаснымъ для туземцевъ. Кровавое столкновение съ ними привело цейлонцевъ къ еще болѣе ожесточеннымъ распрямъ и схваткамъ съ непріятелемъ, каковыя потомъ и не прекращались въ теченіе полутора вѣка, — причемъ холодная жестокость европейскихъ воиновъ по истинѣ могла поспорить съ единичными фактами дикихъ казней и пытокъ, которыми неустойчивые на своемъ престолѣ мѣстные царьки силились внушить къ себѣ въ колебавшихся подданныхъ больше уваженія и страха. Португалія досадно запуталась на Цейлонѣ въ чуть-ли не непрерывныхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ туземцевъ.

Островъ сталъ требовать отъ Гоа постоянного боеваго напряженія, ничего ровно не суля взаимнѣ. Любопытно, что на подмогу послѣднимъ изъ Индіи являлась нѣсколько разъ ратная сила малабарцевъ. Незнакомые съ употребленіемъ огнестрѣльнаго оружія, при появленіи португальцевъ, туземцы-буддисты вскорѣ превзошли своихъ учителей по умѣнью обращаться съ нимъ и въ искусствѣ его изготовлять. Ружья съ Цейлона по всему Востоку стали извѣстны по своимъ прекраснымъ качествамъ и дорогой художественной насѣчкѣ; даже во Франціи не могли соперничать въ то время съ первоклассными оружейниками Цейлона. Энергичные патріоты организовали армію внутри страны и, спускаясь съ горъ, повели рядъ нападений на Коломбо. Однажды туземцамъ удалось такимъ желѣзнымъ кольцомъ стянуть его, что, изнемогая отъ ужасовъ осады, европейцы солили тѣла убитыхъ, дабы имѣть мясо про запасъ, и въ мукахъ голода матери рѣшались ѣсть своихъ дѣтей. Этимъ отчасти объясняется, почему озвѣрѣлые португальскіе

солдаты въ разгаръ неистоваго взаимоистребленія постепенно теряли всякое чувство мѣры, при расправѣ съ побѣжденными, и возмутительно насиловали инородческое населеніе, ознаменовывая моменты торжества и владычества надъ нимъ недостойнѣйшими жестокостями и безчеловѣчными поступками. Для примѣра, до чего могли доходить воины-христіане у Коломбо (какихъ-нибудь 300 лѣтъ тому назадъ!), стоитъ припомнить хотя-бы слѣдующій случай. Одного отважнаго цейлонца довелось взять въ плѣнъ: солдатъ-португалецъ, желая такъ-сказать воспринять его храбрость, подошелъ къ узнику, вырѣзалъ у него трепещущее сердце и принялся жадно пить его кровь . . .

ГИГАНТСКІЕ БАМБУКИ НА ЦЕЙЛОНѢ.

Вожаки неуступчивой національной партіи на Цейлонѣ вели войну противъ «бѣлыхъ» съ далеко неодинаковымъ успѣхомъ. Пользуясь помощью мусульманъ, они тѣмъ не менѣе въ минуты опасности постыдно предавали ихъ и даже какъ-то подарили португальцамъ головы этихъ злополучныхъ союзниковъ, воткнутыя на копья.

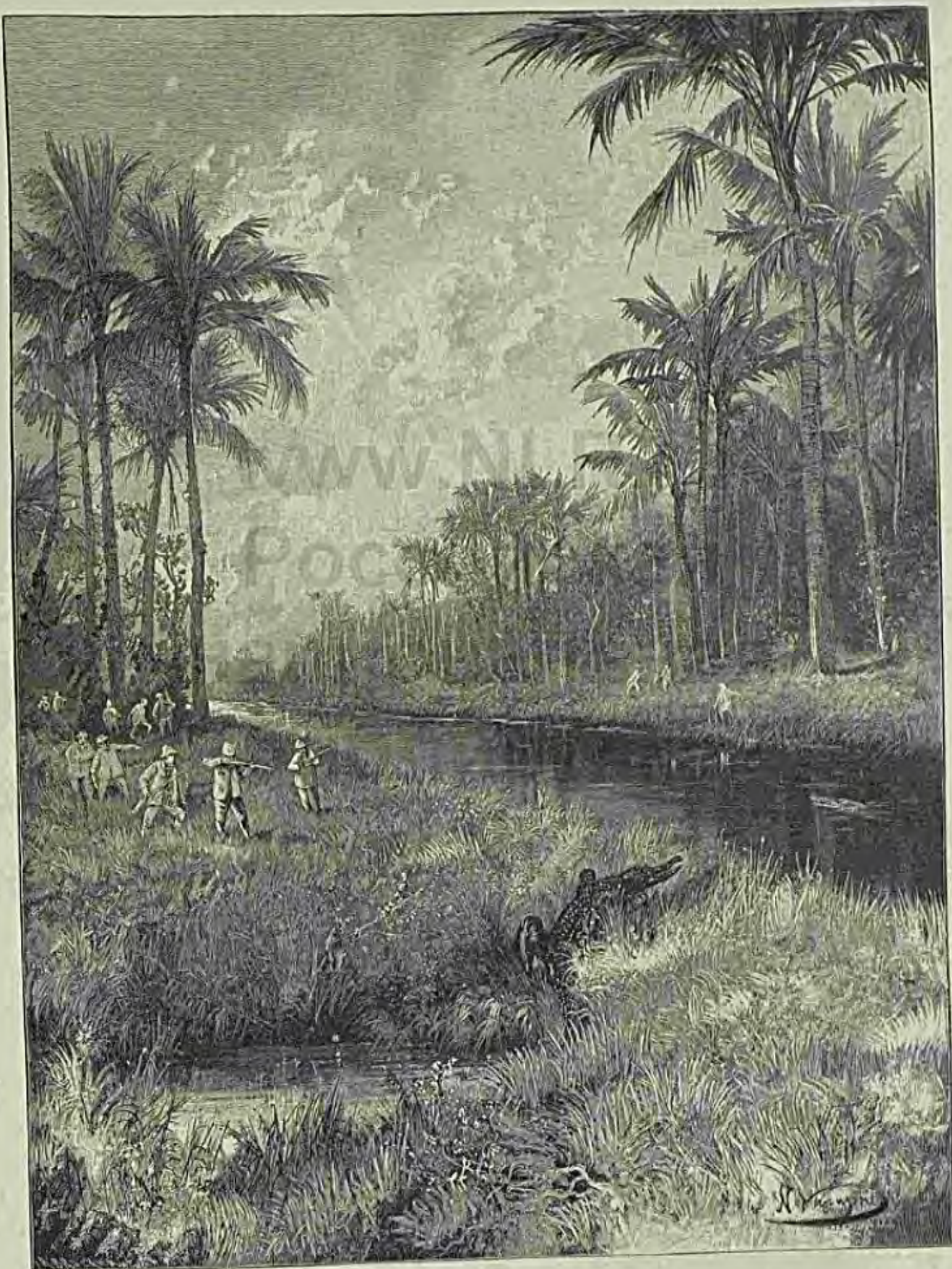

ПРІЕМЪ ВЪ КОЛОМБО.

Безпомощные въ низовинахъ близъ Коломбо и чуждые горцамъ — соотечественникамъ короли острова, заискивая въ дружбѣ иноземцевъ, видѣли въ нихъ отчасти покровителей на случай интригъ придворнаго характера и заступниковъ со стороны самостоятельныхъ туземцевъ. Когда бывало нужно, эти номинальные главы народа и ихъ семьи принимали даже христіанство, получая имена: донъ Жуана, донъ Филиппа, донны Катарини и т. п. На поприщѣ обращенія особенно дѣятельно трудились здѣсь францисканскіе монахи.

Домогаясь признанія одного отрока-внука своимъ наслѣдникомъ, слабохарактерный цейлонскій царь Буванека VII послалъ его золотую статую — при вѣнцѣ, усыпанномъ драгоценностями, — въ Лиссабонъ и ее тамъ съ подобающими

почестями короновали въ 1541 г. Тѣмъ временемъ однако доступъ внутрь страны былъ какъ и прежде невыносимъ для португальцевъ. Направлявшіеся туда военныя экспедиціи или отбивались, или истреблялись. Лишь немногія могли короткое время продержаться въ Канди, одной изъ горныхъ столицъ острова. Могущество лицъ, фактически правившихъ Цейлономъ,росло въскорѣ до того, что новый самозванный властелинъ Раджа Синга («царь-левъ») имѣлъ возможность двигать съ возвышенностей на Коломбо 50-тысячную

ОХОТА НА ЯВЪ.

армію, 2000 слоновъ и колоссальнѣйшій обозъ, запряженный быками. Цейлонцы обзавелись даже своими судами для серьезныхъ морскихъ столкновений съ португальцами; послѣдніе, не желая оставаться въ долгу, нещадно принялись истреблять селенія вдоль побережья, гдѣ имъ почему-нибудь казалось, что въ населеніи преобладаютъ непріязненные чувства: при этомъ спокойно отрубались руки и ноги у дѣтей, чтобы только удобнѣе сорвать съ нихъ золотыя и серебряныя украшенія.

Тысячи кумировъ Будды изъ камня и бронзы низвергались католиками на землю; на глазахъ у матерей солдаты съ Запада поднимали на копья малютокъ; бѣлые варвары тѣшили кромѣ того кормленіемъ крокодиловъ многочисленными плѣнниками. Мѣстами чудовища до того привыкали лакомиться человѣческимъ мясомъ, что стоило свиснуть и десятки отвратительныхъ головъ подымалось изъ воды на встрѣчу жертвамъ. Крещеніе инородцевъ силою или обманомъ за мнимыя почести и презрѣнный металлъ, конечно практиковалось въ ту пору португальцами безъ зазрѣнія совѣсти. Немудрено, если прибрежные жители толпами бѣжали въ джонгли и въ горы, предпочитая жить въ изгнаніи и по-звѣриному чѣмъ покоряться чужанамъ-изувѣрамъ. Дурная слава о свирѣпости европейцевъ такъ долго продержалась въ странѣ, что даже и послѣ того, какъ португальцы были вытѣснены другими колонизаторами, кандійскій король въ 1664 г. отправилъ въ голландское Коломбо провинившагося сановника, съ просьбой испробовать на немъ какую-нибудь утонченную пытку, т. е. казнить его съ чисто западнымъ безсердечіемъ. Въ результатѣ антагонизмъ усиливался и португальское правительство вынуждено было содержать на островѣ 20,000 человѣкъ постоянного войска, — изъ коего, правда, лишь $\frac{1}{20}$ долю составляли сами сыны Лузитаніи. При подобныхъ условіяхъ торговля не могла развиваться, а расходы на военное дѣло дѣлались все непосильнѣе. Хотя туземцы и призывались въ ряды солдатъ вице-короля, но на нихъ, очевидно, мало рассчитывали и ратная подмога чаще присылалась извнѣ: или съ малабарскаго берега, или изъ земли кафровъ. Послѣдніе вскорѣ проявили тутъ хорошія боевыя качества. Коломбо разросся, вмѣстилъ тысячи благородныхъ лузитанскихъ семействъ, обстроился христіанскими храмами и монастырями.

Чѣмъ-то вродѣ освободителей Цейлона отъ португальскаго ига на первыхъ порахъ явились упорные голландцы. Они, какъ нація, первоначально и не помышляли о самостоятельной торговлѣ съ дальнимъ Востокомъ, довольствуясь посылкой судовъ въ лиссабонскую гавань, для ввоза товаровъ и пряностей Индіи на сѣверъ. Но когда испанскій король Филиппъ II, увѣнчавшись въ 1580 г. португальской короной, изъ ненависти къ еретикамъ-голландцамъ конфисковалъ ихъ судовый караванъ у Лиссабона, — имъ поневолѣ пришлось искать прямого пути въ Азію и тамъ столкнуться съ португальцами на правахъ равныхъ съ равными. Въ результатѣ у первыхъ возникла своя колоніальная политика, создались свои громадныя интересы за тридевять земель и цвѣтущій, заманчивый Цейлонъ естественно привлекъ взоры мореплавателей, простершихъ до Явы вліяніе родной Голландіи. Ея представители съ первыхъ-же годовъ XVII в. попытались заручиться расположеніемъ правителей Канди, отрядили туда нѣсколько посольствъ, охотно вмѣшались въ распрю цейлонцевъ съ латинянами.

Въ 1602 г. пришелъ на Цейлонъ первый голландскій корабль «Овечка», подъ начальствомъ адмирала Шпильберга. Кандійскій король, провозгласившій себя около того времени императоромъ острова, — въ отличіе отъ другихъ вождей, пытавшихся присвоить себѣ царскій санъ, — проявилъ весьма понятную въ данномъ случаѣ подозрительность по отношенію новаго элемента съ Запада; у туземцевъ зарождалась понятная мысль, не являются ли голландцы замаскированными врагами, а пожалуй еще и переодѣтыми португальцами:

въ концѣ концовъ царь принялъ адмирала-посла, снабженнаго вѣрительными грамотами отъ принца Оранскаго. Шпильбергъ встрѣченъ былъ въ нагорной столицѣ почетнымъ карауломъ изъ тысячи человѣкъ, — при знаменахъ и отчасти даже при оружіи, отбитомъ у португальцевъ. Въ торжественномъ шествіи, устроенномъ въ часъ пріема, участвовали «бѣлые» плѣнники съ отрѣзанными въ знакъ ихъ безпомощности ушами! Адмиралъ положилъ къ ногамъ кандійскаго владыки голландскій флагъ и почему-то также португальскій, — причемъ постарался убѣдить короля, будто Голландія преслѣдуетъ исключительно одну цѣль: считать его враговъ своими врагами. Растроганный правитель заключилъ посла въ объятія и позволилъ ему приступить къ постройкѣ

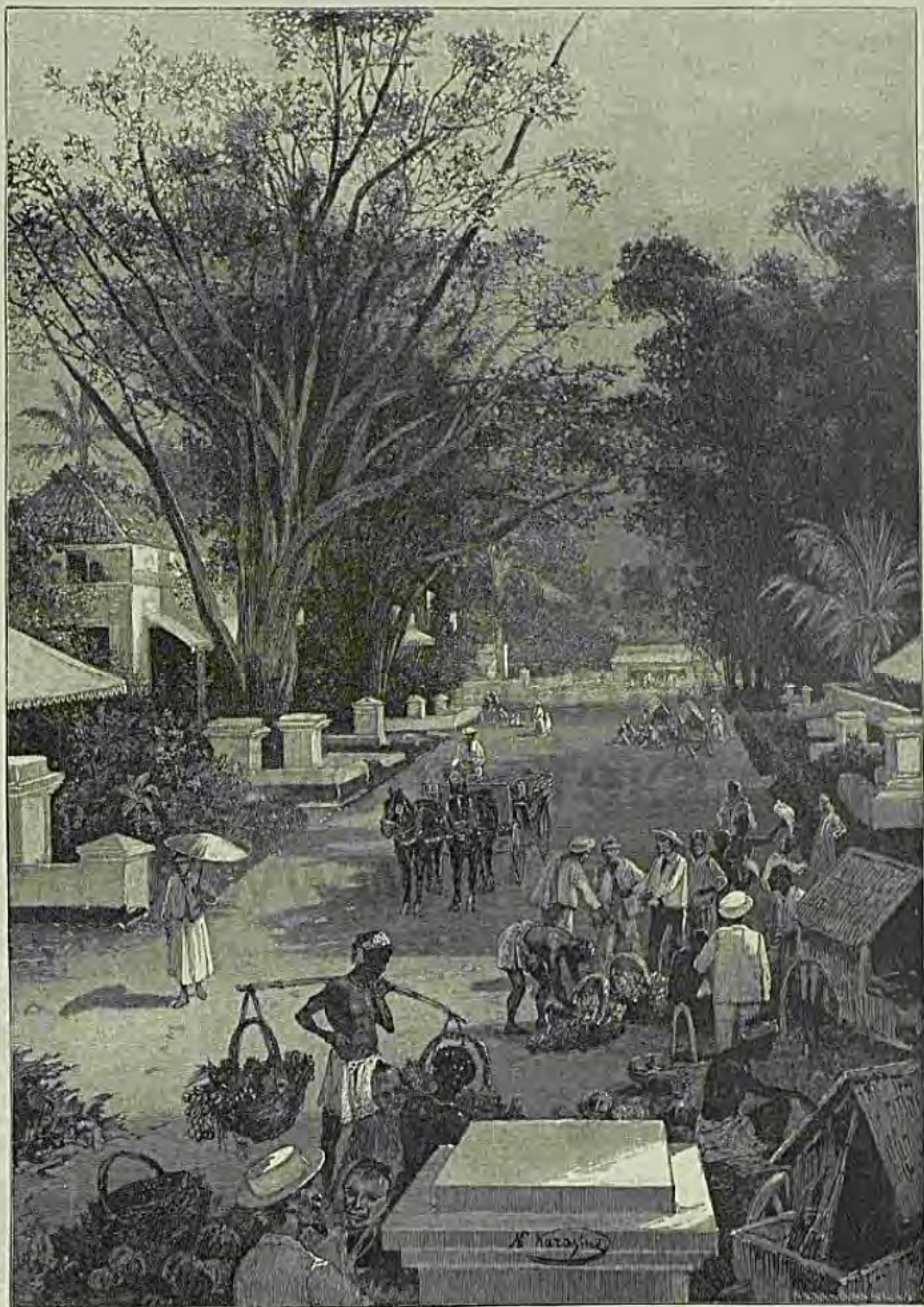
укрѣпленій на берегу, добавивъ, что, если потребуется, — онъ — царь пошлетъ свою царицу и дѣтей помогать голландцамъ въ столь важной работѣ. Въ доказательство искренности своихъ намѣреній адмиралъ приказалъ схватить первое попавшееся ему на встрѣчу португальское судно съ грузомъ и представилъ его въ даръ кандійскому повелителю. Вначалѣ дѣло сближенія двухъ доселѣ чуждыхъ другъ другу народовъ на взглядъ быстро подвинулось впередъ; но когда Шпильбергъ отбылъ съ Цейлона, замѣститель адмирала (Sibalt de Weert) слишкомъ явно пересталъ радѣть о пользѣ цейлонцевъ и выказалъ въ этомъ отношеніи много эгоизма. Однажды, въ состояніи опьяненія, представителъ Голландіи даже оскорбилъ царя, за что придворные, по собственному почину, умертвили дерзкаго вмѣстѣ съ его свитой. Цейлонскій императоръ послалъ тогда ихъ соотечественникамъ посланіе, оригинально составленное въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Богъ справедливъ. Кто пьетъ, того постигаютъ несчастія. Если вы ищете мира, то пусть будетъ миръ, — если войны, то пусть загорится война». Нидерландское правительство, — очевидно, изъ осторожности, — не рѣшилось пренебречь торговыми выгодами во имя престижа націи и потому связь между двумя странами, несмотря на пролитую кровь, продолжалась по старому. Новый посолъ, отправленный въ

ЦЕЙЛОНКА.

Канди — Boschouwer весьма искусно повелъ всякіе переговоры и до того вкрался въ довѣріе царя, что сдѣлался его ближайшимъ руководителемъ, получилъ санъ «князя Анурадануры», болѣе древней столицы острова и «рыцаря солнца», а также «предсѣдателя военнаго совѣта» въ Канди и «генералъ-адмирала цейлонской флотиліи».

Португальцы понимали, что дѣло принимаетъ нежелательный для нихъ оборотъ, дважды пробивались съ большой отвагой въ нагорный край къ столицѣ, но безуспѣшно... Тѣмъ временемъ «анураданурскій князь» ѣздилъ въ Голландію и просилъ у штатовъ неотложной помощи Цейлону, — чего ему однако послѣдніе не пожелали дать въ виду гордости и независимости, съ которой онъ себя передъ ними держалъ, дѣйствуя не какъ

УЛИЦА ВЪ БАТАВИИ.

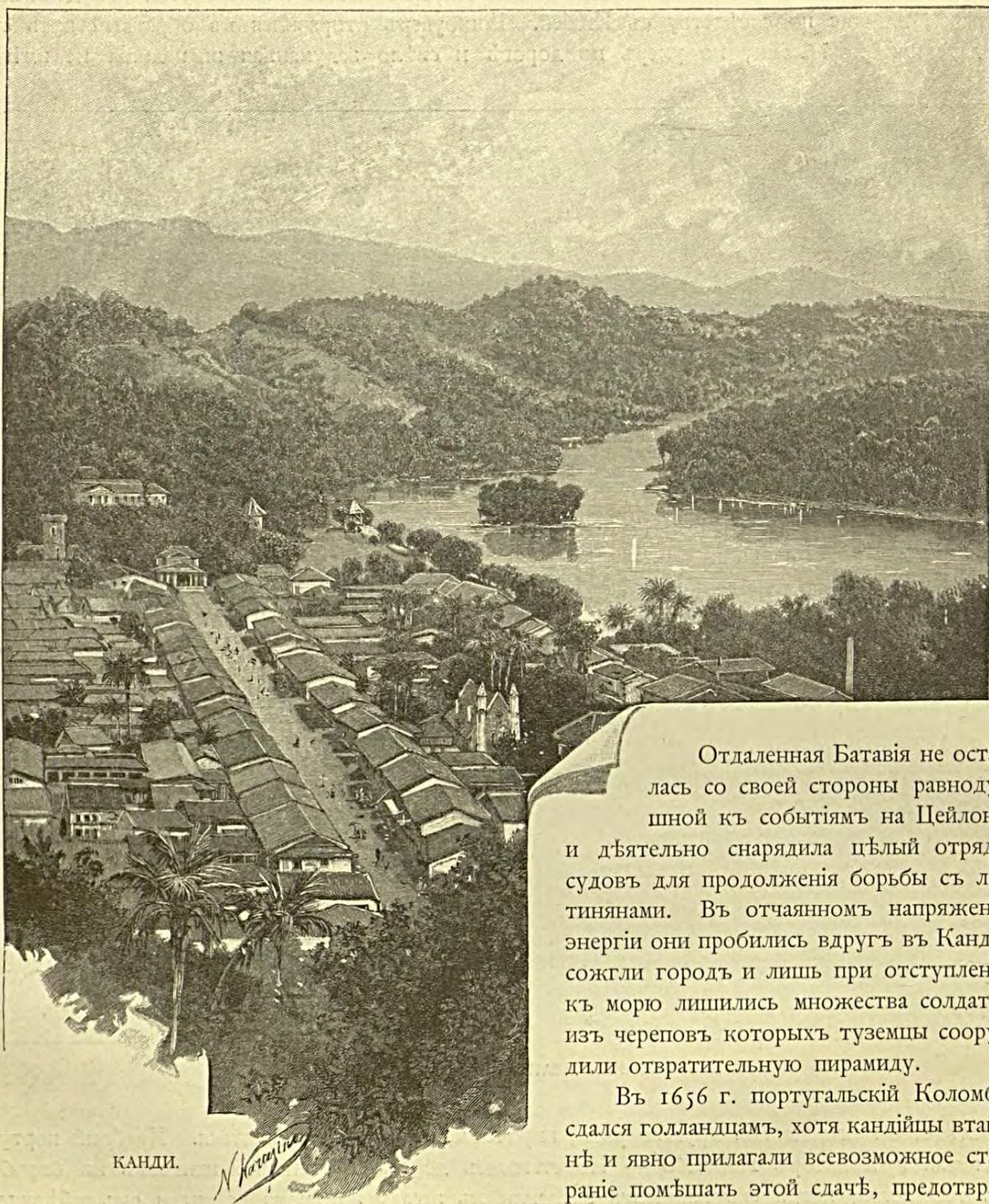
представитель голландскихъ интересовъ, а какъ одинъ изъ вождей буддѣйскаго населенія. Тогда онъ склонилъ на свою сторону датскаго короля Христіана IV, понимавшаго, какъ полезно для всякаго западнаго народа встать твердою ногою на перепуты полуденныхъ странъ, да еще по сосѣдству съ Индіей. Бошоуверъ отправился въ обратный путь съ 5 датскими кораблями, но умеръ по дорогѣ и смѣло задуманная экспедиція не имѣла

ЧАЙНАЯ ПЛАНТАЦІЯ НА ЦЕЙЛОНѢ.

послѣдствій: послѣдствія другаго рода, впрочемъ, не замедлили явиться. Храбрый португальскій губернаторъ Коломбо — Константинъ де Саа постепенно изнемогъ въ борьбѣ съ туземцами; когда его наконецъ завлекли въ засаду во время войны и онъ убѣдился въ невозможности съ честью пробиться сквозь ряды непріятеля, — то велѣлъ рабу подать себѣ воды и затѣмъ ударомъ кинжала въ сердце покончилъ съ собою, а его окровавленная голова вскорѣ на барабанѣ поднесена была ликующими подданными цейлонскому императору. Онъ же всетаки по малодушію не чувствовалъ у себя почвы подъ ногами и

въ припадкѣ какого-то безумія обязался, несмотря на одержанныя его войскомъ побѣды, ежегодно въ видѣ новой дани посылать португальцамъ двухъ слоновъ.

КАНДИ.

Отдаленная Батавія не осталась со своей стороны равнодушной къ событіямъ на Цейлонѣ и дѣятельно снарядила цѣлый отрядъ судовъ для продолженія борьбы съ латинянами. Въ отчаянномъ напряженіи энергіи они пробились вдругъ въ Канди, сожгли городъ и лишь при отступленіи къ морю лишились множества солдатъ, изъ череповъ которыхъ туземцы соорудили отвратительную пирамиду.

Въ 1656 г. португальскій Коломбо сдался голландцамъ, хотя кандійцы втайнѣ и явно прилагали всевозможное стараніе помѣшать этой сдѣлкѣ, предотвратить ее и вообще препятствовать уси-

ленію обоихъ пришлыхъ элементовъ, но было поздно . . .

Послѣ болѣе чѣмъ столѣтняго нидерландскаго господства на островѣ (при бурной и оскорбительной оппозиціи изъ Канди) Мадрасъ завистливымъ окомъ сталъ взирать на

МУЗЫКА НА ЯВѢ.

богатую колонию соперниковъ по торговлѣ, завелъ переговоры о союзѣ съ недовольною нагорною столицею и, когда послѣдніе дома пострадали отъ республиканской Франціи, занялъ побережье почти врасплохъ, подкупивъ голландца-губернатора и переманивъ на свою сторону чужихъ наемныхъ солдатъ — швейцарцевъ. Остальной возмущенный гарнизонъ хотѣлъ бороться, но не имѣлъ силъ и дисциплины.

Первые англійскіе администраторы оказались не изъ удачныхъ и гораздо хуже предшественниковъ своихъ на Цейлонѣ стали имъ управлять, нисколько не справляясь съ потребностями и обычаями кореннаго населенія. Параллельно шли интриги возстановить противъ кандійскаго короля, — ведшаго родъ отъ знатныхъ телугу изъ Мадурѣ, по родственнымъ связямъ съ прежней туземной династіей воцарившихся въ Канди, — властолюбивыхъ потомковъ болѣе древней царской крови. Такъ какъ проникать въ глубь острова было опасно, то для экспедицій туда взяли сипаевъ изъ Индіи и малайцевъ: «бѣлые» предпочитали руками азіатовъ завоевывать себѣ лучшія части Азіи и только изрѣдка принимать непосредственное участіе въ нешуточной борьбѣ. За то это послѣднее далеко не всегда вѣнчалось успѣхомъ: въ 1803 г. кандійцы, при помощи переселенныхъ на Цейлонѣ кафровъ, сразу вырѣзали 300 чело-вѣкъ англичанъ въ Канди, принятыхъ тамъ въ видѣ временнаго оккупационнаго отряда. Любопытно, что тогда-же туземцы взяли въ плѣнъ и пощадили 700 солдатъ-малайцевъ, безчеловѣчно дравшихся съ ними отравленными кинжалами (крисъ), но не казнили ихъ.

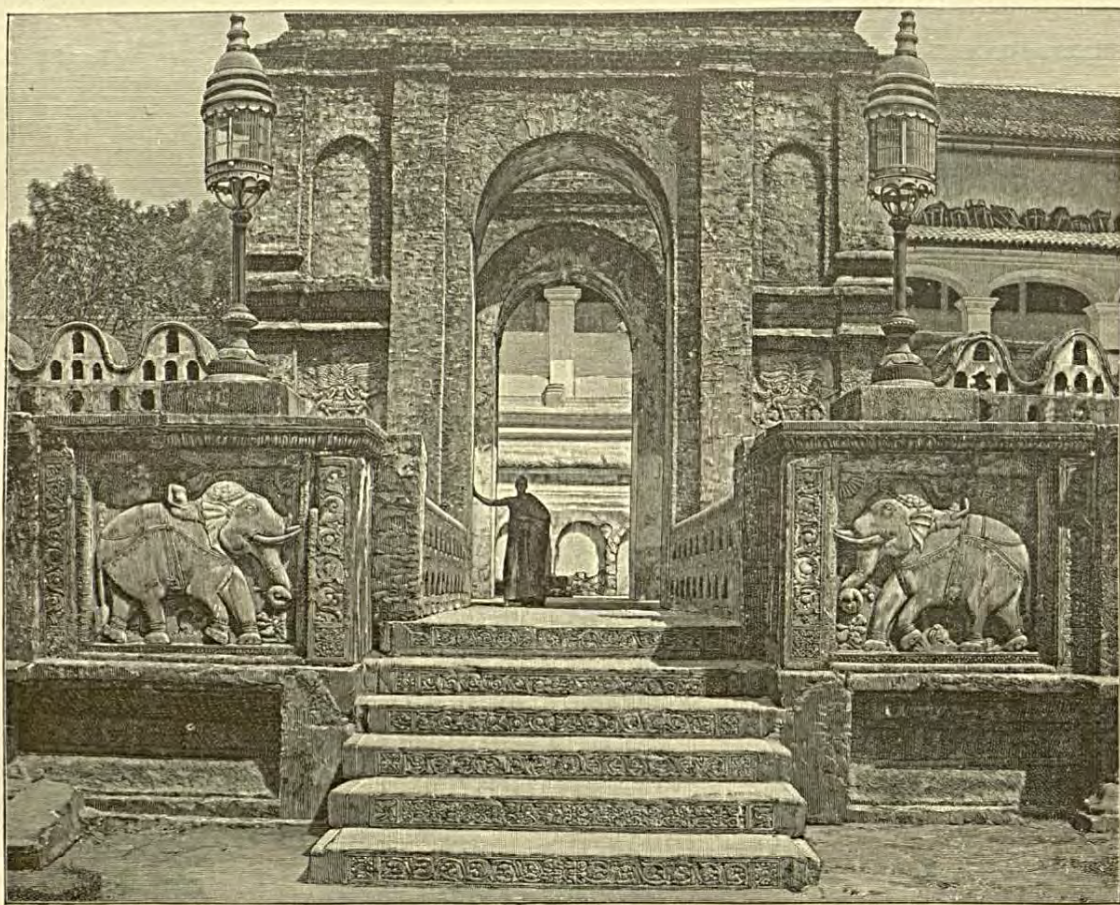
Власти Коломбо не скоро собрались отомстить за рѣзню. Правда, одинъ офицеръ съ горстью людей геройски пробился въ горы, однако не могъ тамъ удержаться и отсту-

УРОЖЕНКА ЦЕЙЛОНА.

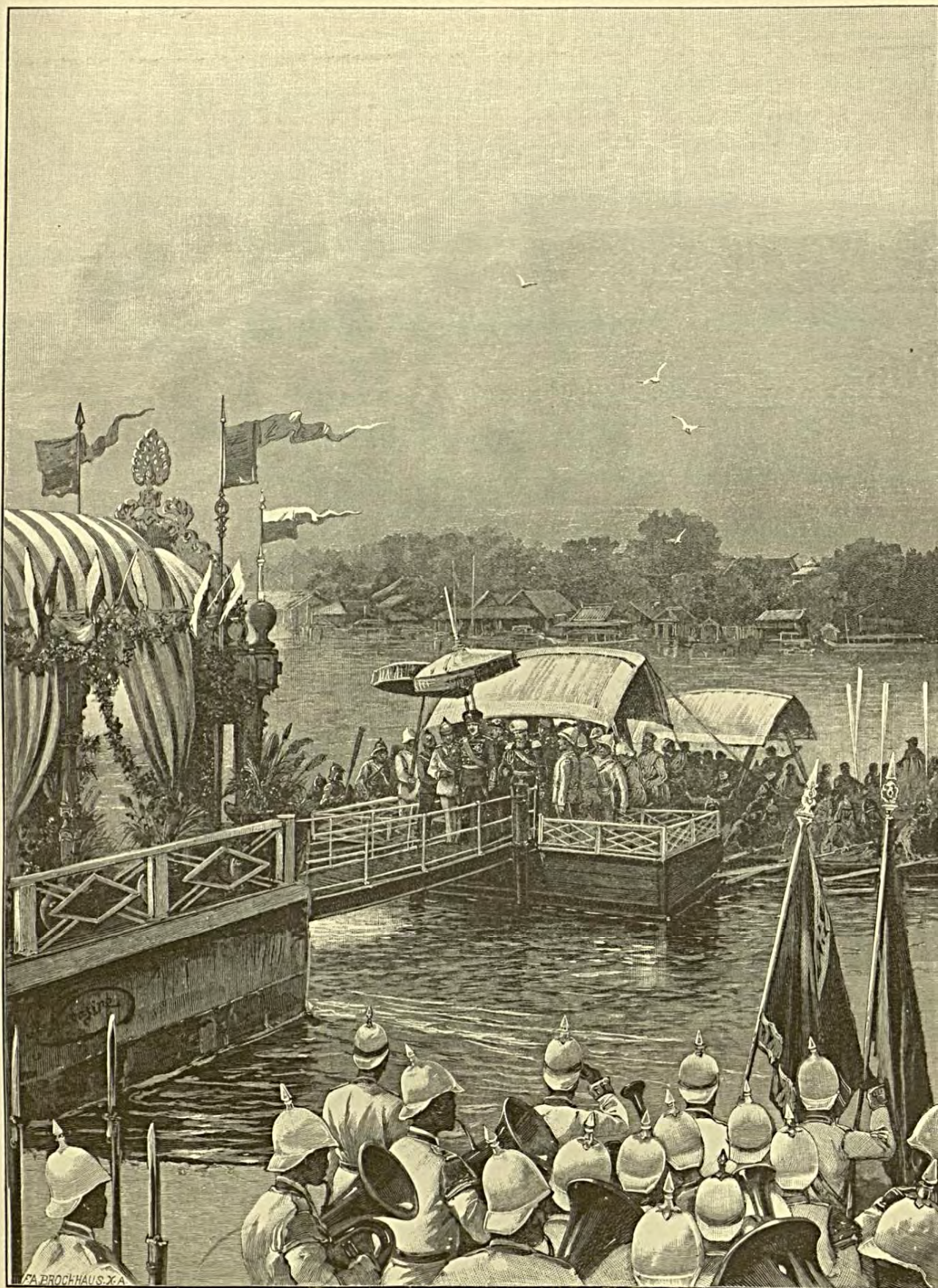
пилъ. Европейцы до 1815 г. ограничились истребленіемъ посѣвовъ у непокорныхъ инородцевъ сожженіемъ храмовъ и деревень, истребленіемъ плодовыхъ деревьевъ и т. п. Король, въ свою очередь, приказывалъ хватать иноземныхъ купцовъ, считавшихся британскими подданными, и отсылалъ ихъ къ морю съ отрѣзанными носами. Такой удивительный порядокъ вещей продлился до момента внутреннихъ смутъ на островѣ, воспользовавшись коими англичане удачно заняли столицу и смѣстили правителя, къ счастью для нихъ неугоднаго народу за необычайную жестокость по отношенію къ своимъ.

Девятый часъ утра. Русскіе фрегаты по обычаю торжественно привѣтствуемы на рейдѣ Коломбо. Кромѣ пришедшаго непосредственно передъ ними «Turquoise», въ гавани

БУДДІЙСКОЕ СВАТИЛИЩЕ.

находятся разцвѣченныя флагами англійскія военныя суда «Boadicea», подѣ флагомъ вице-адмирала Фримантъ, и «Brisk». Страннаго типа лодки (такъ-называемыя «outriggers») — узкіе челноки съ бревномъ, прикрѣпленнымъ на нѣкоторомъ разстояніи сбоку для равновѣсія — мелькаютъ вокругъ насъ, напоминая, что уже въ лицѣ ихъ начался малайскій Востокъ (ибо сроднившіеся съ океаномъ арабы и мореплаватели съ индійскихъ побережій такой конструкціи не держатся); въ причудливой зелени сверкаетъ городъ; пальмы киваютъ листвою съ песчаныхъ низкихъ полосъ суши, словно затопляемой прибоемъ... Но нашему взору внятна и мила не эта картина. «Афродиты, родившейся изъ серебряной пѣны полуденныхъ морей» (я разумѣю Цейлонъ) сперва какъ-то не замѣчаешь: вниманіе поглощено присутствіемъ Великокняжеской яхты «Тамары», на которой только-что прибыли

ПРИЕМЪ ВЪ БАНГКОКЪ.

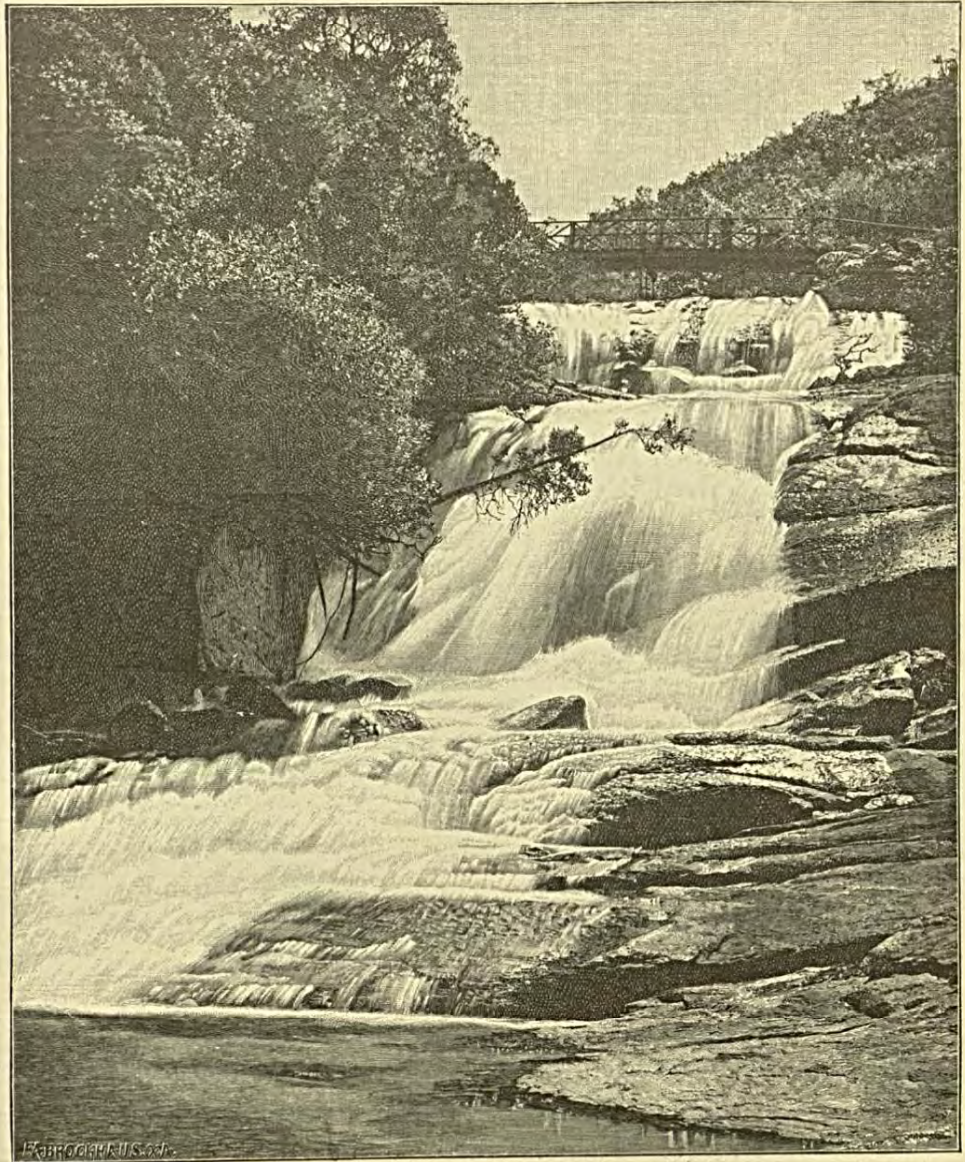
сюда и находятся въ ожиданіи Цесаревича И. И. Высочества Великіе Князья Александръ и Сергій Михайловичи.

Августѣйшіе Братья встрѣчены на «Азовѣ» карауломъ и музыкой. Съ Ними прїѣзжаютъ представиться Престононаслѣднику Ихъ спутники: и раньше того много постранный натуралистъ Густавъ Ивановичъ Радде (директоръ Тифлискаго музея), графъ Александръ Николаевичъ Граббе (сотникъ Л. Гв. Казачьяго Его Величества полка), командиръ «Тамары» Болеславъ Осиповичъ Якубовскій и ординаторъ Николаевскаго военнаго госпиталя Александръ Николаевичъ Зандеръ. Оба послѣднія лица были съ Великимъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ въ кругосвѣтномъ плаваніи на «Рындѣ», когда Е. И. Высочество впервые знакомился съ Азіей.

Крайне любознательное отношеніе къ ней побуждало уже тогда Августѣйшаго мичмана не ограничиваться посѣщеніемъ

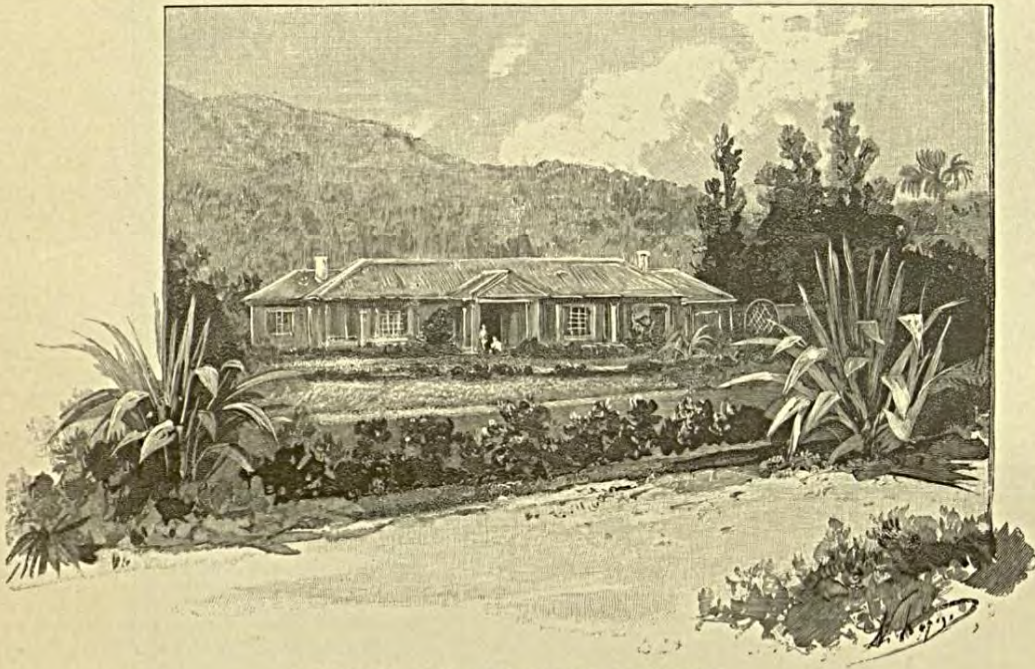
однихъ приморскихъ пунктовъ, но и углубляться по мѣрѣ возможности въ предѣлы мате-

рика. Съ этой цѣлью Великій Князь Александръ Михайловичъ, попеременно сопровождаемый въ отпуску лейтенантами Ниловымъ и Эбелингомъ, посѣтилъ Южно-Уссурійскій край, Пекинъ и Великую Стѣну передъ Калганомъ, наконецъ любопытнѣйшіе города Индіи. Интересъ къ дальней чужбинѣ и особенно къ Востоку, очевидно, съ тѣхъ поръ еще возросъ въ отзывчивой душѣ преданнаго морскому дѣлу Великаго Князя, — чѣмъ и объясняется, что въ данное время онъ вновь, на собственной яхтѣ, совершаетъ оригинальнѣйшее и крайне поучительное плаваніе. Сопровождаемые лишь директоромъ Тифлискаго

ПРИРОДА «ЛЪВИНАГО ОСТРОВА».

музея, графомъ Граббе, и врачомъ Августѣйшіе Братья легко и свободно передвигаются по Востоку, гдѣ и когда захотятъ, — выбирая при этомъ мѣстами стоянокъ любую заманчивую бухту, куда можетъ впорхнуть красавица «Тамара». Природа, люди, масса оригинальнѣйшихъ деталей доступна поэтому Ихъ Императорскимъ Высочествамъ значительно болѣе чѣмъ намъ и надо надѣяться, что обиліе художественнаго матеріала въ видѣ производимыхъ Ими на мѣстѣ фотографическихъ снимковъ для передачи каждого характернаго момента путешествія, въ связи съ текстомъ дневниковъ г. Радде, составитъ въ послѣдствіе выдающуюся по содержанію книгу въ европейской литературѣ. Мнѣ же присутствіе послѣдняго особенно отраднo потому, что я повредилъ ногу въ Мадурѣ, лежу и не могу принять участія въ экскурсіяхъ по острову. Настоящая глава явится такимъ образомъ простою обработкою предварительно собранныхъ о немъ данныхъ, отголоскомъ чужаго повѣствованія и моихъ собственныхъ замѣтокъ отъ 1887 г. когда я одинъ былъ

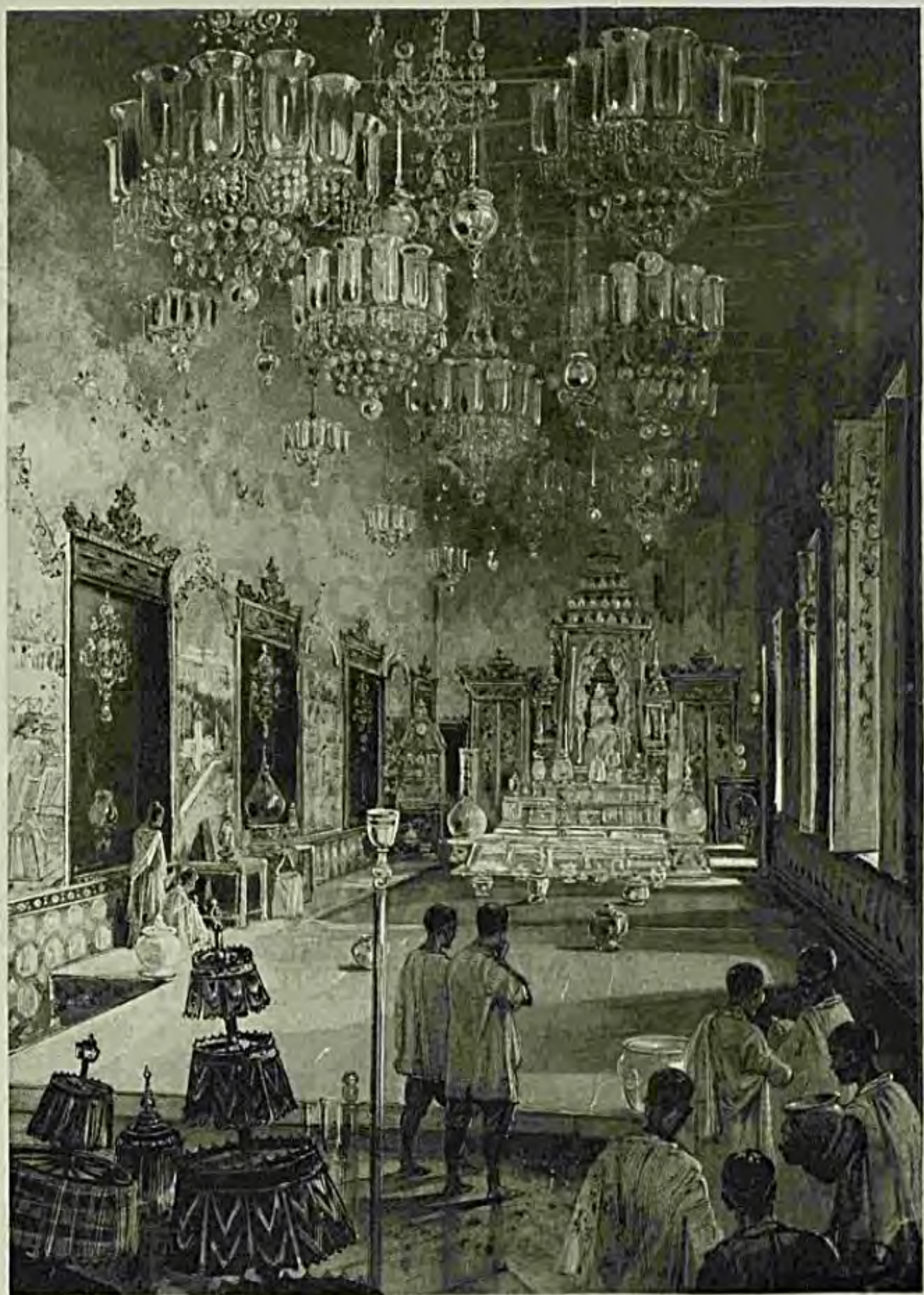

ЕВРОПЕЙСКОЕ ЖИЛЬЕ НА ЦЕЙЛОНѢ.

на Цейлонѣ. Благодаря предположенному изданію «Плваніе Тамары», всякій допущенный мною пробыль о пребываніи Наслѣдника Цесаревича на «островѣ изумрудовъ и рубиновъ» естественно будетъ восполненъ.

Въ одиннадцатомъ часу орудія «Азова» встрѣчаютъ и провожаютъ салютомъ адмиральскую гичку «Боадичей» съ губернаторомъ (Sir Arthur Havelock), пріѣзжавшимъ въ парадной придворной формѣ представиться Наслѣднику Цесаревичу (въ сопровожденіи адъютанта: капитана Pirie, въ мундирѣ 3-го гу-

сарскаго полка, и еще 2 чиновъ администраціи: англичанина и туземца). Огромный молъ (длиннѣе версты) вблизи нашихъ судовъ, ограждающій когда-то весьма неспокойный рейдъ Коломбо, занятъ зрителями: говорятъ, будто здѣсь впервые видятъ военное судно типа «Памяти Азова». Толпясь и гуляя подъ зонтиками на камняхъ упомянутого сооруженія, шоколаднаго цвѣта женоподобные цейлонцы, въ пестрыхъ юбкахъ (камбая) и съ черепаховыми гребнями въ завязанныхъ шиньонахъ и лоснящихся отъ кокосоваго масла длинныхъ волосахъ, только бородой выдаютъ свой полъ. До существованія мола, — заложенъ же онъ сравнительно недавно (при посѣщеніи города принцемъ Уэльскимъ въ 1875 г.) и оконченъ лишь въ 1885 г. — пароходамъ тутъ часто не было возможности грузиться. Сегодня тихо, но и то волны плещутъ о надводныя глыбы ненавистой имъ стѣны. При вѣтрѣ черезъ нея, должно быть, съ грохотомъ перекачивается валъ за валомъ: можно себя представить, какъ негостепріимно высматривалъ берегъ до послѣдняго времени въ періодъ юго-западныхъ муссоновъ!

Во сѣнсканъ аранъ.

Усилившееся торговое значеніе Коломбо будетъ не прочно, если инженеры углубятъ и расчистятъ проливъ между оконечностью Индіи и Цейлономъ: тогда все главное океанское движеніе на Востокъ и обратно изберетъ кратчайшій путь, чтобы выиграть по крайней мѣрѣ два дня, и средневѣковая стоянка арабовъ — Каламбу (будто-бы передѣланная португальцами на современный ладъ въ честь знаменитаго Колумба) займетъ второстепенное мѣсто.

Официальный съѣздъ съ фрегата назначенъ въ 4 часа. Раньше чѣмъ передавать свѣдѣнія о немъ и главныхъ послѣдующихъ моментахъ дня, скажу еще между прочимъ хоть два-три слова о прошломъ острова, слышаго у индусовъ за «Сингаладвипа» (материкъ львовъ), — отчего европейцами и поднесъ принято величать туземцевъ словомъ «сингалезы».

Любопытна первоначальная хроника Цейлона, возникновеніе которой относится къ очень давнимъ временамъ. Сказочная окраска событій придаетъ особенный интересъ изложенію ихъ хода и полна намековъ на дѣйствительность уже болѣе историческаго характера.

Островъ издавна именуется «Львинымъ», хотя львовъ на немъ никогда не водилось и само названіе произошло, вѣроятно, лишь вслѣдствіе того, что основатель буддизма, — просвѣтившаго Цейлонъ, — въ числѣ множества прозвищъ имѣлъ прозвище Шакья-Синга (за непоколебимо-мужественное настроеніе) или же, по другому объясненію, въ виду легендарнаго происхожденія Виджайи, — арійскаго выходца, колонизировавшаго островъ. Преданіе гласитъ о дочери одного индійскаго властелина, бѣжавшей изъ родительскаго терема съ цыганами. Въ пустынь на таборъ напалъ «царь звѣрей» и дѣвушка ему приглянулась, пошла за нимъ въ его пещеру и у нихъ родились дѣти съ необыкновенными качествами духа и тѣла. Левъ безумно любилъ свою семью, но чувства не были взаимны: при первомъ удобномъ случаѣ семья бѣжала къ людямъ, — а когда звѣрь, тоскуя по своимъ, погнался за ними и сталъ грозой человѣческаго жилья, сынъ льва даже вызвался за богатую награду убить отца. Послѣдній, увидавши свое дорогое дѣтище, почувствовалъ сильнѣйшую радость и до того былъ полонъ добрыхъ намѣреній по отношенію къ сыну, вышедшему его убить, что стрѣлы, которыя послѣдній въ него принялся метать, — не причиняя вреда, отпрядывали отъ львиной шкуры. Но стоило царю звѣрей разсвирѣпѣть и начала добра, охранявшія его, сами собою исчезли: левъ палъ отъ руки сына и умеръ, положи ему голову на колѣни, въ предсмертныя минуты продолжая еще смотрѣть на него и любоваться имъ. Отъ такого-то полувзвѣря зародилась династія зиждителей историческаго Цейлона.

Первое, что надо имъ поставить въ заслугу, это — неуспынные заботы объ его орошеніи.

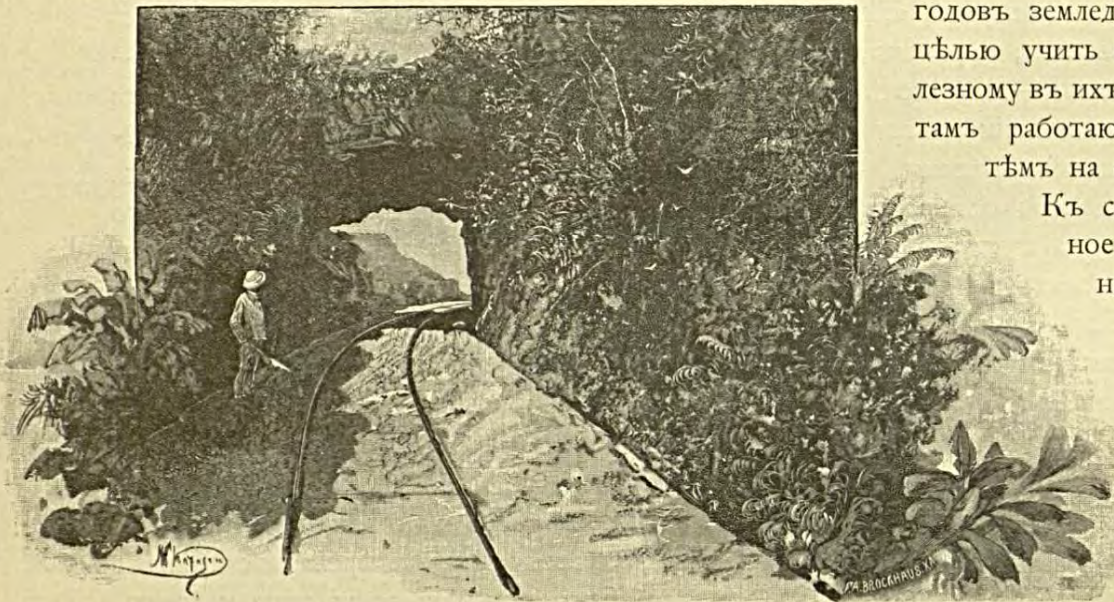
Цейлонскіе монархи издревле какъ-бы соперничали другъ съ другомъ при заботахъ объ обводненіи края. Цѣлые округа, въ данное время представляющіе собою мѣзми-чeskій джонгль, встарь отличались цвѣтущимъ состояніемъ, были настоящими житницами, кормили относительно значительное населеніе (свыше пяти милліоновъ). О такого рода плодотворной дѣятельности краснорѣчивѣе всего говорятъ цифры. Царь Пракрама Баху I (12-го вѣка) приказалъ вырыть 1470 водоемовъ и 534 канала, кромѣ того возобновилъ 2355 старыхъ водоемовъ и 3620 запущенныхъ каналовъ. Эти послѣднія сооруженія существовали уже за 1600 или 1700 лѣтъ до него, являясь результатами энергіи бенгалійцевъ, колонизировавшихъ дивный островъ. Еще и теперь насчитывается до 5000 водоемовъ, служащихъ на пользу земледѣлія и свидѣтельствующихъ о томъ, какъ буддійскіе монархи древности, строго согласно съ духомъ родной религіи, озабочены были дать своему народу-вегетарианцу больше средствъ для жизни при помощи питательныхъ веществъ, не

требующихъ кровопролитія. Культура риса развилась здѣсь тогда въ очень крупныхъ размѣрахъ, несмотря на необходимость поддерживать ее сложной ирригаціонной системой. Португальцы ею пренебрегли, голландцы при всемъ своемъ опытѣ достоительно не воспользовались, англичане воспользовались — но довольно поздно и отмѣнивъ предварительно изъ либерализма стародавній обычай принудительнаго общественнаго труда, — по призыву барабана, — для поддержки оросительныхъ вѣтвей, вслѣдствіе чего во многихъ мѣстахъ застой и упадокъ смѣнили прежнее благоденствіе. Пришлось, да чуть-ли и не приходится запасаться рисомъ изъ южной Индіи, — а безъ него цейлонцу жизнь — не въ жизнь и онъ страдаетъ лихорадкой. Зачѣмъ же однако столь необходимый продуктъ обложенъ при ввозѣ тяжелой пошлиной?

Британскія власти постепенно дѣлають, что могутъ, для подъема ирригаціи (хотя $\frac{5}{6}$ края пока находятся въ запущенномъ состояніи отъ недостатка инициативы со стороны

правительства) и завели съ 80-хъ годовъ земледѣльческія школы съ цѣлью учить поселянъ всему полезному въ ихъ быту: занимающіеся тамъ работаютъ параллельно съ тѣмъ на себя.

Къ сожалѣнію, все главное вниманіе англичанъ на Цейлонѣ сосредоточено — какъ, впрочемъ, и вездѣ — на быстрой наживѣ и, при отсутствіи нравственныхъ узъ между правящимъ элементомъ и туземцами, нужды по-

ДОРОГА ИЗЪ КОЛОМБО ВЪ КАНДИ.

слѣднихъ отчасти остаются на второмъ планѣ. У «бѣлыхъ» въ данную минуту — одна *idée fixe*: чай, приготовленіе его въ необъятномъ фантастическомъ количествѣ и открытіе для перепроизводства новыхъ рынковъ, между прочимъ: Россіи. Другіе вопросы, менѣе доходные съ точки зрѣнія предприимчивыхъ плантаторовъ, играютъ незавидную роль. Вотъ почему энергія пришлаго элемента не направлена на приисканіе средствъ къ подъему общаго благосостоянія островитянъ, а преслѣдуетъ свои временныя цѣли, которыя сегодня сулятъ безумный успѣхъ, завтра же грозятъ раззореніемъ.

Арабы ввели кофейныя насажденія на Цейлонѣ, но туземцы до прихода европейцевъ или, — чтобы сказать точнѣе, — голландцевъ не умѣли готовить изъ растенія вещества для напитка и довольствовались лишь употребленіемъ листьевъ въ приправу пищѣ, а его нѣжныхъ цвѣтовъ для увѣнчанія алтарей Будды. Въ теченіе всего XVIII вѣка и до 1837 г. на островѣ не было ни одной значительной плантаціи кофе, пока наконецъ прозорливый англичанинъ Boyd Tytler не ввелъ вестъ-индскаго способа обработки почвы. Видя, какъ легко и выгодно заниматься этимъ дѣломъ, цейлонцы вскорѣ стали подражать «бѣлымъ» и въ холмистой части острова, наравнѣ съ настоящими плантаторами, принялись за систе-

ХРАМЪ ИЗУМРУДНАГО БУДДЫ ВЪ БАНГКОКЪ.

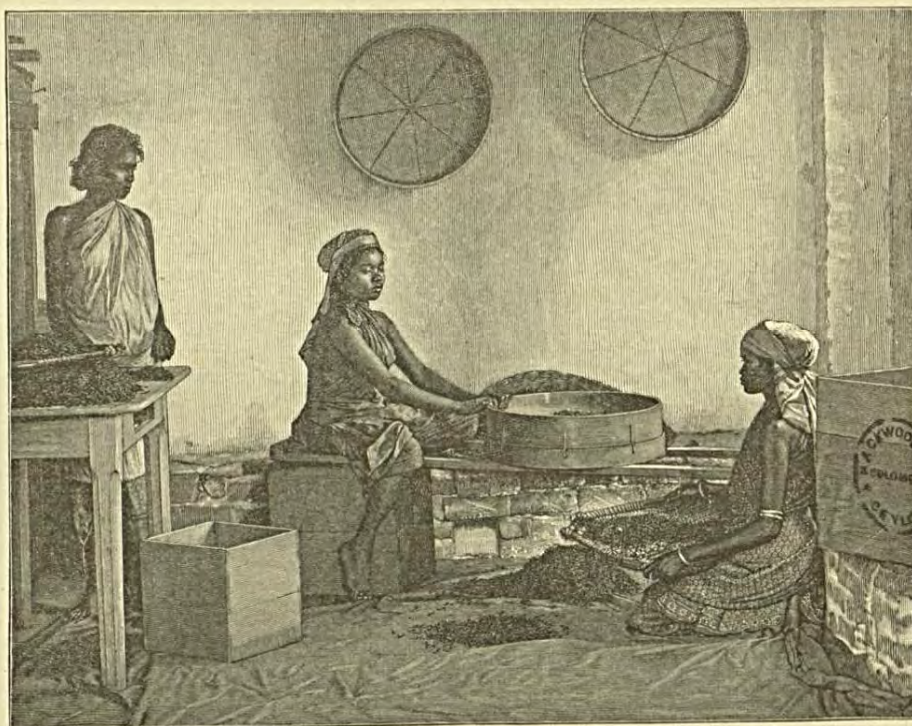
матическую культуру растенія. Такъ продолжалось до исхода 60-хъ годовъ, когда ежегодный вывозъ кофе достигъ стоимости 40 милліоновъ рублей и на затрачиваемый капиталъ всякій воздѣлыватель получалъ по 25 процентовъ. Громадное число тамилонъ изъ южной Индіи явилось дешевымъ и драгоценнымъ подспорьемъ для англичанъ при расширеніи ими сферы кофейныхъ плантацій, и въ результатъ все клонилось къ общему благополучію. Но вдругъ на цейлонскія кофейныя плантаціи напалъ врагъ, худшій чѣмъ филлоксера для виноградныхъ лозъ. Болѣзнь распространилась незамѣтно-быстро и никакія мѣры не могли пресѣчь ея пагубнаго дѣйствія. Ученый міръ могъ только въ подробностяхъ констатировать загадочность происхожденія и безпощадную силу недуга. Въ концѣ концовъ раззоренные плантаторы вынуждены были искать что-нибудь взамѣнъ своихъ прежнихъ надеждъ и остановились на попыткахъ

широко развить культуру чая. Бразилія къ тому времени наводнила Европу хорошимъ кофе и потому нужно было заботиться о созданіи другихъ продуктовъ, о завоеваніи другихъ рынковъ.

Въ данное время кофейныхъ плантацій на островѣ осталось очень мало. Видя, что болѣзнь на нихъ съ тѣхъ поръ уменьшается, ботаники теперь

объясняютъ, будто прямые причины бѣдствія зависѣли отъ захвата слишкомъ обширныхъ районовъ исключительно подъ

культуру кофе. Ютившійся на кустарникахъ джонгля отвратительный паразитъ *Hemileia vastatrix*, нуждаясь въ пищѣ при непомѣрномъ уничтоженіи послѣдняго, пошелъ войною на кофейныя насажденія и, пристрастившись къ нимъ, размножился въ ужасающемъ количествѣ. Такимъ образомъ плантаторы пострадали отъ стремительности своего собственнаго разрушительнаго натиска на растительный міръ. Но вѣрно-ли это?

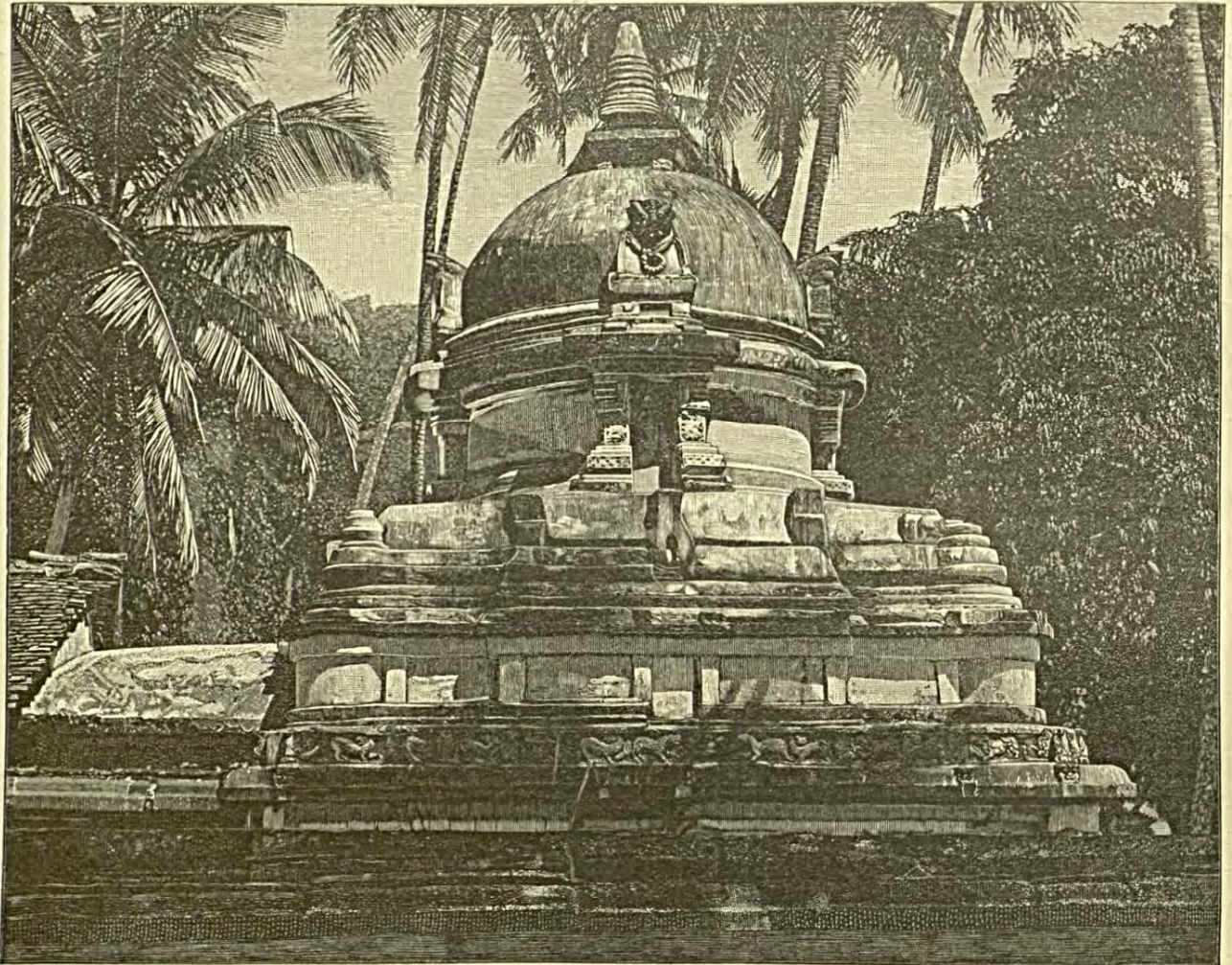

ПРИГОТОВЛЕНИЕ ЧАЯ.

Погода слегка нахмурилась и накрапывалъ дождь, но затѣмъ — опять ясно. Въ пятомъ часу Августѣйшіе путешественники, подъ громъ салютовъ, приняты у декорированной пристани съ арками. Орнаментомъ въ значительной степени являются фрукты. На видномъ мѣстѣ, средь крытаго прохода на улицу, красуется нарисованный госпожею Мутукистна (женою туземца-чиновника при таможенѣ) портретъ Наслѣдника Цесаревича.

Почетный караулъ выставленъ со знаменемъ и музыкой отъ «Gordon Highlanders». Кромѣ властей встрѣчаютъ консула: германскій, датскій, американскій и италанскій, а также французскій вице-консулъ.

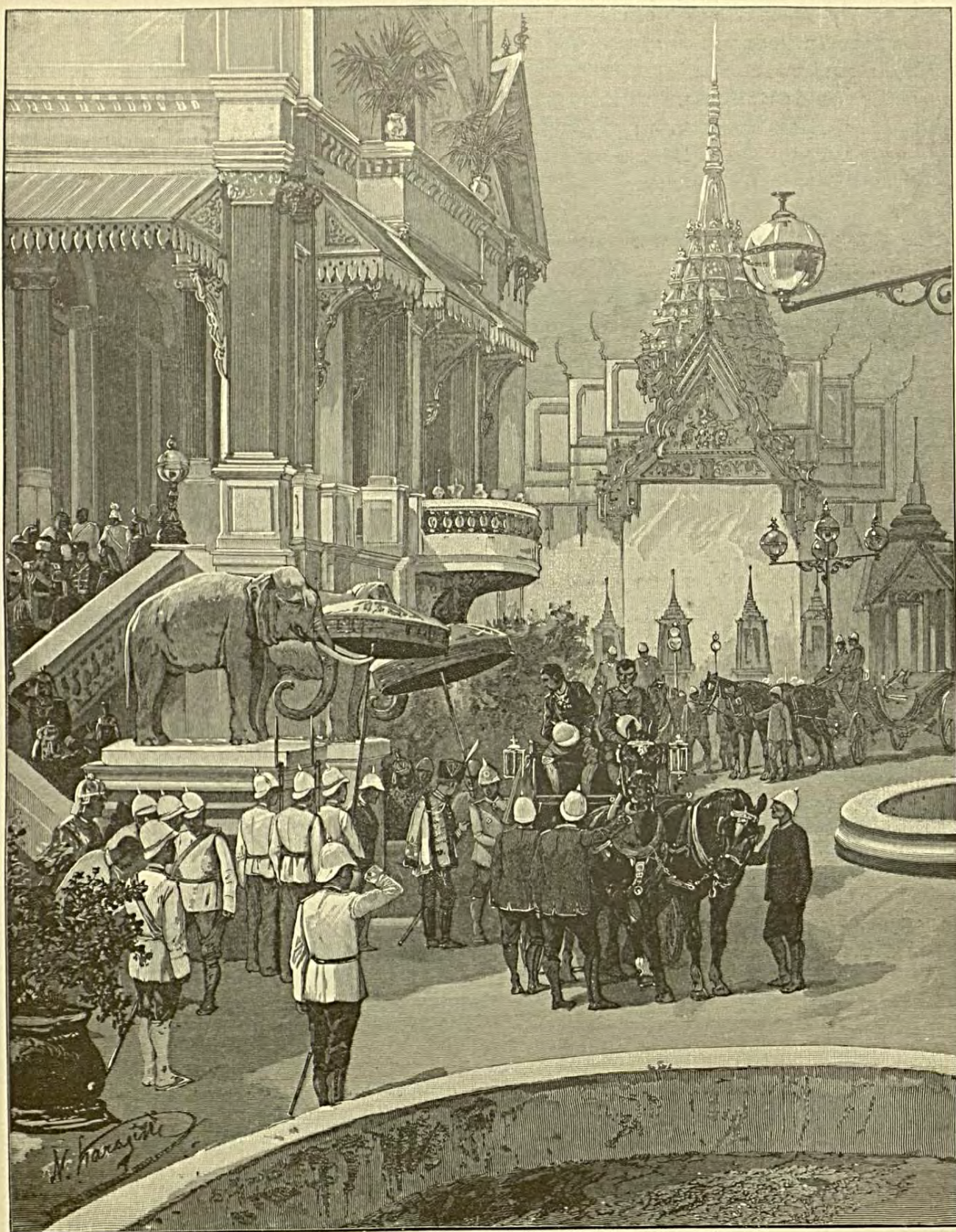
Ихъ Величества со свитами направляются по красиво убраннымъ (пальмовыми вѣтвями и шелками): «Church Street» и «Queen's Street» въ губернаторскую резиденцію. По дорогѣ, запруженной народомъ (съ массами любопытныхъ на терассахъ и въ окнахъ домовъ) растянуты солдаты того-же шотландскаго полка, за ними — «Gun Lascars» и

ДАГОБА НА ЦЕЙЛОНѢ.

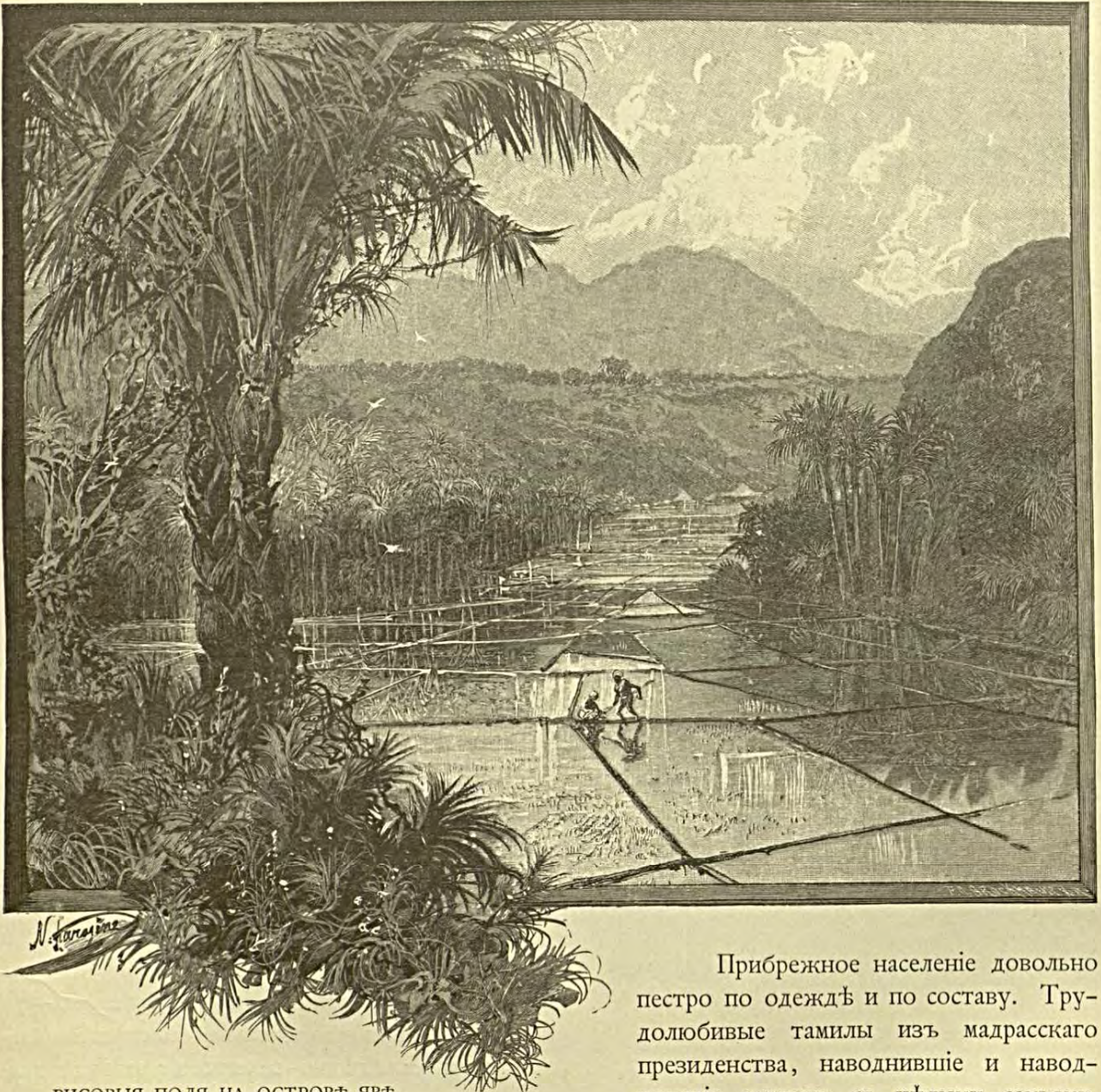
«Ceylon Light Infantry Volunteers». Налицо стянуто чуть-ли не все войско, которымъ Англія располагаетъ на Цейлонѣ.

Изъ дома г. Гавелока Августѣйшіе путешественники вчетверомъ ѣдутъ кататься по городу. Онъ раскинутъ на бóльшемъ пространствѣ чѣмъ Парижъ, тонетъ въ листвѣ озаренныхъ мягкимъ свѣтомъ красногрунтныхъ аллей, нравится съ перваго же знакомства съ нимъ — именно тѣмъ, что не похожъ на приморскій пунктъ, у котораго проза жизни убила окрестъ ласковую властность природы. Коломбо, несмотря на всю сосредоточенную въ немъ обширную торгово-промышленную дѣятельность острова съ ежегодными оборотами въ десятки милліоновъ рублей, извнѣ составляетъ неотдѣлимую частицу цейлонскаго растительнаго міра съ его ширью, и высью, и густотой: зданія, люди, повозки на

ЦАРСКІЙ ДВОРЕЦЪ ВЪ БАНГКОКЪ.

половину затеряны подъ густою тѣнью деревь самой внушительной величины, — лѣсъ царитъ здѣсь надъ человѣкомъ, а не послѣдній имъ себя, между прочимъ удобства-ради, окружаетъ. Вещество здѣсь полномочно своею могучею безсознательною жизнью, объемлетъ все и всѣхъ, съ любовной заботой склоняется надъ столь малыми передъ нимъ сознательными существами.

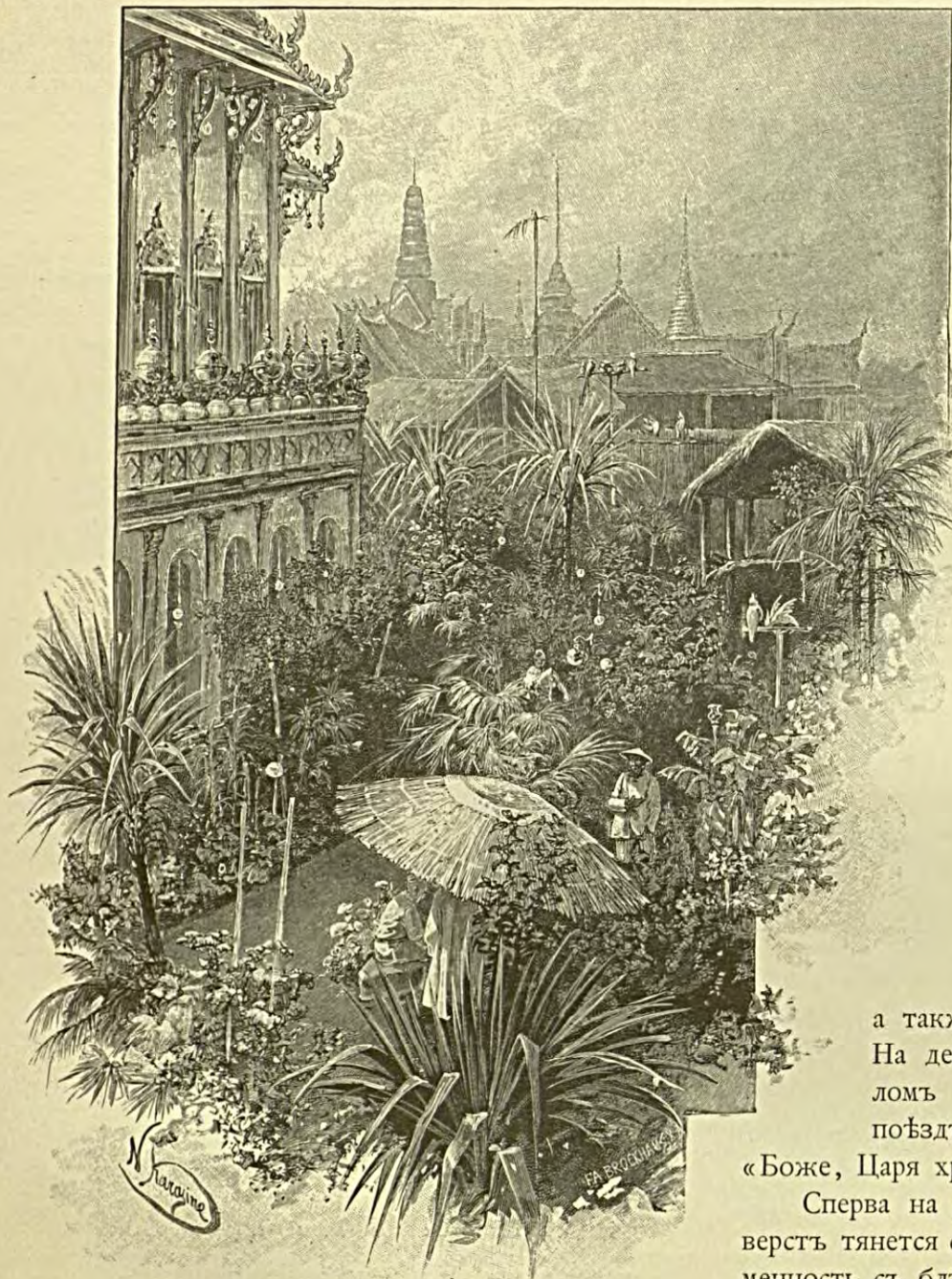
РИСОВЫЯ ПОЛЯ НА ОСТРОВѢ ЯВЪ.

Прибрежное населеніе довольно пестро по одеждѣ и по составу. Трудолюбивые тамилы изъ мадрасскаго президенства, наводнившіе и наводняющіе островъ съ цѣлыми семьями, придаютъ многому знакомый уже по

Индіи видъ. Исконные коммерсанты Цейлона — мусульмане (такъ-называемые Моогмен, Moors арабской крови) въ затѣйливыхъ соломенныхъ шляпахъ и съ гладко выбритыми словно металлическими по цвѣту головами, — щеголяющіе сравнительно цивилизованной внѣшностью парсы и афганцы среди голыхъ ребятишекъ индо-малайской расы — туземцы съ окровавленными губами отъ жеванья бетеля, — проворные «кули» (чернорабочіе) съ

тяжелыми ношами въ корзинахъ, остроумно прикрѣпленными къ концамъ длиннаго гибкаго коромысла изъ дерева пальмы Китулъ, — парныя хижинообразныя арбы съ остророгими животными, терпѣливо несущими ярмо вотъ-что наиболѣе притягиваетъ взоръ евро-

пейца, впервые посѣщающаго Цейлонъ . . .

У БУДДІСКАГО ХРАМА ВЪ СІАМѢ.

дороги. Большія огненные бабочки медленно взлетаютъ и теряются средь ихъ плѣнительнаго мрака. Въ избыткѣ жизни подъ лобзаньями солнца край поражаетъ густотой и разнообразіемъ растительности. Нѣтъ-нѣтъ и сверкнетъ уединенный прудъ съ лотосами, надъ которымъ кружатъ бѣлыя птицы. Домашніе черные буйволы, неподвижные здѣсь и тамъ среди ила, кажутся частицами тучной и влажной почвы.

Пятница, 1 (13) февраля.

Вчера послѣ параднаго обѣда въ губернаторскомъ домѣ (Queen's House), въ 7 часахъ 45 минутъ, Ихъ Высочества тамъ же провели до 11^{1/2} часа вечеръ, на который явилось множество приглашенныхъ (въ томъ числѣ туземцевъ). Нѣкоторые изъ послѣднихъ въ качествѣ вождей были съ медалями и при оружіи. Музыка гремѣла и все вокругъ дворца сіяло огнями иллюминаціи.

Переночевавъ на фрегатѣ, Наслѣдникъ Цесаревичъ направляется утромъ по желѣзной дорогѣ въ глубь острова (въ сопровожденіи Великихъ Князей и Королевича Греческаго, а также сэра Гавелока со свитой). На дебаркадерѣ почетнымъ карауломъ выстроены «Highlanders» и поѣздъ плавно отходитъ подъ звуки «Боже, Царя храни!»

Сперва на разстояніи примѣрно 60—70 верстъ тянется сравнительно болотистая низменность съ блѣдно-зелеными рисовыми полями и нескончаемыми пальмовыми рощами, непосредственно подступающими къ полотну

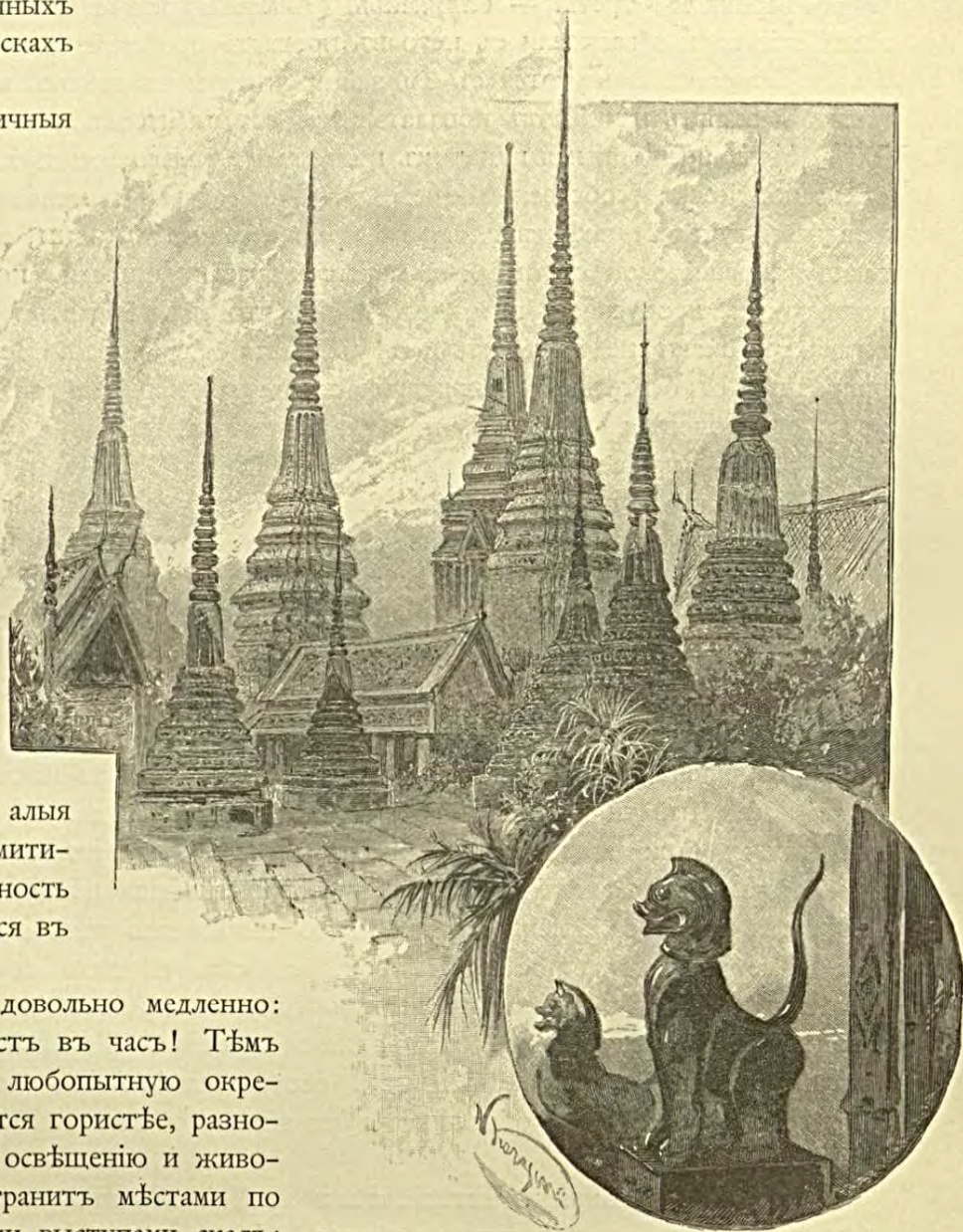

ХРАМЪ СІАМСКАГО КОРОЛЯ ВЪ БАНГ-ПА-ИНЪ.

Путь въ Канди, стоившій большихъ затратъ и даже человѣческихъ жертвъ отъ убій-
ственного климата (въ такъ-называемой долинѣ «Тѣни мертвыхъ»), вообще прорѣзаетъ про-
странство съ историческимъ прошлымъ: арену борьбы нагорнаго Цейлона съ наступавшими
на него съ побережья пришлыми элементами, начиная съ героя Рамы и тамильскихъ завое-
вателей до европейцевъ включи-
тельно, которымъ страна крѣпко
приглянулась среди полуденныхъ
морей какъ оазисъ въ пескахъ
пустыни.

Деревянные и кирпичные
станціи (Келанія, Маха-
ра, Хенаратгода, Мири-
гама, Амбепусса и т. д.)
съ босоногими желѣз-
нодорожными служа-
щими въ синемъ съ
красными кушаками, —
толстые и короткіе
столбы этихъ незатѣй-
ливыхъ построекъ съ
овладѣвшими каждымъ
фасадомъ ползучими
растеніями и цвѣтами,
— золотистое одѣянье
бонзъ съ обнаженнымъ
правымъ плечомъ, безо-
бразно большими уша-
ми и сбритыми бровями, — алая
чалмы иныхъ туземцевъ семити-
ческаго типа, — совокупность
очертаній и красокъ сливается въ
гармоничное цѣлое! . .

Движеніе по линіи довольно медленно:
какихъ-нибудь 30—35 верстъ въ часъ! Тѣмъ
легче и пріятнѣе озирать любопытную окре-
стность. Вотъ она становится гористѣе, разно-
образнѣе, причудливѣе по освѣщенію и живо-
писному фону. Черный гранитъ мѣстами по
сторонамъ смѣняется сѣрыми выступами скалъ;
настоящіе соборы зелени высятся изъ впадинъ
между величаво вырастающими холмами; изъ-за
кофейныхъ кустовъ виднѣются коричневые кровли хижинъ; маленькіе каскады серебрятся
около тропинокъ тонущихъ въ зыбкой и радужной листвѣ, гдѣ нѣтъ-нѣтъ и промелькнетъ
«свѣтлая» обезьянка; бамбуки съ мерцающими въ тѣни ярко-желтыми стволами распуска-
ются гигантскими букетами надъ зеркальнымъ лономъ затерянныхъ въ чашѣ водъ; дорога
же въ Канди смѣлымъ трасомъ стремится въ гору, извивается вдоль отвѣсныхъ обрывовъ, —

НА СТРАЖѢ У СІАМСКОЙ «СВЯТЫНИ».

изъ которыхъ на встрѣчу тянется дѣвственный лѣсъ, — проникаетъ сквозь утесы, нагроможденные беспорядочными горами, — подымается по кручамъ отъ станціи Рамбуканы въ область неподобныхъ по красотѣ пейзажей, обрамленныхъ синѣющей далью болѣе рѣзкихъ по формѣ и довольно нагихъ хребтовъ, которые достигаютъ нѣсколькихъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Одинъ похожъ на громаднѣйшую книгу и прозванъ «Bible Mountain», другой «Утуванканда» (за глубокою зеленою долиною Диканда) изгорбленъ точно верблюдъ, третій — ближайшій (Алагалла) извѣстенъ воспоминаніями о томъ, что кандійскіе цари сбрасывали съ него въ пропасть провинившихся подданныхъ и т. д.

Террасами спускаются съ ближайшихъ къ намъ высотъ искусно орошенные рисовыя поля, — затѣмъ начинаютъ попадаться чайныя плантаціи...

Кульминаціоннымъ пунктомъ подъема на рельсовомъ пути является такъ-называемый «Sensation Rock» (собственно «переваль Кадуганава»): миновавъ рядъ довольно замѣчательныхъ тунелей, поѣздъ идетъ по краю страшной бездны, т. е. каймами прямо низвергающейся гнейсовой стѣны безъ признака растительности, которая однако тутъ положительно не пропускаетъ ни одного камня, чтобы не пустить корней и нарядными оранжевыми фестонами не повиснуть затѣмъ надъ бездною... Знаніе инженеровъ побѣдило природную относительную неприступность внутренняго Цейлона: за то постройка обошлась въ 17 милліоновъ рублей, т. е. по 140,000 съ версты!

Линія начинаетъ спускаться къ Пераденіи. Такъ какъ сегодня и завтра придется непосредственно соприкоснуться съ живымъ культомъ Шакья-Муни на островѣ, — то кстати сказать два-три слова не столько о положеніи этой религіи въ странѣ, — о чемъ будетъ рѣчь потомъ, — сколько о тѣхъ нравственныхъ принципахъ, которые положены были въ основу ея и обусловили необычайный успѣхъ буддизма на Востокѣ. Говорить о нихъ *in extenso* бесполезно. Важно отмѣнить характернѣйшія черты, въ связи съ общностью ихъ у всѣхъ народовъ земли, куда проникла проповѣдь «царевича-мудреца».

Президентъ теософическаго общества Олькотъ за послѣднее время энергично задался идеей найти объединяющія духовныя звенья между краями, гдѣ Шакья-Муни чтится какъ божество. Съ этой цѣлью онъ объѣзжаетъ разныя страны Азіи, заводитъ знакомства съ первенствующими и прозорливѣйшими мѣстными жрецами, намѣчаетъ съ ихъ словъ и по собственному разумѣнію извѣстнаго рода *сredo* для буддистовъ цѣлаго міра. Все несущественное, обрядовое, наносное и чисто случайное отстраняется: красною нитью должно проходить передъ ихъ глазами для утвержденія и признанія лишь главнѣйшее и неотъемлемое отъ роднаго «ученія». Такими путями постепенно можетъ выясниться многое изъ религіозныхъ особенностей Азіи, нагляднѣе предстанутъ вѣрованія сотенъ милліоновъ, обнажится душа эпохи, когда послѣднія создавались и «глаголомъ жгли сердца людей».

Въ Японіи, Бирмѣ, Читтагонгѣ и на Цейлонѣ программа Олькота и принятія имъ 14 коренныхъ положеній уже одобрены. Ему остается ждать отвѣта, какъ посмотрятъ на его новшества въ дѣлѣ скрѣпленія родственныхъ по духу узъ Сіамъ и Камбоджа, Застѣнный Китай, Корея и Тибетъ. Что касается до послѣдняго, а значитъ и до Монголіи, до бурятъ и калмыковъ, — то мысли сподвижника Блаватской тамъ несомнѣнно встрѣтятъ сочувствіе и вниманіе.

Вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ въ данную минуту представляетъ интересъ для инициаторовъ движенія: дѣйствительно-ли нижеизложенное составляетъ 14 основныхъ истинъ, признаваемыхъ буддистами всего міра?

ВИДЪ НА БАНГКОКЪ СЪ ЗОЛОТОЙ ГОРЫ.

I) Надо относиться съ одинаковой терпимостью, незлобивою и братскою любовью ко всѣмъ людямъ, кто бы они ни были, а также съ полнымъ милосердіемъ ко всякаго рода тварямъ;

II) Міръ не созданъ, но самозарожденъ и развивается въ силу извѣстныхъ законовъ;

III) Будды («просвѣтленныя» существа) неоднократно нисходили для проповѣди на землю по прошествіи нѣкоторыхъ значительныхъ періодовъ времени (такъ-называемыхъ «кальпа»);

IV) Въ данномъ періодѣ четвертымъ «учителемъ» признается Шакья-Муни или Готама Будда, рожденный въ одной индійской царственной семьѣ около 2500 лѣтъ до наст. Его слѣдуетъ считать за лице историческое. Имя ему было Сидхарта Готама;

V) Шакья-Муни училъ, что невѣдѣніемъ обусловлено желаніе. Неудовлетворенное желаніе служитъ причиной новаго рожденія, — оно же есть источникъ скорби. Дабы этой послѣдней не существовало, нужно избѣгнуть возрожденія, — для чего требуется смирить желанья: подобнымъ укрощеніемъ духа въ свою очередь вызывается знаніе высшаго порядка;

VI) Вѣра въ неизбежность душепереселенія объясняется узкостью умственного кругозора. Когда онъ расширяется, человѣкъ убѣждается въ ничтожности каждаго возрожденія и въ необходимости повести такой образъ жизни, чтобы оно не повторилось. Отъ невѣдѣнія проистекаютъ обманчивыя и неосновательныя мысли, будто за смертью уже нѣтъ ничего или будто затѣмъ настъ ждутъ: кого — вѣчное блаженство, кого — вѣчное мученіе;

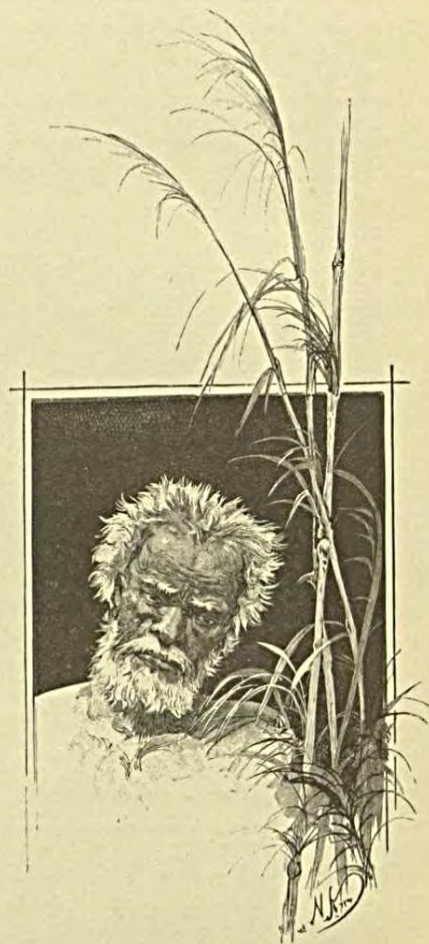
VII) Люди перестаютъ заблуждаться, неукоснительно «творя любовь» ко всему живущему, развивая умъ, достигая мудрости, уничтожая въ себѣ потребность къ удовлетворенію низшихъ эгоистическихъ страстей;

VIII) Такъ какъ жажда жизни обуславливаетъ возрожденіе, — ее нужно утолить и тогда не возродишься. Человѣкъ же путемъ созерцанія способенъ дойти до крайней степени покоя, опредѣляемой названіемъ «Нирваны»;

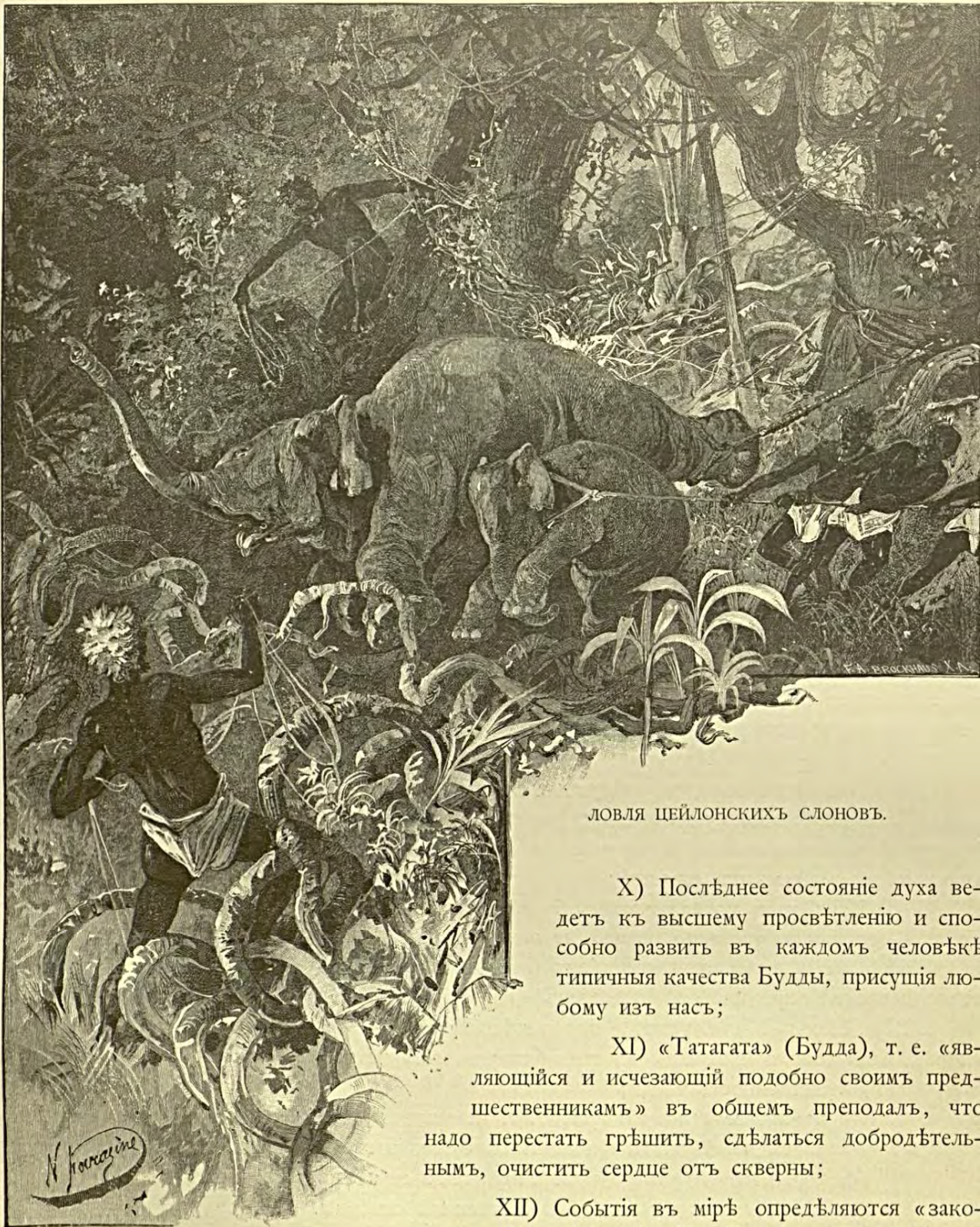
IX) Шакья-Муни училъ, что невѣдѣніе можно разсѣять, а также упразднить скорбь, если только познаешь четыре «благородныя» истины, именно:

- 1) бѣдственность бытія;
- 2) причину, ее вызывающую, т. е. ненасытное желаніе удовлетворить свои эгоистическія побужденія и неисполнимость этого стремленія;
- 3) искорененіе его или точнѣе отчужденіе себя отъ всего подобнаго;
- 4) способы достигнуть такой нравственной свободы.

Ихъ — восемь и кто имъ слѣдуетъ, — идетъ по восьми стезямъ добродѣтели, т. е. истинно вѣритъ, истинно думаетъ, истинно говоритъ, истинно поступаетъ, правильно устраиваетъ всю свою практическую жизнь, въ мѣру напрягаетъ свои силы, согласно съ истиной вспоминаетъ прошедшее, праведно наконецъ созерцаетъ;

КОРЕННОЙ ЖИТЕЛЬ ЦЕЙЛОНА:
ДИКАРЬ ВЕДДА.

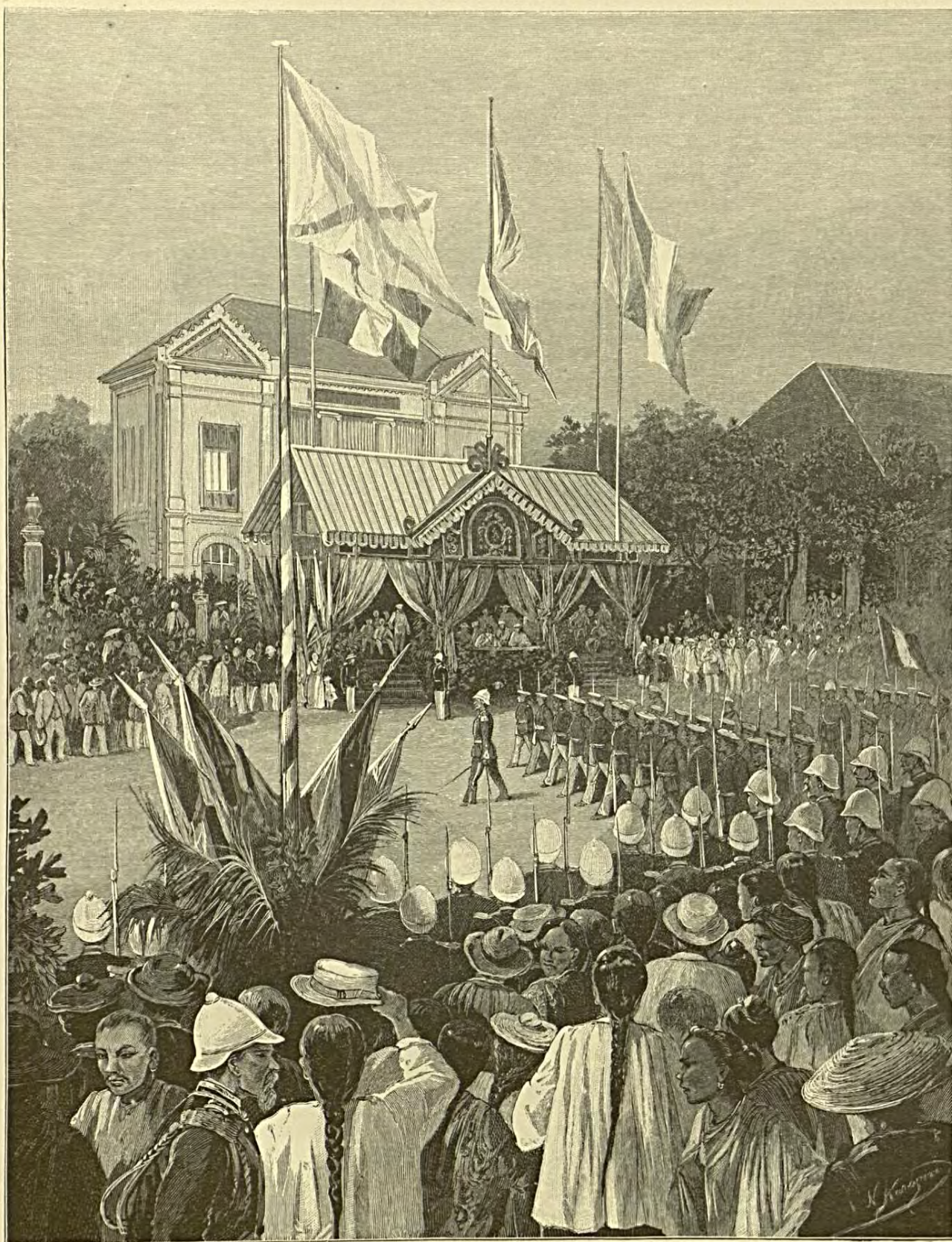

ЛОВЛЯ ЦЕЙЛОНСКИХЪ СЛОНОВЪ.

X) Последнее состояніе духа ведетъ къ высшему просвѣтленію и способно развить въ каждомъ человѣкѣ типичныя качества Будды, присущія любому изъ насъ;

XI) «Татагата» (Будда), т. е. «являющійся и исчезающій подобно своимъ предшественникамъ» въ общемъ преподавалъ, что надо перестать грѣшить, сдѣлаться добродѣтельнымъ, очистить сердце отъ скверны;

XII) Событія въ мірѣ опредѣляются «закономъ дѣлъ» (карма). Всякій самъ себя вызываетъ къ новому бытію, слагающемуся соотвѣтственно съ добрыми и дурными поступками въ прежнихъ существованіяхъ. Мы обусловили раньше своею волей все то, что переживается нами теперь;

ПАРАДЪ ВЪ САЙГОНѢ.

XIII) Благотворность, успѣшность «кармы» зависитъ отъ соблюденія слѣдующихъ нравственныхъ предписаній буддизма:

- 1) не убій,
- 2) не укради,
- 3) не прелюбодѣйствуй, или точнѣе воздерживайся отъ недозволенныхъ половыхъ сношеній,
- 4) не лги,
- 5) остерегайся опьяняющихъ напитковъ;

XIV) Долгъ родителей — заботиться объ образованіи дѣтей: буддизмъ — врагъ суевѣрія и заблужденія. Только согласное съ разумомъ допускаетъ Татагата, — на какой бы другой авторитетъ абсурды ни старались опереться (будь то изреченія великихъ мудрецовъ или голосъ преданій).

Двадцать минутъ перваго. До Канди осталось всего 6—7 верстъ: за близкой горной рѣкой уже начинаются утопающія въ зелени предмѣстья города. Ихъ Высочества проходятъ пѣшкомъ со станціи Пераденіи къ сосѣдней съ нею значительной чайной факторіи, чтобы посмотрѣть на работы по просушкѣ и упаковкѣ чая. Культура послѣдняго, за которую только пробовали взяться голландцы, привита менѣе вѣка назадъ: одними плантаторами — китайское растеніе, другими же болѣе прозорливыми — ассамское (съ настоящей родины его). Оно превосходно акклиматизируется какъ на низменныхъ, такъ и на возвышенныхъ мѣстахъ, однако на первыхъ пахучѣе и сочнѣе.

Надъ собираніемъ въ корзины молодыхъ и преимущественно годныхъ для приготвленія стеблей трудятся наемники и наемницы изъ южной Индіи, прибывающіе сюда на плантаціи положительно за кускомъ хлѣба и съ мыслью накопить здѣсь хоть сколько-нибудь денегъ для дальнѣйшей борьбы дома съ непосильною подчасъ нуждой. Могучіе тамилы, когда-то (со временъ Рамы) избиравшіе Цейлонъ цѣлью походовъ, и теперь притекаютъ толпами на островъ за относительной наживой, — но уже въ видѣ батраковъ, руководимыхъ какъ настоящее стадо жожаками типа Zigeunerbaron'овъ.

Листья сначала сушатся въ жаркихъ комнатахъ, скатываются затѣмъ на машинахъ особой конструкціи, выжимающихъ сокъ, и подвергаются броженію, — отчего мѣняются свой натуральный цвѣтъ на мѣднозеленый. Подъ конецъ, до того чтобы приступить къ сортировкѣ чая, его еще пропускаютъ черезъ паръ металлическаго сушильнаго прибора.

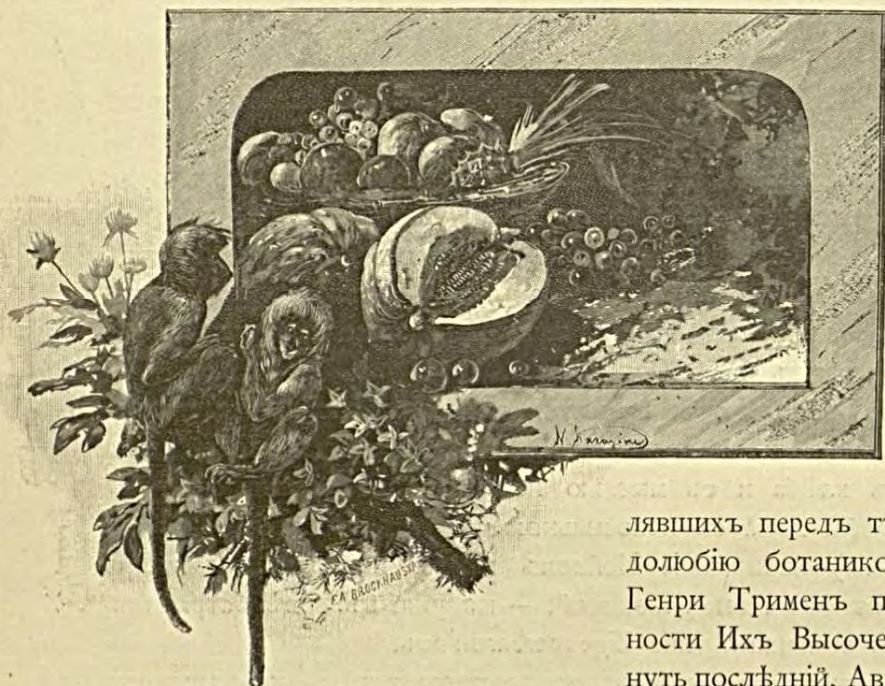
Осмотрѣвъ факторію, — принадлежащую «Ceylon Land and Produce Company», — Ихъ Высочества возвращаются на декорированную станцію, чтобы въ экипажахъ отправиться въ Ботаническій садъ. Отъ многочисленной группы европейцевъ, собравшихся у желѣзной дороги, отдѣляется миссъ Evelyn Willenberg и подноситъ Наслѣднику Цесаревичу роскошный букетъ розъ отъ лица присутствующихъ дамъ.

Около часа пополудни Августѣйшіе путешественники уже вѣзжаютъ въ красивыя аллеи паркообразныхъ пераденійскихъ «Royal Botanical Gardens», раскинутыхъ на берегу быстрой Махавели-Ганга, съ трехъ сторонъ огибающей этотъ райскій уголокъ, который лѣтъ семьдесятъ отданъ правительствомъ въ вѣдѣніе ботаниковъ, но раньше составлялъ незатѣйливый цвѣтникъ для алтаря и плодникъ братіи маленькаго буддійскаго храма.

За каменной оградой и двойными желѣзными воротами, — у которыхъ незримо воркуютъ голуби, — открывается цѣлый міръ растительной мощи тропиковъ. На густомъ покровѣ зелени ярко выступаютъ какія-то фіолетовыя и темнокрасныя пятна. Гвинейскія

масляныя пальмы (*Elaeis Guineensis*), съ очень толстымъ стволомъ и длинными перистыми листьями, у входа въ садъ смѣняются стройными пальмами съ острова Кубы, мѣстными уроженками «зонтичными пальмами» (*Talipot*), пальмами-карликами, опахаловидными саговыми малайскими и сѣверо-американскими пальмами (*Palmetto*), кокосами, бананами, смоковницами, «каучуковыми», «камфорными», «хлѣбными», и «хинными» деревьями. Сѣрые, свѣтлокоричневые и желтые стволы, — корни исполиновъ, расползающіеся цѣпкою ратью змѣй, — душистыя орхидеи, въ сладкой нѣгѣ застывающія среди нихъ надъ кормилицей-землей, — странные плоды съ голову взрослого человѣка, совершенно зеленые апельсины и папоротники, — все это попадаетъ на глаза чуть-ли не рядомъ и производитъ въ душѣ непривычнаго сѣверянина амальгаму самыхъ тонкихъ по качеству впечатлѣній: да, эта цейлонская флора — чудодѣйка! Нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ на сравнительно тѣсномъ пространствѣ

столькихъ разновидностей растительной жизни . . . Блестящія ящерицы и жуки, — рыжеватые и лисьеголовые летучія мыши, прицѣпившіеся къ листвѣ — полосатые бѣлочки, перепрыгивающія съ одного древеснаго титана въ глубь вѣтвей сосѣда, — заманчивыя ступенчатые дорожки, уклоняющіяся отъ черезчуръ правильныхъ аллей къ лону матери природы, — вотъ она мирно развившаяся Пераденія!

Достойный преемникъ управлявшихъ передъ тѣмъ выдающихся по знанію и трудолюбію ботаниковъ, ученый директоръ сада д-ръ Генри Трименъ показываетъ его достопримѣчательности Ихъ Высочествамъ. Передъ тѣмъ какъ покинуть послѣдній, Августѣйшіе путешественники сажаютъ на память по дереву: Наслѣдникъ Цесаревичъ — «же-

лѣзное дерево» (по туземному: «на» или «нахара», иначе: *Mesua ferrea*), отличающееся красотой формы, нѣжнымъ запахомъ цвѣтовъ и своей прочностью для подѣлокъ.

Въ исходѣ второго Августѣйшіе путешественники приближаются къ старому политическому центру острова. Лишенный всякаго внѣшняго величія и довольно ничтожный по размѣрамъ городъ Канди на первыхъ порахъ даже слегка разочаровываетъ. Новенькіе домики, прямолинейныя улицы, европейцы-волонтеры у зданія Почты . . . развѣ это нагорная столица и относительно недавній очагъ враждебныхъ думъ и чувствъ по отношенію къ Западу? Экипажи Великихъ Князей проѣзжаютъ по «Ward Street», «Bund Road», «Victoria Esplanade» и «Church Street» къ такъ-называемому «Павильону» губернаторовъ, гдѣ предполагено прогостить до слѣдующаго дня. Почетный караулъ выстроенъ отъ знакомыхъ по Коломбо «Highlanders». Выдающіеся по соціальному положенію туземцы и полуголые вожди въ живописной по складкамъ плащей одеждѣ, съ широкополыми шляпами

ГЕНІЙ ОХОТЫ У АННАМИТОВЪ.

крайне неестественнаго покроя, сгруппированы при входѣ въ правительственную резиденцію, расположенную среди прелестныхъ садовъ у подножія холма (изъ гряды ему подобныхъ, опоясывающихъ болѣе низменную окрестность).

Послѣ короткой предвечерней прогулки и оффиціального поздняго обѣда Ихъ Высочества отправляются посмотрѣть на процессію (Перахера) религіознаго характера, которая обыкновенно устраивается для народа или точнѣе жречествомъ для самого себя и вождей въ іюлѣ мѣсяцѣ, но сегодня экстренно организована въ честь Гостей съ Сѣвера. Зрѣлище — безспорно любопытнаго свойства и понятно, почему принцъ Уэльскій просилъ его повторить, запоминая оригинальныя подробности шествія. Оно — чисто индійскаго и притомъ буддійскаго происхожденія, будучи заимствовано изъ джаганнатскаго храма въ Пури у Бенгальскаго залива, гдѣ нѣкогда процвѣтала вѣра Шакья-Муни и культъ мощей, —

ТУЗЕМНАЯ МЕЧЕТЬ НА ЯВѢ.

празднество же, о которомъ идетъ рѣчь, посвящено именно торжественному передвиженію *Зуба* «учителя». На камняхъ Бхархутской ступы изваяна, между прочимъ, современная по деталямъ слоновая процессія во славу ковчежца съ останками Будды.

Скоро десять. Немного раньше, какъ говорятъ, картина была бы ярче, въ виду большаго числа огней, которые постепенно меркли въ ожиданіи начала дѣйствія.

Въ полумракѣ различаешь примолкшую толпу, со вкрапленными въ нее европейцами: вотъ загудѣли унылые рога, запѣли кимвалы, запищали флейты, забили тамъ-тамы, заискрились наконецъ красноватымъ отблескомъ факелы длиннаго кортежа, — степенно выступившаго по направленію къ Именитымъ Посѣтителямъ, взирающимъ на Перахеру съ башенки — книгохранилища при кумирнѣ Малигава.

Мѣстные разодѣтые главари со значками-щитами, бритое духовенство, приплясывающіе и кривляющіеся чертопоклонники (Каттадія) въ украшеніяхъ-побрякушкахъ, богато убранные попонами и бляхами слоны (числомъ отъ тридцати до сорока) подъ балдахинами

на спинѣ для увѣнчанія поставленныхъ на нее предметовъ служенія, — вся эта масса колышется во мглѣ и медленно проходить мимо Ихъ Высочествъ.

ЦАРСКІЯ ПАГОДЫ ВЪ СИАМѢ.

Особенно бросается въ глаза одинъ четвероногій гигантъ съ рѣдкими для цейлонской породы клыками, — которые ему еще украсили крупными мѣдными оправами, — съ

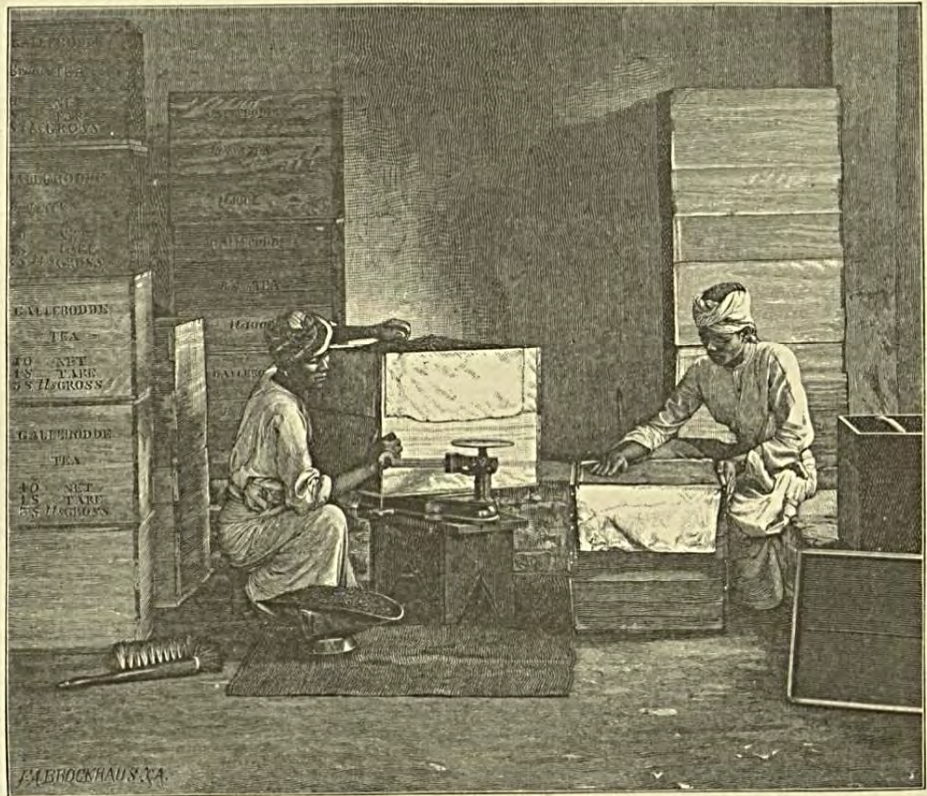

ПРИЕМЪ ВЪ КАНТОНЪ.

перьями и краснымъ сукномъ на головѣ, съ гармонично позванивающими кольчиками: въ отличіе отъ другихъ животныхъ, никто на немъ не сидитъ, — два вожака лишь и два слона поменьше идутъ по сторонамъ избранника, несущаго колоколообразный драгоценный сосудъ (Карандава), гдѣ помѣщается «зубъ Будды».

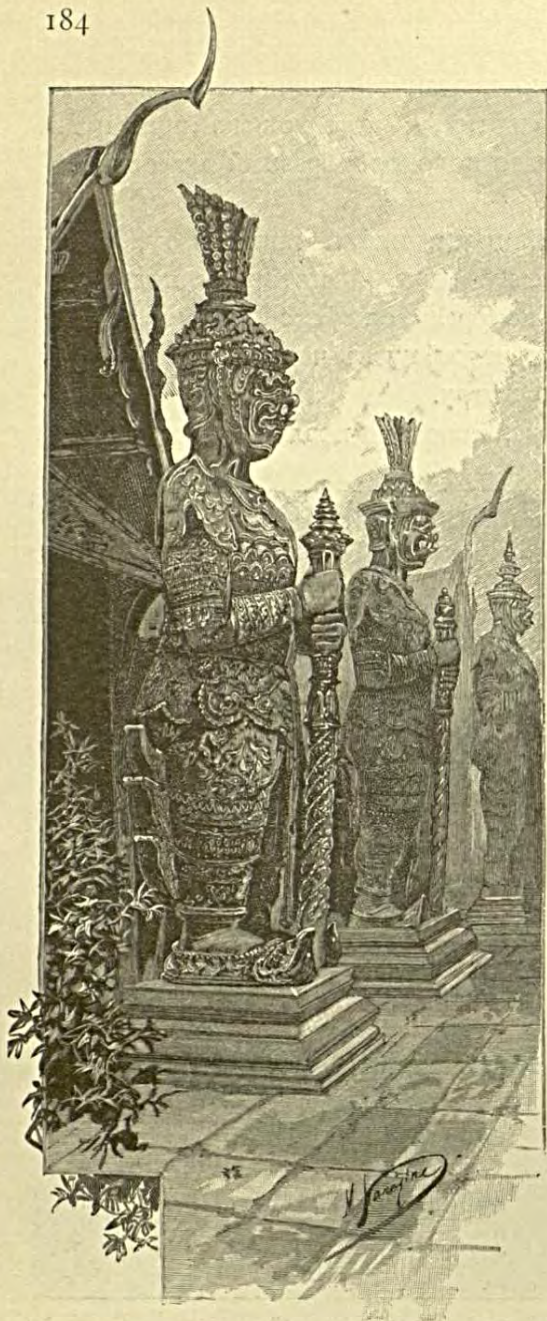
Встарь эти процессіи, кромѣ прямой религіозной цѣли, имѣли также и ту, чтобы великолѣпіемъ ихъ порадовать и почтить обожевляемаго царя, — которому подданные прощали всякую несправедливость, за тяжкіе грѣхи котораго они скорбно молились и постились, самый прахъ коего послѣ сожженія отдавали человѣку въ черной маскѣ, чтобы онъ его везъ по мутной рѣкѣ Махавели и развѣялъ по вѣтру.

Осѣненные «бѣлымъ зонтомъ» властелины острова, довольно поздно создавшіе себѣ столицу изъ Канди, устроились въ ней, правда, гораздо хуже и бѣднѣе прежнихъ повелителей, — подъ чьею эгидой цвѣлъ Цейлонъ; но и послѣдніе хозяева нагорнаго края сравнительно долго умѣли продержаться на извѣстнаго рода высотѣ могущества: такъ, напр. питая глубокую ненависть къ европейцамъ, будто-бы «пьющимъ кровь и питающимся *бѣлыми* камнями», король Раджа Синга не постѣснился въ 1679 г. безпричинно и безнаказанно избить голландское посольство, привезшее

НА ЦЕЙЛОНСКОЙ ЧАЙНОЙ ФАКТОРИИ.

ему для потѣхи его любимыхъ птицъ (соколовъ съ малабарскаго берега и боевыхъ пѣтуховъ изъ Тутикорина), не постѣснился тогда же морить въ тяжкомъ заточеніи терпѣвшихъ крушеніе англичанъ и высѣчь свиту французскаго посла за то, что послѣдній, вопреки этикету, верхомъ попытался доѣхать до дворца. Въ ту пору и колонизаторы по нравственнымъ качествамъ стоили цейлонскихъ деспотовъ: суровые голландцы, колесовавшіе въ Батавіи за честолюбивые замыслы одного изъ своихъ губернаторовъ Коломбо, параллельно снаряжали здѣшнимъ буддистамъ суда для доставки съ индо-китайскихъ побережій болѣе свѣдущаго въ вопросахъ религіи духовенства. Кстати, надо замѣтить: связь послѣдователей Шакья-Муни на островѣ Ланкѣ съ единовѣрнымъ Востокомъ (по временамъ даже съ весьма отдаленнымъ) поддерживалась искони: путями сообщенія служилъ не только океанъ, а являлась и суша. Многіе цейлонцы ходили въ Китай черезъ Гималаи, неся богдыханамъ: рѣдчайшіе аметисты, сапфиры и рубины, наконецъ

У СІАМСКОИ КУМИРНИ.

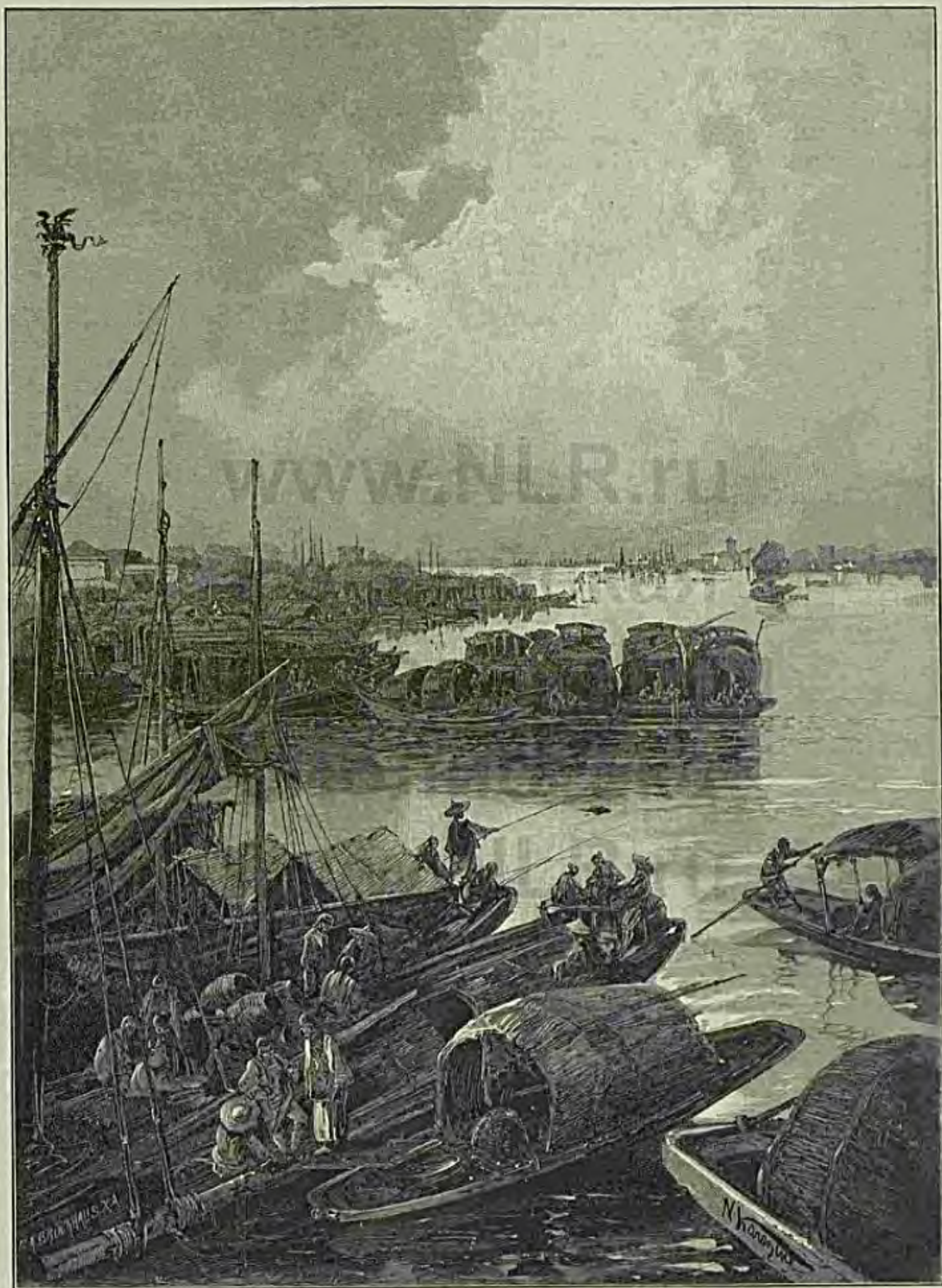
изящнѣйшіе на свѣтѣ кумиры «бога-учителя». Иногда нужно было потратить десять лѣтъ на дорогу туда!

Средніе вѣка, по видимому, усилили подобное сознаніе внутренняго сродства между политически чуждыми странами, гдѣ привился культъ Будды. Между тѣмъ теперь взаимодѣйствіе ихъ въ упадкѣ. Когда-то кашмирцы преподавали сингалезамъ азбуку своего религіознаго искусства. Въ данную минуту тамъ на сѣверѣ отчасти забыто и оно, но совершенно утрачены реальныя представленія о знакомомъ съ древности югѣ. Глава моравской миссіи въ Ладакѣ г. Вебберъ почему-то нашелъ нужнымъ недавно написать для туземцевъ цѣлую книжку о настоящемъ положеніи Цейлона; однако по моему еще — вопросъ, есть-ли дѣйствительная потребность у нихъ знать грустную истину о паденіи легендарнаго прошлаго на полумионическомъ островѣ.

Суббота, 2 (14) февраля.

Кандійское озеро, созданное въ XIX столѣтіи послѣднимъ властелиномъ, мерцаетъ въ лучахъ утра сумрачною гладью окаймленныхъ зеленою водъ. Ихъ Высочества направляются къ прибрежному храму, чтобы посмотрѣть на диковинный и незримый для простыхъ смертныхъ «зубъ Шакья-Муни». Хранящее его капище въ архитектурномъ отношеніи мало интересно, воздвигнуто при помощи плѣнныхъ португальцевъ и характерно лишь по стѣнной живописи, изображающей мученія въ аду. Благовонія наполняютъ воздухъ кумирни, фигуры «царевича-мудреца» выдѣляются надъ утопающими въ цвѣтахъ

алтарями, сѣдые монахи съ благоговѣніемъ вынимаютъ изъ нѣсколькихъ все уменьшающихся и вставленныхъ другъ въ друга сосудовъ palladium Цейлона: нечеловѣческой клыкѣ, вправленный въ лепестки золотого лотоса. Вмѣщающіе его ковчежцы сдѣланы изъ того же металла, увѣшаны нитями драгоцѣнностей, имѣютъ форму колокола и напоминаютъ повсемѣстно существующіе памятники буддизма (отъ сибирскаго Сѣвера до Явы), такъ-называемые монгольскіе «субурганы», «ступы» древней Индіи и «дагобы» цейлонскихъ ревнителѣй, т. е. сооруженія изъ различнаго матеріала и самой различной величины (отъ почти миниатюрныхъ для домашнихъ жертвенниковъ до гигантскихъ и подавляющихъ великолѣпіемъ орнамента). Какой-то досужій англичанинъ вычислилъ, что изъ камней одной цейлонской дагобы можно сложить стѣну въ полторы сажени высоты, на разстояніи отъ Эдинбурга до Лондона!

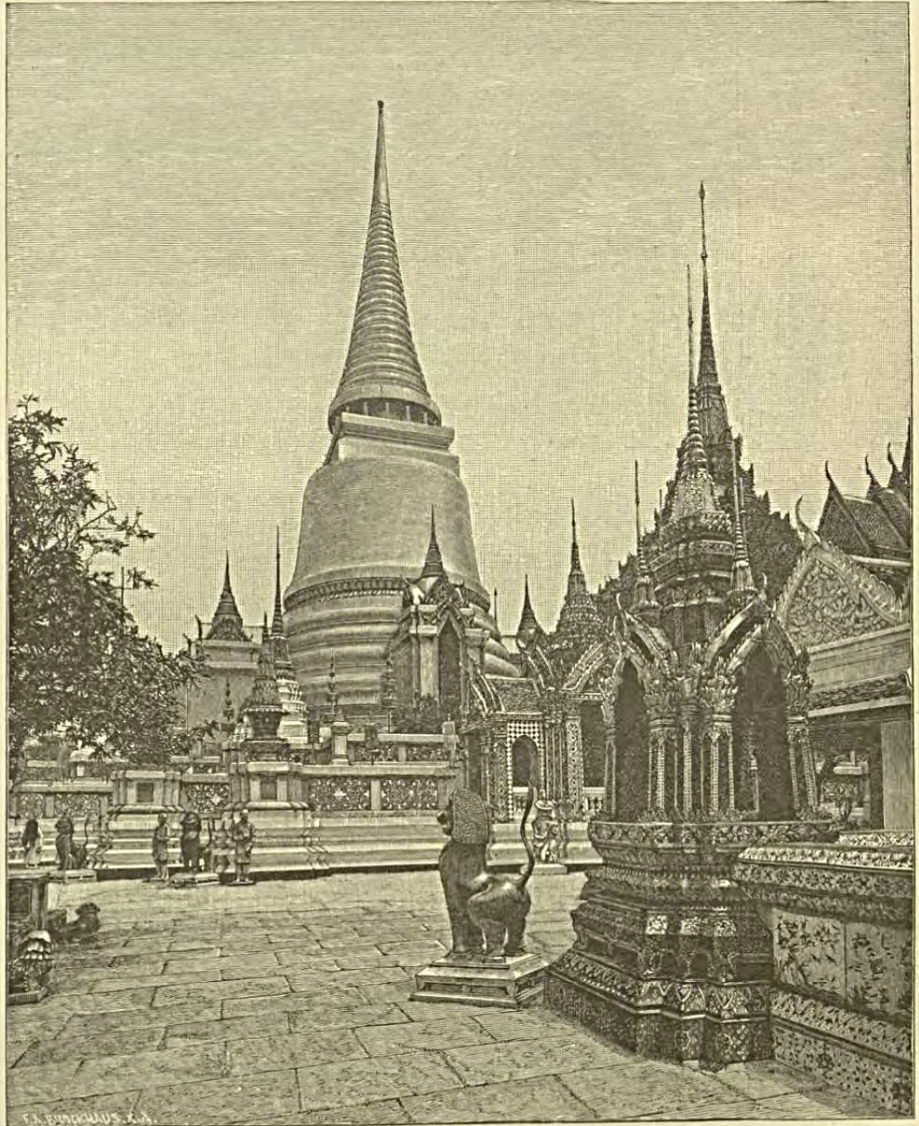

КАНТОНЪ.

Кто только изъ туристовъ ни смѣялся надъ вѣчно почти незримымъ религіознымъ сокровищемъ Канди, — страннымъ «зубомъ» (далада), занесеннымъ на островъ изъ сравнительно дальней Ориссы, увозившимся съ бою обратно на материкъ браманистами, снова побѣдно возвращавшимся сюда въ центральныя старыя столицы? . . . При знаменитомъ чингисханидѣ Кублай-ханѣ велись тщетныя переговоры объ уступкѣ ему этой буддѣйской «святыни». Въ началѣ XV вѣка цейлонцы провинились передъ Небесной имперіей и за это ихъ покарало спе-

циально снаряженное китайское войско: въ числѣ богатыхъ трофеевъ, отправленныхъ въ Нанкинъ участниками безпримѣрнаго въ своемъ родѣ морскаго похода находился будто-бы и пресловутый клыкъ. Одноименную или тождественную съ нимъ драгоценность португальцы захватили однако потомъ на Цейлонѣ. Индо-бирманскіе буддисты заволновались и послали въ Гоа выкупить ее. Горевавшіе отъ безденежья «лузитанскіе доны» (къ слову сказать, продававшіе чванливымъ сингаламъ дворянскій титулъ по очень дешевой цѣнѣ) порадовались предложенію, но духовенство съ инквизиторами во главѣ наотрѣзъ отказало потворствовать языческимъ бреднямъ и въ

торжественномъ ауто-да-фэ сожгло ненавистный ему предметъ чужаго поклоненія. Въ результатъ получилось слѣдующее: цейлонцы признали фактъ плѣненія и уничтоженія «подлиннаго зуба» вымысломъ, пали ницъ передъ новоявленнымъ и квази-настоящимъ, продали даже еще другой совершенно аналогичный съ нимъ въ область Пэгу на рубежахъ Индо-Китая. Вѣра остается непошатнувшейся: восточному человѣку историческія доказательства ничего ровно не говорятъ, — убѣдительно для него одна сила чувства, могучимъ токомъ проникающая толпу, заставляя ее бѣжать сомнѣнья, безусловно уповать и пламенно молиться.

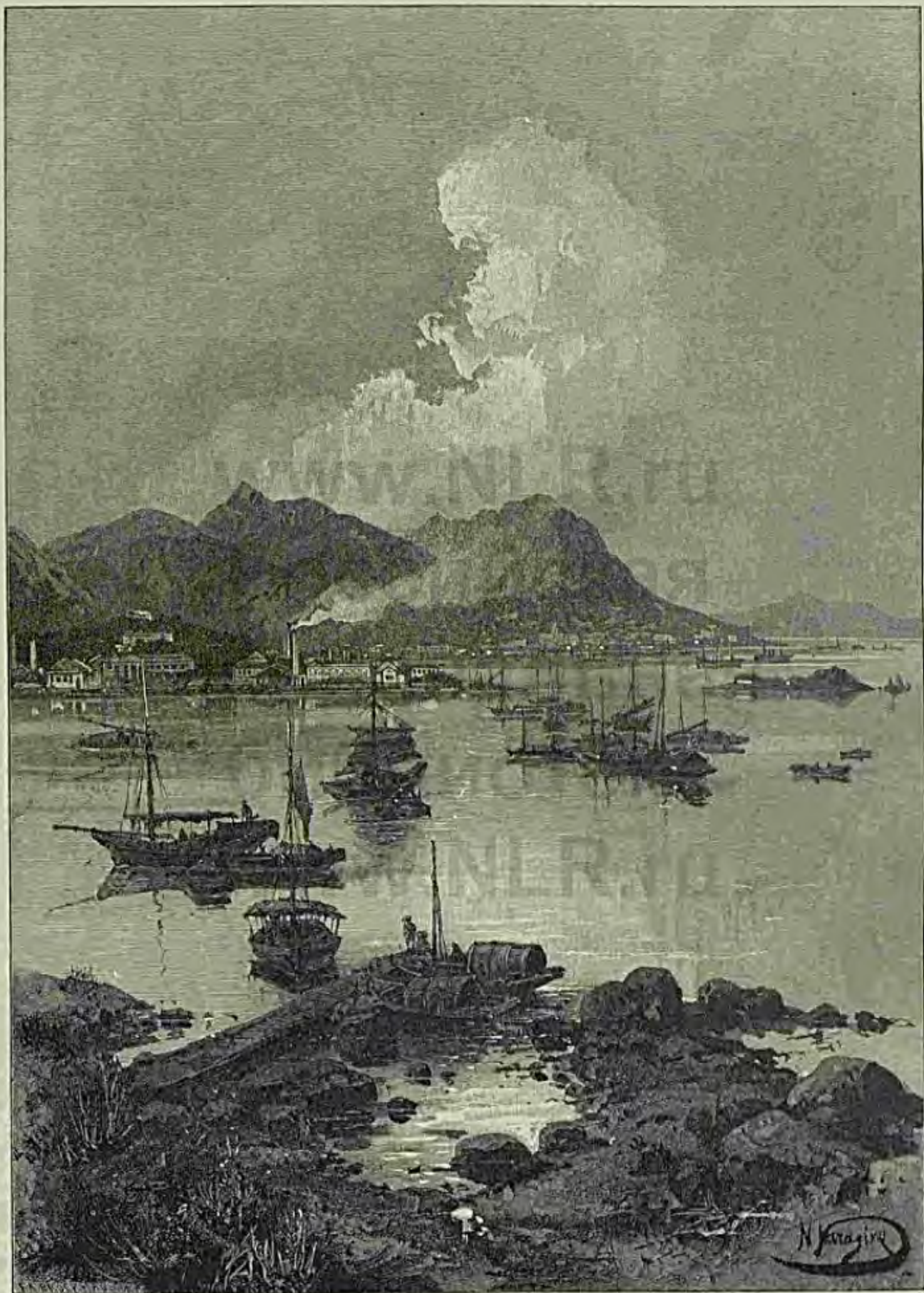
СИАМСКАЯ КУМИРНЯ.

На лицѣ монаховъ-хранителей «далады» играетъ добрая улыбка, но вообще у нихъ въ чертахъ разлиты скорѣе грусть и покорность судьбѣ. Дни славы и могущества кумирни Малигава, а въ связи съ этимъ и жречества, миновали: очень крупное недвижимое имущество, даръ царей монастырямъ чуть-ли не съ незапамятныхъ временъ, подлежитъ конфискации на пользу народного образованія въ краѣ, — хотя религіозные центры именно-то

КРЕСТЬЯНСКІЯ ДѢТИ ВЪ СІАМѢ.

и служили издревле интересамъ просвѣщенія, годнаго для туземцевъ. Въ эпоху процвѣтанія буддизма на Цейлонѣ, когда властители ставили духовныхъ наставниковъ въ желтомъ одѣяніи превыше всего на свѣтѣ, среди нихъ еще царило соревнованіе: школы держались различнаго богословскаго направленія (между прочимъ сіамскаго), подъ вліяніемъ постоянныхъ военно-политическихъ и бытовыхъ соприкосновеній съ Мадурой и Танджоромъ воспринимали шиваито-вишнуитскую еретическую окраску и т. д. Но тогда по крайней мѣрѣ этотъ міръ жилъ и боролся орудіемъ знанія. Съ тѣхъ поръ люди и обстоятельства

ГОНКОНГСКИЙ РЕЙДЪ.

измѣнились. Никто не подвергаетъ мукамъ и не преслѣдуетъ мѣстное жречество, какъ бывало изрѣдка при наиболѣе своевольныхъ и жестокихъ правителяхъ, — параллельно же, съ присущей индійскому Востоку вѣротерпимостью, подъ наплывомъ иноземныхъ понятій и религіозныхъ взглядовъ завѣтной книжной премуд- блескъ нѣкогда священныхъ къ иновѣрцамъ сингалезы совѣсти въ истинныхъ буд- слѣпой приверженности, ни

падаетъ значеніе старой обрядности, рости, меркнетъ наконецъ самый преданій. Незлобивы по отношенію были давно: вопросы убѣжденій и дистахъ не должны вызывать ни вражды. Несторіане и гонимые ши-

ФРУКТЫ НА ЯВѢ.

ты тысячу лѣтъ тому назадъ, язычники съ близкаго материка при бѣшеномъ натискѣ ислама, тѣснимые голландцами католики-туземцы съ побережій, — всякій поочередно нахо- дилъ внутри острова убѣжище и привѣтъ. Въ 1845 г. въ одномъ изъ мѣстныхъ округовъ убило молніей нѣкоего любимого туземцами капитана Роджерса: буддисты рѣшили озна- меновать память о немъ сооруженіемъ небольшого христіанскаго храма!

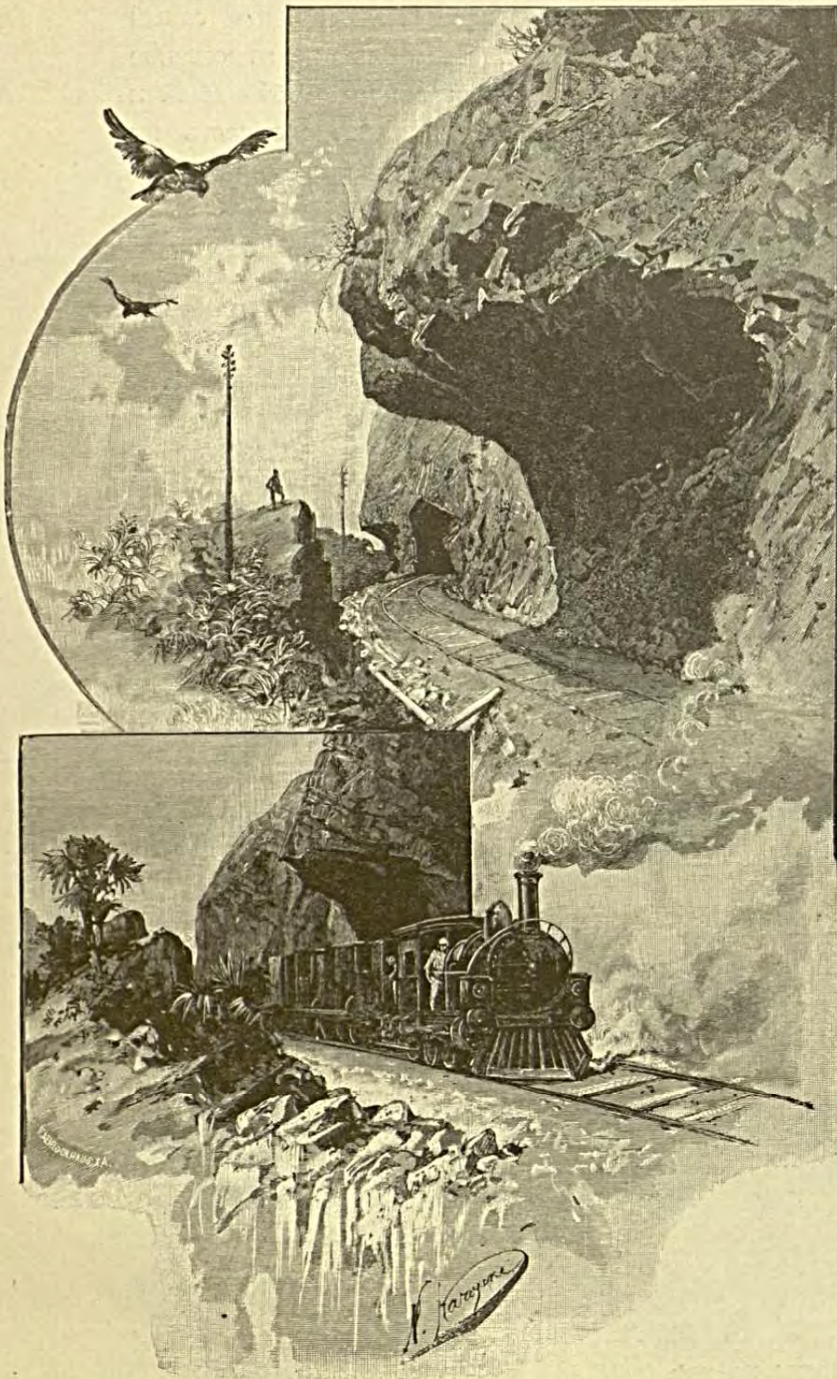
Передъ тѣмъ какъ покинуть Канди Августѣйшіе путешественники совершаютъ еще прелестную прогулку по оригинальной дорогѣ, которая зигзагами бѣжитъ вокругъ мирно дремлющаго озера. Каскады зелени спускаются по направленію къ ней съ кудрявыхъ

окрестныхъ холмовъ. Любой поворотъ, любой скатъ къ водѣ — полны поэзіи. Среди лона влаги виднѣется островочекъ, гдѣ прежніе цари держали взаперти, а по временамъ и казнили ревнуемыхъ женъ первобытными способами. По народному вѣрованію утопленницы здѣсь и нынѣ не находятъ покоя, ищутъ жертвъ и ежегодно будто-бы находятъ; ибо берега топки, а тихая озерная гладь алчнѣ бездны . . .

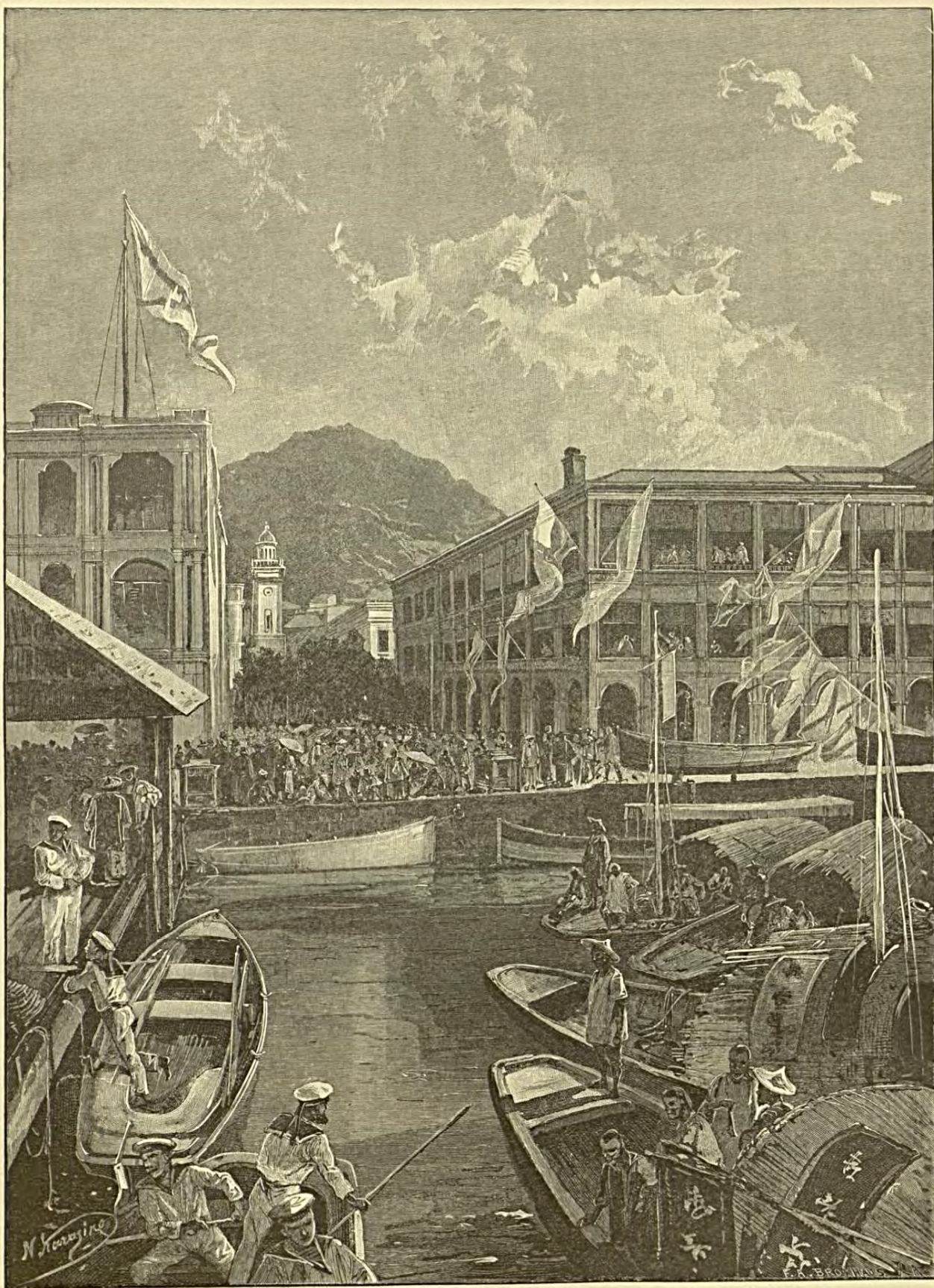
Въ 10 часовъ 40 минутъ утра Ихъ Высочества покидаютъ въ экстренномъ поѣздѣ красиво декорированный туземцами мѣстный вокзалъ (съ гирляндами изъ нѣжныхъ листьевъ кокоса и съ надписями: «Welcome to the Royal Visitors», «Long live H. I. H. the Czarewitsch») и направляются на югъ: выше, въ горы. Линія у станцій Галбода и Ватавала окаймлена молодыми недавно расчищенными чайными плантаціями: уродливо обнажена грудь холмовъ, лежатъ и гніютъ поваленныя деревья, чернѣютъ обугленные пни . . .

На станціи Гаттонъ (съ изящной металлической верандой и аркою, перекинутой черезъ рельсовый путь), въ 20 минутъ втораго часа пополудни, опять ждутъ экипажи для посѣщенія недалеко отстоящихъ скачекъ Дарравелла (за 3½ верстъ). Ипподромъ и клубъ организующаго ихъ общества празднично убраны. Августѣйшіе путешественники привѣтствуются звуками гимновъ (русскаго, греческаго и англійскаго). Зрители-европейцы

въ числѣ 300 человекъ (преимущественно плантаторы) почтительно обнажаютъ передъ Ними головы. Затѣмъ пестрятъ еще толпы туземцевъ, между которыми едва-ли не преобладаетъ тамильскій элементъ (довольно жалкіе и тощіе съ виду люди, въ рабскихъ условіяхъ коротающіе среди нагорнаго Цейлона свой вѣкъ, — изнемогая съ одной стороны

ДОРОГА ВЪ КАНДИ.

ПРИСТАНЬ ВЪ ГОНКОНГЪ.

отъ задолженности за провозъ сюда изъ Индіи и отъ значительныхъ мѣстныхъ цѣнъ на предметы первой необходимости, которые, вдобавокъ, покупаются обязательно на самой подрядившей рабочаго плантаціи, — а кромѣ того страдая и отъ климата, нерѣдко вызывающаго на возвышенностяхъ жестокія простуды и чахотку). Темное населеніе, по отзыву газетъ, жаждетъ взглянуть поближе на «Рушія Кумарія» (Русскаго Престола наследника).

Скаковой кругъ очень малъ. Изъ лошадей отличается, по странной случайности, «Донъ».

ИЗЪ СОКРОВИЩНИЦЫ СІАМСКАГО КОРОЛЯ.

Пробывши на ипподромѣ около часа, Ихъ Высочества удостоиваютъ посѣтить зданіе дарравельскаго клуба и отправляются дальше со станціи Гаттонъ на станцію Нану-ойя. Дорога безконечными поворотами (мимо раззоренныхъ кофейныхъ насажденій) тянется живописными ущельями и постепенно достигаетъ, идя впередъ спиралью, болѣе пяти тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. По временамъ полотно пути бѣлѣетъ прямо надъ каймой обрыва: вагоны точно висятъ на воздухѣ среди скалъ. Яснѣе и яснѣе обрисовываются самая большая гора Педроталлагалла и Адамовъ пикъ мусульманскаго преданія, столь же знаменитый и столь же овѣянный легендой у буддистовъ, у браманистовъ, даже у христіанъ. Послѣдніе, составляющіе на Цейлонѣ множество преимущественно католическихъ общинъ, думаютъ, будто пресловутая вершина сохраняетъ слѣды колѣнъ

молившагося тамъ Апостола Оомы, — сингалезы считаютъ ее освященною стопами своего «учителя», а индусы — Шивы.

Природа окрестъ замѣтно измѣнилась. Пальмы и смѣнившіе ихъ бананы уступили мѣсто могучимъ зарослямъ алоэ. Ландшафты принимаютъ шотландскій оттѣнокъ. На первый взглядъ чудится, что міръ тропиковъ кончился и поѣздъ идетъ по западно-европейской возвышенной странѣ.

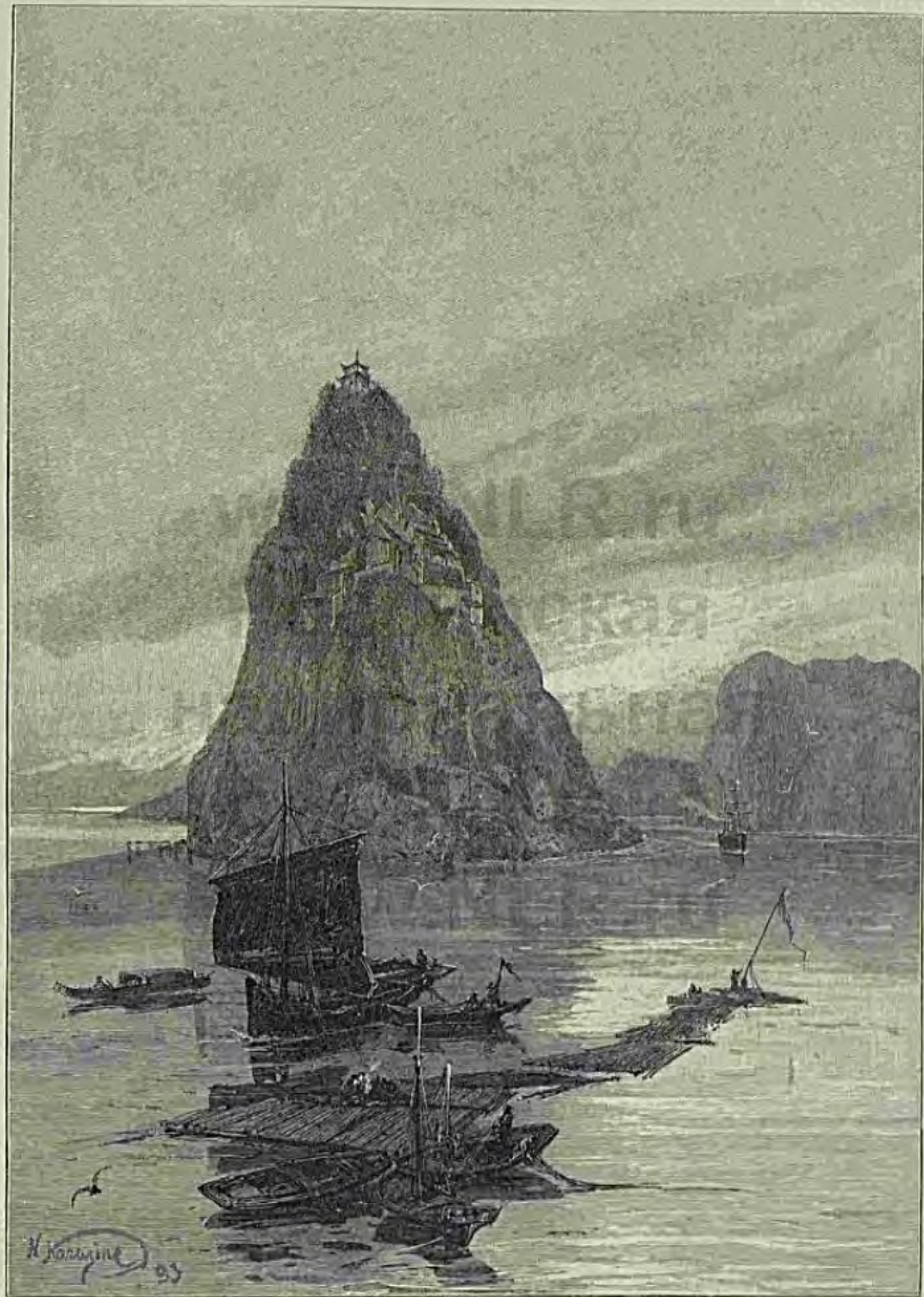
стѣйшіе путешественники
ются изъ городка

Въ шестомъ часу вечера Авгу-
въ экипажахъ направля-
Нану-ойя за 7 верстъ,

БЕТЕНБОРГСКИЙ ДВОРЕЦЪ НА ЯВЪ.

на гористое плато «Нуvara-Элія» (царскій очагъ свѣта), обрамленное нелюдимыми хребтами. Здѣсь не было встарь туземнаго жилья. Кромѣ богомольцевъ, отшельниковъ и бѣглецовъ (между прочимъ кандійскихъ правителей въ эпоху несчастной борьбы съ «бѣлыми» пришельцами) сюда никто не всходилъ, хотя мѣстность до тонкости изучена была сосѣднимъ населеніемъ. Лишь въ 20-хъ годахъ открыли ее британскіе офицеры-охотники, и слава о ней сразу прогремѣла. Въ Коломбо поняли важность обладанія санаторіумомъ, гдѣ бы колонизаторы (особенно войско) могли отдыхать отъ зноя на побережьяхъ и подкрѣплять

МОНАСТЫРЬ НА ГОЛУБОЙ РЫКЪ.

силы въ климатическихъ условіяхъ, сродныхъ сѣверянину. «Нурэлія» (какъ ее искаженно прозвали англичане) стала застраиваться уютными коттѣджами и разрастаться въ смыслѣ центра оѣдности. При всемъ постепенно обнаружившемся несходствѣ приравниваемыхъ другъ другу зонъ, европейцы тутъ тѣшились и тѣшатся утреннимъ холодкомъ въ зимніе мѣсяцы, позволяющимъ даже зажигать огонь въ каминахъ, — частыми туманами, способными навести сплинъ, — наконецъ элегическимъ характеромъ широкаго травянистаго межгорья съ коричнево-зеленой топью у подножія лѣсистыхъ угрюмыхъ склоновъ... При-

ЗНАТНАЯ СИАМСКАЯ СЕМЬЯ.

сутствіе колокольчиковъ, незабудокъ (правда, среди фантастически окрашенныхъ орхидей и фіолетовыхъ генціанъ!) усугубляетъ иллюзію, — а мирты, лавры и стройныя пиніи вдали положительно рисуются хвойными деревьями.

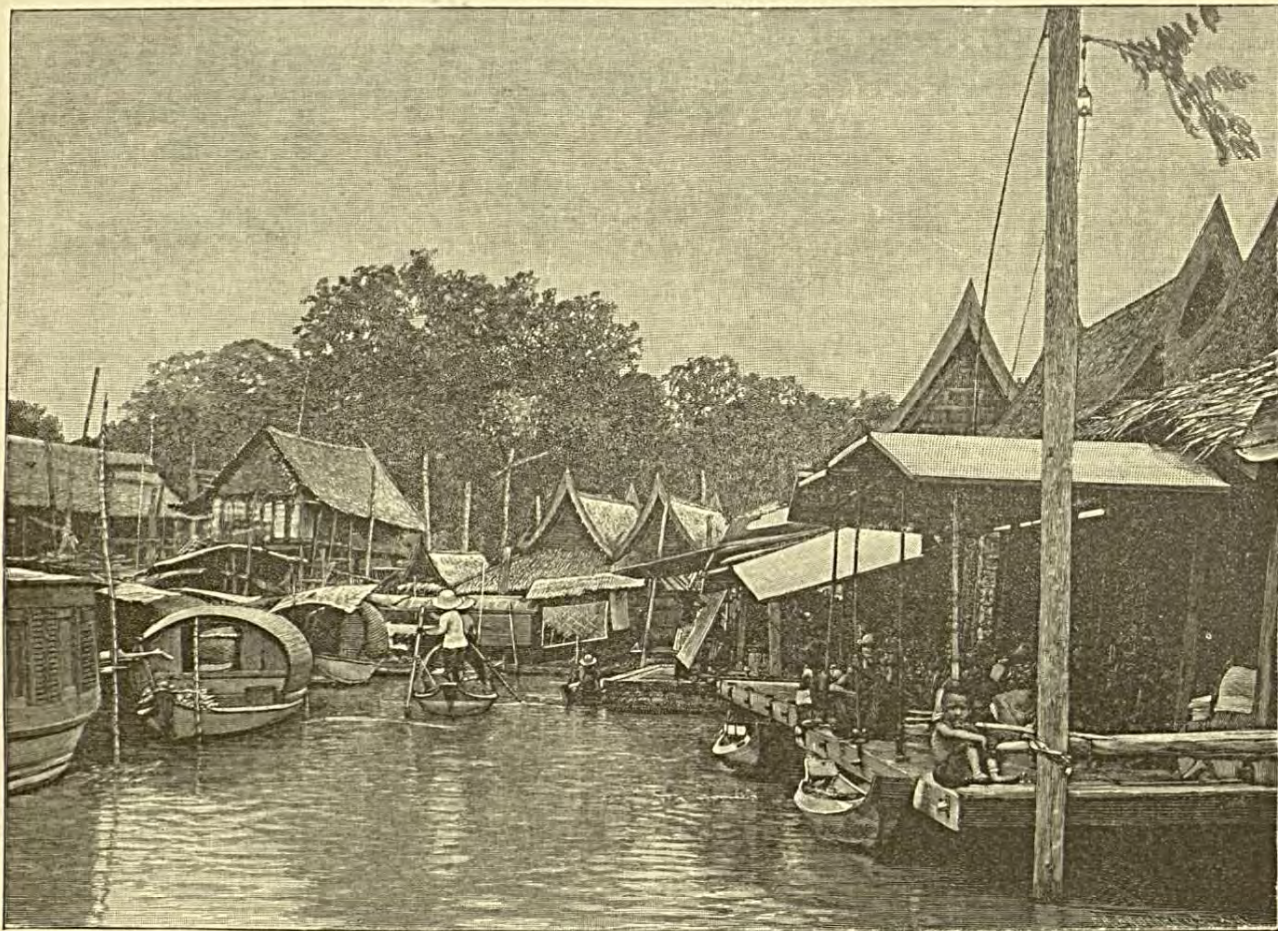
При быстрыхъ перемѣнахъ температуры (въ теченіе 6 часовъ градусникъ показываетъ колебанія на двадцать по Реомюру) немудрено однако, если Нувара-Элія скоро будетъ признана вредною для пребыванія послѣ изнѣженной жизни у моря.

Великіе Князья и принцъ Греческій останавливаются въ «Queen's Cottage» (въ виду его непомѣстительности губернаторъ сопровождалъ только до станціи Гаттонъ), а часть свиты въ «Grand Hotel» и клубѣ.

Ихъ Высочества остаются здѣсь до 5 (17) февраля, посвящая время прогулкамъ и охотѣ. Окружающая долина съ маленькимъ озеромъ по срединѣ слегка напоминаетъ

мѣстность въ Альварѣ, гдѣ мы двигались черезъ джонгль на слонахъ. Экскурси за дичью не увѣнчиваются особеннымъ успѣхомъ ни въ Воскресенье, ни въ Понедѣльникъ.

Наслѣднику Цесаревичу удастся, впрочемъ, убить оленя-рогача (sambhur stag). Погода хмурится и небо дождливо, хотя сезонъ считается зимнимъ и сухимъ. Кочубей ушелъ въ горы на охоту за дикими слонами съ извѣстнымъ охотникомъ на нихъ Le Mesurier, который непосредственно передъ тѣмъ сопровождалъ И. И. В. Великихъ Князей Александра и Сергія Михайловичей въ ихъ смѣлыхъ охотничьихъ экскурсіяхъ внутри острова. Истребленіе лѣсныхъ великановъ, когда-то практиковавшееся въ очень большихъ размѣрахъ съ

УЛИЦА ВЪ БАНГКОКѢ.

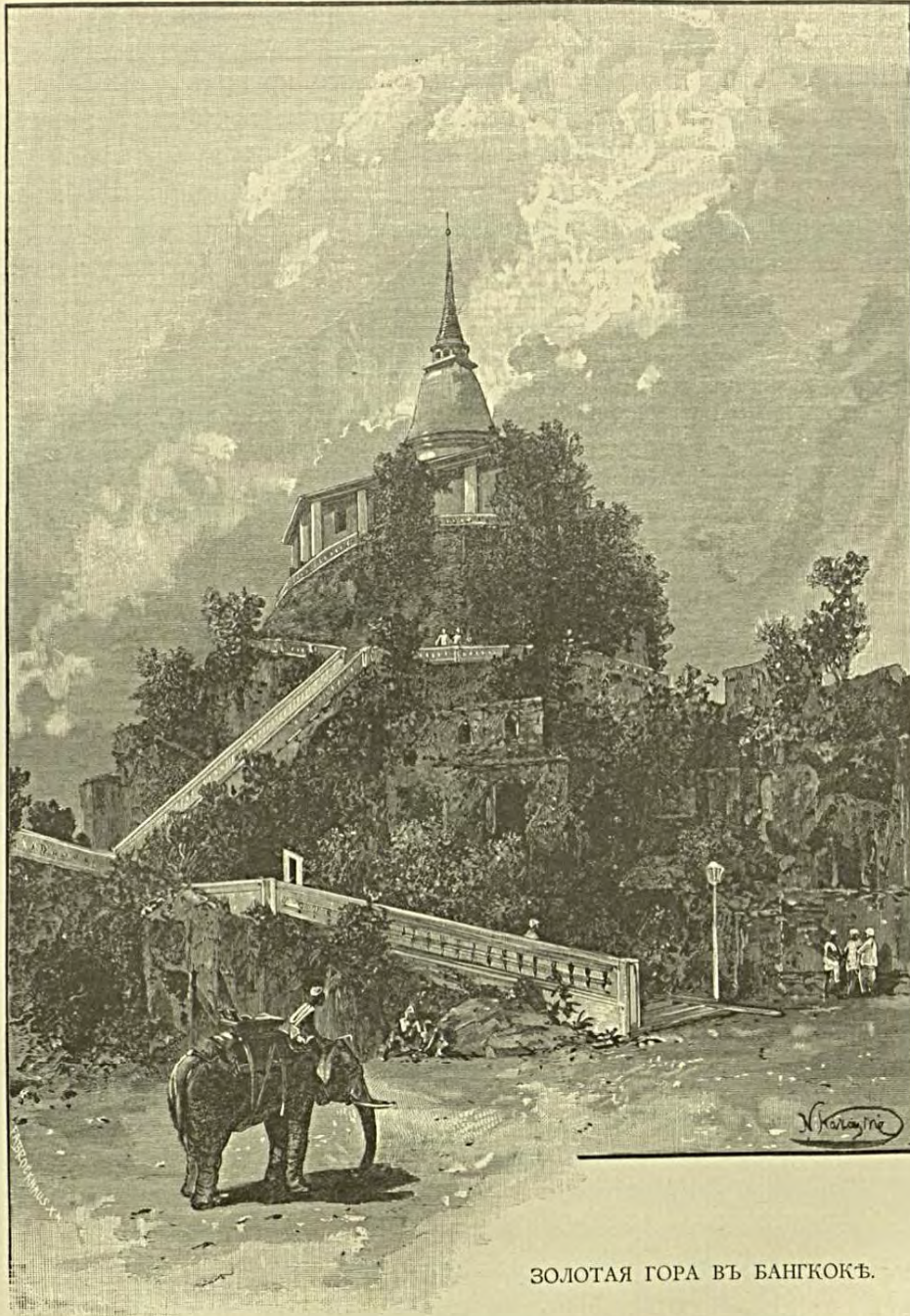
цѣлью оградить полезныя деревья и насажденія отъ разрушительныхъ набѣговъ каждаго такого гиганта, теперь ограничено: да и сами слоны все больше боятся и бѣгутъ человека, прячутся въ непроходимой чащѣ, въ сознаніи своей относительной беспомощности забиваются въ тишь и тѣнь! Послѣ Нувара-Эли Августѣйшимъ путешественникамъ предстоитъ видѣть «крааль» (такъ съ португальскаго періода принято называть ловлю, загонъ слоновъ въ тщательно огороженное пространство среди джонглей).

Пятаго утромъ (въ девятомъ часу). Ихъ Высочества отправляются изъ Нану-ойи обратно по желѣзной дорогѣ до пункта Уругодевати, откуда въ 3 часахъ 15 минутъ до вечера въ экипажахъ ѣдутъ десятки верстъ почти до искусственнаго озера или точнѣе огромнаго резервуара Лабугама (отсюда, не щадя затратъ, сдѣланъ длиннѣйшій водопроводъ

ВСТРѢЧИ НА ГОЛУБОЙ РѢКѢ.

въ Коломбо), съ остановкой въ Хангвела у одного родовитаго сингалеза (Don Solomon Dias Bandaranaike), принимавшаго здѣсь въ свое время принцевъ: Эдинбургскаго въ 1870 г. Уэльскаго въ 1875 г. и его сыновей въ 1882 г.

ЗОЛОТАЯ ГОРА ВЪ БАНГКОКЪ.

Около упомянутаго водоема воздвигнуть рядъ построекъ для Именитыхъ Гостей и свиты. Губернаторъ и много англичанъ прибыли на крааль, сооруженный въ относительной глуши (еще за нѣсколько верстъ), куда надо пробираться недавно проложенной узкой дорогой.

Описывать его я съ чужихъ словъ лучше не стану, — тѣмъ болѣе что скоро, въ Сіамѣ, придется видѣть сотни слоновъ въ первые моменты ихъ плѣна и тогда удобнѣе будетъ очертить цейлонскій пріемъ и получающіяся отъ него впечатлѣнія съ одной стороны, съ другой-же нарисовать полную картину перомъ очевидца.

Туземные вожди округа Сабарагомува организовали и энергично руководятъ облавой, на свой счетъ кормятъ добрыхъ двѣ тысячи загонщиковъ, безвыходно днюютъ и ночуютъ съ ними въ лѣсу, постепенно стягивающимся кругомъ (иногда крича, зажигая огни, вообще пугая) изводятъ дикихъ слоновъ, которые какъ разъ попались въ раіонъ ловитвы. Заполненіе великановъ джонгля началось уже 2 мѣсяца тому назадъ; люди самоотверженно ведутъ ее по твердо обдуманному плану; мѣшавшихъ и черезчуръ безпкойныхъ животныхъ найдено было даже возможнымъ пропустить черезъ цѣпь. Остальные чего-то ждуть, томятся, инстинктивно удаляются отъ взора человѣка, чуютъ бѣду и не въ состояніи прорваться на волю. Сингалезы искусно ведутъ это дѣло, изошрясь въ знаніи характера и привычекъ слоновъ. Наконецъ поймано девять: самого маленькаго подводятъ въ даръ Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Великіе Князья возвращаются 8-го февраля въ Коломбо и лишь 12-го разстаются: «Тамара» направляется на Тутикоринтъ.

ВЪ ТИХІЙ ОКЕАНЪ.

Задумчивый мѣсяцъ плыветъ подъ лазурными сводами,
Надъ зыбкой пучиной нависли туманы блестящіе,
Безбрежное море устало играть непогодами,
Узоромъ серебрянымъ затканы волны шумящія.

«Память Азова» и «Мономахъ» идутъ ширью полуденныхъ водъ на Сингапуръ: къ «Вратамъ Солнца» (Solis Portus географа Птолемея), къ «золотоносной» Малаккѣ (древнему Офиру)

По мѣрѣ того какъ чередуются дни и все рѣже оглядываешься назадъ на осмотрѣнное и покинутое, обновляемая отдыхомъ душа ощущаетъ наплывъ силъ и осязаетъ свои невидимыя крылья: мы собственно торопимся и стремимся уже не на чужбину, а домой, — потому что (хотя оно и звучитъ парадоксально!) для сердца каждаго русскаго, въ особенности же для нашихъ моряковъ исполненный грозной мощи Тихій океанъ въ символическомъ смыслѣ — второе отечество: свободное море

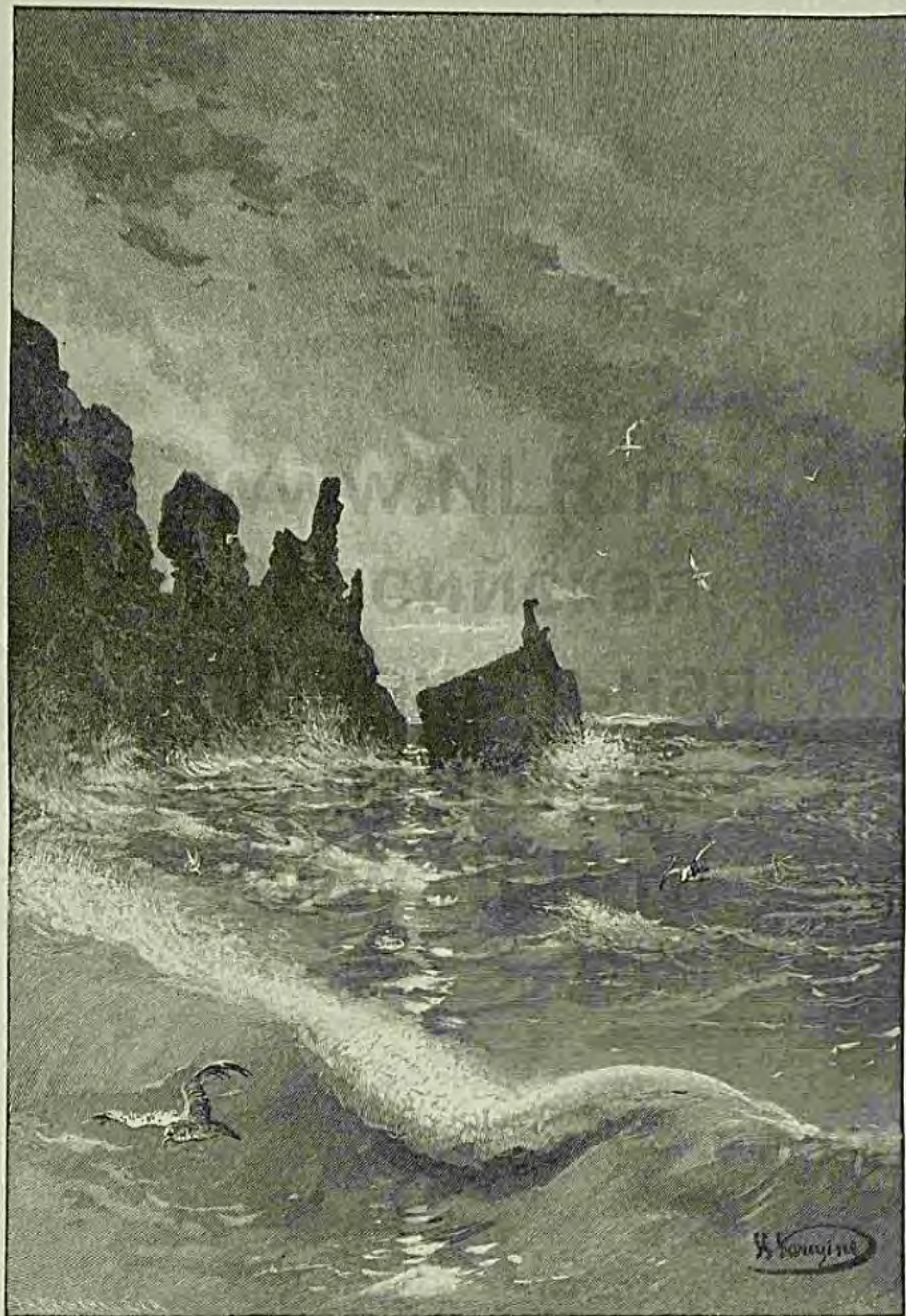
Насколько пройденный и по временамъ крайне тяжкій путь уносилъ въ область культурно-историческихъ и политическихъ, зачастую безспорно гадательныхъ размышленій, — настолько дальнѣйшіе моменты стоянокъ и плаванія яснѣе и такъ-сказать выпуклѣе: это тоже будетъ рядъ незнакомыхъ любопытныхъ земель, — но самобытнѣе очерченныхъ, чѣмъ англійскія колоніальныя владѣнія, и рѣзче замкнутыхъ по строю противъ разрушительнаго воздѣйствія западной цивилизаціи, чѣмъ терпѣливый Египетъ или безпомощно-унылая Индія и миниатюрный Цейлонъ. Въ справедливости подобнаго взгляда легко убѣдиться, если только представить себѣ, куда направляется «Азовъ». Вѣдь ему не придется болѣе бросать якоря и ждать у такихъ безразличныхъ и ничего русскому моряку не говорящихъ пунктовъ, какъ космополитическій Суэзъ или строго коммерческіе Бомбей и Коломбо! Характерныя, симпатичныя, искренно гостепріимныя побережья ждутъ насъ за Сингапуромъ

Идти въ Батавію, ступить на голландскую территорію подъ экваторомъ, увидѣть заботливо мыслящій объ инородцахъ и безхитростно расположенный къ намъ сѣверный народъ — развѣ это не наслажденіе своего рода? Что для насъ и для нашего внѣшняго развитія значила при Петрѣ честная и примѣрно трудолюбивая Голландія, понятно въ Россіи всякому школьнику. Приблизиться къ батавскому рейду подъ флагомъ Престола наследника, отвѣтить громомъ салютовъ на дружескій привѣтъ, въ расцвѣтъ нашей современной военно-морской силы появиться передъ потомками скромныхъ учителей Преобразователя и Создателя новой русской державы — свѣтлое историческое событіе, какія рѣдко повторяются. Голландцы его навѣрно оцѣнятъ и радостно къ нему отнесутся.

НАШИ КОРЕЙЦЫ У ВЛАДИВОСТОКА.

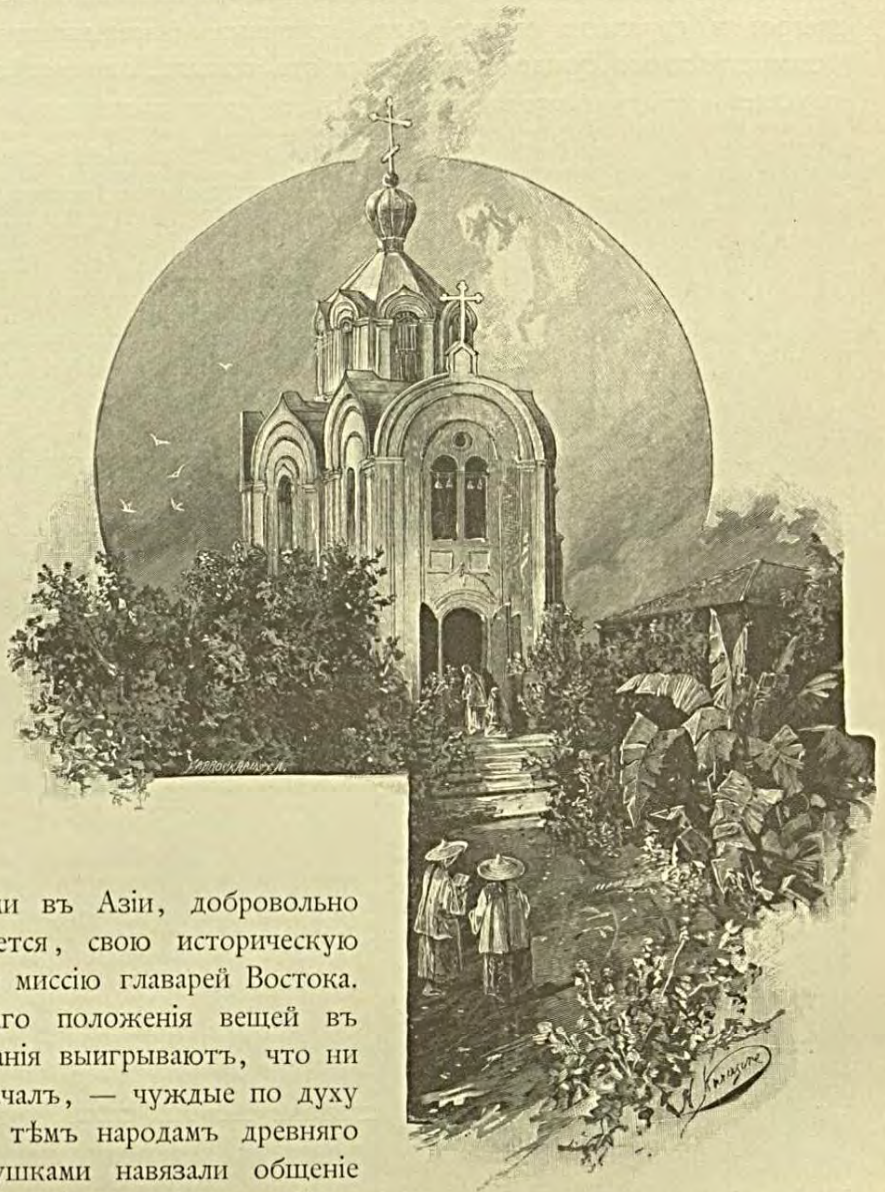
Предстоящая поѣздка въ глубь острова тоже, очевидно, будетъ непринужденнѣе обставлена, нежели мучительно-быстрыя передвиженія по царству королевы Викторіи. Одна уже перспектива подъема на вершину настоящей вулканической горы заставляетъ съ нетерпѣніемъ считать дни до индо-нидерландскаго побережья. А затѣмъ идетъ Сіамъ, — почти совершенно неизвѣстный европейскому міру, по своему культурный и здоровый основами своей политико-экономической непорабощенности Западомъ?! Король Чулалонкорнъ, говорятъ, съ живѣйшими благополюженіями готовится встрѣтить и со сказочнымъ блескомъ принять Дорогаго Гостя и вообще всю нашу эскадру. «Страна» измышленнаго неумными туристами «бѣлаго слона» (такихъ нѣтъ въ дѣйствительности, да едва-ли и раньше существовало) должна, конечно, дать много пищи для путевыхъ замѣтокъ и

МЫСЪ БАСАРГИНА У ВЛАДИВОСТОКА.

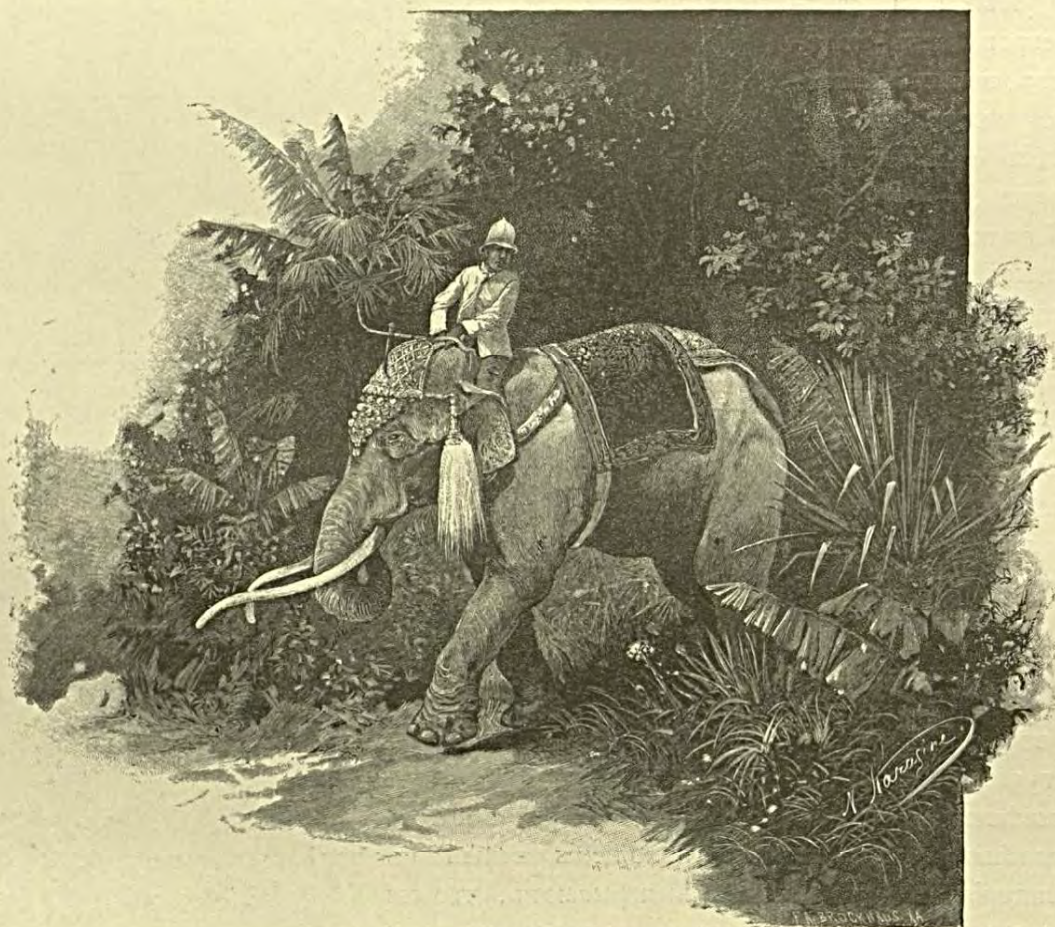
непосредственно-колоритныхъ описаній: только-бы поскорѣе сверкнулъ призывной гладью довольно мало извѣданный кораблями знойный Сіамскій заливъ!

Пребываніе въ Сайгонѣ, операціонномъ базисѣ тонкинскаго наступленія на важную окраину Китая, въ свою очередь должно быть связано съ чисто французскимъ энтузіазмомъ при чествованіи дружественной націи. Намъ — русскимъ, почти никогда не заглядывающимъ на далекую восточную чужбину, чтобы присматриваться къ степени умѣнья и средствамъ европейцевъ-колонизаторовъ, посѣщеніе центральнаго уголка громкой по названію «Индо-китайской имперіи», — управляемой изъ Парижа, — вдвойнѣ поучительно, вдвойнѣ полезно послѣ британскихъ владѣній и патріархально опекаемой Явы. Это тѣмъ болѣе кстати, что каждая наглядная цифра, каждая яркая подробность, каждое исполненное жизненнаго трепета явленіе по неволѣ будутъ и должны наводить на мысль, до какой степени мы — русскіе, будучи по престижу первыми въ Азіи, добровольно пока уступаемъ, кому придется, свою историческую роль и завѣщанную предками миссію главарей Востока. Отъ подобнаго ненормальнаго положенія вещей въ смыслѣ матеріальнаго процвѣтанія выигрываютъ, что ни годъ, ставители западныхъ началъ, — чуждые по духу и въ сущности ненавистные тѣмъ народамъ древняго предтипа, которымъ они пушками навязали общеніе съ собой: Бирмы, Камбоджіи, Аннама больше нѣтъ; Сіамъ — наканунѣ опасныхъ катастрофъ извнѣ, Японія — на порогѣ страшныхъ усобицъ; одинъ Китай на стражѣ своихъ и безсознательно на стражѣ русскихъ интересовъ со змѣиной мудростью отстаивается, копить силы противъ заморскаго врага, тоскливо озирается на безмолвный Сѣверъ, — единственное государство, откуда воспитанная въ принципахъ самодержавія страна богдыхановъ можетъ и привыкла ждать нравственной опоры, безкорыстной помощи, фактическаго союза на почвѣ взаимныхъ интересовъ.

НАША ЦЕРКОВЬ ВЪ ХАНЬКОВЪ.

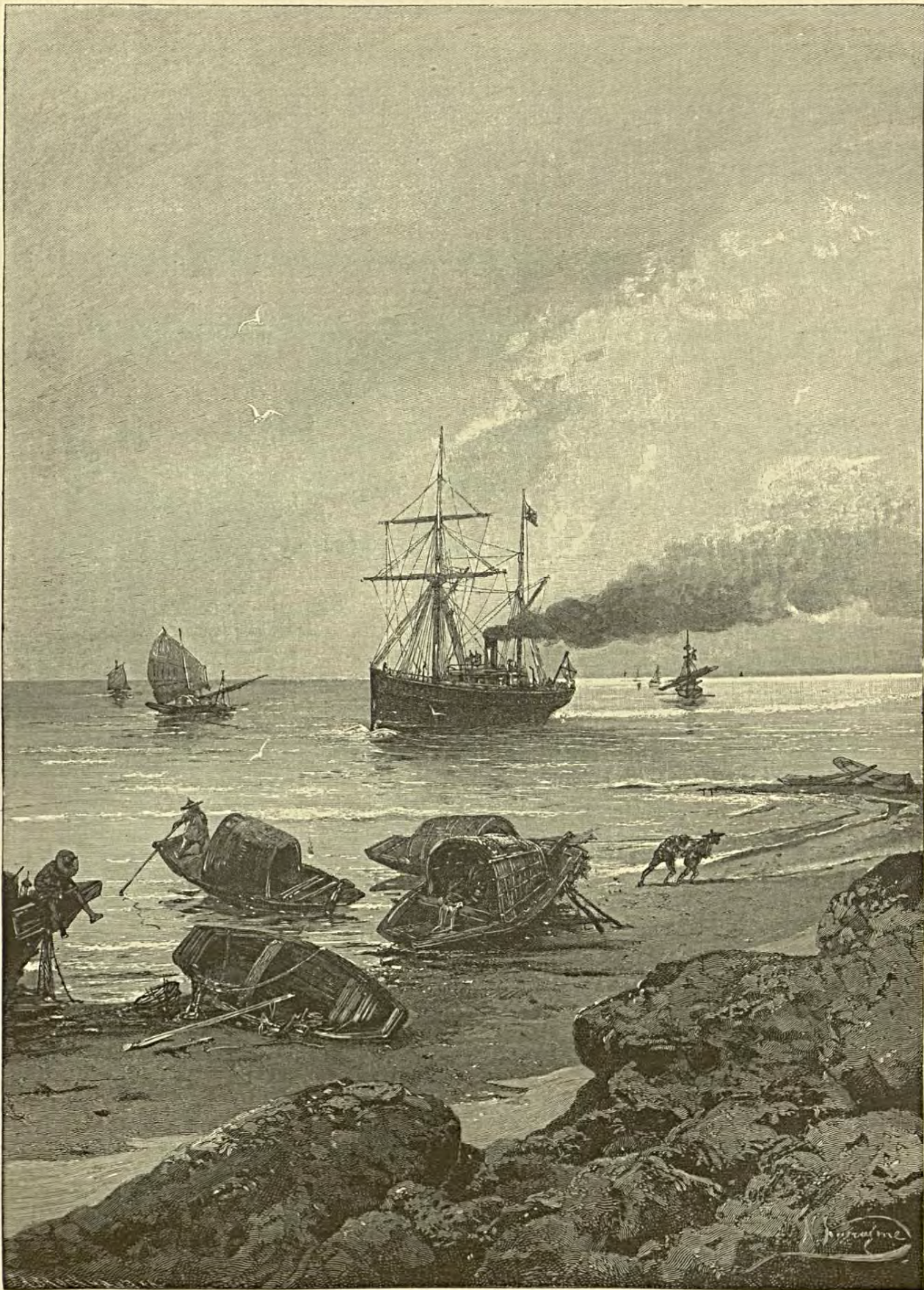
На этомъ Сѣверѣ тумана, тайги и льдовъ, — въ крайней Восточной Сибири Хабарова и ему подобныхъ удалцевъ, — въ краю, возсоединенномъ съ Россіей геніемъ Муравьева-Амурскаго, — тамъ еще почти повсемѣстно царятъ первозданная тишина, глубочайшій покой, неподвижность оковенія. Лишь въ исходѣ вѣка, съ проложеніемъ новыхъ путей, для нашего восточнѣйшаго побережья можетъ настать новая эра съ неожиданными послѣдствіями, — а пока на немъ, конечно, почіетъ печать чего-то несложившагося и грустнаго словно бытъ коренныхъ насельниковъ. Тѣмъ больше вниманія и безпристрастнаго сужденія требуется отъ всякаго, кто хотѣлъ бы провести поучительную параллель между благодатными странами открывающагося намъ тихо-океанскаго юга съ

СВѢТЛЫЙ СИАМСКІЙ СЛОНЪ.

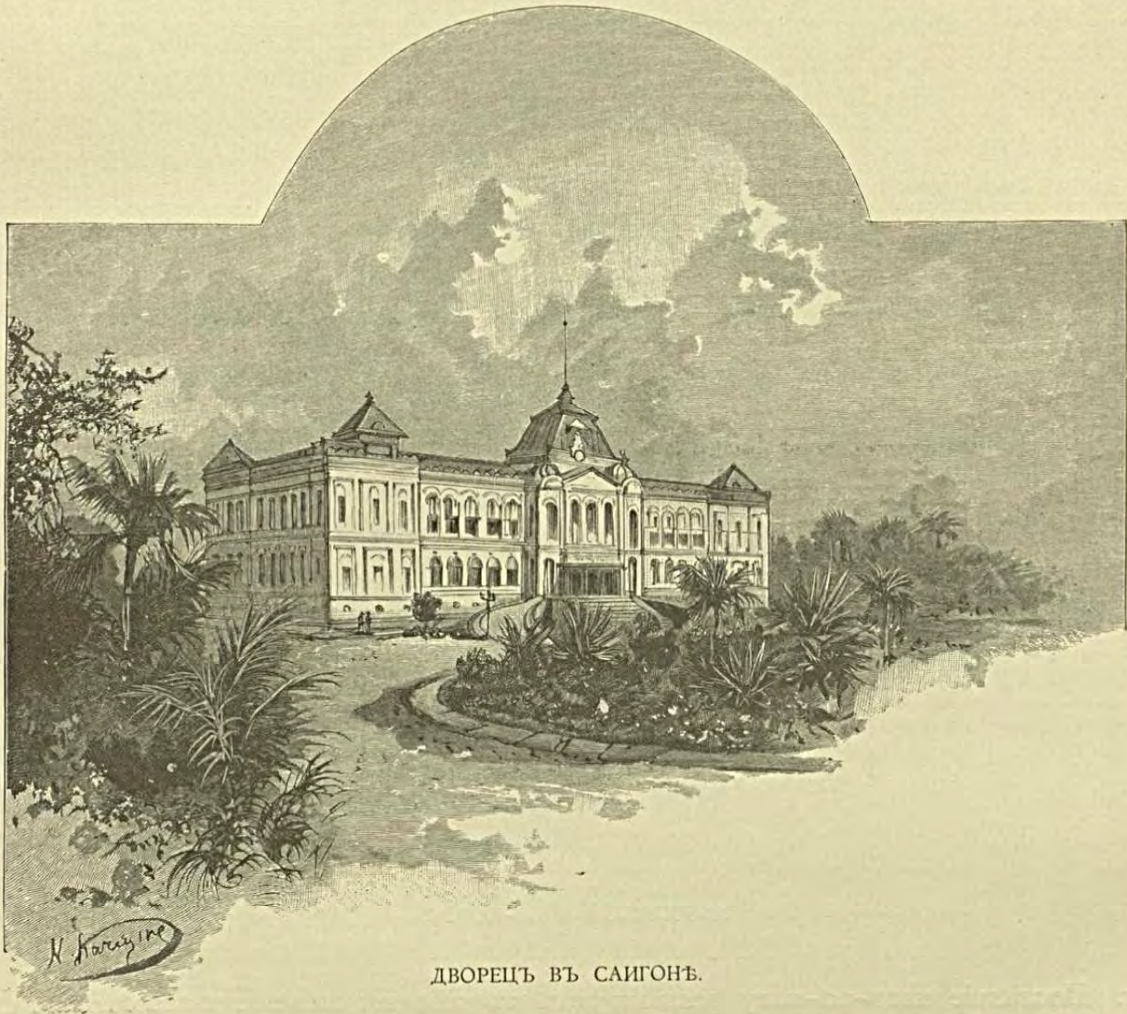
его изумрудною Явою, неисчерпаемыми естественными богатствами индо-китайскихъ земель, самоувѣренною жизненностью Небесной имперіи и т. п. съ одной стороны, когда съ другой рисуешь себѣ топь и глушь, необъятныя пустынные окраины государства, которое, — при всей ихъ кажущейся убогости и суровости, — призвано быть очагомъ свѣта для смежныхъ съ ними пространствъ съ потерявшимъ себѣ счетъ населеніемъ.

Крошечная Голландія обладаетъ въ раіонѣ Азіи свыше чѣмъ тридцатью милліонами жителей (да это еще у экватора, гдѣ природа — рай!): важнѣйшая держава, въ предѣлахъ этого материка, на трети его не насчитаетъ и половины такого числа подданныхъ.

НА «ВЛАДИВОСТОКЪ» У КИТАЙСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ.

Колонизаторы съ Запада подѣлили, хоть и не безъ зависти и не безъ вражды, лучшія приморскія области иноплемнной суши. Такіе города съ міровымъ торговымъ значеніемъ, какъ создавшійся на голомъ скалистомъ островѣ Гонконгъ или «Львиный городъ» (Сингапуръ) краснорѣчивѣе всего служатъ доказательствами европейской неутомимой предприимчивости въ противоположность азіатской спячкѣ. Но питаясь соками самага гигантскаго материка и держа, когда можно, въ экономическомъ рабствѣ сотни милліоновъ многострадальныхъ двуногихъ существъ, уповаютъ-ли піонеры цивилизаціи на будущій успѣхъ? Лѣпясь по уступамъ и краямъ обрыва, развѣ не пребываютъ они въ

ДВОРЕЦЪ ВЪ САНГОНѢ.

вѣчной тревогѣ, что камни зашевелятся и бездны не избѣжать?! Когда весь Востокъ рано или поздно проснется, разбуженный тѣми же безпокойными элементами отрицающей его рассы, — когда онъ, подобно Ильѣ Муромцу, почувствуетъ въ себѣ силу великую и захочетъ сказать «свое слово», — тутъ однѣми угрозами, грубымъ насиліемъ и случайнымъ поверхностнымъ разгромомъ внутренняго разлада не утишить. Вотъ почему Россіи выпала на долю благая часть незримо крѣпнуть среди сѣверныхъ и степныхъ пустырей въ ожиданіи спора двухъ міровъ, гдѣ не имъ обоимъ будетъ принадлежать рѣшеніе.

Вторженіе въ чужой замысловатый строй, эксплуатація Азіи во славу жалкихъ эгоистическихъ предубѣжденій современнаго soit-disant образованнаго человѣчества намъ

претило. Мы слишкомъ двѣсти лѣтъ оставались дома, — ибо нельзя называть естественное сліяніе съ Туркестаномъ и Пріамурьемъ политическими захватами, — мы оставались дома съ традиціонною безпечною и могучею лѣнью, пока Тихій океанъ становился ареною западно-европейскаго натиска на туземцевъ со стариннымъ государственнымъ устройствомъ и несомнѣнною культурой.

Результаты налицо. Пришельцы по мѣрѣ возможности обидѣли и развѣнчали Востокъ. Куда они приходятъ для житья и наживы, — это имъ не родина, какою напр. русскому быстро дѣлается любая окраина, — это имъ не братья по Божескому и людскому закону: это для нихъ — страна добровольнаго тоскливаго изгнанія, а народъ —

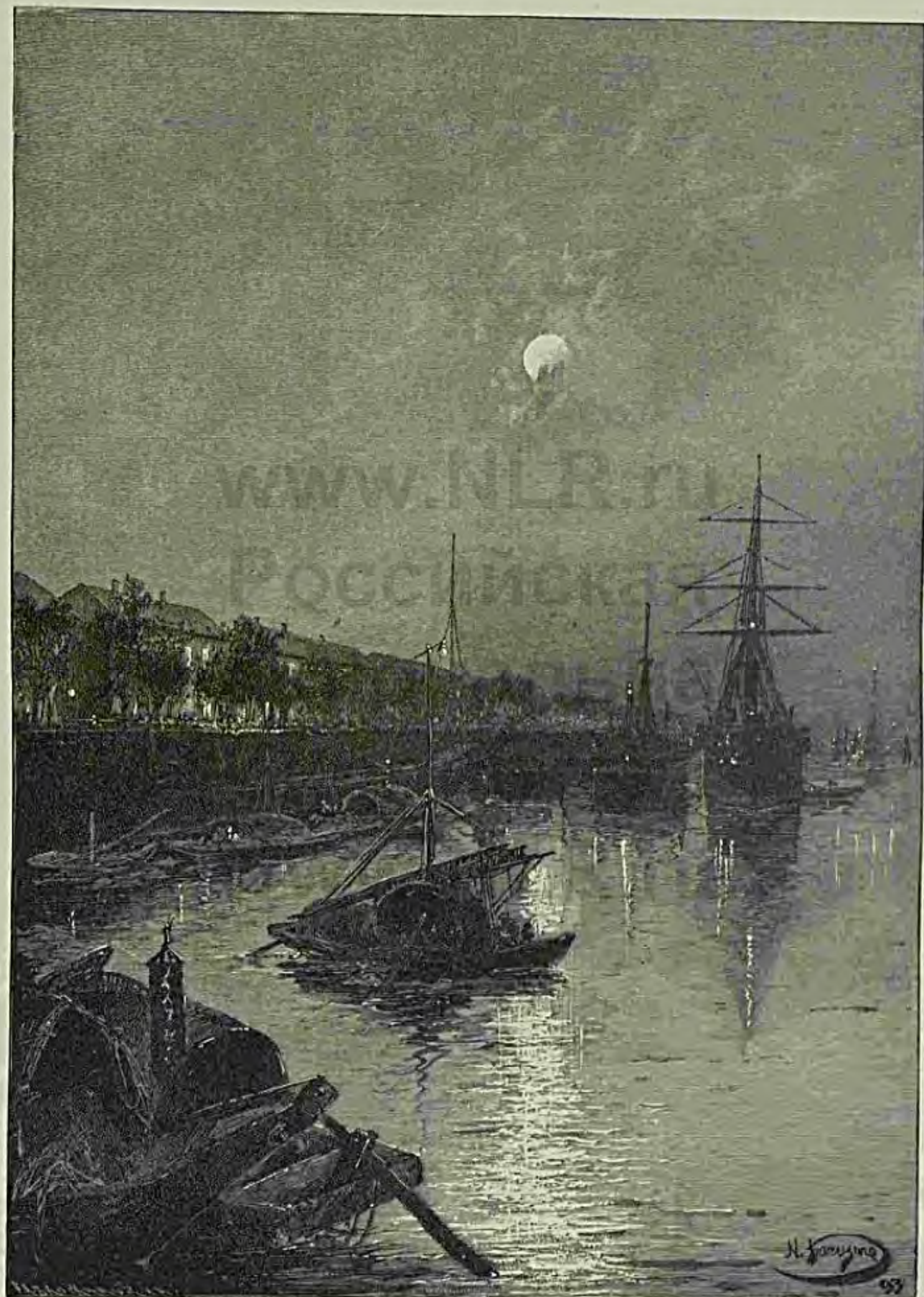

КАНТОНСКІЙ ВИЦЕ-КОРОЛЬ.

скоты. Послѣдніе мало-по-малу реализируютъ въ сознаніи значеніе такого возмутительнаго взгляда и платятъ «учителямъ» сугубою непріязнью: гдѣ и какъ однако искать защиты, оплота противъ иноземца-врага?

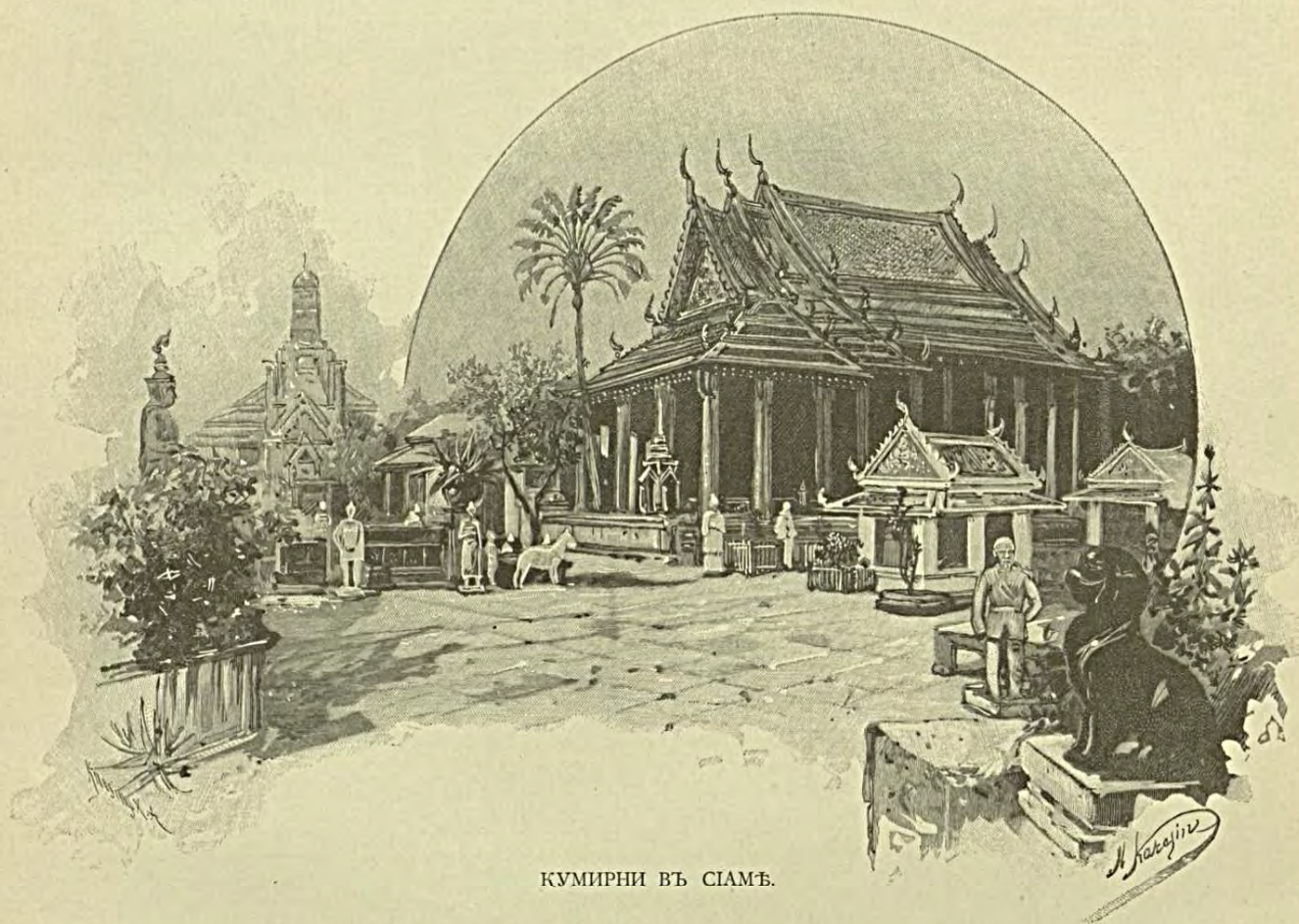
Народное мифологизирующее творчество не дремлетъ. Чѣмъ бодрѣе на Азію наступаетъ Европа, тѣмъ свѣтлѣе тамъ озаряется въ устахъ молвы и преданія Бѣлый Царь. Откуда зародилась идея объ Его существѣ, чѣмъ уяснить обаяніе одного уже имени?

Въ глубинѣ нашего средневѣковаго прошедшаго навѣрно таится причина вѣщаго явленія. Когда изъ праха и бѣды, послѣ тягчайшаго униженія и потоковъ крови христіанская Русь начала складываться въ стройное цѣлое загадочно-привлекательною амальгамою Ирана и Турана, — ея лучшіе Князья, ея богоугоднѣйшіе Святители заставили себя уважать восточными государями, — нравственными качествами поразили побѣдителя-монгола

ХАНЬКОУ.

наравнѣ съ инородцемъ Поволжья, принимавшимъ нашу рѣчь и бытъ. Въ ту пору наихудшихъ испытаній, — при владычествѣ Чингисханидовъ, которымъ Индія и Тибетъ, Индо-Китай и Небесная имперія, Самаркандъ, Афганистанъ и Персія были одинаково, хотя и временно подчинены, — «великіе печальники и молитвенники за землю русскую» духовно завоевали намъ симпатіи азіатскихъ народовъ. Что разъ упало на такую воспріимчивую почву какъ фантазія и чувство восточнаго человѣка, — никогда не забывается, но даетъ ростки и плоды. Мы сильны тамъ, на безконечныхъ рубежахъ своихъ, не только былою и настоящею казацкой удалю, не только условною подготовленностью вести (отъ чего

КУМИРНИ ВЪ СІАМЪ.

Боже упаси!) войну, — а главнымъ образомъ и почти, можно сказать, исключительно: доброю вѣстью, облетѣвшею и облетающею азіатскій материкъ, о праведной жизни и дѣлахъ представителей давно угасшаго поколѣнья. Оттого-то искреннею лаской дохнетъ на насъ совершенно чужой Сіамъ, оттого управляемые республиканцами старики-аннамиты придутъ низко поклониться нашему Престолонаслѣднику, оттого презирающій европейцевъ Китай готовится встрѣтить Его Императорское Высочество съ неслыханнымъ радушіемъ, съ Царскими почестями. Вотъ сколь далеко проникаютъ лучи отъ могилы тѣхъ, кто широко понималъ и горячо любилъ свое отечество: инныя звѣзды померкли, но ихъ прежній свѣтъ еще идетъ и разгорается по безбрежью вселенной!

На западныхъ граняхъ Тихаго океана въ высшей степени любопытенъ уровень разнообразнаго культурнаго развитія. Отъ полудикихъ обитателей индо-малайскаго архипелага и нашихъ доисторически обставленныхъ инородцевъ до проникнутыхъ мусульманскими идеями яванцевъ какой по видимому незначительный, но въ дѣйствительности рѣзкій по духу переходъ!

Соприкоснуться еще разъ въ открывающемся передъ нами гигантскомъ районѣ съ религіей Индіи, пересаженною въ совершенно ей не сродныя внѣшнія условія и всетаки

ЯПОНЦЫ ВЪ ДРЕВНЕМЪ ВООРУЖЕНІИ.

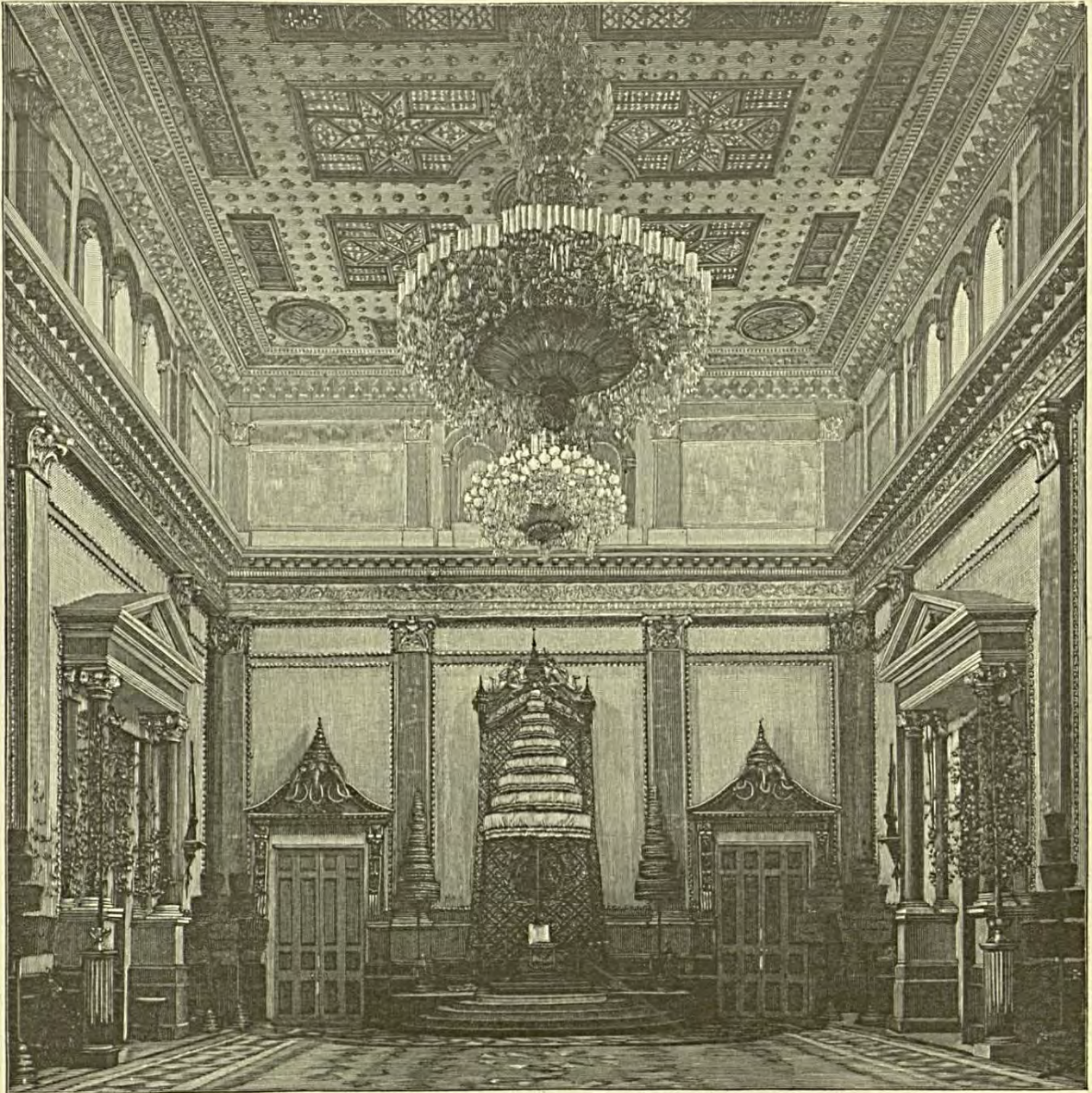
пустившей крѣпчайшіе корни, — снова найти въ числѣ предметовъ культа ея отрѣшающее отъ земли искусство (въ памятникахъ, кумирахъ, отчасти даже въ живописи и одеждѣ) вѣдь это-же отраднѣйшая сложная работа для мысли, для эстетическаго воспріятія, наконецъ для осязательнаго, такъ-сказать, уразумѣнія истины, что сила чувства и вѣры, т. е. то, — чѣмъ въ благородномъ, арійскомъ смыслѣ слова живетъ и по своему великъ мирный индусъ, — не признаетъ законовъ пространства и времени, — творитъ повсюду, куда передается, и созидаетъ притомъ далеко не на пескѣ! Будь иначе, развѣ прозаически настроенная Японія украсила-бы драгоцѣннѣйшими лаками и бронзами свои изящнѣйшіе по

Наше кладбище у Нагасаки.

Печ со стали у Ф.А.Брокгауза въ Лейпцигѣ.

отдѣлкѣ храмы въ честь Будды, — развѣ оттуда предпринимались-бы опасныя морскія экспедиціи въ глухую Корею, процвѣтавшую нѣсколько вѣковъ тому назадъ и просвѣщенную подѣ вліяніемъ желанно явившейся изъ-за тридевяти земель санскритской цивилизаціи, въ формѣ буддійской книжности?

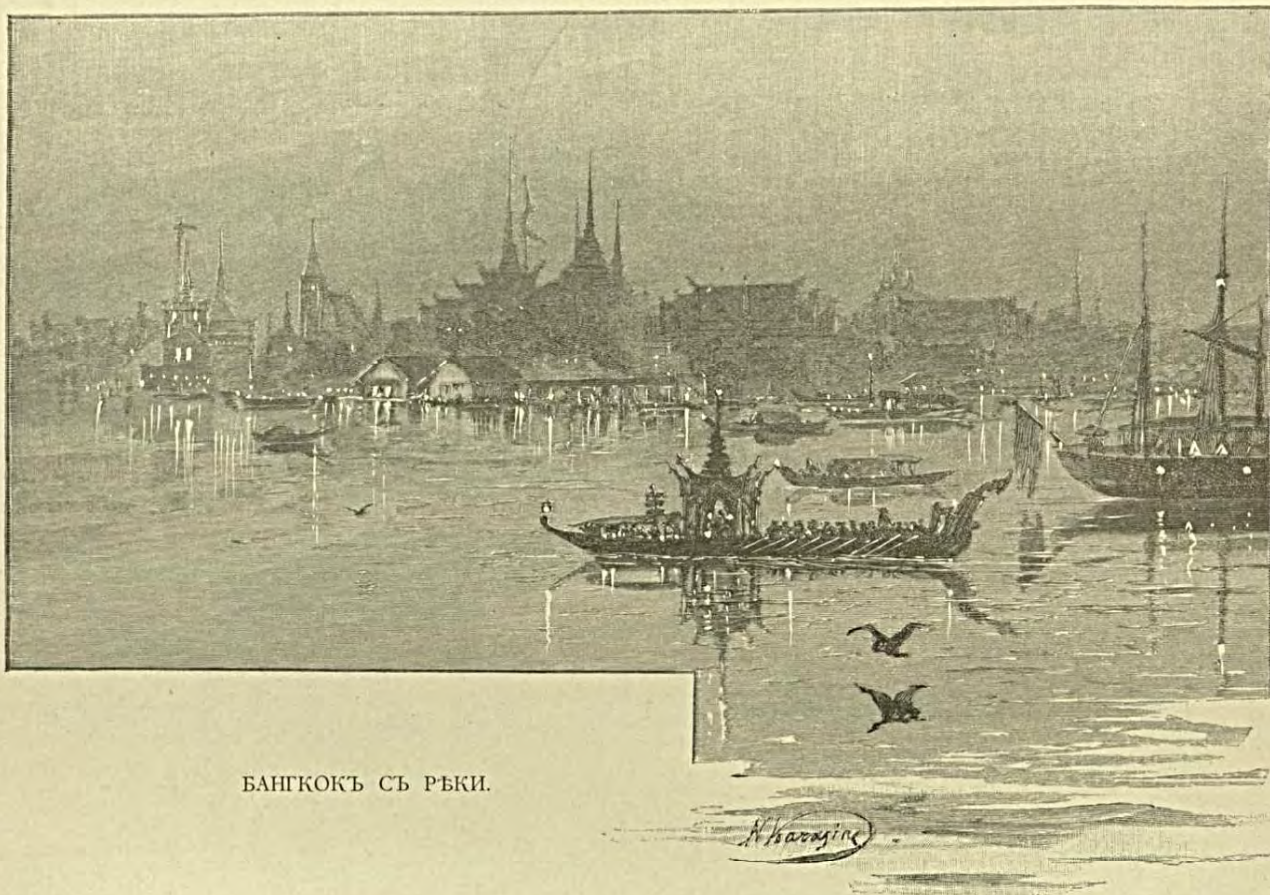

ТРОННЫЙ ЗАЛЪ СИАМСКАГО КОРОЛЯ.

Существовавшія по всему древнему и средневѣковому Востоку взаимоотношенія духовнаго характера пока, съ европейской точки зрѣнія, представляются довольно мало выясненными; но уже самый фактъ ихъ непрерывнаго существованія и воздѣйствія на ходъ міровыхъ событій по моему — неизмѣримо важнѣе скучныхъ мелочей, изъ которыхъ сложена старательно изучаемая нами европейская исторія.

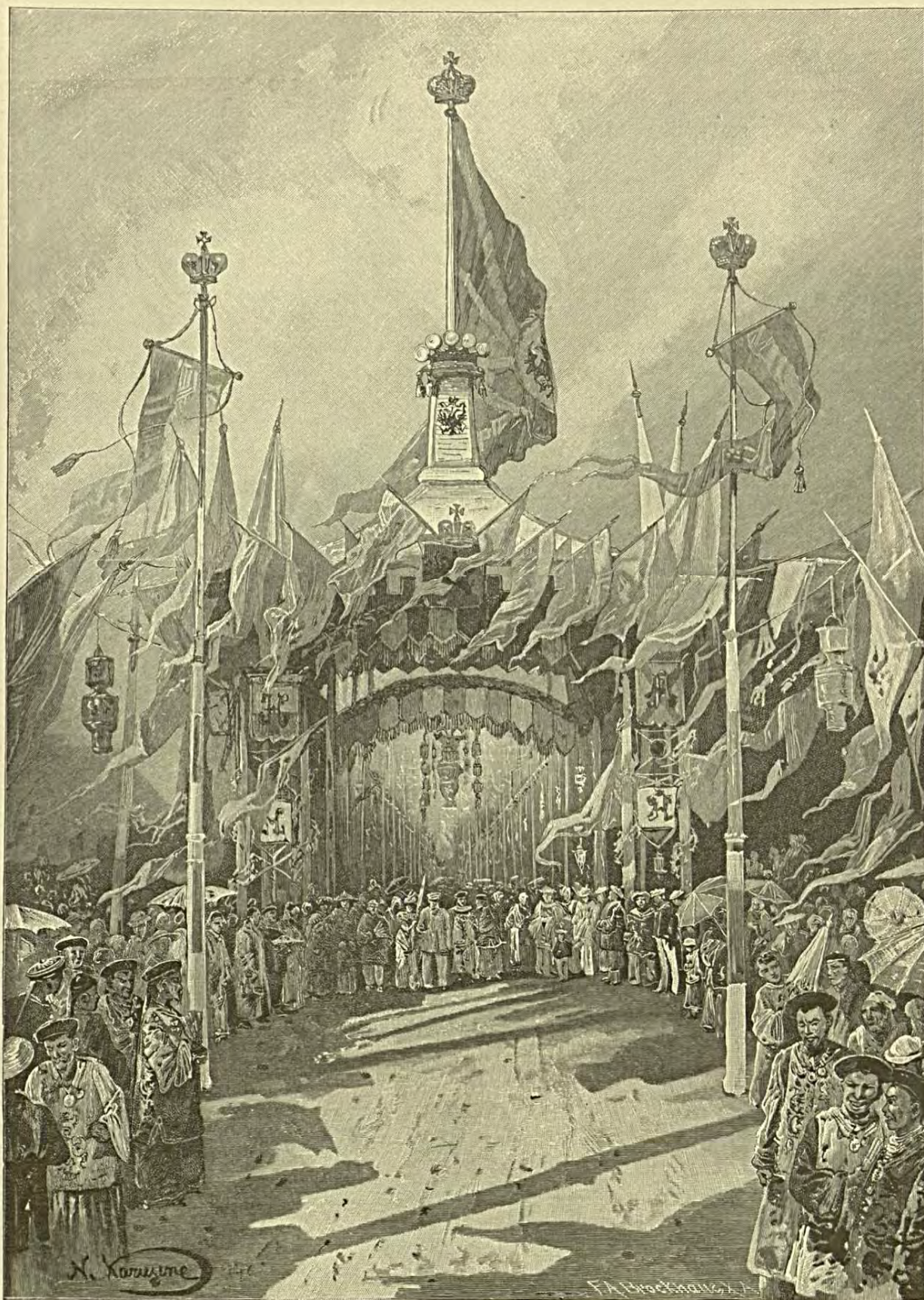
Тамъ, въ игнорируемой Азіи, народы вѣчно ощущали трепетъ мистическихъ порывовъ въ ту безплотную вышину обряда и молитвы, гдѣ передъ Божественными Началами смолкаютъ враждующіе элементы націонализма, племенного разногласія и т. п. Тишиною вѣетъ отъ многихъ нѣкогда раздиравшихся смутами многолюднѣйшихъ областей, гдѣ съ почитаемаго, безкровными жертвами алтаря очи изваяннаго или металлическаго Шакья-Муни взглянули съ кротостью и тайной на притекающую къ нему толпу.

Обломки его статуй, нетлѣнно уцѣлѣвшія изображенія «царевича-учителя» и браминскихъ небожителей, опустѣлые города-монастыри съ дивными по архитектурѣ индійскими капищами и барельефами рѣдкой красоты, — все это еще не исчезло съ поверхности

БАНГКОКЪ СЪ РѢКИ.

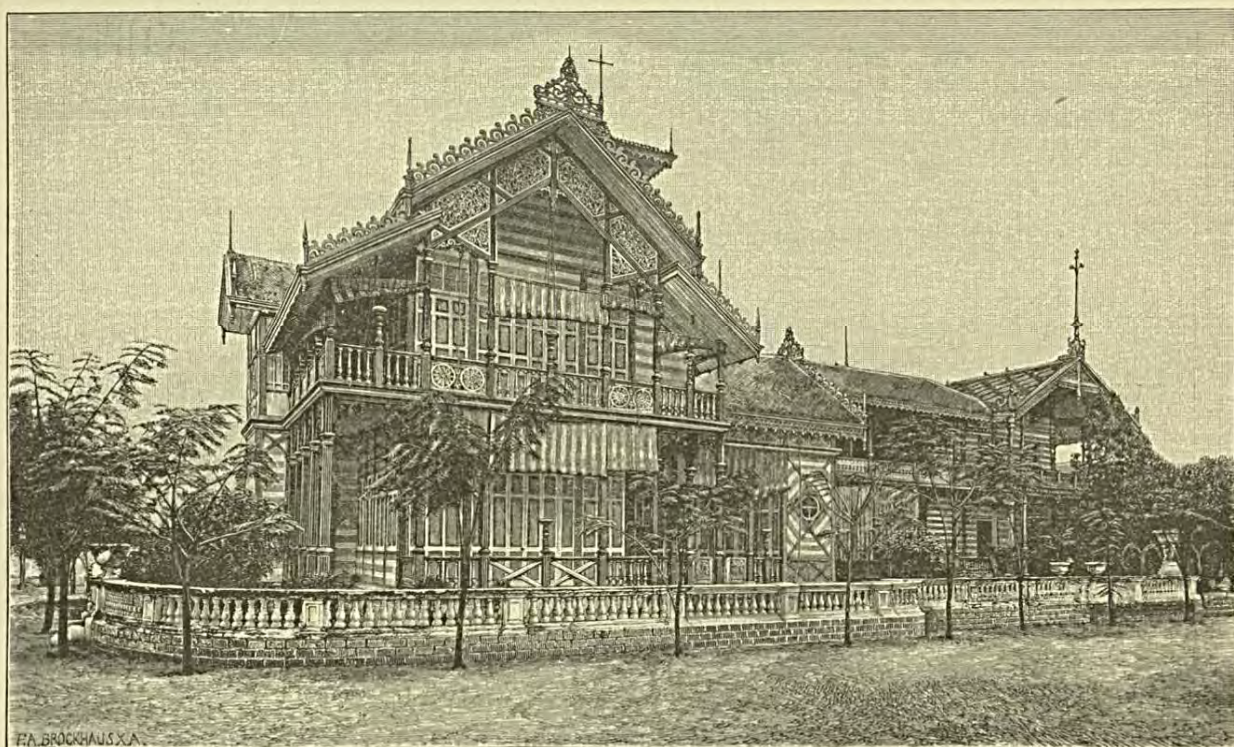
Явы, въ одинокомъ величіи затеряно въ сторонѣ отъ дорогъ, убѣдительно говоритъ о прежнемъ обаяніи Индостана и просыпавшемся въ немъ типичномъ Drang nach Osten. Потому-то въ предѣлахъ французскаго Индо-Китаѣ и сохранились до сихъ поръ, на неопредѣленной границѣ съ Сіамомъ, развалины безсмертныхъ чертоговъ богамъ съ отразившимся на камняхъ пантеономъ гангетическаго стройнаго міра. Эпическіе герои, фантастическія исчадія простонародныхъ вѣрованій, отвлеченные символы жрецовъ, — каждая особенность его запечатлѣна тамъ, въ этой отцвѣтшей Камбоджі, рукою безвѣстнаго художника-ваятеля или творческимъ помысломъ зодчаго, которыхъ слушались и которымъ помогали цари. Идолы Будды какъ нѣчто чудотворное привозились съ юго-запада въ Небесную имперію. Религія и знаніе, блестящими звеньями скрѣпляющія братство народовъ, шли туда же изъ Индіи. Послѣ всего мною сказаннаго о ней, — въ смыслѣ характе-

ПРИЕМЪ ВЪ ХАНЬКОУ.

ристики культурно-исторической, — освѣщеніе западныхъ побережій Тихаго океана мягкими лучами ея древняго быта и чистѣйшихъ упованій, быть можетъ, придастъ этимъ окраинамъ восточной Азіи еще болѣе симпатичный для русскаго сердца оттѣнокъ. Если ужъ любить и признавать родной намъ сосѣдній материкъ за что-то близкое духомъ и органически съ нами единое, — то любовь должна въ равной мѣрѣ переноситься на всякій уголокъ земли, гдѣ убѣжденный монархистъ-азіатъ въ трудѣ и покаяніи находитъ задушевный отвѣтъ на самые жгучіе для человѣка вопросы: зачѣмъ мы собственно живемъ и какъ избѣгнуть страданій?

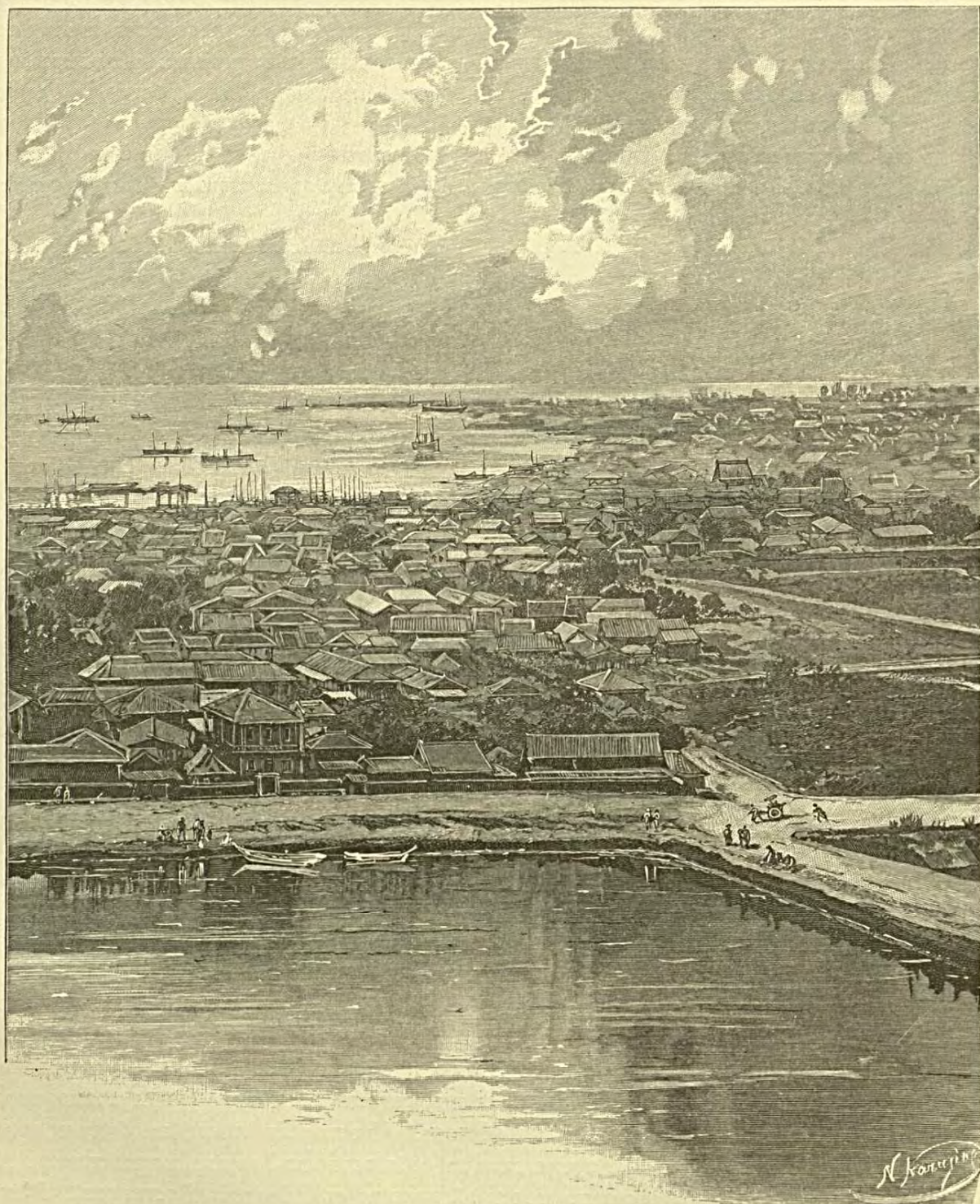
Двѣ относительно близкихъ встрѣчи съ соотечественниками (въ Сингапурѣ ждетъ эскадра подъ флагомъ вице-адмирала Назимова, въ Ханькоу представится колонія русскихъ

ДВОРЕЦЪ-БАНГ-ПА-ИНЪ ВЪ СІАМѢ.

чаоторговцевъ) примиряютъ отчасти съ неизбежностью разлуки съ Россіей до Мая мѣсяца. Кромѣ добродушной Явы и экзотическаго Сіама, лежащія на пути нашемъ страны дохнутъ на насъ чѣмъ-то родственнымъ и, пожалуй, совсѣмъ не покажутся чужбиной: мы съ дѣтства привыкаемъ относиться къ Китаю и Японіи (Сайгонъ же — частица прежней державы богдыхановъ) какъ чему-то тѣсно съ нами связанному и духовно гораздо болѣе близкому, чѣмъ надменная Западная Европа. Чувства къ нимъ, не будучи ничѣмъ особенно положительнымъ, то же время сами за себя говорятъ, какъ инстинктивное тяготѣніе въ сторону прочной и обоюдно полезной пріязни съ дальнимъ Востокомъ. Вѣдь не можемъ же мы напр. забывать, что при возмущеніяхъ китайской черни противъ европейцевъ, русскихъ сознательно щадили и отличали отъ «заморскихъ чертей»? Памятно, — надо надѣяться, — и японцамъ, чей Императорскій флотъ никогда не открывалъ огня противъ ихъ побережій и, находя недостойнымъ мстить за таинственные мнимо-политическія

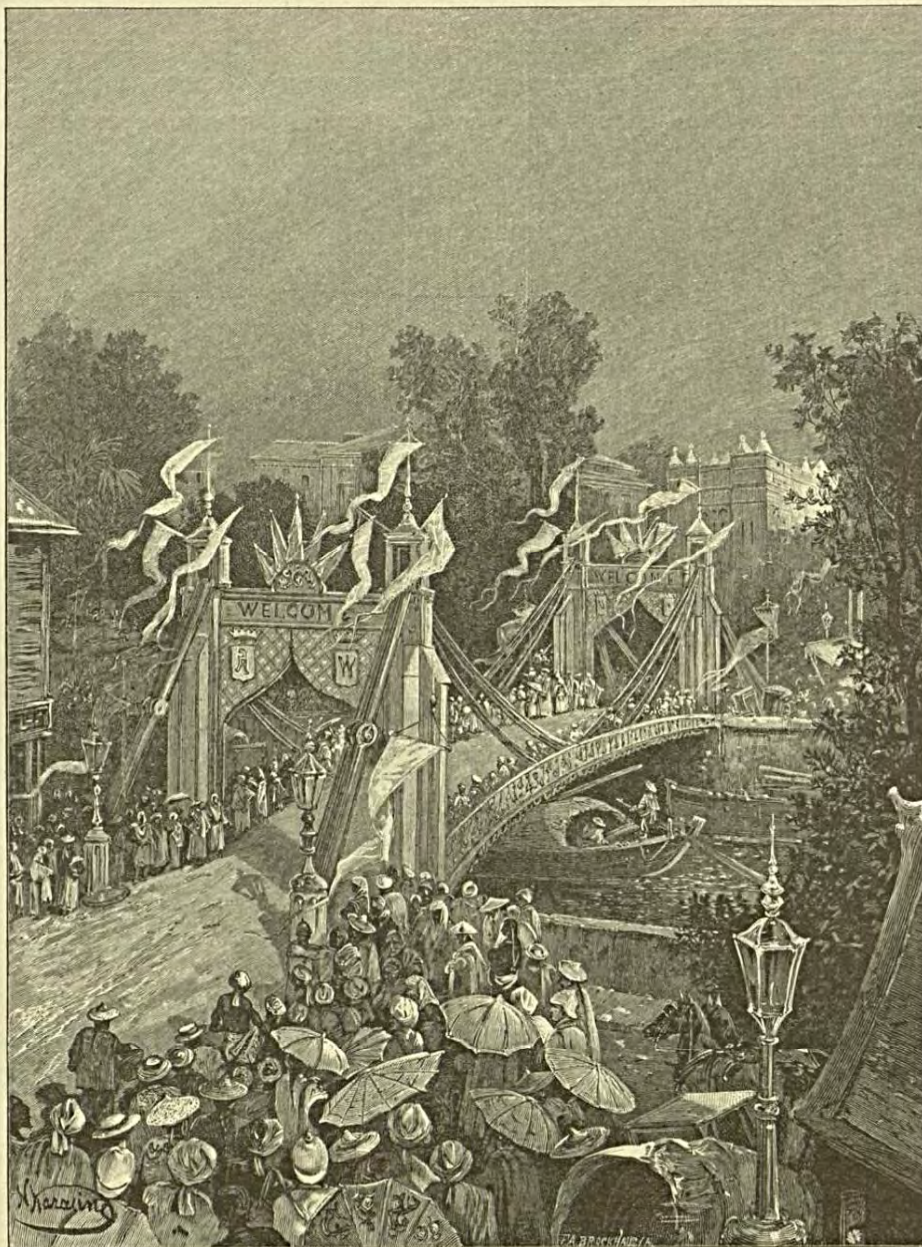
убійства изъ-за угла, свято хранилъ и хранить обычай дружить со «страной восходящаго солнца», гдѣ у насъ насчитывается столько продолжительныхъ якорныхъ стоянокъ и

ЯПОНІЯ. КОБЕ.

бѣлѣтъ не одна надгробная плита! Фактъ посѣщенія Русскимъ Престолонаслѣдникомъ этого крайняго восточнаго государства, — пытающагося создавать, въ духѣ началъ новѣй-

шей цивилизаціи, на развалинахъ своего древняго и патріархальнаго строя, — какъ нельзя болѣе будетъ соотвѣтствовать необходимости засвидѣтельствовать передъ цѣлымъ міромъ искренность нашихъ добрыхъ чувствъ по отношенію къ отдаленнѣйшему отъ Европы монарху и къ его смущаемому неожиданными реформами народу.

ПРІЕМЪ ВЪ СИНГАПУРѢ.

Иностранцы, свивая себѣ въ Японіи ненадежное гнѣздо, давно уже сѣютъ тамъ подозрѣніе и нелюбовь къ Россіи. Воспитанные на заграничный ладъ и въ чуждыхъ по культурѣ университетахъ туземные радикалы проникаются предубѣжденіями западнаго чело-вѣка противъ «сѣвернаго колосса» и склонны поверхностно судить о насъ въ печати и литературѣ.

Предполагаемое общеніе Августѣйшаго путешественника съ лучшими государственными людьми Ниппона, съ его стариннѣйшими городами и памятниками, съ основами его первобытной жизни и лучистой старины безспорно можетъ привести только къ хорошимъ результатамъ и углубленному взаимопониманію. Дай-то Богъ!

Разумнѣйшіе японцы сознають, по видимому, опасность слишкомъ безусловнаго подчиненія иноземцамъ съ отрицаніемъ вѣковыхъ завѣтовъ родной власти и религіи. Поворотъ въ національно-благое направленіе — вѣроятно, вопросъ недалекаго будущаго. Самобытность Азіи и 800—900 милліоновъ ея работающаго, мыслящаго, даровитаго населенія должна во имя справедливости и правильно опредѣляемаго прогресса сказаться съ удвоенною силою.

ТОРГОВЕЦЪ НА УЛИЦАХЪ НАГАСАКИ.

Высокая степень художественно-матеріальной, а въ иныхъ отношеніяхъ и соціальной культуры, достигнутая тамошними народами служитъ однимъ изъ главныхъ ручательствъ тому, что это и возможно и желательно. Западъ великъ въ извѣстномъ раіонѣ дѣятельности, пока не направляетъ избытокъ энергіи на саморазрушеніе.

Перевоспитать Востока, до полнаго воплощенія въ себѣ христіанскихъ принциповъ, онъ не властенъ, — сломить же его упорную затаенную мощь изъ-за моря физически нельзя. Остается слѣдовательно примѣнить къ огромнѣйшему материку новую гуманную точку зрѣнія: искусственная прививка безпочвеннаго просвѣщенія Азіи не нужна, толчекъ же для свободнаго развитія опекаемыхъ побережій давно данъ и отнюдь не требуетъ повторенія.

СИНГАПУРЪ.

Понедѣльникъ, 18-го февраля (2 марта) 1891 г.

Жаркое туманное утро. Косой ливень. Неправильные порывы вѣтра, отъ котораго ходуномъ ходитъ прорѣзаемая бирюзой морская пѣна. Вспышки беззвучныхъ салютовъ въ окутанномъ сѣрой мглою отдаленіи: первый привѣтъ нашей тихо-океанской эскадры на порогѣ уже очень дальняго Востока...

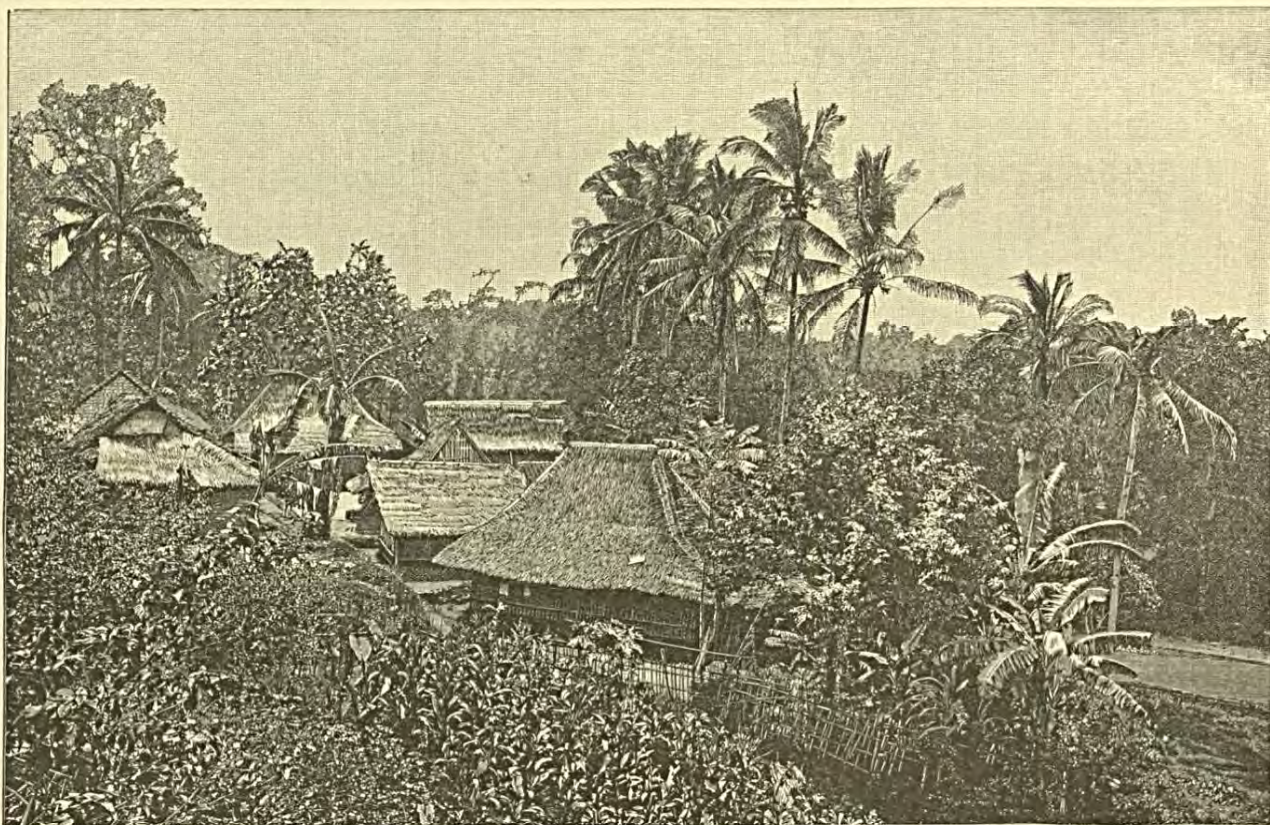
Послѣ шести сутокъ, проведенныхъ въ пути (изъ 1600 миль) отъ лучезарныхъ береговъ Цейлона, суша опять близка, снова манитъ и чаруетъ, постепенно облекается для человѣка въ краснорѣчиво-своеобразныя краски, — тѣмъ болѣе что сквозь окружающую бѣлую завѣсу проступаютъ золотыя полосы свѣта и неясными ласковыми очертаніями зыблется листва.

«Память Азова» и «Владиміръ Мономахъ» огибаютъ мысъ за мысомъ, островъ за островомъ самой различной формы и величины, движутся безконечнымъ узкимъ проливомъ, гдѣ сквозь густую всепоглощающую растительность по временамъ слабо синѣютъ возвышенности материка: Малакки, желтыми пятнами проступаютъ плоскія горы цѣлаго особаго міра: Суматры, или, наконецъ, одинокія верхушки какой-нибудь совершенно заросшей бархатистою зеленою гряды: царство созидających коралловъ таится подъ ней надъ глубиною...

Каждая пядь земли здѣсь служила, сравнительно недавно, убѣжищемъ малайской вольницы, считавшей своими данниками неосторожныхъ или робкихъ мореходовъ. Удалые сыновья туземныхъ князей зачастую становились во главѣ ея для походовъ и нападений, славы ради, на иноплеменные торговыя суда. Предпріимчивые «викинги» тропиковъ, азіатскіе «варяги» (съ оливковымъ цвѣтомъ лица) сложили оружіе или хотъ отчасти усмирились лишь при частомъ появленіи и, затѣмъ, воцареніи «бѣлыхъ» въ XIX столѣтіи. Паръ уничтожилъ возможность существованія разбойничьихъ гребныхъ флотилій по окрестнымъ бухтамъ и на смежномъ просторѣ водъ. Если пираты долго и продолжали борьбу съ

наступавшей цивилизаціей, то въ виду либерально-меркантильнаго взгляда англичанъ: сингапурскіе коммерсанты слишкомъ охотно сбывали темнокожимъ «ушкуйникамъ» порохъ и оружіе . . .

Китайцы, индусы и яванцы несомнѣнно издревле знали этотъ край. Однако настоящая исторія довольно поздно коснулась его побережій. Только уже къ концу нашего средневѣковаго періода прогрессирующимъ малайцамъ удалось отогнать отъ нихъ коренныхъ обитателей: людоедовъ низшей расы, — негритосовъ, дикарей меланезійскаго типа и образа жизни. Ими специально и самоотверженно занялся въ научномъ отношеніи, по странной прихоти судьбы, не какой-нибудь британецъ или голландецъ, а русскій идеалистъ Миклухо-Маклай.

МАЛАЙСКОЕ ЖИЛЬЕ.

Одиннадцатый часъ утра.

Проливъ, по которому мы приближаемся къ Сингапуру, теперь, — когда погода слегка прояснилась, — скорѣе похожъ на очень широкую рѣку, чѣмъ на океанскій рейдъ. Говорятъ, что онъ принадлежитъ къ числу наиспокойнѣйшихъ. Ураганы не проносятся надъ нимъ. Превосходныя пристани, а также удобнѣйшія якорныя стоянки, — немного поодаль отъ нихъ, — для морскихъ гигантовъ подъ военнымъ флагомъ дѣлаютъ честь прозорливому выбору англичанъ, намѣтившихъ себѣ тутъ городъ среди мѣзмическихъ джонглей, на перепутыи міроваго общенія противоположнѣйшихъ народовъ. Не лишеныя политической силы туземные центры зарождались въ этой мѣстности и ранѣе, но были недолговѣчны. Пустить въ ней прочные корни могъ лишь западный элементъ съ могучимъ кругозоромъ, съ разумно направляемой энергіей.

Пионеры лондонской остъ-индской компаніи на притягивавшемъ ее экваторіальномъ Востокѣ не сразу догадались, чѣмъ должна сдѣлаться въ опытныхъ рукахъ южная оконечность полуострова Малакки. Англія искала въ этомъ морѣ выгодной опорной точки и не рѣшалась на чѣмъ-нибудь окончательно (съ затратами и незыблемо) утвердиться. Утрата Явы, въ началѣ нашего вѣка, по обычаю врасплохъ захваченной Альбіономъ у слабого врага и возвращенной затѣмъ голландскому правительству уже рѣшеніемъ другихъ державъ, побудила британцевъ избрать сингапурскій пустырь (съ развалинами нидо-яванскаго характера въ лѣсу, свидѣтельствовавшими о прежней культурной дѣятельности временнаго населенія) базисомъ колонизаторскаго творчества въ новой области.

Цѣпи волнисто очерченныхъ острововъ, по сторонамъ и позади, начинаютъ казаться неразрывною материковою линіею.

Отвѣсные лучи солнца надъ головой. Млѣющее отъ жара небо. Изумрудная кайма плывущаго на встрѣчу берега съ деревьями, положительно сползающими по известковымъ обрывамъ въ яркій песокъ у самой влаги. Она постепенно сглаживается послѣ недавняго волненія, теряетъ свой блѣдно-свинцовый отливъ, мѣстами начинаетъ серебриться зеркальной поверхностью. Изрѣдка, гдѣ-нибудь покруче, мелькаетъ надъ мирными долинами островерхое туземное жилье на сваяхъ.

Мягкіе, нѣжные цвѣта ласкаютъ взоръ. Дневное свѣтило словно играетъ ими въ храмѣ природы; но иногда больно смотрѣть на воду, до того оно въ ней разгорается и блещетъ, кипя золотомъ надъ прозрачною пучиною.

Земля тутъ вѣчно облечена въ нарядный уборъ. Не поскупилась тутъ твердь на изобиліе даровъ. А подумаешь: судя по рассказамъ, еще роскошнѣе улыбнутся намъ красоты Батавіи, Бетензорга, Менама!...

Три нашихъ военныхъ судна ожидаютъ прибытія Престолонаслѣдника: броненосный крейсеръ «Адмиралъ Нахимовъ» и двѣ канонерскихъ лодки сибирской флотиліи: «Манджуръ» и «Кореецъ».

Чѣмъ-то одинаково роднымъ и знакомымъ пахнуло отъ однихъ этихъ названій, хотя даже нѣтъ звена между образомъ павшаго героя и олицетвореніями нашихъ смутно сознаваемыхъ интересовъ на русско-китайскомъ Востокѣ. Что за симпатичною является мысль наименовать этихъ «витязей-пловцевъ», прямыхъ защитниковъ приморскаго Приамурья и чести Имперіи на отдаленнѣйшей границѣ, какъ-бы представителями двухъ странъ, съ непосредственной участію населенія коихъ отчасти связаны наша судьба и господство на пробуждающейся окраинѣ. Въ знойный и непривычный имъ міръ тропиковъ пришли сибиряки привѣтствовать Первенца своего Царя!

Командующій эскадрой вице-адмиралъ Павелъ Николаевичъ Назимовъ, искушенный въ кругосвѣтныхъ плаваніяхъ морякъ-богатырь, замѣнитъ отсюда контръ-адмирала Вл. Гр. Басаргина, который покидаетъ «Память Азова», чтобы поднять въ томъ же отрядѣ свой флагъ на «Мономахѣ».

На рейдѣ находится сіамскій крейсеръ «Mongkut-Rajkumar», по особой причинѣ посланный изъ Бангкока встрѣтить Цесаревича. Пока мы еще были на Цейлонѣ, кн. Барятинскій получилъ отъ нашего консула г. Выводцева въ Сингапурѣ письмо о распространяемыхъ англичанами слухахъ, будто въ Сіамѣ свирѣпствуетъ холера и туда опасно идти. Маршрутъ Великаго Князя изъ-за этого чуть не измѣнился существеннымъ образомъ.

Своевременно узнавъ однако о томъ, сіамскій уполномоченный въ дѣлахъ при Берлинскомъ дворѣ сообщилъ въ Петербургъ, что эпидемія вымышлена.

Извѣстія изъ министерства иностранныхъ дѣлъ съ одной стороны, а затѣмъ мѣстные болѣе достовѣрныя свѣдѣнія очень скоро убѣдили въ возможности посѣтить сказочное царство на рѣкѣ Менамѣ. Не сложились обстоятельства такъ благопріятно, и не заглянуть бы намъ въ него!

Король Чулалонкорнъ поручилъ брату Krom-Mun-Damrong Rajanuphab дожидаться на означенномъ крейсере прихода «Азова» и лично вручить Августѣйшему путешественнику пригласительное письмо на англійскомъ языкѣ нижеслѣдующаго содержанія:

Большой дворецъ.

Бангкокъ, 18 февраля (н. ст.) 1891 г.

Ваше Императорское Высочество!

По прибытіи Вашего Императорскаго Высочества въ Сингапуръ, Вы будете встрѣчены моимъ возлюбленнымъ братомъ Кромъ-Мунъ-Дамронгъ-Раджануфабъ, посланнымъ мною на моемъ военномъ суднѣ «Монгкутъ-Раджкумаръ» для привѣтствованія Вашего Императорскаго Высочества отъ моего имени, въ виду Вашего приближенія къ моей странѣ. Братъ мой явится выразителемъ чувствъ, питаемыхъ мною и моимъ домомъ по отношенію къ Августѣйшему Русскому Императорскому Дому, благородный отпрыскъ коего впервые въ сіамской исторіи посѣщаетъ эти побережья.

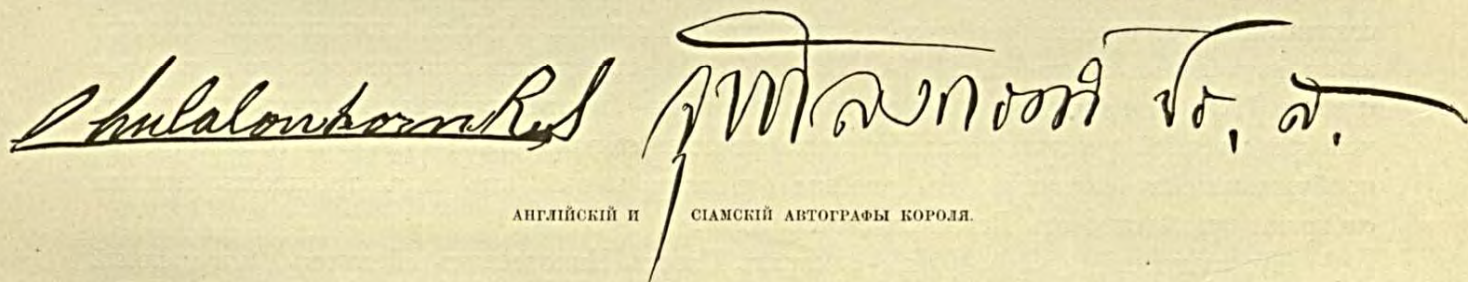
Надѣюсь, что, выслушавъ слова, которыя мой братъ имѣетъ передать, Ваше Императорское Высочество изъ этого почерпнете новыя доказательства почтенія и дружбы, испытываемыхъ мною по отношенію къ Императорскому Дому, подъ могучимъ покровомъ коего живетъ благородный русскій народъ, а также убѣдитесь въ моей и дома моего непритворной радости и гордости при сознаніи, что Вы приближаетесь къ моей странѣ.

Пребываю

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

большимъ и добрымъ другомъ

ЧУЛАЛОНКОРНЪ.

АНГЛІЙСКИЙ И

СИАМСКИЙ АВТОГРАФЫ КОРОЛЯ.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, дружески принявъ принца Дамронга, изволилъ отвѣтить на это посланіе (тоже по-англійски) въ столь же сердечныхъ выраженіяхъ, обѣщая не миновать Бангкока послѣ пребыванія на Явѣ, т. е. прибыть въ Сіамъ недѣли черезъ двѣ. «Чувства, высказанныя вашимъ величествомъ», отвѣчалъ королю Великій Князь: «навсегда мнѣ останутся памятны». Параллельно съ тѣмъ лодкѣ «Кореецъ» поручено было конвоировать уходящій обратно крейсеръ «Mongkut-Rajkumar».

Вторникъ, 19 февраля.

Принявъ вчера адмирала Назимова съ командирами нашихъ трехъ встрѣчныхъ судовъ и русскимъ консуломъ, а затѣмъ губернатора колоніи (Straits-Settlements, т. е. земель у Малаккаго пролива со столицею Сингапуромъ) сэра Cecil Clementi Smith со свитой и англійскаго генерала Charles Warren, Его Императорское Высочество въ предвечернее время отдалъ на рейдѣ визитъ брату короля и осчастливилъ посѣщеніемъ восторженно его ожидавшій крейсеръ «Адмиралъ Нахимовъ», а также «Манджура» съ его только-что поименованнымъ сибирякомъ-собратомъ.

Сегодня около четырехъ назначенъ очень кратковременный официальный съѣздъ на берегъ, о чемъ въ Сингапурѣ стало извѣстно лишь наканунѣ. Съ цѣлью оказать по возможности эффектный приѣмъ, городскія власти, въ лицѣ «Shipping Office», наскоро разукрасили невзрачную пристань (Johnstone's Pier), на которой собрались представители администраціи и выстроился почетный караулъ отъ «Nordhamptonshire Regiment». Начиная отъ набережной, по пути въ «Government House» черезъ цѣпной «Cavanagh Bridge» и вдоль обширной Эспланады — довольно много флаговъ, въ томъ числѣ греческихъ. Сикхи, малайцы и китайцы въ синей полицейской одеждѣ сдерживаютъ и ровняютъ громадную разноплеменнѣйшую толпу любопытныхъ, стекающихся взглянуть на Сѣвернаго Гостя. Кого въ ней нѣтъ?! Недаромъ, увѣряютъ, что здѣсь сталкивается, на всесвѣтномъ рынкѣ, не менѣе двадцати пяти народовъ. Въ силу исключительно благоприятныхъ условий (наивыгоднѣйшаго географическаго положенія и порто-франко) сыны Небесной имперіи сходятся у Малаккаго пролива съ ближайшими автохтонами (весьма смѣшаннаго происхожденія), африканцами, персами и арабами, съ цейлонцами и парсами, съ жителями Бенгаліи и южной Индіи (особенно велико возрастающее съ каждымъ годомъ количество такъ-называемыхъ «Klings», длинноволосыхъ мусульманъ съ Коромандельскаго побережья), съ аннамитами, сіамцами и бирманцами. Богатые армяне, европейскій элементъ, — среди котораго весьма замѣтенъ притокъ нѣмцевъ, за моремъ столь непріятныхъ англичанамъ, — австралійцы, американцы бокъ-о-бокъ размѣстились по балконамъ и верандамъ надъ жужжащей инородческой массой.

... Вотъ прогремѣлъ первый выстрѣлъ обычнаго салюта, когда паровой катеръ Наслѣдника Цесаревича отвалилъ отъ «Азова». Грохотъ орудій усиливается. Въ пальбѣ на рейдѣ принялъ участіе сингапурскій фортъ Каннингъ. Губернаторъ въ полной парадной формѣ (со звѣздами св. Михаила и св. Георгія на груди), генераль Уорренъ и русскій консулъ встрѣчаютъ Августѣйшихъ путешественниковъ у входа въ палатку, сооруженную надъ «Johnstone's Pier». Гремить русскій гимнъ. Великій Князь и принцъ Георгій направляются декорированными улицами къ «Government Hill», лежащему нѣсколько въ сторонѣ отъ торговаго центра. Резиденція хозяина колоніи расположена среди симпатичнаго парка.

Послѣдняя представляетъ собою одно изъ самыхъ яркихъ доказательствъ того, съ какимъ изумительнымъ искусствомъ и счастьемъ Великобританія умѣетъ пользоваться чужой собственностью, когда другіе народы или находятся въ состояніи политической летаргіи, или не рѣшаются водружать свое знамя, гдѣ недостаточно выяснены права туземцевъ. Относительно могущественныя азіатскія государства не могли додуматься, а соперники-колонизаторы съ Запада прямо-таки и не пытались создать себѣ крѣпкое убѣжище и гавань на островѣ, принадлежавшемъ мирному мѣстному султану. Англичане нашли остроумный выходъ изъ заколдованнаго круга: облюбовавъ Сингапуръ, тщательно высмо-

трѣнный ихъ лучшими моряками, они купили его не у фактическаго владѣльца, — который бы, вѣроятно, добровольно и не отдалъ, — а у малайскаго князя, имѣвшаго лишь сомнительныя притязанія на эту землю . . . Туземцамъ предоставлялось такимъ образомъ между собой рѣшать бесплодный споръ объ обладаніи ею на законныхъ основаніяхъ, — споръ тѣмъ болѣе напрасный, что продавшій ее матеріально былъ многимъ сильнѣе пострадавшаго отъ ловкой комбинаціи.

Уже португалцы, приступомъ взявъ цвѣтушій малайскій городъ Малакку въ 1511 г. и впослѣдствіе укрѣпившись въ немъ, за ними же внимательные голландцы понимали, насколько важно стать на стражѣ Малаккаго пролива, этого втораго Босфора. Но исторически имъ обоимъ не особенно повезло. Французы, орлинымъ полетомъ и горделивыми мечтаніями ширявшіе съ XVII в. по поднебесью, завязавъ военно-дипломатическія сношенія съ Индо-Китаемъ, не замѣтили того, что таилось ближе, по дорогѣ, и являлось необходимымъ звеномъ для дальнѣйшаго успѣха на Востокѣ. Медлительная съ виду лондонская ость-индская компанія, благодаря хорошимъ совѣтамъ піонеровъ британскаго дѣла (Росса, Крауфорда, Фаркюхара) разсудила иначе и мало-по-малу прибрала къ рукамъ главнѣйшіе и стратегически удобнѣйшіе пункты въ преддверьи Тихаго океана.

Когда мудрый губернаторъ англійской Явы, сэръ Стамфордъ Рафльсъ, послѣ горестной утраты ея его соотечественниками, ровно семьдесятъ два года тому назадъ заложилъ здѣсь новую факторію среди убогаго жилья туземныхъ рыбаковъ, — почти никто не надѣялся, что населеніе будетъ ежегодно прибывать десятками тысячъ и что «изъ тѣмы лѣсовъ, изъ топи блатъ» скоро вознесется быстро развивающаяся столица цѣлаго маленькаго міра. Ея ростъ и значеніе опредѣлились какъ-то вдругъ. Въ лицѣ Сингапура и спаянныхъ съ нимъ «Straits-Settlements» Англія сразу пріобрѣла свѣжій источникъ громадныхъ доходовъ (отчасти, правда, еще потенциальныхъ, пока не разрабатываются неисчерпаемыя естественныя богатства смежнаго полуострова, откуда мореплаватели, кажется, не прочь окончательно выжить давно тамъ утвердившійся Сіамъ) и превосходнѣйшую угольную станцію, которая позволила бы англійскимъ эскадрамъ въ случаѣ войны вѣчно обновляться и быть иногда грозой полуденныхъ и вообще восточныхъ побережій, тогда какъ остальные державы лишены одинаковаго драгоцѣннаго преимущества.

Въ Сингапурѣ есть хорошіе доки и верфи, мастерскія со всѣми приспособленіями къ починкѣ судовъ всевозможнѣйшей конструкціи, неисчерпаемые для начала запасы угля и т. п. Ежегодные торговые обороты сравнительно крошечной колоніи, достигаютъ теперь 460 милліоновъ рублей, изъ коихъ добрыхъ двѣ трети приходятся на долю самого города. Размѣры ввоза товаровъ (особенно изъ Великобританіи и подчиненныхъ ей странъ) замѣтно превышаютъ объемъ экспорта. Коммерческое оживленіе положительно растетъ не по днямъ, а по часамъ. До 4000 кораблей съ 6,000,000 тоннъ водоизмѣщенія (большинство, очевидно, подъ флагомъ метрополіи) — а кромѣ того тысячи пестрыхъ китайскихъ джонокъ и длинныхъ малайскихъ «прау», — посѣщаютъ въ данное время сингапурскую гавань. Тутъ можно даже увидать такіе рѣдкіе флаги, какъ джохорскій (близкаго малайскаго княжества) и саравакскій съ острова Борнео, гдѣ одинъ смѣлый англичанинъ Брукъ провозгласилъ себя раджею и дѣйствительно отвоевалъ себѣ независимое царство.

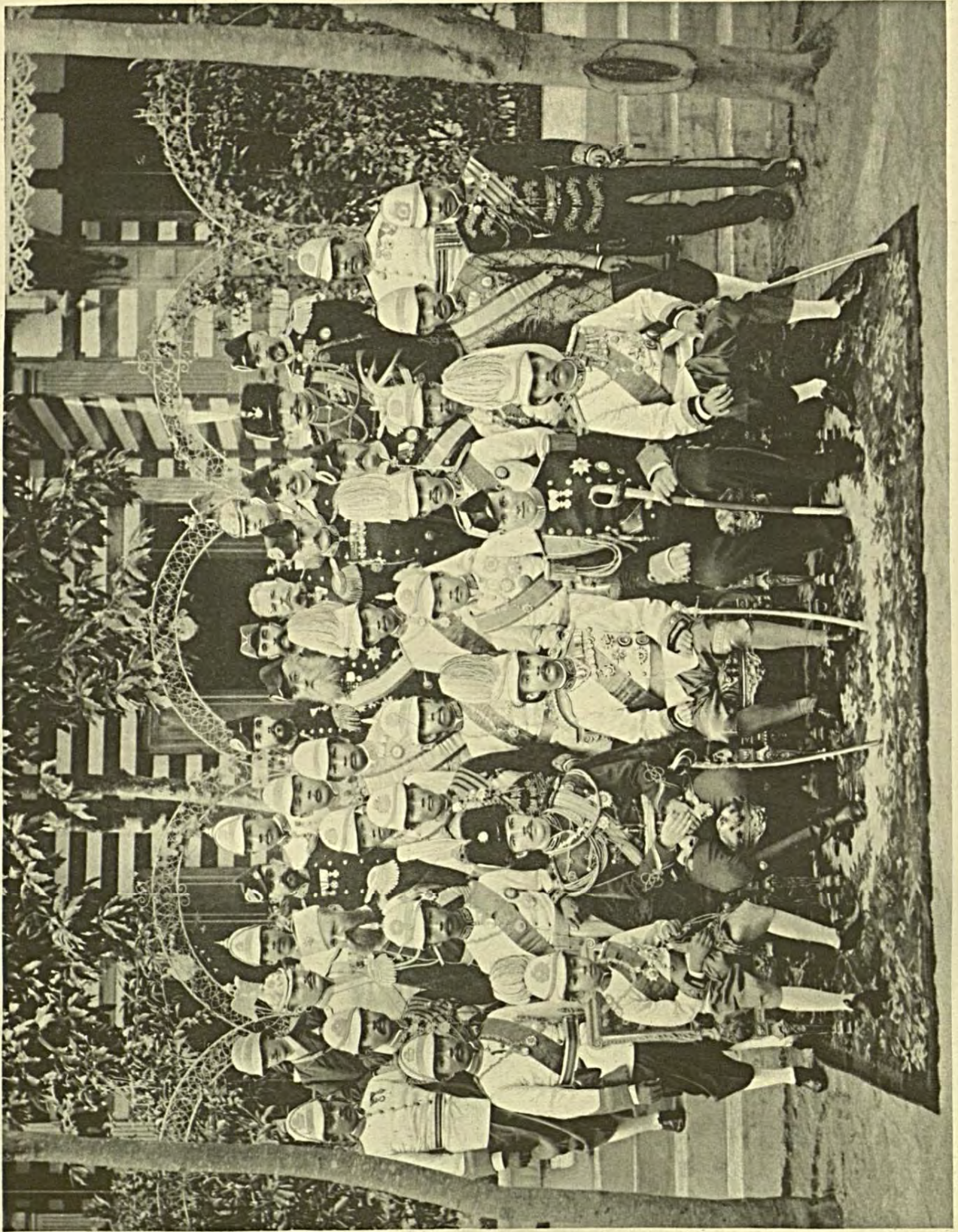
Населеніе Сингапура съ горсти въ 150 душъ обратилось въ 180,000. На всѣ «Straits-Settlements» приходится чуть-ли не втрое больше. Финансы этихъ послѣднихъ крайне удовлетворительны. Прекрасныя дороги, сооруженныя главнымъ образомъ ссыльными преступниками (тюгами) изъ Индіи, прорѣзаютъ островъ. Зловредныя густыя джонгли выру-

1. Е. В. Король Чулаюнкори. 2. Е. И. В. Наследник Цесаревич. 3. Е. К. В. Принц Георгий Греческий. 4. Е. В. Силский Наследный Принц.

Принцы крови: 5. Генерал Кронз Фра Баурандуонте, военный министр. 6. Кронз Луатз Делонте Вароракер, министр иностранных дел. 7. Генерал майор Нурсера Нуатинотес, министр общественных работ. 8. Поковник Сипасили Прасона, фискаль-адвокат. 9. Генерал Кронз Мунз Адитсон. 10. Порез Ворида, традиционный Бакока. 11. Генерал-майор Сибихол, министр королевского двора. 12. Нарайна Прабаниотес, заведующий финансами. 13. Анорифан, секретарь е. в. короля. 14. Генерал-майор Кронз Мунз Дакронг, министр духовных дел. 15. Поковник Сонабитидз, секретарь е. в. короля.

16. Майор Сипаситз Сунитинз, фискаль-адвокат. 17. Кн. В. А. Бартинский. 18. Виче-адмирал П. П. Назмоз. 19. Контр-адмирал В. Г. Басарин. 20. Доктор Галбаз. 21. Командир фрегата „Видилор Мономатз“ Ө. В. Аубасов. 22. Командир фрегата „Адмирал Палемов“ А. В. Федотов. 23. Фискаль-адвокат Кн. П. А. Обленский. 24. Кн. В. С. Кочуб. 25. Кн. Устольский. 26. Русский консул в Сипанурь ч. Выводцев. 27. Е. П. Волков. 28. Лейтенант Кронз. 29. Лейтенант Кайдо. 30. Художник Гриценко. 31. Маркиз Монари Сурияонте, полочник секретаря в министерстве западных провинций. 32. Маркиз Норратз (при сімекз полескоз коруев). 33. Маркиз Пиназ Коса, полочник секретаря иностранных дел. 34. Поковник Санетинидз. 35. Адвокат е. в. короля. 36. Капитан Луатз Анитз Паротанз (по министерству

The Theatricals of the 19th Century.

баются, мочежины и заводи съ мѣзмическими испареніями осушаются. Роскошныя виллы раскинулись поодаль отъ берега, гдѣ прежде нельзя было не бояться лихорадокъ и хищнаго звѣрья. Большія суммы ассигнуются на укрѣпленіе города.

Пробывъ четверть часа въ гостяхъ у губернатора, Ихъ Высочества (при громѣ привѣтственныхъ кликовъ съ англійскихъ военныхъ судовъ «Caroline» и «Prover») возвращаются на паровомъ катерѣ къ эскадрѣ, и притомъ прямо на крейсеръ «Адмиралъ Нахимовъ», гдѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ удостоивается принять обѣдъ въ каютѣ-компаніи. Могучій фрегатъ съ его необыкновенно дружнымъ и радушнымъ обществомъ офицеровъ сразу завоевываетъ симпатію. Шумно чествуется ими пребываніе въ ихъ средѣ Его Императорскаго Высочества. Застольныя бесѣды скоро смѣняются восторженными тостами. Сплотившійся духомъ въ тихо-океанскихъ водахъ бодрый кружокъ моряковъ пьетъ здоровье обожаемаго Великаго Князя.

Вечеромъ дается веселое представленіе. Самодѣльно поставлены молодежью двѣ забавныхъ пьесы анекдотическаго содержанія. Въ антракты играетъ хоръ. Въ одной («Жареная свайка») является въ деревню переночевать идущій домой матросъ Зацѣпа, уволенный въ запасъ. На отговорки бабъ, пустившихъ его въ избу, будто имъ нечѣмъ угощать, онъ говоритъ, что — человѣкъ бывалый: изъ простой свайки вкусныя щи себѣ сварить! Любопытство хозяекъ въ высшей степени напряжено: ловкій служивый заговариваетъ зубы обѣимъ, проситъ то водицы, то крупы, то мяса и т. д., дабы питательнѣе вышло, и, очевидно, въ концѣ концовъ, лакомится на славу.

Уже въ этой искусно разыгранной шуткѣ въ лицахъ нижнимъ чинамъ мастерски удалась женскія роли. Въ слѣдующей («Антипкины сговоры») онѣ вышли еще талантливѣе и смѣхотворнѣе. Особенно отличался одѣтый дѣвушкою фельдшеръ.

«Адмиралъ Нахимовъ» — типъ броненосца, какихъ намъ давно пора имѣть побольше въ заграничномъ плаваніи у побережій Восточной Азіи, гдѣ нашъ необъятный сухопутный престижъ нуждается въ дополненіи военно-морскою силой. Сингапурскія газеты, судя по ихъ раздраженному тону, не довольны присутствіемъ на рейдѣ столькихъ судовъ («such immense monsters») подъ русскимъ флагомъ. Относительно крейсера, на которомъ мы сейчасъ находимся, мѣстная печать высказывается тѣмъ подробнѣе, что онъ очень похожъ по размѣрамъ, очертаніямъ и вооруженію на своего англійскаго собрата «Imperieuse», которымъ флотъ ея величества королевы Викторіи справедливо гордится.

Проводить Августѣйшаго Гостя до «Азова», послѣ памятнаго оживленнаго вечера, въ гребной катеръ садятся на весла сами г. г. нахимовскіе офицеры.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖЕЛТОЙ РАССЫ.

Среда, 20 февраля (4 марта).

Несмотря на пасмурную погоду (сегодня нашъ послѣдній день въ Сингапурѣ) Наслѣдникъ Цесаревичъ со свитой и принцъ Георгій инкогнито съѣзжаютъ на берегъ для прогулки въ одноконныхъ «ghari», маленькихъ такъ-сказать каретахъ простенькаго

устройства (съ жалюзи), запряженных бойкими, но крайне упрямыми туземными лошадками: кучера (малайцы или клинги) превосходно ими управляютъ.

Насъ быстро везутъ мимо музея съ этнографическими и вообще натуралистическими коллекціями (болѣе многостороннее хранилище окрестныхъ достопримѣчательностей мы увидимъ въ Батавіи), — мимо музея, куда (какъ говорятъ) кромѣ китайскихъ семействъ (длиннокосыхъ педантичныхъ гражданъ Небесной имперіи съ женами и дѣтьми) почти никто никогда не заглядываетъ, — мимо памятника основателю города Рафлсу и оригинальнаго бронзоваго слона на довольно высокомъ пьедесталѣ съ надписями на четырехъ языкахъ, — воспоминанія о посѣщеніи «Straits-Settlements» сіамскимъ королемъ.

Его богатая рудой владѣнія на полуостровѣ Малаккѣ граничатъ съ англійскими и съ ихъ точки зрѣнія спорны во многихъ пунктахъ, гдѣ колоніи выгодно было-бы прочнѣе пустить корни и полнѣе черпнуть изъ нѣдръ плодородной, лѣсообильной, почти нетронутой хищниками земли. Правда, туда въ глушь все далѣе и далѣе проникаютъ (отчасти подѣ британскимъ покровительствомъ) эмигранты-китайцы съ лопатой и топоромъ, но пока ихъ воздѣйствіе еще до извѣстной степени полезно. Сто лѣтъ тому назадъ краси-

вый капитанъ остъ-индской компаніи Лайтъ, влюбившій въ себя дочь малайскаго султана Кэды и получившій отъ этого тестя въ приданое надѣлъ изъ густаго джонгля, догадался зарядить пушку долларами и выстрѣлить въ чашу, чтобы побудить безпечныхъ туземцевъ къ расчисткѣ дѣвственнаго лѣса, въ поискахъ за цѣннымъ металломъ. Сыны Небесной имперіи своимъ умомъ дошли до сознанія пользы энергично дѣлать тоже самое, — тѣмъ болѣе что край изобилуетъ оловомъ и нерѣдко встрѣчается превосходное зо-

лото, а также начали находить серебро.

Коренное населеніе равнодушно смотритъ на эксплуатацію родины пришельцами, хотя нѣкоторая религіозная и племенная и рознь между мѣстными мусульманами и желтолицыми язычниками естественно существуетъ. Оно на руку англичанамъ, ибо безъ того китайцы черезчуръ бы скоро усилились даже въ политическомъ отношеніи. И такъ уже Сингапуръ по настоящему не европейскій городъ, а передовой постъ быстро надвинувшейся Восточной Азіи, которая въ короткій срокъ, мирнымъ путемъ шагнула въ предѣлы колоніи «бѣлыхъ» и твердо въ ней обосновалась. Вытѣснить отсюда соотечественниковъ богдыхана въ данную минуту стало совершенно невысказуемо: они постепенно прибираютъ торговлю и ремесла въ свою власть, становятся необходимы, способны — когда угодно — образовать государство въ государствѣ: между ними, смотря по мѣсту рожденія каждаго (по провинціямъ Небесной имперіи, которыя по колоссальности и разнородности довольно чужды другъ другу), возникаютъ цѣлыя твердо организованныя общества, гдѣ таинственная связь отдѣльныхъ человѣческихъ единицъ, въ смыслѣ сплоченности противъ внѣшняго міра, не оставляетъ желать ничего лучшаго для борьбы съ препятствіями и для матеріальнаго успѣха. Иные нищіе, при такихъ благоприятныхъ условіяхъ, безъ особаго труда богатѣютъ и стремятся назадъ въ родной Китай.

Страшная сила подобныхъ союзовъ была-бы угрозою кореннымъ жителямъ и колонизаторамъ, не враждуй эти гигантскія братства между собою: у нихъ, говорятъ, даже

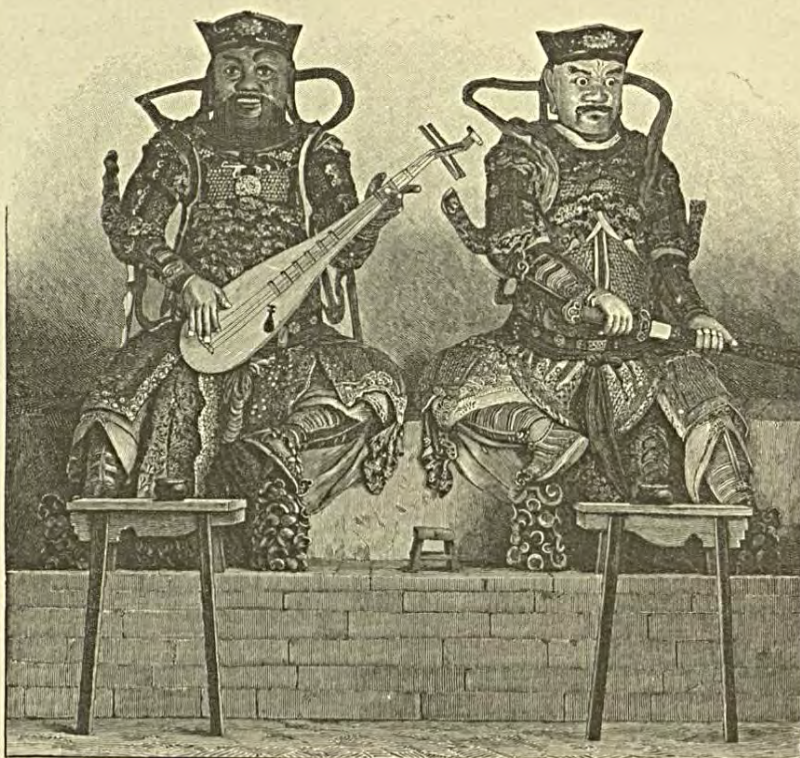
есть свои наемные бойцы, всегда готовые къ столкновеніямъ съ соперниками. Конечно, когда-нибудь инстинкты рассы возмуть верхъ надъ причинами раздора и тогда еще вопросъ, какъ будутъ укрощать эту работающую, но непріязненно настроенную чужую чернь: развѣ вооружать малайцевъ?!...

Насколько великъ притокъ китайскаго населенія, доказываетъ примѣръ прошлаго года, когда изъ владѣній богдыхана прибыло 127,936 душъ, изъ коихъ всего — 5,542 женщины. Такое скопленіе безбрачныхъ мужчинъ, очевидно, дастъ весьма отрицательные результаты въ нравственномъ отношеніи. Между тѣмъ эмиграціи китайнокъ (иначе какъ черезъ португальскій портъ Макао) трудно пока помочь. Даже среди переселенцевъ изъ Индіи едва четвертая доля является въ сопровожденіи бабъ.

Англичане благоразумно завели въ Сингапурѣ особаго «попечителя» (protector) для сыновъ Небесной имперіи. Изъ числа хорошо подготовленныхъ къ этой дѣятельности чиновниковъ синологъ Деннисъ наиболѣе оказался на высотѣ призванія. Въ часы досуга онъ обстоятельно знакомился съ богатѣйшими мифами и сказаніями порученныхъ ему инородцевъ, результатомъ чего даже явился цѣлый трудъ «The folk-lore of China».

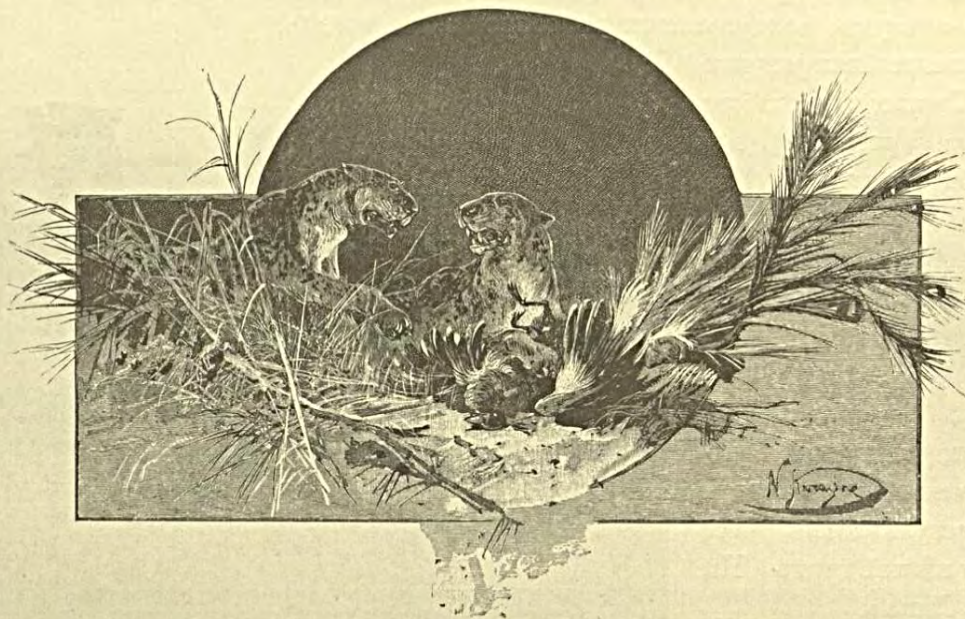
Среди здѣшнихъ китайцевъ многіе ухитряются добыть большой капиталъ и достигнуть извѣстнаго положенія. Въ законодательномъ совѣтѣ колоніи засѣдаетъ ихъ представитель. Вчера еще перекатная голь, сегодня богачи, они поселяются въ красивыхъ виллахъ съ причудливыми садами, выѣзжаютъ на прогулку въ элегантныхъ экипажахъ, курятъ только дорогія сигары и т. д. Въ первой половинѣ вѣка особеннымъ значеніемъ пользовался такой сингапурскій милліонеръ Вампоа, изъ крайней бѣдности самоучкой дошедшій до образованія и развитія на европейскій ладъ. О немъ — какъ интересномъ типѣ — отзываются Гончаровъ, адмиралъ Бутаковъ и другіе русскіе, заглядывавшіе въ ту пору въ Сингапуръ: этотъ даровитый и предприимчивый человѣкъ собирался побывать въ Кяхтѣ, въ Иркутскѣ, въ Москвѣ. Не знаю однако, удалось-ли ему туда направиться. Во всякомъ случаѣ одно уже подобное желаніе характерно для человѣка, обязаннаго своимъ благополучіемъ англійской колоніальной политикѣ!

Посѣщеніе Августѣйшими путешественниками ботаническаго сада (за нѣсколько верстъ отъ города) оказалось неудачнымъ. Проливной дождь помѣшалъ намъ выйти тамъ изъ нашихъ маленькихъ каретъ. Красноватый грунтъ дорогъ и дорожекъ кругомъ

КИТАЙСКІЕ ИДОЛЫ.

обратился въ жидкую массу. Пришлось ѣхать обратно и провести нѣкоторое время въ двухъ-трехъ лучшихъ лавкахъ китайскаго квартала, среди фасадовъ ультрамариноваго цвѣта, яркихъ вывѣсокъ, еще болѣе яркихъ бумажныхъ фонарей: а кругомъ блестѣлъ рѣдкій фарфоръ, высились вазы и шитыя шелками ширмы, около рѣзной мебели изъ чернаго дерева заманчиво красовались черепаховыя издѣлія и бездѣлушки изъ слоновой кости

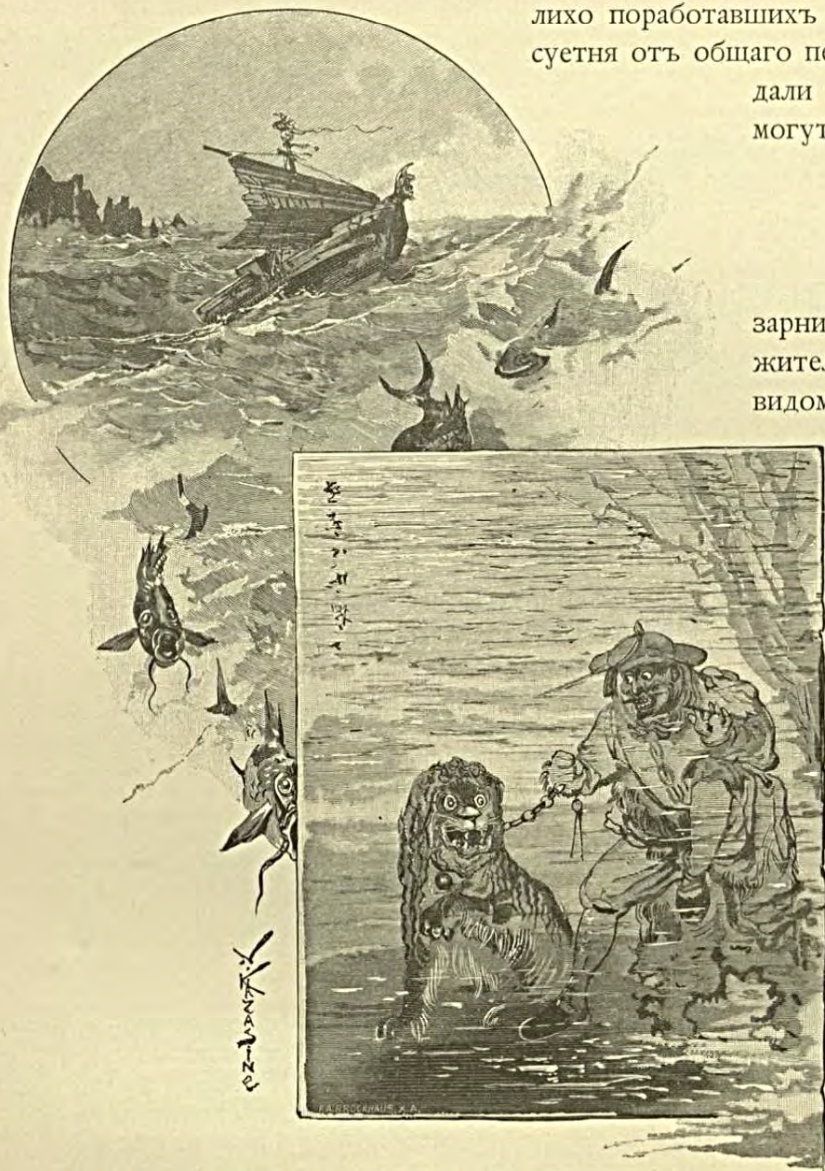
Я В А.

Въ четвергъ, 21 февраля, на разсвѣтѣ эскадра уходитъ въ Батавію, имѣя впереди лоцманское судно «Lucifer», предупредительно посланное нидерландскимъ правительствомъ. Одно время предполагалось совершить экскурсію на сосѣдній сингапурскому острову материкъ: въ джохорское княжество, поднесшее подарки Наслѣднику Цесаревичу наравнѣ съ другимъ перакскимъ (тамъ-же на Малаккѣ), въ знакъ привѣтствія народа и вождей. Но такъ какъ въ первомъ не было на-лицо мѣстнаго владыки, недавно получившаго отъ англичанъ необычный для малайца и для мусульманина титулъ махараджи (султанъ — при смерти, лѣчится въ Карлсбадѣ!), то рѣшено не посѣщать Джохора.

Эго туземное государство, когда-то считавшееся очень могущественнымъ (оно составляло въ XVI в. до 100,000 воиновъ), теперь сравнительно ничтожно и начинаетъ, словно въ видѣ примѣра остальнымъ малакскимъ центрамъ, поддаваться напору цивилизации: среди джохорскихъ джонглей работаютъ паровыя лѣсопилки и намѣчена желѣзная дорога для эксплуатаціи прочихъ естественныхъ богатствъ.

Переходъ фрегатовъ до Явы (440 миль) длится около двухъ сутокъ и ознаменованъ только обычнымъ для моряковъ празднованіемъ пересѣченія экватора. Для Нептуна смастерили колесницу, самого «бога морей» облекли въ мочалу и временно спрятали за бортъ, кое-какъ разодѣли нѣсколькихъ матросиковъ въ арапа, чудища изъ глубины океана, нептунову свиту... Подъ вечеръ, когда наступила минута непосредственной близости къ воображаемой линіи, — Ихъ Высочества, офицеры и команда пошли къ баку встрѣчать поднимающихся имъ на встрѣчу (точно изъ воды) диковинныхъ гостей. Немедленно началось крещеніе новичковъ окатываніемъ изъ пожарныхъ кишекъ и купаніемъ въ особо приготовленномъ чанѣ. Палуба вскорѣ залита была струями на всѣхъ безъ исключенія направляемой влаги. При общемъ веселіи она не щадила никого, — въ томъ числѣ и опытныхъ моряковъ, уже пересѣкавшихъ экваторъ. Нижніе чины тщательно разыскивали тѣхъ изъ своихъ, кто хотѣлъ спрятаться, и усиленно окунали такихъ въ большую кадку. Брызги, хохотъ, шумъ отъ бѣготни наполняли воздухъ. Наконецъ матросы торжественно вынесли на рукахъ изъ батарейной палубы степеннаго и осанистаго придворнаго буфетчика

Шалберова. Онъ побывалъ въ серединѣ жаркаго пояса, находясь еще въ кругосвѣтномъ путешествіи съ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ и его, въ сущности, не полагалось-бы трогать; но командѣ любо подурачиться и посмѣяться вволю хоть на единый мигъ, въ теченіе нештунова визита: Шалберовъ меланхолично гладитъ свои великолѣпныя бакенбарды, пока его тащутъ на экзекуцію, — и его съ рѣдкимъ рвеніемъ погружаютъ въ воду... Всѣ мы мокры до послѣдней нитки отъ дѣйствія лихо поработавшихъ насосовъ. Долго раздается въ каютахъ суетня отъ общаго переодѣванія. Вѣстовые, прислуга пострадали въ одинаковой степени и потому не могутъ намъ своевременно помочь.

КИТАЙСКИЙ СКАЗОЧНЫЙ ЛЕВЪ, ВЫЗЫВАЮЩІЙ БУРЮ.

Красота природы днемъ и сверкающая зарницами тишина полуденныхъ ночей положительно нѣжатъ душу. Взоры упиваются видомъ цвѣтущихъ побережій архипелага, — которымъ мы зачастую идемъ, — съ ихъ пышною растительностью, съ ихъ свѣтлыми стволами деревьевъ, избирающихъ (словно европейцы для своей одежды) именно такой цвѣтъ коры въ области интенсивнаго солнечнаго сіянія, на задыхающей отъ зноя родинѣ коричневаго человѣка. Листва кажется издали, по контурамъ, хаотически разорванною, безъ опредѣленно-ясныхъ и спокойныхъ очертаній, къ какимъ привыкли уроженцы умѣреннаго климата. Темная и блестящая широколѣтвиная зелень лѣса, — чѣмъ больше всматриваешься, — рѣзче и рѣзче отлиываетъ кирпично-красными и желтыми тонами. Сильное отраженіе предохраняетъ ее отъ чрезмѣрнаго нагрѣванія.

Здѣсь и тамъ, на зеркалѣ заливовъ, мелькаетъ оранжевый или черный парусъ малайской ладьи съ

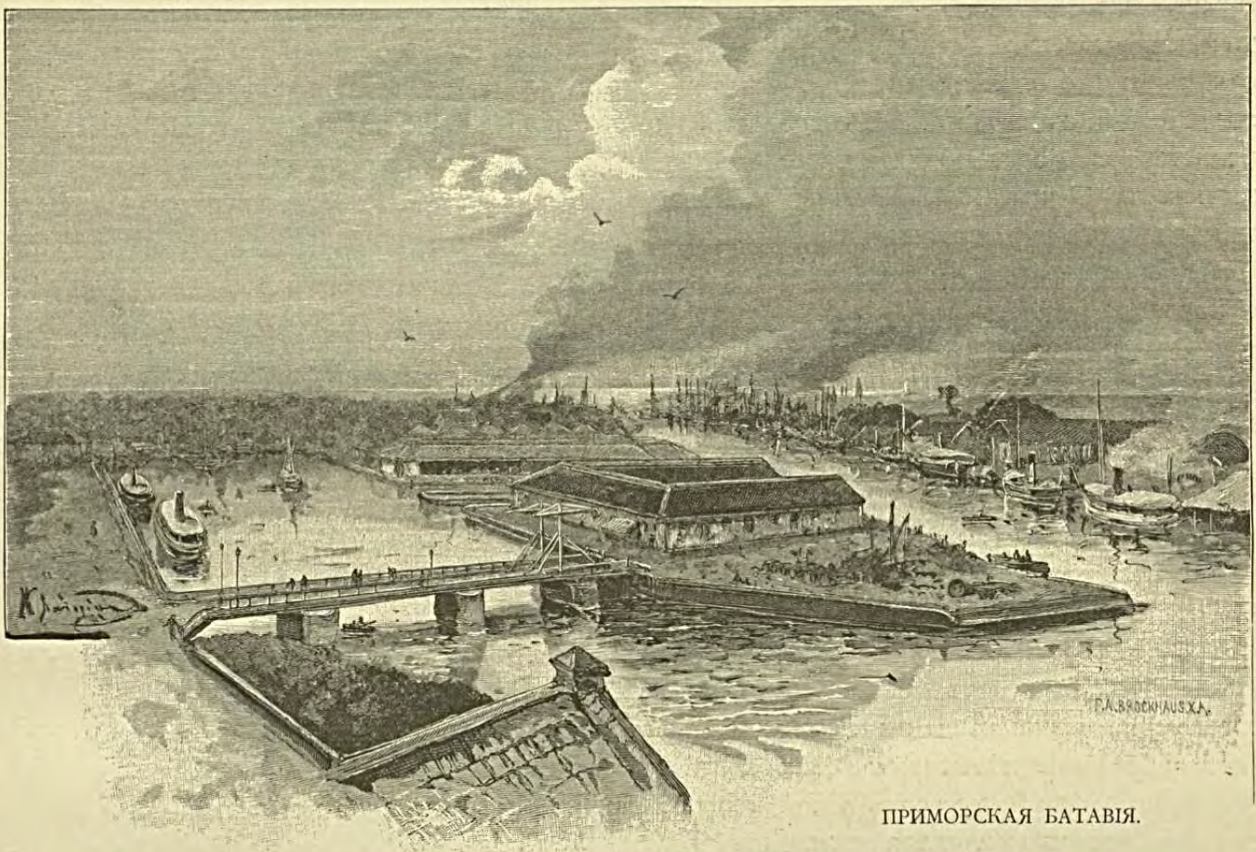
неуклюжею кормой, полуголыми мускулистыми туземцами въ щитообразныхъ голубыхъ шляпахъ. Дымчатое море съ фіолетовыми оттѣнками ластится къ окрестнымъ островамъ, тихо дышетъ межъ ними надъ сонной пучиной, гдѣ скрылся одинъ изъ прежнихъ материковъ и незримо образуется вулканическими силами новая суша.

Бѣлесоватое небо нерѣдко окаймляется мрачными дождевыми тучами. Грустныя тѣни бѣгутъ по раздолью джонгля и водъ... Ливень, — и опять все полно жизни, празднуетъ обновленіе!..

А ночи?! Какими словами охарактеризовать ихъ вѣчный фосфорическій блескъ на грозномъ горизонтѣ? Серебристые гребни волнъ мѣрно всплываютъ подъ нимъ изъ непроницаемаго мрака, полосы искръ алмазнымъ вѣеромъ расходятся въ водѣ за винтомъ фрегата. Весь млечный путь точно отразился и горитъ въ этой лазоревой таинственной безднѣ подъ нами и надъ нашей головой, — а въ отдаленіи ракетами вспыхиваютъ и змѣются зарницы...

Суббота, 23 февраля.

Вотъ мы уже миновали высокій желѣзный маякъ слѣва, свидѣтельствующій о близости Батавіи. На морской поверхности чаще попадаются плавающие куски дерева. Свѣ-

ПРИМОРСКАЯ БАТАВІЯ.

жесть утра начинаетъ исчезать и легко предвидѣть, что за температура насъ ожидаетъ при съѣздѣ на берегъ. Вулканы Явы обрисовываются за нимъ, опоясанные облачною пеленой, — такъ что по временамъ вершины этихъ горъ какъ-бы висятъ на воздухѣ. Въ 10 часовъ эскадра бросаетъ якорь на внѣшнемъ рейдѣ новой искусственной гавани Танджонкъ-Пріокъ. Множество лодокъ и пароходиковъ, съ музыкой, окружаетъ «Азовъ». Дамы машутъ платками. Задушевно-привѣтливые возгласы въ первый разъ послѣ Египта слышатся во встрѣчающей толпѣ. На сердцѣ невольно становится радостно и легко. По всему видно, что голландцы не оффиціально только, а чистосердечно намѣрены оказать радушный пріемъ. И не мудрено: тутъ къ намъ издавна питаютъ чувства симпатіи, въ которыхъ нельзя сомнѣваться! Не любить русскихъ на Востокѣ имѣютъ причину лишь тѣ элементы, надъ коими при ихъ дерзкомъ и грубомъ притѣсненіи туземныхъ началъ ангеломъ возмездія стоитъ наша объединяющая азіатовъ держава.

На паровомъ катерѣ являются намъ консулъ Бодъ (Jonkheer W. A. Baud) и вице-консулъ (Jonkheer A. Ploos van Amstel). Вслѣдъ за обычными салютами приѣзжаетъ со своими адъютантами генераль-губернаторъ индо-индерландскихъ колоній: докторъ правъ Пейнакеръ Хордейкъ (Pynacker Hordijk), и вмѣстѣ съ нимъ вице-адмиралъ Тень Бошъ, а также генеральный секретарь колоніальнаго правительства Галлуа (W. O. Gallois).

Четверть часа послѣ того какъ они представились Наслѣднику Цесаревичу, Ихъ Высочества со свитой покидаютъ эскадру. Голландскія суда нарядно убраны флагами. Люди посланы по реямъ. Восторженное ура гремитъ надъ моремъ, пока мы подходимъ къ берегу. Не пора-ли однако и о немъ сказать нѣсколько словъ?

Несмотря на гигантскую литературу путешествій, на крайнюю доступность такихъ странъ какъ Ява за послѣдніе года, на пробуждающійся интересъ къ подобнымъ ей экзотическимъ мірамъ, — читающая Европа въ сущности мало знаетъ о прошломъ и даже отчасти о настоящемъ этихъ за-экваторіальныхъ странъ. Исторія ихъ весьма неполно изслѣдована, характеръ населенія и его жизненныя цѣли далеко недостаточно выяснены, проистекающая оттого отрывочность свѣдѣній поневолѣ даетъ блѣдную окраску описаніямъ туристовъ. О чемъ мы можемъ en connaissance de cause говорить, когда кругомъ — столько тайны и столько вопросительныхъ знаковъ?

Что такое, во-первыхъ, нидерландская Индія съ ея относительно густымъ и довольно однороднымъ населеніемъ (притомъ же скорѣе воинственнаго и непокорнаго нрава), если ея — почти безъ труда и гораздо менѣе опасаясь за свою неприкосновенность, чѣмъ англичане въ Азіи — править горсть «бѣлыхъ» плантаторовъ, у которыхъ слово не расходится съ дѣломъ, фразы о прогрессѣ не идутъ рука объ руку съ насиліемъ?

Почему эти благодатные края, признающіе надъ собою эгиду Голландіи, въ культурномъ отношеніи переживаютъ фазисъ обостряющагося религіознаго тяготѣнія къ исламу и Меккѣ, хотя основы высшаго бытія яванцевъ тѣсно связаны съ исконнымъ воздѣйствіемъ на нихъ языческаго Индостана и Юга китайской имперіи? Что за будущее ожидаетъ колонию съ такимъ необыкновеннымъ богатствомъ, но политически невыгоднымъ положеніемъ?

Цѣлую недѣлю нашего пребыванія на «изумрудномъ» островѣ мой дневникъ главнымъ образомъ будетъ посвященъ посильнымъ отвѣтамъ въ сжатой формѣ на подобные естественно возникающіе запросы, причемъ иногда придется обращать вниманіе и на мелочи, когда обобщеніе нѣкоторыхъ фактовъ покажется необходимою.

Еще нѣтъ и трехсотъ лѣтъ, что представители германской расы по слѣдамъ португальцевъ начали утверждаться на Явѣ. Только въ началѣ XVII в. морякъ Pieter Both заложилъ факторію Батавію близъ стараго туземнаго центра Jakatra («столица побѣды») у рѣки Tjiliwong. Сперва было трудно предугадать, кто изъ европейцевъ осилитъ колонизаторовъ съ родины Васко да Гамы: французы-ли, голландцы или англичане? Послѣдніе въ то время не собирались даже играть на Востокѣ преобладающую съ моря роль и довольно поздно, исключительно по непростительной оплошности другихъ западныхъ націй заняли тамъ это мѣсто.

Въ ту пору индо-малайскій міръ служилъ для британскаго элемента едва-ли не болѣею приманкой, чѣмъ царство Моголовъ и смежныхъ съ нимъ владѣній: въ XVII столѣтіи, наприимѣръ, Мадрасъ подчинялся англійской колоніи на Явѣ. И тѣмъ не менѣе у нидерландскаго правительства хватило энергіи и средствъ парализовать здѣсь чужія вліянія и стать господствующимъ слоемъ населенія. Въ теченіе полувѣка населеніе острова, куда мы прибыли, упятилось, — такъ что теперь онъ можетъ считаться за одинъ изъ населеннѣйшихъ на земномъ шарѣ. Однако свободной земли и пропитанія тутъ, какъ говорятъ,

надолго хватить туземному грядущему поколѣнію, — конечно, если не нахлынутъ миллионы китайцевъ, что весьма легко предвидѣть . . . Великій океанъ съ заманчивыми частицами суши въ его теплыхъ предѣлахъ — прямой путь для избытка жителей Небесной имперіи! . . . А у насъ наивно толкуютъ о нашествіи ихъ на Сибирь, куда отребье народа-земледѣльца, народа — по инстинкту южанина, направляла и направляетъ развѣ самая крайняя нужда, — гдѣ только иноплеменнику-купцу открыто широкое поле дѣятельности, но никоимъ образомъ нельзя съ извѣстною долею вѣроятности ожидать наплыва желтолицыхъ пахарей. Здѣсь же, наоборотъ, это рано или поздно случится по праву сильного, когда жизнеспособному полумилліарду людей, тяготящихся тѣснотой, понадобится экономическій исходъ, расширенная арена эволюціи, борьба за будущее. Довольно пассивная, несмотря на свою даровитость, малайская раса тогда неизбежно должна во многихъ отношеніяхъ пострадать.

Гавань Батавіи, въ которую мы вошли, — совершенно новаго происхожденія. Могушіе волнорѣзы за нами, — между покинутой эскадрою и застроеннымъ складами побережьемъ, — мастерскія, рельсовый путь вдоль бассейна-канала, покрытаго судами разнообразнѣйшей величины, — все существуетъ чуть-ли не со вчерашняго дня и свидѣлствуетъ о заботѣ властей поднять слегка поколебавшееся значеніе здѣшняго порта. Неудобный рейдъ, прогрессировавшее обмелѣніе фарватера отъ рѣчныхъ наносовъ, конкуренція Сингапура на міровомъ торговомъ пути, — немало данныхъ заставило медлительныхъ голландцевъ ассигновать 6,000,000 руб. на созданіе Танджонкъ Пріока (въ его теперешнемъ видѣ), гдѣ умѣщается до 75 кораблей. Ихъ вообще сюда ежегодно приходитъ до 850 съ водоизмѣщеніемъ въ 780,000,000 тоннъ: двѣ трети грузовъ — на пароходахъ (кромѣ 450 голландскихъ, обыкновенно насчитываютъ 125 англійскихъ, 25 французскихъ, а за послѣднее время и нѣсколько сіамскихъ), остальные же подъ парусами: въ этомъ разрядѣ постепенно начинаютъ въ свою очередь обращать на себя вниманіе норвежскій, германскій, италіанскій флаги. Въ Австро-Венгріи проявляется интересъ къ условіямъ экспорта въ индо-нидерландскія владѣнія. Недаромъ въ Амстердамѣ недавно была колоніальная выставка съ цѣлью привлечь на нее иностранныхъ ученыхъ и купцовъ.

До 1825 г. нидерландское правительство ревниво оберегало за своими подданными исключительное право торговыхъ сношеній съ Явою, но затѣмъ поняло, какъ выгодно открыть туда доступъ коммерсантамъ и другихъ націй. Хозяевамъ края пришлось монополизировать только каботажное плаваніе, предоставивъ его при этомъ почти всецѣло коренному населенію. Власти строго надзираютъ за тѣмъ, чтобы безъ ихъ вѣдома не ввозилось въ колонію ни опиума, ни огнестрѣльнаго оружія, ни пороха. Вывозить запрещено археологическія достопримѣчательности, — что однако не мѣшаетъ послѣднимъ попадать въ иностранные музеи. Такъ напр. не только въ берлинскомъ этнографическомъ музеѣ, но и въ нашемъ Академическомъ (на Васильевскомъ Островѣ въ столицѣ) есть образцы яванскихъ древностей индійскаго культурнаго періода. Въ Петербургѣ они принесены въ даръ богатымъ голландскимъ плантаторомъ Стюрлеромъ.

Яванскій экспортъ состоитъ преимущественно изъ индиго, кофе, сахара, табаку, чая, ласточкиныхъ гнѣздъ, буйволовыхъ кожъ, мускатнаго орѣха, гуттаперчи, бѣлаго и чернаго перца, воска, риса, саго и т. п. Ввозится же великое множество издѣлій европейской промышленности, предметовъ первой необходимости и роскоши: внутрь острова въ громадномъ количествѣ идутъ, между прочимъ, шелковыя издѣлія и разнообразнѣйшія ткани. Почти

вся торговля тамъ сосредоточена въ рукахъ арабовъ, индійскихъ мусульманъ и китайцевъ, — приче́мъ едва-ли не львиная доля перепадаетъ послѣднимъ. Яванцы стали въ данное время крайне апатичны и дозволяютъ себя легко эксплуатировать отчасти пришлымъ, отчасти мѣстнымъ иноплеменникамъ. Прежде (напр. еще въ XVI в.) согражданамъ населенія Небесной имперіи здѣсь не дозволено было чрезмѣрно расширять коммерческія операціи; но затѣмъ на дѣятельность піонеровъ желтой расы привыкли смотрѣть снисходительнѣе: они все тѣснѣе и тѣснѣе сплочиваются въ очень дружныя тайныя общества и постепенно захватываютъ любую отрасль предпріимчивости и труда. Въ данное время лучшіе столяры, каменщики, кузнецы, маляры, сапожники, часовщики и т. д. въ зондскомъ архипелагѣ — китайскаго происхожденія. Наступитъ минута, что они проявятъ свое полновластіе положительно во всемъ, — а была пора, когда коренные туземцы никому не уступали въ качествѣ искусныхъ ремесленниковъ, обладали недюжинными способностями въ торговомъ дѣлѣ, умѣли развиваться самобытно, да еще вліять на сосѣдей!...

Прямо передъ нами — разукрашенная пристань близъ вокзала Танджонкъ Пріокъ. Вся она — въ гирляндахъ, деревьяхъ и флагахъ (русскихъ, греческихъ голландскихъ). Тысячи зрителей разноплеменнѣйшаго состава тѣснясь вокругъ, насилу сдерживаемые яванской полиціей. Любопытство и энтузіазмъ собравшихся сюда издалека такъ велики, что толпа положительно грозитъ прорвать цѣпь туземной стражи у дорожки, ведущей къ желѣзнодорожному дебаркадеру. При выходѣ изъ катера Наслѣдникъ Цесаревичъ подъ звуки «Боже, Царя храни!» встрѣченъ генераль-губернаторомъ и вице-президентомъ его совѣта Ванъ-деръ-Війкъ, главнокомандующимъ индо-нидерландскою арміей генераль-лейтенантомъ van Zijl de Jong, только-что представившимся адмираломъ, начальникомъ общественныхъ работъ van Bosse, резидентомъ (губернаторомъ) Батавіи и ея округа докторомъ правъ Метманомъ, капитаномъ надъ портомъ Барнаартомъ и военнымъ инженеромъ полковникомъ Реснеромъ, назначеннымъ состоять при Особѣ Е. И. Высочества.

Происходитъ обычное представленіе встрѣчающихъ лицъ Августѣйшимъ путешественникамъ. Затѣмъ слѣдуетъ отъѣздъ изъ гавани въ самый городъ, отстоящій за десять верстъ. Когда паровозъ уже началъ приходить въ движеніе, масса народа (въ томъ числѣ и европейцевъ) прорываетъ преграды и наводняетъ станцію. Флегматичные голландцы радостно провожаютъ Дорогаго Гостя шестьюкратными возгласами «ура!»

Насъ везутъ вдоль илстаго канала: не то лѣсомъ, не то деревней, не то предместьемъ большаго центра. Столица Явы тѣмъ именно и отличается, что раскинута на обширнѣйшемъ пространствѣ среди подавляющей тропической растительности: не знаешь, гдѣ — жилье человѣческое, гдѣ — настоящій непроницаемый джонгль... Вагоны катятся по незначительному подъему: межъ банановъ, баніановъ, гигантскихъ кактусовъ и кокосовыхъ деревьевъ. Между тѣмъ, кругомъ, это — уже Батавія съ отдѣльными и по своему безшумно оживленными кварталами, группами затерянныхъ въ листвѣ домовъ, цѣлымъ прошедшимъ мистическаго и кроваво-легендарнаго характера...

Исторія острова, объемомъ почти равнаго Англіи, развертывается въ сумракѣ временъ уже очень давно. Каждая пядь земли озарена тутъ или миѳомъ, или смутнымъ преданіемъ, или относительно недавнимъ событіемъ, одинаково живущими въ устахъ народа. Конечно, яванцамъ далеко до насельниковъ Индіи въ смыслѣ общенія en grand съ человѣчествомъ въ разныя эпохи и подъ любымъ небомъ Азіи. Но и этотъ уголокъ земнаго шара ($\frac{1}{11}$ индрандскихъ владѣній въ жаркомъ поясѣ) съ очень давнихъ поръ привлекалъ взоры иноземцевъ — мореплавателей, завоевателей и миссіонеровъ. Островъ, куда мы прибыли, не представляетъ изъ себя чуть-ли не первобытной глуши, разбуженной лишь приходомъ «бѣлыхъ»

людей, а издревле являлся особым характерным миром, откуда какъ изъ очага свѣта многое получали и воспринимали смежные края вродѣ Суматры, Борнео, Малакки и т. п.

Положеніе Явы болѣе или менѣе извѣстно уже географу Птолемию (во II вѣкѣ послѣ Р. Хр.). Китайцы, индусы могли до Р. Хр. посѣщать ее съ цѣлями торговли, колонизаціи. Финикійскіе, а также и александрійскіе купцы вывозили отсюда пряности и хотя смутно знакомили Западъ съ характеромъ зондскаго архипелага. Преемниками этой роли являются арабы, соприкасавшіеся съ малайской рассой и у Мадагаскара, и въ Красномъ морѣ: первымъ мусульманамъ естественно было проникнуть на ея родину въ дальнихъ странахъ полудня. Изъ европейцевъ туда ранѣе всѣхъ путешественниковъ проникъ Марко Поло, а за нимъ въ XIV столѣтіи обасурманившійся венеціанецъ Николо Конти. Весьма возможно, что безпечные португальцы сами отъ себя не скоро бы обратили вниманіе на Яву, не приди отсюда къ нимъ, въ ихъ азіатскія владѣнія, туземное языческое посольство съ мольбами о помощи противъ непомѣрно усиливавшагося на островѣ ислама. Признавая послѣдній своимъ исконнымъ врагомъ, лузитанское воинство двинулось въ новыя для него области за экваторъ и положило такимъ образомъ начало медленному вторженію Европы въ совершенно ей незнакомую и чуждую жизнь многомилліоннаго коричневаго населенія.

Яванскія сказанія единогласно говорятъ о дѣяніяхъ нѣкоего героя, по имени Сака, который въ первомъ вѣкѣ нашей эры привилъ здѣсь элементы цивилизаціи, пересади́лъ формы индійскаго

стро́я на дѣвственную почву малайскаго быта, не тронутаго еще никакою высшею культурою, такъ какъ китайское воздѣйствіе если и проявлялось тогда, то въ незначительной степени. Въ теченіе тринадцати столѣтій брамино-буддійскій міръ находился въ прямомъ общеніи съ юго-восточнымъ архипелагомъ и въ своемъ творческомъ напряженіи, среди этой разнообразно богатой области, оставилъ въ наслѣдіе туземцамъ такія удивительныя (по размѣрамъ и законченности очертаній) созданія зодчества и ваянія, что сама родина ихъ (Индостанъ) въ общемъ не сохранила ничего подобнаго по историческому и художественному значенію. Натуралистъ Уолласъ, знатокъ Явы, справедливо замѣчаетъ: «мѣстное коренное населеніе затратило въ средніе вѣка неизмѣримо больше искусства и энергіи на сооруженіе хотя-бы напр. величественнаго «города храмовъ» Боро-будуръ въ центрѣ острова, чѣмъ египтяне на возведеніе пирамидъ.» Когда вслѣдъ затѣмъ исламъ въ свою очередь пустилъ корни среди малайской рассы и постепенно вытѣснилъ собою язычество, ничья вандалская рука не посягнула на объекты прежняго культа. Люди не то съ суевѣрнымъ страхомъ, не то съ благоговѣніемъ точно отпали отъ нихъ, продолжая однако по временамъ воздавать почти божескія почести заглохшимъ и разрушающимся капищнымъ громадамъ какъ чему-то сверхъестественному. Дѣйствительно, нигдѣ въ мірѣ не найдено пока равныхъ имъ по колоссальности архитектурнаго замысла, въ связи съ совершенствомъ выполненія. Голландцы, правда, уже въ прошломъ столѣтіи случайно открыли немало такихъ замѣчательныхъ развалинъ, но у практиковъ-колонизаторовъ не зарождалось

мысли о важности и необходимости изучения подобных памятниковъ въ строго научномъ отношеніи, Нужно было быть археологомъ въ душѣ, чтобы заинтересоваться ими, чтобы забытымъ одухотвореннымъ камнямъ чужой культуры, чужаго духовнаго міра вернуть прежнее обаяніе, которое они справедливо заслужили. Кратковременно правившій Явою англійскій губернаторъ Ральфсъ первый методически занялся излѣдованіемъ останковъ индуизма въ этихъ краяхъ. Нидерландское правительство лишь въ 1845 г. снарядило экспедицію для воспроизведенія грандіозныхъ руинъ Боро-будура въ цѣломъ рядѣ фотографическихъ снимковъ и гравюръ. Съ тѣхъ поръ осмысленное освѣщеніе памятника все растетъ, доказывая Западу, какъ великъ Востокъ въ своихъ религіозныхъ созданіяхъ. Кумирни и особенно барельефы буддійскаго типа поражаютъ болѣе всего тѣмъ, что изваянные боги и символы исчезающаго періода (на «изумрудномъ» островѣ за экваторомъ) зачастую одинаковы съ тѣми, которые донинѣ чтутся въ Гималаяхъ и за ними, у ламаитовъ Тибета и Монголіи... Я самъ испыталъ крайнее удивленіе, обходя разъ берлинскій этнографическій музей, когда увидалъ одного яванскаго Будду, точъ въ точъ схожаго съ видѣннымъ мною у бурятъ. Связующее звено потеряно: формы буддійской религіи къ сѣверу отъ Явы и къ югу отъ ламайскихъ центровъ значительно видоизмѣнены сравнительно съ тамошними традиціонными «святынями». Пока остается любопытною исторической загадкой, почему на крутизнахъ Нэпаля и у Боро-будура человѣческая вѣра воздвигла тождественные сложные предметы поклоненія. Очевидно, конечно, что индусы-проповѣдники и учителя-художники придерживались и здѣсь, и въ Центральной Азіи одинаковаго образа мышленія въ духѣ истинныхъ древнихъ началъ. Сродство на этой почвѣ мнѣ вотъ еще почему понятно, — хотя гипотеза многимъ и покажется, пожалуй, черезчуръ оригинальною. Царство животныхъ на Явѣ имѣетъ больше аналогіи съ фауной материка (Сіамомъ, Бирмой, Индіей, Гималаями) чѣмъ съ окрестною островною. Между тѣмъ натуралисты убѣждены, что Ява раньше отдѣлилась отъ Азіи нежели напр. Суматра и Борнео. Современныя тибето-монгольскія формы буддизма, по моему, гораздо первобытнѣе остальныхъ (на Цейлонѣ, въ Индо-Китаѣ, Небесной имперіи, Японіи). Онѣ создались въ глубочайшей древности и передавались изъ страны въ страну, пока послѣднія физически составляли одно неразрывное цѣлое. Позже религія Шакья-Муни въ иныхъ краяхъ сильно упростилась внѣшнимъ образомъ. Въ канонической чистотѣ она случайно могла объектами культа уцѣлѣть на Явѣ, сознательно сохраняясь параллельно съ тѣмъ въ Центральной Азіи. И тутъ, и тамъ мусульмане нерѣдко торжествуютъ побѣду, по праву сильного тѣсна и низвергая буддійскіе предметы поклоненія.

Въ данное время вѣра «царевича-мудреца» распространена на «изумрудномъ» островѣ почти лишь среди китайцевъ, — сами же яванцы исповѣдуютъ исламъ. Это придаетъ народу больше національной стойкости и антипатіи къ иновѣрцамъ-христіанамъ. Будь онъ — по старому, съ языческимъ міровоззрѣніемъ, съ яванцами легче было бы ладить. Невидимый городъ, по которому мы ѣдемъ, спокоенъ, впрочемъ, уже очень давно и въ нашъ вѣкъ едва-ли бы могъ породить какого-нибудь Нану Сахиба, чѣмъ напр. Индія безъ сомнѣнія до сихъ поръ богата.

Прошлое Батавіи отмѣчено въ минувшемъ столѣтіи только однимъ эпизодомъ романтически-трагическаго свойства. Туземцы долго не мирились съ мыслью, что европейцы призваны быть господами края. Почему-то ненависть къ нимъ особенно сильно таилъ въ своемъ сердцѣ метисъ, — сынъ нѣмца, авантюриста изъ Вестфалии, и яванки. Имя его — Петръ Эльберфельдъ.

Пять старшихъ братьевъ унаслѣдовали привычки и взгляды отца; младшій же съ дѣтства проникся страннымъ патріотизмомъ совершенно инаго характера. Такъ онъ прожилъ

почти до шестидесятилѣтняго возраста, съ крайнею непріязнью относясь къ пришельцамъ съ Запада. Наконецъ этому представителю смѣшанной рассы показалось своевременнымъ свергнуть ненавистное иго. Онъ составилъ обширнѣйшій заговоръ, въ которомъ приняло участіе до тридцати тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько яванскихъ князей, и все втихомолку подготавливалось для низверженія чужаго господства; всѣмъ «бѣлымъ» грозила смерть, не помѣшай тому исключительный случай. Осуществленіе кроваваго плана не удалось, благодаря мѣстнымъ Ромео и Джульеттѣ. У Эльберфельда была любимая племянница, красавица собой, воспитанная имъ на туземный ладъ. Ей приглянулся голландецъ-офицеръ, и молодые люди, во что бы то ни стало, рѣшили соединиться брачными узами. Зная однако непримиримыя чувства дяди ко всему иностранному, Мида (такъ звали дѣвушку) выжидала, какъ и когда ему открыться. Однажды ей показались подозрительными ночныя сборища въ ихъ домѣ. Она невольно прослѣдила нити заговора, напоминающаго подробностями сцены изъ «Гугенотовъ», и выдала жениху тайну старика-опекуна. Зачинщиковъ схватили и подвергли жестокому казнѣ: обвиненнымъ туземнымъ принцамъ отрубили сначала правую руку, а потомъ и голову. Эльберфельда же привязали къ хвостамъ четырехъ лошадей и такимъ ужаснымъ способомъ разорвали на части. Дѣвушку-избавительницу сочли какой-то отверженной, зачумленной и не дозволили офицеру на ней жениться.

Что съ мятежниками въ Батавіи не церемонились, — легко понять, ибо извѣстны кары, постигавшія тутъ даже администраторовъ, если былъ поводъ подозрѣвать ихъ въ сепаратистическомъ настроеніи: одного, между прочимъ, преспокойно колесовали на глазахъ народа.

Эльберфельда казнили въ 1722 г. Еще и теперь батавцы не забыли этой расправы и боятся мѣста, гдѣ она произошла: оно считается проклятымъ . . . Суровое подавленіе задуманнаго возстанія едва-ли не навсегда отбило у инородческаго населенія охоту злоумышлять, цѣлуя Коранъ и отравленные кинжалы, противъ фактическихъ хозяевъ страны. Вспышка вражды и неожиданныя кровопролитія по временамъ неизбѣжны, но не представляютъ для правительства безусловной опасности.

Часть пополудни. Станція «Wêltevréden» («Отрадное»), самая аристократическая часть столицы острова. Изящно декорированный дебаркадеръ. Почетный караулъ отъ 9-го баталіона, со знаменемъ и музыкой. Военныя и гражданскія власти (послѣднія — въ парадной формѣ: треуголки, фраки съ богатымъ золотымъ шитьемъ, бѣлые кашемировые панталоны). Консула: германскій и австрійскій въ лицѣ одного и того же лица, великобританскій, бельгійскій, американскій, швейцарскій, датскій, португальскій, сіамскій (европеецъ) и турецкій (Рифки эфенди). Постъ послѣдняго, очевидно, потому учрежденъ, что по зондскому архипелагу бродитъ множество выходцевъ изъ Мекки, съ цѣлью зазывать туда богомольцевъ и выгодно торговать среди здѣшняго простодушнаго населенія, принявшаго исламъ. Въ числѣ сановниковъ и видныхъ общественныхъ дѣятелей, встрѣчающихъ Е. И. Высочество, намъ называютъ многихъ, — и притомъ съ крайне трудными голландскими фамиліями: напр. Pruijs van der Hoeven, члена генераль-губернаторскаго совѣта (кромѣ него присутствуютъ совѣтники одинаковаго съ нимъ ранга: Бергсма, Крѣзенъ, Грѣневельдъ), докторовъ правъ Сибениусъ Трипъ и Спехтъ Грійпъ, — предсѣдателя и помощника предсѣдателя «Hoog Gerechtshof» (главной судебной инстанціи), — генераловъ Geij van Pittius, van de Pol, van der Eb, — затѣмъ завѣдующаго финансами

колоній г. Роверсъ, директора департамента народнаго просвѣщенія, исповѣданій и промышленности г. Ванъ деръ Кемпъ, — главнаго военнаго доктора Ромбаха, управляющаго яванскимъ банкомъ Zeverijp, одного изъ секретарей колониальнаго правительства — барона Sweerts de Landas Wijborgh, и т. д. и т. д.

Гремитъ и дважды повторяется русскій гимнъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ идетъ по фронту караула.

Вся Батавія высыпала на улицы, по которымъ долженъ послѣдовать Августѣйшій проѣздъ и гдѣ шпалерами выстроены войска гарнизона.

Ихъ Высочества садятся съ генераль-губернаторомъ въ его экипажъ, запряженный четверкою à la Daumont. Шествіе открывается и замыкается отрядомъ кавалеріи. Празднично разодѣтая публика восторженно привѣтствуетъ Царственнаго Гостя и Его спутниковъ. По взрыву энтузіазма это — право, похоже на милый Каиръ!

Разстояніе отъ вокзала до палаццо батавскаго резидента, гдѣ приготовлены покои для Цесаревича, невелико. Слава Богу, потому что зной становится невыносимымъ! Между тѣмъ, февраль здѣсь считается относительно прохладнымъ мѣсяцемъ.

Двадцать одинъ пушечный выстрѣлъ возвѣщаетъ городу, что парадный кортежъ достигъ своего назначенія. При входѣ въ домъ Августѣйшіе путешественники встрѣчены госпожею Пейнакеръ Хордейкъ и госпожею Метманъ. Комнаты Именитыхъ Гостей ея величества королевы индерландской убраны самымъ изысканнымъ образомъ. Вниманіе устраивавшихъ пріемъ простерлось до того, что въ кабинетѣ Наслѣдника Цесаревича на письменномъ столѣ красуются портреты Его Августѣйшихъ Родителей.

Вскорѣ послѣ прибытія, на верандѣ губернаторской роскошной резиденціи сервированъ былъ безконечно-длинный завтракъ, причемъ великолѣпный хоръ музыки игралъ въ саду. Затѣмъ наконецъ наступилъ моментъ отдыха.

Русскую свиту пришлось раздѣлить на части, за отсутствіемъ помѣщенія въ одномъ дворцѣ: кто попалъ въ «Hotel Bellevue» (какъ я, напримѣръ), — во-первыхъ, изъ-за частыхъ разѣздовъ больше другихъ имѣлъ случай видѣть Батавію, а во-вторыхъ, нашелъ въ этой гостинницѣ отличнѣйшій уходъ: на всѣхъ насъ, включая офицеровъ съ нашей эскадры, все время смотрѣли какъ на гостей королевы. Жаль только, что и тутъ каждая минута предрѣшена была и взвѣшена: занавѣсъ приподымался надъ фантасмагоріей яванскаго міра, и слишкомъ быстро падалъ!..

Съ чего начать описаніе города, единственнаго въ своемъ родѣ по оригинальности и расположенію? Художника-импрессиониста особенно сбивали бы съ толку краски и тоны. Цѣлой радугой пестрятъ одѣянія туземцевъ, — преимущественно, конечно, пре-краснаго пола: скала цвѣтовъ какъ-бы въ прямой связи съ окраской растительнаго міра! Желтый и красный оттѣнокъ преобладаютъ. На головахъ у мужчинъ — пестрые повязки. Искусно подстегнутые у пояса хлопчатобумажные, а подчасъ и шелковые «саронги» (не то юбки, не то пледы) тоже ярко выкрашены согласно причудливому вкусу малайцевъ. Чтобы понять, какъ подбираются и такъ-сказать нанизываются на нихъ цвѣта, надо знать способъ отдѣлки этихъ матерій. Берется напр. кусокъ ткани и отчасти заливается воскомъ, затѣмъ опускается въ какую-нибудь одну краску, сушится, снова покрывается на иныхъ полосахъ слоемъ того же вещества, окрашивается въ другой цвѣтъ, и т. д. Добросовѣстная работа подобнаго рода требуетъ долгаго времени. Въ концѣ концовъ получается

однако пестрая и богатая по внѣшности ткань, мерцающая словно драгоценные камни или окна средневѣковаго готическаго собора.

Группы столь своеобразно одѣтыхъ яванцевъ почти беззвучно проходятъ широкими улицами, — скорѣе напоминающими аллеи гигантскаго парка, — гдѣ каждое европейское жилище обнесено оградой и утопаетъ въ листвѣ. Первая впечатлѣнія туриста до того странны, что не сразу напр. рѣшишься войти въ магазины, ибо они также находятся во дворахъ и болѣе похожи на горделиво замкнутыя виллы, чѣмъ на торговыя заведенія. О существованіи ихъ зачастую свидѣлствуетъ только маленькая вывѣска у воротъ.

Между бурными кирпичными мостами надъ каналами Rijkswyk и Molenvliet (въ аристократическомъ кварталѣ города) моется и полощетъ бѣлье туземный людъ. Двухколесныя повозки «саду» (*dos à-dos*), запряженныя бойкими лошадами съ острова Суматры, служатъ совершеннымъ pendant къ средне-индійскимъ тонгамъ. Конножелѣзная дорога пере-

сѣкаетъ набережныя, гдѣ бродить смуглолицый родъ южныхъ италіанцевъ, симпатичный по облику и отлично дисциплинированный народъ. Среди коренныхъ жителей нерѣдко мелькаетъ въ соломенной шляпѣ, темномъ платьѣ и суконныхъ башмакахъ самоувѣренная фигура китайца-купца, передъ которымъ носильщикъ тащитъ по жарѣ его товаръ. Изрѣдка на улицѣ босикомъ появляются дѣти, а то даже и взрослые представительницы «бѣлой расы» въ такихъ климатически удобныхъ, но на западный взглядъ рискованныхъ костюмахъ, что сперва становишься втупикъ: кофточка и рубашка... не слишкомъ-ли мало, хотя бы и за экваторомъ?! Одинъ изъ нашихъ морскихъ офицеровъ, будучи нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Батавіи, откровенно отписалъ о всемъ видѣнномъ домой въ Финляндію, въ свою благонравную семью: старики-родители обидѣлись, читая правдивое посланіе, и сочли, что сынъ смѣется надъ ними, рисуя обстановку среды, гдѣ — не мѣсто скромному молодому человѣку. Между тѣмъ, дѣло объясняется очень просто, если допустить голландскую точку зрѣнія: иностранцы должны жить въ тропикахъ, приближаясь, по мѣрѣ возможности, до мелочей къ быту и привычкамъ инородцевъ.

ЗА ЭКВАТОРОМЪ.

Стѣсняться, осѣдая въ колоніяхъ, значитъ безразсудно вредить себѣ. Изнурять себя днемъ во имя никому не нужнаго этикета граничило бы съ увлеченіемъ крайностями. Поэтому нужно проводить время на воздухѣ и въ движеніи, не боясь солнца, не обращая вниманія на случайныхъ посѣтителей съ Запада. Можно въ своемъ вольномъ костюмѣ не только хозяйничать, но и принимать съ визитомъ близкихъ знакомыхъ, отправляться за покупками...

Чего-чего только не писали противъ климата въ зондскомъ архипелагѣ! Дѣйствіе его на европейца долгое время считалось до того губительнымъ, что ѣхавшіе туда (по

большей части авантюристы, съ отчаяннымъ взглядомъ на вещи) направлялись въ эти благодатныя края жаркаго пояса почти какъ на вѣрную смерть: дѣйствительно, мало кто возвращался на родину обогащеннымъ и здоровымъ! Дурная молва, очевидно, преувеличивала опасности, — и лишь въ послѣдствіе колонизаторы поняли, что болѣзненность и смертность въ ихъ средѣ обусловлены были едва-ли не исключительно крайне нецѣлесообразнымъ образомъ жизни въ знойно-влажной полосѣ земнаго шара, обремененіемъ себя не подходящей одеждой, пищей и особенно питьемъ. Когда причины недуговъ мало-по-малу устранились, на Яву и смежныя ей страны естественно стали смотрѣть иными глазами: оказалось, что въ тропикахъ можно жить подолгу и въ свое удовольствіе, отнюдь не рискуя быстро разрушить даже мало выносливый организмъ. Стоитъ взглянуть на портреты прежнихъ дѣятелей XVII и XVIII вѣковъ (въ тяжелыхъ кафтанахъ и парикахъ!), чтобы сразу уяснить себѣ, почему смерти легко давались тогда жертва за жертвою. Всего губительнѣе дѣйствовали тутъ костюмъ и алкоголь. Напримѣръ какой-нибудь эмигрантъ согласно обычаю приходилъ въ гости зашнурованный и въ тяжеломъ головномъ уборѣ, со шпагой и тростью: сейчасъ же начиналась попойка, и силы таяли при этомъ съ удвоенной скоростью. Еще надо удивляться, какимъ адскимъ здоровьемъ обладали первые колонизаторы архипелага!

Ознакомившись съ бытомъ туземнаго населенія, голландцы переняли отъ инородцевъ многое разумное и полезное, позаимствовали многое изъ ихъ привычекъ: съ тѣхъ поръ здоровье здѣшняго «бѣлаго» элемента едва-ли не благополучнѣе обставлено чѣмъ въ другихъ европейскихъ колоніяхъ. Будь послѣдній столь же расположенъ къ спорту, какъ первенствующіе въ этомъ отношеніи англичане, онъ чувствовалъ бы себя еще гораздо лучше. Гигіена тутъ требуетъ, чтобы поменьше ѣсть и не слишкомъ часто утолять жажду. Рисъ, дичь, овощи и фрукты, — вообще все, въ чемъ мало углерода, служитъ въ пользу человѣку и предохраняетъ его внутренніе органы, его мускульную и нервную систему отъ заболѣваній. Малайцы, индусы и китайцы, издревле населявшіе Яву, физически крѣпки и не боятся усталости, бодры духомъ и долговѣчны. Иностранецъ, слѣдующій ихъ примѣру и старающійся подражать ихъ трезвому образу жизни, далеко не сразу начинаетъ страдать малокровіемъ, венозностью крови, раздражительностью кожи и печени. По утрамъ принято рано вставать, причемъ пьютъ холодный кофе съ горячимъ молокомъ; работа болѣе всего спорится до наступленія усиленной жары; днемъ необходимъ продолжительный отдыхъ; вечеромъ очень освѣжаютъ прогулка и веселое настроеніе въ кружкѣ знакомыхъ. Артезіанскіе колодцы замѣнили въ кварталахъ для голландцевъ міазматическую влагу низовій. Въ данное время на островѣ, по правдѣ сказать, меньше шансовъ заболѣть отъ антигигіеническихъ условій, чѣмъ въ Европѣ и Америкѣ. Туземцы знаютъ достаточно средствъ противъ маларіи, знахари-китайцы успѣшно лечатъ «бѣлыхъ» отъ такихъ недуговъ какъ дифтеритъ. Медицинская часть хорошо организована, смертоносность воздуха и воды, ужасы нѣкогда свирѣпствовавшихъ эпидемій отходятъ въ область преданія.

Въ длинномъ рядѣ голландскихъ генералъ-губернаторовъ Явы едва-ли не главное мѣсто занимаетъ маршалъ Дэнделсъ, правившій въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Онъ такъ энергично старался приобщить островъ къ западной цивилизаціи, въ тоже время внушительно выступая передъ инородцами въ качествѣ непреклоннаго исполнителя разъ принятыхъ рѣшеній, что для кореннаго населенія онъ еще и теперь, восемьдесятъ лѣтъ

спустя, кажется легендарной личностью, одни рассказы о которой вызываютъ въ слуша-теляхъ удивленіе, смѣшанное со страхомъ. Объ этомъ выдающемся администраторѣ даже сложилось представленіе, будто для него не существовало ничего невозможнаго. Напр. о немъ передаютъ такой случай. Одинъ султанъ, обязавшійся подписать какой-то договоръ съ нидерландскимъ правительствомъ, подъ разными предлогами медлилъ привести это въ исполненіе. Запершись въ своемъ крѣпкомъ замкѣ, окруженный вѣрными тѣлохранителями онъ вообразилъ, будто маршалъ безсиленъ что-либо предпринять противъ него. Однако Дэндельсъ, узнавъ, что туда ведетъ потайной ходъ, рѣшилъ имъ воспользоваться, хотя мѣстные жители густыми толпами окружали резиденцію своего повелителя. Маршалъ прямо пошелъ съ нѣсколькими солдатами на это многолюдье, изумленно разступившееся передъ нимъ, и, двинувшись затѣмъ подземными галереями, внезапно появился во дворцѣ султана, начинавшаго ликовать, что могущественный генераль-губернаторъ до него не добирается. Напугавъ всѣхъ неожиданностью своего поступка и своего присутствія въ крѣпости, Дэндельсъ заставилъ яванскаго князя тотчасъ же направиться рядомъ съ нимъ въ голландскій лагерь. Впереди должны были идти, играя, княжіе музыканты, а слѣдомъ шествовалъ уже и самъ маршалъ со своимъ плѣнникомъ. Горсть «бѣлыхъ» нравственнымъ воздѣйствіемъ убила въ нестройной оппозиціи всякую надежду на успѣхъ какого-нибудь сопротивленія!

Этотъ именно Дэндельсъ, видоизмѣнившій значительную часть Явы проведеніемъ отличныхъ дорогъ, особенно много сдѣлалъ для Батавіи. Впервыхъ, онъ перенесъ ея наиболѣе важные центры подальше отъ моря, упразднилъ ненужные окопы, велѣлъ вырубить между отдѣльными кварталами чрезмѣрно густой и населенный хищными звѣрями джонгль, — гдѣ также водились и разбойники, — побудилъ колонизаторовъ взглянуть на прежнее устройство города какъ на дикій анахронизмъ: первые батавцы хотѣли создать изъ основной факторіи частицу настоящей Голландіи, съ одинаковыми домами и канализаціей какъ въ метрополиі, т. е. иными словами пересадить любимое родное на экзотическую почву. Въ рамкахъ этой жизни однако оно не могло привиться, — хотя тамъ, за моремъ, долго себя утѣшали иллюзіей имѣть за экваторомъ второе отечество. Когда Людовикъ XIV угрожалъ нидерландской независимости, иные мужественные граждане мечтали даже выселиться на Яву цѣлымъ народомъ, чтобы только не подчиниться французскому королю.

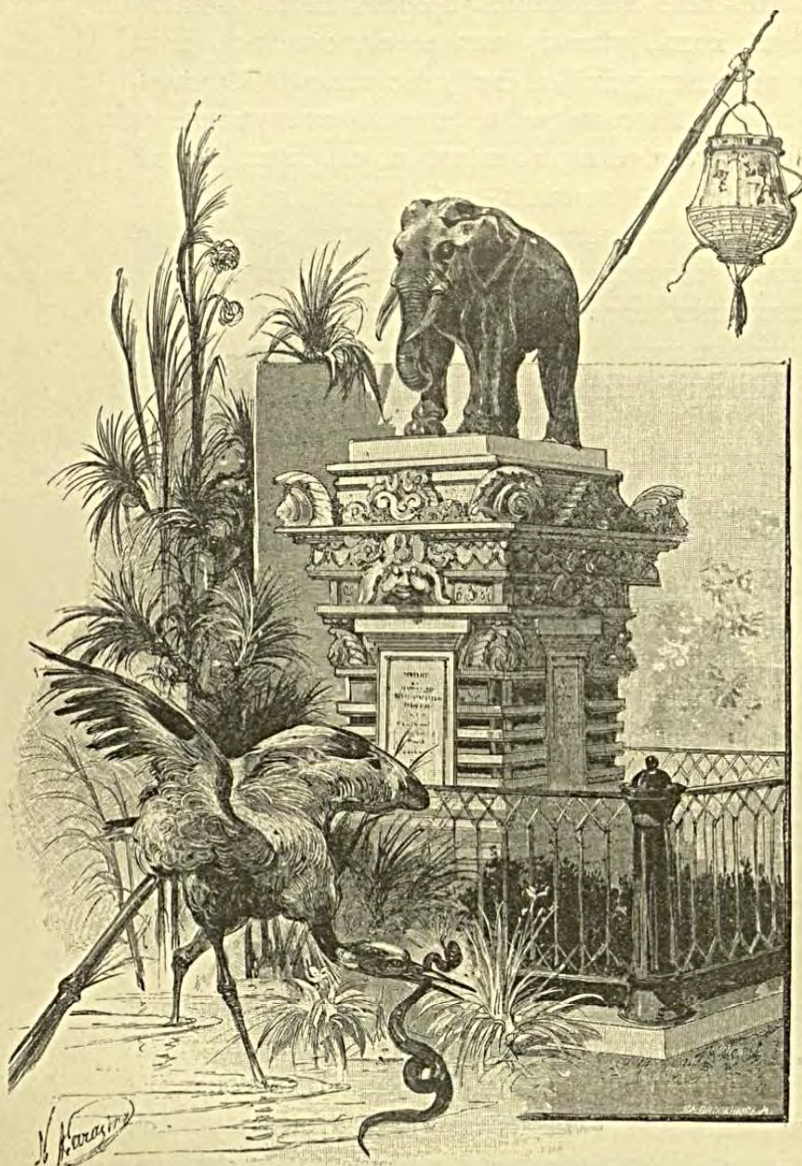
Пышное Вельтевреденъ съ дачами-дворцами сгруппировано главнымъ образомъ у мѣстнаго «Царицына луга», гигантской Konings-Plein, которая охватываетъ до четырехъ квадратныхъ верстъ, обрамлена тамариндовыми деревьями, поросла травой, не красива, но удобна въ смыслѣ противовѣса вредной скученности жилья. Единственной достопримѣчательностью этого пространства, смежнаго резиденціи губернатора, приготовленной для пріема Наслѣдника Цесаревича, являются такъ-называемыя «montagnes russes», у насъ почему-то величаемыя «американскими горами», и городской музей съ сингапуроподобнымъ памятникомъ слона на пьедесталѣ въ знакъ благосклоннаго посѣщенія Явы молодымъ повелителемъ Сіама въ 1871 г. По вечерамъ вокругъ равнины катается въ экипажахъ и гуляетъ избранное общество Батавіи.

Кромѣ того есть еще «Waterloo-Plein» съ величественной ратушей и статуей извѣстнаго въ XVII вѣкѣ генераль-губернатора Коеп. Ихъ Высочества со свитой, до наступленія темноты, обозрѣваютъ въ этомъ направленіи столицу острова. Очень странны наши кучера-малайцы въ ливреяхъ и цилиндрахъ, обшитыхъ галуномъ, изъ-подъ коихъ торчатъ алые концы платка, народнаго головного убора.

Послѣ параднаго обѣда у г. Пейнакеръ Хордейка, Августѣйшіе путешественники посѣщаютъ театръ, гдѣ идетъ оперетка «Спящая красавица»: Подъ звуки русскаго гимна, публика восторженными рукоплесканіями привѣтствуетъ Именитыхъ Гостей.

Пьеса разыгрывается по-англійски. Надо замѣтить, что въ индо-нидерландскихъ колоніяхъ само правительство поощряетъ полиглоттовъ: знаніе иностранныхъ языковъ (особенно нѣмецкаго и французскаго) обязательно для служащихъ, занимающихъ въ войскѣ

или по администраціи хоть какое-нибудь положеніе. Правда, великъ также элементъ иностранцевъ, принимаемыхъ здѣсь на королевскую службу: много бельгійцевъ, швейцарцевъ. Изъ Германіи вербуются немалое количество солдатъ; но имъ, къ негодованію соотечественниковъ дома, не даютъ повышаться. Жалованье платится довольно щедро: нижній чинъ получаетъ около рубля въ сутки. Впрочемъ, при дороговизнѣ всего привознаго и зачастую необходимаго, эта плата рѣдко позволяетъ бѣднымъ наемникамъ дѣлать сбереженія.

СИАМСКІЙ ПАМЯТНИКЪ У МУЗЕЯ.

За весь сегодняшний день, столь обильный впечатлѣніями, меня всего болѣе занималъ далеко не маловажный вопросъ, почему здѣсь на каждомъ шагу виденъ авангардъ Небесной имперіи и чего ожидать отъ подобнаго мирнаго нашествія.

Въ индо-нидерландскихъ колоніяхъ насчитывается въ данное время около полумилліона китайцевъ. Въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ они до такой степени акклиматизировались на Явѣ, что до нѣкоторой степени могутъ ее считать второю родиною. Браки съ туземными женщинами, знаніе туземныхъ нарѣчій, эксплуатація пассивнаго населенія, умѣніе, когда нужно, угождать властямъ, —

все вмѣстѣ взятое прочно привязываетъ единомышленный подданнымъ богдыхана народъ къ мѣстной почвѣ, къ мѣстнымъ условіямъ. Китаецъ вездѣсущъ на «изумрудномъ островѣ» и въ смежныхъ съ нимъ земляхъ. Онъ — и фабрикантъ, и землевладѣлецъ, и арендаторъ, и управляющій: то онъ является архитекторомъ, то ростовщикомъ, то залогодателемъ, писцемъ, кассиромъ, типографомъ, кучеромъ, поваромъ, — однимъ словомъ, чѣмъ угодно. Искусно создавая для себя кредитъ, любой полунищій представитель желтой расы быстро богатѣетъ, неумоимо расширяетъ свои торговыя операціи, обзаводится экипажемъ, все

больше и больше вкрадывается въ довѣріе коммерсантовъ-европейцевъ, никѣмъ не контролируемый ведетъ книги торговаго дома на китайскій ладъ, китайскими письменами . . . и вдругъ въ одинъ прекрасный день оказывается банкротомъ! Обыкновенно не бываетъ никакихъ средствъ предугадать крушенія подобныхъ эфемерныхъ фирмъ и уличить ихъ въ злоумышленномъ образѣ дѣйствій; здѣсь, однако, настолько привыкли къ подобнаго рода катастрофамъ, что это нисколько не нарушаетъ установленнаго *modus vivendi* между «бѣлыми» и китайцами. Послѣдніе обложены въ голландскихъ колоніяхъ спеціальною податью (съ косы) отъ 2 до 50 рублей, неся кромѣ того тяжесть другихъ налоговъ.

Этотъ полужужой, полутуземный элементъ обязанъ жить въ особыхъ кварталахъ, гдѣ имъ управляютъ и за него отвѣтственны передъ правительствомъ такъ-называемые майоры, капитаны, лейтенанты изъ китайской же среды.

Подростающее поколѣніе «желтолицыхъ» отличается большими способностями, старается получить образованіе въ школахъ европейскаго образца, по мѣрѣ возможности усваиваетъ англійскій языкъ и нерѣдко проникаетъ въ доступныя для немногихъ высшія училища Явы. Съ цѣлью имѣть въ свою очередь людей, которые бы хорошо знали по-китайски и могли быть полезны властямъ при сношеніяхъ съ длинноносими подданными, правительство командируетъ въ Небесную имперію молодыхъ людей для основательнаго ознакомленія съ тамошнимъ строемъ и рѣчью. Такіе синологи, пріѣзжая на Яву въ качествѣ драгомановъ, получаютъ тутъ хорошіе оклады отъ казны (примѣрно въ 5—6000 руб.); ихъ, впрочемъ, — только пять человѣкъ.

Небесную имперію съ политической точки зрѣнія справедливо пока считаютъ неподвижной и неспособной на активное наступленіе даже въ экономически ей важныя раіоны. Но подобный взглядъ едва-ли не страдаетъ узкостью. Потенціально страна богдыхана — нѣчто до того громадное и могущественное, что нельзя даже предвидѣть, во что она разовьется черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Если Японія съумѣла быстро шагнуть впередъ по пути матеріальныхъ реформъ и техническихъ усовершенствованій, — нѣтъ причинъ отвергать возможности одинаковаго пробужденія, но въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ со стороны Китая. Его населеніе не менѣе даровито и, вообще говоря, не менѣе склонно къ образованію, чѣмъ ближайшіе сосѣди-островитяне, сознательно рѣшившіеся наконецъ поучиться у Запада. Какой бы толчекъ изънѣ, какія бы внутреннія неурядицы не вывели «Срединное царство» изъ такъ-называемаго застоя, — вполне разумнаго и нормальнаго для государства, которое прожило немало вѣковъ, — новая міровая жизнь, безъ сомнѣнія, втянетъ его въ свой стремительный водоворотъ, искусственно расшевелить и раздражить по природѣ добродушнаго великана, — въ результатъ чего этотъ въ данное время сильно обездоленный народъ, справедливо гордящійся многочисленными благами своей стародавней культуры, и самъ захочетъ относительной власти, славы и богатствъ, успѣха и значенія въ сонмѣ другихъ націй, преобладанія на Тихомъ океанѣ. Европа морщится при одной мысли о такихъ дерзкихъ замыслахъ со стороны «желтой расы», но послѣдняя незримо крѣпнетъ и думаетъ смутную думу: какъ отвратить, во-первыхъ, опасность захвата китайскихъ побережій «заморскими чертями» (Россія для гражданъ Небесной имперіи — своя близкая, родная, не хищница вродѣ остальныхъ, вдающихся въ колоніальную политику державъ), а во-вторыхъ, чѣмъ обезпечить въ будущемъ столѣтіи отъ голодной смерти избытокъ своего многострадальнаго рабочаго люда. Въ XX вѣкѣ для прокормленія его понадобятся, во что бы то ни стало, въ качествѣ естественныхъ колоній: Аннамъ, Кохинхина и Комбоджа, Сіамъ и Бирма, обширныя малайскія страны, Формоза, Филиппинскіе острова, Борнео, Суматра и Ява. Подъ чьею бы державою ни

быль Китай, — у него со временем неминуемо образуется нешуточный военный флотъ, и тогда борьба за существованіе вступить съ беспощадной послѣдовательностью въ свои права.

Какими средствами держится маленькая Голландія на дальнемъ Востокѣ? Кому ввѣряются тамъ интересы этого симпатичнаго королевства?

Индонидерландскія владѣнія управляются генераль-губернаторомъ, подъ надзоромъ особаго министерства въ метрополиі. На Явѣ же — семь департаментовъ: внутреннихъ дѣлъ, просвѣщенія и промышленности, техническій, т. е. точнѣе желѣзнодорожный и почтово-телеграфный, финансовъ, юстиціи, военный, морской. Представитель высшей власти, здѣсь за экваторомъ, засѣдаетъ въ совѣтѣ (Raad van Indie), состоящемъ изъ искушенныхъ опытомъ администраторовъ, съ правомъ, — въ случаѣ надобности, — рѣшать дѣла самостоятельно и вопреки общему мнѣнію, но подъ строгою личною отвѣтственностью. Мѣстный вице-король получаетъ болѣе ста тысячъ рублей жалованья въ годъ (цифра въ сущности скромная, если сопоставить съ тѣмъ, что изъ индійскихъ суммъ щедро самимъ себѣ платятъ англичане!). Канцелярія его хорошо организована: генеральный секретарь считается фактотумомъ колоніальнаго правительства. Послѣднему предоставлено право: по усмотрѣнію, — объявлять войну и заключать миръ съ туземными княжествами, утверждать смертные приговоры и т. п.

Главной обязанностью генераль-губернатора считается забота объ инородческомъ населеніи, въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Нужды туземнаго элемента всего болѣе должны быть близки сердцу королевскаго намѣстника. Дабы ограждать порученные ему милліоны людей отъ нѣкоторыхъ не вполне достойныхъ колонизаторовъ, онъ облеченъ властью, когда угодно, высылать авантюристовъ изъ предѣловъ своего временнаго царства. Для контроля надъ всѣмъ, что творится на Явѣ, существуетъ отдѣльное вѣдомство, коллегіально рассматривающее данныя о правительственныхъ доходахъ и расходахъ . . .

Колоніальный строй въ основѣ своей настолько патріархаленъ, что и о немъ стоитъ сказать два-три слова. Голландцы не мудрствуютъ лукаво, а главное не называютъ чернаго бѣлымъ. Они пришли сюда не благотворить, но обогащаться: осторожно, умѣренно и не задаваясь еще разными посторонними цѣлями культурно-политическаго характера. «Бѣлые» тутъ строги, аккуратны и послѣдовательны во всемъ, что предпринимаютъ и дѣлаютъ: коренные жители, находясь подъ отечески разумной опекой и никогда не терпя матеріально тяжелой нужды, тѣмъ не менѣе воспитываются, — согласно стариннымъ обычаямъ и привычкамъ простодушнаго населенія, — въ самой желѣзной дисциплинѣ. Почитаніе владыкъ края, — начиная отъ низшихъ служащихъ, представляющихъ собою «бѣлую рассу», — возведено тутъ въ своего рода культъ. Въ городахъ это обстоятельство не такъ еще замѣтно, но — по разсказамъ — бросается рѣзко въ глаза, если отъѣхать отъ слегка обьевропеившейся Батавіи.

Когда голландское правительство взяло изъ рукъ своей остъ-индской компаніи дѣло эксплоатаціи за-экваторіальныхъ колоній, первое, что поразило администраторовъ, была крайняя апатія туземцевъ: ихъ неумѣнье работать въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи, безъ понуканія со стороны. Благодатный климатъ, изобиліе плодовъ земныхъ словно лишили человека необходимости проявлять инициативу тамъ, гдѣ она ему самому могла принести огромнѣйшую пользу. Въ виду податливости народа, слѣпо исполнявшаго приказанія любого начальства, казавшагося олицетвореніемъ силы, назначенный въ 1830 г.

генераль-губернаторъ Ванъ-денъ-Бошъ энергично принялся за проведеніе своихъ идей объ извлеченіи наивозможно бѣльшей выгоды отъ края, дышавшаго благополучіемъ, но не приносившаго тѣхъ очень крупныхъ доходовъ, которыхъ отъ него въ правѣ были ожидать: съ этой цѣлью власти первоначально рѣшили поощрять частныхъ людей, желавшихъ заводить плантаціи. Дабы поднять сахарное производство, ихъ начали снабжать оборотнымъ капиталомъ, обеспечивая имъ въ то же время на первыхъ порахъ безбѣдное существованіе. Лучшія и при томъ неоплачиваемыя таможенными пошлинами машины изъ Европы, даровой трудъ яванцевъ, — подъ руководствомъ «бѣлаго» элемента, — бесплатное пользованіе лѣсомъ съ казенныхъ земель, — все это стало доступно плантаторамъ и должно было служить приманкой для туземнаго населенія, чтобы ему въ свою очередь производить сахарный тростникъ.

Чиновники-контролеры изчисляли, сколько каждой деревнѣ нужно надѣла на рисовый посѣвъ; на остальномъ пространствѣ повелѣвалось заняться устройствомъ плантацій. Яванцы скоро поняли, что такимъ путемъ дѣйствительно ихъ трудъ оплатится гораздо лучше, — разъ правительство предъявляетъ на него спросъ и само же покупаетъ иные продукты въ значительномъ количествѣ.

Въ короткое время голландцы стали получать отъ одного сахара десятки милліоновъ рублей чистой прибыли и естественно занялись съ такою же энергіей производствомъ индиго, перца, табаку, кофе, кошенили, чая, корицы, ванили, какао и хинной коры. За насажденіями у крестьянъ смотритъ специальная инспекція. Урожай сдается ими властямъ въ особые пакгаузы.

Все бы шло превосходно, не будь конкуренціи со стороны чужихъ колоній въ жаркомъ поясѣ, которыми нерѣдко сбиваются цѣны, — что, конечно, весьма тяжело отражается на состояніи индо-нидерландскихъ финансовъ.

Въ бюджетѣ Явы значится свыше 100,000,000 рублей дохода, но расходъ превышаетъ даже столь крупную сумму. Новые усовершенствованные пути сообщенія, особенно же раззорительно-безплодная война съ ачинцами, поглощаютъ пока массу денегъ: за одно десятилѣтіе (1874—84) она обошлась казнѣ въ четверть милліарда. На материкѣ Европы почти никто и не подозреваетъ, какихъ гигантскихъ жертвъ стоило и стоитъ маленькому королевству полуноминальное обладаніе Суматрою. Англія договорно (съ 1872 г.) уступила ненавистнымъ соперникамъ-голландцамъ индо-малайскій архипелагъ, съ условіемъ, чтобы они развязали ей руки на Малакскомъ полуостровѣ, гдѣ всякое сосѣдство непріятно создателямъ Сингапура. Въ результатѣ нидерландскому правительству пришлось позаботиться объ умиротвореніи такихъ областей, гдѣ мужественно-сильное населеніе вовсе не было склонно признавать протекторатъ «бѣлыхъ». Такъ случилось въ ачинскомъ султанатѣ, у жителей котораго, жаждущихъ борьбы, — много арабской крови и фанатизма. Англичане по своему обыкновенію рады обострять не равный, но крайне упорный поединокъ туземцевъ съ колонизаторами, ловко снабжаютъ первыхъ (несмотря на блокаду береговъ голландскими военными судами) отличнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, любовно наблюдаютъ за непроизводительнымъ истощеніемъ средствъ у наступающаго врага. При неподатливости инородцевъ представители Голландіи на Востокѣ вообще избѣгали стремительнаго натиска на нихъ: между прочимъ, правя Цейлономъ, они довольствовались оккупацией важныхъ приморскихъ пунктовъ и не пытались непременно сокрушить Канди. Оттого-то и сраженія съ ачинцами не по сердцу хозяевамъ Явы и, не понуждай ихъ къ тому необходимость (забота о сохраненіи престижа), они навѣрно давно бы уже прекратили военныя дѣйствія въ сѣверной части Суматры, — хотя нѣкоторые авторитетные

генералы (напр. Ванъ-деръ-Гейденъ, по происхожденію метись!) настаиваютъ на истребленіи противника.

И самъ по себѣ гигантскій островъ, конечно, заслуживаетъ вниманія со стороны европейцевъ какъ неисчерпаемый источникъ непочатыхъ богатствъ. Край несомнѣнно изобилуетъ золотомъ, мѣдью и желѣзомъ, нефтью, сѣрой и углемъ. Голландцы вывозятъ оттуда въ большемъ количествѣ черный перецъ, маисъ, саго, кофе, камфору, хлопокъ, табакъ, кокосовые орѣхи и всевозможные плоды. Если вполнѣ замиренный архипелагъ со временемъ подвергнется разумной эксплоатаціи, то нельзя и предсказать, какъ много онъ дастъ нидерландскому правительству. Развитію его дѣятельности подъ экваторомъ должна открыться необозримая арена. При умѣннй ладить съ инородцами, администраторы долго еще въ состояніи будутъ, — не подступи только опасность извнѣ, — являться царями цвѣтушихъ областей съ коричневымъ населеніемъ. Оно, по общему отзыву, представляетъ удобнѣйшую среду для искусныхъ колонизаторовъ. Сѣверный человѣкъ можетъ спокойно опираться на туземный элементъ.

Рыцарскій духъ положительно присущъ характеру вспыльчивой и мстительной, но въ основахъ благородной малайской расы. Примѣровъ тому великое множество. Когда голландцы теряли Коломбо, почти все войско изъ наемниковъ-европейцевъ довольно пассивно отнеслось къ успѣхамъ англичанъ. Одни солдаты съ Явы выказали стойкое сопротивленіе. Единоплеменные имъ сипаи съ полуострова Малакки и съ острововъ сосѣдняго архипелага, находясь позднѣе на службѣ британскаго правительства, попали въ плѣнъ къ Кандійскому царю, у котораго многіе ихъ родственники пользовались хорошимъ жалованьемъ въ качествѣ любимыхъ тѣлохранителей: на предложеніе тоже получать таковое и присягнуть новому повелителю, плѣнные почтительно отказались, хотя знали, что за отказъ имъ грозитъ смерть. Разгнѣванный монархъ нагорнаго Цейлона далъ этимъ малайцамъ два мѣсяца на раздумье и затѣмъ заставилъ казнить дерзкихъ людей, желавшихъ сохранить вѣрность «бѣлому» народу, хотя они знали, что за это даже трупы ихъ запрещено будетъ предать погребенію. А сколько такихъ безвѣстныхъ героевъ украшаетъ собою исторію колонизуемаго Западомъ Востока!

Ресурсы индо-нидерландскаго правительства колоссальны. Оно еще не тронуло тысячной доли всего того, что въ XX вѣкѣ можетъ быть подвергнуто разработкѣ: одна почва таитъ несмѣтные клады въ своей непотревоженной тѣмѣ. У насъ часто сѣтуютъ на лѣнивое пользованіе сибирскими сокровищами. Между тѣмъ, здѣсь, — гдѣ западная техника ежечасно къ услугамъ королевскихъ чиновниковъ, — наблюдается гораздо больше неторопливости и, пожалуй, рутины, чѣмъ напр. на иныхъ нашихъ отрѣзанныхъ отъ цивилизаціи и всетаки работающихъ пріискахъ. Ясно, что мы совсѣмъ уже не такъ отстали и безпечны, какъ принято думать и говорить!

Нѣдры Явы до сихъ поръ мало изслѣдованы. Въ этомъ отношеніи колоніальныя власти почему-то проявляли пока странную косность, тормозя вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленностью господствующаго закона о горномъ дѣлѣ (Mynbouwgesetz) стремленія и попытки частныхъ лицъ (между прочимъ, даже и ученыхъ!) ближе ознакомиться съ подземными богатствами страны. Историческія данныя доказываютъ, что золото въ изобиліи встрѣчалось на островѣ. Въ прошломъ столѣтіи найдена серебряная руда. Въ краѣ существуютъ богатѣйшія залежи нефти, сѣры, селитры, соли, олова, асфальта, великолѣпнаго мрамора, глины для выдѣлки фарфора, желѣза, базальта, гранита и порфира; но все это

лежитъ втунѣ, а мѣстное правительство со свойственною ему осторожностью и медлительностью не признаетъ нужнымъ тревожить тайники земли, пока поверхность ея сторицею оплачиваетъ труды человѣка.

За послѣднее время предпринято много важныхъ ирригаціонныхъ работъ и не мудрено, если островъ даетъ теперь ежегодно 25,000,000 пудовъ риса, — такъ что случившіяся раньше голодовки, при необходимости привозить эту любимую пищу населенія изъ Сіама или Кохинхины, не должны бы повторяться. Кромѣ того добывается около 4,000,000 пуд. кофе и 21,000,000 пуд. сахара, 600,000 пуд. табаку и 220,000 пуд. чаю (цыфра пока мала, при сравненіи съ тысячами пудовъ, которые въ данную минуту высылаютъ на рынокъ англичане!).

Успѣхами таковой культуры и такого благосостоянія яванцы всецѣло обязаны своимъ опекунамъ-голландцамъ. Напр. когда обнаружена была особая болѣзнь или точнѣе вырожденіе сахарнаго тростника, — власти предложили авторитетнымъ ученымъ: Крюгеру въ Галле и Шиманскому (Szymanski) въ Познани, произвести тщательнѣйшій химическій анализъ, съ цѣлью выяснитъ причины недуга, и немедленно выписали съ острова Борнео для пострадавшихъ плантацій огромнѣйшее количество сочныхъ молодыхъ растений.

Чайное производство ведется образцовыми способами: въ области Преангеръ, — куда мы скоро поѣдемъ, — наиболѣе занялся имъ, во всеоружіи знанія и умѣнія, нѣкто г. Мунтъ изъ Гамбурга. Въ Лондонѣ здѣшній чай конкурируетъ съ китайскимъ и съ индійскимъ: растение сюда впервые завезено въ 1826 г. докторомъ Зибольдомъ изъ голландской факторіи въ Нагасаки, затѣмъ опытные люди добыли дикіе чайные кустики изъ Ассама.

Кофейныя насажденія извѣстны въ индо-малайскомъ архипелагѣ, вѣроятно, лишь съ 1690 года. Одинъ изъ высшихъ администраторовъ на Явѣ ихъ сталъ разводить, изъ сѣмянъ, полученныхъ прямо отъ купцевъ-арабовъ съ Малабарскаго берега. Сначала дѣло шло очень худо, и туземцы вмѣстѣ съ колонизаторами довольно поздно взялись за умъ; но, разъ они спохватились, будущее обезпечено, несмотря на соперничество Бразиліи. Африканскій сортъ (*Coffea liberica*) здѣсь хотя и прививается, но менѣе цѣнится.

Западъ издавна по справедливости считалъ «изумрудный» островъ чѣмъ-то вродѣ земнаго рая, но въ виду несовершенства картъ европейцы въ доброе старое время долго смѣшивали Яву съ Японіей, — причиной чему было названіе «Zirangu», данное ей знаменитымъ Марко-Поло. Только теперь географамъ удастся разсѣять это заблужденіе, доказывая постепенное искаженіе индійскаго «Сумбава» въ непохожее, но тождественное наименованіе. Въ подтвержденіе ранѣе высказаннымъ мною мыслямъ о тѣсной доисторической связи южнѣйшаго буддійскаго острова съ исповѣдовавшимъ основную религію материкомъ Азіи могу добавить, что ламаиты чтутъ таинственнаго Будду Сумбаву, въ незапамятныя времена ушедшаго въ предѣлы полуденнаго моря для проповѣди темнымъ дикарямъ.

Дзипангу средневѣковыхъ путешественниковъ славился богатствами природы и населенія. Приводились даже интересныя данныя о существующихъ тамъ кумирняхъ, и кумирахъ, — такого характера, какого нѣтъ и не было у японцевъ.

ВЪ ОБЛАСТИ ВУЛКАНОВЪ.

Воскресенье, 24 февраля (8 марта).

Рано утромъ — отъѣздъ вглубь страны съ изящно декорированнаго вельтеврденскаго вокзала: флаги, зелень, цвѣты торжественные проводы Царственнаго Гостя батавскими властями.

Сегодня предстоитъ лишь краткій (часовой съ небольшимъ) путь по желѣзной дорогѣ до горъ, гдѣ расположенъ загородный дворецъ вице-короля индо-нидерландскихъ владѣній. Она пролегаетъ плантаціями и полями, крайне благоустроенной и воздѣланной мѣстностью (отчасти вродѣ той, что находится между Коломбо-Канди).

Служащіе на встрѣчающихся намъ станціяхъ (китайцы и яванцы) одѣты въ синее. Народъ, сходящійся изъ окрестностей, пестрѣ пестраго по разнообразію тканей. Цѣлое море листвы опоясываетъ сферу человѣческой культуры. Ліаны фестонами тянутся между гигантскими баніанами и пальмами. Возвышенности (шафрановосѣрыя у подножія, цвѣта опала — у вершинъ) придвигаются ближе и ближе. Салахъ, Пангеранго, Гелѣ, — три относительно недавно дышавшіе огнемъ исполина, — призывно синѣютъ и яснѣе опредѣляются впереди подъ серебристымъ небомъ. Подземная работа теперь уже не проявляется черезъ нихъ со всеокрушающей энергіей: они пока безмолвствуютъ, — быть можетъ, отчасти угасли, — и только легкое облачко курится еще надъ однимъ изъ нихъ, десять лѣтъ тому назадъ внесшимъ опустошеніе въ Преангерскій округъ Тьянджоръ. Когда въ 1690 г. первый изъ упомянутыхъ вулкановъ забросалъ Батавію грязью, пескомъ и пепломъ, — жители жестоко пострадали отъ обмелѣнія каналовъ и рѣчекъ, накопленія гніющихъ веществъ на берегу моря и т. п. Надо надѣяться, что городъ застрахованъ въ будущемъ отъ подобной катастрофы, — хотя въ такомъ краю все возможно. Напр. во время ужасающаго изверженія Кракатау, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, лава издали дошла по волнамъ до Танджонкъ Пріока, подняла воду въ европейскихъ кварталахъ и даже затопила ея часть туземныхъ жилищъ.

Девятый часъ. Горный бальзамическій воздухъ вѣетъ намъ на встрѣчу. Августѣйшіе путешественники съ г. Пейнакеръ Хордейкъ и свитой прибыли въ Бетензоргъ. Парадный

экипажъ, запряженный четверкой, съ босоногимъ возницей въ цилиндрѣ, перчаткахъ и ливреѣ съ эполетами, — пятьдесятъ яванскихъ вождей (на крѣпкихъ маленькихъ коняхъ), въ качествѣ почетнаго конвоя (со значками русскихъ, нидерландскихъ и греческихъ цвѣтовъ на пикахъ), — большой яркожелтый зонтъ для осѣненія по мѣстному обычаю и

У БЕТЕНЗОРГА.

Великаго Князя, и главнаго представителя власти какая смѣсь цивилизаціи и почти доисторическихъ особенностей!

На пути слѣдованія отъ станціи краснорѣчивымъ привѣтомъ пестрѣютъ арки. Въ моментъ приближенія ко дворцу (подъ звуки нѣжной туземной музыки) роскошнымъ паркомъ, — по которому расхаживали совершенно ручныя лани, — лошади вице-королевской коляски запрямились, и пришлось немного пройти пѣшкомъ къ огромной

бѣломраморной лѣстницѣ палатъ, гдѣ избранные покои приготовлены для пріема Высокихъ Гостей.

Городокъ Бетензоргъ (что значитъ «Sans Souci»), резиденція генераль-губернатора, собственно называется Богоръ и получилъ свое наименованіе въ виду исключительнаго положенія въ горахъ, относительно близко отъ столицы острова. Страдающіе переутомленіемъ или истомленные влажнымъ зноемъ батавцы охотно пріѣзжаютъ сюда, для возстановленія силъ, для успѣшной борьбы съ лихорадками, — которыми такъ щедро награждаютъ порой европейца низовины Явы, — наконецъ для того, чтобы пожить въ красивой мѣстности, гдѣ собирается цвѣтъ общества нидерландскихъ колоній: она здѣсь въ сущности служитъ для послѣднихъ тѣмъ же, чѣмъ Симла для Индіи.

Дворецъ тутъ возникъ уже полтора вѣка тому назадъ. Каждый начальникъ края что-нибудь надстраивалъ или пристраивалъ, стараясь чѣмъ-либо усовершенствовать и разукрасить маленькій мѣстный Версаль. Сколько съ нимъ связано историческихъ воспоминаній, какой трудъ и какія затраты положены на его созданье!

Изъ оконъ виденъ вулканъ Гедэ, на который всходилъ губернаторъ Явы и впослѣдствіе основатель Сингапура — сэръ Рафльсъ, прибывшій на вершинѣ мраморную дощечку въ память временнаго присоединенія острова къ британскимъ колоніямъ: этотъ изумительный по энергіи и сознательности англійскій народъ вездѣ и на всемъ стремится увѣковѣчить слѣды своего вліянія и чужаго приниженія! Батавія взята была въ пору наполеоновскихъ войнъ, — и притомъ отчасти, конечно, благодаря мужеству сражавшихся подъ знаменемъ врага ихъ родины сипасевъ. За то послѣднихъ и наградили соотвѣтствующимъ образомъ: несмотря на обѣщаніе вернуть «бенгальскую пѣхоту» обратно, ее проморили тутъ до проявленій естественнаго неудовольствія, а затѣмъ казнили роптавшихъ какъ измѣнниковъ и бунтовщиковъ.

Пока еще не пошелъ дождь (послѣ полудня онъ идетъ въ эту пору почти безпрерывно!), Августѣйшіе путешественники направляются въ непосредственно прилегающій къ дворцовому парку огромный ботаническій садъ (Landsplantentuin te Buitenzorg), составляющій славу и гордость индо-нидерландскихъ владѣній. Онъ основанъ 6 (18) мая 1817 г. нѣмецкимъ натуралистомъ, профессоромъ химіи Рейнвардтомъ. Преемники его (даровитый Teusmann, затѣмъ Шефферъ и нынѣ управляющій д-ръ Треубъ изъ Лейдена) съ крайнимъ самоотверженіемъ продолжали широко задуманное дѣло, несмотря ни на какія лишенія, непосильную работу и отсутствіе необходимыхъ денежныхъ суммъ. Въ данное время препятствія устранены. Образцовый гербарій и музей, превосходно обставленные лабораторіи, библіотека изъ 5000 сочиненій, наконецъ художественное и фотографическое ателье въ короткій срокъ возникли, при щедрой поддержкѣ властей (теперь ежегодно ассигнуется около 100,000 р.). До 200 яванцевъ (они вообще — удивительные садоводы: ими пользуется, между прочимъ, Сингапурскій ботаническій садъ) постоянно заняты здѣсь подъ наблюденіемъ директора и его помощниковъ или же бродятъ по окрестностямъ, систематически собирая растенія. Особые отчеты, издаваемые дирекціей на французскомъ языкѣ постоянно свидѣтельствуютъ о новыхъ пріобрѣтеніяхъ. Амстердамская академія очень часто командироветъ сюда голландскихъ ботаниковъ для серьезныхъ занятій. Иностранцы (нѣмцы и французы) тоже начинаютъ наѣзжать. Флора Явы все болѣе привлекаетъ вниманіе натуралистовъ: въ качествѣ переходной ступени на грани азіатскаго и австралійскаго міра (по опредѣленію Уиндзоръ Эрля и Русселя) она отличается

необыкновеннымъ разнообразіемъ, и достойна въ научномъ отношеніи самага многосторонняго изслѣдованія. Потому-то такъ и важно учрежденіе Бетензоргскаго ботаническаго сада (*Hortus Bogoriensis*).

Геологи подтверждаютъ правдивость народныхъ сказаній, будто «изумрудный» островъ, — на которомъ мы находимся, — нѣкогда составлялъ одно цѣлое съ огромною Суматрою. Общность растительнаго царства, въ свою очередь, дѣлаетъ эту гипотезу почти безспорной. Только относительно иныхъ животныхъ, изобилующихъ на сосѣднихъ островахъ, но между тѣмъ не встрѣчающихся на Явѣ, существуетъ неразрѣшенный пока вопросъ, чѣмъ объяснить подобное явленіе: исчезновеніемъ-ли таковыхъ во время катастрофъ вулканическаго характера, или другими причинами? Первое, конечно, вѣроятнѣе. Млекопитающія вообще не особенно многочисленны тутъ, гдѣ горы такъ долго дышали огнемъ. За то на Явѣ насчитывается видимо-невидимо птицъ и насѣкомыхъ, которымъ послѣ всякихъ грозныхъ изверженій всегда легче было водворяться на прежнемъ пепелищѣ. Разъ-что зоологическая станція въ Неаполѣ привлекаетъ вниманіе цѣлой Европы и отовсюду снабжается субсидіями, — надо думать, и Бетензоргу со временемъ одинаково посчастливится, ибо нѣтъ пункта удобнѣе для наблюденій надъ растительнымъ міромъ.

Первые ботаническіе сады устроены въ началѣ XIV столѣтія у Венеціи и у Салерно, затѣмъ два вѣка спустя въ Падуѣ, Пизѣ, Болоньѣ. Парижъ лишь въ 1626 г. обогатился такимъ учрежденіемъ; знаменитый Kew возникъ у Лондона еще позже. Но все, что въ состояніи были сдѣлать искусство и званіе въ этой области, особенно грандіозно выразилось въ тропикахъ: замѣчательны Калькуттскій садъ и Пераденійскій, — но превыше даже этихъ двухъ справедливо считается Бетензоргскій. По мѣрѣ того какъ директоръ его г. Треубъ (*Treub*) сопутствуетъ по немъ Великому Князю и мы все глубже уходимъ въ царство вѣчно жизненной листвы, которая очаровываетъ здѣсь душу, — и не ботаникъ долженъ себя чувствовать отъ восхищенія среди какого-то волшебнаго міра.

Сначала, около дворца, свѣтлѣли пруды съ цвѣтистыми островками и мостиками: на сонной влагѣ величаво раскидывали свои гигантскіе листы лучшіе экземпляры «*Victoriae regiae*» и задумчиво выглядывали лотосы. Затѣмъ пошли безконечныя аллеи съ причудливымъ сумракомъ, съ неподдающейся описанію красотою. Только латинскія надписи по сторонамъ заставляютъ вспоминать, что находишься въ святилищѣ науки, — да разные памятники говорятъ о близости суетнаго человѣчества.

Вотъ тянутся посаженные въ 1887 г., но уже внушительныя по размѣрамъ «королевскія» пальмы (*Oreodoxa regia*) съ острова Кубы. Здѣсь на лицо — не одна мѣстная флора: много привезено изъ Абиссиніи, Египта, Австраліи, Японіи, Мексики, Бразиліи, Венецуэллы, Малой Азіи, Гвинеи, Китая, Нѣпаля, Тибета, Бирмы, Сіама и даже изъ Сибири, наконецъ съ Мадагаскара и Крита, съ Филиппинскихъ, Канарскихъ и Молукскихъ острововъ, со Святой Елены и т. д. Нѣкоторыя деревья мачтообразно стремятся въ вышину, гдѣ листва у нихъ или сбилась въ цѣлую косматую шапку или распускается пышнымъ пушистымъ вѣромъ. Другія отличаются страннымъ канделябродобнымъ развѣтвленіемъ, третьи (особенно фиговые «варингинъ», священныя въ глазахъ яванскаго народа) сплетаются въ сводчатыя галлерей, давая пріютъ въ своей царственной тѣни эпифитамъ и орхидеямъ. Бабочки и крошечныя птички оживляютъ ее яркимъ полетомъ. Нѣжныя бѣлыя и желтые цвѣты мелькаютъ тутъ и тамъ. Ползучія растенія, длиною въ сотню футовъ, охватываютъ дерево за деревомъ почти нерасторжимыми цѣпами. Какъ правы были всѣ

выдающіеся натуралисты середины нашего столѣтія (въ томъ числѣ Дарвинъ), поднеся главному создателю сада — Тейсману сочувственный адресъ за его труды и подписавшись: «*mirantes collegae*»! Достаточно замѣтить, что въ Бетензоргѣ сгруппировано до 10,000 разновидностей растительнаго міра.

Листья иныхъ исполиновъ положительно поражаютъ размѣрами, имѣя напр. пять аршинъ въ діаметрѣ. Есть стебли, до такой степени крѣпкіе, что ударъ по нимъ палкою звенитъ словно отзвукъ отъ металла.

Вмѣсто парниковъ дирекція старается устраивать холодники, искусственно ограждая наиболѣе чувствительныя растенія отъ несносной жары.

Помощникъ г. Треуба Вигманъ соорудилъ, къ пріѣзду Наслѣдника Цесаревича, въ особой большой бесѣдкѣ четыре пирамиды изъ 250 сортовъ произрастающихъ здѣсь фруктовъ. Августѣйшіе путешественники долго любятъ ими. Говорятъ, послѣдніе вовсе не столь заманчивы по вкусу, какъ оно кажется съ виду. Плоды въ тропикахъ, пожалуй, уступаютъ въ этомъ отношеніи питомцамъ умѣреннаго климата. Такъ-ли, есть вопросъ привычки и вкуса.

Днемъ предполагалась прогулка по живописнымъ окрестностямъ Бетензорга и осмотръ казармъ расположеннаго въ немъ отряда, но гроза и проливной непрерывный дождь помѣшали первоначальному плану. Отчасти жаль, что не довелось увидѣть обстановки мѣстныхъ наемныхъ войскъ, которая (по рассказамъ) весьма своеобразна. «Бѣлые» солдаты живутъ совершенно по семейному, съ темнолицыми женами и ребятишками. Подруги отправляются, въ случаѣ похода, тоже на войну и несутъ службу какъ маркитантки или сестры милосердія.

Послѣ оффиціального обѣда въ блестящемъ и замѣчательномъ по архитектурѣ залѣ генераль-губернаторскаго дворца, Ихъ Высочества присутствуютъ тамъ же при исполненіи особой драматической пьесы («ваянгъ вонгъ», какъ ихъ называютъ яванцы), — подъ звуки туземнаго оркестра, исполненные какой-то неизъяснимой прелести и задушевности.

Открывающееся зрѣлище представляетъ двоякій интересъ: во-первыхъ, видишь такъ-сказать воочию этотъ «гамелангъ» съ его оригинальными инструментами; во-вторыхъ, присутствуешь при инсценировкѣ любопытнаго произведенія, какъ-бы отражающаго въ дѣйствующихъ лицахъ здѣшнее психологически сложное прошлое, здѣшнюю столь мало изслѣдованную старину. Подъ вліяніемъ Индіи, на «изумрудномъ» островѣ постепенно создалась богатая литература религіозно-эпическаго характера. При врожденномъ благочестіи населенія, почитаніе боговъ и героевъ, достигая крайняго напряженія, требовало въ повседневной жизни реальныхъ образовъ для удовлетворенія эстетическихъ потребностей народа. Тогда на Явѣ самостоятельно возникъ театръ, воплотившій въ себѣ отголоски его симпатій, и столь прочно пустилъ корни, что, — хотя восторжествовавшій въ послѣдствіе исламъ отнюдь не могъ пріязненно отнестись къ этой отрасли искусства, — средне-вѣковой «ваянгъ», сопутствуемый нѣжными гамеланговыми созвучіями, по прежнему улаживаетъ душу простодушныхъ туземцевъ. За невозможностью ставить, какъ встарь, — когда князья располагали огромными средствами и цѣлымъ штатомъ актеровъ, — большія трудно выполнимыя пьесы, мало по малу выработался обычай все чаще и чаще замѣнять людей маріонетками, притомъ очень странной и уродливо-забавной формы, на ходуляхъ: фигурками манипулируютъ и говорятъ за нихъ спеціалисты-импрессарио, такъ называемые «даланги». Завѣдывающіе подобнымъ почти игрушечнымъ театромъ и персоналомъ, или

точно однимъ персоналомъ, часами способны тѣшить восторженно вглядывающуюся и вслушивающуюся толпу, готовую ночи напролетъ сидѣть подъ чары «гамеланга», въ созерцаніи фантастически обоснованной и неестественно передаваемой куклами драмы. Только въ немногихъ мѣстахъ сохранились еще и выступаютъ по временамъ, въ торжественные дни, настоящіе актеры,двигающіеся передъ зрителями старинной поступью, наряженные въ древніе костюмы, въ удивительныхъ маскахъ архаическаго типа. Черты ихъ въ сущности должны свидѣтельствовать о томъ, что участвующіе въ представленіи изображаютъ собою не туземцевъ, а какой-то пришлый элементъ (вѣроятно, индусовъ). Они не произносятъ ни слова. Сидящій за оркестромъ (такъ-сказать за кулисами) да-лангъ говоритъ за выступающихъ на сцену, подробно поясняетъ присутствующимъ ихъ появленіе и образъ дѣйствій, — а музыка между тѣмъ сладостно вторитъ и жалобно замираетъ. Передъ духовнымъ окомъ яванца въ такія минуты, конечно, проходятъ цѣлыя картины минувшаго, передъ воображеніемъ слушателей встаетъ яркій міръ преданія, гдѣ ихъ предки и полубоги, учителя послѣднихъ, вѣчно съ чѣмъ-то борются и страдаютъ, къ чему-то стремятся, чего-то не находятъ и погибаютъ

. . . . Въ изящной залѣ Бетензоргскаго дворца собралось избранное европейское общество. Длиннымъ полукругомъ стоятъ стулья для приглашенныхъ къ сегодняшнему парадному обѣду. Туземный оркестръ (изъ

БАЯНГЪ ВОНГЪ.

барабановъ, тамбуриновъ, гонговъ и скрипокъ, изъ геніально придуманной комбинаціи бамбуковыхъ трубочекъ и тарелочекъ различной величины, по которымъ ударяютъ молоточками, и т. п.) расположился въ двухъ шагахъ отъ Августѣйшихъ путешественниковъ. Сквозь открытую дверь впереди поминутно проскальзываютъ диковинныя фигуры: и высокія, и маленькія (чуть-ли не карлики), и чудовищныя съ виду, и миловидныя. Всѣ онѣ, по-очереди, съ ужимками и присяданіями, размѣреннымъ шагомъ, проходятъ мимо музыкантовъ и занимаютъ рядъ сидѣній противъ насъ: часть актеровъ и актрисъ усаживается на полу, въ ногахъ у главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Розданныя намъ либретто, — хорошенькія синенькія книжечки, нарочно отпечатанныя для спектакля, — даютъ или вѣрнѣе должны-бы дать ключъ къ тому, что происходитъ передъ нашими глазами. По правдѣ

сказать, фабула немудреная! Довольно однообразные звуки гамеланга и мертвенность масокъ, безгласно исполняющихъ свою роль (недаромъ «ваянгъ» собственно означаетъ «тѣни», «силуэты!») на первыхъ порахъ производитъ скорѣе непріятное впечатлѣніе; лишь понемногу оно сглаживается и уступаетъ болѣе внимательному отношенію. Прежде всего замѣчаешь искаженіе индійскихъ названій и именъ, затѣмъ отсутствіе осмысленнаго содержанія въ завязкѣ и развязкѣ представленія. Безъидейность до того поразительна, что я ее даже склоненъ приписать нашему европейскому незнакомству съ духомъ туманно олицетворяемой эпохи. Она ставится въ связь съ легендарными царствами Astina, Amarta, Miralaja, Pantjawati; являются цари и царевичи Praboe Soerjadana, Aswatama, Lasmana, Nalaka Soeraboma, Bimanyoe, Samihadji, Ardjoena, Poerabaja и т. д. Рѣчь идетъ о предстоящей свадьбѣ одного князя съ царевной Dewi Siti Soendari. Завистники и враги замышляютъ его убить и приводятъ это въ исполненіе, но «владыка обезьянъ» Ан еман (Хануманъ дравидо-арійскаго эпоса) чудесно воскрешаетъ умерщвленнаго. Виновные открыты и осуждаются на казнь, согласно обычаю, подъ деревомъ «варингинъ», — каковое даже вносится въ залу. Одинъ махараджа-отецъ вынужденъ, между прочимъ, произнести смертный приговоръ надъ сыномъ-убійцей

Зрѣніе и слухъ на половину погружаются въ какое-то гипнотическое состояніе. . . . Въ окна вливается тихая, южная нѣга

Вечерній воздухъ, охлажденный и отраженный близкими горами, живительными токами возвращается къ побережью. Молоточки гамеланга выстукиваютъ мелодію за мелодіей. Актеры, словно выходцы изъ совершенно непонятнаго міра, чинно сходятся и расходятся по всѣмъ правиламъ ваянговой игры. Чувство тоски и пресыщенія мѣшаетъ найти въ ней хоть что-нибудь поучительное или плѣнительное.

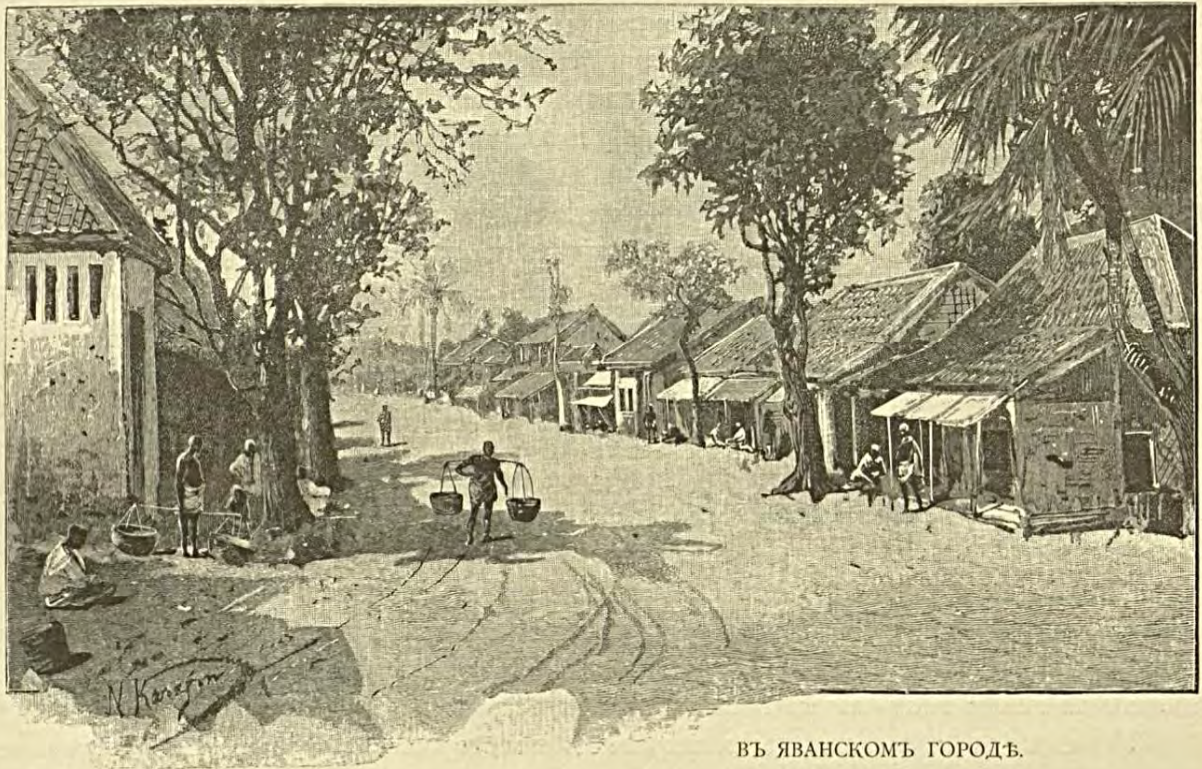
Понедѣльникъ, 25 февраля.

Шесть двадцать утра. Отбытіе за 216 верстъ въ Гарутъ, конечный пунктъ недо-конченной желѣзнодорожной линіи отъ Батавіи въ глубь острова. Генераль-губернаторъ провожаетъ Его Императорское Высочество до Бетензоргской станціи. Надзоръ за поѣздомъ порученъ двумъ специалистамъ гг. Soeterik и Sluiter. Кромѣ постоянной русской свиты, Наслѣдника Цесаревича сопровождаютъ: военный инженеръ Реснеръ, нашъ консулъ Baud, адъютантъ индо-нидерландскаго вице-короля капитанъ Кроль, пѣхотный офицеръ Jonkheer von Schmidt auf Altenstadt и кавалерійскій офицеръ Frieswijk.

Маленькіе удобные вагоны съ прекрасной вентиляціей быстро катятся межгорьемъ, среди Салака и Гедэ, по направленію къ «Преангерской области», обширнѣйшей на Явѣ (въ центрѣ острова и сравнительно высоко надъ уровнемъ моря, — съ плодородной почвой и крайне благоприятными условіями для плантацій въ крупныхъ размѣрахъ).

Окрестные холмы постепенно пріобрѣтаютъ своеобразный зеленовато-бѣлый оттѣнокъ отъ густо произрастающей на нихъ травы «алангъ-алангъ». Куда ни посмотришь, безконечными ступенчатыми террасами тянутся и поднимаются рисовыя поля: лишь узкія полосы засѣянной маисомъ земли окаймляютъ каждую такую неподвижно-зеркальную запруду. Орошеніе (отчасти при помощи бамбуковыхъ трубъ) доведено повсюду до совершенства. Гдѣ не хватаетъ традиціоннаго искусства туземцевъ, тамъ не щадитъ затратъ и богато техническимъ знаніемъ само колоніальное правительство.

Въ рамкѣ далекихъ темнофіолетовыхъ хребтовъ, подъ прозрачно-глубокимъ сапфирнымъ небомъ, зыблется «изумрудная» или «шафрановожелтая» жатва. На столбахъ и переброшенныхъ между ними веревкахъ качаются пестрые тряпицы для отпугиванія чижи-ковъ. Потревоженные грохотомъ мчащагося поѣзда лисицеподобныя летучія мыши сры-ваются съ фруктовыхъ деревьевъ у деревень и нерѣшительно кружатся надъ листвою. Дорога съ ея частыми и крутыми поворотами вскорѣ становится живописнѣе и даже величественнѣе. Рельсовый путь, составляющій въ этихъ мѣстахъ гордость голландскихъ инженеровъ (онъ строился трудомъ каторжниковъ «Kettingjongens») и предметъ восхи-щенія для туристовъ, нерѣдко проложенъ надъ рѣчными обрывами и мрачными горами камней вулканическаго происхожденія. На станціяхъ Tjandjur, Sukabumi и Bandung (у

ВЪ ЯВАНСКОМЪ ГОРОДѢ.

относительно значительныхъ одноименныхъ городовъ) населеніе сердечно привѣтствовало Русскаго Гостя. На одной изъ нихъ, во время завтрака, тихозвучный гамелангъ съ необыкновенной задушевностью исполнилъ: «Боже, Царя храни!»

Преангерскій губернаторъ Heyting (яванскія области ввѣрены попеченію особыхъ «бѣлыхъ» чиновниковъ, такъ-называемыхъ «резидентовъ» съ княжескими правами на позолоченный зонть, «паюнгъ», и съ весьма важными полномочіями) представился въ Бандонгъ Ихъ Высочествамъ съ цѣлью сопровождать Великаго Князя далѣе въ Гарутъ, центръ округа Лимбанганъ — куда мы и прибыли около часу пополудни, причемъ Августѣйшихъ путешественниковъ встрѣтилъ на вокзалѣ «ассистентъ-резидентъ» фонъ Шмидтъ-ауфъ-Альтенштадтъ.

Днемъ отдыхъ, и дождь... такой несносный, упорный ливень, что просто одурь беретъ. Влажный знойный воздухъ утомляетъ не хуже продолжительной ванны. Подъ

вечеръ, рядомъ съ отведеннымъ для Цесаревича домомъ мѣстнаго «регента», — туземнаго правителя съ правомъ на полузеленый, полубѣлый «паюнгъ» (къ нимъ для руководства приставляютъ помощниковъ губернатора), избранныя плясуньи показываютъ свое умѣнье передъ Великимъ Княземъ и принцемъ Георгіемъ. Танецъ напоминаетъ индійскіе «науци», — тѣмъ болѣе что и обычай въ знакъ почета увеселять баядерками уже въ старину привился на Явѣ. Часть танцовщицъ прислана присутствующимъ въ Гарутѣ регентомъ изъ округа Manondjaja.

Вторникъ, 26 февраля.

Очень рано утромъ всѣ — на ногахъ въ виду экскурсіи на вершину огнедышущей горы Папандаянъ (7300 футовъ надъ уровнемъ моря). Нѣсколько запряженныхъ четверкою экипажей подано къ маленькому мѣстному дворцу. Свита собралась на входной терассѣ, гдѣ стоятъ два древне-индійскихъ случайно открытыхъ изваянія созерцающаго Будды и слоноликаго Ганеши. Впереди — лужайка, опоясанная двумя дорожками: съ арками, на которыхъ начертанъ привѣтъ (Slamat) гарутцевъ Ихъ Высочествамъ и вѣютъ флаги трѣхъ государствъ. Тутъ же находится круглый открытый павильонъ, обычный въ краю передъ княжескимъ жилищемъ, и виднѣется оригинальная по архитектурѣ мечеть.

Въ половинѣ седьмого часа резидентъ Хейтингъ отъ имени своего правительства приноситъ поздравленія Его Императорскому Высочеству съ высокаторжественнымъ для насъ днемъ рожденія Государя Императора. Наши помыслы и вѣрноподданнѣйшія благопожеланія несутся туда, на родной Сѣверъ, — гдѣ Царствующая Чета сквозь мглу отдаленія и разлуки слѣдитъ и ждетъ своего Первенца, изучающаго яркую чужбину.

Погода пасмурна. Мы быстро ѣдемъ широкою холмистою котловиною: въ оправѣ изъ вулкановъ, на половину отвоєванныхъ плантаціями у дремучей чащи, отчасти же спрятанныхъ въ облака и лѣсъ. Преангерскія лошадки, съ примѣсю арабской крови, славятся выносливостью и бѣгомъ. Великаго Князя конвоируютъ туземные вожди.

Здѣсь принято, какъ и на Руси, съ горы на гору ускорять аллюръ и разгонять коней. Тѣмъ не менѣе, на иныхъ крутыхъ подъемахъ, поселянамъ приходится подсоблять, подкладывая камни подъ колеса и съ усиліями втаскивая наши коляски на перевалы.

Казенные пакгаузы для кофе мелькаютъ по сторонамъ. Яванки, въ муслиновыхъ саронгахъ, на цвѣтной перевязи сбоку несутъ маленькихъ дѣтишекъ. Розовато-сѣрые безшерстные буйволы (съ длинными черезчуръ отогнутыми назадъ рогами) послушно бредутъ на работу, повинувшись веревочной уздѣ любого осѣдлавшаго ихъ мальчугана. Бараны (въ архипелагѣ ихъ называютъ «голландскими козами») жмутся къ канавамъ при встрѣчѣ съ экипажами. Но еще пугливѣе и характернѣе относится при нашемъ приближеніи самъ народъ. Цѣлыми группами устремляются прохожіе прочь съ дороги, поворачиваютъ намъ спину, закрываются щитовидными шляпами, опускаются на корточки и явно стараются не смотрѣть на властныхъ иноплеменниковъ. Таковъ у нихъ обычай, существующій въ краю съ давнихъ поръ и тщательно поддерживаемый «бѣлыми» въ провинціи какъ знакъ престижа (а первоначально, пожалуй, и безопасности?!). Различіе въ социальномъ положеніи на Явѣ столь замѣтно принимается въ счетъ, что люди положительно дѣлятся на какую-то косную, внѣшнимъ образомъ рабски приниженную массу и полубоговъ по значенію, по обаянію. Индо-нидерландскія власти склонны поддерживать подобный взглядъ на вещи и усматриваютъ въ немъ залогъ успѣшнаго владычества на островѣ. Въ связи съ этимъ узнаешь и про другія странныя особенности аналогичнаго свойства. Напримѣръ: несмотря

на племенную однородность главной части населенія, тутъ искусственно принято прибѣгать къ помощи двухъ языковъ. При подобострастїи, присущемъ азіатамъ, и при первобытномъ образѣ правленія простонародье дерзало и дерзаетъ говорить съ представителями знатныхъ семействъ, и вообще съ начальствомъ, не иначе какъ на спеціальномъ нарѣчїи, употребляемомъ для общенія низшихъ классовъ съ высшими (на немъ же ведутъ между собою рѣчь эти аристократическіе элементы). Послѣдніе въ свою очередь на второмъ языкѣ, — на языкѣ массы, — обращаются къ находящимся въ подчиненїи отъ нихъ.

Въ виду совершенно иной исторической судьбы яванцы западной части острова (сунданцы), позднѣе сосѣдей испытавшіе воздѣйствіе древне-индїйской культуры и санскрита, но напротивъ скорѣе единоплеменниковъ воспринявшіе вліяніе ислама и учителей-арабовъ, значительно разнятся отъ восточныхъ, этнографически болѣе интересныхъ яванцевъ, — которыхъ мы, къ сожалѣнію, не посѣтимъ.

Дабы найти объединяющее звено при своихъ сношенїяхъ съ инородцами, голландцы ввели малайскую рѣчь, крайне легкую и гармоничную. Кто только имѣетъ дѣло съ европейцами (въ качествѣ-ли туземца-правителя или просто слуги) обязанъ знать по малайски. Изучать голландскій языкъ почти никому изъ мѣстныхъ жителей не приходится, — да «бѣлые» и не любятъ, и не терпятъ тѣхъ любопытныхъ туземцевъ, которые способны понимать и подмѣчать, о чемъ говорятъ и что намѣрены предпринимать фактическіе хозяева страны. Контрастъ между рвенїемъ англичанъ всѣми мѣрами прививать азіатамъ цивилизацію и голландской сдержанностью въ этомъ отношенїи весьма любопытенъ.

Въ десять утра, отъ деревни Tjisougooran, начался настоящій подъемъ въ гору. Августѣйшіе путешественники и большинство свиты поѣхали верхомъ. Немногіе предпочли сѣсть въ маленькія кресла-носилки, которыя эластическимъ шагомъ потащили наверхъ полуголыя мускулистыя фигуры изъ бронзы.

.... Вотъ еще тянутся хижины туземцевъ: бамбуковыя плетенки съ кровлею изъ крѣпко свитыхъ травъ. Шакалообразныя собаки тявкаютъ на насъ. Ручныя обезьяны выглядываютъ изъ стойлъ, гдѣ ихъ держатъ съ цѣлью отгонять всякую прожорливую домашнюю птицу. Разные «пѣвуны», до которыхъ малайская раса — большая охотница, свирелятъ въ самодѣльныхъ клѣткахъ надъ входомъ въ убогое жилье... Затѣмъ дорога становится круче и круче, — обращается въ тропу, временно проложенную въ лѣсной глуши для нашего подъема, — рѣзкими изгибами уходитъ въ дѣвственную чащу.

Дремлетъ лѣсъ и съ царственной щедротой
Льетъ вокругъ чарующую тѣнь, —
И стволы, мерная позолотой,
Стерегутъ живительную лѣнь.

Въ обступающемъ знойномъ сумракѣ все точно умерло, заглохло, притаилось. Перепутавшіяся ліанами исполинскія деревья, огромные круглые пни въ уборѣ изъ причудливыхъ мховъ, передвигающіяся зигзагами великолѣпныя бабочки (смѣсь металлической синевы, пурпура, атласистой желтизны и траура!), золотистыя пернатые, огоньками перепархивающія среди мощной листвы, — чуть слышно воркующіе голуби высоко-высоко надъ нашей головою... какое сочетаніе нѣги первыхъ дней мірозданія съ чѣмъ-то давно одряхлѣвшимъ, отжившимъ!

Эта природа тропиковъ заразъ и привлекательна, и страшна. Чѣмъ отвѣснѣе путь, тѣмъ сильнѣе впечатлѣнія. По обѣимъ сторонамъ сооруженной для Его Императорскаго

Высочества стези къ кратеру Папандаянъ — кустарники, маскирующіе бездну, гдѣ глухо шумитъ вода и куда звонко катятся ручьи. Ближе въ вершинѣ растительность измѣ-

няетъ свой характеръ, начинаетъ напоминать болѣе сѣверную флору, постепенно теряетъ хаотичность формъ. Ботаники истолковываютъ подобный переходъ тѣмъ, что послѣ ледниковаго періода растительный міръ у экватора подвергся новымъ влияніямъ, заставившимъ инныя особи искать спасенія или въ умѣренномъ климатѣ, или тамъ же на мѣстѣ, но въ прохладной зонѣ горъ.

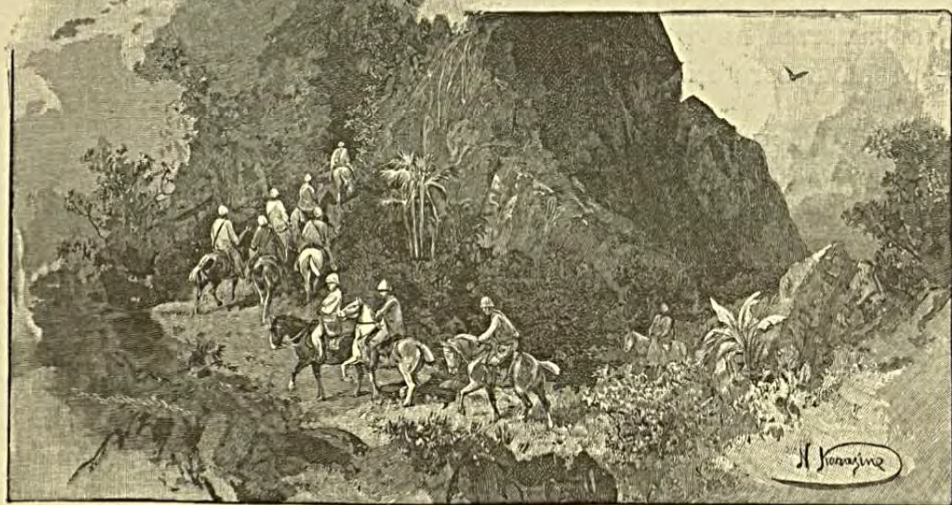
Лѣсная глубь рѣдѣетъ, мельчаетъ, словно вырождается въ какой-то грустный тундровый ландшафтъ. Разыгравшееся ненастье придаетъ соотвѣтствующую окраску безплоднымъ, выцвѣтшимъ крутизнамъ вулкана. Подъ струящимся дождемъ оканчивается

восхождение на его окутанную сѣрными парами вершину. Въ большой импровизированной бесѣдкѣ, открытой вѣтру и мокропогодицѣ, сервированъ завтракъ и мы пьемъ за здоровье Государя. Тостъ превозглашенъ полковникомъ Реснеромъ, и трижды гремитъ въ отвѣтъ наше «ура», — подъ отголосокъ раскатовъ, которые доносятся изъ близкаго жерла напряженно дышащихъ нѣдръ земли.

Вскорѣ Ихъ Высочества приступаютъ къ бѣглому

обзору окружности кратера. Зрѣлище интересно во многихъ отношеніяхъ. Минутами, дѣйствительно, ощущаешь не только судорожныя колебанія почвы, — но и гнѣвъ сотрясающаго ее огня, и дыханье пекла. Цѣлыя облака зловонныхъ горячихъ испареній воронкой стоятъ надъ отверстіемъ грозной горы и словно ждутъ, чтобы ихъ качнуло освѣжающимъ токомъ воздуха.

Когда же клубы удушливо-ѣдкаго дыма приходятъ отъ него въ движеніе, запахъ сѣры нестерпимо садится на легкія. Со слезящимися глазами, полуослѣпленнымъ отступаешь

назадъ и осязаешь подъ собой желтый потрескавшійся камень, смрадную неостывшую накипь послѣднихъ изверженій. Между тѣмъ внутри вулкана кипитъ какъ въ паровикѣ. Нѣчто вродѣ стenanій просится изъ адской глубины. Вполнѣ понимаешь суевѣрныхъ туземцевъ, объясняющихъ себѣ эти порывы и этотъ гулъ трепетаніемъ грѣшныхъ тѣней, осужденныхъ тамъ на вѣчное мученье. Не мудрено, что въ индо-малайскомъ архипелагѣ народъ молился и при преобладаніи языческихъ взглядовъ донинѣ молится (съ помощью браминовъ) духу-владыкѣ кратера: туда бросаютъ цвѣты, въ грохотѣ подземныхъ ударовъ усматриваютъ пророчества бога... Простодушіе массы не подлежатъ описанію: недавно въ одномъ округѣ кто-то убѣдилъ толпу въ появленіи сверхъестественнаго незримаго существа на вершинѣ подобной огнемощной горы. Тысячи рабочихъ по собственному почину собрались и прорубили въ чащѣ лѣса тропинки оттуда къ подножью, чтобы облегчить вулканожителю спускъ въ населенныя долины: вѣдь иначе ужасная «сила» снизошла-бы чего добраго, въ блескѣ сотенъ молній и подъ ревъ неукротимаго урагана, — заливая деревни лавою, засыпая пажити гибельнымъ пепломъ!... Сколько поэзіи связано въ душѣ яванца съ олицетвореніями стихійныхъ началъ!

Папандаянъ прежде отличался гораздо болѣе внушительными размѣрами, но въ августѣ 1772 г. изъ него внезапно выросъ лучезарный столбъ и половина твердыни провалилась.

Пушечные выстрѣлы и теперь нѣтъ-нѣтъ да слышатся въ ея коварныхъ нѣдрахъ. Если покрѣпче воткнуть палку въ рыхлую кору близъ бездны, она начинаетъ быстро шевелиться и пропадаетъ въ землѣ, откуда на встрѣчу струится паръ и пахнетъ сѣрою.

Мы ѣдемъ обратно. Дождь стихаетъ. Тускло-зеленныя поляны кажутся освѣщенными газомъ, — до того неестественна ихъ окраска. Полосками радуги проскальзываетъ сквозь густоту дебри проясняющійся день. Носильщикамъ жарко. Они безпрестанно сходятъ съ тропинки къ водоскатамъ и жадно приникаютъ къ мутной влагѣ.

Въ деревнѣ, гдѣ ждутъ экипажи, туземцы пытаются доставить Гостямъ развлеченіе боемъ барановъ, какой мы уже неразъ видѣли въ Индіи. Кромѣ того и здѣсь, и раньше, и потомъ до насъ непрерывно долетаютъ отголоски гамеланга. Онъ какъ-бы вездѣсущъ, какъ-бы таится за каждымъ кустомъ, постукиваетъ молоточками на любомъ поворотѣ дороги. Слухъ свыкается съ неопредѣленными отбѣнками этой музыки, въ которой серебристые колокольчики вторятъ арфѣ и флейтѣ и скрипкѣ, а тамтамы довершаютъ полную экзотическихъ мелодій. Начинаешь грезить на-яву точно въ убаюкивающемъ гамакѣ.

Звуки манящіе, звуки неясные.
Словно мечта или бредъ, —
Звуки глубоко, томительно-властные...
Что въ васъ вопросъ и отвѣтъ?!

Воля судьбою зловѣщею скована,
Въ прошломъ тоскливо-темно,
Вѣчнымъ соблазномъ душа очарована,
Сердцу-жъ любить не дано.

Войны и казни, порой дуновение
Смертью kloкочущихъ горъ...
Все воплотилось въ напѣвъ и видѣніе,
Все отуманило взоръ.

Ласка безплотная, дума запретная
Слиты въ мерцающій звукъ:
Что-то священное, что-то завѣтное
Создалъ душевный недугъ.

Жизнь перестала быть мукой и бременемъ,
Звѣзды проснулись въ ночи,
Въ странныхъ созвучьяхъ, не связанныхъ временемъ,
Льются и таютъ лучи.

ОТЪ ГАРУТА ДО ПАКНАМА.

Среда, 27 февраля (11 марта).

Ихъ Высочества вернулись вчера съ вулкана около 4 часовъ пополудни. За обѣдомъ кн. Барятинскій снова провозглашалъ тостъ за Государя Императора.

Сегодня, благодаря чудной погодѣ, день съ семи утра посвященъ охотѣ въ окрестностяхъ города: у возвышенностей Tjikogai, около плантаціи Waspada. Сначала была надежда выгнать изъ сосѣднихъ зарослей двухъ замѣченныхъ тигровъ; но это не удалось, и Ихъ Высочества удачно стрѣляли только по здѣшнимъ пестросѣрымъ кабанамъ, которыхъ яванцы не бьютъ, гнушаясь мясомъ нечистыхъ для мусульманина животныхъ. Туземцы присутствовали и громкими криками выражали свое ликованіе при каждомъ удачномъ выстрѣлѣ.

Четвергъ, 28 февраля (12 марта).

Покидая Гарутъ въ 7^{3/4} утра, Наслѣдникъ Цесаревичъ благодаритъ жителей округа, въ лицѣ «ассистента-резидента», за сердечный пріемъ.

На станціи Лелесъ, гдѣ грандіозные віадуки свидѣтельствуютъ объ искусствѣ строителей преангерской дороги, къ поѣзду подходит странное существо (человѣкъ въ звѣриной маскѣ, завернутый въ рогожу и съ голыми ногами). Пискомъ и пляской начинаетъ онъ потѣшать собравшуюся толпу, видимо олицетворяя собою что-то ей знакомое, но намъ непонятное.

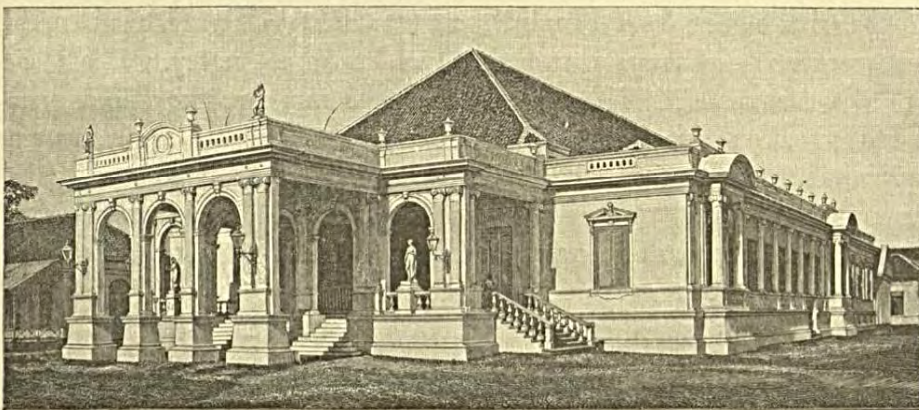
Столица области, Бандонгъ, приготовилась празднично встрѣтить Августѣйшихъ путешественниковъ. Дабы показать ее Имъ и дать возможно полное представленіе о главныхъ административныхъ центрахъ страны подъ европейскимъ владычествомъ, насъ въ теченіе часа возятъ по широкимъ и благоустроеннымъ городскимъ улицамъ, гдѣ приниженно ждетъ любопытный народъ. Мѣстами привѣтствуютъ Гостей голландцы съ семьями.

Экипажи огибають огромную бандонгскую «площадь скачекъ», за утопающимъ въ листвѣ инородческимъ жильемъ, и ѣдутъ мимо новой мечети, съ ковромъ на ступеняхъ, у которыхъ живописными группами, въ бѣлыхъ чалмахъ, стоятъ необыкновенно вліятельные средь массы вернувшіеся изъ Мекки богомольцы (хаджи). До сихъ поръ на Западѣ, и особенно у насъ, недостаточно обращали вниманія на внутренно крѣпнущія связи мусульманъ всего современнаго міра съ малодоступной Аравіей. Она постепенно раздвигаетъ сферу своего религіозно-политическаго воздѣйствія на «людей Корана» и совращаемыхъ ими въ ту же вѣру язычниковъ (азіатовъ, африканцевъ). Вопросъ настолько серьезенъ, что о немъ не мѣшаетъ сдѣлать нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній, говоря о роли ислама въ индо-нидерландскихъ владѣніяхъ.

На родину Магомета ежегодно (отъ Судана до Китая) стекается для поклоненія свыше 100,000 душъ. Аравитяне всячески обирають и развращають пришельцевъ, изъ коихъ иные прямо осѣдаютъ среди мекканцевъ и, мало-по-малу, образуютъ цѣлыя колоніи (смотря по происхожденію), куда естественно направляется бѣльшій и бѣльшій притокъ земляковъ. Правовѣрные, — разбѣянные и разрозненные дома, — здѣсь, на благопріятной почвѣ, встрѣчаются и сплочиваются идеєю объ единствѣ народовъ подъ знаменемъ «пророка». Принципы панисламическаго характера воспаляютъ слѣпую массу. Невѣжественно-фанатичная Мекка, а косвенно и Медина, стягиваетъ и сближаетъ недовольныхъ порядками въ краяхъ, гдѣ повелѣвають христіане. Онѣ повсюду разсылають агентовъ съ цѣлями пропаганды и привлеченія наивныхъ пилигримовъ въ «священные» города мусульманской исторіи. Возвращающіеся оттуда пользуются зачастую весьма нежелательнымъ значеніемъ и вліяніемъ. Въ виду существованія тамъ множества (до 150) экзальтированныхъ духовныхъ общинъ (двадцати шести дервишскихъ орденовъ) тысячи и тысячи хаджей подпадаютъ при посѣщеніи Аравіи подъ неотразимое вліяніе учителей-мистиковъ и уходятъ обратно, скрѣпленные съ ними и съ ихъ широкоразвѣтвленными братствами неразрывнымъ звеномъ. Вотъ гдѣ очаги и элементы послѣдующаго броженія среди искренно вѣрующихъ магометанъ. Голландцы это поняли, но довольно поздно: яванцы и вообще малайцы нѣсколько вѣковъ сряду отправляются уже въ далекій и когда-то смертельно опасный путь къ мекканской гавани Джиддѣ на Красномъ морѣ. Теперь условія измѣнились: европейскіе пароходы, сравнительно съ удобствами, нескончаемыми толпами доставляютъ туда желающихъ изъ Индіи, а также изъ нидерландскихъ владѣній. Въ результатѣ: совершившіе «хаджъ» перестаютъ быть *une quantité negligeable*, становятся политической силой, являются олицетвореніями оппозиціи иновѣрнымъ властямъ и народнаго недовольства; однимъ словомъ, побывавшіе въ Меккѣ нерѣдко грозятъ потомъ смутю правителямъ-христіанамъ. Аналогично-ли обстоитъ дѣло у насъ, я въ точности не знаю; но на Явѣ съ этимъ фактомъ благоразумно считаются и принимаютъ мѣры, чтобы парализовать вспышки фанатизма со стороны набожныхъ путешественниковъ изъ Аравіи, когда они склонны волновать родное населеніе. Однако вмѣшательство администраціи нерѣдко сказывается слишкомъ поздно. Напримѣръ, года полтора тому назадъ хаджи возмутили чернь противъ «резидента», всего въ 110 верстахъ отъ Батавіи (изувѣры стараются уронить престижъ угодныхъ голландцамъ туземныхъ вождей и князей) и предали свое непосредственное начальство казни со всей его семьей. Въ іюлѣ 1888 г. были звѣрскія кровопролитія такого же характера, причемъ поплатились честью и жизнью многія европейскія женщины и дѣвушки. Есть основаніе предполагать, что нити подобныхъ еще скрытыхъ заговоровъ раскинуты по цѣлой Явѣ. Особенно подозрительны дервиши толка Накшабendi, признающіе своимъ повелителемъ могущественнаго духовнаго шейха въ Меккѣ.

За послѣднее время замѣчательный арабистъ Снукъ Хюргронъ (голландецъ) проникъ туда, къ очагамъ ислама, въ одеждѣ и съ видомъ мусульманина, совершающаго «хаджъ» (подъ именемъ «ученаго» Джаффара). Онъ даже поселился среди фанатиковъ и прожилъ въ «священномъ» городѣ съ февраля по августъ 1885 г., когда дерзкаго путешественника внезапно открыли и вынудили удалиться. Наблюдения его были уже столь обширны и цѣнны, что онъ вскорѣ напечаталъ новыя данныя о мекканцахъ въ «*Revue coloniale internationale*», а затѣмъ издалъ о нихъ два объемистыхъ тома со множествомъ иллюстрацій, въ которыхъ ясно отражается дѣйствительная жизнь таинственнаго центра и, между прочимъ, изображены хаджи изъ предѣловъ Россіи.

Умудренный и прославленный подвигомъ молодой оріенталистъ теперь прибылъ на Яву и необыкновенно полезенъ колоніальному правительству, потому что зорко изучаетъ быть туземцевъ съ религіозно-политической точки зрѣнія, подолгу и запросто живетъ среди нихъ, во всякую минуту можетъ дать соотечественникамъ ключъ къ различнымъ зловѣщимъ явленіямъ.

ТЕАТРЪ ВЪ БАТАВІИ.

Ихъ Высочества принимаютъ завтракъ во дворцѣ преангерскаго губернатора г. Хейтинга. Странное впечатлѣніе производитъ при этомъ юный богаче окружающихъ одѣтый яванецъ, прислуживающій за столомъ. Онъ оказывается сыномъ какого-то мѣстнаго князя и «резидентъ» потому

будто-бы «позволяетъ» ему исполнять обязанности слуги, при трапезѣ европейцевъ, что юношѣ «полезно привыкать» въ такой обстановкѣ къ хорошему тону. Я не берусь судить, достигаетъ-ли средство цѣли, но самый фактъ невольно наводитъ на грустные мысли. Все-таки эти потомки вождей и царей, въ современномъ приниженномъ положеніи, заслуживаютъ нѣкоторой доли глубокаго состраданія! Давно-ли туземные правители сами еще обладали пышнымъ дворомъ? Копѣйщики съ оружіемъ, убраннымъ драгоценными камнями, плясуны, карлики, арапы, даланги наполняли роскошныя палаты исконныхъ властелиновъ Явы. Когда они парадно принимали свой блестящій штатъ, то оставались незрими даже присѣдавшему на корточки «совѣту»: только голосъ ихъ внятно звучалъ изъ-за парчевой завѣсы (одинъ махараджа, облекшись въ крылатый панцырь, съ позолоченною птицею на коронѣ, — имѣлъ обыкновеніе садиться при официальныхъ приѣмахъ на престолъ, передъ которымъ сверху падалъ каскадъ, прикрывая его такъ-сказать собой отъ нескромнаго взора), да выспреннее имя (развѣ не поэтично напр. для царицы называться «златоалый цвѣтокъ»?) говорило о личности державца. Какъ странно русскому, между прочимъ, найти въ прозвищахъ первенствующихъ воиновъ родныя слова «*purwo bator*»!

Прежніе верховные султаны (Сусухунанъ или Сусунанъ) фактически лишены всякой мощи. Уже въ 1708 г. они посылались въ изгнаніе на Цейлонъ и чуть-ли не дальше на Мысъ Доброй Надежды, кланялись земно батавскому губернатору и т. д. Востокъ раз-

вѣнчанъ Западомъ, и даже его радовитѣйшимъ представителямъ въ данное время приходится исполнять передъ европейцами роль слугъ.

Въ 6 часовъ 12 вечера — прибытіе обратно на станцію Вельтевреденъ. Послѣ девяти Ихъ Высочества ѣдутъ на большой балъ въ лучшемъ клубѣ Гармоніи (Societeit Harmonie). Ближайшія къ нему улицы иллюминированы и кишатъ зрителями. По принятому обычаю публика съѣзжается безъ шляпъ, — до того восхитительна тропическая ночь съ ея нѣжащимъ воздухомъ и сумракомъ. Конвой изъ туземцевъ-солдатъ, въ мундирахъ довольно страннаго покроя (вродѣ венгерокъ), крупной рысью сопровождаетъ ландо Наслѣдника Цесаревича. Со всѣхъ сторонъ раздаются радостные, привѣтственные клики. У входа въ собраніе, декорированнаго звѣздотканными голубыми и красными матеріями, Августѣйшіе путешественники встрѣчены генераль-губернаторомъ и его главными помощниками. Въ бальномъ залѣ высится тронъ подъ лазоревымъ балдахинномъ съ серебромъ, на золотыхъ копияхъ. Среди ослѣпительнаго мрамора и блеска огней повсюду, въ лентахъ и цвѣтахъ, выдѣляются шифры Великаго Князя и Королевича Греческаго. На самомъ же видномъ мѣстѣ красуется портретъ ея величества юной Королевы Нидерландской.

Высокіе Гости всходятъ сначала на возвышеніе у престола, затѣмъ Цесаревичъ открываетъ балъ съ г-жею Пейнакеръ-Хордейкъ: среди массы отъ души веселящихся и танцующихъ приглашенныхъ невольно притягиваетъ вниманіе группа степенныхъ китайцевъ въ дорогой сановно расшитой шелковой одеждѣ, съ окаменѣлой почти иронической улыбкой на безкровномъ лицѣ.

Пятница, 1 (13) марта.

Въ одиннадцатомъ часу Ихъ Высочества посѣщаютъ «Азовъ» и присутствуютъ при богослуженіи. Подъ вечеръ Они ѣдутъ (въ сопровожденіи батавскаго резидента, свиты и нѣсколькихъ нашихъ офицеровъ съ адмираломъ въ главѣ) черезъ старую оригинальную Батавію, гдѣ теперь уцѣлѣли только конторы коммерсантовъ, — и потомъ на лодкахъ за городъ, въ мѣстность Моеага Bahroe, для охоты на изобилующихъ тамъ крокодиловъ. Яванцы къ нимъ относятся съ суевѣрнымъ ужасомъ и сами не убиваютъ этихъ чудовищъ, хотя одобряютъ стрѣльбу по нимъ европейцевъ-спортсменовъ.

Экскурсія увѣнчана полнымъ успѣхомъ. Четыре страшилища на смерть поражены мѣткими пулями: длина двухъ равняется 17 футамъ 5 дюймамъ и 14 футамъ 5 дюймамъ. Охотничій трофей Наслѣдника Цесаревича съ триумфомъ увозится на фрегатъ.

Суббота, 2 (14) марта.

Сегодня, въ послѣдній день, передъ Ихъ Высочествами долженъ былъ состояться парадъ на площади Ватерло, но дождливая погода этому препятствуетъ. Удастся однако осмотрѣть большой батавскій музей, представляющій очень много интереснаго и единственнаго въ своемъ родѣ.

Близъ подъѣзда стоятъ пушки съ острова Борнео. Весь атриумъ и прилегающая къ нему кладовая заставлены или точнѣе завалены памятниками языческой скульптуры, періода господства индійскихъ идеаловъ въ архипелагѣ: изваянія одно другаго любопытнѣе,

а подчасъ и безформеннѣе, наполняютъ значительное пространство. Разнообразно закрученные хоботы добродушныхъ толстопуzychъ Ганешъ, многорукия небожительницы и боги, высящіеся на алтаряхъ или попирающіе быка (съ причудливыми эмблемами своего культа и таинственной силы), тонкія черты кумировъ съ глазомъ на лбу (подъ тїарою, украшенною символомъ креста), красивые Будды на лотосахъ, фантастическій двухглавый конь, Дурга

КИТАЙСКІЙ МУДРЕЦЪ.

съ черепомъ на головѣ и змѣей у пояса, Картикейя на павлинѣ, чело-вѣчнаго вида бородатый Шива съ трезубцемъ и четками, — отовсюду смотрятъ на входящаго въ залы каменные обломки сѣдаго прошедшаго, благодаря которому край когда-то казался великъ. Къ сожалѣнію, здѣсь сравнительно поздно взялись за основательное изученіе археологическихъ достопримѣчательностей, и въ данную минуту инныя весьма характерныя вещи не поддаются опредѣленію, откуда онѣ, и хронологической классификаціи. Изрѣдка замѣтны металлическія фигуры («beelden van metaal», какъ гласитъ подробный каталогъ музея). Въ общемъ коллекція древностей представляется еще почти въ хаотическомъ состояніи. Нѣкоторыя надписи (beschreven koperen platen) даже не прочитаны. Надо надѣяться, что просвѣщенные мѣстные дѣятели, сомкнувшіеся въ полезную «Genootschap van Kunsten en Wetenschappen», помогутъ вскорѣ пролить свѣтъ на важнѣйшія полуистертыя страницы туземной исторіи, туземнаго міра и обряда. Съ 50-хъ годовъ надъ этими вопросами прилежно работаютъ попеременно Friedrich и Van Hoeffell, Brandes и Groeneveldt.

Изъ различныхъ отдѣловъ наиболѣе обширенъ этнографическій. Суматра, Борнео, Целебесъ олицетворены самымъ нагляднымъ образомъ: въ цѣломъ рядѣ витринъ, гдѣ предметы настолько мастерски сгруппированы, что сразу даютъ осматривающимъ довольно ясное понятіе о томъ краѣ, откуда они вывезены. Модели домовъ и гробницъ, божковъ и музыкальных инструментовъ, одежда женщинъ и мужчинъ, разнообразныя украшенія, пугала для птицъ, рыболовныя снасти, утлая ладья, оружіе, утварь и т. п., шагъ за шагомъ приковываютъ вниманіе посѣтителей. Прошлый и настоящій бытъ яванцевъ рисуется особенно ярко: чего-чего тутъ

только нѣтъ! Жаль только, что нѣтъ манекеновъ. Они бы еще больше придали значенія и такъ уже безподобнымъ коллекціямъ. Съ одной стороны видишь платье вымирающаго на Явѣ племени Бадуби, до сихъ поръ исповѣдующаго буддизмъ; около стоятъ громадныя гонги, какіе употреблялись нѣкогда въ царскихъ оркестрахъ; принадлежности ваянга, наряды, уборы невѣстъ, прежнія боевыя копья, всевозможныя почетныя зонты, бронзовыя щиты, богато оправленные кинжалы, луки и стрѣлы, талисманы, ткацкія станки, орудія производства въ деревняхъ при культурѣ сахара и табаку, при выдѣлкѣ масла и т. п. все нашло себѣ мѣсто въ музеѣ и свидѣтельствуетъ о той любви, съ которой голландцы-ислѣдователи знакомятся теперь съ туземной жизнью. Моряки постоянно жертвуютъ сюда разныя диковинки, привозимыя напр. съ береговъ Новой Гвинеи. Странное впечатлѣніе производятъ, между ними, папуасскій барабанъ изъ змѣиной кожи, каменная палица, вычурный по формѣ гребень . . .

Въ особой комнатѣ, — куда рѣдко вводятъ посѣтителей, — хранятся всевозможныя драгоценности, золотыя и серебряныя вещи.

При музеѣ находится великолѣпнѣйшая бібліотека, въ которой сосредоточена положительно вся литература объ индо-нидерландскихъ владѣніяхъ. Кромѣ специалистовъ, она еще мало кому достоянно извѣстна на Западѣ во всемъ ея весьма почтенномъ объемѣ и научномъ значеніи. Большинство сочиненій, журналовъ и брошюръ издано притомъ на голландскомъ, далеко не каждому туристу доступномъ языкѣ. Затѣмъ, по видимому, много чертежей и картъ, а также туземныхъ рукописей, на древесныхъ листахъ. Онѣ заключаютъ въ себѣ исторію края (въ прозѣ и стихами), сборники изреченій обычнаго права (адатъ), этическія наставленія, театральныя пьесы, міеологическія повѣствованія, молитвы, предсказанія, магическія формулы и т. п. Яванцы благоговѣютъ передъ памятниками родной письменности, и до сихъ поръ въ сущности очень трудно доставать ихъ у духовно-замкнутаго населенія.

Нумизматическій отдѣлъ въ свою очередь отличается чрезвычайной полнотой и составляетъ гордость музея. Въ немъ насчитывается до 6000 номеровъ (между прочимъ: и бумажныхъ, и денежныхъ знаковъ). Каталогъ для нихъ составленъ специалистомъ Van der Chijs.

Изъ множества медалей любопытна выбитая въ честь остъ-индской компаніи въ Нидерландахъ, доведшей операціи за моремъ черезъ сто лѣтъ до такой степени развитія, что изъ 24,000 европейскихъ кораблей, бороздившихъ при Людовикѣ XIV океанскіе пути, около $\frac{4}{5}$ было подъ голландскимъ флагомъ.

Изъ европейскихъ монетъ довольно мало старинныхъ. Изъ азіатскихъ же наоборотъ. Особенно много откапываютъ китайской и японской мѣди (съ отверзтіями по срединѣ). Червонцы съ Целебеса лежатъ рядомъ съ тамошними же деньгами изъ ткани (съ прилегающаго островка Бутона), поддѣлка коихъ карается смертю среди островитянъ. Старояванскіе дукаты, персидскія рупіи и рупіи британскаго періода на Явѣ (съ 1811 по 1816 г.), полудоллары того же времени съ острова Суматры, деньги изъ владѣній раджи Брука въ сѣверной части Борнео, древнекитайскія, аннамскія и сіамскія, индійскія и арабскія монеты богато наполняютъ витрины наравнѣ съ нумизматическими рѣдкостями западнаго происхожденія. Среди послѣднихъ есть одна голландская XII-го и одна бельгійская XIII вѣка. Намъ показываютъ денежные знаки, бывшіе въ употребленіи во владѣніяхъ архіепископа кѣльнскаго; сюда же попали нюрнбергскіе золотые, бранденбургскія денежки XVI вѣка, а также венгерская монета революціоннаго 1848 г.

Египетскіе денежные знаки временъ Клеопатры нашли себѣ здѣсь мѣсто такъ-сказать бокъ-о-бокъ съ китайскими амулетами, индо-нидерландскими марками за послѣднія

два десятилѣтія, деньгами различныхъ династій Небесной имперіи (начиная отъ III вѣка до Р. Хр.), нумизматической коллекціей изъ Сіама, подаренной музею королемъ, и т. п. Французскія монеты изъ Пондишери въ Индіи (эпохи Людовика XV), датскія изъ Транкебара, тамъ же (отъ 1746 г.), испанскіе пѣстры, средневѣковыя цейлонскія, золотые «мохуры» Нѣпаля 17-го вѣка и пр. и пр. попеременно съ еврейскими и сирійскими до христіанской эпохи, попеременно съ пароянскими и сассанидскими, начала нашей эры, приковываютъ вниманіе посѣтителей. Между прочимъ, любопытно видѣть среди этихъ коллекцій, за экваторомъ, деньги тифлисской чеканки 1778 г., литовскіе гроши 1568 и 1664 гг., Петровскую полушку 1721 г., Екатерининскіе пятаки, полтинники 1801 г. и четвертаки царствованія Николая Павловича, наконецъ современные двугривенные.

Издатели батавской газеты «Nieuwsblad», Кольфъ и комп. съ редакторомъ (г. Даунъ), отпечатали по-французски, на шелку, краткое описаніе посѣщенія Явы Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и представляютъ оттиски очерка Августѣйшимъ путешественникамъ.

Незадолго передъ отъѣздомъ, Они неожиданно совершаютъ еще небольшую экскурсію въ мѣстный зоологическій садъ, отнюдь не считающійся достопримѣчательностью города. Въ особомъ паркѣ отведены неважныя помѣщенія для немногочисленныхъ тварей. Крикливые попугаи (бѣлые съ желтой челкой, красные съ фіолетовыми крапинами на крыльяхъ, черные и синіе), дивныя райскія птички, обезьяны и казуары, — все это представлено веренищею любопытныхъ экземпляровъ. Но гораздо интереснѣе ихъ странная сова съ почти человѣческимъ выраженіемъ старческаго обрамленнаго бороною лица. Когда она сердится, то лапѣтъ вродѣ собаки.

Въ сторонѣ отъ клѣтокъ и звѣрѣя — пустой домъ одного знатнаго прославившагося туземца (Raden Saleh), который получилъ образованіе на Западѣ и долго путешествовалъ по Европѣ. Обладая талантомъ живописца, онъ исполнилъ немало заказовъ на сюжеты изъ яванской жизни.

Раденъ сравнительно недавно умеръ. Окружающій его жилище садъ сталъ теперь городской собственностью. Здѣшняя англійская колонія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми голландскими дамами, устроила въ немъ клубъ для игры въ «lawn-tennis».

Прощаніе съ Явой сегодня вечеромъ было чрезвычайно эффектно. Пока эскадра снималась съ якорей, надвинулась гроза. Ослѣпительныя вспышки молніи до того ярко начали прорѣзывать темноту, до сравнительно далекаго побережья, — что все окрестъ такъ-сказать трепетало въ какомъ-то просто магическомъ освѣщеніи. Сонный, нестерпимо знойный воздухъ проснулся. Изъ океана повѣяло живительной прохладой. Гостепріимный островъ королевы нидерландской въ послѣдній разъ озарился передъ нами дивными лазеревыми очертаніями, «Азовъ» мощно двинулся въ ширь

И грѣзы тихія направили полетъ
Къ иному берегу, къ зыбямъ инаго моря.

Опять, нѣсколько дней отдыха на родномъ фрегатѣ. Попытки сосредоточиться на видѣнномъ и пережитомъ. Чарующая мечта невольно увлекаетъ въ экзотическій край, гдѣ король Чулалонкорнъ ожидаетъ Русскаго Престононаслѣдника.

Что такое Сіамъ? Какія представленія, кромѣ сказочныхъ, возникаютъ въ насъ при мысли о полуневѣдомомъ, даже до послѣдняго времени малоизслѣдованномъ царствѣ стараго типа, но притомъ съ достаточной долей самостоятельности по отношенію къ наступающей чужеземщинѣ? Тамъ — симпатичная частица Азіи, не пренебрегающей западнымъ просвѣщеніемъ и тѣмъ не менѣе борющейся за свои жизненные права. На

почвѣ сравнительно значительнаго королевства, съ двѣнадцатымилліоннымъ крайне смѣшаннымъ населеніемъ, издревле сталкиваются культурныя вліянія Индіи и Китая, въ основѣ же помимо того еще лежитъ загадочная «хмерская» цивилизація, такъ-сказать духовное зодчество неизвѣстно какими путями сюда проникшаго элемента кавказской расы, послѣ котораго тутъ и въ смежной нѣкогда могущественной Камбоджіи сохранились гигантскіе памятники религіозно-эпического характера, съ необъятнымъ историческимъ и художественнымъ значеніемъ: лучи Рамаяны и буддійскихъ легендъ, переплетшіеся съ отраженною въ камнѣ лѣтописью боеваго возвышенно настроеннаго народа! Смѣсь монголо-тибетской и малайской крови, полнѣйшее pendant нашимъ инородцамъ — ламаитамъ и японцамъ, въ большинствѣ малорослые и подвижные индокитайцы являются странными преемниками непонятныхъ Хмеровъ съ ихъ государственнымъ строемъ, представляются результатомъ многообразныхъ этнографическихъ наслоеній въ такой части земнаго шара, гдѣ сознательнаго прошлаго и настоящаго почти нѣтъ, а будущее разовьется лишь на развалинахъ теперешняго матеріальнаго міра, когда сравнительно пассивные азіаты или окончательно допустятъ надъ собой главенство правителей съ Запада или примкнутъ къ пробуждаемымъ Сѣверомъ единоплеменникамъ. Примѣръ — налицо, въ видѣ недавняго паденія Аннама и однородныхъ ему политическихъ единицъ. Какое любопытное и во многомъ поучительное зрѣлище!

НА МЕНАМЪ.

Дни проходятъ незамѣтною чередою. Только жара мѣшаетъ отдыхать, сосредоточиваться и работать. Связь съ фрегатомъ и семьею моряковъ становится все тѣснѣе и тѣснѣе. Наслѣдникъ Цесаревичъ неизмѣнно проводитъ много часовъ въ каютѣ-компаніи и подолгу бесѣдуетъ съ офицерами.

Самыми памятными часами перехода, какъ и всегда, надо признать моменты заката, когда всѣ участники плаванія скликаются наверхъ и среди торжественно-благоговѣйнаго безмолвія, при спускѣ кормоваго флага съ Георгіевскимъ крестомъ, команда «Азова» молится, внимая «Отче Нашъ!» Едва-ли эти высокія мгновенья не скрашиваютъ суровой обстановки и тяжелой отвѣтственной жизни, которую несутъ въ морѣ наши доблестные моряки!

Пока надъ послѣднимъ величаво несутся и гремятъ, замираютъ и таютъ аккорды гимна-молитвы, души вслушивающихся въ него словно обновляются и очищаются внутреннимъ огнемъ . . .

Забить-ли вечера, когда съ такой любовью
Усталый отблескъ дня баюкала волна, —
И тихо падалъ флагъ, добытый русской кровью,
Въ дыму Наварина?! . . .
Янтарный сводъ небесъ. Молитвенные звуки.
Невѣдомая ширь, безъ призрака земли, —
И жажда распознать въ холодной тѣмѣ разлуки,
Что тамъ — вдали!

Западъ окрашивается въ персиковый цвѣтъ: уходящее или, точнѣе, ушедшее солнце играетъ еще прощальными лучами съ причудливо очерченными облаками и слабо дышущей поверхностью водъ

Сіамскій заливъ и прилегающіе къ нему края! Громкое названіе, не вызывающее передъ мысленнымъ взоромъ никакого опредѣленнаго образа, никакихъ ясныхъ понятій. Объ этой культурной полосѣ земнаго шара у насъ, напимѣръ, положительно знаютъ менѣе, чѣмъ о чуждой намъ негритянской Африкѣ, о папуасахъ и тому подобномъ. Можно съ увѣренностью сказать, что вопросъ объ относительно близкихъ сосѣдяхъ Небесной имперіи мало кому представляется пока интереснымъ и важнымъ. А вѣдь время вмѣшательства Франціи и Англіи въ дальнѣйшую судьбу самостоятельныхъ элементовъ Индо-Китая — не за горами! Генеральный консулъ первой (Kergaradec) добился передачи широко задуманныхъ телеграфныхъ линій по Сіаму въ руки соотечественниковъ, а глубокой знатокъ края Лаосовъ г. Пави торопится организовать съ патріотическими цѣлями новую экспедицію къ спорнымъ рубежамъ мѣстныхъ французскихъ владѣній; между тѣмъ какъ лордъ Ламингтонъ, взявъ исходнымъ пунктомъ Бангкокъ, изслѣдуетъ съ англійской точки зрѣнія важные пути отсюда къ Тонкину. Безъ сомнѣнія, въ этой области вскорѣ неминуемо столкновеніе двухъ враждебныхъ колониальныхъ началъ, и сіамцамъ грозитъ участь вродѣ той, что постигла милліоны ихъ единовѣрцевъ. Любопытно только, кто посягнетъ на безобидное царство и чье просвѣщенное иго будетъ тяжелѣе туземцамъ. Судя по историческимъ указаніямъ, всего раньше и легче имъ скажетъ: «вы — мои» твердый въ своихъ начинаніяхъ Альбіонъ, пристально вглядывающійся изъ Сингапура и Бирмы въ индо-китайскій міръ, для энергичнаго побѣднаго вторженія въ Небесную имперію. Кто, кромѣ ущемленныхъ Тонкиномъ французовъ, могъ бы тамъ на

югѣ рѣшительно соперничать съ британцами или противопоставить имъ сколько-нибудь серьезныя преграды? Для этого нуженъ могучій флотъ и нужна сильная оборона съ суши противъ храбрыхъ сипаевъ, которыхъ направятъ добывать владыкамъ Индіи новую неисчерпаемо-богатую страну. Ни того, ни другаго они не встрѣтятъ на почвѣ южнаго Китая. Каково же, однако, придется въ послѣдствіе Россіи, когда деньги оттуда золотыми потоками польются на Западъ, за Ламаншъ, готовить намъ въ Европѣ самыя неожиданныя осложненія и чуть-ли не угрозы? Сіамъ кажется издали, съ высоты орлинаго полета надъ Европой и волнующею ее злобою дня, чѣмъ-то слабымъ и третьестепеннымъ по значенію, но во имя грядущихъ русскихъ интересовъ на пробуждающемся Востокѣ маленькому самостоятельному государству, уцѣлѣвшему въ сумятицѣ разгрома Азіи «бѣлою» рассой, надо и впредь отъ души пожелать полной независимости и безболѣзненнаго развитія, процвѣтанія и счастья. Если случится иначе, мы косвенно потеряемъ. Пока порядокъ вещей остается ненарушеннымъ, все незамѣтно складывается въ нашу пользу. Лишь-бы только пришельцы не колебали и не губили исконнаго азіатскаго строя!

Въ морѣ намъ придется провести уже сравнительно мало тропическихъ ночей, и тѣмъ пристальнѣе вглядываешьсѣ съ тоскливою духовною жаждой въ ихъ ослѣпительную красоту и незамирающій блескъ.

Синія искры, величиною съ орѣхъ, пылаютъ въ глубинахъ вокругъ.

..... Далекій слѣдъ бѣжитъ, сѣдой сверкая пѣной

Безлунный усыпанный звѣздами мракъ окутываетъ нѣмую даль. Вотъ зеленоватая пламенная полоса нѣсколько разъ подрядъ прорѣзаетъ бездну волнъ у расширяющагося горизонта. Вспышки ихъ прямо за нами, — въ безконечной бороздѣ винта, — принимаютъ сначала оранжевый, а потомъ фіолетовый и голубой оттѣнокъ. На востокѣ, точно лампочки, загораются красновато-розовые огни, а затѣмъ багровымъ еще неполнѣ оформленнымъ шаромъ всплываетъ мѣсяцъ и лѣтъ на океанъ желтыя струи лучей.

Этому сравнительно малоизвѣстному заливу улыбается великое будущее. Чаше и чаще приходится слышать о проектѣ глубоко прорѣзать перешеекъ Кра между Малаккой и Сіамомъ. Тогда путь въ Индо-Китай и Небесную имперію какъ изъ Индіи, такъ и съ европейскаго Запада укоротился бы сразу для пароходовъ на двое — трое сутокъ. Сингапуру послѣднее не выгодно, но въ общемъ англичане отъ этого ничуть не потеряютъ: слишкомъ необъятны ихъ торговые интересы на побережьяхъ Азіи! Если создается новый столь важный каналъ, прямыми результатами будетъ присоединеніе къ упомянутой колоніи сѣверныхъ малайскихъ земель, платящихъ нынѣ дань Бангкоку, наплывъ въ него бѣлолицыхъ авантюристовъ, ускоренное завоеваніе южныхъ окраинъ материка колонизаторами болѣе предприимчивой рассы, чѣмъ даже сами китайцы: широко откроется дорога изъ бенгальскихъ водъ въ моря «желтой» рассы. Пришельцы съ удвоенною энергіей ее безвременно потревожатъ, покорятъ, станутъ внутренне поработать и эксплуатировать.

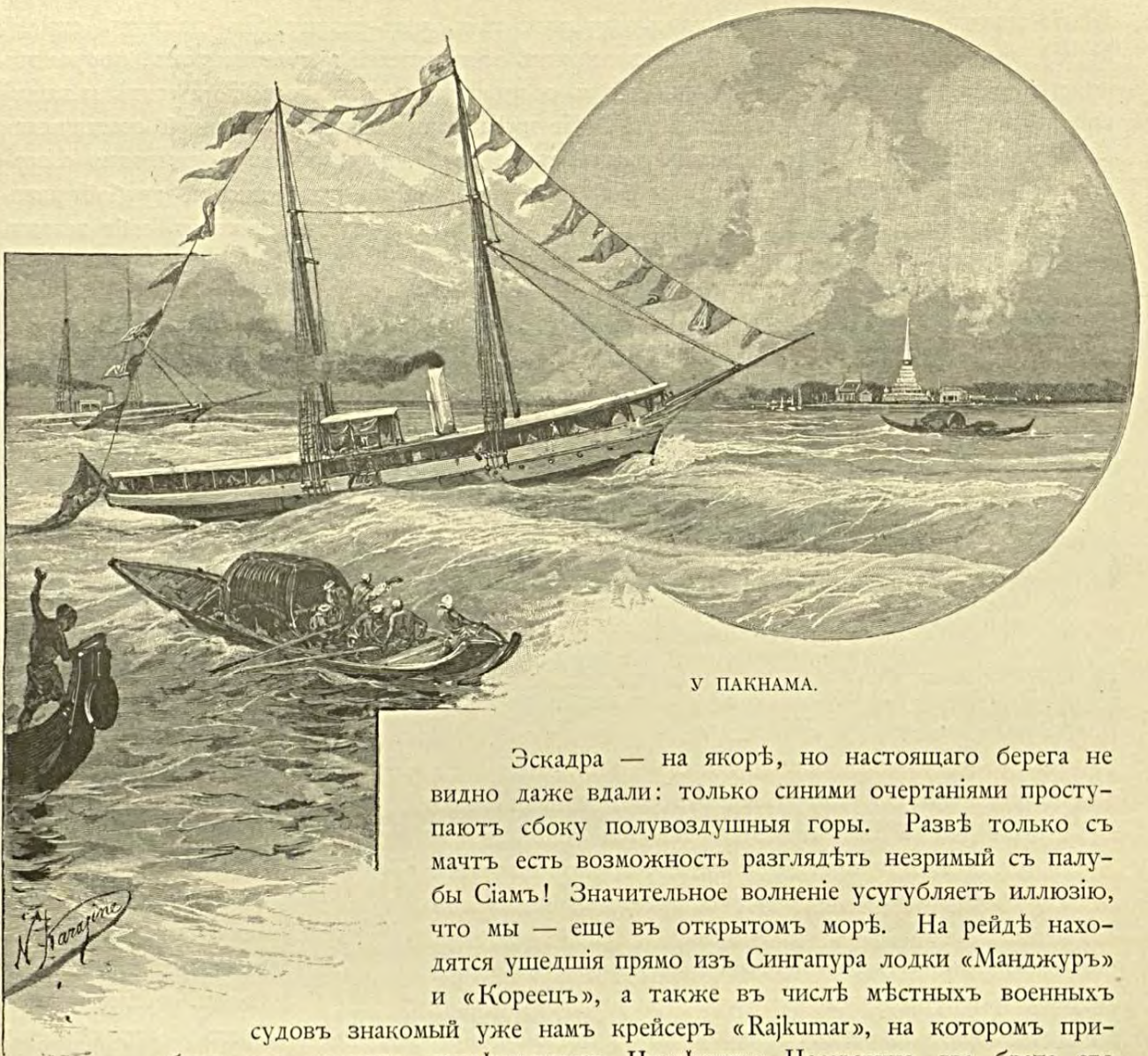
Французскіе инженеры домогаются получить главныя средства на свои работы отъ сіамскаго короля, который однако можетъ только пострадать изъ-за чужой идеи. Говорятъ, за нее высказался старикъ Лессепсъ. Его родина, по видимому, призвана вовлекать властелиновъ на Менамѣ въ круговоротъ историческихъ зачастую роковыхъ событій. Въ

XVII вѣка туда снаряжались экспедиціи волею Людовика XIV, мечтавшаго насадить тамъ христіанство. Онѣ начались вѣжливымъ обмѣномъ посольствъ и обычной дипломатической ложью, окончились жестокою взаимною непріязнью и кровопролитіями: непрочная и неискренняя, полуфиктивная связь съ Европой порвалась надолго и съ ожесточеніемъ. Возобновить ее, на почвѣ обоюдныхъ коммерческихъ и спорныхъ политическихъ выгодъ, впоследствии удалось, конечно, раньше всего Великобританіи.

Между тѣмъ какъ легко было, при отсутствіи фанатизма и тщеславія, достигнуть противоположнаго среди мягкаго и радушнаго буддійскаго народонаселенія! Въ этомъ ясно убѣждаешься, читая замѣчательныя записи-дневники отцовъ-миссіонеровъ (преимущественно ученыхъ іезуитовъ), посѣщавшихъ въ ту интересную пору просыпавшійся на встрѣчу цивилизаціи и простиравшій объятія Франціи средневѣковой Сіамъ. Первыя сочиненія объ этомъ предметѣ становятся библіографическою рѣдкостью, и, запасшись ими, съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ перелистываю я на пути въ Бангкокъ безхитростныя описанія наблюдательныхъ монаховъ. Настроеніе, съ которымъ они шли проповѣдывать, — край, куда ихъ влекла судьба, — туземный народъ, напрасно ожидавшій отъ иноземцевъ просвѣщенія и помощи, — все это необыкновенно живо рисуется воображенію въ соотвѣтствующей полутаинственной обстановкѣ . . . среди ночнаго моря тропиковъ, при загнипнотизированномъ зарницами и звѣздами дремотномъ состояніи духа, когда созерцаешь и то, что зыблется кругомъ, и чего нѣтъ на яву.

Вина европейцевъ, не умѣвшихъ тогда заслужить довѣріе простодушныхъ и по своему образованныхъ язычниковъ, заключалась въ узости взгляда у первыхъ и въ широтѣ религиозныхъ воззрѣній у вторыхъ. Сіамскій правитель строилъ дорогимъ гостямъ церкви, приказывалъ украшать пріемные покои католиковъ-пословъ золотыми распятіями, отдавалъ плѣнныхъ аннамитовъ инструкторамъ войскъ — христіанамъ для обращенія *ad libitum* въ «Западную вѣру», — но самъ не крестился, ибо его сердца не коснулась Благодать . . . вмѣсто молитвеннаго ожиданія и кроткаго однозвучнаго подобному поведенію воздѣйствія, люди Запада чисто формально и матеріалистически взглянули на вещи. Грубый успѣхъ не давался, и съ кроткими жителями страны понемногу нашли излишнимъ стѣсняться.

Будь вопросъ поставленъ иначе, миссіонерство въ этихъ странахъ смѣло могло разсчитывать на блестящее поприще. Напримѣръ, въ столицѣ Сіама невозбранно возникла и развилась семинарія, гдѣ занималось по латыни, познавало богословіе до сорока индокитайцевъ различнаго происхожденія (кохинхинцевъ, бирманцевъ) и даже японцевъ. Рукополагаемые тамъ и отправляемые во свояси неофиты преобразили-бы съ теченіемъ времени жизненный строй тьмы соотечественниковъ. Царствовавшій на Менамѣ (ровно двѣсти лѣтъ назадъ) сіамскій государь читалъ переведенное для него Евангеліе, хранилъ Крестъ въ своей опочивальнѣ, чтилъ Имя Господне, помогалъ христіанскимъ проповѣдникамъ проникать въ предѣлы Небесной имперіи . . . и съ такимъ государственнымъ челоуѣкомъ Азіи представители нашей культуры не поддерживали тѣсныхъ дружественныхъ сношеній! Очевидно, винить за это надо не Востокъ. И упорные голландцы, и робкіе еще англичане, и потерявшіе престижъ португальцы сносились, правда, въ ту же эпоху съ югомъ Индо-Китая, но почти исключительно въ качествѣ купцовъ: Сіаму естественно льстила возможность достигнуть какого-нибудь союза или, по крайней мѣрѣ, соглашенія съ могущественнымъ западнымъ народомъ, а послѣдній безцѣльно пренебрегалъ собственными интересами на дальнихъ побережьяхъ. Поучительный примѣръ, почему въ подобныхъ случаяхъ полезно и необходимо разумнѣе загадывать и на столѣтія разсчитывать впередъ!

У ПАКНАМА.

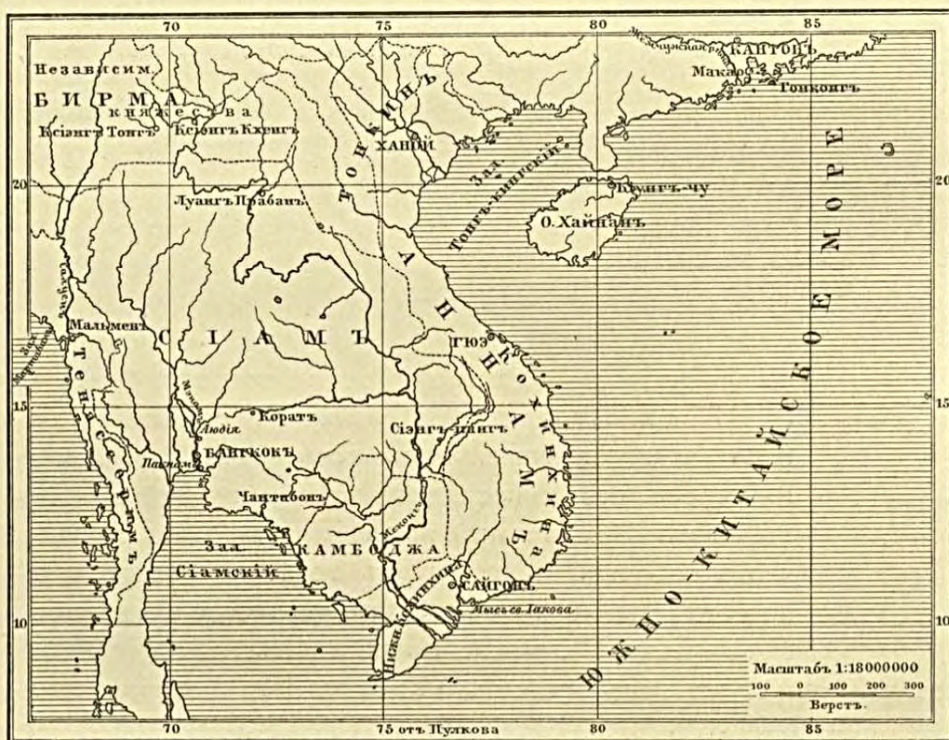
Эскадра — на якорѣ, но настоящаго берега не видно даже вдали: только синими очертаніями проступаютъ сбоку полувоздушныя горы. Развѣ только съ мачтъ есть возможность разглядѣть незримый съ палубы Сіамъ! Значительное волненіе усугубляетъ иллюзію, что мы — еще въ открытомъ морѣ. На рейдѣ находятся ушедшія прямо изъ Сингапура лодки «Манджуръ» и «Кореецъ», а также въ числѣ мѣстныхъ военныхъ судовъ знакомый уже намъ крейсеръ «Rajkumar», на которомъ прибыли изъ столицы привѣтствовать Наслѣдника Цесаревича два брата его величества, стоящіе во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и министерства двора.

Несмотря на вѣтеръ и качку, Е. И. Высочество отдаетъ имъ на катерѣ визитъ. Намъ предстоитъ перебираться на королевскую яхту «Аполлонъ», чтобы достигнуть Бангкока. Послѣдней командуетъ датчанинъ де Ришелье (потомокъ знаменитаго французскаго рода). Онъ пользуется здѣсь въ краѣ общимъ уваженіемъ за полезныя совѣты дипломатическаго характера и въ качествѣ хорошаго инструктора. Интересно уже то обстоятельство, что туземный дворъ обращается за таковыми не къ англичанамъ или нѣмцамъ, а въ относительно маленькое государство, откуда ему нечего ждать козней и нездороваго вліянія. Въ этомъ сказывается мудрость правителя, склоннаго воспринимать съ Запада какъ можно больше разностороннихъ знаній, но искушеннаго опытомъ своихъ предшественниковъ на престолѣ и своихъ нынѣ обездоленныхъ соперниковъ-сосѣдей, до чего опасно довѣряться иноземцамъ съ ненасытными колонизаторскими вождельніями. Состоятельная молодежь охотно ѣздитъ отсюда въ Америку и Европу присматриваться къ чужимъ порядкамъ и нравамъ, къ чужому благоустройству и матеріальному прогрессу;

многіе князья царской крови учились и учатся тамъ уму-разуму (въ полномъ смыслѣ слова), выписываютъ себѣ домой образованныхъ воспитателей и гувернантокъ, поручаютъ иностранцамъ второстепенныя должности въ государствѣ, но выше всего ставятъ и защищаютъ принципъ: «Сіамъ для сіамцевъ». Не имѣя одинаковыхъ съ Японіей счастливыхъ внѣшнихъ условій быстрого развитія, они тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ силъ, ежегодно совершенствуются и, если на численно слабый народъ не обрушится никакой грубой катастрофы, онъ еще въ первые же года XX вѣка крайне симпатично долженъ себя заявить въ ряду просвѣщенныхъ націй съ выдающимся прошедшимъ.

Пятница 8 (20) марта.

Раннее утро. Красавица-яхта плавно проходитъ мелководное устье Менама (технически

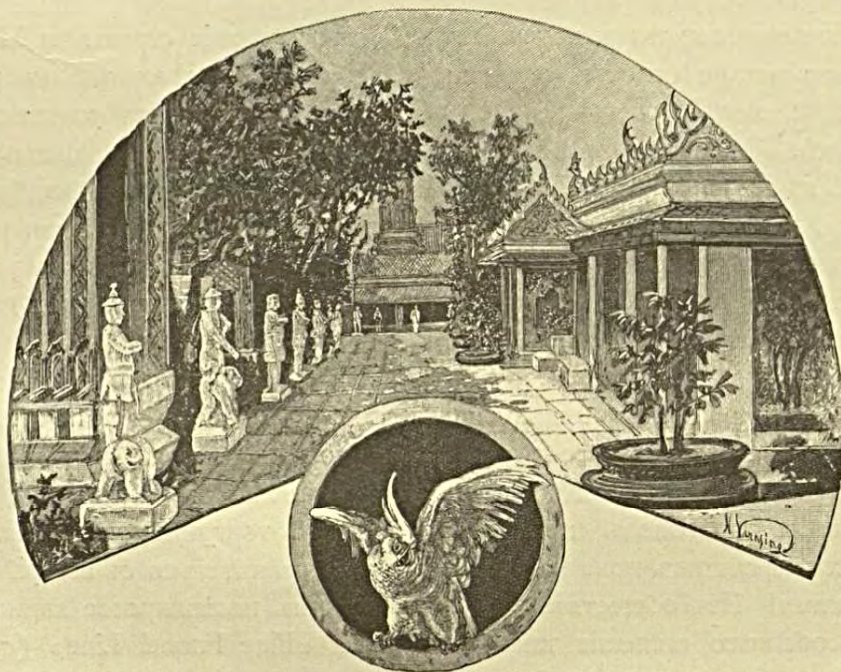
возможно устранить громадныя неудобства, представляемыя баромъ у глубокой судоходной рѣки, но сіамцы изъ политическихъ соображеній противятся доступу въ нее европейскихъ броненосцевъ). Слѣва мелькаютъ, по близости, широкія рыбацьи сѣти на бамбуковыхъ кольяхъ. Небольшой маякъ сиротливо торчитъ непосредственно изъ воды. Низкій берегъ опредѣляется все рѣзче и густолиственнѣе. Сырая

тропическая растительность заполонила его и прячетъ отъ насъ пока саму страну.

Пушечные выстрѣлы... Обычный салютъ... Пакнамъ. Первый встрѣчный туземный городъ съ изящной крѣпостцей и бѣлой колоколообразной златоверхой пагодой на островкѣ среди извилистаго русла. Домики на плотяхъ, домики у побережья на столбахъ, еще повыше за ними совершенно европейскаго типа зданіе съ телеграфными проволоками по серединѣ привѣтливаго мѣстечка. Крытыя циновками лодки (преимущественно съ вяленой рыбой), похожія на бочки огромной величины, довольно быстро спускаются по теченію, благодаря усердію ловкихъ гребцовъ, изъ коихъ, судя по голосу, немало женщинъ въ широкополыхъ соломенныхъ шляпахъ и свѣтломъ одѣяніи.

Еще относительно недавно военныя суда чужихъ націй не должны были проходить за пакнамскія укрѣпленія или же здѣсь разоружались, идя въ Бангкокъ. Справедливо недовѣрчивые сіамцы не ждали добра отъ бѣлолицыхъ пришельцевъ и всѣми мѣрами готовы были сдерживать ихъ черезчуръ большую любознательность и предприимчивость

по части изученія края съ тайными колоніальными цѣлями. Теперь не то: правительство даже какъ-будто радо обращенному на него вниманію Европы и Америки, а что касается насъ, то готово всей душой почтить посѣщеніе менамскихъ водъ эскадрой подъ флагомъ Престолонаслѣдника. «Кореецъ» и двѣ сіамскія канонерки вслѣдъ за «Аполлономъ» прошли перекасть устья и величаво движутся за нами. Удушливо-жаркій день вступилъ въ свои права. На палубѣ яхты сервированъ завтракъ. До столицы остаются часа два (22 мили). Наслѣдникъ Цесаревичъ имѣетъ возможность вести продолжительную бесѣду съ принцемъ Кромъ Луангъ Дэвавонгсэ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, по справедливости считающимся однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ представителей своего народа. Мы рѣжемъ рѣчную гладь среди однозвучнаго пейзажа, гдѣ листва заволокла собою область человѣческой культуры. По временамъ окрестности кажутся почти пустыней: однако вокругъ бьется пульсъ самой интенсивной жизни. Природа и люди словно сговорились заслониться отъ нескромныхъ взоровъ декоративною стѣною непроницаемой зелени, чтобы привольнѣе работать подъ тяжестью вертикальныхъ лучей. Сказочное царство, именуемое Сіаомъ, по видимому, медлитъ предстать передъ Августѣйшими путешественниками во всемъ своемъ прославленномъ блескѣ и великолѣпіи, во всемъ своемъ обаяніи и радужно-свѣтозарной красотѣ.

БАНГКОКЪ.

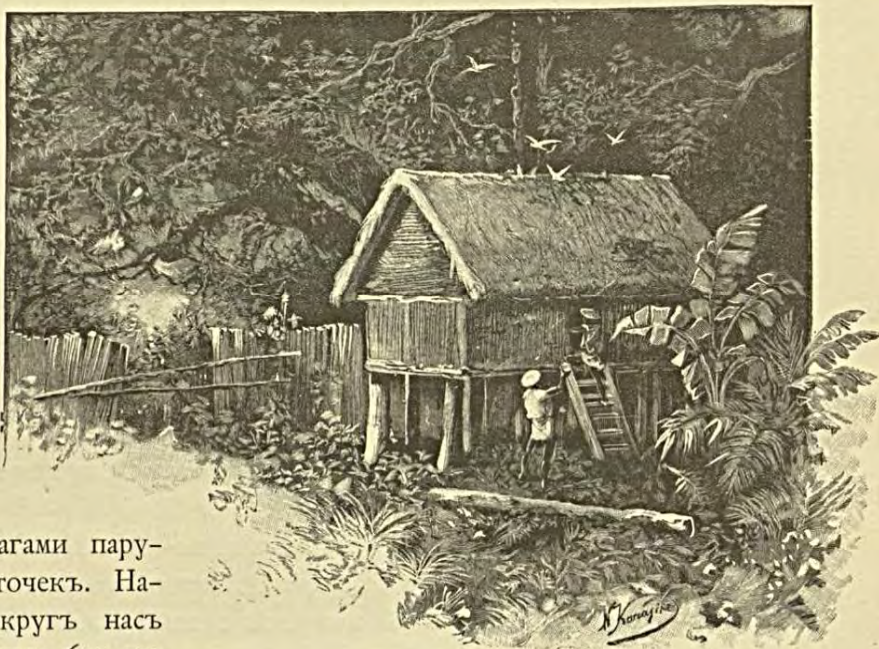
Естественныя богатства и потенціальное благосостояніе страны на Менамѣ, съ прилегающими и зависящими отъ нея землями (на Малаккѣ и сѣвернѣе, въ районѣ полудикихъ лаосскихъ племенъ) очень велики. Одни доходы короля равняются пятнадцати милліонамъ рублей. Золото и серебро, драгоцѣнные камни, желѣзо, олово, уголь, доброкачественнѣйшій лѣсъ, рисъ, пряности, плоды — въ неисчерпаемомъ изобиліи: не только для скромныхъ нуждъ народа, — недавно довольствовавшася морскими раковинками въ качествѣ денежныхъ единицъ, — но и для вывоза въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Три четверти территоріи государства (т. е. около 180,000 квадратныхъ миль) не воздѣлано, покрыто джонглями, ожидаетъ пахаря.

Судоходство края развивается, — хотя медленнѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, не составляя и пяти процентовъ приходящихъ сюда кораблей, — хотя инныя иностранныя суда прикрываются сіамскимъ флагомъ, съ цѣлью пользоваться различными льготами. Эта цифра, конечно, ничтожна, — когда знаешь, что у англичанъ — до 60%, у нѣмцевъ же треть общаго числа пароходовъ и парусныхъ судовъ, торгующихъ съ Сіамомъ. Участіе французскихъ коммерсантовъ пока маловажно: даже сравнительно съ австрійскими, италіанскими, норвежскими! Изъ обществъ, поддерживающихъ пассажирское движеніе на заливѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія такъ-называемая «Blue Funnel Line» (съ синими трубами). Германское консульство крайне прозорливо изучаетъ нужды, характеръ и спросъ населенія, прилагая всѣ усилія, чтобы съ полнымъ успѣхомъ конкурировать съ британскими товарами и ежегодно увеличивать свой ввозъ. Изъ фирмъ Бангкока первое мѣсто занимаетъ Марквальдъ (у нея, между прочимъ, есть фабрика для очистки риса, съ машиною въ 400 лошадиныхъ силъ). И это, несмотря на близость Индіи, Сингапура, Гонконга! За послѣднее время идущее сюда изъ Триеста пиво и спички испытываютъ подрывъ отъ дешевыхъ поддѣлокъ японскаго происхожденія: только богемское стекло не боится здѣсь ничьей имитации. Главная торговля ведется съ западными странами. Ввозъ хлопчатобумажныхъ тканей (приблизительно на 25—30,000,000 р.) все растетъ и растетъ

(много покупается изъ знакомаго намъ Ахмедабада). Впрочемъ, экспортъ до сихъ поръ миллионовъ на десять превышаетъ импортъ. Обширное скотоводство, — особенно въ сѣверныхъ областяхъ, — позволяетъ сбывать напр. въ Бирму корову съ теляткомъ за 4 р.

«Me nam Tschau Phya» (царственная мать водъ) именуютъ туземцы свой Нилъ, разливами оплодотворяющій гигантскую равнину. Онъ создалъ цвѣтушія низовья Сіама, отвоевалъ ему частицу залива, выдвинулъ побережье на югъ органическими остатками и пескомъ. Двѣсти-триста лѣтъ назадъ въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ теперь свѣтятся обрамленные растительностью кумирни, соленая волна прибоя ложилась усталой грудью на совершенно обнаженный грунтъ.

Чѣмъ дальше мы подвигаемся по извилистой рѣкѣ, тѣмъ оживленнѣе и люднѣе она кажется. Сквозь листву постепенно проступаютъ разныя промышленныя заведенія, училища, виллы европейскаго квартала, высокій фронтонъ таможни, убранный флагами «Oriental Hotel», ограды царскаго дворца и блестящія причудливо изогнутыя кровли храмовъ. «Аполлонъ» проходитъ цѣлый рядъ разукрашенныхъ флагами парусныхъ судовъ, канонерокъ и яхточекъ. Настоящія улицы образованы вокругъ насть плывучимъ жильемъ весьма многихъ (до ста тысячъ) горожанъ, вѣчно обитающихъ на Менамѣ и по безчисленнымъ каналамъ. Любопытныя фигуры женщинъ и мужчинъ, которыхъ по костюму и причeskѣ нельзя отличить другъ отъ друга, наполняютъ, — сидя на корточкахъ, — незатѣйливыя веранды этихъ оригинальныхъ зыбкихъ построекъ («руа»), прицѣпленныхъ къ сваямъ, глубоко вбитымъ въ илистое дно. При бурной погодѣ ихъ зачастую отрываетъ, но безъ вреда для домохозяевъ. Отнесетъ такую лавку-мастерскую, такой типичный сіамскій home слегка внизъ по теченію, — и они снова искусно причаливаютъ къ свободнымъ брусьямъ на своемъ невольномъ пути. Подобный способъ перемѣщаться очень удобенъ во время нерѣдко случающихся пожаровъ (положимъ, не для того околотка, куда спускается вереница горящихъ домовъ!) и вообще практиченъ съ точки зрѣнія дешевыхъ переездовъ изъ любого коммерчески интереснаго пункта въ другой, — причемъ лодочки-душегубки (ими же обладаетъ почти каждый туземецъ, какъ сартъ длинноухимъ ишакомъ въ Туркестанѣ) чрезвычайно упрощаютъ это дѣло, при водвореніи на новомъ устоѣ. Въ часы прилива бангкокцы утилизируютъ его для подъема вверхъ по Менаму. Вотъ она — Венеція тропиковъ, столица Сіама!

СИАМСКОЕ ЖИЛЬЕ.

Мы становимся на якорь противъ высшаго бангкокскаго училища Сунандалая, созданнаго въ память самой любимой покойной королевы. Къ яхтѣ подходятъ, за Ихъ Высочествами и свитой, страннаго типа узкія гребныя суда (почти пироги дикарей по размѣрамъ и быстротѣ весельныхъ движеній). Десятки костюмированныхъ въ алую одежду молодцевъ съ рѣзкими криками гребутъ подъ команду запѣвалы-рулевого. Носъ каждой такой характерной ладьи высоко изогнутъ, разукрашенъ въ формѣ чудища, позолоченъ. Посреди сидѣній гребцовъ, съ ихъ живописными шишаками краснаго цвѣта, устроенъ убранный подушками павильончикъ, гдѣ можетъ тѣсно помѣститься лишь нѣсколько человѣкъ.

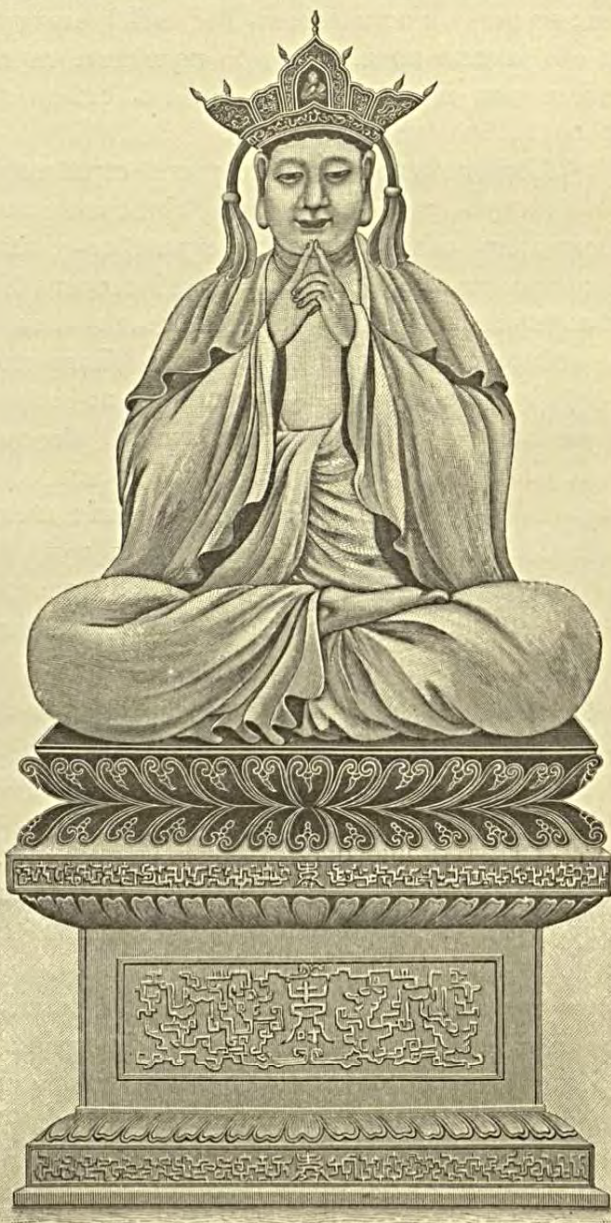
Подъ грохотъ привѣстныхъ и отвѣтныхъ салютовъ, въ разстилающемся дыму, скользимъ мы къ декорированной пристани, на которую прибылъ встрѣчать Наслѣдника Цесаревича повелитель единственно самобытнаго индо-китайскаго государства.

Съ тѣхъ поръ что на Менамъ прибыло блестящее посольство Людовика XIV, туземцы не испытывали одинаковыхъ чувствъ радостнаго смущенія и полного довѣрія, не встрѣчали никого съ болѣшимъ радушіемъ, нетерпѣніемъ и надеждой. Однако въ первыхъ европейцахъ (начиная съ португальцевъ, которые овладѣли городомъ Малаккой, признававшей власть сіамскаго короля, а затѣмъ единовременно продавали себя, въ лицѣ наемниковъ, Бирмѣ противъ Сіама, Сіаму же противъ Бирмы) сіамцамъ вскорѣ пришлось горько разочароваться. Представители «бѣлой» расы шли сюда, чтобы обогащаться и повелѣвать. Имъ дѣла не было, какъ это можетъ отозваться на туземномъ населеніи. Въ результатѣ получились и непріязнь, и опасенія по отношенію къ пришельцамъ изъ-за моря. Совершенно иначе должны смотрѣть и фактически смотрятъ на насъ уже всѣ подпавшіе или еще подпадающіе подъ европейское иго народы Востока. Они знаютъ могущество Бѣлаго Царя, у ногъ котораго покоится цѣлая родная ему Азія, — знаютъ, что въ вопросахъ внѣшней не колоніальной, а исключительно территоріальной политики Россіи не нужны тотъ мишурный блескъ, за которымъ по дѣтски гонятся менѣе ея увѣренныя въ конечномъ успѣхѣ предприимчиво-безпокойныя націи Запада, — главнымъ образомъ цѣнятъ въ насъ то высокое качество, что мы по мѣрѣ силъ всегда вносили и вносимъ въ хаосъ собственной и чужой жизни начала прямоты и безыскусственной доброты, жажду настоящаго подвига во имя святости самого подвига, взглядъ на чело-вѣка всякаго племени и всякой вѣры, какъ на Божье созданье, которое намъ не можетъ не быть близко и по плоти и по духу. На такой-то основѣ русскаго національнаго характера и непосредственныхъ христіанскихъ идеаловъ сложилась наша «крѣпкая по однородности состава» хотя и разноязычно-пестрая имперія, творчески вліяющая на каждый тяготящій къ ней уголокъ азіатскаго материка. Кроткое, хотя и храброе на войнѣ, буддійское населеніе на Менамѣ инстинктивно чувствуетъ свою внутреннюю связь съ державой далекаго Сѣвера, не стремящагося здѣсь ни къ захватамъ, ни къ власти, ни къ правонарушеніямъ. Дружба съ нимъ была бы обусловлена совершенно безкорыстными съ его стороны побужденіями. Ускользавшее до сихъ поръ отъ непрощенной европейской опеки и гегемоніи индо-китайское царство, благодаря его незримой нравственной поддержкѣ въ моменты неравной борьбы съ сосѣдями, и впредь надѣялось бы на сохраненіе независимости. Говорятъ, что его величество король Чулалонкорнъ оповѣстилъ свой народъ, что къ нему ѣдетъ Гость, котораго слѣдуетъ считать за народнаго Гостя, встрѣтить и почтить отъ всей души, привѣтствовать не только какъ Царственнаго путешественника, но и какъ Друга.

Парадная форма сіамскаго двора при всей своей оригинальности далеко не лишена элегантности, на европейскій взглядъ, — причемъ однако подходитъ къ облику облеченныхъ въ нее, чего напр. не скажешь про сановныхъ японцевъ. На Менамъ видимо умѣютъ согласовать національныя эстетическія требованія съ высшими общечеловѣческими. Культъ Европы ни на минуту не позволяетъ тутъ забыть, что не все внѣшнее отсюда примѣнимо къ представителямъ туземной коричневой расы «саямъ» (т. е. красной), давшей наименованіе самой странѣ, но величающей себя гордымъ прозвищемъ «тай» (свободная), которое ей въ сущности по праву принадлежитъ вотъ уже свыше тысячи лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ она свергла иго Камбоджіи и успѣшно отражала въ теченіе вѣковъ грозныя нападенія болѣе могущественныхъ единоплеменниковъ.

Полдень близко. Воздухъ кажется раскаленнымъ. У декорированной пристани (привѣтственная «русская» надпись на сооруженной здѣсь бесѣдкѣ составлена однимъ курляндцемъ, прибывшимъ искать счастья въ Сіамѣ), вокругъ осѣненного зонтомъ повелителя толпятся принцы крови и царедворцы въ красивыхъ пробковыхъ шлемахъ, въ шитыхъ золотомъ шелковыхъ мундирахъ и такихъ же синихъ продолженіяхъ (собственно одной ткани «панунгъ», обматываемой вокругъ бедръ), въ бѣлыхъ высокихъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками.

Наслѣдникъ Цесаревичъ въ парадной лейбъ-гусарской формѣ выходитъ на берегъ изъ фантастической «пирогѣ» (съ 46 театрално наряженными гребцами) подъ небольшую арку, у которой встрѣчаетъ Е. И. Высочество король Чулалонкорнъ. Титулъ его величества *in extenso* довольно трудно заразъ произнести (Phra-Bad-Somdetch-Phra-Paramindr-Maha-Tschulalonkorn-Phra-Tschula-Tschau-Klao-Tschau-Yu-Hua), но онъ быстро запоминается, если вникнуть въ смыслъ большинства словъ, представляющихъ ничто иное какъ перечень обычныхъ названій или точнѣе величаній царя на туземномъ языкѣ. Такъ, напр. «чау» означаетъ «князь»; «сомдечъ» — «могущественный», «достовластный»; «параминдръ» — «выдающійся», «преславный»; «чулалонкорнъ» — «малая діадема» (въ противоположность прежнему царю-отцу,

КИТАЙСКІИ БУДДА.

титоловавшемуся «Маха-Монгкутъ» — «великая корона») и т. д. Сіамскій титулъ «пра» или «фра» (божество или великій господинъ) происходитъ отъ древне-индійскаго «прабу» (владыка) и соотвѣтствуетъ египетскому слову «фараонъ». Иногда такъ говорятъ, обращаясь къ буддійскимъ жрецамъ, вродѣ того какъ на монголо-тибетскомъ Сѣверѣ ихъ принято титуловать ламами. По настоящему на Менамѣ существуетъ обычай, какъ и вообще на всемъ мистическомъ Востокѣ, величать государя множествомъ эпитетовъ, не называя его только по имени, ибо послѣднее свято и недостойно быть достояніемъ толпы, — отчасти уже и потому, что можетъ сдѣлаться объектомъ вражескихъ чаръ, предметомъ злокозненнаго навожденія.

Сорокалѣтній, средняго роста, стройный красавецъ-король (онъ не имѣетъ по внѣшности ничего грубо-туранскаго, физически не похожъ на монголо-малайца, а напротивъ напоминаетъ скорѣе по типу европейца-южанина съ чрезвычайно пріятнымъ голосомъ и лучистыми глазами) радостно привѣтствуетъ Желаннаго Гостя и знакомитъ Августѣйшихъ путешественниковъ со своею многочисленною семьей. Его величество, пожалуй, имѣетъ отдаленное сходство съ несчастнымъ Людовикомъ II Баварскимъ.

Красное сукно. Совершенно по западному выстроенный почетный караулъ, со знаменемъ и музыкой. Нашъ гимнъ, богомольно уносящій въ область родныхъ звуковъ И это Сіамъ?! Какъ странно, должно быть, его кореннымъ жителямъ смотрѣть на мѣховые уборы, на сверкающія каски лицъ русской свиты! Средь такого зноя до чего нестерпимо тяжело въ нашихъ туго застегнутыхъ мундирахъ!

Путь отъ рѣки къ центральному дворцу «Чакра-Кри» выложенъ свѣтлыми цыновками съ Филиппинскихъ острововъ, тянется на половину обращенными въ шатеръ переулками среди дворцовыхъ и кумиренныхъ оградъ, занятъ бравыми войсками. На шлемахъ у пѣхотинцевъ — золоченныя украшенія. Обувь у большинства отсутствуетъ. Обмундировка: бѣлое съ синимъ.

Впереди шествія идутъ церемоніймейстеры съ посохами. Надъ державнымъ хозяиномъ страны и Ихъ Высочествами по древнему обычаю несутъ зонты внушительныхъ размѣровъ. Мы много слышали уже въ Индіи, при упоминаніи про ея исторію, объ этихъ эмблемахъ власти; но воочию онѣ особенно намъ бросились въ глаза лишь на Явѣ, а теперь и тутъ: въ раскрывающемся тысячею оригинальныхъ образовъ, глубоко привлекательномъ Сіамѣ! Впрочемъ, насколько я могу судить по литературѣ путешествій, зонты играли повсюду роль и въ болѣе сѣверныхъ областяхъ Индо-Китая. Напр. когда въ 1819 г. одна американская экспедиція прибыла къ кохинхинскому побережью и ждала разрѣшенія идти далѣе въ Сайгонъ, убогіе и полудикіе прибрежные жители пріѣзжали неоднократно знакомиться съ иностранцами, — причемъ старшина, за панибрата обращавшійся со своими подчиненными, тѣмъ не менѣе ни шагу не дѣлалъ на чужомъ кораблѣ безъ провожатаго, державшаго зонты надъ его головою. Даже въ каюту упрямый туземецъ не соглашался спускаться, не взявъ съ собой этого важнаго атрибута сановности. Однако на Востокѣ принято обходиться и безъ него, когда требуетъ благоговѣніе къ обстановкѣ: между прочимъ, никакой самый важный сановникъ Бирмы не сталъ бы въ молитвѣ обходить капища даже извнѣ подъ требуемымъ по этикету зонтомъ. Послѣдній до такой степени является необходимымъ подчасъ (въ символическомъ отношеніи), что намъ — людямъ Запада по воспитанію и взглядамъ — сначала даже трудно представить себѣ внутренній смыслъ обычая, если онъ напр. примѣняется къ неодушевленнымъ предметамъ: во время пріема посольства Людовика XIV сіамскіе сановники положили письма Папы и короля къ монарху на Менамѣ въ золотыя корзинки, поставили ихъ

на дорогѣ носилки и понесли подъ большимъ распушеннымъ зонтомъ — среди войска, подъ музыку — во дворецъ. Иначе, конечно, и не могли поступить представители культуры, наиболѣе чтущей на землѣ власть духовныхъ іерарховъ и свѣтскихъ владыкъ народа!

Передъ нами широкій мощеный дворъ: съ огромными фонарями, съ уродливо подстриженными деревьями въ кадкахъ, съ пышнымъ фронтономъ главнаго дворца, куда направляется наше блестящее шествіе. Онъ сооруженъ весьма недавно, стоилъ неимо-
вѣрно крупныхъ суммъ, краснозеленой крышей напоминаетъ кумирню, мраморными мозаич-
ными лѣстницами и сверкающими позолотой колоннадами фасада переноситъ далеко отъ
Сіама — въ сферу кипучей западной жизни, западнаго
шей архитектуры. Мы много, — пожалуй, слишкомъ
и многимъ любовались за послѣднюю
зиму; но такого страннаго и парал-
лельно съ тѣмъ гармоничнаго по очер-
таніямъ зданія я что-то не запомню. Сочетаніе цвѣтныхъ камней и экзоти-
ческихъ красокъ, могучіе изгибы кров-
ли, художественный портретъ короля,
высоко надъ входомъ подъ нею (въ
желтой стѣнѣ), богатая бронзовая от-
дѣлка, кадящіе благоуханіемъ цвѣты
въ изящныхъ вазахъ на занавѣшен-
ныхъ ажурными тканями окнахъ и
вдоль заставленнаго растеніями «рас-
писнаго» крыльца, по ступенямъ кото-
раго около слоновыхъ изваяній стоятъ
въ багряномъ одѣяніи смуглые тѣло-
хранители и слуги Шехеразада
разсказала бы своему султану еще не
одну дивную сказку, если бы пишу
ея фантазіи далъ непосредственно въ
двухъ шагахъ отъ насъ вырастающій
подъ огненнымъ небомъ, безконечно
причудливый по формамъ, озаренный
какою-то мягкою и таинственной не-
увядающею красотой, издавна чарующій пришельцевъ уединенно-свободный Сіамъ!

вкуса и новѣй-
много видѣли

КОЛОССАЛЬНЫЙ ЯПОНСКІЙ ШАКЪЯ-МУНИ.

Въ углубленіи роскошнаго входнаго зала виднѣется на возвышеніи своеобразный престолъ. Полъ тутъ выложенъ цвѣтными квадратами мрамора, сквозь окна гдѣ-то на-
верху льется полусвѣтъ, массивныя люстры съ лампами придаютъ черезчуръ европейскій от-
печатокъ орнаментированному въ восточномъ стилѣ потолку. У стѣнъ — колонны (вродѣ
тѣхъ, что у подѣзда). На престолъ ведутъ, къ полукруглому подножію, пять ступеней;
на сидѣніи — подушки, надъ нимъ же — длинный зонтъ съ семью съуживающимися бал-
дахинами. Надъ двумя дверьми по сторонамъ трона красуются слоновья головы (по три
сросшихся надъ каждой дверью, точно у Тримурти въ браминской Индіи) съ переплет-
шимися клыками и сіамской короной сверху. Кромѣ того, вдоль атриума обращаютъ на
себя вниманіе необыкновенныхъ размѣровъ канделябры, почетные зонты, старинное царское
оружіе и щиты, а также двѣ картины изъ исторіи общенія Сіама съ Европой, или точнѣе

съ Франціей, упорнѣе и суровѣе другихъ націй стукавшейся въ него. Тѣмъ страннѣе видѣть на стѣнахъ дворца «Чакра-Кри» работу западныхъ художниковъ, ярко изображающую приемы посольствъ, тщетно пытавшихся тѣснѣе закрѣпить связь радикально иной и далекой заморской чужеземщины со страной на Менамѣ!

Августѣйшіе путешественники идутъ съ королемъ и старшими по рангу принцами въ его приемный кабинетъ, гдѣ должна послѣдовать торжественная инвеститура Ихъ Высочествъ туземными орденскими знаками. Его величество проситъ Великаго Князя возложить на себя священную въ глазахъ мѣстнаго народа яркожелтую ленту «Чакра-Кри», по рожденію присвоенную исключительно владыкамъ края, братьямъ и сыновьямъ царя (въ нѣкоторомъ родѣ, такъ-сказать, Св. Андрея Первозваннаго индо-буддійскихъ земель). Принцу Георгію Греческому подносится орденъ Бѣлаго Слона первой степени.

Въ виду того что «чакра» есть ничто иное какъ «колесо», «кругъ», «солнце», а при случаѣ «пламенный дискъ» громовержца Индры, т. е. эмблема всеокрушающей мощи въ ирано-туранской борьбѣ за преобладаніе надъ полуденной Азіей, — обрядъ увѣнчанія этимъ восточнымъ орденомъ «міродержавной власти» Первенца Бѣлаго Царя и съ культурно-исторической точки зрѣнія преисполненъ значенія. Подъ словомъ Чакравартинъ умъ индуса, китайца, монгола подразумѣваетъ совершеннѣйшее существо, являющееся въ тѣлесной оболочкѣ править человѣчествомъ. Вмѣстѣ съ лентой его величество передаетъ Высокому Гостю оригинальную грамоту, которую стоитъ дословно привести.

«Сомдечъ Фра Параминдръ Маха Чулалонкорнъ, король сѣвернаго и южнаго Сіама съ прилегающими владѣніями, облачаетъ Русскаго Престола наследника въ званіе почетнаго рыцаря пресвѣтлаго ордена Дома Чакра-Кри Сіамскаго. Да послужитъ это Наслѣднику Цесаревичу удовлетвореніемъ въ будущемъ! Наивысшая Сила міра да сохранитъ Е. И. Высочество и даруетъ ему всякое благополучіе!

Указъ данъ при нашемъ дворѣ Чакракри Махапрасадъ въ Бангкокѣ. Пятница 11-ый день новолунія луннаго мѣсяца Багунайнь, года Кхарнъ, втораго въ декадѣ, 1252-аго сіамской астрономической эры, соотвѣтствующаго европейскому 20 марту 1891, въ 8165-ый день и 23-ій годъ моего царствованія.»

При инвеститурѣ русская свита и мѣстные царедворцы оставались въ длинной большой залѣ-галлерей, примыкающей къ атриуму. Она украшена цѣлымъ рядомъ портретовъ (масляными красками) королевъ и первенствовавшихъ королевъ нынѣ правящей съ прошлаго вѣка династїи, а также многочисленными подарками иностранныхъ дворовъ. Хотя уже прошло добрыхъ полчаса, а не нѣсколько мгновеній, что мы вступили въ черту бангкокскихъ достопримѣчательностей, — все еще невольно чувствуешь потребность время отъ времени протереть себѣ глаза съ вопросомъ: да на яву-ли это? Какія симпатичныя впечатлѣнія!

Парадные старомодные экипажи съ прислугой въ алой одеждѣ ожидаютъ у главнаго крыльца, чтобы отвезти Августѣйшихъ путешественниковъ въ приготовленный для Нихъ дворецъ Саранромъ. Его величество ѣдетъ проводить туда Высокихъ Гостей. Отрядъ уланъ (въ алыхъ мундирахъ, темносинихъ брюкахъ и безъ шпоръ) съ краснобѣлыми значками, на крѣпкихъ и крупныхъ лошадяхъ австралійской породы конвоируетъ царскую коляску. У саранромскихъ палатъ выстроены почетный караулъ. Знакомый Цесаревичу по Сингапуру генералъ-маіоръ принцъ Кромъ Мунъ Дамронгъ Раджануфабъ, министръ народнаго просвѣщенія или точнѣе духовныхъ дѣлъ (т. е. завѣдывающій монастырями и монахами, центрами благочестія и учителями народа) встрѣчаетъ Е. И. Высочество у входа въ Его покои. При видѣ молодцеватыхъ сіамскихъ солдатъ, каждый разъ испытываешь

чувство удовлетворенія. Воочію убѣждаешься, какъ легко можетъ даваться военное дѣло роднымъ намъ по характеру азіатамъ, когда они начинаютъ ему обучаться у западныхъ націй. Бангкокское правительство благоразумно беретъ себѣ инструкторовъ изъ Даніи, изъ Италіи, — откуда угодно, только не отъ естественныхъ своихъ враговъ: англичанъ и французовъ. Хотя въ странѣ споконъ вѣка существуетъ всеобщая воинская повинность, однако специально развѣзжающіе по государству офицеры набираютъ на службу наиболѣе годную для нея молодежь и въ результатѣ пока получается превосходный матеріалъ. Еще недавно въ рядахъ мѣстнаго образцоваго войска далеко не послѣднее мѣсто занимали аннамиты (между прочимъ, хрістіане изъ Кохинхины). Численность арміи опредѣляется въ 12—18,000 человѣкъ: гарнизонъ Бангкока состоитъ изъ трехъ тысячъ. Королевскій флотъ растетъ. Сіамцы очень искусны въ судостроеніи (вначалѣ они посылали своихъ китайцевъ учиться ему въ Бомбеѣ), имѣютъ порядочныя верфи и много желанія, но мало средствъ заводить у себя все дома въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Матросы преимущественно вербуются изъ малайцевъ на Малаккѣ, а также изъ потомства военнопленныхъ бирманцевъ или уроженцевъ Камбоджіи. Даже жители сѣверныхъ относительно гористыхъ и отдаленныхъ отъ моря областей страны (такъ-называемые лаосы) добровольнѣе поступаютъ во флотъ, чѣмъ обитатели низоваго прирѣчнаго Сіама.

О томъ какъ легко дисциплинировать и вообще учить сіамское войско говорили уже два вѣка тому назадъ французскіе дворяне, посланные на Менамъ защищать тамъ интересы своего правительства, находившаго тогда возможнымъ отъ имени «короля-солнца» писать туземному царю: *«très-haut, très excellent, très-puissant et très-magnanime prince, nôtre très-cher et bon ami, Dieu veuille augmenter vôtre grandeur!»* Теперь въ Парижѣ и значенія не придаютъ связямъ съ сіамцами: между тѣмъ, разница въ могуществѣ и положеніи въ ту пору едва-ли не рѣзче бросалась въ глаза. Правда, въ то время еще умѣли и хотѣли быть вѣжливыми!

СВАСТИКА НА ГРУДИ КИТАЙСКАГО ШАКЬЯ-МУНИ.

Послѣ отдыха днемъ Августѣйшіе путешественники направляются въ прилегающій къ Ихъ дворцу паркъ, въ которомъ расположено нѣсколько небольшихъ капищъ съ необычайно удлиненными шпильми, переливающимися на солнцѣ цвѣтными огнями своихъ точно эмалированныхъ граней, и виднѣтся на искусственныхъ холмикахъ группа павильоновъ, кіосковъ, бесѣдокъ. Сейчасъ передъ Ихъ Высочествами должна прослѣдовать процессія королевскихъ «бѣлыхъ» слоновъ. Каждый изъ насъ (какъ, впрочемъ, и весь образованный Западъ) такъ много слышалъ объ этихъ рѣдкостныхъ животныхъ, что не безъ разочарованія узнаешь, что въ данную минуту въ Бангкокѣ таковыхъ нѣтъ. Между грязно-сѣрыми ручными гигантами бываютъ только иногда два-три чуть-чуть посвѣтлѣе или, точнѣе сказать, потусклѣе: съ хитрыми красными глазками и чрезмѣрно развитыми хоботами, клыками. Послѣднее очень цѣнится, увеличиваетъ обаяніе избранныхъ слоновъ. Я замѣтилъ, что окружающіе насъ интеллигентные сіамцы неохотно говорятъ о «бѣлыхъ» представителяхъ этого рода животныхъ и отрицаютъ правдивость рассказа туристовъ, будто имъ отдаются народомъ почти божескія почести. Во всякомъ случаѣ на флагѣ Сіама красуется среди краснаго поля характерное изображеніе «бѣлаго» слона. Фактически онъ отсутствуетъ. Подъ видомъ его подразумеваютъ легендарное существо высшаго порядка.

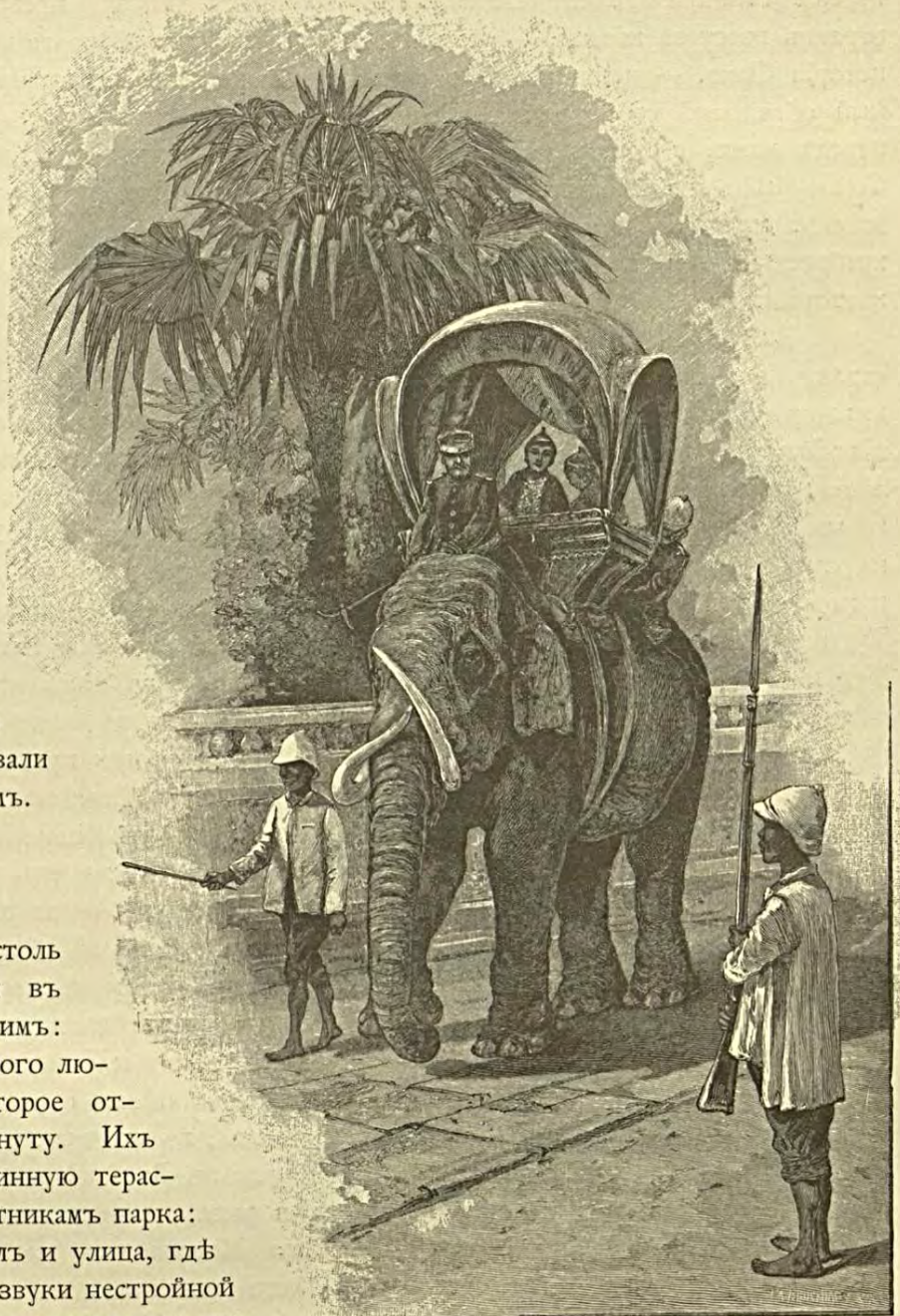
Почему-то и въ Индо-Китаѣ, и въ малайскихъ земляхъ (навѣрно тоже въ древней Индіи, въ древнемъ Китаѣ) съ понятіемъ объ албиносахъ связана увѣренность въ ихъ сверхъестественномъ происхожденіи. Хотя послѣдніе всегда болѣе или менѣе болѣзненны, сугубая ненормальность имъ не ставится въ упрекъ, а скорѣе наоборотъ. Такихъ хилыхъ дѣтей напр. нерѣдко берутъ на свое полное попеченіе туземные князья, щедро одаривъ передъ тѣмъ родителей страннаго блѣднолицаго ребенка.

«Бѣлые» слоны на Востокѣ — въ почетѣ съ незапамятныхъ временъ. Можно приводить тому примѣры до безконечности. Самаркандскій владыка Афрасіабъ, водившій эпическія полчища Турана на Иранъ, въ числѣ союзниковъ имѣлъ какого-то хана (изъ китайскихъ предѣловъ) на «бѣломъ» боевомъ гигантѣ. Будда таинственно сошелъ въ лоно Майи жемчужнымъ облакомъ, въ которомъ плылъ къ ней съ неба священный по самому существу своему «бѣлый» слонъ. На лѣтнихъ празднествахъ ламаитовъ въ Сибири въ честь ихъ Мессіи (Майдари) инородцы возятъ на колесницѣ грубо сдѣланную фигуру такого животного. Послѣдній «джина» (побѣдитель грѣха) рисуется джайнистамъ въ Индіи какъ «бѣлый» слонъ.

Въ 1342 г. престолонаслѣдникъ Ціампы (Кохинхины, въ восточныхъ предѣлахъ средняго Индо-Китая), прося помощи у Аннама противъ мятежниковъ, послалъ туда въ даръ «бѣлаго» слона и бѣлую лошадь. Когда въ началѣ XV вѣка китайцы овладѣли этой послѣдней страною и, наложивъ на нее тяжелое иго, стремились окитаить всѣ существовавшіе тамъ порядки и обычаи народа, новые правители стали жестоко его обирать и эксплуатировать естественныя богатства края: въ ряду главныхъ приманокъ хищникамъ были такъ-называемые «бѣлые» слоны, на ловлю которыхъ выгонялись въ лѣсную и нагорную глушь тысячи аннамитовъ.

Два такихъ албиноса попали въ Европу: первый (*elephas albus* поэта Горация) — при императорѣ Августѣ, увеселявшемъ жадный до зрѣлищъ Римъ всякими заморскими чудесами; втораго «бѣлаго» слона привезли въ 1633 г. голландцы. Приблизительно въ ту же пору Великому Моголу доставили съ востока подобное же животное. Когда въ VII столѣтіи императоръ Ираклій воевалъ съ персами, Хозрой имѣлъ за Тигромъ (въ числѣ несмѣтныхъ сокровищъ) «бѣлыхъ какъ снѣгъ» слоновъ. На одномъ изъ такихъ животныхъ

разбилъ тюркскія кочевыя племена (между Араломъ и Аму-Дарьей) извѣстнѣйшій султанъ одиннадцатаго вѣка Махмудъ Газневидъ. Великій буддійскій ученый Буддагоша, отправившійся съ материка на Цейлонъ всесторонне ознакомиться съ палійскою литературой, по возвращеніи обратно, — встрѣченный бирманцами, тибетцами, сіамцами и аннамитами на родномъ побережьи, — вручилъ единовѣрцамъ драгоцѣннѣйшіе для нихъ рукописные памятники съ острова Ланки. Ихъ немедленно помѣстили подъ свѣтлый балдахинъ, съ золотомъ и пурпуромъ, и подняли затѣмъ на спину «бѣлаго» слона. Изъ-за обладанія ему подобными неоднократно съ ожесточеніемъ враждовали въ послѣдствіе Бирма и Сіамъ.

СИАМСКІЙ ПРИНЦЪ
НА ПАРАДНОМЪ ГИГАНТѢ.

Ничего подобнаго столь сказочной пышности мы въ данную минуту не увидимъ: достаточно, впрочемъ, и того любопытнаго зрѣлища, которое открывается въ данную минуту. Ихъ Высочества взошли на длинную террасу, примыкающую къ цвѣтникамъ парка: за нею расположены каналъ и улица, гдѣ медленно движется, подъ звуки нестройной туземной музыки, весьма оригинальное шествіе. Впереди выступаютъ рабы или точнѣе военнопленныя, а также преступники, приставленные служить слонамъ, и несутъ дорогіе подарки, пожертвованные имъ вѣрующими буддистами. Затѣмъ бредутъ четыре пестро разукрашенныхъ гиганта. Если очень напрягать зрѣніе и особенно воображеніе, то какъ-будто замѣчаешь у нихъ относительную бѣлизну кожи на плечахъ и ушахъ. Вообще же это — слоны какъ слоны Вполнѣ понятно нежеланіе образованныхъ сіамцевъ

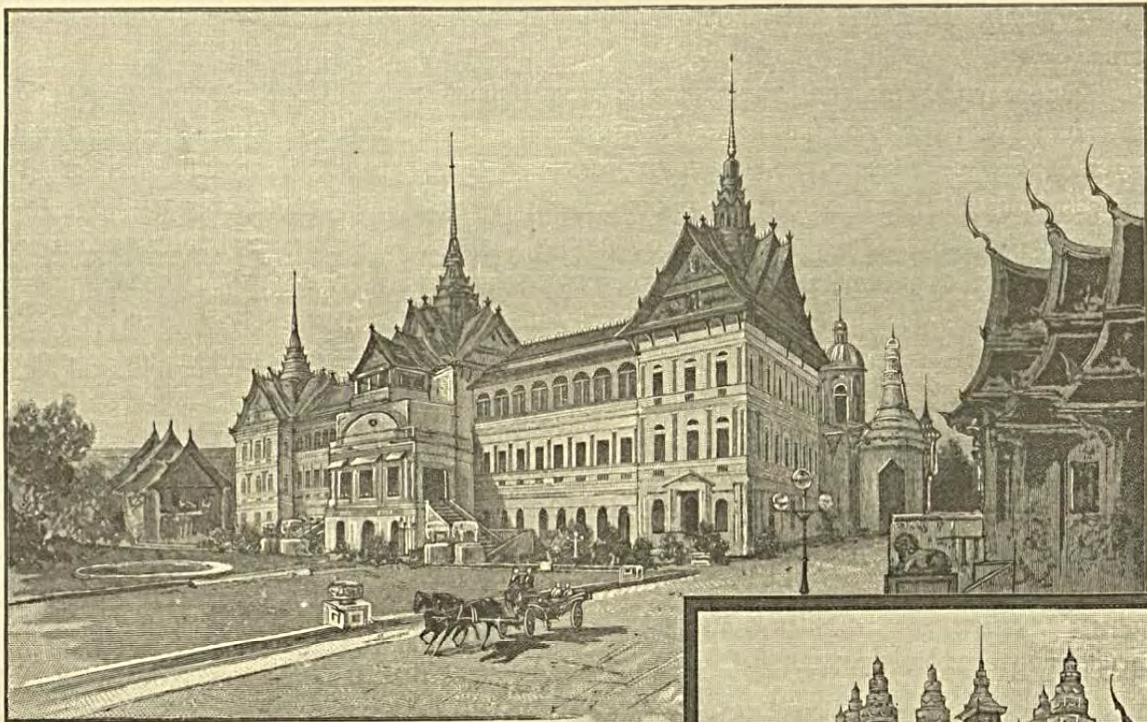
распространяться на тему о культѣ этихъ животныхъ. Да и не созданы-ли басни о немъ поверхностно судящими европейцами-туристами?

Вокругъ животныхъ идутъ въ средневѣковомъ одѣяніи (съ луками и копьями) царскіе тѣлохранители. Поставленный въ паркѣ, внизу, превосходный оркестръ короля играетъ пьесу за пьесой, — пока мы любуемся бытовой картиной, выхваченной изъ яркой исторіи Сіама, — и удивительно странно вторженіе въ его древній нынѣ чисто декоративный обрядовый строй разныхъ оперныхъ мелодій и вальсовъ, — когда рядомъ, тутъ же передъ нами, стонутъ раковины и гудятъ тамъ-тамы. Конечно, встарь подобныя процессіи были куда богаче по составу и размѣрамъ. Въ гвардіи сіамскаго владыки насчитывалось, напр. въ прежнее время до 600 причудливо вооруженныхъ японскихъ бойцовъ, храбрость коихъ славилась на дальнемъ Востоку. Здѣсь они одно время играли роль преторіанцевъ.

Знакомясь съ перечнемъ событій изъ относительно не очень давняго прошлаго страны, наталкиваешься на совершенно неожиданные факты, которые съ поразительнымъ краснорѣчіемъ свидѣлствуютъ, какъ мало рассовыхъ предубѣждений питалъ умный буддійскій народъ на Менамѣ. Когда нѣкоторые внѣ закона стоявшіе (въ серединѣ XVI столѣтія) португальцы стали черезчуръ тѣснить ачинскія побережья и грозили прервать торговые и дружественныя сношенія Суматры съ Сіамомъ, тогдашній король призвалъ къ себѣ на службу янычаръ, случайно заброшенныхъ въ его края изъ Египта кораблекрушеніями, и поручилъ имъ за дорогую плату расправиться съ европейцами-пиратами. Выходцы изъ Турціи очень цѣнились въ эту эпоху на Востоку за свое искусство въ ратномъ дѣлѣ. Турки обѣщали помощь и снарядились, но попали на морѣ въ засаду среди какихъ-то острововъ и почти всѣ (въ количествѣ до 300 человекъ) погибли. Очевидно, сіамцы не гнушались ничуть общенія даже съ самыми фанатичными мусульманами!

Среди процессіи, передъ нами, особенно выдѣляется боевой слонъ съ клыками изумительной величины. На него наброшена драгоцѣнная попона. Сверхъ «ховды» (сѣдалища) прикрѣпленъ балдахинъ. Подъ нимъ красуются знамена и хвосты яковъ, а также разнообразное холодное оружіе. Человекъ въ шлемѣ, — за спиною котораго (почти у хвоста животного) сидитъ вожакъ съ длиннымъ острымъ багромъ, — проѣзжая мимо, машетъ павлиньими перьями: въ подражанье полководцу, распоряжающемуся въ сѣчѣ. И здѣсь, въ глухомъ Сіамѣ, войска еще съ древности знали, что такое «элефантархи» (*magistri elephantorum*)! Сколько сраженій выиграно было исключительно благодаря имъ! Какую роль въ жизни азіатскихъ народовъ играли цѣлые отряды подобныхъ исполиновъ, рѣшавшіе участь важнѣйшихъ битвъ! На Западѣ, въ старину, эти страшилища опьянялись еще передъ боемъ пряными винами, на иранскомъ Востоку — питьемъ изъ пришедшихъ въ броженіе соковъ сахарнаго тростника и риса, настоенныхъ ладаномъ и миррой, на Цейлонѣ — опиумомъ. Въ станѣ Великаго Могола ихъ для свирѣпости откармливали мясомъ. Можно себѣ представить, до чего ужасны становились взбѣшенныя слоны. Тотъ, который теперь парадуетъ передъ взорами Ихъ Высочествъ, и такъ уже подавляетъ величіемъ осанки. Глядя на него, понимаешь Александра Македонскаго, посвятившаго небу лучшее изъ взятыхъ на бранномъ полѣ животныхъ. Завоеватель приказалъ убить четвероногаго гиганта золотомъ и серебромъ, надѣтъ ему кольца на клыки съ надписью: «сынъ Зевса жертвуетъ этого слона Солнцу». По аналогичной причинѣ на эллинскихъ монетахъ въ послѣдствіе изображались слоны съ факеломъ въ хоботѣ, — слоны, раздавливающіе змѣя и т. п.

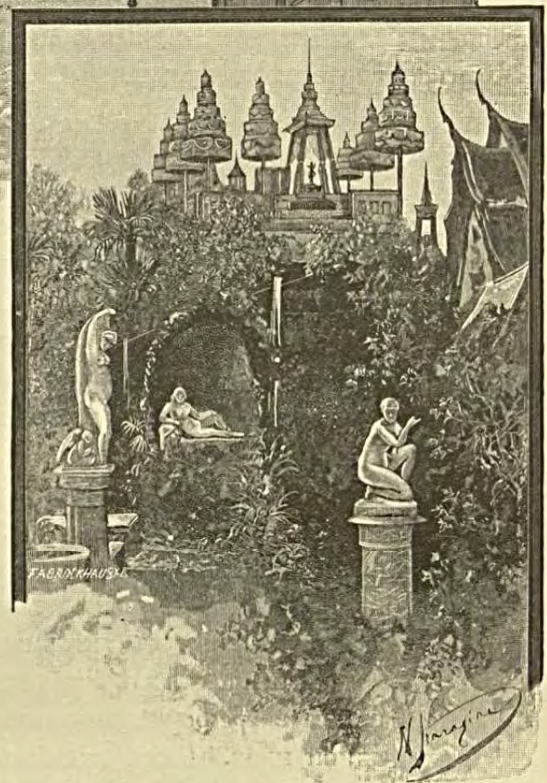
Августѣйшіе путешественники спускаются съ терассы, чтобы поближе взглянуть на сіамскихъ боевыхъ исполиновъ, и затѣмъ проходятъ на уставленную стульями лужайку,

ГЛАВНЫЙ ДВОРЕЦЪ.

гдѣ Имъ предстоитъ ознакомиться въ общихъ чертахъ съ характеромъ иныхъ національных игръ и забавъ. На арену выходятъ борцы (сіамцы и малайцы). Раньше чѣмъ схватиться они молитвенно подносятъ руки къ челу и кланяются Высокимъ Гостямъ. Способы единоборства — тѣ же, что и повсюду на Востокѣ.

Изъ-за деревьевъ парка выѣзжаютъ на маленькихъ огневыхъ коняхъ оригинальные всадники въ средневѣковой одеждѣ. Фигуры словно выхвачены изъ полуфантастическихъ лѣтописей страны, когда Индо-Китай разрывался внутренними смутами и братоубійственными войнами. На витязяхъ — кольчуги, у пояса — ятаганы. Явились эти отошедшіе въ область преданій бойцы, чтобы показать примѣрное сраженіе на копьяхъ. Какъ-то въ старину, на войнѣ, одинъ изъ царей Сіама умертвилъ въ такомъ поединкѣ владыку Бирмы и заставилъ испуганное войско его бѣжать. Нѣкоторые изъ сіамскихъ рыцарей, на импровизированномъ турнирѣ, держатъ маленькіе деревянные щиты, обтянутые тигровыми шкурами. Лошади красиво убраны драгоценными металлами и шелками. Благородный животныя — изъ сѣверныхъ «лаосскихъ»

ПАРКЪ У ДВОРЦА САРАНРОМЪ.

областей, славятся красотой и бѣгомъ, никогда не ходятъ въ упряжи. Три экземпляра ихъ еще покойнымъ королемъ присланы были въ парижское «Société d'acclimatation».

Вслѣдъ за блестящими вершниками ристалище занимаютъ искуснѣйшіе игроки въ мячъ, — люди, доведшіе этотъ спортъ въ Бирмѣ и Сіамѣ до высшей степени совершенства.

Мячики сплетены изъ тростника и легки какъ пухъ. Подброшенные на воздухъ ногой, они уже не должны коснуться земли, пока хватаетъ умѣнія у играющихъ, которые однако не смѣютъ ловить и отбрасывать мячъ рукой. Послѣдніе дѣйствительно съ поражающимъ проворствомъ и уморительными ужимками подставляютъ ему локоть, плечо, макушку головы, лобъ, колѣно, пятку, спину, — снова подбрасываютъ и безъ отдыха мечутся за взлетающимъ и падающимъ мячикомъ, щеголяя другъ передъ другомъ плавностью движеній. Въ свѣтлошелковыхъ, плотно облегающихъ тканяхъ, съ маленькими повязками на головѣ, сіамскіе спортсмены производятъ крайне забавное и симпатичное впечатлѣніе.

Покидая паркъ, Ихъ Высочества идутъ подъ сводами бамбуковыхъ аллей обратно въ свои покои. Почти совсѣмъ стемнѣло. Статуи, вывезенныя изъ Европы, бѣлѣютъ вдоль дорожекъ, ведущихъ къ выходу. Превосходный хоръ военной музыки, весь составленный изъ сіамцевъ, провожаетъ насъ восхитительными созвучіями, уносящими воображеніе домой: далеко отъ этого окружающаго экзотическаго міра и его красотъ Сладостно дышешь и надышаться не можешь послѣ дневной духоты бальзамическимъ вечернимъ воздухомъ, живительною прохладой.

Суббота, 9 (21) марта.

Вчера былъ парадный обѣдъ во дворцѣ «Чакра-Кри» и король пилъ здоровье Государя Императора, Государыни Императрицы. Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ въ свою очередь отвѣчалъ тостами за августѣйшаго хозяина и сіамскую королеву.

За столомъ присутствовали почти исключительно ближайшіе родственники его, поражавшіе (какъ напр. молодой принцъ Свасти) глубиной образованія, ума и такта. Европа ихъ видимо не поработила въ духовномъ отношеніи, а только плодотворно воздѣйствовала на природныя способности и благородный характеръ членовъ туземной царской семьи. Это и не удивительно! Уже отецъ его величества, король Чулалонкорна, справедливо считался замѣчательнымъ человѣкомъ. Устраненный смолodu отъ престолонаслѣдія онъ предался монашеской жизни, достигъ глубокой учености, изучилъ кромѣ священнаго для южныхъ буддистовъ языка пали и санскрита главныя индо-китайскія нарѣчія, сносно ознакомился черезъ моряковъ съ англійскимъ и черезъ миссіонеровъ съ латинскимъ. Корона досталась ему почти наклонѣ лѣтъ, но онъ (прямо изъ монастыря!) бодро и съ гуманными чувствами взялся за реформы, созналъ необходимость усвоенія важнѣйшихъ матеріальныхъ формъ западной цивилизаціи, стяжалъ себѣ почетное имя въ качествѣ ревнителя знанія и просвѣщенія. Le Vergier, директоръ парижской обсерваторіи, передъ цѣлымъ образованнымъ міромъ удостовѣрилъ, что этотъ повелитель Сіама безвременно скончался въ 1868 г. изъ-за того, что отправился въ лихорадочныя мѣстности на полуостровѣ Малаккѣ лично помогать успѣхамъ французской астрономической экспедиціи, посланной наблюдать оттуда солнечныя затмѣнія. Престарѣлый монархъ не вынесъ климата и угасъ. Какъ-бы онъ радовался, видя послѣдующіе успѣхи своего потомства и цѣлой страны на стезѣ медленнаго нормальнаго прогресса!

Чертогъ, въ которомъ король чествуетъ Высокаго Гостя, богаче и роскошнѣе всего остального въ «Чакра-Кри». Только одно чрезчуръ утомляетъ взоры и противъ воли омрачаетъ настроеніе: повсюду — красный цвѣтъ, стѣны и потолокъ изъ-за этого производятъ мало-по-малу зловѣщее впечатлѣніе, европейцу подъ конецъ невыносима такая обстановка.

Вечеромъ въ залахъ, вмѣщающихъ сокровищницу его величества (между прочимъ, рѣдчайшій китайскій и японскій фарфоръ), наши взоры плѣнены появленіемъ самой свѣтлоликой королевы Savangwadhana, удивительно изящной по фигурѣ и крайне моложавой на видъ, хотя ей — 28 лѣтъ, а женщины въ тропикахъ старятся рано. Въ лентѣ, орденѣхъ и алмазахъ, въ парчевомъ одѣяніи и «панунгѣ», съ высокими бѣлыми чулками и пряжками на башмакахъ, царица Савангвадана вышла изъ внутреннихъ покоевъ привѣтствовать Августѣйшихъ путешественниковъ и затѣмъ милостиво разрѣшила представить себѣ свиту Цесаревича.

Не въ примѣръ большинству восточныхъ народовъ туземцы обходятся, въ строгомъ смыслѣ слова, безъ теремовъ: потому-то напр. на выставку при Наполеонѣ III сіамскій посолъ могъ привезти съ собою свою жену.

Сегодня намъ предстоитъ осмотръ достопримѣчательностей Бангкока. Въ виду жары это далеко не кажется столь пріятнымъ во время экскурсій, какъ послѣ нихъ, — когда впечатлѣнія отрицательнаго характера понемногу сгладились. Обзорѣніе столицы начнется съ королевскихъ пагодъ. Буддизмъ играетъ первенствующую роль въ жизни страны. Можно безъ преувеличенія сказать, что на немъ зиждется все самое гуманное и хорошее въ народѣ. Широта взглядовъ, радушіе относительно иноземцевъ, уваженіе къ ихъ мыслямъ и чувствамъ высшаго порядка, — таковы качества, привитыя туземцамъ принципами ученія Шакья-муни.

Однако христіанская Церковь почему-то насчитываетъ мучениковъ за вѣру даже среди религіозно-терпимаго Сіама. Въ исходѣ XVI вѣка тамъ почему-то казнили приведеннаго плѣнникомъ изъ Камбоджіи доминиканца Фонсеку. Впрочемъ, это не удержало вскорѣ вслѣдъ затѣмъ многихъ христіанъ, гонимыхъ въ Японіи, искать убѣжища въ Индо-Китаѣ и до сихъ поръ на Менамѣ живутъ потомки ихъ, сохранившіе обликъ изгнанниковъ съ береговъ «страны восходящаго солнца».

Направляясь изъ Парижа въ порученную ему Кохинхину, одинъ въ высокой степени самоотверженный французъ-епископъ (Mgr. de Béruthy), въ міру Pierre de la Motte Lambert, призналъ вполне цѣлесообразнымъ воздѣйствовать на царство аннамитовъ изъ тогдашней сіамской столицы Аюдіи, куда и прибылъ въ 1662 г. послѣ двадцатипятилѣтняго странствованія, пройдя пѣшкомъ со своими миссіонерами опасную глухую дорогу отъ Сурата къ Бенгальскому заливу и отъ Тенассерима къ менамскимъ струямъ. Будь здѣсь тогда развитъ среди туземцевъ безпричинный слѣпой фанатизмъ, ихъ главный городъ не избирался бы исходнымъ пунктомъ западнаго просвѣтительнаго вліянія на смежные имъ языческіе края. Буддисты выказывали чужому іерарху какъ духовному лицу знаки глубокаго уваженія. Но торговавшіе съ Сіамомъ португалцы (особенно, конечно, монахи) заподозрили въ пришельцѣ политическаго врага, потому что не хотѣли имѣть на дальнемъ Востокѣ помощниковъ-единовѣрцевъ съ болѣе широкимъ и гуманнымъ взглядомъ на вещи. За бѣднаго епископа пришлось заступиться индо-китайцамъ и

голландцамъ: иначе его бы насильно схватили и увезли въ Гоа. Когда, семнадцать лѣтъ спустя, измученный постоянными разъѣздами по аннамитскимъ общинамъ, онъ почилъ на Менамѣ, — то всѣ находившіеся тутъ европейцы (и протестанты, и католики), и армяне, и японскіе выходцы (между прочимъ, некрещенные наемники въ стражѣ короля) собрались на погребеніе столь достойнаго проповѣдника.

Если бы индо-китайскіе правители не относились съ полною вѣротерпимостью и гуманностью къ христіанству, развѣ они принимали бы въ торжественныхъ аудіенціяхъ (какъ напр. въ Сіамѣ, въ 1675 г.) епископовъ съ Запада, чествуя въ ихъ лицѣ посланцевъ Папы? Мѣстный царь даже настрого приказалъ своимъ духовнымъ обучать іезуитовъ туземному языку и знакомить ихъ съ обширною палійскою литературою. Во всякомъ случаѣ была явная возможность соприкоснуться съ этимъ инородческимъ міромъ въ весьма

ЯПОНСКІЕ БРОНЗОВЫЕ БУДДЫ.

разнообразныхъ отношенійхъ и развѣ навсегда убѣдиться, почему религія Шакья-муни такъ прочно пустила корни въ сердца населенія. Буддійскіе монахи юго-западнаго Индо-Китая въ большинствѣ отнюдь не должны считаться тунеядцами, паразитами общества (какъ это принято говорить со словъ досужихъ туристовъ). Центры религіознаго знанія служили и служатъ заразъ разсадниками добронравія и трудо-

любія. Заботясь о культурѣ своихъ земельныхъ участковъ, врачуя населеніе, воспитывая дѣтей, заботясь о неимущихъ, мѣстныя духовныя лица, право же, не совсѣмъ безпричинно пользуются народной любовью и уваженіемъ.

Передъ нами — Ватъ Пра Кэо («ватами» называются здѣсь большія кумирни, монастыри). Около теремовъ дворца «Чакра-Кри», за особыми оградами, высятся цѣлая группа молитвенныхъ сооружений самого царя. Все въ нихъ извнѣ и все между ними оригинально до послѣдней степени. Во-первыхъ нѣжатъ глазъ пирамидальныя изразцевыя верхушки храмовъ и часовенъ, переливающія цвѣтами радуги на солнцѣ. Кромѣ того, съ непривычки совершенно ставятъ втупикъ каменные и металлическія изваянія, расположенныя по гладко вымощеннымъ дворамъ и дворикамъ вокругъ.

Уже у входа туда привлекли наше вниманіе два чудовищныхъ гиганта съ палицами въ рукахъ. Дальше сверкнули, на крышѣ впереди, золоченыя черепицы и вступилъ въ свои права архитектурный стиль космополитическаго характера (смѣсь Индіи, Европы,

Китай!) недвижныя же фигуры изъ бронзы и мрамора на помостѣ у капищъ оказались на половину животными (притомъ очень прозаическими: напр. коровами, столь чтимыми въ браминскомъ мірѣ), на половину какими-то неопредѣленными европейцами неважной италіанской работы (генералами, адмиралами, матросами, обыкновенными джентльменами, дамами и т. п.). Какая цѣль ставить здѣсь эти изображенія, насколько они соотвѣтствуютъ мѣсту, — никто мнѣ не могъ объяснить. Едва-ли однако имѣетъ даже долю правды толкованіе, будто означенныя скульптурныя произведенія должны играть роль внимающихъ «вѣроученію Будды», въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Переступаешь порогъ центральнаго капища, и дивишься . . . Лакированныя и чернаго дерева двери съ перламутровыми инкрустаціями, пестрыя стекла, почетные зонты, кумиры, жертвенники, вазы, различнѣйшія приношенія (начиная отъ настоящихъ, а также искусственныхъ восковыхъ цвѣтовъ и риса, — до курительныхъ свѣчей, драгоценныхъ камней и тканей включительно), лампы, люстры, массивные часы, золотыя деревья, зеркально отполированный полъ . . . что за сочетаніе сказочнаго великолѣпія съ ультра-современной потребностью украшать внутренность зданій предметами новомодной безвкусной роскоши, да притомъ еще убирать ими предѣлы алтаря! Тамъ, высоко надъ нимъ, прячется въ тѣни одно изъ досточтимѣйшихъ туземныхъ олицетвореній «бога-учителя». Оно, по преданію, въ видѣ матеріала дано художнику небожителемъ Индрой. Приблизительно аршинное изваяніе — изъ одного куска. «Изумрудный» (точнѣе яшмовый) Шакья-муни знатоками оцѣнивается по крайней мѣрѣ въ 350,000 рублей. На челѣ у него — корона изъ сапфировъ и опаловъ. Такія статуи искони славились на Востокѣ. Въ pendant къ бангкокской (изъ того же вещества) можно назвать хотя-бы знаменитую нанкинскую, привезенную будто-бы въ Китай, полторы тысячи лѣтъ назадъ, посольствомъ съ Цейлона. Ватъ Пра Кэо строился въ теченіе нѣсколькихъ царствованій и законченъ недавно, благодаря особому вниманію его величества и подъ личнымъ надзоромъ принцевъ: въ память ихъ отца, благочестиваго и ученаго царя Монгкута.

Августѣйшіе путешественники продолжаютъ обходъ королевскихъ святилищъ Сіама, изрѣдка медля передъ наиболѣе любопытными подробностями стиля или орнамента. Причудливый изгибъ и узоръ кровель, изящная отдѣлка «прачеди» (подобія древнихъ индійскихъ «ступъ» и «дагобъ», памятниковъ въ честь основателя религіи и надъ частицами его мощей), мозаика золотомъ на стеклѣ, уродливыя фигуры звѣрей и грозныхъ исполиновъ на стражѣ у нѣкоторыхъ капищъ, сребротканые ковры на помостѣ внутри одного живописнѣйшаго по убранству святилища съ голубыми стѣнами (въ мелкихъ блесткахъ) и съ тусклыми фресками безъ перспективы въ глубинѣ сводовъ, картины изъ Рамаяны и съ буддійскими мотивами среди примыкающихъ къ иной кумирнѣ открытыхъ галлерей, — всевозможныя диковины по очереди очаровываютъ вниманіе. Видишь шкафы съ книгами «закона», по странной судьбѣ называемаго тутъ «намо» (какъ у монголовъ «номъ») — точно есть и можетъ быть связь съ древнегреческимъ! На довольно грубой стѣнописи различаешь обезьянъ, строящихъ знаменитый въ эпосѣ мостъ на Ланку изъ камней, подаваемыхъ имъ рыбами, — и вдругъ рядомъ нарисованъ приземистой толстый голландецъ въ одеждѣ XVII вѣка, съ подозрительной трубой! Вдобавокъ, намалевано это въ чертѣ небраминскаго храма, а прямо ему противоположнаго: правда, и въ старыхъ италіанскихъ монастыряхъ нерѣдко смущаетъ вторгнувшееся въ ихъ величавую замкнутость искусство живописцевъ, избиравшихъ себѣ сюжеты изъ классической міѳологіи.

Мы покидаемъ пустынный Ватъ Пра Кэо, не встрѣтивъ и не замѣтивъ въ немъ ни единаго духовнаго лица. Тихо звенятъ намъ вслѣдъ звуками нѣжныхъ колокольчиковъ бронзовыя листья, украшающіе внѣшность одной изъ пагодъ.

Ихъ Высочество осматриваютъ затѣмъ тронные залы дворца «Чакра-Кри» и драгоценности короля, лишь мимоходомъ видѣнные вчера послѣ обѣда. Сокровищница его величества, какъ говорятъ, оцѣнена свыше чѣмъ въ 10 милліоновъ рублей. Горками сложенные или же артистически разставленные вѣнцы, кольца, цѣпи, запястья, табакерки, сосуды засыпаны самоцвѣтными камнями, жарко горятъ и переливаютъ радугой въ отраженіи витринъ. Большинство вещей — работы мѣстныхъ искусныхъ мастеровъ и по истинѣ заслуживаетъ вниманія. Алмазы — преимущественно привозные: съ Явы и Борнео, или же отъ парижскихъ ювелировъ.

Изъ центральныхъ царскихъ палатъ мы въ экипажахъ направляемся въ такъ-называемый музей. Путь туда длиннѣе чѣмъ въ Саранромъ, но одинаково малоинтересенъ. Помимо колоссальныхъ кумиренъ и зубчатыхъ крѣпостныхъ валовъ, опоясывающихъ резиденцію государя, въ Бангкокѣ нѣтъ сколько-нибудь замѣчательныхъ по величинѣ сооружений. Нѣсколько новыхъ казенныхъ зданій, конечно, не могутъ идти въ счетъ. Почти все остальное состоитъ изъ одноэтажныхъ кирпичныхъ строеній или мазанокъ, хижинъ на сваяхъ и т. п.

Когда ѣдешь по широкимъ отороченнымъ гранитными плитами улицамъ и вдоль площадей собственно «королевскаго» города, какъ-то странно рѣжетъ ухо и скрываетъ неуклюжихъ телѣгъ, запряженныхъ быками, и трубные звуки конки, оживляющей движеніе.

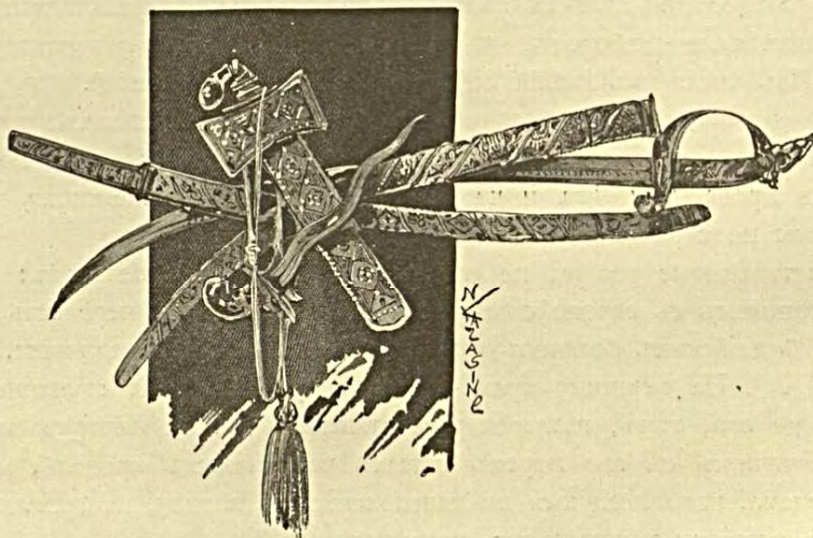
Намъ показываютъ запущенное жильѣ существовавшего прежде «второго царя», т. е. ближайшаго родственника и правой руки старшаго правителя. Этотъ санъ нынѣ упраздненъ, и окружающіе образованные сіамцы столь же неохотно отвѣчаютъ на вопросы о томъ, зачѣмъ онъ былъ нуженъ, какъ на любопытныя мысли вслухъ о «бѣломъ» слонѣ. Послѣдній разъ постъ занималъ дядя короля, считавшійся одно время его опекуномъ, вообще же командующимъ войсками *rag excellence* и своего рода сіамскимъ генералъ-адмираломъ. Покойный страстно любилъ коллекционировать: немного въ качествѣ археолога, но особенно въ качествѣ натуралиста. Послѣ смерти его хоромы и сгруппированные въ нихъ предметы (точноѣе говоря, всякій *bric-à-brac*!) обратились въ бангкокскую кунсткамеру, гдѣ теперь начинаютъ воцаряться порядокъ и классификація. Наиболѣе цѣнная часть (національный этнографическій отдѣлъ) помѣщается по настоящему въ маленькомъ опустѣломъ капищѣ, а не въ простомъ домѣ. На первыхъ порахъ чувствуешь себя здѣсь точно въ храминахъ Ватъ Пра Кэо: такое сочетаніе красокъ, — такое изобиліе драгоценныхъ металловъ, кристалловъ и рѣдкихъ самоцвѣтныхъ камней, кости и фарфора! Богатѣйшія слоновья сидѣнія, цѣлый рядъ крупныхъ клыковъ (бивней) на подборъ, туземные музыкальные инструменты, поднесенныя инородцами-васаллами деревья (съ золотыми стволами и вѣтвями, съ листьями изъ посеребренной жести), разнаго цвѣта зонты (пятиэтажные на длинномъ древкѣ-стержнѣ, въ отличіе отъ семиэтажныхъ, присвоенныхъ одному верховному монарху), изукрашенные художественными инкрустаціями носилки, — все это занимаетъ сравнительно тѣсное пространство среди стѣнъ, испещренныхъ живописью браминскаго міеологическаго характера, — и это въ предѣлахъ буддійской кумирни! Дѣло въ томъ, что терпимѣе религіи Шакья-муни нѣтъ на свѣтѣ: она готова воспринимать и впитывать въ свои формы культа какіе угодно образы и даже обряды, но неогласна поступиться лишь главнѣйшимъ — идеей о самомъ «богѣ-учителѣ» и завѣщанныхъ имъ путяхъ къ самоусовершенствованію, въ связи съ оказываніемъ помощи всѣмъ тварямъ и людямъ, дабы достигнуть конечной свободы отъ перерожденій и зла.

Какъ это ни странно, брамины играютъ въ Сіамѣ извѣстную роль. Выходцы съ запада, они живутъ обособленно среди иновѣрческаго населенія, считаясь тѣмъ не менѣе

жрецами въ глазахъ его. Въ опредѣленные дни, для служенія при иныхъ торжествахъ и празднествахъ (напр. съ цѣлью освященія орудій земледѣлія, при достиженіи принцами отроческаго возраста и т. п.) благочестивый буддійскій дворъ Бангкока призываетъ не бонзъ, а именно адептовъ Шивы и Вишну, даритъ ихъ за участіе въ молитвахъ и жертвоприношеніяхъ, видимо дорожитъ ими отъ души. Чѣмъ объяснить подобное внутреннее противорѣчіе?

Въ музеѣ есть удивительный по красотѣ исполненія бронзовый Шива, съ котораго сдѣлана копія для Берлина. «British Museum» безуспѣшно предлагалъ правительству 100,000 рублей за оригиналъ. Въ древнемъ царскомъ одѣяніи, съ митрой на головѣ, великій индійскій богъ стоитъ, поднявъ благословяющія руки: очи у него выложены перламутромъ, всѣ пальцы (и на ногахъ) убраны колечками. Вокругъ туловища увиваются три пятиглавыхъ змѣя. Ликъ дышетъ гармоніей очертаній. А подумаешь, сколько еще такихъ замѣчательныхъ изваяній таить въ своихъ дебряхъ неизслѣдованный археологами языческій Востокъ!

Продолжая бѣглый обзоръ сокровищницы «второго короля», Ихъ Высочества проходятъ въ отдѣлъ естественныхъ коллекцій, гдѣ — масса чучелъ и первосходные образцы свинцовой и мѣдной руды, а также въ первобытномъ видѣ туземные сапфиры и рубины, которыхъ сіамцы добываютъ въ необъятномъ количествѣ и баснословно дешево продаютъ китайцамъ на вѣсь. Отъѣзжая отъ бангкокской кунсткамеры, замѣчаешь подъ высокимъ открытымъ навѣсомъ огромныя и тяжелыя царскія колесницы, нынѣ окончательно вышедшія изъ употребленія или же употребляющіяся только во время похоронныхъ процессій, когда тѣла владыкъ готовятся всенародно предать огню.

ВЪ ЦАРСТВѢ СЛОНОВЪ.

Раньше чѣмъ покинуть столицу (мы завтра подыдемся немного вверхъ по рѣкѣ, во внутрь страны) Августѣйшіе путешественники посѣщаютъ еще искусственный насыпной холмъ («Золотую гору»), сооруженный въ видѣ крѣпостцы на окраинѣ города, порядкомъ обросшій деревьями и увѣнчанный пагодой съ обычными изображеніями въ нишахъ по сторонамъ. Дорога туда ведетъ относительно бѣдными и невзрачными кварталами. Среди привѣтствующихъ массъ преобладаютъ китайцы, составляющіе въ общемъ чуть-ли не треть всего населенія въ государствѣ. Они обыкновенно во второмъ поколѣніи сливаются съ Сіамцами, а не наоборотъ, — что представляетъ весьма характерный и исключительный фактъ. Изъ числа ихъ вышло не мало именитыхъ дѣятелей.

Туземцы сидятъ на корточкахъ въ своихъ лавченкахъ, жуя бетель (ароматичные пряные листья, отъ которыхъ губы, вся полость рта и особенно зубная эмаль окрашиваются въ кровавый цвѣтъ и чернѣютъ). Прическа у женщинъ и мужчинъ — одинаковая: волосы подстрижены и взъерошены ежомъ.

Выставленные товары не отличаются ничѣмъ особеннымъ: обыкновенный азіатскій базаръ, пополамъ съ европейскими издѣліями. Если чего есть порядочное количество, такъ это буддійскихъ божковъ разнороднаго качества и величины.

. На вершину храма-холма ведутъ широкія ступенчатая тропы. Съ окружающей же его, тамъ, галереи развѣтывается дивная панорама на изрѣзанный водяными нитями Бангкокъ съ его моремъ сѣрыхъ черепичныхъ кровель, на широкую серебряную ленту Менама, извивающуюся по направленію къ заливу, на громады капищъ, стремящихся въ лазурь острыми памятниковъ-пирамидъ.

Жарко. Намъ предлагаютъ въ качествѣ лучшаго освѣжающаго напитка воду изъ кокосовыхъ орѣховъ. Рѣзкій сладко-соленый вкусъ прохладной похожей на молоко жидкости, содержащей въ себѣ безвредный для желудка растворъ бѣлка и сахара, далеко не противенъ.

У подножія нашего холма сгруппировано нѣсколько приходящихъ въ разрушеніе кумиренныхъ зданій: въ Сіамѣ принято воздвигать ихъ безъ счета и мѣры во спасеніе

души сооружающихъ, но излишнимъ считается поддерживать ветшающія постройки, ибо только первый актъ благочестія предписанъ собственно самой религіей.

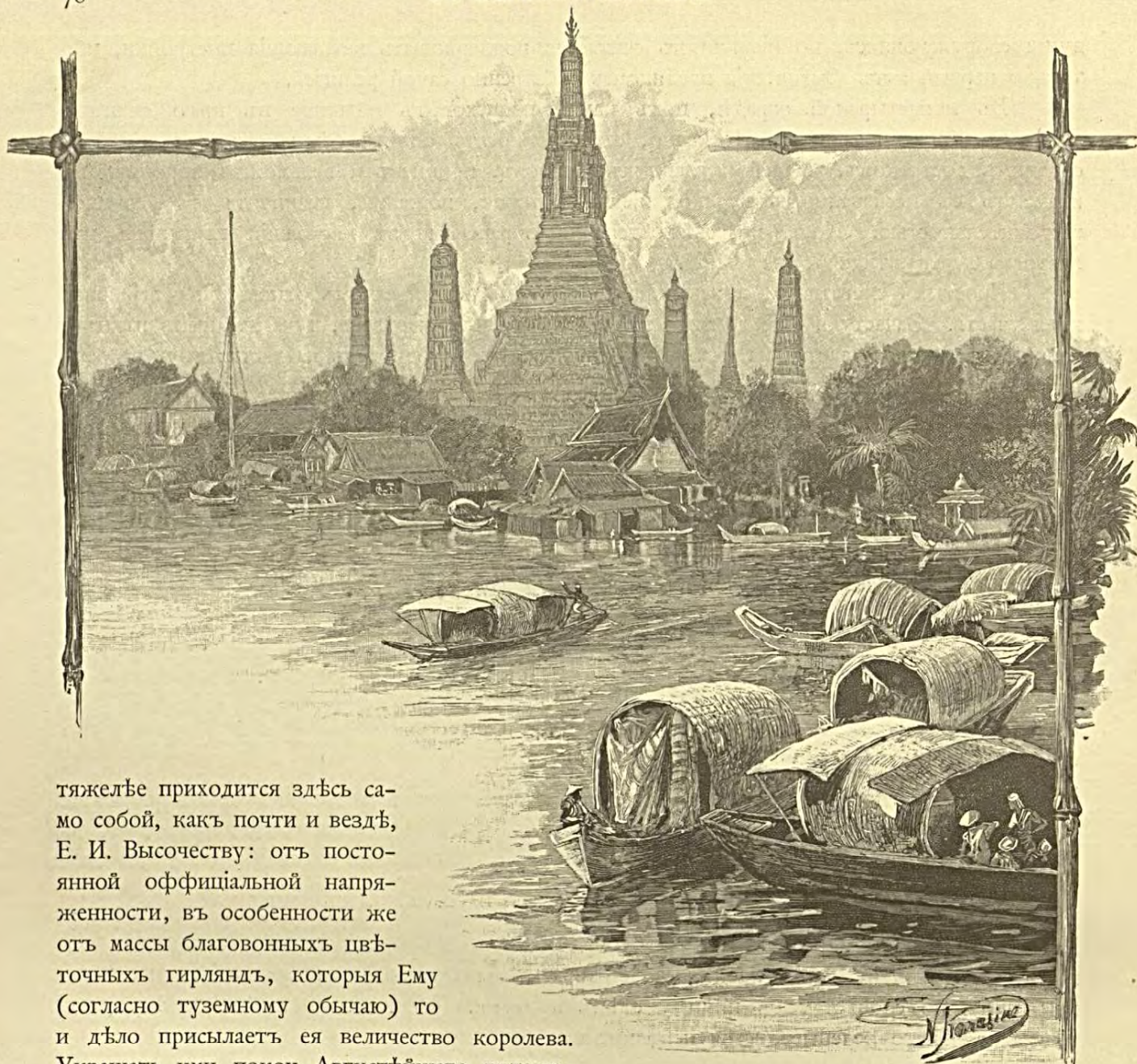
Въ монастырской оградѣ, подъ нами, происходитъ обычное въ краю сжиганіе отпѣтыхъ бонзами труповъ. Конечно, сюда приносятъ однихъ бѣдняковъ или людей со среднимъ достаткомъ. Царей и главныхъ жрецовъ, принцевъ и вельможъ «хоронятъ въ пламени» съ несказаннымъ великолѣпіемъ, которое, пожалуй, граничитъ съ безумной расточительностью. Костеръ ихъ постепенно обращается въ настоящій пригорокъ изъ пахучаго дерева, тканей, украшеній.

Простыхъ смертныхъ, здѣсь внизу, ждетъ въ эстетическомъ отношеніи совершенно иная участь. Зачастую, еще до того что огонь лизнетъ мертвеца, туча хищныхъ птицъ и голодныхъ псовъ кидается на него и въ мгновеніе ока раздираетъ на части: точь въ точь какъ въ ламайскихъ земляхъ, напр. въ близкой нашему Забайкалью Ургѣ, гдѣ собаки иногда затаскиваютъ кости съ такой пирушки въ домъ русскаго консульства! Востокъ крайне равнодушенъ къ подобнымъ явленіямъ, которыя намъ кажутся послѣднимъ словомъ чудовищности. Жизнь и смерть въ глазахъ тамошнихъ народовъ — безразличныя звенья въ тягостной цѣпи нескончаемыхъ перевоплощеній: чѣмъ быстрѣе уничтожается всякій разъ обременительная для духа тѣлесная оболочка, тѣмъ легче отстрадавшему въ ней разумному существу. Сама природа окрестъ словно гармонируетъ съ этимъ міросозерцаніемъ. Глубокая тишина объемлетъ прилегающее «самро santo» Бангкока. Зловѣщими силуэтами чернѣютъ въ ближайшей листвѣ отвратительные сытые коршуны. Желтые тощіе псы спятъ по сосѣдству съ ними у стѣнъ кумирни. Мечтательно зыблются въ лучахъ вечера золотисто-зеленые листья исполинскихъ бамбуковъ.

НА СИАМСКОМЪ БАЗАРѢ.

Дворецъ Саранромъ, отведенный Августѣйшимъ путешественникамъ и куда пріѣзжали къ Цесаревичу братья его величества и дипломатическіе представители иностранныхъ государствъ, не великъ по размѣрамъ и состоитъ почти весь изъ ряда комнатъ, расположенныхъ во второмъ этажѣ вдоль галереи, опоясывающей глухой дворикъ. Наши спальни убраны съ изысканной роскошью, — но на первыхъ порахъ слегка поражаетъ изобиліе плевальницъ (тутъ такъ много жуютъ бетеля, что онѣ являются предметомъ необходимости) и карандашей отъ головной боли на туалетномъ столѣ. Послѣдними вскорѣ привыкаешь пользоваться съ благодарностью, ибо середина марта необычайно знойна въ Сіамѣ и европейцу положительно нестерпима: раскисаешь и дурѣешь въ относительно сухой и душливой атмосферѣ, голова тяжелѣетъ и болитъ, наконецъ наблюдательность притупляется. Всѣхъ

НА МЕНАМЪ.

тяжелѣе приходится здѣсь само собой, какъ почти и вездѣ, Е. И. Высочеству: отъ постоянной оффиціальной напряженности, въ особенности же отъ массы благовонныхъ цвѣточныхъ гирляндъ, которыя Ему (согласно туземному обычаю) то и дѣло присылаетъ ея величество королева. Украшать ими покои Августѣйшаго путешественника требуется по этикету, и этого трудно избѣжать: удушливый запахъ до такой степени наполняетъ однако все вокругъ и энервируетъ, что нѣтъ мочи

Послѣ обѣда, запросто у себя дома, — обѣда, great attraction котораго были замѣчательно вкусные мѣстные фрукты и бѣготня крупныхъ ящерицъ по потолку, мы ѣдемъ на рѣку и въ лодкахъ направляемся къ театру («лаконъ»), составляющему интересное pendant яванскимъ «ваянгамъ». Сіамцы тоже тѣшатся одинаковыми маріонетками, наслаждаются отчасти однородною мелодичною музыкой, способны просиживать многіе часы при исполненіи фантастически-монотонныхъ пьесъ; тѣмъ не менѣе представленія тутъ гораздо ярче отмѣчены духомъ Индіи, съ ея міеологическими воззрѣніями.

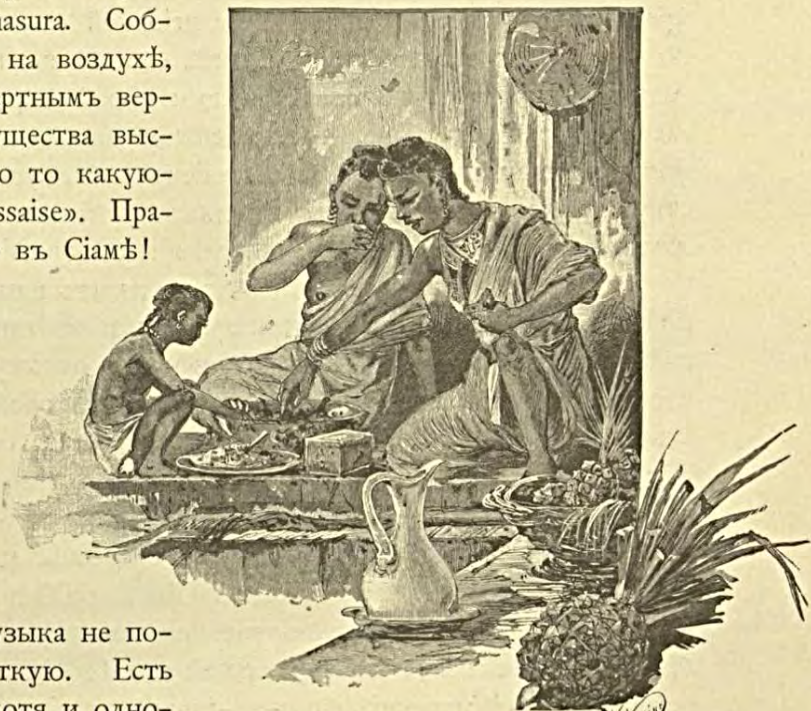
Наши гондолы стрѣлой разсѣкаютъ струи Менама, усыпаннаго разноцвѣтными огоньками-фонариками пловучихъ жилищъ и несчетныхъ судовъ всевозможной величины.

Зданіе бангкокской «оперы» (если позволительно такъ выразиться) не слишкомъ просторно, и скорѣе похоже на циркъ. Прямо противъ бель-этажа, балюстрады съ царскими и почетными сидѣніями, почти на уровнѣ съ партеромъ находится сцена: сюда ведутъ два выхода изъ-за кулисъ, занавѣса нѣтъ, неизмѣнная декорация изображаетъ какой-то неясный ландшафтъ (подножіе легендарной горы Крайласъ или точнѣе Кайласа въ Гималаяхъ), сбоку отъ нея помѣщается пестро инструментированный народный оркестръ, публика (преимущественно туземный прекрасный полъ и голенькіе ребята въ цѣнныхъ запястьяхъ и съ папиросами изъ банановыхъ листьевъ во рту) оригинально и забавно смѣшана съ русскими матросиками, присланными на спектакль съ эскадры. Сюжетъ фееріи очень туманенъ. Она носитъ названіе «Ангелы», т. е. жители буддійскихъ небесныхъ сферъ съ ихъ богинями. Имена безсловесныхъ дѣйствующихъ лицъ, обозначенныя на данной намъ афишѣ, не лишены благозвучности: Devaputr Debprajunh, Devadhita Manimekhala, Asura Ramasura. Собственно все должно происходить не то на воздухѣ, не то на снѣжныхъ и недостижимыхъ смертнымъ вершинахъ. Тѣмъ страннѣе видѣть эти существа высшего порядка исполняющими попеременно то какую-то старинную китайскую пляску, то «Ecossoise». Право, подобные контрасты мыслимы только въ Сіамѣ!

Выступающія двумя рядами, набѣленыя танцовщицы, съ остроконечными пагодоподобными касками и финифтяными ожерельями представляютъ изъ себя сплошную массу шелка, серебряныхъ украшеній и позолоты. Глядя на развертывающійся ослѣпительный балетъ, невольно вспоминаешь олицетворенія бурного воздуха въ Ведахъ. Сіамская пляска какъ и сопровождающая музыка не похожи ни на индійскую, ни на египетскую. Есть что-то очень граціозное, не восточное (хотя и однообразное) въ довольно быстрыхъ движеніяхъ: разыгрывая безконечную пантомиму изъ жизни блаженныхъ небожителей, дѣвушки съ замѣчательной гибкостью принимаютъ какую-угодно трудную позу.

У актрисъ — странные когти на рукахъ (по индо-китайскому обычаю непомѣрно длинные, до уродства отпущенные ногти — признакъ аристократическаго положенія): плясуньи по временамъ начинаютъ сами себѣ подпѣвывать, на босыхъ ногахъ у нихъ звенятъ драгоценныя обручи, кастаньеты ударяютъ въ тактъ сияющему хороводу..... И красиво, и утомительно смотрѣть!

За фееріей слѣдуетъ драматическая пьеса «Phra Abhaimani» (приключенія одного героя и красавицы, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе у необитаемаго острова, куда приходятъ со злыми намѣреніями морскіе разбойники); но поздній часъ, жара и усталость вынуждаютъ насъ до конца покинуть представленіе.

У ТУЗЕМНАГО ЖИЛЬЯ.

Воскресенье, 10 (22) марта.

Ихъ Высочества утромъ отправляются на пароходъ въ довольно отдаленный отъ столицы Банг-па-инъ, загородную резиденцію его величества. Король уже раньше отбылъ туда встрѣтить Царственного Гостя. Въ моментъ приближенія къ ней, по маленькому притоку Менама, на берегу вырастаетъ изъ-за деревьевъ готическій храмъ, привѣтствующій колокольнымъ звономъ. Это — придворная кумирня повелителя страны, выстроенная и отдѣланная въ западномъ вкусѣ: говорятъ, внутри есть каѳедра, скамьи и органъ, у алтаря же болѣе чѣмъ странное впечатлѣніе производятъ фигуры рыцарей.

При ней проходятъ монашескій искусь сіамскіе великіе князья, наравнѣ съ прочими подданными поступающіе, согласно исконному обычаю, на извѣстное время въ монастырь, чтобы научиться смиренію и вообще всякимъ буддійскимъ добродѣтелямъ. Самъ владыка края не избавляется отъ этой религіозной обязанности и ходитъ или ѣздитъ въ лодкѣ по утрамъ, въ желтой убогой тогѣ, отъ жилья къ жилью, отъ богача къ бѣдняку собирать подаянія, которыя съ любовью и вѣрой жертвуетъ жречеству народъ: духовное лицо, милосердно принимающее приношенія мірянина, дѣлаетъ этимъ добро дающему, озабоченному совершенствованіемъ и спасеніемъ собственной души путемъ служенія «сангъ», братству Будды — завѣщанному людямъ въ качествѣ наивысшей драгоцѣнности наравнѣ съ двумя другими: изваяніями «учителя» и его ученіемъ.

Мѣсто, выбранное для царскихъ палатъ или вѣрнѣе для вереницы дворцовъ и домовъ въ оградѣ благоустроеннаго парка и въ оправѣ изъ маленькихъ свѣтлыхъ запрудъ, издавна служитъ временному уединенію и отдыху туземныхъ владыкъ, — съ тѣхъ поръ что по близости возникъ важный средневѣковой центръ страны — Аюдія. Крошечное искусственное озеро, вырытое еще въ ту пору, окаймлено парадными павильонами и кіосками европейскаго типа, а также однимъ страннымъ зданіемъ (платформой-колоннадой на сваяхъ) съ художественно изогнутой заостренной кровлей въ 4 яруса, которая при всей своей китайской причудливости очертаній удивительно напоминаетъ, какъ и многое въ смѣломъ архитектурномъ стилѣ Сіама, гребни стариннѣйшихъ норвежскихъ построекъ (Stavekirker) съ ихъ чешуйчатыми скатами крышъ и древнерусскіе коньки. Мраморныя лѣстницы спускаются къ зеркальной влагѣ. Изящные мостики соединяютъ островокъ за островкомъ, образующій банг-па-инскій элизіумъ. Всюду — тѣнь и прохлада, фонтаны и статуи, клѣтки съ бѣлыми обезьянами и птицами.

Король и принцы ведутъ Августѣйшихъ путешественниковъ отъ пристани къ Ихъ покоямъ. Цесаревичу приготовленъ восхитительный шалѣ, роскошно убранный съ утонченнымъ вкусомъ и комфортомъ. Намъ тоже отведены игрушечные уютные коттѣджи, въ которыхъ есть все, — начиная съ японскихъ bibelots и до знатной молодежи — пажей, заботящихся о гостяхъ. Даже вѣстовые обоихъ сопутствующихъ адмираловъ, командировъ «Мономаха» и «Нахимова», доктора Рамбаха, — и тѣ снабжаются на своихъ квартирахъ флаконами лучшихъ духовъ и самымъ нѣжнымъ мыломъ. Легендарное гостепріимство сіамскаго двора издавна, хотя и смутно, намъ было извѣстно по книгамъ; но то, что приходится видѣть и испытывать, превосходитъ всякія описанія. Кого-кого только изъ именитыхъ особъ и выдающихся иностранцевъ здѣсь не принимали за послѣднее время съ непринужденной любезностью и почетомъ, съ полной готовностью показать край въ его симпатичнѣйшихъ особенностяхъ, — однако почти ни одного слова о томъ не находишь въ европейской литературѣ и печати: кромѣ неправдоподобныхъ анекдотовъ или прямо-таки вымысловъ очень мало напечатано о Сіамѣ образованными представителями Запада, весьма

странно отплатившими туземцамъ за ихъ радушіе и ласку. Конечно, трудно иноземцу въ короткій срокъ настолько освоиться съ наблюдаемой дѣйствительностью, чтобы судить о ней вполне здраво и компетентно; однако простое приличіе требовало бы уже, по видимому, молчать хотя-бы о томъ, чего не знаешь или не въ состояніи понять, вмѣсто изданія bona fide пасквилей и каррикатуръ на цѣлое царство. Интеллигентные сіамцы не могутъ равнодушно говорить о подобныхъ писателяхъ, бравшихся ознакомить съ ними Европу и Америку.

Банг-па-инскимъ пріемомъ съ примѣрнымъ умѣніемъ завѣдуетъ братъ короля, принцъ Сонабантидъ (въ чинѣ полковника).

Около пяти часовъ Ихъ Высочества выходятъ съ его величествомъ, всѣмъ его штабомъ и свитой на широкое крыльце террасы передъ однимъ изъ главныхъ павильоновъ, гдѣ на просторной площадкѣ собирается привѣтствовать Сѣвернаго Гостя окрестный народъ. Чествованіе будетъ имѣть самый простой и душевный характеръ, являясь исключительно выраженіемъ чувствъ массы, которая не въ политику играетъ, а живетъ искренними симпатіями къ тому, что ей сродно по духу и не грозитъ такими выгодами общенія, такими благами цивилизаціи, какія вообще склоненъ насаждать на Востокѣ «бѣлый» чело-вѣкъ. У Россіи нѣтъ или точнѣе не должно быть солидарности жизненныхъ интересовъ въ Азіи съ державами, питающимися ею потомъ и кровью. Коренное населеніе обширнѣйшаго по культурѣ материка, инстинктивно сознаетъ этотъ важный фактъ, и потому радуется (какъ было въ Индіи, какъ безъ сомнѣнія произойдетъ далѣе) случаю обнажить свое кроткое сердце передъ Первенцемъ Бѣлаго Царя . . . Картина банг-па-инской дружелюбной встрѣчи Е. И. Высочества съ безхитростными поселянами у Менама останется надолго памятна и имъ, и намъ. Экзотическія краски, почившія на ней, гармонировали какъ нельзя лучше съ нашимъ благодушно-восторженнымъ настроеніемъ. Но, чѣмъ начинать съ размышленій и синтеза, вѣрнѣе перейти къ ея любопытнымъ деталямъ

На видномъ мѣстѣ сѣлъ рядомъ съ Цесаревичемъ король Чулалонкорнъ, окруживъ себя потомствомъ, изъ котораго одинъ ребенокъ изящнѣе и милѣе другого.

Сіамскій наслѣдный принцъ, Чау-Фа-Махаваджирунитъ, красивый мальчикъ тринадцати лѣтъ, съ замѣчательнымъ достоинствомъ держится среди группы дѣтей въ своемъ военномъ мундирѣ и кажется совершенно взрослымъ на взглядъ. Только миниатюрность фигуры выдаетъ его года. Бритые маленькіе братья королевича увѣнчаны гирляндочками бѣлыхъ цвѣтовъ («мали») на макушкѣ головы, гдѣ свернуты и закрѣплены золотой булавкой въ одну прядь волосы, вообще подстригаемые у мелюзги до достиженія отроческаго возраста.

На площадку внесли и водрузили шесть съ красной привѣтственной надписью въ честь Великаго Князя. Затѣмъ безконечною вереницей потянулись обоого пола туземцы всякаго возраста, съ жертвуемыми отъ чистаго сердца приношеніями въ рукахъ. Кто тащитъ клѣтку съ какимъ-нибудь животнымъ или птицей, кто фрукты или овощи, кто свертокъ ткани или пирамидальную подушечку мѣстнаго образца. Двухтысячная толпа чинно и безшумно наполняетъ мало-по-малу пространство передъ нами, благоговѣнно кланяется, разставляетъ свои скромные дары и садится на корточки въ созерцательномъ ожиданіи, пока запоздавшіе торопятся сдѣлать свой вкладъ. Стоитъ Е. И. Высочеству внимательнѣе взглянуть на любой предметъ или тварь, — по знаку его величества, таковой или таковую немедленно подносятъ поближе къ Нему. Вещи, что и говорить, самыя

заурядныя; но именно это ничтожество и составляетъ ихъ невѣсомую цѣнность. Среди моря цвѣтныхъ шалей и панунговъ, среди этихъ добродушно улыбающихся румяныхъ лицъ, особенно выдѣляются живыя существа: въ числѣ подарковъ пестрыя птички нестройно перекликаются на разные лады, въ лукошечкѣ испуганно замерла крошечная безхвостая по породѣ крыса, упорно и незамѣтно освобождается изъ неволи уморительный зеленый попугайчикъ съ полосками у клюва точно черные усы, почти уже вылетѣла барахтающаяся сова, — а кругомъ въ безмолвіи застываетъ преданный народъ Что за умиляющее и что за незабвенное зрѣлище! Правительство ничего не устраивало нарочно, ограничившись оповѣщеніемъ: «вашего царя посѣщаетъ Рѣдкій Гость: почтите его, чѣмъ знаете и какъ умѣете». Милый Сіамъ!

ИЗЪ ПОДАРКОВЪ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ.

На банг-па-инскомъ побережьи рукава рѣки воздвигнута длинная эстрада, откуда Августѣйшіе путешественники, подъ звуки придворнаго хора музыки, любуются интересными гонками туземныхъ лодокъ всевозможной величины. Сначала выходятъ на состязаніе и буквально летятъ съ поражающей быстротой двадцативесельныя пироги съ гребцами, сильно наклонившими корпусъ впередъ и въ столь неловкой позѣ загребаящими воду. Стремительность ихъ движенія, ихъ мощь и проворство почти невѣроятны: за большими ладьями выѣзжаютъ на борьбу меньшія и меньшія. Между тѣмъ наступилъ часъ заката. Солнце поглощено какою-то золотистою мглою. Лишь изрѣдка мелькаетъ еще на противоположномъ намъ берегу его туманный дискъ, но заслоненный деревьями прячется за каждую пальму, опускается ниже и ниже. Сейчасъ стемнѣетъ. Оркестръ приступаетъ къ исполненію тоскливо-тихой мелодіи.

Однако на рѣчкѣ внизу не прекращается оживленіе. Побѣдившія лодки сгруппировались невдалекѣ отъ эстрады. Особые ловкачи, въ тончайшихъ и легчайшихъ байдаркахъ, проявляютъ необыкновенное искусство эквилибристики, двигаясь и жонглируя въ нихъ съ такою же увѣренностью и граціей какъ акробаты на твердой землѣ. Стоя и лежа, они чувствуютъ себя совершенно уравновѣшенными на зыбкомъ лонѣ и свободно вертятъ кружки на длинномъ шестѣ. Съ одинаковой бдительностью продѣлываютъ однородные отчаянные кунштюки четырехлѣтніе мальчики, помогающіе и подражающіе отцамъ. По всему видно, что вода — ихъ стихія и перекувырнуться вмѣстѣ съ челнокомъ имъ ровно ничего не значить.

Августѣйшіе путешественники приглашены на обѣдъ въ такъ-называемый «китайскій» двухъэтажный дворецъ, построенный въ даръ королю однимъ изъ разбогатѣвшихъ здѣсь уроженцевъ Небесной имперіи. Это — настоящий сказочный чертогъ: узорчатые изразцевые полы, массивная мебель чернаго дерева съ инкрустаціями, щедрою рукой приуроченные въ качествѣ украшеній благородные металлы и фарфоръ, ажурная тонкая рѣзба

на колоннахъ и окнахъ очевидно, мы имѣемъ передъ собою главную достопримѣчательность Банг-па-ина. Врядъ-ли даже у богдыхана есть палаты, во многомъ превосходящія ее!

Одинъ изъ полумифическихъ царей Сіама (Phra Ruang) былъ великимъ чародѣемъ и ѣздилъ по морю за невѣстой въ Китай, гдѣ императоръ женилъ смѣлаго пришельца на собственной дочери и снарядилъ въ обратный путь съ царевной пятьсотъ человѣкъ своихъ подданныхъ. Если бы всемогущій когда-то Фра-Руангъ захотѣлъ себя потѣшить сооруженіемъ магически роскошнаго дворца, — и чары этого властелина не создали бы ничего краше того, чѣмъ мы въ данную минуту любуемся.

Въ фантастически пестрой обстановкѣ чрезвычайно выпукло сіяетъ буддійскій алтарь съ безмятежнымъ Шакья-муни. Неестественно длинныя уши кумира, — съ умысломъ изображеннаго въ мертвенно-недвижной позѣ, чтобы показать крайнюю степень сосредоточенности въ чистыхъ радостяхъ Нирваны, — обозначаютъ мудрость и силу.

Послѣ обѣда Августѣйшій хозяинъ любезно проситъ Дорогаго Гостя принять на память нѣкоторые предметы, которые безъ сомнѣнія займутъ видное мѣсто въ коллекціи восточныхъ рѣдкостей Великаго Князя. Вещи художественно сгруппированы за особымъ столомъ, и положительно трогательно радостное чувство царя при врученіи ихъ Е. И. Высочеству.

Главные подарки Наслѣднику Цесаревичу отъ королевской четы заключаются въ слѣдующемъ:

- 1) два фотографическихъ портрета его и ея величествъ въ массивныхъ серебряныхъ, позолоченныхъ рамкахъ, съ коронами надъ ними, —
- 2) пара огромныхъ слоновыхъ клыковъ, принесенныхъ въ дань туземному повелителю лаосами области Нау, —
- 3) сіамская сабля въ золотыхъ ножнахъ, —
- 4) лаосская сабля въ дорогой оправѣ изъ области Чіэнгмай, —
- 5) малайскій крисъ (кинжалъ), въ оправѣ, съ полуострова Малакки: изъ области Патани, —
- 6) металлическія канделябры въ формѣ птицъ на пьедесталѣ и поддерживаемая тремя такими же птицами тоже металлическая ваза, —
- 7) нѣсколько фарфоровыхъ монетъ съ надписями, —
- 8) двѣ эмалированныя цвѣтныя вазочки, съ нефритовыми на нихъ букетиками цвѣтовъ, —
- 9) сервизъ изъ двухъ чайниковъ и двѣнадцати коричневыхъ чашечекъ китайской глины, на золоченомъ подносѣ, —
- 10) множество фотографическихъ видовъ Сіама, и т. д.

Вечеромъ мы садимся въ утлыя лодочки, на внутреннемъ каналѣ у дворца, и плывемъ изъ канала въ каналъ до огороженнаго мрачными затворами широкаго водоема, гдѣ ожидаетъ любопытное зрѣлище. Сюда прибыли показать себя и свой талантъ многіе некоренные подданные его величества, а именно: малайцы съ близкаго полуострова, которому грозитъ судьба стать добычей Альбіона, — переселенцы изъ отнятой французами у относительно слабаго Сіама Камбоджіи и лаосы изъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ областей государства. Вассалы короля изъ джонглей Малакки, пользующіеся широкими правами самоуправленія, представляютъ помѣсь кореннаго населенія съ завоевателями, нисходящее отъ которыхъ по прямой линіи потомство отчасти исповѣдуетъ буддійскую вѣру,

не исламъ. Впрочемъ, много есть и мусульманъ: это — такъ-называемые «самъ-самъ» (сокращенное Siam-islam?). За послѣднее время англичане, видящіе каждый сучекъ въ глазу ближняго, черезчуръ что-то часто наѣзжаютъ на сіамскую территорію, смежную со «Straits-Settlements». Тамъ, между прочимъ, недавно официально былъ (въ Сингорѣ, Патани, Трангѣ) не столько съ визитомъ, сколько для болѣе чѣмъ оригинальной инспекціи, никто иной какъ сингапурскій губернаторъ. Любознательность его совершенно соотвѣтствовала-бы напр. посѣщенію Мешхеда или Герата съ отрядомъ войскъ начальникомъ Закаспійской области или торжественной поѣздкѣ Приамурскаго генералъ-губернатора въ Гиринъ. До чего вѣжливы и предупредительны по отношенію сосѣдей-азіатовъ энергичные колонизаторы изъ-за Ламанша! Для характеристики положенія не слѣдуетъ забывать, что малайскій полуостровъ — давнее приобрѣтеніе Сіама. Еще въ самомъ началѣ XVI вѣка португальцы посылали черезъ него, какъ черезъ сіамскую землю, свои посольства на Менамъ. Это не помѣшало части ея подпасть уже подъ власть сначала индійскаго правительства, а потомъ Сингапура. Бангкокъ, конечно, не имѣлъ и не имѣетъ реальной силы противодѣйствовать грубымъ захватамъ.

Наши лодочки, замедля ходъ, движутся по блистающей огнями и слегка растревоженной поверхности небольшого искусственнаго озера.

Туманная луна въ бѣгущихъ облакахъ,
На всемъ кругомъ скользятъ причудливыя тѣни:
Какой-то странный свѣтъ играетъ на волнахъ,
Гдѣ чуть видны крыльца надводныя ступени.

Темное зданіе высится за нимъ. Около же берега стоятъ барки съ туземной заунывной музыкой и толпятся инородцы (мужчины и женщины), которыхъ его величество хочетъ показать Высокому Гостю. При фантастическомъ освѣщеніи крайне типична, своеобразна внѣшность этихъ людей. Въ нихъ, право, есть немало общаго съ уроженцами восточнорусскихъ окраинъ. Оно и не мудрено, если знаешь, изъ чего, собственно говоря, мы и слагались исторически и продолжаемъ съ упорствомъ слагаться. Отчего-бы сѣверянамъ Сіама не быть замѣтно сродни инымъ характернымъ элементамъ русской державы?

Нѣтъ возможности разобраться въ этногенической пестротѣ полунезависимыхъ и лишь на половину культурныхъ племенъ Индо-Китая. Насколько въ низовьяхъ Менама сильна еще малайская кровь, настолько среди лаосскихъ областей преобладаетъ монгольская. Изъ Юннана и Сычуаня пришли предки этихъ инородцевъ, — тамъ на сѣверѣ существуютъ однородные имъ и понынѣ не окитаянные элементы. Если же попристальнѣе всмотрѣться въ рѣзко очерченный обликъ и въ туманное историческое прошлое большинства сѣверныхъ вассаловъ сіамскаго двора, — русскому уху и глазу сразу становится видна связь иныхъ (не только почти одинаковыми наименованіями «камукъ», «качинъ», но и глубже) съ калмыцкими средневѣковыми ордами, съ качинскими татарами Енисейской губерніи и т. п. Часть насельниковъ этого полуденнаго края ясно опредѣленнымъ преданіемъ указываетъ на путь, которымъ они шли на югъ со своей первоначальной родины: они прикочевали изъ страны Тунгу (необъятнаго сибирско-манджурскаго района, гдѣ бродили и бродятъ вымирающіе тунгузскіе народы) безводными ужасающими песками, т. е. Гобью въ предѣлы Индо-Китая.

Зависимость жителей Лаоса отъ царя на Менамѣ не обременительна для нихъ. Ими правятъ мѣстные князья («фія»), столь же многочисленные какъ титулованные дворяне

Кавказа или представители обрусѣвшихъ мусульманскихъ родовъ въ московскій періодъ. Въ знакъ покорности инородцы посылаютъ въ Бангкокъ дары, — вѣроятно не менѣе поэтичныя въ символическомъ отношеніи чѣмъ «золотая роза» (дунга масъ), которую туда отправляютъ каждое трехлѣтіе подвластные малайскіе центры полуострова Малакки.

Что это за типичные люди мелькаютъ передъ нами, пока мы плывемъ отъ барки къ баркѣ, отъ плота къ плоту — гдѣ постъ, хлопаютъ въ ладоши и приплясываетъ болѣе свѣтлый чѣмъ сіамцы, но всетаки очень смуглый народъ! Темносиняя хлопчатобумажная одежда, — вродѣ той, что носятъ крестьяне Южнаго Китая (блуза, кушакъ и короткіе штаны), — облекаетъ стройныя и крѣпкія фигуры мужчинъ. Изрѣдка, впрочемъ, виднѣются ткани коричневаго, шоколаднаго и оранжеваго цвѣта. Красивыя дѣвушки (съ длинными убранными цвѣтами косами, уложенными вѣнцемъ, въ красныхъ узорчатыхъ накидкахъ изъ шелка и полосатыхъ юбкахъ) образуютъ среди молодежи выразительно яркую группу. Подъ чарами грустныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дико-порывистыхъ напѣвовъ и оригинальной музыки (лаосскаго бамбуковаго органа: длиною въ двѣ-три сажени) дѣйствительность вокругъ пріобрѣтаетъ особую прелесть. Бассовыя ноты его, перемежаясь съ голосами дудочекъ и флейтъ, торжественно звучатъ въ блескѣ сегодняшняго праздника, подъ лучами тропической лунной ночи. Что за жалоба слышится въ симпатичныхъ мелодіяхъ этого страннаго инородческаго оркестра и хора? Оплакиваютъ-ли музыканты и пѣвцы родную старину, когда сѣверяне Сіама не служили менамскимъ владыкамъ, не принимали съ покорствомъ судьбѣ бангкокскихъ «воеводъ», присылаемыхъ «на кормленіе», не терпѣли притѣсненій со стороны Аннама и Бирмы, сами ходили на подвиги въ далекій Тонкинъ? Вѣтъ-ли отъ этой оживленно жестикулирующей молодежи удалю племенъ, проникнувшихъ сюда чрезъ пустыню Гоби на благословенный югъ?

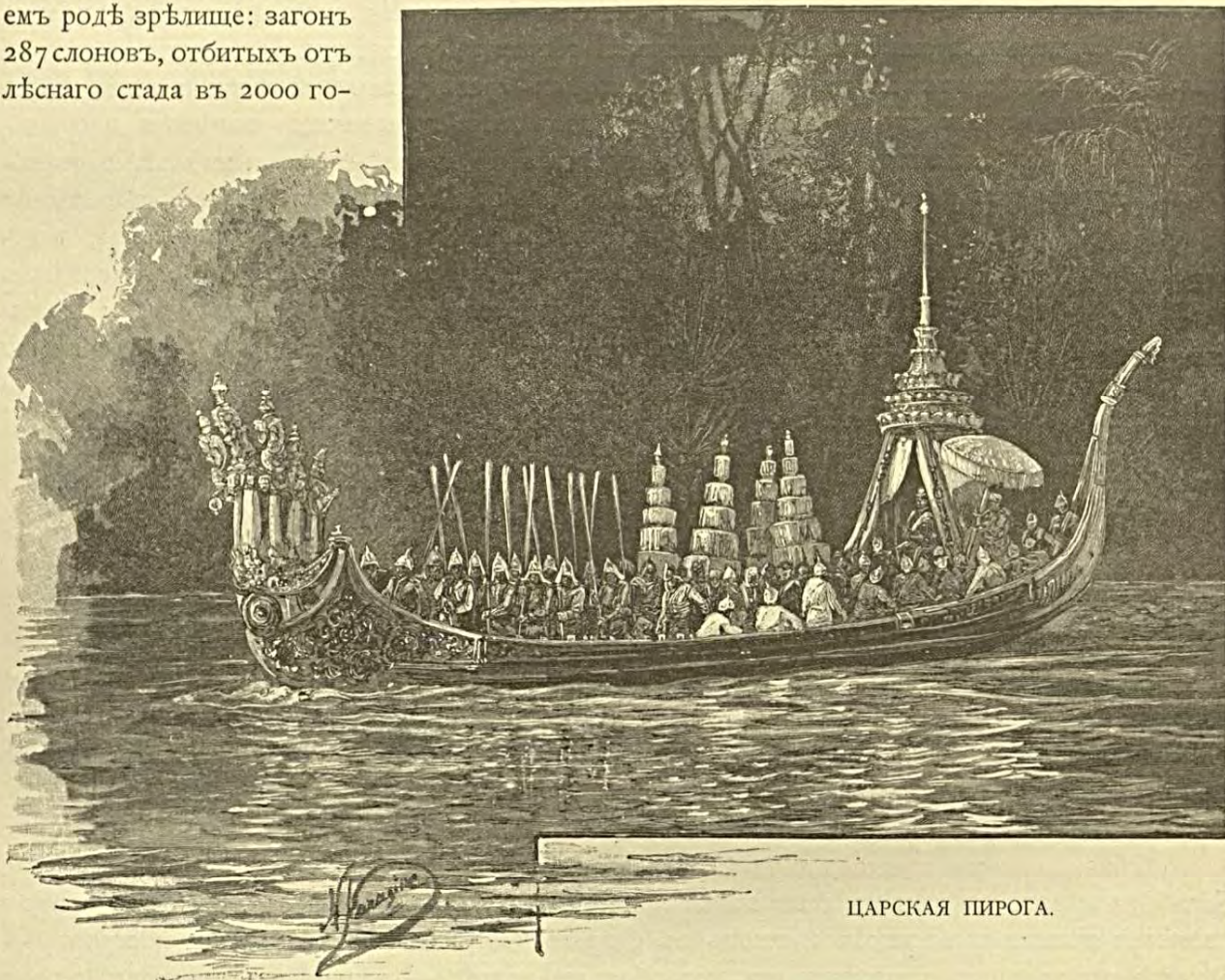
Судя по отрывочнымъ распроснымъ свѣдѣніямъ о лаосахъ, они — буддисты, скорѣе близкіе къ ламаизму чѣмъ къ цейлонскому и сіамо-бирманскому вѣропониманію. Доказательствъ тому — множество: они воздвигаютъ и чтутъ «обоны», т. е. груды камней на возвышенностяхъ съ цѣлью жертвовать здѣсь при проѣздѣ геніямъ мѣстности, — они устраиваютъ (точь въ точь какъ тибетцы и монголы) магическіе танцы костюмированныхъ грозными божествами бонзъ для устраненія духовъ зла, — каждая семья старается посвятить въ духовное званіе по крайней мѣрѣ одного мальчика, духовенство имѣетъ право владѣть частной собственностью, ученѣйшіе монахи кажутся народу воплощеніями всесовершенныхъ верховныхъ существъ (Буддъ) и т. д.

Наши лодочки продолжаютъ скользить отъ группы къ группѣ, отъ хора къ хору. Барабаны и рога оглашаютъ воздухъ хотя и странной, но пріятной гармоніей. Инородцы пестрыми тѣнями вырастаютъ и таютъ въ багровой мглѣ озаряющихъ сцену костровъ, — а когда мы наконецъ удаляемся отъ нея обратно, домой, — вдругъ изъ темноты, словно на прощанье, рѣзче прочихъ фигуръ выдѣляется нѣсколько словно отлитыхъ изъ бронзы малайцевъ съ такими лицами, что и не забыть ихъ никогда: столько рѣшимости, столько презрѣнія къ смерти, столько фатализма во вспыхивающихъ зловѣщими отблесками неподвижныхъ чертахъ! Когда эти фанатики ислама встарь возмущались противъ сіамскаго правительства, никакая казнь не могла испугать строптивыхъ: напр. ихъ привязывали нагихъ, въ особой оградѣ, къ столбамъ и выпускали туда голодныхъ тигровъ... звѣри отѣдали имъ оконечности, дробили кости, лизали кровь на челѣ, и ни одинъ изъ осужденныхъ не испускалъ болѣзненнаго вопля, не отвращалъ взора отъ четвероногаго мучителя. Вообще умирать такъ, какъ восточный человѣкъ, едва-ли кто гдѣ-либо — въ состояніи. Одинъ англичанинъ видѣлъ въ Бирмѣ преступника, которому вспороли животъ

и выпустили часть кишекъ: онъ, несмотря на близость агоніи, потянулся за бананомъ и сталъ ѣсть, — приговоренная же за убійство женщина добровольно вползла въ клѣтку приготовленнаго для казнимыхъ тигра и низко поклонилась звѣрю въ ожиданіи удара его лапы.

Понедѣльникъ, 11 (23) марта.

Утромъ отъѣздъ по Менаму въ Аюдію на паровыхъ катерахъ. Тамъ ожидаетъ насъ единственное въ своемъ родѣ зрѣлище: загонъ 287 слоновъ, отбитыхъ отъ лѣснаго стада въ 2000 го-

ЦАРСКАЯ ПИРОГА.

ловъ. Вотъ что за диковины заурядъ встрѣчаются въ Сіамѣ! Приближаясь къ Аюдіи (она состоитъ почти исключительно изъ пловучихъ жилищъ, образующихъ цѣлыя улицы и базаръ вдоль рукава рѣки), мы снова имѣемъ случай полюбоваться царскими пирогами съ алыми молодцеватыми гребцами-воинами. Все въ нихъ необычно, — начиная отъ архаически-маскараднаго костюма и положенныхъ около каждой уключины винтовокъ: и до мѣрныхъ весельныхъ движеній въ тактъ напѣва и возгласовъ («уа!») вродѣ крика нубійцевъ, подвожившихъ Цесаревича къ порогамъ Нила.

Модели королевскихъ лодокъ были на парижской выставкѣ при Наполеонѣ III и на выставкѣ въ Гаврѣ.

Ayodhya (т. е. то, противъ чего не слѣдуетъ вести войны, иными словами «непобѣдимое», «неприступное») назывался по санскритски въ глубокой древности и въ первые вѣка нашей эры огромный индійскій центръ въ предѣлахъ нынѣшняго Оуда, — откуда въ разную пору вышли многіе раджпутскіе витязи (напр. князья Джодпура), а кромѣ того проповѣдники буддизма и джайнизма. Овѣянный сказаніями городъ за благочестіе его жителей трижды былъ цѣликомъ поднятъ на небо и снова отражался на землѣ, сохраняя однако общеніе съ нагорными сферами и потоками духовнаго свѣта озаряя полъ Азіи. Сіамцы изъ благоговѣнія къ тамошнимъ стародавнимъ святынямъ своей религіи и къ минувшему блеску полулегендарной Айодіи (Аютіи) произвольно наименовали одинаковымъ образомъ возникшую на Менамѣ въ XIV вѣкѣ столицу, вводя тѣмъ самымъ въ не малое затрудненіе и ошибки послѣдующихъ археологовъ, которые бы склонны были выдѣть въ однородности названій какую-нибудь историческую племенную связь. Таковой нѣтъ, — да ея незачѣмъ и доискиваться. Народы Востока живутъ фантазіей, и миѳы непрерывно претворяютъ дѣйствительность въ любую желаемую форму. Здѣшнимъ передовымъ туземцамъ, знакомымъ съ прошедшимъ Индіи, пришла мысль создать изъ воскрешаемаго при новыхъ условіяхъ великаго города знаменитый по своему центръ (какъ напр. въ смежной Камбоджіи основалось второе Дэли, Indra prestha) и они этого до извѣстной степени достигли. Теперь остаются развалины, но и отъ нихъ вѣетъ сладостью славнаго преданія. Изъ густаго джонгля подають о себѣ вѣсть опустѣлыя кумирни, разрушенные дворцы, невыдержавшія вражьяго натиска твердыни.

Пребываніе Августѣйшихъ путешественниковъ въ Бангъ-па-инѣ настолько кратковременно, что намъ не придется осмотрѣть этихъ останковъ прежняго величія страны. Но уже достаточно видѣть издали съ рѣки тотъ или иной памятникъ, выглядывающій изъ чащи, чтобы судить о томъ, сколько въ ней таится.

Исторія названнаго города любопытна и поучительна, такъ какъ съ одной стороны отражаетъ политическую жизнь и творческія наклонности мѣстнаго населенія, съ другой же стороны даетъ понятіе о нѣкоторыхъ причинахъ постепеннаго упадка индо-китайскихъ государствъ. Не враждуй они вѣчно изъ-за ничтожныхъ предлоговъ другъ съ другомъ, судьба загангетической Индіи (а, пожалуй, и Бенгаліи съ прилегающими областями) могла сложиться совершенно иначе. Къ чему послужили напр. неоднократныя и кровопролитныя войны здѣшнихъ правителей съ чрезвычайно задорною Бирмой?

Однимъ изъ безцѣльнѣйшихъ слѣдуетъ считать, между прочимъ, походъ бирманской арміи на Аюдію въ 1548 г. Осадившими ее командовалъ португалецъ Ліэго Суарецъ де Альбергаріа: впрочемъ, и самъ царь принималъ участіе въ начавшихся приступахъ и даже получилъ тяжкія раны. Артиллерія жестоко обстрѣливала стѣны города со слоновъ. Въ жаждѣ наживы кидались на крѣпость наемные турки. По совѣту какого-то грека, инструктора и техника, бирманцы соорудили 26 деревянныхъ башенъ и, воспламенивъ, прикатали ихъ на колесахъ къ обороняющейся твердынѣ, чтобы усилить ужасы боя.

Сіамцы защищались съ поразительнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ, при помощи нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ отборнаго войска, набраннаго на Явѣ и Борнео. Узнавъ о томъ, что правителемъ Бирмы назначена очень большая награда тѣмъ, кто откроетъ главные ворота столицы, — осажденные сами ихъ распахнули и со смѣхомъ требовали себѣ обѣщанной пени. Въ концѣ концовъ враги отступили.

Двумя столѣтіями позже злополучный городъ всетаки палъ послѣ ожесточеннѣйшаго сопротивленія и былъ разграбленъ бирманцами. Они однако не удержались въ странѣ и ушли. На Менамѣ воцарилась новая династія, справедливо признавшая цѣлесообразнымъ

перенести центръ административной и торговой жизни ближе къ морю, въ Бангкокѣ. Легенда, конечно, не замедлила разукрасить это событіе, говоря, что правившему тогда королю во снѣ явились прежніе повелители Сіама и просили не тревожить ихъ тѣней возсозданіемъ дворцевъ и храмовъ на старомъ пепелищѣ. Вереница усопшихъ царей предписала такъ-сказать своему преемнику не идти противъ рока и навсегда покинуть мѣсто, гдѣ народъ вынесъ столько горя въ историческомъ поединкѣ съ суровыми сосѣдами.

Ореоль чего-то поэтического и таинственнаго съ тѣхъ поръ почилъ надъ развѣнчанною столицею. Любителямъ древностей открыта возможность находить въ ней постепенно неисчерпаемый художественно-бытовой матеріалъ. Среди развалинъ Аюдіи схоронено, говорятъ, видимо-невидимо сокровищъ, которыми послѣ бирманскаго разгрома не успѣли воспользоваться ни владѣльцы, ни самъ непріятель. Огромные металлическіе кумиры постепенно извлекаются на поверхность земли. По свидѣтельству голландца Шоутена, завѣдывавшаго въ 1836 г. факторіей соотечественниковъ на Менамѣ, здѣсь было тогда 300 капищъ. Въ виду доброкачества старинныхъ построекъ (зодчими являлись главнымъ образомъ рабы изъ лаосскихъ областей и Камбоджіи, гдѣ еще живѣе сохранялись традиціи великаго искусства «хмеровъ») и въ виду сравнительно высшихъ эстетическихъ потребностей населенія въ ту эпоху, тамошнія сооруженія несомнѣнно представляли гораздо больше въ общечеловѣческомъ культурномъ смыслѣ чѣмъ все позднѣйшее, возникшее уже въ бангкокскій періодъ. Тѣмъ важнѣе для изслѣдователей это когда-нибудь выяснить.

Вражда и борьба Бирмы съ Сіамомъ встарь носила отчасти тотъ же характеръ, какъ отношенія Польши къ намъ. Въ результатъ оба болѣе западныя государства, вмѣсто того чтобы сплотиться боевою мощью противъ натиска чужой расы, предпочли братоубійственную распрю и политически перестали существовать.

Если еще бирманцы вначалѣ не довѣряли европейцамъ, — въ особенности англичанамъ, — то благодаря армянскимъ купцамъ, которые издавна проникали въ Индо-Китай и своевременно предупреждали туземцевъ относительно вліянія этихъ искусныхъ колонизаторовъ. Теперь послѣдніе безъ особыхъ затрудненій овладѣли Бирмой и завистливымъ окомъ смотрятъ на Менамъ, куда тоже шагнули бы съ обычной быстротой и откровенностью, — не стой имъ тамъ на пути, на стражѣ своихъ интересовъ, лучше ихъ подготовленная къ сухопутной войнѣ и свыкающаяся съ этими краями Франція. Столкновеніе державъ близится, но нельзя въ полномъ объемѣ предугадать развязки.

Средневѣковая сіамская Аюдія собственно возникла въ 1351 г. при знаменитомъ царѣ Раматибоди I-омъ изъ-за какой-то эпидеміи, вынудившей перемѣстить тогдашній правительственный центръ значительно на югъ. Въ это время сіамцы еще владѣли Тенасеримомъ и Малаккой, создавали на своихъ окраинахъ сторожевые города «со стѣнами крѣпкими какъ алмазъ»: оттого-то напр. и король, ходившій въ 1344 г. побѣдной войной на малайцевъ, справедливо величалъ себя «золотымъ царемъ».

Чѣмъ больше я здѣсь вижу и слышу о странѣ, тѣмъ непонятнѣе мнѣ кажется почти полное молчаніе о ней ученаго или даже просто любопытнаго Запада. Врядъ-ли это есть просто пренебрежительное игнорированіе. Причины коренятся глубже. Онъ видимо чего-то не понимаетъ въ Сіамѣ, вродѣ того какъ и въ насъ. Нѣмецъ, французъ, англичанинъ изслѣдуютъ и знаютъ относительно хорошо Азію, создали специально для нея

колоссальную литературу, — Россіи же, которая есть ключъ къ пониманію Востока и составляетъ главную его часть, они до сихъ поръ не постигли, до сихъ поръ сѣются истолковать и опредѣлить. На Менамѣ бывали и сравнительно долго оставались выдающіеся по наблюдательности и подготовкѣ путешественники, подобные Адольфу Бастіану, — Бангкокѣ посѣщали, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, образованные представители культурнѣйшихъ государствъ (въ 1879 г. американскій эксъ-президентъ Грантъ, въ 1881 г. его королевское высочество герцогъ Генуэзскій, въ 1888 г. герцогъ Сѣфферландскій и т. д.), — сюда пріѣзжали художники съ именемъ (знаменитый акварелистъ Эдуардъ Хильдебрандтъ) и политическіе авантюристы безъ числа: однако никто изъ нихъ не отнесся съ искренней симпатіей къ сіамской жизни и ея правамъ на будущее, никто не схватилъ и не выразилъ идеи, чѣмъ могло бы стать царство дома Чакра-Кри: очагомъ воздѣйствія независимыхъ, непорабощенныхъ Европою элементовъ азіатскаго материка на подавленную британскимъ владычествомъ Бирму, на изнывающую подъ нимъ Индію. Послѣднее обстоятельство было аксіомой для самихъ туземцевъ этой первой страны, пока ее не погромили «бѣлые» враги. Оттуда посылались еще въ наше столѣтіе эмиссары въ Оудъ, Дѣли, Пэнджабъ, Кашмиръ, маратскія земли: поднять и организовать населеніе къ борьбѣ противъ пришельцевъ-колонизаторовъ. То, что не удалось тогда бирманцамъ исторически завѣщано Сіаму. Помочь ему въ осуществленіи задачъ, клонящихся къ благу многихъ милліоновъ соотечественниковъ (въ обширномъ смыслѣ слова) способенъ Китай и жаль, если сношенія между обоими правительствами, когда-то дружественныя и взаимнополезныя, въ данную минуту порваны и сведены на нѣтъ. Пекинъ (кто-бы въ немъ ни царилъ), какъ центръ тяжести смутныхъ интересовъ половины Востока, еще далеко не отжилъ свой вѣкъ.

Бангкокскій дворъ, послѣ постепеннаго паденія бирманской династіи, очутился такъ-сказать на порогѣ индійскаго міра и сразу пріобрѣлъ выдающееся международное значеніе въ глазахъ прозорливой западной дипломатіи. Оттого французы и стараются опутать сіамцевъ за ихъ мнимую непочтительность къ территоріи Камбоджіи. Оттого и германское око чаще и чаще смотритъ на Менамъ. Недаромъ, въ Берлинѣ съ недавнихъ поръ поселился даже дипломатическій представитель изъ Бангкока. Нѣмцы незамѣтно изучаютъ край въ качествѣ туристовъ. Интересъ къ нему настолько великъ, что герцогъ Іоаннъ Альбрехтъ Мекленбургскій четыре недѣли прогостилъ у короля, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Пока совершенно чуждый политики въ тихо-океанскихъ водахъ австрійскій военный флотъ тоже облюбовалъ своими посѣщеніями безбрежный менамскій рейдъ. Незадолго передъ нами тутъ находился корветъ «Фазана» съ юнымъ эрцгерцогомъ Леопольдомъ Фердинандомъ, старшимъ сыномъ Великаго герцога Фердинанда IV Тосканскаго.

Русскаго флага, кажется, не видно было въ Сіамскомъ заливѣ съ февраля 1874 г. когда въ столицу на Менамѣ прибылъ контръ-адмиралъ Брюмеръ съ корвета «Аскольдъ». Король привѣтствовалъ нашихъ моряковъ выраженіемъ пожеланій, чтобы у Россіи поскорѣе установились связи съ Сіамомъ. Конечно, все ограничилось платоническими чувствами. Сознаніе необходимости мысленно сближаться и практически знакомиться съ нимъ, хотя-бы ради будущаго, не проникало и не увлекало до сихъ поръ никого изъ русскихъ путешественниковъ. Впрочемъ, ошибаюсь: одинъ нашелся. За полтора года до нашего пріѣзда, въ сѣверномъ Сіамѣ скончался отъ дорожныхъ лишеній и лихорадокъ никому не извѣстный въ Россіи (хотя онъ ея уроженецъ), но оцѣненный нѣмцами ученый изслѣдователь: остзейскій графъ Анрепъ-Эльмптъ.

Такое отношеніе крайне странно. Мы нерѣдко жаждемъ приключеній, въ силу особенностей своего національнаго характера, ищемъ случая предпринимать зачастую всякія

дикія «хожденія за три моря», украшаемъ свои и чужіе музеи результатами экспедицій въ такіе края, гдѣ русскому піонеру положительно нечего дѣлать, и наряду съ тѣмъ равнодушны къ осуществленію прямыхъ и непосредственныхъ государственныхъ задачъ въ предѣлахъ Азіи, которая вѣдь, строго говоря, въ полномъ объемѣ есть та же Россія, но только удостоивающаяся еще меньшаго вниманія со стороны русскихъ образованныхъ людей и дѣятелей вообще чѣмъ многія внутреннія области и довольно глухія окраины нашего неогляднаго отечества. Между тѣмъ неотложно приходитъ пора иначе взирать на вещи, глубже всматриваться въ Востокъ, считать изученіе его дѣломъ первостепенной важности и необходимости.

На Менамѣ туземцы изстари непрочь были отъ общенія и союза съ «бѣлыми» пришельцами. До сихъ поръ, къ несчастью, идеальная потребность эта не находила пищи и удовлетворенія. Сіамцы, всегда относившіеся съ пріязнью къ чужестранцамъ, особенно благоволили напр. когда-то къ голландцамъ и въ 1624 г. даже, въ защиту ихъ интересовъ, запутались въ весьма убыточную войну съ испанцами Филиппинскихъ острововъ. Нидерландскіе колонизаторы условно цѣнили эту дружбу и, не отказывая помогать Сіаму въ моменты его случайной борьбы съ мятежниками на Малакскомъ полуостровѣ, тѣмъ не менѣе плохо снабжали туземцевъ просимыми пушками, — вѣроятно, боясь усилить самобитное по духу царство въ ущербъ себѣ. Въ томъ же вѣкѣ, но позже, аналогично хотѣли поступать и потерпѣли фіаско французы. Будь замыслы иностранцевъ съ Запада честнѣе, они давно бы въ лучшемъ смыслѣ слова пріобщили край цивилизації. Мѣстные жители стремились въ лицѣ правителей принять участіе въ событіяхъ міровой жизни. Когда сюда явился современникомъ Людовика XIV одинъ политически мудрый выходецъ со Средиземнаго моря, тогдашній царь, цѣня его совѣты возвысилъ этого иноземца до самыхъ высокихъ должностей, поставилъ его надъ принцами и сановниками. Этотъ родившійся подъ счастливой звѣздой человекъ былъ родомъ грекъ: Константинъ Фоконъ (Constance Faulcon) съ острова Кефалоніи, признававшей въ ту пору власть Венеціи. Если уже оттуда, изъ-за тридевяти земель, могли съ успѣхомъ проникать въ Индо-Китай XVII столѣтія эгоистически предприимчивые люди безъ патріотическихъ интересовъ и стремленій, то въ данную минуту, понятно, почва въ Сіамѣ еще благопріятнѣе почтеннымъ дѣятелямъ, вродѣ коммодоре де-Ришелье, для постепеннаго созданія на ней прочно обоснованнаго противодѣйствія хищнымъ вождельніямъ передовыхъ европейскихъ націй.

Особое пространство отведено въ Аюдіи ловлѣ лѣсныхъ слоновъ. Сооружена гигантская изгородь, куда ихъ вгоняютъ цѣлыми сотнями. Съ одного боку построена довольно высокая и длинная крытая эстрада для короля и его многочисленной свиты, а также для толпы избранныхъ зрителей, собирающихся полюбоваться рѣдкой картиной. Народъ тѣснится вокругъ загона, глядитъ на нее сквозь массивный тынъ, взлѣзаетъ мѣстами на толстые саженные столбы, сдерживающіе напоръ и смятеніе попавшагося въ западню стада исполиновъ. Отчаяніе и безпокойство послѣднихъ не поддаются описанію. На аренѣ передъ нами — цѣлый адъ, бездна мученій и стоновъ: безысходное горе самокъ, потерявшихъ дѣтенышей, и безсильное бѣшенство самцевъ, которые чуютъ превосходство надъ ними умнаго «двуногаго» врага. Бѣдныя животныя ревутъ и мычатъ, мечутся вдоль тына, — откуда ихъ пиками отгоняютъ загонщики, — или же топчутся на мѣстѣ, посыпая себя прахомъ. Грозная жалоба стоитъ въ воздухѣ надъ стадомъ, представляющимъ одну

чудовищную грязно-сѣрую массу страдающихъ существъ. Европейцу съ непривычки можетъ казаться, что она только временно не сознаетъ своей мощи и не разрушаетъ преградъ, за которыми люди смотрятъ на плѣнныхъ исполиновъ, — но туземцамъ и въ голову не приходятъ подобныя мысли: сбитые въ безпорядочную кучу слоны при облавѣ совершенно теряются. Безумный страхъ охватываетъ затворниковъ и затворницъ. Они даже не ждутъ освобожденія, а просто стонутъ и трубятъ отъ тревоги.

Среди скопища ихъ есть рѣдкіе по внѣшности экземпляры. Недаромъ, здѣшній край всегда славился обиліемъ и величиной лѣсныхъ гигантовъ. Правитель Голконды (во внутренней Индіи) въ качествѣ наиболѣе цѣнныхъ даровъ посылалъ Моголу Аурангзебу замѣчательныхъ по качествамъ слоновъ съ Цейлона, а по размѣрамъ изъ Сіама. Англичане въ данное время утилизируютъ не меньше прежнихъ дворовъ способности и грубую силу этихъ довольно добродушныхъ тварей. Въ Ассамѣ британскимъ правительствомъ ежегодно устраиваются систематическія ловли и прирученіе, для обозной службы и общественныхъ работъ, столь полезныхъ животнымъ. До сихъ поръ нѣтъ установившагося мнѣнія, умны и добры-ли они по природѣ. Существуютъ авторитетные голоса за и противъ. Судя по безпомощности 287 бѣднягъ въ данный моментъ, — ихъ, пожалуй, дѣйствительно можно признать обладающими вторымъ качествомъ, но наврядъ-ли первымъ; однако отрицать въ нихъ тонкое и даже извѣстнаго рода разумное чувство тоже нельзя на основаніи множества фактовъ. Иногда разсвирѣпѣвшему слону достаточно убить человѣка, чтобы тотчасъ успокоиться. Это случилось напр. съ однимъ изъ Моголовъ, когда онъ катался на ручномъ гигантѣ. Послѣдній вдругъ сталъ неукротимъ. Вожакъ рѣшилъ принести себя въ жертву и спасти царя, умоляя лишь его позаботиться о будущихъ сиротахъ. Затѣмъ вѣрный слуга кинулся подъ ноги четвероногому титану и былъ имъ яростно растоптанъ, послѣ чего онъ сразу какъ-то устыдился своего поступка и присмирѣлъ. Владыка Индостана, въ благодарность небу за чудесное спасеніе, тотчасъ роздалъ 200,000 рублей нищимъ и приблизилъ ко двору сыновей погибшаго.

Востокъ совсѣмъ иначе относится къ слонамъ, чѣмъ относилась классическая древность. Здѣсь ихъ почитали и до сихъ поръ до нѣкоторой степени холятъ. На Западѣ же они служили всегда или для смертоносныхъ походовъ, или попросту для потѣхи. Въ римскомъ циркѣ заставляли драться двадцать такихъ гигантовъ противъ отряда изъ пяти-сотъ пѣхотинцевъ. Особые гладіаторы (бестіаріи) выходили на эту бессмысленную борьбу. Императоръ Коммодій, — возвысившійся до престола изъ ряда подобныхъ атлетовъ, — успѣшно испробовавъ силу надъ гишпопотамомъ и тигромъ, рѣшилъ сойтись въ поединкѣ и со слономъ, причемъ убилъ послѣдняго.

Въ ту пору ручныхъ исполиновъ принято было впрягать при торжествахъ въ колесницы царей или предъ кумирами боговъ. Обычай этотъ привился съ дней Августа. Послушныя животныя выводились кромѣ того на игрища, гдѣ требовалось ихъ участіе въ сложныхъ пантомимахъ: иныхъ уморительно одѣвали настоящими драматическими актерами, заставляли таскать на носилкахъ мнимобольнаго товарища, съ ужимками садиться за столы съ яствами на дорогихъ блюдахъ, взлѣзать съ арены по двумъ туго натянутымъ канатамъ на возвышенныя мѣста и т. д. Еще при турецкомъ господствѣ въ Царьградѣ держали слоновъ, умѣвшихъ плясать и потѣшать зрителей игрой въ мячъ.

Можно почти по пальцамъ перечестъ четвероногихъ страшилищъ, приведенныхъ въ средніе вѣка въ глубь Европы. Одного доставили на показъ въ Венгрію могущественнѣйшему Аварскому хану, правившему тогдашними южно-русскими степями. Другаго привели около 800 года, въ Аахенъ, Карлу Великому въ даръ отъ халифа Гарунъ-аръ-Рашида. Саксонскій лѣтописецъ, восхвалявшій славу своего государя, говоритъ по поводу прибытія азіата-гиганта: «*mira spectacula regno Francorum dederat*». Крестоносцы взяли съ собою на родину двухъ-трехъ диковинныхъ для сѣвера слоновъ: вывезенный Святѣмъ Людовикомъ попалъ потомъ въ Англію. Португальцы прислали изъ Индіи Папѣ въ 1514 г. забавнаго слоненка, трижды преклонившаго передъ нимъ колѣни при первой встрѣчѣ. Извѣстенъ такой же экземпляръ, подаренный въ 1562 г. германскому императору Филиппомъ II Испанскимъ. Слѣдующаго слона нѣмцы увидѣли въ 1629 г. во Франкфуртѣ и Нюрнбергѣ.

На Востокѣ исполинскія твари, въ качествѣ явленія сравнительно зауряднаго, нерѣдко имѣли большую цѣну (порой въ десятки тысячъ рублей) и восхищали размѣрами народъ, но отнюдь не играли жалкой роли, выпадавшей имъ на Западѣ. Здѣсь, въ отечествѣ и такъ-сказать царствѣ лѣсныхъ титановъ, къ нимъ примѣняется болѣе симпатичная точка зрѣнія. Ихъ, что всего важнѣе, не истребляютъ въ безмѣрномъ количествѣ исключительно ради клыковъ (какъ напр. въ предѣлахъ «чернаго» материка), а по возможности только приручаютъ въ помощь человѣку. Слоновая кость, съ незапамятныхъ временъ цѣнившаяся даже у Средиземнаго моря (не говоря объ искусномъ на ручныя подѣлки Китаѣ), не разожгла корыстолюбія «восточныхъ варваровъ» до забвенія чувствъ состраданія къ другу полуденной азіатской культуры: слону. Стоимость бивней послѣдняго, положимъ, опредѣляется не по блеску и величинѣ, а по внутреннему содержанію, т. е. мягкой прогрессирующей отъ заботливаго ухода бѣлизнѣ (при этомъ африканская добыча чуть-ли не доброкачественнѣе азіатской), — однако соблазнъ получить за нихъ уйму денегъ видимо не настолько увлекалъ индо-китайскаго туземца, чтобы онъ рѣшился повести противъ слоновъ беспощадную войну. Они были и остались для него чѣмъ-то чрезвычайно близкимъ по существу и способнымъ внушать поклоненіе: населеніе Азіи вообще не знаетъ утрированно-хищныхъ инстинктовъ по отношенію къ тому, что живетъ и движется среди него на всевозможныхъ ступеняхъ бытія. Для восточныхъ народовъ гигантскія животныя всегда были олицетвореніями власти царей, рычагами грозной правительственной силы, авторитета и престижа. Казнить преступниковъ, сокрушать врага, являть толпѣ небороднаго владыку споконъ вѣка считался призваннымъ обученный этому слонѣ. Насколько подобное воззрѣніе повсюду коренилось глубоко, свидѣтельствуешь хотя-бы слѣдующій историческій фактъ: воинственные жители Турфана (въ Туркестанѣ) потребовали въ XV столѣтіи отъ Сына Неба въ Пекинѣ, чтобы имъ отправили въ даръ слоновъ, составлявшихъ тогда осязательную принадлежность императорскаго кортежа.

Загнанное въ ограду стадо цѣликомъ не представляетъ интереса для занимающихся ловлей и прирученіемъ экземпляровъ, годныхъ для службы человѣку. Поэтому большинство матокъ и дѣтенышей, а также неважныхъ по внѣшности самцевъ безъ клыковъ, постепенно выпускается на свободу черезъ особый очень тѣсный проходъ. Иные изъ узниковъ до крови разбиты борьбою. Вышедшіе на волю не обращаются однако въ неистовое бѣгство, а спускаются къ ближайшему водоему, чтобы освѣжиться. Насъ тѣмъ

временемъ приглашаютъ позавтракать на огромной по объему эстрадѣ, смежной съ мѣстами для зрителей. Даже меню изображаютъ слона съ жожакомъ у головы.

По приглашенію короля сюда прибыло изъ Бангкока много нашихъ офицеровъ. Тамъ для нихъ нанято большое помѣщеніе въ лучшемъ отелѣ и всѣмъ оказывается отъ имени двора самое широкое гостепріимство. Стоитъ кому-нибудь написать депешу въ Россію (куда каждое слово обходится по телеграфу нѣсколько долларовъ, — и она посылается на казенный счетъ, за нее запрещено брать плату). По приказанію его величества на эскадру ежедневно доставляется всякая живность, всякіе припасы. Такіе порядки по отношенію къ наѣзжающимъ посольствамъ и вообще знатымъ иностранцамъ издавна водились въ Сіамѣ, — но число гостей никогда еще не достигало такой цифры какъ въ данное время. Подъ стройную музыку и клики народа, любующагося картиной грандіознаго загона, при оглушительномъ ревѣ оторванныхъ отъ стада лѣсныхъ титановъ, правитель Сіама радостно чувствуетъ въ предѣлахъ славной Аюдіи Русскаго Престола наследника и Его свиту, чувствуетъ русскихъ моряковъ.

Послѣ завтрака все въ затворѣ и вокругъ него опять усиленно оживляется. Несвязанныхъ еще плѣнниковъ рѣшено окончательно смирить, что совсѣмъ не легко. На пыльную значительно опустѣлую арену къ нимъ вѣзжаютъ на девяти ручныхъ слонахъ искусные ловцы (въ синихъ курткахъ и круглыхъ бѣлыхъ шляпахъ), по два на животномъ: у правящаго имъ въ рукахъ — копье, — другой, сидящій у хвоста, держится за толстенныя веревки, обматывающія туловище послушнаго исполина. Цѣль появленія этихъ дѣйствующихъ лицъ въ чертѣ незыблемаго заплота сводится къ тому, чтобы набросить путы на черезчуръ бѣснующихся огромныхъ тварей. Подступиться же къ нимъ весьма опасно. Только-что, какъ слышно, одинъ великанъ почти убилъ ударомъ хобота отстранявшаго его отъ изгороди пѣшаго копѣйщика: несчастнаго едва успѣли замертво оттащить за свай. Рискующимъ вплотную приблизиться къ дикимъ слонамъ, хотя бы на спинѣ ихъ прекрасно выдрессированныхъ сотоварищей, грозитъ вѣрная смерть при малѣйшемъ промахѣ или несохраненіи должнаго равновѣсія. Четвероногія громады сталкиваются тутъ и тамъ точно каменные глыбы непомѣрной величины: усидѣть на хребтѣ гигантовъ требуетъ не меньше мужества и хладнокровія чѣмъ ловкости. Видя себя такъ-сказать въ засадномъ положеніи, лѣсные слоны, несмотря на малочисленность противниковъ, первые приходятъ въ еще большее смятеніе и страшнымъ напоромъ ломаются въ проходѣ. Люди, взобравшіеся на образующіе его столбы, пиками пытаются отогнать животныхъ, — преграждаютъ имъ дорогу, спуская бревна вродѣ шлагбаума но ничто не помогаетъ и часть измученныхъ голодныхъ плѣнниковъ прорывается наружу. Нѣкоторыхъ однако преслѣдователи ловятъ, искусно набросивъ имъ въ суматохѣ петлю на заднюю ногу. Продолженіе каната отчасти волочится за бѣглецомъ по землѣ, отчасти остается въ качествѣ крѣпчайшей подпруги на туловищѣ ручнаго исполина. Захваченный веревкой дикарь, оступаясь, торопится на просторъ: его и безъ того затрудненныя движенія на каждомъ шагѣ стѣсняются испуганными сосѣдями, — погоня рысью идетъ за ними, умышленно заставляя ищущихъ спасенія обѣгать на окрестной полянѣ специально для ловитвы вбитыя свай. Въ концѣ концовъ слонъ закручивается на какомъ-нибудь мѣстѣ до полной безпомощности, тщетно пытается разрушить оковы, сердито начинаетъ вертѣть хвостомъ и съ угрозой высоко подымаетъ хоботъ. Напрасно! Ловчіе осторожно надѣваютъ на него здоровый плетеный ошейникъ. Опытные въ дѣлѣ прирученія товарищи забираютъ надъ пойманнымъ власть. Четыре изъ нихъ берутъ его спереди и съ боковъ, чтобы тащить въ стойла. Одинъ клыками подпираетъ строптиваго сзади. До глубины

души возмущенный такимъ предательствомъ обезсилившій звѣрь реветъ и рвется, барахтается и падаетъ. Бываютъ случаи, что онъ и не хочетъ, и не можетъ отъ усталости встать, — предпочитая смерть неволѣ. Поэтому лежакаго тотчасъ принимаются обильно поливать водою изъ бамбуковыхъ трубъ.

Плѣнника на первыхъ порахъ морятъ голодомъ и жаждой, чтобы онъ смирился. Трогательно то обстоятельство, что при этомъ, ручные великаны утѣшаютъ страдающаго сотоварища нѣжными ласками. Индо-китайскіе слоны вообще считаются строптивѣе и неукротимѣе индійскихъ. Нерѣдки случаи, когда они въ раздраженіи бросаются на человѣка.

Августѣйшіе путешественники возвращаются къ обѣду въ Банг-па-инъ. Вечеромъ весь паркъ иллюминированъ. Кіоски съ прохладительными напитками открыты среди сумрачной тропической ночи, среди благоухающей листвы. Блестящій праздникъ организованъ королемъ въ честь Избраннаго Гостя и кончается фантастическимъ шествіемъ, — мимо шалэ-дворца, — цѣлой маленькой арміи людей, костюмированныхъ отчасти въ староголландскомъ и древнеяпонскомъ вкусѣ, отчасти же дѣйствующими лицами изъ популярной въ Сіамѣ Рамаяны. При этомъ поражаетъ «бѣлолицый» Хануманъ, владыка обезьянъ, всегда рисующійся въ Индіи краснорожимъ.

Заносъ въ дневникъ массу неизгладимыхъ впечатлѣній, само собою какъ-то записываешь малоизвѣстныя въ Европѣ свѣдѣнія о прежней условно исторической роли края среди индо-китайскихъ государствъ. Эти данныя необходимы для оцѣнки болѣе современныхъ событій, которыхъ послѣдствія еще не сказались въ полной мѣрѣ. Отношенія его къ Бирмѣ уже характеризовались мною, когда шла рѣчь о средневѣковой Аюдіи. Связи же съ другими ближайшими правительствами, пожалуй, гораздо любопытнѣе и важнѣе съ точки зрѣнія недалекаго будущаго.

Аннамъ и Сіамъ издавна вступали между собою косвеннымъ образомъ въ борьбу, при упорныхъ попыткахъ перваго окончательно себѣ подчинить сначала царство Цямпу (т. е. Кохинхину), а затѣмъ и Камбоджію. На Менамѣ, положимъ, тоже не дремали: напр. въ 1313 г. на сѣверъ послана была оттуда могучая рать (изъ теперешнихъ воинственныхъ лаосскихъ областей) для утвержденія сіамской власти среди развалинъ «хмерскаго» строя. Аннамиты олицетворяли такъ-сказать авангардъ стремящагося южнѣе Китая. Ихъ антагонисты представляли тамъ въ нѣкоторомъ родѣ протестъ двинувшагося за море и вообще за предѣлы родины мягкаго по природѣ, но крайне цѣпкаго индуизма. Онъ колонизировалъ и претворилъ въ своемъ духѣ Яву и часть съ нею смежныхъ малайскихъ земель, перекинулся на индо-китайскія побережья, заставилъ прозаическую Небесную имперію испытать чары его таинственнаго міровоззрѣнія, понесъ свѣтъ своего знанія въ глубь азіатскаго материка. Если бы соотечественникамъ браминскихъ «святыхъ» и Будды удалось шире и глубже насадить въ немъ зерна арійскаго генія, — онъ навѣрно плодотворнѣе бы повліялъ на дальнѣйшее развитіе даровитыхъ народовъ смѣшанной монголо-малайской расы чѣмъ методично все и всѣхъ нивелирующая цивилизація преемниковъ Конфуція.

Въ 1780 г. воцарился вліятельный сіамскій полководецъ Чатри или Чакра: прежній король снарядилъ его въ походъ противъ Камбоджіи, склонявшейся на сторону аннамитовъ, и, пользуясь отсутствіемъ политически опаснаго сановника, захватилъ въ свою власть его семью. Параллельно однако въ странѣ вспыхнули смуты, — и Чатри, наскоро

заклучивъ миръ съ непріятелемъ, вернулся на погибель обидчику, коего престолъ ему тотчасъ же достался.

Съ тѣхъ поръ стародавнія дурныя отношенія къ коренному сѣверному Аннамъ много улучшились. Въ 1783 г. возмущившіеся противъ царя Камбоджіи солдаты-малайцы вынудили его бѣжать въ Бангкокъ, куда также вскорѣ прибыли за помощью правитель Кохинхины Nguyen Anh, болѣе извѣстный въ исторіи Индо-Китая подъ именемъ Гіалонга (что собственно значитъ «царственное распространіе»), вытѣсненный ками съ сѣверо-запада. Неодно-

БАШНЯ НАДЪ ПАРКОМЪ БАНГ-ПА-ИНА.

кратно выступалъ изгнанникъ затѣмъ изъ Бангкока, въ сопровожденіи значительныхъ вспомогательныхъ отрядовъ и сіамской флотиліи, отвоевать свою землю у Сайгона, — но долгое время безуспѣшно, хотя сохранявшіе вѣрность побѣжденному князю южные аннамиты всячески оказывали ему посильную поддержку, и онъ наконецъ могъ восторжествовать. Сіамцы, вмѣшивавшіеся въ эти такъ-сказать внутреннія распри, нерѣдко безчинствовали въ чужой странѣ и вызывали неудовольствіе мѣстнаго населенія. Пока длилась преисполненная случайностей борьба, выходцы изъ Кохинхины занимались у Бангкока разными ремеслами и, между прочимъ, съ успѣхомъ помогали туземцамъ во-первыхъ въ войнѣ съ Бирмою, а кромѣ того въ преслѣдованіи малайскихъ разбойниковъ, опустошавшихъ побережья Сіама.

Узнавъ о неудачахъ Гіалонга, португальцы предложили ему свое вооруженное вмѣшательство въ судьбу его народа, съ намѣреніемъ параллельно пустить корни въ заманчивой Камбоджіи, — но, руководясь съ одной стороны осторожностью, съ другой же настойчивыми совѣтами бангкокского двора, царственный изгнанникъ отвергнулъ предлагаемое изъ Гоа содѣйствіе и затѣмъ все-таки не замедлилъ, тайно отъ сіамцевъ, отплыть на родину, такъ какъ почетный плѣнъ на Менамѣ становился и безцѣльнымъ, и невыносимымъ. Впрочемъ, связи съ Сіамомъ не были порваны окончательно, и впоследствии туда еще въ 1797 г. посылалась изъ Сайгона не подоспѣвшая въ-время 10-тысячная армія противъ бирманцевъ. Годомъ позже Бангкокъ помогъ Гіалонгу въ его борьбѣ съ сѣверными сосѣдями, отправивъ войско на нихъ черезъ дружественныя лаосскія области.

Въ XIX столѣтіи Камбоджіа, къ великому огорченію сіамцевъ, — почти подпала подъ исключительное главенство Аннама, гдѣ начинали даже лелѣять мысль о распространеніи однороднаго вліянія и на нихъ, прежнихъ соратниковъ и чуть-что не союзниковъ. Когда французы завоевали Кохинхину и взяли подъ свой протекторатъ смежный съ нею на югѣ край, они не вникли въ чисто домашній характеръ распри изъ-за него владыкъ на Менамѣ съ аннамитами и почему-то нашли цѣлесообразнымъ взять на себя исторически болѣе чѣмъ спорныя притязанія послѣднихъ на разные пограничные пункты и даже нѣкоторые богатые округа сіамскаго царства. Право сильного, конечно, было за наступающими европейцами, — но еще вопросъ, не требовала-ли политическая прозорливость радикально инаго отношенія къ нынѣшнимъ, хотя-бы и слабымъ соперникамъ. Индо-китайскія колоніи, имѣющія центромъ Сайгонъ, не для того создавались, чтобы враждовать съ пиратами, съ Небесной имперіей и Бангкокомъ, — а главнымъ образомъ дабы пріобрѣсти Франціи престижъ и могущество за моремъ, — особенно въ сферахъ Азіи, гдѣ ея исконный врагъ во всѣхъ частяхъ свѣта — Англія уязвима какъ нельзя болѣе въ своихъ индійскихъ владѣніяхъ, куда кромѣ нашихъ среднеазиатскихъ областей стратегически лучшій путь ведетъ сквозь Сіамъ на Бирму. Если французское правительство захочетъ играть на дальнемъ Востокѣ подобающую ему роль великой державы, оно можетъ сразу пріобрѣсти выдающееся вліяніе, не давая сіамцамъ задохнуться въ объятяхъ Альбіона. Но самымъ тѣснить или обижать почти беззащитный народъ положительно не слѣдъ: хотя бы во имя славнаго будущаго индо-французскаго государства, которое не должно тамъ расти на насилияхъ и крови, какъ это любо нѣкоторымъ другимъ націямъ! Только обаяніемъ разумнаго безкорыстія въ области политики западный человѣкъ можетъ привлечь восточнаго на свою сторону и совершить съ нимъ рука объ руку плодотворно-знаменательныя дѣла. Встань сайгонская центральная власть на эту точку зрѣнія, она получила бы сразу огромнѣйшую популярность среди весьма обширнаго раіона: Сіамъ тогда, очевидно, предпочелъ бы довѣриться рыцарской поддержкѣ французовъ чѣмъ сдѣлаться рано или поздно буферною игрушкой въ рукахъ англичанъ.

Вторникъ, 12 (24) марта.

Сегодня съ утра продолжается зрѣлище загона и ловли въ чертѣ Аюдіи. Ему даже не особенно помѣшала страшная гроза съ ураганомъ и ливнемъ, пронесшаяся послѣ полудня надъ мѣстностью: въ этихъ краяхъ, гдѣ населеніе вѣчно живетъ на свѣжемъ воздухѣ, въ сущности очень мало вниманія обращаютъ на непогоду. Тѣмъ болѣе равнодушна къ ней толпа въ данную минуту, когда король устраиваетъ празднество въ честь Сѣвернаго Гостя.

Прирученіе дикихъ дается далеко не безъ труда. Нѣкоторые легко разрываютъ свои путы. Одна самка хоботомъ освобождаетъ застрявшаго въ нихъ дѣтеныша. Крупнѣйшій изъ самцевъ свирѣпо защищается, захваченный канатомъ встаетъ на дыбы, съ храпомъ колеблеть затворы, ожесточенно трубить и обороняется. Наконецъ его хитростью заманиваютъ къ выходу подъ шлагбаумъ, выдвигаютъ спереди и сзади бревна, — чтобы парализовать ему движенія, — снова пытаются связать гиганта: но онъ упорно сопротивляется, снимаетъ съ пути препятствія, прячется среди роднаго стада, — куда ловчимъ опаснѣе пробраться. Сила четвероногого страшилища такъ непомѣрна, что людямъ, набрасывающимъ на него петли, иногда грозитъ гибель отъ однихъ его бѣшеныхъ размаховъ на аренѣ. Хитрое животное провидитъ теперь на каждомъ шагу замыслы чловѣка. Въ результатѣ послѣдній, само собой, оказывается коварнѣе и, давая убѣжать изъ ограды нѣсколькимъ неинтереснымъ слонамъ, хватаетъ главнаго среди свай, — въ моментъ, когда онъ хотѣлъ незамѣтно пристать къ своимъ, — и сдвигаетъ его толстѣйшими перекладами: великанъ задыхается въ болѣе чѣмъ тѣсномъ пространствѣ и, парализованный имъ, тщетно напрягаетъ всю мощь, которой негдѣ развернуться: дерево трещитъ, но выдерживаетъ ушаты воды выливаются на бѣшеннаго узника ему кидаютъ бананы и сахарный тростникъ, — но онъ отворачивается отъ лакомства . . . кто-то изъ загонщиковъ близко подходитъ къ нему съ пикой: она стремительно схвачена и сломана какъ спичка. Съ крайнею осторожностью набрасываютъ на звѣря опытные люди рядъ скрученныхъ ремней изъ буйволовои кожи, искусно обвязываютъ всего его ими точно сѣтью. Въ такомъ видѣ бѣднягу выпускаютъ обратно на арену. Ноги его постепенно притягиваются восемью пятисаженными канатами къ крѣпчайшимъ столбамъ: двигаться межъ нихъ мучительно, на шею накинута столь же неразрывный какъ и прочія путы арканъ, веревка отъ нея передается обматываемому ею ручному слону, и вотъ они оба . . . на свободѣ. Неукротенный гигантъ только сейчасъ созналъ безвыходность своего положенія и невозможность разбить оковы. Добрыхъ четверть часа мечется и борется онъ еще, а затѣмъ ослабѣваетъ. Надо подойти къ нему, и вести его въ стойло: но кто на это рѣшится? Медленно направляется къ дикарю ручной гигантъ съ вожатымъ и долженъ отступить: связанное животное такъ сильно стукнуло непрошеннаго ментора головою въ лобъ, что тотъ почти валится наземь, всадникъ же летитъ и едва ухватывается за подпругу. Очевидно, приходится имѣть дѣло съ животнымъ, которое нельзя смирить. Въ подобныхъ случаяхъ принято безпощадно оставлять его на привязи, гдѣ оно и погибаетъ обыкновенно отъ изнеможенія и изнуренія. Зачѣмъ?

Параллельно съ суровостью относительно иныхъ тварей, кроткіе въ душѣ сіамцы (если вѣрить рассказамъ туристовъ) любовно принимаютъ порой представителей той же рассы, когда они свѣтлѣ соплеменниковъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ, причисленный къ французскому консульству въ Бангкокѣ г. Лоржо (Logeau) напечаталъ въ «Mémoires de la Société Académique Indo-Chinoise de France» оригинальную «Пѣсню бѣлому слону», будто-бы исполняемую передъ нимъ въ первый періодъ послѣ его плѣненія: съ цѣлью смягчить и утолить его тоску. Культъ исполинскихъ существъ, безъ различія ихъ цвѣта, навѣявъ браманизмомъ, который въ «шастрахъ» (по-здѣшнему *satr*) дѣлитъ слоновую породу на 4 совершенно разныхъ вѣтви: одна обязана происхожденіемъ Шивѣ, вторая Вишну, третья Брамѣ, послѣдняя Агни (богу огня). Отъ созданныхъ ими чудесныхъ паръ расплодилось огромнѣйшее потомство, населяющее небесныя сферы и землю. Нѣкоторые слоны въ силу прирожденныхъ имъ свойствъ приносятъ несчастіе, другіе — наоборотъ. «Бѣлые» экземпляры принадлежатъ къ «огневымъ» твореніямъ и обладаніе ими

связано съ высшимъ матеріальнымъ благополучіемъ. Праотцемъ ихъ считается таинственное существо съ трехглавымъ слоновымъ обликомъ, явившееся изъ пламеннаго взора Агни. Происшедшіе отъ него четвероногіе исполины-албиносы призваны принадлежать царямъ, поддерживающимъ ревность къ религіи и милосердіе. Между этими исключительными животными, конечно, есть не мало такихъ, что цвѣтомъ похожи на увядшій лотосъ или изсохшій банановый листъ, точнѣе назвать ихъ окраску блѣднокирпичной, — и то, если столь рѣдкихъ слоновъ хорошо мыть и оттирать.

Порода Шивы обезпечиваетъ за хозяевами экземпляровъ изъ ея числа богатство и положеніе, вишнунитская даруетъ побѣды и плодородіе, созданная Брамию — долготѣіе и знаніе, «огневая» обезпечиваетъ отъ голодной нужды и споспѣшествуетъ предотвращенію бѣдствій, несправедливостей и войнъ. Благо народовъ требуетъ поэтому вниманія ко всѣмъ четыремъ рассамъ.

Полоненные въ лѣсахъ божественные по качествамъ гиганты нуждаются въ утѣшеніи. Приставленные служить напѣваютъ имъ ласковыя увѣщанія забыть родную глушь и родное стадо: «вѣдь здѣсь въ сладкой неволѣ столько заботы о васъ, столько попеченія!»

Завтра намъ предстоитъ проститься съ лучезарной страной на Менамѣ. Фантастическая панорама вспыхнула и гаснетъ, раньше чѣмъ мы еще успѣли насладиться ею. Съ Сіамомъ расстаешься, какъ съ чѣмъ-то давно близкимъ и дорогимъ.

Вечеромъ король приглашаетъ Гостей на концертъ въ туземномъ вкусѣ. Кто въ Европѣ знаетъ что-нибудь о сіамской музыкѣ? Я встрѣчалъ профессоровъ консерваторіи, которые о ней и не слыхали. Между тѣмъ, почти единогласный отзывъ путешественниковъ похвально характеризуетъ и ее, и мѣстныхъ виртуозовъ, и находящіеся въ ихъ распоряженіи довольно первобытные инструменты, отчасти едва-ли болѣе совершенные чѣмъ тѣ, что существовали при Псалмопѣвцѣ Давидѣ. Оригинальный оркестръ (по сіамски «махори») собрался въ особой палатѣ. Намъ даютъ любопытную программу, гдѣ поименованы исполнители (преимущественно солисты): гг. Синъ, Нуанъ, Феунъ, Сангвалъ, Ой, баронъ де Самъ Ангъ, Имъ, Луамъ, Плакъ, Іамъ, Фанъ, Сакъ.

Подобно тому какъ на Явѣ нѣжный «гамелангъ» встрѣтилъ однажды Наслѣдника Цесаревича звуками русскаго гимна, и здѣсь Е. И. Высочество привѣтствуется сегодня сладкогласнымъ, по мелодичности выполнения, и стройно льющимъ «Боже, Царя Храни!» Мѣстные даровитые музыканты съ дѣтства посвящаютъ себя своему весьма почитаемому въ странѣ искусству и, обладая кромѣ превосходнаго слуха примѣрнымъ прилежаніемъ, до тонкости умѣютъ передавать любую пьесу. Недаромъ, бангкокскій дворъ, покровительствующій роднымъ артистамъ, счелъ своевременнымъ и возможнымъ послать даже въ Англію, шесть лѣтъ тому назадъ, цѣлую группу сіамскихъ виртуозовъ. Инструменты еще ранѣе были выставлены въ Парижѣ при «второй имперіи». Но и тамъ, конечно, никто не имѣлъ случая видѣть столь замѣчательно полную коллекцію ихъ, какъ мы сейчасъ видимъ и могли замѣтить эти послѣдніе дни: во время игръ въ паркѣ у дворца Саранромъ и въ театрѣ.

Первое мѣсто занимаютъ бамбуковые «ранатъ экъ» и «ранатъ тумъ» (трубочки, бережно скрѣпленные другъ съ другомъ и подвѣшенные надъ подобьемъ люльки, по которымъ искусно ударяютъ молоточками). Это, такъ сказать, — рояль сіамцевъ и бирманцевъ, требующій отъ нихъ положительно изумительной техники. Затѣмъ идетъ «khong

уаі», состоящій изъ 16 гонговъ, обладающихъ каждый особымъ отзвукомъ, похожимъ на звонъ колокола. Они образуютъ почти замыкающійся кругъ въ видѣ плетенки, куда въ середину садится музыкантъ, легче доставая каждую нужную ему такимъ путемъ помощью своего била, чѣмъ это удавалось бы, будь онѣ вытянуты въ одну линію. Дальше слѣдуетъ «takhaу» (т. е. «ящерица»), отчасти напоминающій внѣшностью огромную гитару, но имѣющій тонъ віолончеля. Кузовъ страннаго инструмента, похожій на модель китайскаго судна, украшенъ пастью аллигатора и снабженъ шелковыми струнами. Кромѣ того обращаютъ на себя вниманіе: 1) маленькая сердцевидная скрипка «saw tau» съ необыкновенно длинною ручкою, изящно выложенною инкрустаціями (изъ перламутра, слоновой кости) и со смычкомъ большаго размѣра, 2) флейты различной величины, раковины, трубы, барабаны, гармоника и т. п. Всего не перечестъ, да и дать о нихъ наглядное понятіе очень трудно: артисты-исполнители то подражаютъ, дуя въ тростникъ, звукамъ органа, то эоловымъ арфамъ. Что-то нѣжное и грустное, жалобное и безплотное рѣетъ надъ оркестромъ. Ритмъ сіамской музыки будитъ мечты и словно убаюкиваетъ, наполняя однако душу торжественнымъ настроеніемъ. Въ «гамелангѣ» духовно олицетворялось прошедшее и настоящее Явы, въ болѣе сложномъ «махори» сказывается вся таинственная красота и прелесть страны на Менамѣ.

САЙГОНЪ И ЧОЛОНЪ.

Эскадра, въ составѣ 3 фрегатовъ, совершаетъ 12-ти узловой переходъ къ Сайгону. На «Азовѣ» — цѣлый звѣринецъ. Первое мѣсто занимаютъ два маленькихъ слона, служащихъ утѣхой экипажу. Ихъ протяжный ревъ слышится почти непрерывно, хотя имъ даютъ свободу гулять по палубѣ. Какъ-то они вынесутъ плаваніе! Если бы путь лежалъ къ Европѣ, то можно было бы смѣло утверждать, что животныя туда придутъ благополучно. Въ данномъ случаѣ, направляясь на Владивостокъ, трудно быть въ этомъ увѣреннымъ. Положимъ, слоны издавна выживали на дальнихъ и бурныхъ морскихъ переходахъ, а римлянами съ успѣхомъ перевозились для войны даже на туманные и холодные берега Темзы, но вопросъ: выживутъ-ли огромные четвероногіе сосунки. Когда карфагеняне во множествѣ доставляли боевыхъ гигантовъ на Сицилію и въ Испанію, то и самыя суда приспособлены были конструкціей для этого; на «Азовѣ» же бѣднымъ слоненкамъ неразъ придется не по себѣ. Гораздо лучше чувствуетъ себя любимица матросовъ — молодая пантера. Она ласкается какъ кошка, играетъ со смѣльчаками, спитъ рядомъ съ людьми, съ удивительнымъ постоянствомъ выражаетъ непріязнь только по отношенію къ туземцамъ. Никогда не бросаясь на русскихъ, звѣрь мѣняется и становится опаснымъ при посѣщеніи фрегата иностранцами, которыхъ онъ такъ и норовитъ зацѣпить лапою. Черныя малакскіе тигры на одной изъ нашихъ канонерокъ гораздо упорнѣе въ своей ненависти къ людямъ и каждую минуту команда должна быть на сторожѣ, проходя мимо рѣшетокъ, за которыми горятъ взоры хищниковъ.

У насъ на бакѣ — цѣлый рядъ птичьихъ клѣтокъ большой величины, гдѣ красуются лучшія породы пестроцвѣтныхъ пернатыхъ съ Менама. Бѣдныя затворницы недолго вынесутъ морской воздухъ и непривычную пищу. Особенно грустна отличающаяся шутливскою осанкою туземная цапля («птица-дипломатъ», какъ ее прозвали нѣкоторые наши остряки): держится она бочкомъ, голова у нея глубокомысленно склонена на сторону, крылья безпомощно повисли, одно даже изогнуто на подобіе руки, небрежно опущенной въ карманъ.

Въ числѣ диковинъ едва-ли не первое мѣсто занимаютъ двѣ бѣлыя обезьяны. Эти довольно красивыя и крупныя животныя весьма цѣнятся сіамцами, почему-то считаясь, наравнѣ съ другими альбиносами, залогомъ благополучія. Недаромъ пословица гласитъ: «если бѣлая обезьяна приблизится только къ твоему жилищу, — жертвуй отъ радостнаго сердца золотомъ, и серебромъ, и бѣлыми тканями, ибо безконечно будетъ твое счастье». Народъ суевѣрно думаетъ, что этотъ родъ тварей не умираетъ, а таинственно исчезаетъ, вслѣдъ богу Хануману.

Весьма разнится отъ нихъ вѣчно сонный въ теченіе дня, крошечный, невзрачный, отчасти напоминающій ползающаго щенка «*Nicticebus gracilis*» или «*Stenops tardigradus*» (обезьянка-лѣнивѣцъ, питающаяся на волѣ птичьими яйцами и мозгами, — здѣсь же медленно умирающая, потому что ее кормятъ только фруктами). Въ случаѣ его потревожишь до темноты, звѣрекъ съ жалобнымъ пискомъ и зловѣщимъ крикомъ мучительно открываетъ мутныя стеклянныя глаза (словно двѣ желтыхъ пуговицы пришитыя къ его острой симпатично-угрюмой мордочкѣ!) и тотчасъ конвульсивно ихъ щуритъ: солнечный свѣтъ его давитъ и слѣпитъ. За то ночью «Антошка-марсовой» (какъ его прозвали матросы) преображается: беззвучно движется и лазаетъ, насколько ему позволяетъ привязь, облегчая свою агонію иллюзіей, что онъ — въ родномъ лѣсу, среди исполиновъ, на которыхъ свиты многія насиженные гнѣзда.

Маленькіе слоны простираютъ свои странствованія по фрегату до юта. Они совершенно безобидны и даже не шаловливы: не то, что слоненокъ, оставленный въ Коломбо на попеченіе консула Фриша, при его виллѣ «Ялта», въ ожиданіи прибытія одного изъ пароходовъ добровольнаго флота. Вскорѣ послѣ ухода нашихъ судовъ свободолюбивое животное искусно раскрутило ночью крѣпчайшую веревку, сброшенную на него, и стало бѣгать по саду, все ломая и топча, — вдобавокъ, преслѣдуемое и пугаемое большою собакою. Хозяинъ выскочилъ ловить мятежника въ ночномъ дезабилье и туфляхъ, но послѣдній выдавилъ ворота, дважды уронилъ г. Фриша и кинулся прямо въ пригородній джонглъ: въ топъ и терновникъ. Г. Фришъ, потерявъ обувь, самоотверженно бросился босикомъ въ сопровожденіи слугъ въ безпощадную погоню. Юный слонъ тѣмъ временемъ опять выбрался къ человѣческому жилью, опять началъ проказничать въ стихійныхъ размѣрахъ, съ наслажденіемъ выкупался въ чьемъ-то пруду, откинулъ на нѣсколько шаговъ отдыхавшаго у себя на верандѣ коммерсанта изъ голландцевъ, попортилъ тамъ мебель и затѣмъ выбѣжалъ на приморскую дорогу къ «Mount Lavinia». Нашъ консулъ наконецъ отсталъ и поспѣшилъ домой за лошадыю, предупредивъ кромѣ того полицію о приключившейся бѣдѣ. Блюстители порядка съ факелами въ рукахъ настигли и окружили слоненка, улпетнувшаго уже за 3—4 версты. Въ него начали стрѣлять холостыми зарядами, напугали бѣднягу и оцѣпили у дерева, на которое влѣзъ ловецъ-сингалезъ съ петлей, чтобы набросить ее на бѣглеца. Только на зарѣ двѣнадцати полицейскимъ удалось притащить его на канатахъ домой.

Консульство уплатило убытки и вознагражденія разнымъ лицамъ послѣ трагикомического инцидента. О поимкѣ животнаго цейлонская печать помѣстила особую рубрику «*The Cesarewitch's calf elephant runs amuck*»: подъ выраженіемъ «*to run amuck*», какъ извѣстно, подразумѣвается бѣшеное состояніе иныхъ малайцевъ, когда они хватаются за ножъ и безсмысленно устремляются впередъ, убивая — кого попало — по дорогѣ, причемъ толпѣ разрѣшается въ свою очередь поскорѣе прикончить такого изступленнаго человѣка.

Разъ зашла рѣчь о «Львиномъ островѣ» и «краалѣ», гдѣ попало въ плѣнъ четвероногое существо, причинившее столько хлопотъ г. Фришу, я на пути изъ Сіама не

могу не замѣтить, что по настоящему нельзя провести никакой параллели между закономъ у Лабугамы и грандіознымъ зрѣлищемъ въ Аюдіи: тамъ — на Цейлонѣ — были моменты ожиданія и томленія, пока немногочисленные слоны входили въ засаду и отступали, — пока лѣсная чаща оживлялась окрестъ отъ движенія титановъ и т. п. Здѣсь же мы любовались исключительно картиною открытой борьбы и первенства «царя творенія» надъ стадами гигантскихъ тварей. Въ послѣдней не проявлялось ровно ничего заманчиваго и таинственнаго, ничего неожиданнаго; но за то положительно захватывало духъ видѣть сотни великановъ, оторванныхъ отъ роднаго джонгля, запертыхъ на забаву сіамскому двору, буквально плачущихъ по волѣ.

На Менамѣ не впервые дарятъ иностраннымъ Августѣйшимъ Особамъ слонятъ: король Фра Нарай послалъ въ 80-хъ годахъ XVII вѣка двухъ таковыхъ герцогамъ Бургондскому и Анжуйскому (*deux éléphants, qualifiés d'éléphants de poche*, хотя вѣсь каждого равнялся полдюжины быковъ). Одинаковый подарокъ (изъ молоденькой самки и самца) сдѣланъ былъ, между прочимъ, изъ Сіама и Наполеону III.

Суббота, 16 (28) марта.

Утро. Русская эскадра вошла во французскія воды. Мы въ такъ-называемомъ «заливѣ кокосовыхъ пальмъ», имѣющемъ форму подковы. Сюда проложены подводные кабели на Сингапуръ и на Китай. Чѣмъ-то роднымъ вѣетъ отъ тусклаго невзрачнаго побережья у холмистаго и поросшаго лѣсомъ мыса Св. Якова, гдѣ среди горько-соленыхъ болотъ впадаетъ въ море одна изъ оплодотворяющихъ Кохинхину рѣкъ и находятся бѣлый маякъ, телеграфная станція и семафоръ, къ которому приставлены туземцы. Наши моряки говорятъ, что угрюмая мѣстность окрестъ (къ тому же еще изобилующая тиграми) положительно напоминаетъ входъ во Владивостокъ. Двѣ политически тяготящія другъ къ другу державы точно сговорились *tacito consensu* почти одновременно стать твердою ногой на сходныхъ отчасти, по внѣшности, прибрежныхъ пунктахъ Восточной Азіи. Разница однако въ томъ, что здѣсь море вѣчно открыто и близъ маяка, постоянно овѣиваемаго живительнымъ вѣтромъ, легко устроить на пригоркахъ хорошую лѣчебную станцію. Наконецъ и оборона рѣчнаго устья не требуетъ особенно большихъ затратъ.

Дождавшись прилива и принявъ лоцмановъ, «Память Азова» и «Владиміръ Мономахъ» направляются въ узкое русло глубокаго извилистаго Доннаи (*Dong-naï*), куда уже раньше вошли посланные съ бангкокскаго рейда впередъ конвоиры «Манджуръ» и «Кореецъ». «Адмиралъ Нахимовъ» остается на внѣшнемъ рейдѣ. Съ обѣихъ сторонъ вокругъ насъ сдвигаются монотонныя топь и глушь. Среди низкой, но густой растительности изрѣдка угадывается туземное жилье. Съ медленнымъ вздохомъ и плескомъ расходитя потревоженная рѣчная волна. Предстоитъ пройти, излучинами, около ста верстъ до Сайгона. Трудно выбрать базу неприступнѣе главнаго города индо-китайской имперіи. Сингапуръ передъ нимъ ничтоженъ въ военномъ отношеніи.

Кохинхина открыта португальцемъ Андрада въ 1516 г. Столѣтіемъ позже миссіонеръ *Carvalho*, того же происхожденія, впервые началъ здѣсь распространять христіанство, преимущественно вліяя на пріѣзжавшихъ сюда японскихъ купцевъ и рабочихъ: какъ разъ въ ту пору «страна восходящаго солнца» изгнала католическихъ проповѣдниковъ и жестоко расправлялась съ ихъ послѣдователями. Враждовавшіе другъ съ другомъ европейцы-колонизаторы поочередно пытались завязать сношенія съ цвѣтущими областями,

лежащими между Аннамомъ (собственно «успокоеннымъ югомъ» съ пекинской точки зрѣнія) и жаждавшимъ расширенной сферы вліянія Сіамомъ. Наиболѣе успѣшно воздѣйствовали, однако, на нихъ изъ королевскаго Парижа и, не нагрѣвъ революція, эти связи навѣрно дали бы блестящій результатъ еще въ XVIII в. Событія въ Европѣ только отсрочили неминуемое: Сайгонъ сталъ французскимъ съ 1859 г., когда Наполеонъ III въ союзѣ съ испанскимъ правительствомъ приказалъ учинить нѣчто вродѣ крестоваго похода на языческій Индо-Китай, гдѣ подъ «желтымъ» аннамскимъ знаменемъ «дѣтей небеснаго царя» (какъ себя величали аннамиты) по временамъ очень плохо жилось туземнымъ христіанамъ. Борьба велась далеко не безъ значительныхъ жертвъ: въ виду храбрости и стойкости мѣстныхъ войскъ, оборонявшихся къ тому же позади

ПРІЕМЪ ВЪ САЙГОНЪ.

укрѣпленій, возведенныхъ десятки лѣтъ назадъ приглашенными сюда на службу инженерами-французами. Побѣдивъ сообща съ Испаніей, Франція предложила послѣдней покинуть Кохингину, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что союзникамъ впереди улыбаются «Слава» и «Тонкинъ». Перваго бѣдные испанцы и такъ уже достигли, а тратиться на дальнѣйшія сложныя экспедиціи они, очевидно, не были въ силахъ.

Въ Парижѣ пока не въ достаточной мѣрѣ сознають, что за пріобрѣтеніе для него представляютъ индо-китайскія земли. Есть даже немало голосовъ, осуждающихъ колониальную политику правительства. Между тѣмъ, французы могли бы при желаніи, — будь у нихъ прозорливѣе государственные дѣятели, — играть гораздо большую роль въ Тихомъ океанѣ и вообще въ полуденной Азіи, чѣмъ на долю великаго народа выпадало до сихъ поръ. Уже въ 1682 г. его энергичные сыны указывали на экономическое и стратегическое значеніе Малаккаго пролива, близъ нынѣшняго Сингапура, — до котораго англичане додумались лишь въ нашъ вѣкъ, — но никто не взялся осуществить эту блестящую

идею. Въмѣсто того, чтобы праздно возить сіамское посольство 1686 г. по всей Франціи (до Фландріи включительно) и заставлять его любезничать съ придворными дамами, надо было вникнуть въ характеръ возможныхъ и желательныхъ отношеній къ Азіи и войти въ настоящую дружбу съ тамошними народами. Этого не сумѣли сдѣлать. Полезную «Compagnie des Indes» погубили. Цѣлымъ рядомъ ошибокъ вынудили тогда же народъ на Менамъ напасть на посланный туда для почетной оккупации Бангкока французскій отрядъ. Въ результатъ, командированный при Наполеонѣ III въ Сіамъ искусный дипломатъ Монтиньи получилъ отъ англичанъ «рекомендательное письмо» къ королю Монгкуту!

Вотъ уже по крайней мѣрѣ три-четыре часа, что мы тихо идемъ изгибами Доннаи. Плаваніе по немъ не безопасно изъ-за мелей, которыя давно пора и технически возможно уничтожить.

Кирпичнаго цвѣта вода озарена металлическимъ блескомъ. Монотонный горизонтъ — безъ границъ или точнѣе безъ очертаній. Нити неисчислимыхъ каналовъ-арыковъ (arroyos) изрѣзываютъ окружающую болотообразную равнину. Въ данную пору царитъ засуха, и растительность имѣетъ крайне печальный видъ. Пальмы и баноновыя деревья сравнительно рѣдко красятъ скучный ландшафтъ. Желтосѣрыя хижины виднѣются за тыномъ изъ кустарника. Уродливые темные буйволы по временамъ бредутъ отъ нихъ и съ наслажденіемъ погружаются въ прибрежный илъ. Жаръ такъ и пышетъ: насыщенная испареніями атмосфера, при недостаткѣ въ ней кислорода, точно давитъ непривычнаго человѣка. То прямо впереди, то справа, то слѣва, то сзади (смотря по безпрестаннымъ поворотамъ фрегата) мелькаютъ неуклюжія башни далекаго сайгонскаго собора или мачты и трубы близкаго «Мономаха». Мало-по-малу начинаешь испытывать ощущеніе, какъ-будто мы собственно неподвижны, а онѣ напротивъ непонятно передвигаются вокругъ насъ.

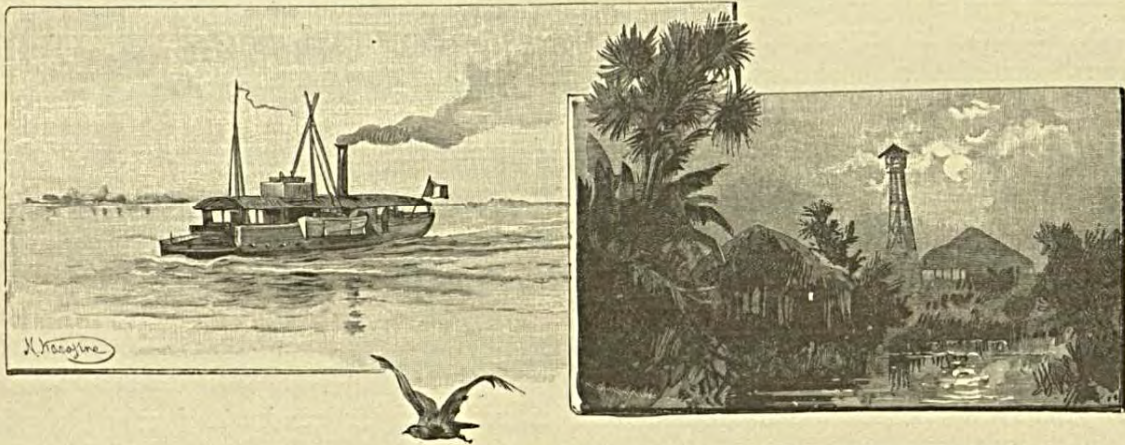
На встрѣчу попадаютъ незатѣйливыя туземныя лодки, похожія на бочки (такъ-называемыя «сампаны», что означаетъ «три доски» и вполнѣ соотвѣтствуетъ примитивному способу ихъ сооруженія). Обоюта мѣднокрасныя гребцы въ широкихъ соломенныхъ и лакированныхъ шляпахъ, — подъ которыми торчитъ умощенный кокосовымъ масломъ шиньонъ, — стоя и не спѣша, работаютъ вродѣ гондольеровъ. Грязнокоричневые и синіе бумажныя блузы (съ застежками) облачаютъ имъ станъ. Безбородые мужчины, уродливыя женщины съ окровавленными отъ бетеля губами и чернымъ ртомъ, мальчуганы съ чубомъ на бритой головѣ апатично смотрятъ со своего пловучаго жилья на титаноброненосца: цѣлыя семьи обитаютъ на сампанахъ, имѣя утварью всего нѣсколько циновокъ, котелокъ, божка, гамакъ для новорожденнаго и рундучекъ.

Этотъ монголовидный народъ, въ жилахъ котораго — много примѣсей индо-малайской крови, далеко не сразу потерялъ независимость при наступленіи «бѣлаго» человѣка, но боролся, покуда хватало средствъ и силъ. Въ теченіе полугода и болѣе туземцы отстаивали каждую близкую къ морю пядь земли, мужественно переходили въ наступленіе и даже бились въ рукопашныхъ схваткахъ, осязательно доказывая предпочтеніе плохому родному управленію передъ искуснымъ и справедливымъ чужимъ: таковъ инстинктъ людей индивидуализироваться хотя-бы въ лицѣ чего-то массоваго и безформеннаго, но не терять присущаго облика, не выносить духовнаго порабоженія. Одинъ аннамитскій мандаринъ, не будучи въ состояніи оборонить ввѣренныя ему области, пренебрегъ великодушными предложеніями французскаго главнокомандующаго и принялъ ядъ!

.... Пятый часть. Передъ нами яснѣе вырисовываются зданія Сайгона: надъ розовыми крышами, утопающими въ зелени, блѣдною бирюзой отсвѣчиваетъ слегка заволакиваемое облаками небо.

Выкрашенные въ бѣлый цвѣтъ канонерки гремятъ салютъ. За ними, лѣвѣе, замѣтна декорированная пристань и толпы, наводнившія набережную. Звуки русскаго привѣтственнаго гимна мѣшаются съ марсельезой, льющейся имъ въ отвѣтъ съ нашей стороны. Наслѣдникъ Цесаревичъ въ парадной формѣ, стоя надъ кормовой рубкой «Азова», отдаетъ при салютѣ съ него честь французскому флагу.

Мы быстро проходимъ мимо собравшихся для пріема пестрыхъ массъ, чтобы повернуть. Фрегатъ прямо упирается носомъ въ мягкій глубоко-отвѣсный берегъ, таранитъ листву и останавливается. Тѣмъ временемъ теченіе овладѣваетъ корпусомъ крейсера и кружить его, послѣ чего машина даетъ задній ходъ и снова начинаетъ работать: настъ тихо несетъ къ принаряженному Сайгону, частицѣ дружественнаго государства, уголку

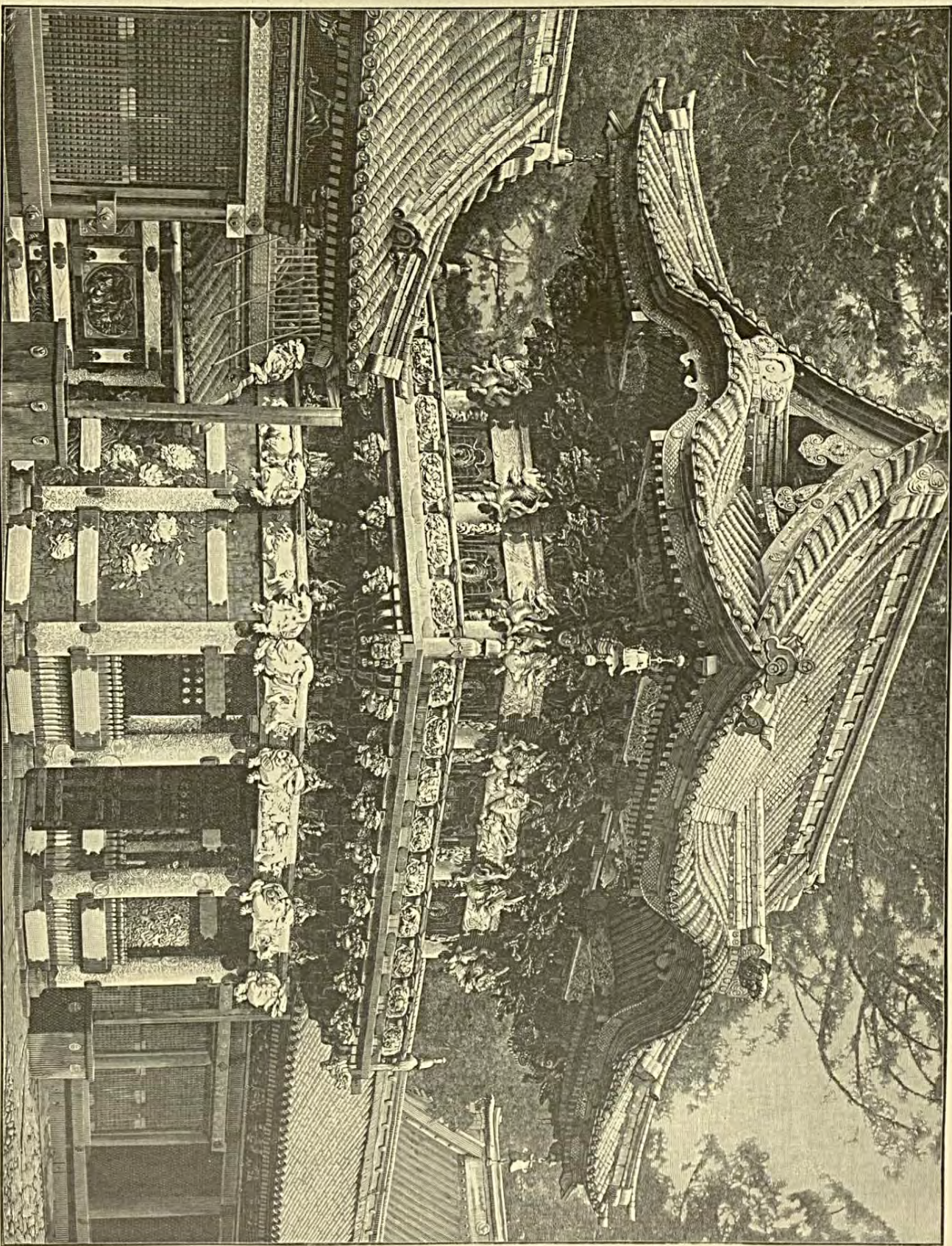
въ КОХИНХИНѢ.

симпатичнаго славянскому сердцу романскаго Запада, рыцарски насаждающаго въ Азіи цивилизацію въ нашемъ духѣ. Говорятъ, что матеріальные результаты республиканскаго режима здѣсь еще слабы, — но дѣло не въ нихъ, а въ способности удержать за собой приобрѣтенное узами взаимной пріязни и простотой отношенія: повидимому, французы на это мастера. Если такъ, будущее на Востокъ за ними и за нами. Единственное, что нравственно вредитъ имъ, — вражда съ могущимъ оказать громадныя политическія услуги слабымъ Сіамомъ, — такое легко поправимое зло! Вѣдь съумѣли же колонизаторы Кохинхины поладить съ камбоджійскимъ королемъ Нородомомъ, — вѣдь не рѣжетъ же уха никому, когда brave роялистически настроенные матросы кричатъ на половину развѣнчанному азіатскому монарху: «vive le roi!» — а воспитанные въ преданіяхъ самодержавной власти камбоджійцы отвѣчаютъ: «vive la république!»? Гораздо лучший *modus vivendi* возможно и необходимо придумать съ Бангкокомъ: тамъ бы сохранили независимость, не имѣли споровъ и столкновений на франко-аннамитской границѣ, видѣли врага лишь въ лицѣ поработителей Бирмы, но не съ сѣверо-запада, гдѣ правящимъ пора отождествлять свои интересы съ истинными нуждами восточныхъ народовъ и русско-китайскаго міра. Только въ этомъ кроется залогъ силы и преуспѣянья.

Въ половинѣ шестаго, послѣ торжественнаго съѣзда на берегъ (при пушечныхъ выстрѣлахъ, музыкѣ и кликахъ экипажей: оглушительный салютъ съ близкихъ къ берегу судовъ на первыхъ порахъ заглушалъ восторженные возгласы «vive la Russie!» «vive le Czarewitch!»), Августѣйшіе путешественники, — встрѣченные на декорированной пристани властями (генераль-губернаторъ, г. Жюль-Жоржъ Пикэ, бывший до 1889 года администраторомъ въ Индіи, еще непосредственно передъ съѣздомъ пріѣхалъ представиться на «Азовъ»), — подъ эффектною большою аркою (съ надписью «Сайгонъ Цесаревичу») вступаютъ въ столицу французскаго Индо-Китая. Ландо Великаго Князя запряжено шестью бѣлыми мулами. Въ толпахъ азіатовъ (въ томъ числѣ: индусовъ изъ Пондишери и малайцевъ) на широкихъ тѣнистыхъ бульварахъ, прямыми линиями пересѣкающихъ пространство (гдѣ сравнительно недавно лежалъ неопрятный и вродѣ Бангкока изрѣзанный водяными артеріями туземный городъ) мало видишь европейскихъ лицъ. Число «бѣлыхъ» здѣсь крайне ничтожно, хотя санитарныя условія жизни въ Кохинхинѣ годъ отъ году дѣлаются лучше и лучше. Прежде царила ужасающая смертность: разнovidныя лихорадки, гастрическія разстройства подкашивали очень быстро самые выносливые организмы. Между прочимъ, наблюдался странный фактъ, что отъ климата болѣе страдали уроженцы французскихъ колоній въ жаркомъ поясѣ (даже люди съ примѣсью негритянской крови) чѣмъ сѣверяне. Теперь центръ Кохинхины, напротивъ, сталъ, однимъ изъ наиболѣе здоровыхъ. Однако отдаленность ея, въ связи съ нежеланіемъ населенія метрополіи искать счастья за моремъ, до сихъ поръ привлекала сюда довольно незначительное количество колонизаторовъ. Благоустройству своему она пока обязана главнымъ образомъ, — если не всецѣло, — первоначальному хозяйничанью въ ней морскаго начальства. Рядъ адмираловъ (до двадцати) разумно управлялъ ею до передачи края въ руки гражданскихъ чиновниковъ и, несмотря на безпощадныя нападки радикально мыслящихъ публицистовъ, навѣрно принесъ ему не меньше реальной пользы, чѣмъ военный элементъ далъ и даетъ у насъ въ Средней Азіи. Примѣненіе къ здѣшнему и тамошнему коренному строю иныхъ понятій и пріемовъ только можетъ служить во вредъ и престижу опекающихъ, и покореннымъ.

Ихъ Высочествамъ отведены покои въ мѣстномъ европейскомъ дворцѣ. Расположенная близъ бульвара Нородомъ довольно обширная и внушительная съ виду генераль-губернаторская резиденція, обнесена оградой и своимъ паркомъ, прилегаетъ къ общественному парку весьма значительныхъ размѣровъ, — гдѣ, какъ намъ говорятъ, организуется народное гулянье въ честь Дорогаго Гостя. Зданіе — двухъэтажное, украшено куполомъ, стоило 12,000,000 франковъ, должно нравиться инородцамъ хотя-бы изъ-за его внушительной внѣшности и нѣкотораго рода обособленности отъ городского движенія. Начальникъ края получаетъ 180,000 франковъ въ годъ (жалованьемъ и на представительство). Жизнь вообще дешева въ Индо-Китаѣ. Французамъ поэтому нетрудно, при относительно скромныхъ издержкахъ на центральную правительственную власть, держать ее на одинаковой высотѣ съ тратящими милліоны туземныхъ денегъ англичанами.

За параднымъ обѣдомъ у г. Пикэ хоръ музыки съ военнаго судна «Торжествующая» исполняетъ мазурку Глинки, фантазіи изъ «Кармень» и «Гугенотовъ». Морской элементъ, присутствующій за столомъ, производитъ чарующее впечатлѣніе: вѣдь ими, этими витязями новой Франціи, за послѣднее время создано цѣлое царство на дальнемъ Востокѣ, обслѣдованъ для науки и культуры гигантскій раіонъ, кровью куплено положеніе на границахъ Небесной имперіи! Въ Тихомъ океанѣ, у республики есть такъ-называемая «Division navale de l'Extrême Orient», которою въ данное время командуетъ контръ-

ЯПОНСКИЙ ХРАМЪ.

адмиралъ Besnard. Флагманскимъ судномъ является двухбашенный панцырный крейсеръ «Triomphante», входившій въ составъ славной эскадры покойнаго Курбэ.

Генералъ-губернаторъ провозглашаетъ тостъ за Государя Императора. Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ отвѣчаетъ словами благодарности за радушный пріемъ и подымаетъ бокаль за французскую націю и ея президента, г. Карно.

Вечеромъ Августѣйшіе путешественники со свитой и прочіе приглашенные направляются изъ столовой полюбоваться великолѣпнымъ фейерверкомъ, заказаннымъ администраціею батавскому пиротехнику Gors. Температура стала немного сноснѣе: въ воздухѣ какъ-будто меньше электричества.

Пышная бѣломраморная лѣстница ведетъ изъ атриума на верхнюю веранду, откуда открывается слабо освѣщенный Сайгонъ. Зажженный передъ нами «праздникъ огня» тѣмъ эффектибѣе выдѣляется на этомъ почти безпредметномъ фонѣ. Европейская колонія рѣшила отъ себя еще устроить факельное шествіе, и оно необыкновенно торжественно проходитъ у дворцоваго крыльца, при восторженныхъ привѣтственныхъ кликахъ участвующаго въ немъ «бѣлаго» населенія.

Попозже Ихъ Высочества посѣщаютъ маленькій городской театръ, гдѣ недурная труппа, — щедро субсидируемая въ новомъ краю отъ правительства, — пресимпатично исполняетъ оперетку «Giroflé Girofla».

При входѣ Великаго Князя раздается «Боже, Царя храни!» Вокругъ зданія, гдѣ дается «spectacle de gala», иллюминированы бульвары и кофейни, жизнерадостно движется веселая толпа, съ самыхъ выгодныхъ сторонъ ласкаетъ туриста пересаженный въ индокитайскую глушь уголокъ колониальнаго Парижа.

ЯПОНСКІЙ БУДДА.

Воскресенье, 17 (29) марта.

Второй часть ночи. Мы ѣдемъ обратно, къ дворцу, съ тѣмъ чтобы взглянуть на поставленную по сосѣдству съ нимъ китайскую пьесу. Отъ искрящагося остроуміемъ изящнаго сюжета и нѣжной музыки приходится сразу перенестись въ совершенно иной міръ чего-то антихудожественнаго и какой-то чисто восточной какофоніи.

Театръ, куда мы вошли, не заслуживаетъ такого названія. Это — просто огромный балаганъ съ длинной открытой эстрадой для зрителей и другой — для актеровъ, причемъ въ серединѣ остается довольно большое незанятое пространство. Сцены — въ сущности нѣтъ. На мѣстѣ, гдѣ идетъ представленіе, лишь стѣны задрапированы яркими матеріями, —

играющіе же ходятъ, бѣгаютъ и прыгаютъ среди безпорядочно разставленныхъ столовъ и сидѣній. Всѣ роли исполняются мужчинами. Женоподобные юноши, въ женской одеждѣ, стараются говорить и кричать не иначе какъ тоненькимъ голоскомъ, подражая кромѣ того безпомощно-медленной походкѣ женщинъ съ испорченными ногами.

Въ театрѣ царятъ невообразимые шумъ и гамъ. Оркестръ въ глубинѣ состоитъ изъ тамъ-тамовъ, пискливыхъ скрипокъ и трубъ. Актеры пестро наряжены и до безоб-

ГРОЗНЫЙ ДУХЪ, ИЗОБРАЖАЕМЫЙ НА ПОРОГѢ
ЯПОНСКИХЪ СВЯТИЛИЩЪ.

разія набѣлены; у мужчинъ привѣшены фальшивыя бороды изрядной величины; искусство игры заключается чуть-ли не единственно въ умѣніи кривляться, кувиркаться, рычать, бѣсноваться, грозно таращить глаза и т. п. Они появляются на сценѣ изъ-за перегородокъ съ занавѣсками и за ними же исчезаютъ по временамъ, преспокойно оставляя ее пустой.

Способы увеселять публику крайне примитивны. Сперва кто-нибудь изъ играющихъ громко оповѣщаетъ, что будетъ означать грубая мимика и гдѣ происходитъ дѣйствіе. Затѣмъ другіе начинаютъ взлѣзать на баррикады изъ стульевъ, изображая хожденіе по горамъ; шмыганіе вокругъ мебели должно уподобляться передвиженіямъ отдѣльныхъ частей на войнѣ. Любой клоунъ позавидовалъ бы безстрашію китайскихъ актеровъ, съ которымъ они валятся наземь, вспрыгиваютъ другъ другу на брюхо или на голову, колотятся искусственными мечами и т. д.

Презирая ремесло и сословіе лицедѣевъ и гаеровъ, восточный людъ обладаетъ однако необычайною выдержкою и терпѣніемъ въ дѣлѣ посѣщенія такихъ зрѣлищъ и наслажденія ими, охотно просиживаетъ ночи и дни напролетъ въ созерцаніи почти безсодержательныхъ на нашъ взглядъ сюжетовъ, по дѣтски радуется незатѣйливымъ вымысламъ своихъ актеровъ. Востокъ не удивишь никакими длиннотами, никакими трилогіями: онъ бы безъ колебаній принялъ Вагнера какъ нѣчто вполнѣ нормальное.

Въ сайгонскомъ «Jardin de ville» все приготовлено, съ исключительно французскимъ вкусомъ и умѣніемъ, для встрѣчи Великаго Князя и желанныхъ русскихъ гостей.

Для чая и ужина сооруженъ (отъ города и головы) элегантно убранный павильонъ. Среди листвы импровизирована на подмосткахъ, подъ особымъ навѣсомъ цѣлая бальная зала. Мѣстные европейцы-коммерсанты разбили повсюду шатры-рестораны, сколотили лавочки-лари, стрѣльбища и т. п. Паркъ наводненъ праздничной толпой. Ихъ Высочества остаются среди нея до третьяго часа пополудни и, объѣхавъ въ экипажѣ всѣ аллеи, удаляются наконецъ на отдыхъ.

Сегодня днемъ предстоитъ интересное зрѣлище: смотръ войскамъ на бульварѣ Боннаръ, названномъ такъ въ память одного адмирала-губернатора Кохинхины.

Морская пѣхота съ артиллеріей и стрѣлки-аннамиты, — между коими замѣчается извѣстный процентъ европейцевъ-офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, — стройно проходятъ передъ особой эстрадой, воздвигнутой для Именитыхъ Гостей. Парадъ, которымъ командуетъ начальникъ немногочисленнаго кохинхинскаго отряда — полковникъ Ортюсъ, удался на славу. Черезчуръ пылкіе патріоты колоніи недовольны лишь тѣмъ, что солдаты не произвели торжественной манифестаціи, дефилируя передъ Первенцемъ Державнаго Вождя Россіи. Но въ основу пріема, по заранѣ установленному плану, легли задушевность и сдержанность: заниматься высшей политикой, здѣсь, понятно было бы неумѣстно.

Весьма любопытно видѣть, какъ быстро французы воспользовались коренными жителями въ качествѣ превосходнаго боеваго элемента, — легко поддающагося дисциплинѣ, беззавѣтно храбраго и преданнаго своимъ инструкторамъ, отлично приспособленнаго къ тяжелымъ условіямъ войны въ глуши Индо-Китая и, вдобавокъ, вдвое-втрое дешевле обходящагося чѣмъ содержаніе нижнихъ чиновъ изъ метрополіи. Конечно, странное впечатлѣніе производятъ на первыхъ порахъ низкорослые женоподобные воины, монгольскаго типа, съ шиньонами (обучающіе «бѣлые» одѣты въ обыкновенную военноморскую форму, инородцы же въ синіе мундиры-блузы съ кушакомъ и бѣлые штаны; верхушка соломенной шляпы обита мѣдью); но въ сущности только такими они могутъ сохранить племенную индивидуальность, столь важную для дальнѣйшей борьбы въ Азіи, гдѣ кровью сипаевъ, гдѣ мужествомъ денационализированныхъ наемниковъ-туземцевъ колонизирующія государства спаиваютъ себѣ экономически цѣнные владѣнія. Подобно тому какъ въ Алжирѣ съ пользой создались кадры изъ арабовъ, — аннамитскіе полки, обученные на западный ладъ, обѣщаютъ дать и уже неразъ дали блестящее доказательство своей пригодности. Безъ сомнѣнія, подъ опытнымъ руководствомъ, они сдѣлали бы постоять за честь французскаго знамени и противъ горкинцевъ, и противъ сикховъ (въ случаѣ всегда возможныхъ осложненій на бирманскомъ рубежѣ). Одно обстоятельство этимъ солдатамъ, — стремящимся усвоивать языкъ своего начальства и подольше оставаться въ симпатичномъ имъ строю, — ставится въ упрекъ: они скоро балуются отъ хорошей жизни на службѣ, получая «огромныя для нихъ» деньги (по лундору въ мѣсяцъ!) и, если получаютъ отставку, то неспособны болѣе къ мирному труду, а поступаютъ въ ряды пиратовъ. Послѣдніе, въ лицѣ китайскихъ выходцевъ (такъ-называемыхъ «черныхъ» и «желтыхъ» флаговъ) съ радостью вербуютъ людей, хоть смутно знакомыхъ съ военно-европейскимъ искусствомъ, и затѣмъ, опираясь на недовольныхъ въ числѣ кореннаго населенія, ведутъ бессмысленную и разорительную для молодой заморской имперіи нескончаемую партизанскую войну: Тонкинъ въ короткій срокъ уже стоилъ побѣдителямъ свыше 700,000,000 франковъ, при чемъ крупная доля ежегодно извлекалась и до сихъ поръ извлекается изъ доходовъ съ Кохинхины, житницы сѣвернаго Индо-Китая. Тѣмъ не менѣе всетаки лучше вооружать и дисциплинировать инородцевъ (даже образуя, пожалуй, отдѣльныя части изъ тагаловъ съ Филиппинскихъ острововъ, изъ бирманцевъ

и японцевъ или зулусовъ, — какъ это совѣтуютъ нѣкоторые), чѣмъ опираться въ значительной степени на пользующійся печальною извѣстностью иностранный легіонъ, куда принимаются самые подозрительные и ненадежные безпаспортные элементы Европы и Америки. Ему, насчитывающему въ своемъ составѣ до $\frac{3}{5}$ — $\frac{4}{5}$ нѣмцевъ, поручаются оборона и усмиреніе границъ! Между тѣмъ Германія съ 1871 г. внимательно всматривающаяся въ положеніе французовъ на тихо-океанскомъ побережьи и мечтающая при новыхъ боевыхъ успѣхахъ принять въ лакомое наслѣдье именно эти владѣнія противниковъ, не

у японской кумирни.

можетъ не брать въ расчетъ, изъ кого комплектуются легіонеры, отъ которыхъ требуется только физическая выносливость и чье темное прошлое сознательно игнорируется нанимающими ихъ властями.

По европейски отстроенный Сайгонъ (на мѣстѣ спаленныхъ самими защищающимися туземцами жилищъ) не представляетъ особыхъ достопримѣчательностей. Характерны только обошедшійся въ миллионъ рублей соборъ, матеріалъ для котораго отчасти привезенъ былъ изъ каменоломенъ около Парижа, и воздвигнутые въ молодомъ городѣ мону-

менты (работы Falguière, Noël) въ память лицъ, составляющихъ національную гордость. Таковы статуи въ честь завоевавшего край доблестнаго адмирала Rigault de Genouilly и пламеннаго сторонника смѣлой колоніальной политики — Гамбетты, а также въ честь начальника меконгской экспедиціи, сражавшагося противъ насъ въ крымскую кампанію Doudart de Lagrée (воочію изслѣдовавшаго древности хмерскаго періода и проникшаго изъ Индо-Китая въ Юннанъ) и въ честь убитаго въ цвѣтъ лѣтъ пиратами даровитаго путешественника Francis Garnier.

Сердце радуется, видя какъ здѣсь умѣютъ цѣнить и, при поддержкѣ изъ Парижа, сразу обрекать на безсмертіе выдающихся дѣятелей на поприщѣ научно-политическаго характера, лишь только созданное ими уже успѣло принести плоды. Столь поспѣшное признаніе ихъ заслугъ передъ отечествомъ свидѣтельствуетъ о проницательности и твердости духа тѣхъ лицъ, чьихъ попеченію главнымъ образомъ ввѣрены интересы индо-китайской Франціи.

Съ наступленіемъ вечера на прогулку въ окрестности выѣзжаетъ весь Сайгонъ. Отъ шести часовъ, по опоясывающимъ его прекраснымъ дорогамъ вереницею тянутся одноконныя и двуконныя коляски (isidores) съ кучерами-малайцами. Генераль-губернаторъ приглашаетъ Ихъ Высочества также подышать въ предъобѣденное время свѣжимъ загороднымъ воздухомъ. Часть нашего пути пролегаетъ при этомъ черезъ такъ-называемую «равнину могилъ», гдѣ давно уже туземцами хоронятся какъ въ особо священной землѣ и нерѣдко привозятся издалека ихъ дорогіе усопшіе (культъ предковъ и мертвыхъ вообще очень сильно привить въ странѣ). Нѣкоторыя гробницы, — насколько можно судить по бѣглому впечатлѣнію при проѣздѣ, — отличаются архитектурнымъ изяществомъ и похожи на миниатюрныя пагоды. Китайскіе надгробные памятники, разбѣянные среди нихъ, гораздо проще: по очертаніямъ многіе изображаютъ подкову. Аннамиты охотно кладутъ надъ прахомъ своихъ усопшихъ грубо изваянныя фигуры осѣдланыхъ коней: почему? я не могъ добиться.

Наиболѣе замѣчателенъ на этомъ пространствѣ, благоговѣйно отданномъ смерти (чтутся даже плиты, поставленныя надъ ямами, куда магическими способами призванъ обитать духъ инаго умершаго), мѣсто успокоенія просвѣщеннаго Pigneau de Béhaine (XVIII вѣка), самоотверженно посвятившаго себя миссіонерскому служенію въ предѣлахъ Аннама и весьма искусно пытавшагося, — притомъ не безъ успѣха, — сблизить правителей края съ христіанской цивилизаціей и политически связать ихъ съ Парижемъ.

Наши экипажи проѣзжаютъ около мавзолея, воздвигнутаго въ честь этого проповѣдника.

Между личностью и дѣятельностью упомянутаго французскаго іерарха и южно-индійскаго миссіонера Шварца, о которомъ я говорилъ въ главѣ о Танджорѣ, положительно есть что-то общее.

Кончина благочестиваго епископа была цѣлымъ событіемъ въ исторіи Кохинхины. Самъ царь навѣщалъ умирающаго, посылалъ ему лучшихъ туземныхъ врачей, приказалъ убрать его тѣло шелковыми тканями и торжественно вынести на поклоненіе народу (въ теченіе двухъ мѣсяцевъ). Царевичъ Канхъ облекся въ глубочайшій трауръ по своему наставнику, началъ денно и ночью дежурить при гробѣ. Мандарины отовсюду пріѣзжали проститься съ усопшимъ. При похоронахъ, во главѣ шествія оказались водруженными большой крестъ и шесть художественно сдѣланныхъ рѣзныхъ нишъ съ изображеніями Богоматери, Апостоловъ Петра и Павла, съ перечнемъ почетныхъ наименованій покойника и т. п. Носилки подъ золотою парчой подняло восемьдесятъ человѣкъ. По обѣ

стороны процессіи двинулось 120 придворныхъ боевыхъ слоновъ. Вся царская семья провожала преосвященнаго къ могилѣ. Тысячи свѣточей фантастически освѣщали путь. Подъ конецъ Гіалонгъ произнесъ надъ прахомъ глубоко трогательную рѣчь. У памятника нарядили постоянный почетный караулъ. Очевидно, эти азіаты-язычники умѣли и хотѣли быть вѣротерпимыми и благодарными! Достаточно добавить, что на мѣстѣ нынѣшнихъ казармъ для туземныхъ стрѣлковъ въ Сайгонѣ прежде находилась особая пагода, пантеонъ съ именными таблицами въ память полезнѣйшихъ гражданъ: въ числѣ ихъ красовались имена служившихъ здѣсь французовъ.

Прямо противъ параднаго крыльца — къ атриуму, гдѣ устроенъ буфетъ, примыкаетъ величественная балльная зала, могущая вмѣстить по крайней мѣрѣ тысячу человекъ. Сегодня тамъ дается блестящій вечеръ. Танцы начинаются въ 10 ч.

КОХИНХИНСКІЕ ТИПЫ.

Среди столь знакомаго блеска и оживленія взоръ невольно медлитъ на странной неподвижной инородческой фигурѣ у одной изъ колоннъ: это — въ своемъ родѣ знаменитый бирманскій принцъ (несчастный изгнанникъ и законный претендентъ на престолъ) Мун-goop-min.

Вотъ уже четверть вѣка, что онъ ведетъ самый тревожный образъ жизни: сначала въ качествѣ врага вредныхъ совѣтниковъ своего слабохарактернаго отца-царя, затѣмъ гостемъ и вскорѣ (безъ всякаго повода) плѣнникомъ англичанъ (съ заключеніемъ его въ клѣтку, точно звѣря). Изъ Бенареса онъ бѣжалъ къ французамъ въ Чандернагоръ, съ величайшей опасностью пробрался черезъ Калькутту на пароходъ «Messageries maritimes» и въ Пондишери, пережилъ массу острыхъ впечатлѣній отъ вѣчно надъ нимъ висѣвшаго Дамоклова меча, наконецъ нашелъ пристанище и маленькую матеріальную поддержку въ Индо-Китаѣ. Власти терпятъ князя, при обязательствѣ не заниматься политикой, — но его ждетъ изнывающая Бирма, ему тотчасъ готовы были бы присягнуть тамошніе патріоты (дакоиты), въ главѣ коихъ стоитъ вооруженное изъ любви къ отчизнѣ буддійское духовенство. Каждый день въ странѣ вспыхиваютъ искры мятежа. Храбрые бирманцы, сдающіеся иногда на честное слово послѣ неравной борьбы, беспощадно и вѣроломно растрѣливаются англійскими должностными лицами. По слухамъ, еще на дняхъ, грозное по единодушію возстаніе загорѣлось въ полубраминскомъ Манипурѣ на бирмано-индійской границѣ (за предательское отношеніе къ туземной княжеской фамиліи).

Насколько положеніе пришельцевъ нравственно шатко въ этомъ раіонѣ доказы-
вается хотя-бы напр. тѣмъ, что они согласились «въ видѣ дружественныхъ подарковъ»,
но въ сущности какъ традиціонную дань (разъ въ 10 лѣтъ) платить, владѣя Бирмой, от-
ступное богдыхану. Туземный элементъ не можетъ не причинять безпокойства «бѣлымъ»
владыкамъ уже по тому равнодушію къ смерти, которое онъ всегда проявлялъ и прояв-
ляетъ. Чѣмъ утратить людей, когда они — приговоренные къ казни — совершенно
апатично смотрятъ на разстрѣливаніе товарищей и вдругъ, замѣтивъ случайно, что одному
изъ нихъ зарядъ какъ-то неестественно снесъ часть черепа, начинаютъ неудержимо смѣ-
яться и смѣются даже въ моментъ, что имъ самимъ пора стать подъ выстрѣлы?

Одинаковой чисто стихійной рѣшимостью дышутъ малайско-китайскія черты лица у
сосредоточенно-молчаливаго принца Мингунмина. Въ оранжевой повязкѣ, съ драгоцѣн-
ными кольцами на рукахъ, въ шелковомъ изящномъ одѣяніи (вродѣ принятаго въ Сіамѣ)
онъ «съ иною думой на челѣ» озираетъ бальную залу, лѣниво опахиваясь цвѣтнымъ
платкомъ: кто знаетъ, какое будущее предстоить этому настрадавшемуся человѣку?

Понедѣльникъ, 18 (30) марта.

Неофициальная сайгонская печать, привѣтствуя Высокаго Гостя, заговорила сегодня
совершенно особеннымъ языкомъ. Безъ лести, безъ пустыхъ вѣжливыхъ фразъ она съ
достоинствомъ подняла вопросъ о значеніи франко-русской дружбы, обязательной и для
колонизирующихъ элементовъ Кохинхины съ точки зрѣнія долга и патріотизма, — осо-
бенно подчеркивая важный государственный смыслъ обзрѣнія нашимъ Престолонаслѣдни-
комъ Азіи, гдѣ у величайшей сѣверной державы есть жизненные задачи не только за такъ-
называемой «научной границей» безпокоющаго Англію туркестанско-афганскаго раіона, но
и за Гималаями.

A SON ALTESSE IMPÉRIALE LE TZAREWITCH.

MONSEIGNEUR,

Les sentiments qui animent nos frères de la Métropole à l'égard de la Russie se retrouvent dans
les cœurs des Français que le devoir et le patriotisme ont conduit en Indo-Chine. Comme eux, nous
sommes sensibles à la noblesse des sentiments et à la loyauté du caractère; comme eux, nous avons le
culte du souvenir et des services rendus. C'est assez vous dire, Monseigneur, que le fils de Sa Majesté
l'Empereur Alexandre sera toujours le bienvenu parmi des Français.

Nous espérons, Monseigneur, que le voyage entrepris par Votre Altesse Impériale ne contribuera
pas peu à resserrer les liens d'amitié qu'ont fait naître entre la France et la Russie une estime mutuelle,
et des intérêts communs.

S'il appartient à Sa Majesté l'Empereur de Russie de rester en Europe l'arbitre respecté de la
paix, il vous appartient à vous, Monseigneur, qui êtes venu visiter les limites extrêmes de votre immense
Empire, de seconder l'œuvre de votre auguste père en constatant qu'au delà de *la frontière scientifique*
et de *la chaîne de l'Himalaya*, il y a une autre œuvre non moins patriotique et non moins grande à
entreprendre pour la Russie.

Dans cette œuvre encore, les sympathies et les intérêts feront, des Russes et des Français, des
alliés naturels.

Au nom de tous les Français de l'Indo-Chine, nous prions Votre Altesse Impériale de daigner agréer
l'hommage de notre plus profond respect et les souhaits que nous faisons pour la prospérité de la Russie.

Que Dieu prête longue vie et bonheur à Leurs Majestés, l'Empereur et l'Impératrice de Russie.

Vive la Russie! Vive la France!

Третій день среди радушнаго мѣстнаго общества общаетъ быть еще интереснѣе предъидущихъ. Утромъ мы въ экипажахъ ѣдемъ за шесть верстъ, въ сосѣдній городъ Чолонъ, присутствовать при одномъ очень оригинальномъ зрѣлищѣ, какъ туземцы и китайцы носятъ и чествуютъ въ торжественной процессіи морскаго единорога (эмблему мира) и дракона (олицетвореніе верховнаго земнаго владыки).

Драконы, олицетворяющіе небесную премудрость, считаются предками аннамитовъ. Останки колоссальнѣйшихъ диковинныхъ тварей, согласно народнымъ вѣрованіямъ, покоятся въ нѣдрахъ земли: иногда близко къ поверхности. Кто строитъ жилище подлѣ нихъ, можетъ обрѣсти много благополучія: надо однако знать, гдѣ — спина невидимаго сверхъестественнаго существа, гдѣ — лапы, гдѣ — чешуя, опасаясь только очутиться около когтей какого-нибудь легендарнаго прародителя туземной расы. Въ Индо-Китаѣ есть рѣка, именуемая Красной: названіе получилось будто-бы отъ того, что въ одномъ мѣстѣ, — гдѣ скалы мѣшали теченію, — нѣкій правитель ихъ велѣлъ взорвать, и вдругъ... вода окрасилась кровью скрытаго подъ ними дракона.

Сайгономъ прежде называлась вообще окружающая мѣстность съ туземнымъ центромъ, нынѣ именуемымъ Чолонъ (что значитъ «большой рынокъ»). Первое названіе до сихъ поръ неопредѣленно. Иные расчленяютъ слово на китайское «сай» — дерево и аннамитское «гонъ» — хлопокъ (такъ какъ встарь жители Камбоджіи обсаживали свои укрѣпленія хлопчатникомъ), но это толкованіе болѣе чѣмъ гадательно. До Гіалонга здѣсь просто находилась деревня, хотя въ 1680 г. она временно и пользовалась нѣкоторымъ административнымъ значеніемъ. Въ ту пору край постепенно наводнялся сѣверянами: потомки или точнѣе преемники «хмеровъ» вытѣснялись изъ Кохинхины. Китайскіе военачальники, приверженцы побѣжденной маньчжурами миньской династіи, уходили сюда же съ остаткомъ арміи. Тѣмъ не менѣе до 1789 г. Сайгонъ не былъ стратегически важнымъ пунктомъ. Только тогдашній правитель его поднялъ и возвелъ на степень операціоннаго базиса.

Чолонская дорога, — вдоль пресловутой «равнины могилъ», по которой мы направляемся, — стала военной дорогой для экспедицій противъ непріятеля съ суши, олицетворявшагося главнымъ образомъ въ лицѣ постоянно надвигавшихся суровыхъ пришельцевъ изъ кореннаго Аннама. Французское правительство улучшило этотъ ближайшій отъ центра путь, расширивъ его и утрамбовавъ камнемъ: замѣчательно, что самый трасъ дороги намѣтилъ, еще въ прошломъ столѣтіи, приглашенный сюда въ качествѣ инструктора инженеръ Оливье.

Чолонъ, — куда мы прибыли, — представляетъ изъ себя относительно благоустроенный городъ, многолюднѣе Сайгона, при нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ населенія. Приведено тутъ все въ порядокъ, — по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, — попеченіями бывшаго короткое время здѣшнимъ администраторомъ, прославившагося въ послѣдствіе въ путешествіяхъ Ф. Гарнье.

Жители — почти исключительно выходцы изъ предѣловъ Небесной имперіи. Они бойко торгуютъ; ежегодно черезъ ихъ руки проходятъ милліоны пудовъ риса; настроеніе горожанъ скорѣе спокойное нежели строптивое, — но извѣстнаго рода національная тенденція въ нихъ все-таки держится и дѣлаетъ не совсѣмъ безопаснымъ положеніе новаго правительства въ краю.

Чего ожидать въ будущемъ отъ этого несклоннаго ни къ какой ассимиляціи желтолицаго элемента съ косами, трудно сказать; но иные факты, понятно, должны наводить на размышленіе. Незадолго передъ посѣщеніемъ нашей эскадры, въ Сайгонъ пришелъ

адмиралъ Тингъ съ четырьмя судами. Китайскіе купцы и рабочіе пришли въ такой восторгъ при видѣ роднаго флага, что чувства недовѣрія невольно проснулись въ сердцахъ зрителей-французовъ, — особенно если припомнить, какъ стойко бѣдняки-поденщики (куліи) въ Гонгконгѣ отказывались отъ погрузки судовъ республики въ теченіе ея недавней войны противъ Китая. Въ рожденныхъ среди условій его культуры разумныхъ существахъ безспорно теплится удивительная любовь ко всему своему, къ своей родинѣ, — хотя бы и матеріалистически понимаемой, — къ своему народу какъ воплощенію патріархально-семейныхъ добродѣтелей.

Августѣйшіе путешественники слѣдятъ съ высоты веранды одного изъ европейскихъ зданій Чолона на приближающуюся съ неистовымъ шумомъ и взрывами петардъ извилистую процессію дракона. Она растянулась на значительномъ разстояніи, состоитъ изъ знаменъ и оружія, изъ музыкальныхъ инструментовъ и огромныхъ манекеновъ, которыхъ съ маленькими принаряженными дѣтьми на престолахъ несутъ участвующіе въ ней. Во главѣ бредутъ старцы въ удивительныхъ узорчатыхъ шапкахъ, совершенно закрывающихъ затылокъ. Дальше идутъ женщины въ красныхъ и зеленыхъ, темно-фіолетовыхъ и черныхъ шелковыхъ платьяхъ. Какіе-то странные люди, одѣтые словно чертями, забавляютъ глазѣющую на пестрое зрѣлище толпу. Согласно толкованію, въ одной изъ искусственныхъ несомыхъ башенокъ (незначительной величины) сидитъ дѣвочка, олицетворяющая сказочную плѣнную змѣю Вах-ха, ставшую на извѣстное время женщиной, на берегахъ полуденнаго моря. Она до того, въ теченіе 500 лѣтъ, стремилась къ совершенству и побѣждала въ себѣ природу чудовища, — перевоплотившись же, вышла замужъ за студента и была счастлива, пока онъ не узналъ, кто его жена, и не умеръ отъ страха. Злополучная вдова умолила небо воскресить ей супруга и вскорѣ родила мальчика, призваннаго достигнуть высшихъ степеней учености. Пока онъ ихъ добивался, духи вручили его матери волшебный напитокъ, отъ котораго вокругъ нея образовалась большая желѣзная клѣтка: тамъ узницу проморили до того дня, что сынъ ея прославился.

Идущее мимо насъ шествіе (съ молодежью, у которой крестъ на крестъ наброшены на грудь жасминовыя гирлянды) должно, какъ говорятъ, дать понятіе объ иныхъ фазахъ этой легенды; но убѣждаешься въ томъ лишь крайне смутно. Гамъ и трескъ усиливаются. Цѣлая группа людей тащитъ десятисаженного уродливо изгибающагося дракона (фантастическую ящерицу изъ цвѣтныхъ матерій, бамбуковыхъ палокъ и бумаги). Пасть отверзта, языкъ и челюсти шевелятся, чешуйчатая спина порывисто волнуется, отвратительная рогатая голова со щупальцами дико качается изъ стороны въ сторону, потому что снизу поддерживаетъ страшилище прыгающій человѣкъ: оно точно собирается ринуться и поглотить врага, въ данную минуту изображаемаго шаромъ (свѣтовымъ дискомъ), которымъ какой-то китаецъ дразнитъ змѣя съ конца палки, забѣгая впередъ.

Цѣлью процессій считается, между прочимъ, умиловленіе и устраненіе морскихъ и другаго рода чудищъ: подобный весенній обычай существуетъ съ давнихъ поръ, когда послѣднія жестоко нападали на жившихъ рыбачьими промыслами обитателей Кохинхины. Въ ту миѳическую эпоху туземцы надумали строить себѣ суда въ формѣ драконовъ, чтобы обмануть эту нечисть океана, и привыкли снабжать ихъ, — что водится и понынѣ, — нарисованными на носу глазами, сами же начали татуироваться ради приданія своимъ тѣламъ сходства съ подводными дивами.

Покидаешь Чолонъ безъ особеннаго удовольствованія: характеръ шествія черезчуръ мало поясняетъ нашему воображенію. Въ гости сюда были званы сегодня многіе русскіе

офицеры съ эскадры, прибывшіе изъ Сайгона по рельсовому пути (соединившій оба города трамвай, перевозящій въ годъ до милліона инородцевъ, именуется ими «огненный конь»).

Днемъ (около пяти) приходится смотрѣть, за городомъ, скачки, — коихъ главный интересъ заключается въ бѣгѣ «рысистыхъ» быковъ, помѣси домашняго скота съ пойманными. Она тщательно воспитывается и запряженная въ повозки не уступаетъ по быстротѣ и силѣ туземнымъ пони, — притомъ на какихъ-угодно плохихъ дорогахъ.

Трибуна для Ихъ Высочествъ и для избранной публики красиво декорирована. Сперва состязаются на трехверстномъ разстояніи мѣстные лошади мелкой, но весьма выносливой породы. Часть изъ нихъ (какъ и забавные «*boeufs trotteurs*») въ упряжи. Скакуновъ ведутъ пестрые жокеи. Призы назначены городскими обществами, банками, рѣчнымъ пароходствомъ, генераль-губернаторомъ. Наибольшую рѣзвость выказываютъ два коня (Kim и Dam-gay) изъ пункта Нос-мон, въ 9 верстахъ отъ столицы.

Прощальный вечеръ обѣщаетъ быть особенно радушнымъ и блестящимъ. Повсюду распространено анонимное печатное воззваніе (въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ) къ «бѣлому» населенію о необходимости въ послѣдній разъ дружно почтить Высокаго Гостя, собравшись передъ дворцемъ въ 10 ч. съ цѣлью сопровождать Его экипажъ до набережной, къ балу на кораблѣ «Луара». «Пусть отъ глубины сердца идущее проявленіе чувствъ», гласитъ циркуляръ: «въ тактичной формѣ засвидѣтельствуетъ Е. И. Высочеству нашу признательность за посѣщеніе Кохинхины, т. е. Франціи».

Nous nous permettons de faire appel à la population Française de Saigon pour lui demander l'exécution du programme suivant, et cela dans le but de manifester à S. A. I. le Grand Duc Héritier de Russie la reconnaissance que nous éprouvons de l'honneur qu'il veut bien nous faire en visitant la Cochinchine et par suite la France.

Le Grand Duc partira du Gouvernement, à 10 heures du soir, pour aller au Bal donné à bord de la *Loire* par les Officiers de terre et de mer. Nous serions tous rangés près de sa voiture et nous l'accompagnerions jusqu'à l'appontement de la *Loire*. Cela nous procurerait l'occasion de lui manifester, avec toute la chaleur que nous avons dans nos cœurs, *nos sentiments de profonde et respectueuse reconnaissance et surtout de respectueuse sympathie*.

Cette manifestation, calme, correcte, comme il convient en pareille circonstance, nous permettra toutefois de démontrer à Son Altesse Impériale ce qu'il y a dans le fond de nos cœurs.

Rendez-vous devant le Gouvernement général, à 10 heures moins en quart.

Параллельно съ тѣмъ изданъ написанный г. Рикебуръ (Riquebourg) длинный стихотворный діалогъ между моряками двухъ исполненныхъ другъ къ другу пріязни народовъ. Онъ начинается словами:

Nous voici tous les deux loin du pays natal.
En frère, reçois donc mon salut amical, и т. д.

(русское міросозерцаніе въ послѣдующихъ строфахъ, конечно, — какъ и подобаетъ западнику-иностранцу, — обрисовано до невѣроятности неточно; но въ основу положено столько искренней симпатіи и желанія насъ идеализировать, что только читаешь и улыбаешься безобидному искаженію дѣйствительности).

Множество лицъ отозвалось на приглашеніе проводить Наслѣдника Цесаревича. Шествіе тронулось иллюминированными улицами, подъ триумфальныя арки. Отвѣчая на горячія привѣтствія обступившей Его коляску толпы, Великій Князь привсталъ около собора въ экипажѣ и воскликнулъ: «да здравствуетъ Франція!»

Вторникъ, 19 (31) марта.

Офицеры колоніи превзошли себя вчера въ искусствѣ гостепріимнаго приѣма и чествованія. Ошвартованное у берега, — рядомъ съ «Азовомъ» — старое транспортное судно-гигантъ «Loire» убрано было съ рѣдкимъ вкусомъ и, скажу болѣе, великолѣпіемъ. Внутренняя палуба обращена въ обширнѣйшую бальную залу. Танцы затянулись, — въ Августѣйшемъ присутствіи, при участіи Е. И. Высочества, — до пяти утра. Положительно нигдѣ еще не встрѣчалось такого бьюшаго ключемъ веселья и непринужденнаго оживленія, такого жизнерадостнаго восторженнаго entrain. Инициаторомъ его и творцемъ успѣха оказался даровитѣйшій дирижеръ, полужанцузъ по рожденію, мичманъ — князь Андрей Августиновичъ Голицынъ. Царицами бала явились жена одного капитана (морской пѣхоты) г-жа Ваuche (чуть не пострадавшая вчера вечеромъ, ѣдучи на «Loire», изъ-за всбѣсившихся въ ея коляскѣ лошадей) и четырнадцатилѣтняя барышня m-lle Revilliod. Долго не забыть сайгонцамъ этого праздника, этой ночи, нашего братскаго обмѣна мыслей и благопожеланій!

Значеніе Кохинхины и административно ей подчиненныхъ краевъ чрезвычайно наглядно выяснилось всѣмъ тѣмъ изъ насъ, кто въ бесѣдахъ интересовался новѣйшими данными объ ихъ экономическомъ и политическомъ строѣ. Лучшие отзывы приходилось слышать о способностяхъ и покорности аннамитовъ, самыя утѣшительныя свѣдѣнія сообщались о неисчерпаемомъ богатствѣ страны, о предстоящемъ молодой имперіи свѣтломъ будущемъ.

На первомъ планѣ выставлялись ея природныя ресурсы. Они равны прославившимъ Египетъ, Месопотамію и Бенгалію. Европейскіе злаки и фруктовыя деревья прививаются на здѣшной почвѣ. Наивысшаго качества рисъ, — экспортомъ коего занимаются пока не французскіе капиталисты, а извѣстнѣйшая нѣмецкая фирма Рикмерсъ изъ Бремена, — маисъ, хлопокъ, индиго, бетель, табакъ, фіолетовый сахарный тростникъ, кофе, чай, всякіе плоды и овощи (особенно дыни), разныя пряности и продукты фармацевтической флоры, драгоцѣнное для прочныхъ подѣлокъ желѣзное и черное дерево, лѣсъ вообще, шелкъ, слоновая кость, буйволыя рога, бычачьи кожи, соль, рыба и т. д. и т. д. на сотни милліоновъ франковъ вывозятся изъ Сайгона. Кохинхинскія произведенія сгруппированы въ парижскихъ и главныхъ провинціальныхъ коммерческихъ музеяхъ Франціи. На кохинхинскихъ сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ выставкахъ, — починъ которымъ положенъ уже въ 1866 г. — туземцамъ присуждено немало золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ медалей за превосходные экспонаты. «Société d'acclimatation de Paris» присудила высшую награду колоніальному правительству за его труды на этомъ поприщѣ. Они награждены также и Амстердамомъ, и Калькуттой. Могучій толчекъ для развитія данъ. Результаты не замедлятъ сказаться, разъ полноправными хозяевами дѣлаются такіе практическіе люди какъ французы.

Рабочая сила (даже въ самомъ Сайгонѣ) довольно дешева. Изъ туземцевъ выходятъ сносные мастера. Постепенно ввозятся машины. Въ случаѣ усилятся притокъ смысленныхъ эмигрантовъ изъ Китая и они надумаютъ прочнѣе осѣдаты въ краю, —

тѣмъ лучше для послѣдняго. Какой-то остроумный писатель о Дальнемъ Востокѣ выразился, что колонизаторы тамъ имѣютъ всегда именно тѣхъ китайцевъ, какихъ заслуживаютъ имѣть. Если съ ними умѣло обращаться, — не давая имъ напр. сплочиваться въ секретныя общества съ агрессивнымъ характеромъ, — трудно найти подданныхъ покладистѣе и полезнѣе. Установить *modus vivendi* тѣмъ необходимѣе и своевременнѣе, что изъ южныхъ провинцій Небесной имперіи зачастую переселяются элементы, склонные возмущать противъ европейскаго владычества аннамитское населеніе. Негласно поддерживаемый ими вождь пограничныхъ (тонкинскихъ) борцовъ за независимость (отважный дос Ngu) на дняхъ выдержалъ, во главѣ незначительной шайки (въ теченіе семи часовъ) сраженіе съ регулярнымъ отрядомъ войскъ республики и отступилъ, — упорно отстаивая каждую пядь земли, унося съ собою раненыхъ и убитыхъ. Такихъ героев національной самообороны разбросано по сѣверу колоніи — ничтожное число. Между тѣмъ, устраиваемая на нихъ облава стоитъ безумныхъ денегъ и ни къ чему не приводитъ. Нѣтъ-ли средствъ избѣжать и ея, и напрасныхъ затратъ?

Вмѣсто веденія убыточной и жестокой борьбы съ единично непокорными туземцами, — которые въ отчаяніи иногда способны возбуждаться до утонченно-звѣрскаго состояніи (при плѣненіи въ лѣсу одного французскаго офицера, ему связанному распороли животъ и осторожно вынули внутренности, затѣмъ несчастнаго обмазали медомъ для приманки муравьевъ и предоставили медленной агоніи) — благоразуміе требуетъ разъ навсегда уничтожить поводъ къ подобному антагонизму. Достигнуть же этого относительно легко, живя въ добромъ согласіи съ китайцами и привлекая ихъ лаской въ свои владѣнія. И такъ уже теперь длинноносые чолонцы навѣкъ, — а не временно, — пускаютъ корни въ Кохинхинѣ, записываясь французскими гражданами, заводятъ тѣсныя торговыя сношенія съ другими французскими колоніями, необыкновенно быстро свыкаются съ французскими законами, порядками, языкомъ и нравами. При мудрой попыткѣ (по мысли глубоко знающихъ и развитыхъ католическихъ миссіонеровъ) упростить туземную идеографическую грамоту (результатъ подавляющаго вліянія цивилизаціи Китая) введеніемъ въ преподаваніе латинской транскрипціи, — что косвенно служитъ путемъ къ незамѣтному усвоенію подростающимъ поколѣніемъ западной письменности и шутя ему дающейся французской рѣчи, — открывается новая эра въ духовной жизни края. Патріоты-проповѣдники изъ Франціи, — еще въ прошломъ столѣтіи радѣвшіе о возрожденіи Аннама (проложеніемъ хорошихъ дорогъ, поощреніемъ промышленности, изготовленіемъ домашними средствами фитильныхъ ружей, созданіемъ умѣющаго искусно маневрировать обширнаго мелкаго флота, изданіемъ удобопонятныхъ данныхъ о тактикѣ для туземныхъ военачальниковъ и т. п.) — и впредь, надо предполагать, постараются быть на высотѣ призванія не только просвѣщать Истиной, но и всесторонне учить темное коренное населеніе. Всматриваясь въ лѣчебныя средства страны, отцы-монахи открыли ядовитую лиану *hoang-nan* (*strychnos gauthieriana*), которою можно изцѣлять почти недоступную нашему врачеванію проказу и бѣшенство. Тѣ-же хаотически опасныя качества таятся въ сердцѣ индо-китайца. Если овладѣть ихъ сущностью и обезвредить ея проявленія, въ концѣ концовъ она сдѣлается источникомъ блага. Дай-то Богъ, чтобы подвижникамъ съ Запада удалось поскорѣе смягчить и облагородить христіанскимъ міропониманіемъ воспріимчивую къ добру природу здѣшняго инородца!

Садъ богатого китаецъ

Нерѣдко приходится слышать вопросъ, есть-ли вѣроятіе, что Франція удержитъ за собою à la longue столь далекую колонію. Въ данное время получается утвердительный отвѣтъ, ибо внѣшнія условія этому вполне соотвѣтствуютъ.

Базисъ ея обезпеченъ отъ всякаго нападенія извнѣ и случайныхъ возстаній по сосѣдству. Въ Сайгонѣ находится отличный арсеналь съ пловучимъ докомъ и двумя сухими, изъ коихъ одинъ представляетъ копію съ тулонскаго. Залежи превосходнаго тонкинскаго угля, — способнаго подорвать въ Тихомъ океанѣ сбытъ кардифскаго и нью-кастльскаго, австралійскаго и японскаго, — по отзыву компетентнѣйшихъ инженеровъ необъятны. Опираясь на собственные сокровищницы съ «чернымъ алмазомъ», французскій Индо-Китай рано или поздно станетъ неуязвимъ, — напротивъ, на очень большемъ раіонѣ представитъ серьезнѣйшую угрозу Англіи. Между тѣмъ, ироніей судьбы успѣшная разработка этихъ угольныхъ минъ совершилась при помощи гонконгскихъ капиталистовъ! Теперь французамъ остается только энергично дѣйствовать для завоеванія себѣ новыхъ рынковъ въ относительно близкомъ, цвѣтущемъ Юнанѣ, что нанесетъ огромный ущербъ проникающей туда окольными путями британской торговлѣ.

САЙГОНЪ СЪ РѢКИ.

Е. И. Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ пригласить сегодня на завтракъ къ себѣ на «Азовъ» представителей мѣстной власти (г. Пикэ и кохинхинскаго губернатора, адмирала Бенара и полковника Артюса). Августѣйшій путешественникъ въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ просилъ передать свою благодарность жителямъ Сайгона за радужный пріемъ, во время котораго русскіе чувствовали себя въ колоніи точно дома. Начальникъ края поспѣшилъ отвѣтить, что столь милостивый и высоко лестный отзывъ Великаго Князя немедленно будетъ переданъ населенію официальнымъ органомъ. Гости уѣхали съ фрегата въ два часа.

Вслѣдъ затѣмъ Е. И. Высочеству доложили о неожиданномъ прибытіи маленькой туземной депутаціи съ дарами изъ близкой деревни Фукеу округа Тудаумоть. Тамъ по программѣ предполагалось показать намъ охоту на звѣрей въ чисто аннамитскомъ вкусѣ (здѣшніе крестьяне — очень отважный народъ, дружно выходящій на бой противъ тигровъ съ одними пиками въ рукахъ). Въ смежномъ съ этимъ мѣстечкомъ лѣсу все было роскошно приготовлено для достойной встрѣчи Первенца Бѣлаго Царя. Когда до бѣдныхъ поселянъ дошла вѣсть, что посѣщеніе ихъ дебри отмѣнено за недостаткомъ времени, они очень опечалились и снарядили нѣсколькихъ бонзъ (отъ кумирни Балуга) и старѣйшинъ справить Пришельцу съ Державнаго Сѣвера (волшебной области «чернаго тигра») — только что ознакомившемуся со священной буддистамъ Индією, — глубокой искренній поклонъ. Иностранцы явились въ сопровожденіи управляющаго ими симпатичнаго молодого чиновника Outrey (administrateur des affaires indigènes) и привезли двухъ живыхъ пантеръ, красный лакированный престолъ (ngai long) небольшихъ размѣровъ, со скульптурными

ПОДНЕСЕННОЕ АННАМИТАМИ
СИДѢНІЕ.

драконовыми эмблемами золотомъ на поручняхъ и самомъ сидѣніи (подобное почетное сѣдалище обыкновенно предназначается въ аннамскихъ храмахъ звѣзднымъ божествамъ) и невѣроятно уродливаго громаднаго истукана (генія облавы изъ дерева: весь онъ полосатый, — съ изогнутымъ станомъ, — спина и брюхо обтянуты шкурами хищниковъ, одна нога — слоновая, другая — носорога, лапы снабжены различного рода когтями, отвратительная раскрашенная харя увѣнчана двумя парами сверхъестественныхъ роговъ, ужасная пасть зіяетъ оскаленными зубами, кромѣ того отъ нея идутъ еще клыки . . . Чудище, — олицетворяющее собой послѣднее слово безобразія и съумасшедшей фантазіи, — опирается на богатырское копье. Изъ-подъ звѣринаго плаща торчитъ хвостъ съ цвѣткомъ на концѣ.

По своему любопытны и туземцы, прибывшіе для привѣтствія на фрегатъ. Надъ челомъ нарядныхъ бонзъ, именуемыхъ въ Кохинхинѣ «luc sang» (господа священнослужители) — тиара (му); желтое узорчатое платье — въ отличіе отъ одежды мірянъ — имѣетъ широкія длинныя рукава и не застегнуто. Старики, сопутствующіе типичнымъ духовнымъ (буддизмъ сильнѣе конфуціанства и даосизма въ предѣлахъ французскаго Индо-Китая) съ благоговѣніемъ смотрятъ на вышедшаго принять ихъ привѣтъ Великаго Князя. Депутація принята Имъ на шканцахъ, въ присутствіи офицеровъ и команды.

Согласно древнему завѣтно сохраняемому обычаю иностранцы четырежды падаютъ ницъ передъ Е. И. Высочествомъ: сложивъ руки и поднявъ ихъ къ челу, медленно опускаясь на колѣни, степенно вставая, съ достоинствомъ совершая «поклонъ-обрядъ» по всѣмъ правиламъ восточнаго этикета (такимъ-же способомъ долженъ молиться Небу владыка Аннама).

У пришедшихъ для привѣтствія — столь-же черные зубы какъ у простонародья, видѣннаго нами повсюду послѣ Сингапура. У аннамитовъ это — не отъ бетеля, а отъ особеннаго средства, употребляемаго во-первыхъ красоты-ради («мы не собаки», говорятъ они, — «чтобы имѣть бѣлые зубы»), а кромѣ того съ цѣлью сохранить ихъ отъ порчи, — для чего въ ротъ набираютъ составъ изъ какой-то ѣдкой кислоты съ медомъ

У РУССКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ

и запихиваютъ пригоршню листьевъ банана, дабы процессу связаннаго съ этимъ умашенія и укрѣпленія челюсти отнюдь не мѣшаль притокъ свѣжаго воздуха.

Добродушные лица бонзъ ясно свидѣтельствуютъ о безобидности присущаго имъ міросозерцанія. Въ этихъ людяхъ нѣтъ фанатизма: кровавыя страницы прошедшаго страны отчасти созданы малайскимъ мусульманскимъ элементомъ. Противъ христіанства буддійское жречество само по себѣ не ополчалось. Всякія гоненія проистекали прямо отъ правительства, — изъ вражды къ пришлымъ съ опаснаго Запада подозрительнымъ проповѣдникамъ. И въ Сіамѣ, и здѣсь (подъ страхомъ суровой расправы) служителямъ Будды воспрещено было злословить чужую «заморскую» вѣру и возмущать свою паству.

Ласковыхъ аннамитовъ отпускаютъ съ «Азова», щедро одаривъ деньгами.

Передъ нашимъ отъѣздомъ генеральный секретарь Fourès съ рѣдкой любезностью и вниманіемъ снабжаетъ меня необходимѣйшими справками, книгами и брошюрами о французскихъ владѣніяхъ въ этой полосѣ земнаго шара. Въ грудѣ печатнаго матеріала наибольшую цѣнность представляютъ тщательно изданныя сочиненія археологическаго характера, сообщающія объ артистическихъ и религіозныхъ сторонахъ прежней культурной жизни въ краю, — когда надъ ней царили Шива и Вишну. На сѣверный Индо-Китай, при царяхъ-браманистахъ, неоднократно нападали малайцы и яванцы. Сами тамошніе владыки, — длани коихъ (по образному выраженію лѣтописи) солнцеподобно палили китайское войско, — вѣроятно, были выходцами той-же смѣлой расы полуденныхъ островитянъ *par excellence*. Разобраться въ хаосѣ интереснѣйшихъ данныхъ о тогдашней богатой значеніемъ эпохи — благодарная задача недалекаго отъ насъ будущаго.

Четыре часа пополудни. Мы покидаемъ Сайгонъ. Взоры въ послѣдній разъ медлятъ на зданіяхъ миниатюрнаго индо-китайскаго Парижа, гдѣ мы въ короткій срокъ испытали столько гостепріимства и дружественнаго выраженія чувствъ. Густыми толпами сходятся зрители (слѣва отъ насъ) проститься съ изготавившейся къ плаванію эскадрой. Весь городъ собственно всегда лежалъ и теперь лежитъ только на правомъ берегу рѣки: напротивъ, въ царствованіе Гіалонга помѣщался такъ-называемый «Хом-тау-о», кварталъ «черныхъ джонокъ», гдѣ жили наемные китайскіе пираты, охранявшіе Кохинхину съ моря. Въ данную минуту тамъ почти не замѣтно жилья.

Неуклюжія лодки (сампаны) перерѣзаютъ намъ дорогу, чтобы безъ задержки проскользнуть къ набережной. Крохотныя женскія руки въ браслетахъ изъ плохаго янтаря или каменнаго угля ретиво налегаютъ на весло. Подъ синими хлопчатобумажными повязками и плоско-коническими шляпами изъ рисовой соломы рѣзко вырисовываются приплюснутыя тусклоглазые лица темно-коричневыхъ мужчинъ съ красными и опухшими отъ жвачки губами, въ длинныхъ коленкоровыхъ рубахахъ съ косымъ воротомъ. Особенно поражаетъ въ этихъ людяхъ ихъ страсть имѣть при себѣ зонтики: еще недавно таковыя считались здѣсь атрибутомъ и привилегіей власти, нынѣ-же всякій въ правѣ пользоваться ими невозбранно, что весьма тѣшитъ простодушный народъ. Онъ вообще отличается (какъ большинство нетронутыхъ западною цивилизаціей азіатовъ) дѣтской наивностью и прелестью міровоззрѣнія. При мощныхъ звукахъ русскаго гимна «Азовъ» идетъ мимо провожающей его ~~имѣ~~ «Triomphante». На гротъ-мачтѣ нашего крейсера взвивается французскій флагъ. Съ палубы отъ насъ гремитъ въ отвѣтъ бурная марсельеза. Прости, Сайгонъ!

... Путешествіе вступаетъ въ новый чрезвычайно любопытный фазисъ. Меньше чѣмъ черезъ недѣлю передъ нами откроется Китай. До сихъ поръ приходилось созерцать относительно чужую сторону, отвлеченно судить о сравнительно извѣстныхъ въ политическомъ отношеніи величинахъ, дѣлать выводы о предметахъ, лишь косвенно затрагивающихъ насущнѣйшіе интересы нашего государства... Съ приближеніемъ къ району самой Небесной Имперіи точка зрѣнія радикально мѣняется. При посѣщеніи Греціи душа отдыхала преимущественно надъ божественною красою останковъ античнаго искусства. Въ дни чествованій «русскаго имени и русской хоругви» на Нилѣ громко и побѣдно сказывался протестъ греческаго, коптскаго и арабско-феллахскаго Востока (а также и французскихъ славныхъ традицій) противъ грубаго англо-саксонскаго эгоизма и стремленія господствовать надъ слабѣйшими элементами. Индія вставала чарующими картинами внутренней гармоніи частей, уцѣлѣвшей пока несмотря на крайне тяжелыя условія существованія. Духовное сродство съ нами, извѣстнаго рода общность нашихъ историческихъ судебъ, несомнѣнное пробужденіе и свѣтлое будущее, — котораго можно ждать отъ несчастной самобытно культурной страны, — все это привлекало и наводило на раздумье. Ознакомленіе съ малайскимъ и сіамскимъ міромъ въ свою очередь обогатило насъ неожиданно яркими впечатлѣніями и понятіями о жизненной силѣ тѣхъ краевъ, — но куда важнѣе и оригинальнѣе въ смыслѣ поучительности должна являться каждая малѣйшая подробность китайскаго Ding an sich, тѣсно связанная съ вопросами предстоящаго Россіи величія и благополучія въ предѣлахъ необъятной Азіи. Съ попадавшимися ранѣе на пути колоніями и царствами мы, по правдѣ сказать, мало чѣмъ скрѣплены и естественнымъ образомъ не можемъ ими черезчуръ интересоваться. Одна лишь индійская имперія въ совокупности возбуждаетъ, помимо своего поэтического ореола, особенное вниманіе изъ-за необходимости повсюду считаться на пространствахъ земнаго шара съ безпокойнымъ и подозрительнымъ британскимъ львомъ. Въ Англіи укоренилось ни на чемъ не основанное убѣжденіе, будто русскіе сознательно притягиваютъ Индѣ и Гангъ, будто казаки ѹбаюкиваютъ дѣтей пѣвучими сказками объ Агрѣ и Декканѣ. То, что въ насъ вызываетъ улыбку, представляется реальною угрозой Альбіону и отчасти служить въ нашу пользу: конечно, намъ не нужна симпатичная пестротканная Индія съ ея конгломератомъ племенъ и вѣрованій, — но намъ въ помощь возникла идея-миѳъ о вѣчно возможномъ наступленіи за Гиндукушъ неотразимаго Сѣвера. Какъ искусно и прозорливо ни пытаются доказывать дипломаты и стратеги изъ-за Ламанша, насколько подобное движеніе неосуществимо, — исторія гласитъ противное, «бѣлый» пришлый элементъ самъ убѣжденъ въ неминувости такого похода, въ концѣ концовъ на ту-же тѣму любитъ ткать узорчатую повѣсть тысячеустая базарная молва. Тѣмъ хуже для имѣющихъ причину опасаться!

Совершенно иначе обстоитъ дѣло по отношенію къ китайцамъ. Этотъ великій по труду и терпѣнію народъ, — создавшій государственно мудраго Конфуція и пересозданный послѣднимъ, давшій въ области глубокихъ умозрѣній мыслителя вродѣ Лао-цзы, доведшій до высшей степени высоты и простоты культъ монарха и культъ безсмертія достойныхъ передъ отечествомъ предковъ, — нашъ лучшій по уживчивости и удобнѣйшій по консервативнымъ качествамъ сосѣдь. Первобытный характеръ сношеній съ нимъ и взглядовъ на него до того очевиденъ, что мы, заставляющіе себя болѣе или менѣе опредѣленно говорить о своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ къ тѣмъ или инымъ державамъ, въ сущности теряемся, когда рѣчь заходитъ о Китаѣ. Повидимому непроницаемое четырехсотмилліонное цѣлое заразъ кажется намъ живой угрозой будущаго и въ тоже время какою-то безусловною *quantité negligible*. Каждый русскій апіорно согласенъ съ мнѣніемъ Пржеваль-

скаго, что достаточно горсти нашего войска для покоренія всей имперіи богдыхана, но параллельно страшить самая мысль глубже врѣзаться въ тину жизненнаго строя желтой расы, гдѣ сравнительную молодость и энергію, идеалы и творчество Россіи, быть можетъ, ждетъ медленная смерть. Еще зловѣщее однако представляется гипотеза скорого хотя-бы и внѣшняго господства западныхъ началъ надъ доисторическимъ по складу Китаемъ. Одинъ фактъ признанія имъ права за иноземцами («заморскими чертями») проникать къ сердцу страны, хозяйничать (при лучшихъ намѣреніяхъ!) во внутреннихъ непомѣрно богатыхъ областяхъ ея, будить и подымать на безпощаднѣйшую struggle for life (по наиновѣй-

въ КИТАЙСКОМЪ СУДИЛИЩѢ.

шимъ научнымъ даннымъ) столь долго каменѣвшія среди естественныхъ сокровищъ своей родины несмѣтныя общинныя единицы гигантскаго спящаго государства, — одинъ только этотъ фактъ долженъ быть чреватѣе послѣдствіями чѣмъ десятикратный добродушный погромъ китайцевъ нашимъ оружіемъ, чѣмъ даже небрежное управленіе ими съ нашей стороны. Если европейцы (я особенно имѣю въ виду англичанъ) твердо установятъ свою власть надъ политически дряхлымъ, экономически юнымъ царствомъ богдыхановъ, — они легко способны пересоздать его во «вторую» гораздо болѣе пригодную къ эксплуатаціи неистощимую по ресурсамъ Индію. Желтолицему туземцу, по характеру презирающему узы земной жизни, нѣтъ причинъ не сдѣлаться такимъ же полезнымъ для колонизаторовъ

солдатомъ, слѣпымъ исполнителемъ ихъ холодной воли, какимъ служатъ самоотверженные и преданные полковому знамени сипай. То, чѣмъ на бѣду соотечественникамъ въ южной Азіи сталъ послушный военнымъ инструкторамъ «black man», — не менѣе скоро будетъ и «yellow man». Наша главная задача на «желтомъ» Востокѣ преимущественно должна заключаться въ огражденіи себя отъ подобныхъ случайностей, дабы не лить потомъ напрасно драгоценной русской крови и не тратить огромныхъ денегъ въ борьбѣ съ надвигавшимися напастями, которыя всегда нужно предвидѣть и предотвращать.

Для того чтобы сознательнѣе дѣйствовать въ восточно-азиатскихъ предѣлахъ, слѣдуетъ уяснить себѣ наше историческое и, смѣло скажу, «предвѣчное» положеніе на граняхъ противоположнѣйшихъ культуръ. Западъ насъ умственно дисциплинируетъ, но въ общемъ лишь тускло отражается на нашей жизненной поверхности. Все подъ нею и въ нѣдрахъ народнаго быта проникнуто и дышетъ глубоко восточными умозрѣніями и вѣрованіями, овѣяно жаждою высшихъ формъ бытія и широкими человѣчными стремленіями совершенно иного вида чѣмъ въ корнѣ убиваемое матеріализмомъ міросозерцаніе современныхъ европейцевъ средняго уровня. Азія безчисленное число разъ затопляла Русь своими ордами, крушила своимъ натискомъ, превворяла въ нѣчто однородное съ Персіей и Туркестаномъ, съ Индіей и Китаемъ. Мы до сихъ поръ не имѣемъ, да и не можемъ найти за Каспіемъ, Алтаемъ и Байкаломъ ясно очерченнаго рубежа, естественно точной демаркаціонной линіи, за которой бы кончалось собственно «наше». Оттѣнки перехода, особенно отъ русскихъ владѣній къ китайскимъ, столь неуловимы, что и выразить нельзя. У насъ напр. въ центральныхъ областяхъ (среди Войска Донскаго и Уральскаго) есть казаки-буддисты, единоплеменные давнимъ кочевымъ данникамъ Пекина. На рѣкѣ Манычѣ встрѣчаешь ламъ въ одинаковомъ облаченіи съ принятымъ на крутизнахъ Тибета. Сѣверно-буддійскія духовныя лица свободно переѣзжаютъ отъ Калькутты до Сибири и даже до столицы. Грандіозная панорама, представляемая природою нашихъ старинныхъ восточныхъ окраинъ, совершенно соотвѣтствуетъ той,

ДОНСКОЙ ЛАМА.

среди коей складывались характеры недостаточно истолкованнаго историками «забайкальца» Чингисъ-хана, выдающихся созерцателей и аскетовъ монгольской крови, но съ чисто индійскимъ міровоззрѣніемъ, наконецъ также олицетворявшихъ собою «русско-инородческую удалъ и мощь» казаковъ-завоевателей Востока. Кто видѣлъ и знаетъ тамошнюю угрюмовеличественную пустыню, сторожащую нѣдра земли съ непочатыми безмѣрными богатствами, — долженъ понять съ одного взгляда, какимъ образомъ духъ человѣческій тутъ вѣчно искалъ или крайняго самоуглубленія, или богатырскаго порыва развернуться въ ширь, сдвинуть съ пути непреодолимѣйшія преграды, успокоиться лишь при достиженіи невозможнаго, удовлетвориться лишь при осуществленіи неисполнимаго... Въ насъ воплощенъ и боевой и мирный отпоръ христіанскаго Запада хаотическимъ азіатскимъ

НА РОДИНѢ ЧИНГИСЪ-ХАНА.

мірамъ съ несомнѣннымъ культурнымъ прошлымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одряхленіемъ отъ недостатка внутренней творческой работы, обусловить которую можетъ исключительно «дѣятельная» вѣра. На примѣрѣ Россіи восточные народы научатся понимать и цѣнить такую «вѣру», дающую сердцамъ умиротвореніе (не меньшее чѣмъ даетъ усыпляющій мятежную волю буддизмъ) и жизнерадостный возрождающій человѣка разсвѣтъ, — чего нѣтъ или, точнѣе, что слишкомъ затаенно въ скорбномъ культѣ-царевича-мудреца», въ узкомъ раціонализмѣ Конфуція, въ сухомъ отраженіи монотеистическихъ истинъ ислама. Вотъ разгадка нашего по масштабу единственного въ исторіи успѣха покорять себѣ царство за царствомъ не только открытой враждой и военной доблестью, но и тайными силами пріязненныхъ чувствъ, неискоренимой потребностью находить въ каждомъ разумномъ существѣ любой религіи, любой расы равноправнаго передъ Богомъ и Царемъ «меньшаго товарища и брата».

Переходная ступень между нами и китайцами — монголы убѣжденно и безповоротно усвоили этотъ взглядъ на Россію и ея Верховнаго Вождя, являющагося для нихъ воплощеніемъ милосердой Паганъ-Дара-эхэ (одной изъ луче-

РУССКІЙ ПРИКАЩИКЪ СРЕДИ МОНГОЛОВЪ-РАБОЧИХЪ.

зарныхъ манифестацій самого Будды). Тибетцы, поддерживающіе весьма тѣсную связь съ нашими бурятами, мало по малу глубоко проникаются тождественными мыслями. Остальные подданные богдыхана — инертная масса, дорожащая прежде всего своимъ спокойствіемъ, своими зарытыми отъ хищничества сбереженіями, своимъ полемъ и огородомъ, подъ которыми истлѣли кости отцевъ и дѣдовъ. Ей нужны правители, собою утверждающіе и оправдывающіе законъ, — ей желателенъ такой порядокъ вещей, гдѣ бы ремесленникъ и пахарь мирно предавались традиціоннымъ занятіямъ, не терпя отъ тягостей ратнаго строя. Можетъ-ли искусственное пробужденіе Небесной имперіи, ввергая ее въ страшнѣйшій водоворотъ міровыхъ событій, даровать ея сынамъ подобные идиллическіе идеалы? Не внесетъ-ли разнуздывающая людей западная культура холодъ жестокаго разлада и муки въ душу автохтона-китайца, благополучно не знавшаго въ теченіе тысячелѣтій, каковъ такъ-называемый матеріальный прогрессъ?

ГОНКОНГЪ И КАНТОНЪ.

Суббота, 23 марта (4 апрѣля).

Отъ Сайгона пройдено приблизительно 900 миль (эта цифра пріобрѣтаетъ болѣе краснорѣчиваго значенія, когда знаешь, что отсюда до Бангкока — 1454, до Владивостока же — 1670: какъ мы въ сущности близки къ дому!). Атмосфера значительно посвѣжѣла. Тропическое одѣяніе уже кажется подчасъ совсѣмъ некстати. Сѣверный воздухъ заразъ вызываетъ легкій ознобъ и осязательно живить послѣ чрезмѣрно долгаго пребыванія въ знойной зонѣ, при утомительныхъ условіяхъ не имѣтъ отдыха днемъ, столь необходимаго европейцамъ въ тамошнемъ климатѣ.

Въ виду пасмурнаго утра приближеніе къ острову Гонконгу эстетически не представляетъ интереса. Скалистые желтовато-сѣрые берега довольно узкаго канала, которымъ мы подходимъ, пустынно-унылы. Самаго города (Викторіи) еще не видно, но уже вдали курится дымъ отъ заводовъ. Окружающихъ ее горъ (съ главнымъ пикомъ, гдѣ вѣтъ британскій флагъ и откуда пушечнымъ выстрѣломъ возвѣщается о каждомъ пароходѣ, показывающемся на горизонтѣ) пока не различить за туманомъ. Окрестная панорама при тусклости освѣщенія прекрасно гармонируетъ съ тѣмъ, что извѣстно о данной мѣстности какъ стародавнемъ убѣжищѣ всякой вольницы.

Южно-китайскія воды искони пользовались дурною славой изъ-за разбойничьихъ флотилій. Въ прежнее время звѣрскія нападенія бывали постоянно. Европейцамъ стоило большаго труда побороть хотя отчасти это зло. Около Гонконга однако море до сихъ поръ не безопасно отъ пиратовъ. Нерѣдки случаи, когда они садятся на пароходы въ качествѣ простыхъ пассажировъ и въ дорогѣ внезапно нападаютъ: преимущественно на «бѣлый» элементъ. Нѣтъ трехъ мѣсяцевъ, что разбойники такимъ образомъ ограбили, убивъ капитана и еще нѣсколько человѣкъ, англійское судно «Намоа», — а затѣмъ обмѣнялись сигналами съ какими-то крейсировавшими у мѣста преступленія джонками, перегрузили на нихъ добычу и скрылись.

... Вотъ и городъ яснѣе растетъ вдали. Громъ отъ салютовъ колеблетъ утренній воздухъ. На встрѣчу быстро идетъ и привѣтствуетъ нашу эскадру японская канонерская лодка весьма внушительныхъ размѣровъ. Суда на рейдѣ разцвѣтились флагами. Кромѣ представителей англійской военно-морской силы видны французскіе, германскіе, китайскіе. Если къ этому прибавить пять нашихъ вымпеловъ, то Гонконгъ можетъ показаться на первый взглядъ совсѣмъ военнымъ портомъ.

На «Азовъ» являются три лица, назначенныя сопровождать Наслѣдника Цесаревича въ предѣлахъ Китая: генеральнаго штаба полковникъ Дмитрій Васильевичъ Путята (нашъ военный агентъ, превосходно освѣдомленный относительно мнимо-боевого могущества

ЗНАМЕНИТЫЙ ЛИ-ХУН-ЧЖАНЪ.

Небесной имперіи: онъ — туркестанецъ по службѣ, ergo прошелъ великолѣпную школу, знаетъ и понимаетъ Азію, живя обыкновенно въ Тянь-цзинѣ, — гдѣ сосредоточено управленіе краемъ на прогрессивныхъ началахъ подъ руководствомъ Ли-хун-чжана, — при всякой возможности разъѣзжаетъ по странѣ), кромѣ того въ качествѣ драгомановъ молодые синологи Александръ Степановичъ Ваховичъ и Дмитрій Дмитріевичъ Покотиловъ, состоящіе при Императорской миссіи въ Пекинѣ.

Созданіе энергіи западнаго человѣка на моряхъ дальняго Востока — Гонконгъ представляетъ собою сочетаніе роскоши на берегу съ необычайнымъ оживленіемъ на рейдѣ. На протяженіи семи верстъ тянется линія величественныхъ гранитныхъ палатъ и складовъ: надъ ними виднѣются въ густой зелени изрѣзанныхъ дорогами нагорныхъ склоновъ живописно расположенныя комфортабельныя виллы, — а собственно въ чертѣ самого

города, среди амфитеатра поднимающихся вверхъ улицъ, кипитъ разнообразнѣйшее движеніе. За банками и лавками свропейскаго характера начинается туземный кварталъ, гдѣ ютятся длинноносый людъ, отовсюду стекающійся сюда за наживой. Десятки броненосцевъ и громадныхъ пароходовъ, сотни паровыхъ катеровъ и тысячи лодокъ, населенныхъ китайскою бѣднотой, покрываютъ водное пространство гавани. Противъ острова, на вдающемся въ нее каменистымъ мысомъ материкъ лежитъ (на разстояніи не болѣе полуверсты) предмѣстье Kowloon или Kaulung («9 драконовъ»), — тоже съ доками, тоже съ безчисленными домами. Достаточно сказать, что ежегодный торговый оборотъ достигаетъ 450,000,000 рублей: доходы геніально задуманной колоніи растутъ не по днямъ, а по часамъ.

Полъ вѣка назадъ скалистый Гонконгъ мало посѣщался европейскими судами и насчитывалъ лишь двѣ-три деревушки съ рыбаками и работниками въ каменоломняхъ. Число жителей его съ 1841 г. возросло отъ пяти тысячъ до двухсотъ двадцати слишкомъ. Подавляющее большинство состоитъ изъ китайцевъ, которые сначала устремлялись сюда исключительно съ цѣлями избѣжанія кары отъ своего правительства за содѣянные преступ-

ленія или ради новаго разбойничьяго замысла. Европейцы тогда спали въ городѣ не иначе какъ вооруженные, товары поцѣннѣе и деньги къ ночи переправлялись для болѣе сохранности на суда подъ охрану военныхъ командъ: даже туземцы боялись привозить съ собою на островъ женщинъ и дѣтей... Но чего не видоизмѣняютъ время, сноровка и привычка?

Съ пробужденіемъ Небесной имперіи тѣсное общеніе ея съ иностранными государствами стало необходимою. Немудрено, что энергичная промышленная Англія первая присосалась къ Китаю для его многосторонней эксплуатаціи. Ей помогли также ея относительно давнія связи съ главными коммерческими народами Востока. Въ числѣ именитыхъ гражданъ колоніи встрѣчаются крѣзы изъ багдадскихъ евреевъ, изъ калъ-

китайскій простолюдинъ.

кутскихъ армянъ, изъ парсійской общины Бомбея.

Хотя Гонконгъ и открытъ дѣятельности торговыхъ фирмъ цѣлаго свѣта, но экономически господствуютъ въ немъ *en grand* лишь его хитроумные властолюбивые основатели. Если не считать китайскаго судоходства, то подъ однимъ британскимъ флагомъ сюда ежегодно ввозится и вывозится вчетверо больше чѣмъ подъ флагами всѣхъ другихъ націй вмѣстѣ взятыхъ (т. е. около 8,000,000 тоннъ «своихъ» противъ 2,000,000 чужихъ: на суммы въ сотни милліоновъ).

Въ виду того, что оживленіе на этихъ моряхъ теперь еще довольно ничтожно, сравнительно съ тѣмъ, что должно быть и что скоро разовьется, — удивительно, почему колониальныя власти французскаго Индо-Китаю не позаботятся извлечь побольше выгодъ отъ необъятнаго спроса на уголь, — спроса, который все будетъ расти и расти. Въ Оксфордѣ подвергнуто было обстоятельному изслѣдованію вопросъ о преимуществѣ тонкинскаго «чернаго алмаза» надъ японскимъ и установлено почти полное тождество качествъ перваго съ кардифскимъ. Отъ одного умѣнія французовъ зависитъ завоевать своему топливу рынокъ между Коломбо и Шанхаемъ. Кто захватитъ и поставитъ отъ себя въ зависимость угольными запасами этотъ политически необыкновенно важный раіонъ, — *de facto* получитъ первенствующее значеніе въ юго-западныхъ предѣлахъ Великаго океана. Почему-бы Франціи къ этому не стремиться?

Англичане сильно озабочены вопросом обороны Гонконга (своего восточнаго Гибралтара), гдѣ одинъ гарнизонъ состоитъ изъ 3—4000 человѣкъ. На нее израсходовано за послѣднія нѣсколько лѣтъ около четырехъ милліоновъ рублей, — что въ сущности не особенно много, если принять въ расчетъ, сколько торговаго и политическаго значенія имѣетъ центръ, прилѣпившійся къ важнѣйшимъ областямъ южнаго Китая. Главная надежда отстояться здѣсь въ случаѣ войны справедливо возлагается на могучую эскадру. Британскія военныя суда во всякое время могутъ разсчитывать на специально для нихъ созданный гонконгскій «Naval yard» (съ образцовой верфью и арсеналомъ). Входъ въ гавань считается неприступнымъ, но съ юга ей до сихъ поръ весьма опасенъ непріятельскій десантъ. Еще грознѣе представляется властямъ мысль о массовомъ возстаніи или нападеніи китайцевъ: захоти они только, и населяющій Викторію «бѣлый» элементъ легко можно было-бы отравить или уморить голодомъ. Вѣроятно, такъ рано или поздно и случится. Попытки принадлежать къ области чего-то весьма реального. Близость Небесной имперіи дала много выгодъ англичанамъ, однако способна стать и роковою. Китайцы Гонконга — народъ далеко неподатливый желаніямъ колоніальнаго начальства. Въ составъ туземнаго элемента въ значительной степени входятъ бродяги и преступники, нашедшіе для себя удобнымъ временно укрыться отъ преслѣдованія, на родной почвѣ, подъ сѣнь либеральнаго чужаго законодательства. Когда угрожаетъ опасность быть всетаки розысканнымъ и выданнымъ, иной изъ нихъ немедленно совершаетъ какой-нибудь легкій проступокъ и попадаетъ здѣсь на короткій срокъ въ тюрьму, гдѣ его никакой погонѣ не постичь. Выдача бѣглыхъ на материкъ вообще сопряжена съ формальностями: зная жестокость мандариновъ при расправѣ съ кантонской чернью, гонконгскіе чиновники обыкновенно требуютъ передъ тѣмъ, чтобы prima facie была доказана виновность и установлена личность преслѣдуемаго. Очевидно, это крайне трудно сдѣлать и «администраторы съ косами» предпочитаютъ въ подобныхъ случаяхъ махать на искомую жертву рукой. Пригрѣтые строгими «бѣлыми» желтолицыя «outlaws» быстро свыкаются съ прелестями свободнаго гражданскаго существованія и нерѣдко начинаютъ пошаливать — раньше потери стараго навыка къ «художествамъ» кроваваго свойства. Оттого ночью полиція напр. зорко слѣдитъ за рейдомъ, чтобы ни одна лодка (сампанъ) не брала пассажировъ, пока не покажетъ номера и примѣтъ: слишкомъ часты внезапныя нападенія и звѣрскія убійства

СТАТСЪ-ДАМА МАНЬЧЖУРСКАГО ДВОРА.

съ цѣлью ограбленія, при доставкѣ безпечныхъ иностранцевъ на пароходы! Стражники-сикхи вооружаются карабинами (чуть стемнѣтъ) и сурово допрашиваютъ каждого встрѣчнаго китайца, кто и откуда онъ. Открытыя кровопролитныя столкновенія туземцевъ съ полицейскими на улицахъ Викторіи уже давно перестали повторяться, но пламя тлѣтъ подъ горячими угольями и легко можетъ разгорѣться. Недаромъ, войска вѣчно стоятъ наготовѣ въ самомъ далеко не гигиеничномъ городѣ, а не на возвышенностяхъ.

Непріязнь между китайцами, подстрекаемыми самими властями Кантона, и «бѣлымъ» элементомъ колоніи прежде неоднократно выражалась въ крайне рѣзкой формѣ. Отчасти этому, конечно, способствовало бѣдственное положеніе кулевъ, безжалостно увозившихся отсюда въ Америку. Свою долю вліянія имѣло, вѣроятно, плохое состояніе дисциплины въ рядахъ гонконгскихъ войскъ, при безчинствѣ не задумывавшихся вступать въ бой съ англійскою же полиціей и во множествѣ дезертировать на китобойныхъ судахъ. Въ 1859 г. британскому правительству пришлось казнить двухъ европейцевъ въ Гонконгѣ за возмутительное убійство китайца-слуги. Немудрено, если туземный элементъ платилъ ненавистнымъ пришельцамъ одинаковою монетой и въ одно прекрасное утро булочники начинили имъ хлѣбъ мышьякомъ. Кантонцы (народъ) безпрестанно съ угрозою отзывали своихъ изъ «чужаго» города, подсылали въ него поджигателей и грабителей, дерзко нападали на иностранцевъ даже на рейдѣ, искусно подкапывались подъ «индійскій банкъ» и т. д. Къ счастью, явилась мысль вызвать на помощь администраціи нѣсколько сотъ бодрыхъ и преданныхъ пэнджабцевъ, завести такъ-называемыя «police boats» для преслѣдованія злоумышленниковъ и контрабандистовъ на водѣ. Власти Небесной имперіи въ свою очередь стараются усиливать надзоръ надъ послѣдними: но что значить бдительность немногихъ единицъ при упорствѣ многихъ тысячъ противниковъ?

На «Азовъ» пріѣзжаютъ съ визитомъ гонконгскій губернаторъ (Sir George William Des Voeux) и командующій войсками генераль-маіоръ Дигби Баркеръ. Кромѣ того являются (въ своей національной одеждѣ) командиры двухъ канонерскихъ лодокъ, присланныхъ съ сѣвера (отъ эскадры Ли-хун-чжана) конвоировать Высокаго Гостя.

Команда на китайскія военныя суда, набирающаяся изъ природныхъ моряковъ на островахъ или побережьяхъ материка (особенно изъ провинціи Фу-цзянь и съ Чусанскаго архипелага), представляетъ превосходный сырой матеріалъ. Вся бѣда въ отсутствіи спеціально морскаго вѣдомства для всей имперіи, въ раздробленности силъ по рукамъ ничѣмъ между собою не связанныхъ четырехъ вице-королей, въ незнакомствѣ командировъ съ европейскою тактикой и научными требованіями времени.

Хотя матросы отлично маневрируютъ, проявляютъ много искусства въ парусномъ дѣлѣ и стрѣльбѣ изъ орудій, хорошо содержатъ машины и необыкновенно выносливы какъ кочегары, — флоту богдыхана не хватаетъ чего-то высшаго, чтобы стать на одинъ уровень по качествамъ и составу съ флотами другихъ даже менѣ выдающихся государствъ, — нѣтъ офицеровъ, нѣтъ боевыхъ традицій и военного духа!

Въ Небесной имперіи теперь есть уже нѣсколько арсеналовъ (напр. въ Тянь-цзинѣ, Шанхаѣ, Нанкинѣ, Кантонѣ): пушечные и ружейные, пороховые и патронные заводы начинаютъ работать съ каждымъ годомъ оживленнѣе (правда, подъ руководствомъ иностранцевъ!), — тысячи китайцевъ искусно и прилежно занимаются и тамъ, и на верфяхъ, гдѣ они привыкаютъ сооружать собственныя военныя суда; но, странно сказать, толчекъ къ

застою и реакціи въ этомъ направленіи временно дали столкновение съ Франціей и понесенный отъ нея уронъ: ультра-консерваторы заключили, что бесполезно совершенствоваться по европейскому образцу, если все равно бьютъ, и едва-ли не предпочтительнѣе соблюденіе ратнаго дѣла по старинному доисторическому строю.

Неисчислимое какъ песокъ морской населеніе Небесной имперіи въ культурно-историческомъ отношеніи представляетъ собою величайшую загадку. Это — въ полномъ смыслѣ слова «народъ-сфинксъ», ярко отразившій и до сихъ поръ невозмутимо отражающій всѣми формами своего бытія государственную жизнь древнѣйшаго Египта, ассири-вавилонской цивилизаціи, вообще типичнѣйшихъ монархій восточнаго міра. Что «Сыну Неба» такъ-называемый «западный» въ корнѣ анархическій прогрессъ, когда передъ его духовнымъ окомъ вѣчно встаютъ величественно-мудрые образы преемственно въ немъ связанныхъ, архаически настроенныхъ правителей-самодержцевъ, у которыхъ идеи о народномъ благѣ тѣсно обусловлены были возможностью ихъ осуществлять и всему, нуждающемуся въ помощи, ее оказывать? Какой смыслъ для богдыхановъ имѣть или имѣла бы погоня за современностью и популярностью (въ широкомъ смыслѣ слова), какъ ее понимаютъ и какъ ее жадно доискиваются руководящія западно-европейскія сферы? Цари Китая искони стоятъ такъ близко къ толпѣ и заразъ такъ недостижимо высоко надъ нею, что однородность положенія создавалась и донинѣ сохранилась лишь въ Россіи. Благодаря выгодному географическому положенію, Небесной имперіи до извѣстной степени легко далось первенство въ предѣлахъ омываемой Тихимъ океаномъ Азіи и (на порогѣ XIX-го столѣтія) она стала засыпать сномъ миролюбиваго застоя: «желтый человѣкъ», на материкѣ, по природѣ не любитъ кровавой борьбы и кипучаго напряженія; отвращеніе къ войнѣ въ немъ существуетъ инстинктивно и, конечно, развилось (въ связи съ нѣкотораго рода пренебреженіемъ къ

КИТАЙСКІЙ ВОЛХВЪ.

военному дѣлу) подѣ влияніемъ сознанія какъ безпомощны противъ него даже самые мужественные и безпокойные его сосѣди. Народъ-гигантъ или искоренялъ ихъ въ качествѣ «мятежниковъ», или еще чаще съ незамѣтною нравственною мощью ассимилировалъ. Когда пришлось познать новыхъ и на этотъ разъ крайне опасныхъ враговъ (европейцевъ), дряблѣе состояніе воли и чувствъ у самодовольнаго китайскаго правительства помѣшало ему уяснить себѣ правду относительно собственной отсталости. Оно продолжало и продолжаетъ смотрѣть на себя какъ на центръ земли, неподготовленное понести кару за столь трогательное самоослѣпленіе.

Богдыханъ возсѣдаетъ на «драконовомъ» престолѣ. Лицеизрѣть владыку значитъ увидѣть самого «дракона». Прежде, во дни могущества, «верховный отецъ и вождь» Китая былъ доступнѣе и своимъ, и данникамъ, и посламъ съ невѣдомой чужбины; теперь, при полномъ политическомъ упадкѣ государства, строгій этикетъ окружаетъ повелителя большею тайною и скрываетъ его все тщательнѣе отъ нескромнаго взора «бѣлыхъ» иностранцевъ. Фотографы не смѣютъ снимать «Сына Неба». Изображеній его величества, нынѣшняго богдыхана, нигдѣ не достанешь. Единственный портретъ его (въ младенческомъ возрастѣ, пока еще неизвѣстно было, кто будетъ престолонаслѣдникомъ бездѣтнаго послѣдняго императора) мнѣ доставленъ случайно.

Нѣтъ сомнѣнія, — если-бы Е. И. Высочество пожелалъ осмотрѣть Пекинъ, — китайскій дворъ убѣдился бы путемъ дипломатическихъ переговоровъ въ пользѣ свиданія «юнаго маньчжурскаго монарха» съ Великимъ Княземъ (ибо между нами и Китаемъ не должно быть преградъ узко-формальнаго характера); но въ виду тамошнихъ предразсудковъ и ограниченности времени въ нашихъ маршрутахъ такая комбинація отходитъ въ область мечтаній. Царству Конфуція надо еще многому научиться, раньше чѣмъ въ его «полуоткрытыя» врата глянетъ день.

Воскресенье, 24 марта (5 апрѣля).

Вчера, послѣ утренней грозы (наканунѣ отъѣзда въ Кантонъ) Наслѣдникъ Цесаревичъ въ сопровожденіи свиты ѣздилъ, несмотря на дождливую погоду, около 12 часовъ съ визитомъ къ губернатору. При громѣ салюта съ судовъ и береговыхъ орудій, при кликѣ командъ Ихъ Высочества на катерѣ «Азова» направились къ пристани (Murray Pier или Wharf), гдѣ Великаго Князя ожидали власти (съ начальникомъ острова во главѣ) и г. Михельсенъ, исправляющій здѣсь должность русскаго консула. Отъ «91 Princess Louise Argyll and Sutherland Highlanders» выставленъ былъ длинный почетный караулъ со знаменемъ и музыкой. Пока Цесаревичъ обходилъ его фронтъ, по набережной торжественно раздавался нашъ гимнъ. Небо слегка прояснилось. Цесаревичъ сѣлъ въ фаэтонъ сэра Des Voeux, конвоируемый сикхскими вершниками (для свиты стояли приготовленными носилки съ китайскими куліями, одѣтыми въ красное) и отправился по «Albert Road» къ «Government House»: на холмъ, расположенный среди тропической растительности такъ-называемыхъ «общественныхъ садовъ», влѣво отъ коммерческаго центра колоніи. По пути въ губернаторскую резиденцію шпалерами расположились солдаты-шотландцы. Визитъ продолжался около получаса. При возвращеніи, съ однородными почестями, рейдъ снова окутался мглою пушечныхъ выстрѣловъ, гремѣвшихъ Великому Князю привѣтъ.

Сегодня утромъ (до восьми) мы переправляемся на огромный американской кон-струкціи колесный пароходъ «Kiang-Kwan» («рѣчная ширь») товарищества China Merchant

Steam Navigation (китайцы теперь не на шутку забираютъ по возможности и на сушѣ, и на морѣ у своихъ границъ всю торговлю въ свои цѣпкія руки). Съ нашей эскадры взять съ собою десантъ, которымъ командуетъ флагъ-капитанъ, капитанъ 1-го ранга С. О. Бауэръ, и хоръ музыки съ «Азова».

День обѣщаетъ быть безоблачнымъ, но довольно прохладнымъ. «Кіангъ-кванъ» начинаетъ разгребать лѣнивую волну похожаго на озеро залива: наконецъ-то удастся намъ, минуя «англійскія преддверія», взглянуть на почти нетронутый вѣкомъ китайскій міръ!

ЦАРСТВУЮЩІЙ БОГДЫХАНЪ (ВЪ БЫТНОСТЬ ЕГО РЕБЕНКОМЪ, НА КРЕСЛѢ СЪ ОТЦЕМЪ).

Скалистые островки встаютъ на встрѣчу изъ голубыхъ водъ и опять тонутъ въ отдаленіи. Солнце все ярче и краше золотитъ очаровательную окрестность. Неуклюжія колеса парохода шибко стучатъ, разсѣкая ласковую морскую ширь. Любуясь сю, отдаешь себѣ отчетъ, почему Камоэнсъ именно здѣсь пережилъ вдохновеніе нѣкоторыми изъ своихъ лучшихъ строфъ.

Немного въ сторону отсюда лежитъ Макао, — лузитанская колонія на китайскомъ побережьѣ, до сихъ поръ не имѣющая территоріальныхъ правъ. Кантонскія власти, конечно, въ данную минуту безсильны выдворить хотя бы горсть европейцевъ изъ предѣловъ провинціи; но фактъ остается фактомъ, что послѣдніе съ юридической точки зрѣнія только по милости правительства Небесной имперіи занимаютъ отведенный имъ раіонъ.

Доказательствомъ служить необходимость, въ которую съ XVII столѣтія были поставлены португальцы: безъ вражды принимать у себя въ гавани, по желанію богдыхановъ, суда ненавистныхъ соперниковъ изъ Европы и не иначе какъ съ позволенія мандариновъ снаряжать корабли для торговыхъ цѣлей, напр. во враждебную къ иноземцамъ Японію. Въ 1802 г. англичане послали въ Макао горожанамъ вспомогательный отрядъ противъ французовъ. Китайцы тотчасъ настояли на его удаленіи.

Еще при значеній Гоа въ Индіи, португальскій флагъ не пользовался престижемъ на Дальнемъ Востокѣ: молва о насиліяхъ, чинимыхъ піонерами западнаго вліянія въ южной Азіи, окрыленной поступью шла впереди ихъ предприимчивыхъ моряковъ и воеводъ. Люди «желтой рассы» прямо-таки не желали на первыхъ порахъ ни подъ какимъ предлогомъ вступать съ ними въ общеніе: нарушавшихъ запретъ португальцевъ морили голодомъ въ Кантонѣ и четвертовали, суда ихъ подвергались уничтоженію, даже туземныя джонки съ товарами изъ покоренной лузитанцами Малакки конфисковались длиннокосыми властями.

Онѣ, очевидно, долгое время вполнѣ имѣли поводъ опасаться искателей приключеній съ береговъ Португаліи: пришельцы оттуда представляли собою настоящій злокачественный сбродъ, выпущенный за границу изъ тюремъ; потомство его отъ браковъ съ малайками, китайками и японками (тоже, навѣрно, худшаго разбора) отличалось одинаковыми достоинствами. Ростъ и разцвѣтъ Макао подъ бокомъ у богатѣйшаго южнаго центра имперіи могъ справедливо внушать немало безпокойства ея правителямъ. Столь же пессимистически смотрѣли на это арабы, персіяне и гуджератцы (не говоря о болѣе восточныхъ азіатахъ), — страшившіеся пиратства европейцевъ на главныхъ путяхъ въ Кантонъ. Лишь около 1660 г. сіамцы рѣшили отправить товаръ на продажу въ здѣшнія португальскія факторіи.

Зная подобныя историческія детали, положительно нельзя строго относиться къ такъ-называемому китайскому «варварству и застою». Разъ европейцы сами внесли и вносятъ разладъ въ жизнь политически существующихъ государствъ Азіи, ихъ немыслимо безпристрастно судить съ чисто западной прогрессивной точки зрѣнія. И въ прежнія времена Небесная имперія дивила иноземцевъ съ побережій Индійскаго океана, но какъ трезвые и отнюдь не заносчивые наблюдатели они не осуждали чужаго строя за несходство съ ихъ собственнымъ. Если мнѣ не измѣняетъ память, у Френа въ предисловіи къ «Ibn-Fozlan's Bericht» встрѣчается достойное глубокаго вниманія древне-арабское изреченіе: «ищите знанія даже въ Китаѣ». Такъ рѣшается вслухъ думать «правовѣрный» (первоначальной экзальтированной эпохи Корана) о царствѣ ненавистнѣйшихъ языческихъ вѣрованій. Много-ли найдется даже широко образованныхъ лицъ въ наши дни, способныхъ стать на высоту столь простой истины? Народъ богдыхановъ считается какимъ-то страннымъ и априорно достойнымъ осужденія паріемъ среди прочаго человѣчества.

Съ нами совершаютъ поѣздку въ Кантонъ два синологы и офицеры, знакомые съ державою «Сына Неба». По мѣрѣ того какъ разговоры касаются этой тѣмы, мнѣ все яснѣе становится, на чьей сторонѣ въ сущности лежитъ правда.

Врядъ-ли о какой-нибудь странѣ возникали болѣе двойственныя мнѣнія чѣмъ о Китаѣ. Весь его національный складъ представляетъ для Европы живѣйшій интересъ, — особенно если принять въ расчетъ, что на громадномъ пространствѣ Небесной имперіи гнѣздится почти треть рода человѣческаго съ отпечаткомъ крайней оригинальности: ни одинъ историкъ и моралистъ не долженъ бы игнорировать судьбу столь безчисленнаго

населенія, давнымъ давно уже выработавшаго себѣ многія условія культурной жизни, — населенія, въ характерѣ коего, вдобавокъ, уживаются самыя разительныя противорѣчія: блестящія достоинства наряду съ самыми отвратительными недостатками.

Нѣмецкіе философы, съ легкой руки Гегеля вообще презираютъ Небесную имперію, считая ее прототипомъ неподвижности. Въ лицѣ Китая, по ихъ взгляду, монгольская раса достигла высшаго возможнаго для нея уровня развитія и дальше, по самой природѣ своей, шагнуть будто-бы не можетъ, пребывая изсохшею вѣтвью на зеленѣющемъ древѣ исторіи.

Откуда создалось такое отрицательное воззрѣніе? Неужели только изъ того, что туземцы здѣсь не способны были вродѣ едва-ли искреннихъ и сознательныхъ современныхъ японцевъ сразу придти въ неописанный восторгъ отъ просвѣщеннаго состоянія Европы и Америки?

Подобно элинамъ, для которыхъ почти все чужеземное долго было варварскимъ, китайцы какъ масса относятся къ Западу съ полнымъ пренебреженіемъ и считаютъ строй своего быта, результаты своей многовѣковой цивилизаціи за образецъ для всего міра. «*Тшункуэ*» (*Джунъ-ю*) («государство середины») именуютъ они свою родину.

Такое-же, впрочемъ, названіе даютъ своей землѣ древніе индусы и иранцы.

Въ правѣ-ли мы, держась аналогично узкой точки зрѣнія, признавать лишь свою «новѣйшую» культуру единственно здоровой и плодотворной? Кажется, на это не можетъ быть двухъ отвѣтовъ.

Гердеръ смотрѣлъ на Небесную имперію какъ на набальзамированную мумію, изукрашенную письменами и укутанную въ шелкъ. Другіе мыслители видѣли въ этомъ громадномъ государствѣ лишь сонъ и оцѣпенѣніе, сравнивали его съ болотомъ, предсказывали Китаю скорое разложеніе и гибель. «Надобно удивляться» — восклицаетъ въ одномъ сочиненіи оріенталистъ Васильевъ: «какъ народы Дальняго Востока, перебирающіе въ теченіе тысячелѣтій все одно и то же, не умерли отъ монотонности!» Но коснѣли-ли они дѣйствительно въ непонятномъ застоѣ или жили богатою внутреннею жизнью, ни въ чемъ не уступающею европейской? Защитникомъ Небесной имперіи выступилъ въ нашъ вѣкъ итальянскій писатель Феррари. Въ изданномъ имъ трудѣ «*La Chine et l'Europe*» онъ старается доказать, будто эволюція ея шла параллельно съ западной, испытывала одинаковые перевороты въ области духа. «Философы тамъ учили приблизительно во времена Пифагора; завоеватели прославились при Александрѣ Македонскомъ и римлянахъ; варвары нападали тогда же, когда ими громилась кесарская цивилизація; императорская власть облекалась саномъ первосвященниковъ при папѣ Григоріи Великомъ; китайская ученость процвѣтала въ эпоху Абеляра и Оомы Аквината; театральное искусство достигло извѣстной степени совершенства, когда въ Италіи создавалась Божественная комедія; лучшіе поэты Небесной имперіи, ея вѣкъ возрожденія и изученія своей древности близки къ временамъ Петрарки и Бокаччіо, соотвѣтствуютъ пробужденію классическаго міра. Вестфальскій договоръ, французская революція имѣютъ аналогичные примѣры въ исторіи Китая. Въ продолженіе первыхъ двухъ третей своего фактическаго существованія онъ цѣлымъ поколѣніемъ опережаетъ Европу. Въ средневѣковой періодъ и тамъ, и тутъ знаменательнѣйшіе годы совпадаютъ съ такою изумительною точностью, что это граничитъ съ чудомъ. Съ 1400 г. Китай отстаетъ, быть можетъ, лѣтъ на тридцать». Иными словами, между отдаленнѣйшими другъ отъ друга странами какъ-бы есть таинственная связь, въ нѣдрахъ человѣчества какъ-бы производится однородная по напряженію психическая работа. Поэтому поспѣшный выводъ, будто родина Конфуція населена (по опредѣленію Токвиля)

слабоумно-варварскимъ народомъ, совершенно несправедливъ, также какъ и самодовольное убѣжденіе въ нашемъ несомнѣнномъ всестороннемъ превосходствѣ надъ нимъ. Китайцы и жили и живутъ весьма нормально, — руководствуясь твердыми, стародавними принципами, которые одухотворяютъ весь ихъ государственный организмъ: никакихъ признаковъ упадка, дряхлости не замѣчается. Соприкоснувшись съ Западомъ, Китай сначала пришелъ въ смущеніе при видѣ его матеріальнаго могущества, но такъ какъ и самъ онъ издавна устремлялъ свои взоры едва-ли не исключительно на все земное, заботится особенно о благоденствіи въ «этой» жизни, воспитываетъ многіе милліоны позитивистовъ, держится строго-утилитарнаго взгляда на вещи, — то сыны Небесной имперіи, не умаляя и не превознося достоинствъ чужой культуры, постепенно стали усваивать ее, насколько она способна разнообразить удобства ихъ существованія и примѣнима къ естественнымъ условіямъ края. Частности западнаго быта для китайцевъ безразличны: они слишкомъ гордятся своей цивилизаціей, чтобы безъ разбора, слѣпо хвататься за все иноземное, но въ тоже время и

КИТАЕЦЪ ВЪ ЗИМНЕМЪ
ОДѢЯНІИ.

слишкомъ практичны, чтобы не заимствовать отсюда все пригоднѣйшее. Первое, что они съ успѣхомъ сдѣлали для реакціи, это — слѣдующее: стали необходимыми пришельцамъ, сѣумѣли связать ихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ по рукамъ и ногамъ. Ни одинъ дѣятель съ Запада не въ силахъ обойтись безъ помощи и посредства туземцевъ, значить и не бываетъ *de facto* полнымъ хозяиномъ какого бы то ни было предпріятія. Они являются на мѣстѣ лучшими поварами, составляютъ весь штатъ домашней прислуги, становятся искусными ремесленниками на западный ладъ, выдѣляются какъ музыканты, фотографы и т. п. Образцовая гостиница на островѣ Гонконгъ содержится китайцами. Розничною торговлей европейскими и американскими товарами завладѣли коренные жители. Стоитъ пойти по улицамъ благоустроенныхъ приморскихъ городовъ въ западной части Тихаго океана, и видишь, что магазины съ привозными вещами принадлежатъ туземцамъ. Въ Шанхаѣ, говорятъ, сходнѣе можно купить

кусокъ манчестерской матеріи у китайца чѣмъ у англичанина.

Не имѣя себѣ соперниковъ въ области коммерческой сообразительности, мѣстные купцы понемногу вытѣсняють иностранцевъ со своей территоріи и едва-ли очень далеко то время, когда весь импортъ и даже экспортъ перейдетъ къ китайцамъ. Уже въ 1881 г. корабль «Мѣй-фу» отвезъ въ Англію грузъ чая (32,500 ящиковъ) и соломенныхъ издѣлій. Если сынамъ Небесной имперіи не чужда мысль самимъ доставлять на европейскіе рынки произведенія своей родины, то вскорѣ они сами будутъ закупать на чужбинѣ, что нужно. Для этого найдутся и энергія, и сноровка, и капиталы. До 1873 г. туземцы не владѣли ни однимъ пароходомъ, а теперь распоряжаются десятками, почти совершенно устранили иностранцевъ отъ перевозки грузовъ между портами Китая, стремятся на свой счетъ завести товаро-пассажирское сообщеніе съ Европой и Соединенными Штатами. Дабы не быть въ зависимости отъ заморскихъ державъ, подданные богдыхана осторожно заводятъ у себя заводы, фабрики, — зная, что родина изобилуетъ шелкомъ, хлопкомъ, шерстью, желѣзомъ, каменнымъ углемъ. Вскорѣ западной промышленности придется сократить свои операціи и уступить значительную долю получаемыхъ выгодъ китайцамъ, которые примѣрно трудолюбивы, легко всему учатся и дѣлаются мастерами всякаго дѣла.

Телеграфъ заводится по инициативѣ правительства. Въ принципѣ оно рѣшило обзавестись и рельсовыми путями, но медлитъ, не располагая достаточнымъ количествомъ собственныхъ инженеровъ и не желая отдавать эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ пришельцамъ. Но черезъ 15 лѣтъ первое затрудненіе неминуемо упразднится. Много туземныхъ юношей старательно знакомится съ реальными знаніями. Синологъ Эдкинсъ непрерывно переводитъ на китайскій языкъ европейскія естествовѣдныя книги. Умственные силы страны крѣпнутъ и растутъ съ каждымъ годомъ. Избытокъ ихъ невольно подталкиваетъ къ колонизаціи. Она направляется и въ Центральную, и въ Южную Америку, и на острова Тихаго океана, и въ Сингапуръ, и въ Уссурійскій край. Конфуціанскій принципъ глубокаго уваженія къ наукѣ, привычка народа трудиться надъ усвоеніемъ премудрости, не стѣняясь числомъ лѣтъ, служить отчасти ручательствомъ, что въ восточной Азіи со временемъ можетъ народиться просвѣщеннѣйшая нація.

Для иронизирующаго европейца китайская жизнь извнѣ можетъ представляться каррикатурной, китайцевъ можно съ пренебреженіемъ называть «фанатиками порядка» и видѣть въ нихъ чуть-ли не подобіе маленькихъ бездѣлушекъ изъ слоновой кости туземнаго производства, — но, съ критической точки зрѣнія, такое высокомеріе не оправдывается и когда-нибудь жестоко отомститъ опрометчивымъ отрицателямъ чужой духовной мощи.

Въ виду поражающей вѣротерпимости китайскаго правительства и вообще всего народа, иные поверхностные наблюдатели склонны предполагать, будто туземцы равнодушно относятся къ религіи и въ сущности никакимъ культомъ не дорожатъ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Главную роль въ жизни каждаго отдѣльнаго лица и среди общественнаго строя искони играло почитаніе усопшихъ родителей и предковъ. Никакія философскія разрушительныя теоріи не въ силахъ были поколебать его или разрушить характеръ связанной съ нимъ обрядности. Покидая брѣнную тѣлесную оболочку, человѣкъ, — по мнѣнію китайцевъ, — продолжалъ жить по прежнему, обычными радостями и горестями, нуждался въ любви и заботѣ ближнихъ, томился одиночествомъ. Неудовлетворенно-скорбное состояніе духа отошедшихъ въ загробный міръ неблагопріятно отражалось на быту живущихъ, повергало послѣднихъ въ тревогу. Поэтому надо было угождать покойникамъ, заручаться ихъ расположеніемъ, поклоняться имъ. Сначала почитаніе совершалось на могилахъ, но потомъ обстоятельства заставили устроить для этого культа домашнія кумирни и помѣстить тамъ въ особыхъ шкафахъ таблички съ именами незабвенныхъ и дорогихъ усопшихъ. Ежедневно глава семьи отправлялся туда на поклонъ, возжигалъ куренья, приносилъ, когда слѣдовало, жертвы, сообщалъ незримымъ хранителямъ своего очага обо всѣхъ мелочахъ, касающихся семейнаго благополучія и т. д. Для полноты связи съ невидимымъ міромъ, живущіе прибѣгали къ гаданіямъ, медиумизму и прочему. Воля предковъ руководила дѣйствіями благоговѣвшаго потомства, которое само по себѣ и не хотѣло, и не рѣшалось жить безъ сознанія, чему учить прошлое. Оно же давало только хорошіе совѣты, облагораживало перечисленіемъ яркихъ примѣровъ

КИТАЕЦЪ ВЪ ЛѢТНЕЙ ОДЕЖДѢ.

БОЖЕСТВО КИТАЙСКИХЪ БУДДИСТОВЪ.

добродѣтели, грозило суровою карою за уклоненіе отъ завѣтной старины. Культъ усопшихъ родственниковъ тѣмъ успѣшнѣе могъ процвѣтать въ Китаѣ, что нигдѣ отцы и матери такъ не уважались дѣтьми, какъ здѣсь. Молодое поколѣніе положительно вырастаетъ съ мыслью о томъ почтеніи, которое надо оказывать старшимъ; стараясь съ дѣтства приучить всѣхъ къ исполненію того, что въ принципѣ признано должнымъ, тамъ не смотря на снисходительно на капризы, своенравность, упрямство, непослушаніе, эгоизмъ и фальшивость, но искореняють (пока не поздно) или заглушаютъ дурныя

качества; направлять желаніе малолѣтнихъ на то или другое помощью лакомствъ или невиннаго будто-бы обмана считается непозволительнымъ. Родители требуютъ не теоретическаго только знанія этики, но и постоянного практическаго ея примѣненія. При этомъ они обходятся безъ наказаній, съ пеленокъ внушая дѣтямъ послушаніе и умѣніе ограничивать себя. Близкія по крови семьи сплочены бываютъ въ цѣлое и ради общей пользы устраиваютъ собранія, гдѣ молодежь читаетъ вслухъ полезныя книги, а затѣмъ каждый изъ присутствующихъ приглашается къ чистосердечному признанію, нѣтъ-ли у него какихъ-нибудь житейскихъ затрудненій, долговъ, недоимокъ, тяжбъ; всякое дѣло сообща обсуждается, каждому положенію приискивается исходъ, въ случаѣ возможности бѣдѣ помогаютъ сборомъ денегъ для родича. Такой порядокъ вещей во-первыхъ препятствуетъ размноженію нищихъ (ихъ мало въ Китаѣ и стать настоящимъ пролетаріемъ трудно, если человѣкъ окончательно не оттолкнулъ отъ себя кровныхъ близкихъ), а во-вторыхъ удерживаетъ нерѣдко отъ преступленій.

Женщина поставлена высоко какъ мать и жена, но семейный бытъ огражденъ отъ посторонняго вліянія и соблазновъ. Браки заключаются по усмотрѣнію родителей и совѣщанію съ предками: романы внѣ этого не санкціонируются обычаями, и тѣмъ не менѣе молодые нерѣдко находятъ счастье. Нашъ извѣстный синологъ Георгіевскій приравниваетъ подобныя явленія къ супружеству нашего духовенства, по видимому не имѣющаго данныхъ непремѣнно найти въ случайныхъ не-

вѣстахъ истинное благополучіе и взаимное пониманіе, но обыкновенно находящаго и то, и другое. Априорныя чувства до совмѣстнаго житія слишкомъ мало говорятъ въ пользу будущаго: лишь время можетъ скрѣплять отношенія и развивать сознательную любовь.

Отъ простолюдина до монарха, всѣ проникнуты стремленіемъ памятовать дѣянія предковъ и служить имъ, ежеминутно ощущая свою зависимость отъ духовъ. Въ древности жертвенные предметы не покупались, но приготовлялись самими чествующими усопшихъ. Впослѣдствіе это стало неисполнимымъ, но выдающіяся въ имперіи лица доселѣ въ видѣ обряда придерживаются сѣдой старины. Каждогодно богдыханъ лично пашетъ землю въ столицѣ, важнѣйшіе чиновники — въ провинціи, а царица кормитъ шелковичныхъ червей. Въ Европѣ думаютъ, будто такимъ путемъ власти желаютъ пріохотить населеніе къ работѣ. Это не вполне справедливо; императоръ и императрица дѣйствительно показываютъ примѣръ, но не трудолюбія самого по себѣ, а сыновняго почтенія, которое требуется культомъ предковъ и результатомъ котораго является трудолюбіе.

Утрированная забота о благоденствіи существъ въ загробномъ мірѣ, конечно, иногда граничитъ съ областью комическаго. Положимъ, умираетъ мальчикъ — нельзя его оставить навсегда холостымъ, онъ соскучился бы: родители пріискиваютъ имя дѣвочки, день рожденія и смерти которой соотвѣтствуетъ дню рожденія и смерти ихъ сына. Устраивается такъ-сказать посмертный бракъ. Въ назначенное время куклу, изображающую жениха, несутъ въ домъ фиктивной невесты, откуда эта кукла возвращается уже въ сопровожденіи другой, изображающей просватанную дѣвочку и съ ея кумиренной табличкой. Свадьба празднуется, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ два человѣка соединились тѣсными узами, и затѣмъ табличка новобрачной помѣщается въ храмъ жениховыхъ предковъ. Дѣти при жизни родителей дарятъ имъ прочные гробы въ знакъ любви и преданности и т. д.

Всюду сыны Небесной имперіи склонны замѣчать присутствіе и воздѣйствіе духовъ. Объ успокоеніи многихъ изъ нихъ пекутся потомки и для этого стараются, чтобы родъ не угасалъ, — но затѣмъ еще остается несмѣтное количество давно забытыхъ, безсемейно скончавшихся, казненныхъ людей. Изъ опасенія, какъ-бы они не вздумали насылать несчастіе, весь Китай разъ въ годъ чествуетъ ихъ. Въ даръ душамъ обездоленныхъ сожигаются бумажныя одѣянія, золотыя и серебряныя бумажки, изображающія деньги. Вечеромъ по рѣкамъ ѣздятъ лодки, съ которыхъ такіе же воспламененные предметы бросаются въ воду, а также овощи и рисъ: въ жертву утопленникамъ. Дабы они, блуждая во тьмѣ, легче находили приношенія, на волны спускаются тысячи лампадокъ, помѣщенныхъ въ глиняные горшечки. При этомъ далеко кругомъ въ ночной тишинѣ раздаются заунывные звуки тамтамовъ и молитвенное пѣніе объ усопшихъ.

Отъ Гонконга до Кантона — 85 морскихъ миль. Скоро полдень. Теченіе окрашивается глинисто-бурымъ цвѣтомъ. Передъ входомъ въ «Жемчужную» рѣку (Чжу-цзянь), на которой послѣдній расположенъ, лежитъ такъ-называемая «Пасть тигра» (или точнѣе «Тигровыя ворота»), португальская *Voca tigris*, исковерканная англичанами въ *Vogue*, — китайское Ху-мынь. Наименованіе произошло отчасти изъ-за того, что суда здѣсь идутъ узкимъ проливомъ, огибающимъ «Тигровый островъ» у начала рѣчной дельты, очертаніями слегка напоминающій голову хищнаго звѣря — но главнымъ образомъ, вѣроятно, и оттого, что встарь мѣстныя укрѣпленія по сторонамъ считались донельзя грозными и непреодолимыми. Европейскія орудія въ серединѣ нынѣшняго столѣтія причинили имъ однако неразъ жесточайшій уронъ. Особенно поусердствовали въ этомъ отношеніи британскіе моряки, изучивъ предварительно рукава Чжу-цзяна и слабыя стороны ихъ обороны.

Окрестность начинаетъ принимать болѣе величественный характеръ, благодаря сравнительной близости высокихъ береговъ, по которымъ звѣздообразнымъ узоромъ тянутся новоотстроенные форты и откуда гремитъ салютъ. Широкая рѣка (съ островками, засаженными рисомъ) принимаетъ видъ озера. На самыхъ видныхъ пунктахъ и по склонамъ холмовъ разставлены солдаты съ развѣвающимися по вѣтру знаменами. Сопровождающій Е. И. Высочество отъ Гонконга (согласно предписанію Ли-хун-чжана) инспекторъ тяньцзиньской военной школы Lien-Shing поясняетъ, что правительствомъ приняты всѣ мѣры, чтобы не только радушно, но и торжественно встрѣтить Русскаго Престола на слѣдника на

ТИПЫ СЪ ЖЕМЧУЖНОЙ РѢКИ.

китайской территоріи, почтить въ Его лицѣ своего давняго и лучшаго друга — Россію, краснорѣчиво доказать свою готовность впредь еще тѣснѣе упрочить съ нею добрыя сосѣдскія связи.

На каменныхъ уступахъ побережья рѣчной тѣснины замѣчаются батареи: и сюда проникли Армстронги съ Круппами! Смѣло стремится въ высь, на горизонтѣ, первая семиэтажная пагода. Это уже осязательно свидѣтельствуетъ, что начался Китай: подобныя сооруженія должны, по народному вѣрованію, приносить благополучіе осѣняемому ими краю.

На встрѣчу намъ попадаются небольшія суда подъ военнымъ флагомъ. Кантонская эскадра состоитъ изъ 17 канонерокъ, задача которыхъ заключается главнымъ образомъ въ преслѣдованіи пиратовъ, укрывающихся среди многочисленныхъ острововъ южно-китайскаго моря. На Жемчужной рѣкѣ находится, кромѣ того,

флотилія изъ 20 миноносокъ.

Живительный воздухъ придаетъ нашему переходу сюда отъ города Викторіи необыкновенную прелесть. Все кругомъ дышетъ для насъ интересомъ новизны: въ рамкахъ живописнаго, почти грандіознаго пейзажа со строго выдержаннымъ колоритомъ.

Любоваться подобнымъ исторически важнымъ пріемомъ едва-ли кому-нибудь вскорѣ доведется опять! Чей флагъ, кромѣ русскаго, могъ бы столь же дружественно импонировать Китаю, добровольно вызывая его къ вѣжливому и подобающему чествованію Августѣйшаго Гостя?

Свѣтлолиловыя укрѣпленныя возвышенности (безъ признаковъ растительности) — близъ устья — смѣняются полями съ рѣдкими купами бамбуковъ и фруктовыхъ деревьевъ. Всюду по сторонамъ мелькаютъ каналы. Пароходъ минуетъ свайныя загражденія русла,

которыми китайцы наивно надѣются (при помощи имѣющихъ быть погруженныхъ между ними лодокъ съ пескомъ и камнями) совершенно обезопасить отъ иностранныхъ флотовъ въ сущности нетрудный доступъ къ Кантону, — стоитъ только нападающему войску высадиться въ любомъ незащищенномъ пунктѣ побережья и обойти несложныя препятствія. Другой народъ, конечно, примѣнилъ бы на защиту «Тигровой пасти» всѣ данныя современнаго военного искусства, — но жители Небесной имперіи въ простотѣ души не находятъ пока еще нужнымъ тратить золото на столь по ихъ мнѣнію праздную затѣю. Рано или поздно кантонцы могутъ изъ-за этого порядкомъ пострадать.

У мѣстечка Вампоа Наслѣдника Цесаревича встрѣчаетъ съ привѣтствіями отправленный впередъ адъютантъ вице-короля и представляется откомандированный въ распоряженіе Великаго Князя французскій консулъ, выдающійся синологъ (ученикъ извѣстнаго оріенталиста графа Ключевскаго) Camille Imbault-Huart.

... Вотъ показались вдали верхушки городскихъ стѣнъ и пагодъ. По мѣрѣ того какъ обрисовывается Кантонъ, впечатлѣніе отъ этой безформенно-сѣрой сплошной массы низкихъ невзрачныхъ жилищъ со многими башнями надъ нею, — гдѣ горожане хранятъ, отдавая въ залогъ, ненужное имъ въ данную минуту имущество, — по правдѣ сказать, довольно отрицательнаго свойства. Если бы не бѣлый фасадъ недостроеннаго католическаго собора (въ готическомъ стилѣ), поднимающагося изъ одноцвѣтно-безотраднaго сонмища какъ-бы не связанныхъ даже улицами домовъ, впечатлѣніе было бы еще хуже. Высокая церковь маленькой общины обращенныхъ туземцевъ отчасти воздвигнута на средства изъ контрибуціи, наложенной на китайцевъ англо-французскими силами тридцать лѣтъ тому назадъ, и, конечно (наряду съ питаемымъ туземцами суевѣрнымъ страхомъ передъ колоссальными сооружениями), не можетъ нравиться въ сущности вѣротерпимому, но консервативно и патріотично настроенному народу. Храмъ построенъ на мѣстѣ резиденціи тогдашняго плѣннаго британцами вице-короля и при постройкѣ получалъ значительную денежную помощь отъ императрицы Евгеніи.

Гуанъ-чжоу-фу (Kwang-tschou-fu), искаженное европейцами въ Кантонъ, есть столица двухъ громаднѣйшихъ провинцій Гуанъ-дуна и Гуанъ-си съ населеніемъ свыше чѣмъ въ 50,000,000 душъ. Нѣкогда она являлась пышнымъ центромъ міровой торговли, средоточіемъ общенія имперіи съ Западомъ, главнымъ и такъ-сказать единственнымъ пунктомъ сбыта заморскихъ товаровъ въ Китай. Это и понятно въ виду развитія сосѣдней береговой линіи съ моря и въ виду развѣтвленія водныхъ артерій въ дельтѣ Чжу-цзяна, коего бассейнъ простирается на сѣверъ до горъ, составляющихъ водораздѣльную линію Янъ-цзы-цзяна, а на западъ до возвышенностей Юннана. Въ этомъ цвѣтущемъ районѣ ключемъ бьетъ энергія трудолюбиваго народа. Найденные тутъ уголь и желѣзо сулятъ краю интересную промышленную будущность: одна бѣда, сами туземцы слишкомъ медленно берутся за умъ!

ПАРАДНО ОДѢТЫЙ ЧИНОВНИКЪ.

Историческая жизнь Кантона ведетъ свое начало (согласно лѣтописанью туземцевъ) отъ IV вѣка до Р. Хр., когда какой-то городъ въ этой мѣстности уже являлся значительнымъ укрѣпленнымъ центромъ юга имперіи, неоднократно перемѣщавшимся въ здѣшнемъ районѣ и мѣнявшимъ наименованіе. Тогда еще край, населенный инородцами-автохтонами, далеко не составлялъ органической части китайскаго міра и нерѣдко даже вставалъ противъ него кровавымъ мятежемъ. Параллельно съ тѣмъ царями Индо-Китая предпринимались сюда походы съ цѣлью подчинить себѣ дельту Чжу-цзяна или, по крайней мѣрѣ, отвлечь торговлю къ берегамъ Кохинхины. Древніе кантонцы, положимъ, при случаѣ жестоко платили ей одинаковыми нападеніями. Населеніе тутъ вообще издревле отличалось крутымъ нравомъ и всякому правительству (даже кипятившему строптивыхъ въ котлѣ или жарившему ихъ на медленномъ огнѣ) трудно было обуздывать массы черни. Привычка къ безумной роскоши, строго преслѣдовавшейся властями по приказанію изъ столицы, — въ связи съ племеннымъ антагонизмомъ южанъ и сѣверянъ, — вызывали на Жемчужной рѣкѣ

МАЛЕНЬКІЙ КАНТОНЕЦЪ.

неоднократныя упорныя возстанія. Въ послѣдній разъ ожесточеннѣйшая борьба разгорѣлась при воцареніи маньчжурской династии. Области, смежныя съ Индо-Китаемъ, ни за что не хотѣли ей покориться. Новые владыки государства съ бою взяли Кантонъ послѣ одиннадцатимѣсячной обороны, затопили его кровью, почти разрушили, пощадили изъ эгоистической цѣли лишь часть искуснѣйшихъ мѣстныхъ ремесленниковъ, — слава о которыхъ наполняла собою Азію и Европу. До 700,000 труповъ осталось въ день расправы среди стѣнъ злополучнаго города. Жители его, — хотя прошло 2½ вѣка, — не забыли страшной кары и ненадежно настроены по отношенію къ пекинскому

двору. Туземный легко воспламеняющійся элементъ всегда причинялъ и до сихъ поръ причиняетъ не мало хлопотъ, не мало огорченій столичнымъ сановникамъ. Главнѣйшія печально кончавшіяся войны Небесной имперіи съ державами имѣли всегдашнимъ поводомъ вспышки народнаго гнѣва на берегахъ Жемчужной рѣки. За то и натѣшились же европейцы надъ населяющимъ ихъ беззащитнымъ или точнѣе безпомощнымъ въ ратномъ дѣлѣ людомъ!

Кантонъ по прежнему враждебно относится къ представителямъ Запада. Встрѣчать ихъ съ почетомъ по правиламъ гостепріимства, оказывать ненавистнымъ иноземцамъ учтиво-радушный пріемъ здѣсь (въ городѣ, столь много отъ нихъ пострадавшемъ!) почти немислимо для китайца-патріота. Принцъ Бонапартъ, посѣтившій недавно дельту Чжу-цзяна, не добился простой аудіенціи у вице-короля. Англійскій вице-адмиралъ Гамильтонъ почти одновременно съ этимъ получилъ такой же отказъ. Командиръ австрійскаго военнаго судна «Наутилусъ» (въ апрѣлѣ 1886 г.) попытался видѣть правителя окрестныхъ областей, — зная, что послѣдній не можетъ питать дурныхъ чувствъ къ флагу его родины, — но подъ предлогомъ недосуга замѣститель богдыхана въ краю съ извиненіемъ уклонился. Какого же рода встрѣча ожидаетъ тутъ Государа Наслѣдника Цесаревича?

Столица Гуань-Дуна насчитываетъ, по мнѣнію знающихъ ее, около $1\frac{1}{2}$ милліона жителей, изъ коихъ по крайней мѣрѣ четверть вѣчно живетъ на водѣ, — устроившись столь же первобытно, какъ и «рѣчные бангкокцы». Цѣлая поколѣнія рождаются и умираютъ на зыбкой почвѣ пловучихъ жилищъ, — кибитокъ, сплетенныхъ изъ тростника и покрытыхъ рогожкой, передъ которыми на кормѣ готовится варево, играютъ ребятишки и сушится тряпье, — а иногда еще чуть-ли не разводится маленькій огородъ. По рѣкѣ поминутно шныряютъ эти лодки, похожія на огромный двухсаженный башмакъ. Мускулистые бабы (съ высокими намазанными жиромъ прическами и въ оригинальныхъ сережкахъ изъ серебра) работаютъ на нихъ могучимъ кормовымъ весломъ и, несмотря на скученность судовъ, — при значительной быстротѣ теченія, — смѣло правятъ. На легкихъ челнокахъ граціозно гребутъ миловидныя дѣвушки съ распущенной косой. Кипучее оживленіе вокругъ не поддается описанію. А еще принято говорить о сонливости азіатовъ! Только удивишься, какъ при безпрерывныхъ сигнальныхъ свисткахъ и звонкахъ съ нашего парохода тормозящій свободу его движеній суетливый рѣчной людъ не подвергается потопленію и гибели. Несчастья, впрочемъ, — говорятъ, — не рѣдки и тогда потерпѣвшіе (исключительно по своей винѣ!) немедленно предъявляютъ искъ въ контору общества, которое ихъ обыкновенно и вознаграждаетъ. Особенно опасно въ этой адской сумятицѣ положеніе обитающихъ на водѣ и въ сущности лишенныхъ всякаго присмотра маленькихъ дѣтей, когда они уже миновали возрастъ, чтобы висѣть на привязи за спиною матерей. Съ цѣлью хоть сколько-нибудь уменьшить шансы смерти малютокъ въ рѣкѣ, имъ зачастую прикрѣпляютъ къ туловищу широкіе куски легкаго дерева, приспособленные замѣнять въ первый моментъ паденія плавательные пояса.

Глядя на эти добродушные лица извѣстной цѣлому міру за «буйный нравъ» кантонской черни (здѣсь же на Чжу-цзянѣ вертится именно самая «озлобленная» противъ «бѣлаго» элемента голодная и жалкая бѣднота!) невольно задаешь себѣ вопросъ, не преувеличена-ли съ явно тенденціозными намѣреніями басня-быль о далеко не такъ страшныхъ вспышкахъ недовольствія въ туземной средѣ? Не китайцы нуждаются въ заморскихъ пришельцахъ, а послѣдніе — въ естественныхъ богатствахъ Небесной имперіи. Мѣстнымъ жителямъ нѣтъ повода дорожить авантюристами, признающими главнымъ образомъ одну угрозу и насиліе. Имъ же положительно не мѣшаетъ иногда напоминать, что они — на чужой землѣ, между тѣмъ хозяйничаютъ куда безцеремоннѣе, чѣмъ имъ позволительно было бы даже дома.

КИТАЙСКИЙ МУДРЕЦЪ.

Починъ непосредственнымъ сношеніямъ сравнительно далекаго Запада съ «желтымъ» Востокомъ положенъ богатыми сирійскими купцами. Возникшія вслѣдъ затѣмъ средневѣковыя арабскія факторіи въ Кантонѣ, вѣроятно, походили во многихъ отношеніяхъ на тѣ, что въ немъ были гораздо позднѣе заведены европейцами. Пришельцы добились тутъ одинаковыхъ правъ экстерриториальности и при случаѣ дерзко вступали въ борьбу съ

изъ китайскаго пантеона.

туземцами: напр. въ 758 г. мореплаватели съ береговъ Персидскаго залива преспокойно подожгли дружелюбно съ ними торговавшій Кантонъ и бѣжали на быстроходныхъ судахъ. Потерпѣвшіе горожане тогда еще могли уразумѣть истину классическаго: *timeo Danaos*. Подобныя дикія столкновенія навѣрно повторялись и потомъ; но наиболѣе, должно быть, насолити населенію Гуанъ-дуна представители германской расы: иначе нельзя объяснить, почему слово «красноволосый дьяволъ» стало излюбленнымъ опредѣленіемъ иностранца. Сначала сюда явились брюнеты-португальцы, — молодцы, тоже не стѣснявшіеся ни передъ чѣмъ. Однако не имъ досталась пальма первенства, — однако не они ухитрились произвести наихудшее впечатлѣніе на вовсе не чувствительнаго и не избалованнаго судьбой китайца-простолюдина! Развѣ это не характерно? Стоитъ припомнить, что въ 1816 г. англійскій фрегатъ «Alceste» былъ встрѣченъ у «Тигровой пасти» салютомъ (такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряли потомъ мандарины!) и отвѣчалъ на него ядрами.

Первый желѣзный пароходъ, обогнувшій Мысъ Доброй Надежды («Немезида») былъ подъ британскимъ флагомъ и особенно посодѣйствовалъ погрому Китая въ 1841 г. Туземцы ее за то прозвали «чертовымъ судномъ». До настоящаго открытія Кантона міровой торговлѣ иноземные коммерсанты нерѣдки осѣдали въ его предмѣстьяхъ или значительно ближе къ устью: на длинномъ островѣ Вампоа или Вампу (откуда считался родомъ присвоившій себѣ это же имя извѣстнѣйшій сингапурскій китаецъ-крѣзь, о которомъ я уже упоминалъ со словъ Гончарова). Теперь, благодаря пушкамъ и штыкамъ, европеецъ владѣетъ особымъ комфортабельнымъ кварталомъ въ богатѣйшемъ

центрѣ на Чжу-цзянѣ: тѣмъ не менѣе причиной послѣдняго возбужденія мѣстной толпы лѣтъ семь тому назадъ послужилъ выстрѣлъ изъ револьвера, сдѣланный однимъ пьянымъ англичаниномъ на улицѣ города и ранившій ребенка. Идея культурнаго превосходства по видимому весьма странно понимается и примѣняется на дѣлѣ современными цивилизованными народами!

На Западѣ мало кто знаетъ (хотя слѣдовало бы знать ради принциповъ высшей справедливости!), какъ Индія платитъ англійскому правительству даже за то, что и косвенно не связано съ ея насущными интересами: напримѣръ, 60—70,000 рублей въ годъ на

персидскую дипломатическую миссию, а кроме того значительно больше 100,000 рублей на тотъ-же предметъ и на свои консульства въ Китаѣ. Если въ предѣлахъ собственной имперіи колонизирующіе Азію британцы рѣшаются отбирать деньги у безропотныхъ тощихъ индусовъ для содержанія своихъ чиновниковъ на берегахъ Тихого океана, — то еще меньше можетъ быть стѣсненія съ китайцами какъ объектами эксплуатаціи. На какомъ основаніи ожидать и требовать со стороны подданныхъ богдыхана пріязни и довѣрія по отношенію къ давнему сурово настроенному врагу?

Когда кантонскія власти, повинувшись необходимости исполнить волю сильнѣйшаго, уступили англичанамъ Гонконгъ, — богдыханъ гнѣвался и не хотѣлъ признавать договора. Съ тѣхъ поръ безпомощность центральнаго правительства въ гигантской странѣ еще замѣтнѣе обнаружилась, — что видно изъ всякаго столкновенія или просто-напросто спора съ державами. Западная Европа пробила страшнѣйшую брешь въ идеально разсматриваемой Великой стѣнѣ: кто и что спасетъ Китай какъ цѣлое отъ распаденья и чужаго ига? Ммѣ думается: только Россія!

Четыре часа пополудни. Нашъ бѣлый громадный плоскодонный пароходъ подходитъ къ причудливо изукрашенной въ китайскомъ вкусѣ такъ-называемой мандаринской пристани, — куда сейчасъ явится съ визитомъ давно уже ожидающій, по близости, прибытія Е. И. Высочества престарѣлый вице-король или точнѣе генераль-губернаторъ Цзунъ-ду (Tsung-tu или Chih-t'ai) Ли-ханъ-чжанъ, старшій братъ знаменитаго Лу-хунъ-чжана.

Съ мѣстныхъ военныхъ судовъ гремитъ салютъ. Нестройная оглушительно-одуряющая музыка возвѣщаетъ о томъ, что начальникъ края садится въ паланкинъ для слѣдованія къ набережной. Вся она, — насколько доступно взору, — усѣяна, наводнена, запружена загорѣлымъ черноволосымъ народомъ съ обнаженной головой. Сплошнымъ толпамъ зрителей положительно ни счету, ни мѣры нѣтъ! Эта любопытная и на европейскій взглядъ полудикая масса тихо между собою переговаривающихся человѣческихъ

ГЕНІЙ-ХРАНИТЕЛЬ КИТАЙСКОЙ ПАГОДЫ.

существовать до такой степени безподобно дисциплинирована, что не нуждается въ строгомъ полицейскомъ контролѣ или какихъ-нибудь грубыхъ репрессаліяхъ за необузданность. Напротивъ: поведеніе собравшихся насладиться невиданнымъ и неслыханнымъ зрѣлищемъ вполне тактично, могло-бы служить образцомъ любой городской черни на Западѣ и наводить на совершенно неожиданныя отрадныя мысли. Если народная громада въ центрѣ вражды ко всему европейскому способна выказывать столько сдержанности и приличія, то развѣ это не есть залогъ ея внутренней крѣпости и силы, развѣ это не есть неопровержимѣйшее свидѣтельство вѣковой привычки туземцевъ слѣпо повиноваться властямъ и съ глубокимъ почтеніемъ относиться ко всякому авторитету, хотя-бы даже чужеземнаго происхожденія, когда онъ признанъ за таковой правительствомъ богдыхана? Въ Небесной имперіи каждый гражданинъ интересуется вопросами социальнаго характера и ревниво стремится къ охранѣ стародавнихъ освященныхъ благими послѣдствіями началъ, положенныхъ въ основу жизни государства. Высшей политикой, въ нашемъ смыслѣ слова, не занятъ никто: равнодушію китайца въ этомъ направленіи, право, позавидовали бы наиболѣе завзятые современные космополиты!

По пристани расхаживаютъ, — но только для виду, а не ради реальной пользы, — нѣсколько «блюстителей тишины и порядка» съ палочками въ рукахъ. Двинься нечаянно, по инерціи, впередъ необозримое сонмище народа, — и они тотчасъ же попадали бы въ воду. Но послѣднее невозмутимо спокойно, не требуетъ никакихъ плотинъ, само себя ограничиваетъ и уряжаетъ.

..... Передъ появленіемъ вице-короля, на «Kiang-Kwan» согласно этикету препровождается его длинная и широкая визитная карточка краснаго цвѣта. Затѣмъ приближается и возвѣщенная музыкой процессія. На глазъ европейца, отчасти развращеннаго съ дѣтства опереточнымъ взглядомъ на вещи, внѣшность китайскаго торжественнаго шествія недостаточно серьезна. Тѣлохранители напр. имѣютъ кромѣ оружія зонтики и вѣера, наконецъ надписи на спинѣ объ ихъ воинской доблести.

Ли-ханъ-чжана (въ расшитой шелками парадной одеждѣ, — соотвѣствующей нашему большому придворному мундиру, — и въ черныхъ атласныхъ сапогахъ на толстой подошвѣ, съ важнѣйшимъ знакомъ отличія: краснымъ шарикомъ на головѣ) свита бережно приводитъ почти подъ руки на пароходъ, въ сопровожденіи завѣдующаго мѣстными финансами (Wong-Tsz-chun) — какъ англичане его величаютъ «provincial treasurer» (Pucheng-shih или Fan-tai). Губернаторъ по болѣзни отсутствуетъ. За вице-королемъ слѣдуетъ цѣлый штатъ чиновниковъ различнаго ранга.

Послѣ кратковременнаго визита, — въ теченіе котораго гостямъ у насъ предлагались вино и сласти, — «Kiang Kwan» отвалилъ отъ пристани, при сочувственныхъ возгласахъ народа, и сталъ на якорѣ (значительно дальше, вверхъ по рѣкѣ) у острова Шаминъ, служащаго европейцамъ за послѣднія тридцать лѣтъ совершенно отдѣльнымъ кварталомъ. Хотя его соединяютъ съ городомъ два каменныхъ моста, но по ночьямъ эти пути отрѣзаны специально наряженной стражей (у крѣпкихъ воротъ), — чтобы не пропускать туземныхъ злоумышленниковъ; однако запретъ выходить и входить въ эту пору распространяется, между прочимъ, и на самихъ иностранцевъ. Точно такимъ же способомъ оберегались съ 1573 г. португальцы въ Макао, когда кантонскія власти имѣли полное основаніе бояться за безопасность ихъ имущества и жизни.

День близится къ вечеру. Передъ обѣдомъ Ихъ Высочества инкогнито переѣзжаютъ на лодкѣ съ парохода къ «южному» предместью города, острову Хонамъ, для осмотра достопримѣчательностей тамошняго буддійскаго монастыря Hai-chwang-sze («Океанскій

стягъ»), неизвѣстно въ точности когда основаннаго, но во всякомъ случаѣ довольно древняго, — хотя относительно обширнымъ и славнымъ онъ сталъ лишь со второй половины XVII вѣка, когда одно выдающееся духовное лицо заново воздвигло главныя кумиренныя зданія на пространствѣ существовавшаго здѣсь прежде огромнаго цвѣтущаго сада. Мѣстные монахи оказали немало благодѣяній окрестному населенію, чудесно спасли его, между прочимъ, отъ мести воцарявшихся «огнемъ и мечемъ» маньчжуръ.

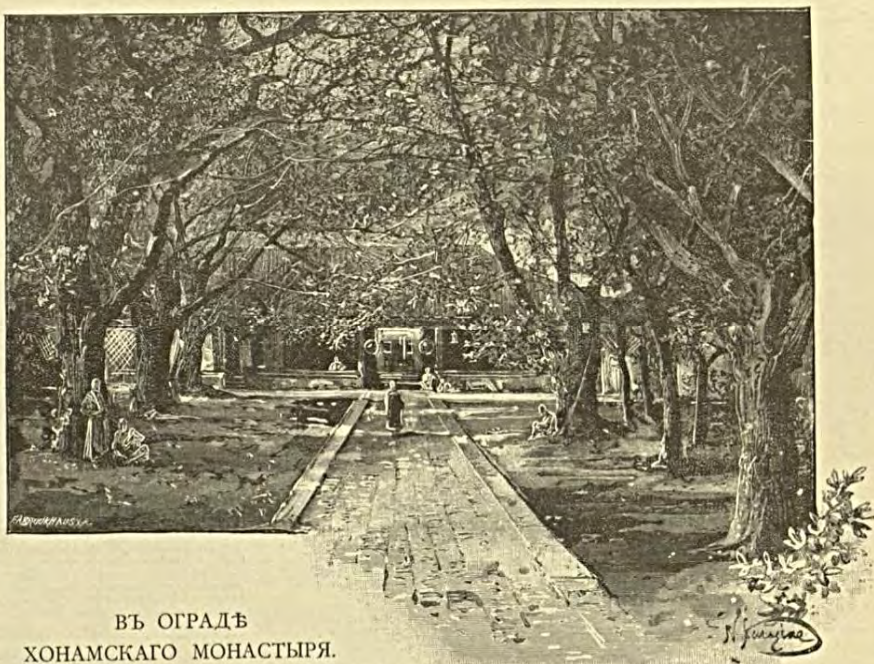
Съ убогой и грязной пристани мы идемъ къ невзрачнымъ и узкимъ воротамъ, за которыми открывается обнесенный высокою оградой длинный дворъ. По обѣимъ сторонамъ тянущейся черезъ него гладко вымощенной каменной тропы разсажены вѣчно зеленныя и вѣтвистыя баніановыя деревья. Сладостною тишиной вѣетъ на встрѣчу переступившимъ порогъ «дома Будды».

Уже у входа (за желѣзными рѣшетками, въ нишахъ) приковываютъ вниманіе посѣтителя двѣ ярко размазанныхъ глиняныхъ фигуры внушительныхъ размѣровъ: это — «китайскіе генералы», охраняющіе доступъ къ храмамъ отъ нечистыхъ силъ и долженствующіе внушать всѣмъ, кто идетъ мимо, чувства благоговѣнія къ святынямъ.

Подъ входнымъ портикомъ, сбоку, находятся (какъ намъ говорятъ) пустые гробы, заготовленные состоятельными горожанами для старшихъ членовъ семьи; подобные предметы сыновняго

почтенія подносятся обыкновенно въ даръ въ день рожденія родителей, когда послѣдніе достигаютъ преклоннаго возраста. Дабы не держать дома стѣль вѣщественныя memento mori, иные ихъ отдаютъ до времени подъ стѣни капища. Дальше бѣлѣютъ надписи, проповѣдующія на понятномъ для сердца китайца языкѣ великое значеніе заповѣди: «чти отца твоего и мать твою».

Передъ приближеніемъ къ первой «настоящей» кумирнѣ въ предѣлахъ Небесной имперіи, мы видимъ вдоль стѣны другаго портика 4 трехсаженныхъ изображенія «алмазныхъ небесныхъ махараджей», — вождей сонмища сверхъестественныхъ существъ, владыкъ вселенной, являющихъ собой отраженіе индуизма. У одного (зеленаго цвѣта!) въ качествѣ атрибута — мечъ, за который онъ словно берется съ нѣмою угрозой (этотъ царственный духъ, хранитель восточныхъ странъ, повелѣваетъ по ученію жрецовъ черными молніеносными вихрями). У втораго «красноликаго» — лютня, для плѣненія стихій. Самъ онъ олицетворяетъ элементъ огня и считается хозяиномъ юга. У осѣняющаго Западъ третьяго (съ бѣлымъ лицомъ) — зонтикъ съ жемчугами: захочетъ могущественный геній, и ни-
спошлетъ въ урочный часъ дожди, — прогнѣвается, и быть засухѣ, — распустилъ надъ

ВЪ ОГРАДѢ
ХОНАМСКАГО МОНАСТЫРЯ.

міромъ свой дивный балдахинъ, и прикроетъ людей отъ несчастій, — опуститъ его въ сердцахъ, и быть необычайной бѣдѣ: затменію, трусу, пробужденію хаоса! . . . Темно-цвѣтный четвертый махараджа, правитель загадочнаго полуночнаго края, держитъ въ лѣвой длани какое-то непонятное животное (вродѣ змѣи), способное по убѣжденію вѣрующихъ

развиться въ непобѣдимаго дракона. Сколько сокровеннаго смысла и поэзіи въ этихъ образахъ, еще въ доисторическую пору созданныхъ фантазіей прозрѣвавшаго будущее азіата! Любопытно, что китайки, толпой стекающіяся сюда поклоняться четыремъ «властнымъ» кумирамъ и прикрѣплять къ ихъ подножію полоски изъ красной бумаги съ мольбами о ниспосланіи благополучія дѣтямъ, по отзыву компетентныхъ наблюдателей, всего чаще изливаютъ душу передъ «сѣвернымъ» царемъ. Востокъ вообще проникнутъ и живетъ поражающими и смущающими западный умъ предчувствіями, такъ-сказать «вѣщими» идеями. Я помню напр. рассказъ нашего маститаго поэта А. Н. Майкова о томъ, какъ онъ допрашивалъ европейски образованнаго, киргизскаго султана Валиханова, — имя котораго хорошо извѣстно слѣдящимъ за новой жизнью въ нашей Азіи, — что у него за философія исторіи. Сынъ Турана лишь на минуту задумался и съ одушевленіемъ изрекъ: «Всемогущій Богъ даровалъ міровое владычество моему предку Чингисъ-хану: за грѣхи оно отнято у его потомства и передано Бѣлому Царю. Вотъ вамъ моя философія исторіи!»

Августѣйшіе путешественники подходятъ къ центральному хонамскому храму, съ изогнутою въ видѣ пресмыкающихся крышею изъ зеленыхъ глазурныхъ черепицъ и съ красными стѣнами, что свидѣтельствуетъ о сооруженіи его съ разрѣшенія бохдыхана. Внутри кумирни тоже прежде всего бросаются въ глаза такого же цвѣта стройные кедровые столбы, покрытые лакомъ.

Въ таинственной полумглѣ возсѣдаютъ надъ деревяннымъ алтаремъ Будды настоящаго, прошедшаго и будущаго съ 16-ью такъ-называемыми

«лоханами» (великими «святыми чудодѣями») вдоль боковыхъ частей зданія. Фигуры этихъ распространителей вѣры «царевича-мудреца» по необъятному району азіатскаго міра (отъ припильскихъ краевъ до Японіи) дышутъ какой-то безмятежной радостью и покоемъ. У каждаго проповѣдника и волхва — своя крайне типичная фізіогномія, свой ореолъ легендъ, свое чтимое традиціями наименованіе. Одинъ, напримѣръ (Нагасена), сидитъ на обломкѣ скалы, со сложенными въ молитвѣ руками: у него — уродливая голова, большой ротъ, густыя брови, длинные усы и борода, сережки въ ушахъ . . . Изъ-за далекаго

БУДДІЙСКІЕ ВОЛХВЫ-ПРОПОВѢДНИКИ.

Гиндукуша принесли многіе изъ подобныхъ ему ревнителей «свѣтлую буддійскую вѣсть» въ нѣдра Китая!

Если подумать о разстояніяхъ, отдѣляющихъ его отъ Индіи, — невольно проникаешься удивленіемъ къ этимъ послѣдователямъ возвышеннѣйшаго изъ возникавшихъ на Гангѣ ученій, ощутившимъ въ себѣ тогда твердую рѣшимость выйти въ опасную и почти безвѣстную дорогу (сквозь Авганистанъ, Памиры и бассейнъ Тарима) для обращенія на «путь истины» совершенно иначе настроенныхъ иноплеменныхъ народовъ, которымъ буддизмъ въ сущности долженъ былъ показаться на первый взглядъ чѣмъ-то безпочвеннымъ, фантастическимъ и бесполезнымъ.

Религія Шакья-муни высоко ставитъ культъ монарха. Читить владыкъ народа и князей-милостынедателей издревле входитъ въ обязанность исповѣдующаго ее монашества. Китайскіе императоры, — по временамъ уклонявшіеся отъ началъ строгой вѣротерпимости и даже преслѣдовавшіе его за безчуждъ пассивное отношеніе къ узко-практическимъ интересамъ государства, — въ общемъ потворствовали ученію и жречеству Будды съ того самаго момента, когда одинъ богдыханъ увидѣлъ какого-то «дивнаго западнаго мужа» во снѣ и когда съ Запада (изъ Кабула) дѣйствительно прибыли въ предѣлы Небесной имперіи мудрые, облеченные сверхъестественными свойствами индійскіе проповѣдники на «бѣлыхъ» коняхъ.

Въ хонамскомъ храмѣ, по срединѣ алтаря, гдѣ впереди трехъ большихъ кумировъ красуется еще маленькій четвертый, — среди вазочекъ съ искусственными цвѣтами, среди разныхъ жертвоприношеній (преимущественно освященнаго риса, отдаваемого потомъ на съѣденіе пичугамъ) и курительныхъ свѣчечекъ, — виситъ красная дощечка, на которой крупными золотыми буквами начертано: «да продлится царствованіе государя десять тысячъ разъ десять тысячъ лѣтъ!» Не такъ-ли въ древнемъ Иранѣ вѣрноподданные привѣтствовали правителя возгласами: «живи вѣчно, о царь!»? Китайца, не симпатизирующаго бурному проявленію чувствъ, удовлетворяетъ и надпись съ искренними пожеланіями долгоденствія монарху, въ числѣ титуловъ котораго есть и «Wan Sui Yeh», владыка періода въ 10,000 лѣтъ. Въ данную пору императоръ принимается за нетлѣнный отблескъ Маньчжушири, бога мудрости. Одинаковую, но «зеленую» дощечку обязаны имѣть въ мечети туземцы-мусульмане, хотя это сильно идетъ въ разрѣзъ съ принципами ислама, — особенно негодующаго на всякія антрополатрическія тенденціи.

Въ центральной кумирнѣ намъ показываютъ еще барабанъ, употребляемый при шумныхъ молитвословіяхъ и необыкновенно сладкозвучный колоколъ, принесенный въ даръ частными лицами въ 1662 году: жрецы ежедневно звонятъ въ него на зарѣ, по утрамъ и вечерамъ, 108 разъ (число «108» въ глазахъ буддиста священо: извѣстныя молитвы читаются именно столько разъ, драгоцѣннѣйшія четки состоятъ изъ 108 корольковъ, число покаянныхъ земныхъ поклоновъ зачастую равняется ста восьми и т. д.).

Мы покидаемъ главный храмъ черезъ другую дверь: прямо противъ нея, спиной къ перегородкѣ, отдѣляющей трехъ Буддъ отъ остальной части капища, находится статуя Амитабы (О-ми-то-фо или Амида), «безконечный свѣтъ», царствующаго надъ райскими обителями (изъ серебра и коралловъ, изъ янтаря и бирюзы) въ невѣдомыхъ странахъ заката. Тамъ алкавшіе истины праведные люди послѣ смерти обрѣтаютъ неизсякающее блаженство, мѣняютъ брѣнную оболочку на лучезарное тѣло, погружаются въ восторженное созерцаніе божествъ, возсѣдающихъ на престолахъ изъ лотосовъ и льющихъ на свое царство ласково-мягкіе лучи, между тѣмъ какъ длани этихъ верховныхъ небожителей простерты къ недостигнувшимъ совершенства существамъ, страдающимъ и молящимся.

Надо сказать, буддизмъ отчасти потому-то и отпраздноваль во многихъ краяхъ восточной Азіи побѣду надъ враждебными языческими вѣрованіями, что ввелъ кромѣ абстрактныхъ идей объ успокоеніи въ Нирванѣ яркіе образы о волшебномъ мірѣ Амитабы. Чувственная фантазія народовъ Востока требуетъ пищи, нуждается въ конкретныхъ понятіяхъ и не

терпитъ отвлеченностей. Успѣху пришлої индійской вѣры въ значительной степени содѣйствовало развитіе относительно пышной обрядности и ввозъ въ Китай, несмотря на отдаленность, вмѣстѣ съ книгами «закона» рѣдкихъ по исполненію кумировъ работы иноземныхъ художниковъ. Истинные буддисты недаромъ молятся, чтобы воплощенія «учителя» или ему подобныхъ постепенно, для распространенія религіи по всему міру, явились повсюду, гдѣ ея еще нѣтъ. Вслѣдъ за изваяніями пришли настоящіе «перерожденцы», олицетворенія и отраженія всевѣдущихъ Буддъ: въ VI вѣкѣ нашей эры въ Небесную имперію моремъ прибылъ изъ южной Индіи великій мистикъ и проповѣдникъ (по счету 28-ой патріархъ) «браминъ» Бодидарма. Западъ издревле считался и считается китайцами за родину ихъ предковъ, постепенно передвигавшихся оттуда на востокъ черезъ Тибетъ (чуть-ли не изъ Месопотаміи или Халдеи какъ теперь догадываются синологи!), съ цѣлью привить культурныя начала дѣвственной странѣ, прилегавшей къ Великому океану.

ГУАНЬ-ИНЬ.

стей, заслуживающихъ быть переданными хотя-бы въ двухъ словахъ. У одного стараго жестокаго правителя (въ маленькомъ княжествѣ, смежномъ съ сѣверной частью Индостана) на слезныя мольбы его бездѣтной жены родилась дочь, изумившая міръ добродѣтельными качествами. Родители не позволяли ей стать монахиней, — она ихъ убѣдила внять голосу ея сердца. Въ монастырѣ ее сдѣлали чернорабочей, — но она нашла неожиданныхъ помощниковъ: при собираніи овощей ей начали пособлять обезьяны, при сборѣ чайныхъ листьевъ — птицы, «бѣлый» тигръ при ношеніи вязанокъ съ дровами изъ лѣсу. Отецъ

Въ концѣ монастырскаго двора вы-
сится такъ-называемый «чертогъ» небо-
жительницы Гуань-инь (Kwan-yin), генія
кротости и милосердія (по санскритски
Авалокитесвара). Чисто восточная легенда
о немъ полна умиленныхъ подробностей,

княжны, разгнѣванный ея благочестіемъ, велѣлъ поджечь принявшій ея женскій монастырь: она чудесно запретила пламени. Извергъ приказалъ казнить мнимо-непокорную дочь. Послѣдняя же предпочла на себя принять грѣхъ и удавилась. Тогда во дворецъ явился хищный звѣрь и унесъ ея трупъ въ горы, гдѣ Гуань-инь (Kwan-yin) воскресла.

Небесные духи свели ее въ адъ показать мученія нечестивыхъ. Идеально настроенная дѣвушка ужаснулась ихъ пыткамъ, но особенно ихъ невѣдѣнію добра. Сила ея любви и состраданія въ эту минуту была такъ глубока, что на нее саму посыпался дождь цвѣтовъ, а ввергнутые во адъ вдругъ почувствовали себя въ раю Амиды.

Гуань-инь поселилась или точнѣе признала своимъ излюбленнымъ мѣстопробываніемъ островъ Путо Чусаньскаго архипелага (Поталу индусовъ и тибетцевъ: для первыхъ это — или миѳическій островъ полуденнаго моря, или древняя гавань въ устьяхъ Инда, или часть горъ Нильгири въ мадрасскомъ президентствѣ; для вторыхъ это — главная святыня Лхассы, гдѣ обитаетъ Далай-лама). Гуань-инь можетъ по волѣ принимать любой образъ съ цѣлью благодѣтельствовать людямъ: между прочимъ, она явилась разъ на землю китайскою царевною. Ея изображаютъ иногда или вѣрнѣе изображали мужчиной; однако чаще она представляется богиней съ тысячею рукъ или съ младенцемъ на рукахъ, — что нерѣдко побуждало европейцевъ сравнивать ее съ Мадонной: наибольшее поклоненіе воздается ей матерями и моряками. Богомольцы стекаются на ея островъ издалека, порою изъ Тибета. Ей посвящено еще немало мѣстъ: напр. одна величественная пещера (въ 170 верстѣ отъ Кантона), гдѣ въ связи съ культомъ богини вѣрующіе кормятъ бѣлыхъ голубей.

Вотъ она сама, — громадная, стройная, позолоченная, загадочно улыбающаяся надъ простенькимъ деревяннымъ алтаремъ, задрапированнымъ красной матеріей! На покровѣ вышиты атласомъ имена женщинъ изъ фамиліи вліятельныхъ мѣстныхъ богачей Ховква, игравшей трудную роль въ исторіи Кантона, пока онъ еще былъ почти замкнутъ иностранцамъ. Прямое общеніе между ними и туземцами не допускалось. Посредничествомъ въ торговомъ и многихъ иныхъ отношеніяхъ занимались назначаемые властями китайцы-купцы (hong merchants), отвѣтственные передъ своимъ правительствомъ даже за дурное поведеніе пришедшаго элемента съ Запада. Они непомѣрно обогащались, благодаря исклю-

БОГИНЯ МИЛОСЕРДІЯ.

чительности своего положенія, кромѣ того становились необходимыми соотечественникамъ и «бѣлымъ» коммерсантамъ. Дабы угодить своимъ, они щедро жертвовали на оборону роднаго города (напр. цѣлый фортъ у Вампоа построенъ былъ на ихъ деньги). Съ другой стороны эти же посредники дорожили связями съ европейскимъ міромъ: Ховква, во главѣ прочихъ торговыхъ посредниковъ, пріѣзжали во время нападенія англичанъ на эскадру вести мирные переговоры, выяснять недоразумѣнія, предупреждать наконецъ иногда о намѣреніяхъ разъяренной черни. Когда легко торжествовавшіе надъ безоружнымъ врагомъ британцы захватили резиденцію вице-короля, поселились въ ней (на гнѣвъ народа!) и вздумали въ знакъ издѣвательства рѣзать у плѣнныхъ косички, украшая ими свои лодки съ военныхъ судовъ, — кантонцы замыслили отравить ѣду и пищу «заморскихъ варваровъ»: Ховква почли долгомъ сообщить имъ о грозящей опасности.

Не странно-ли говорить объ этомъ у подножія статуи Гуань-иня? Острый запахъ куреній кружитъ голову и уноситъ въ область мечты. Внутренность пагоды словно расширяется мглою синеватыхъ струй аромата. Изваяніе богини какъ-бы растетъ на пьедесталѣ.

Свѣчи, возжигаемая вѣрующими передъ «олицетвореніемъ милосердія», уносятся ими потомъ на домашніе алтари. Принято душить въ дыму этихъ благовоній щепотки чая, завернутыя въ бумагу: послѣдними пользуются иногда въ качествѣ лѣкарствъ.

Передъ тѣмъ какъ намъ уйдти изъ хонамскаго монастыря, Ихъ Высочества осматриваютъ еще одно зданіе въ его оградѣ, — вмѣщающее великолѣпную четырехугольную «дагобу», буддійскій памятникъ съ изящнымъ семиэтажнымъ зонтомъ (или точнѣе шпилемъ) надъ нимъ и рѣдкой работы скульптурными изображеніями Будды по бокамъ: на львѣ, на слонѣ съ шестью клыками и въ одеждѣ китаянки на другомъ какомъ-то фантастическомъ животномъ, — наконецъ на лотосѣ, замѣняющемъ престолъ. Подъ бѣломраморнымъ монументомъ хранятся останки «святаго». Около каждой тщательно изваянной фигуры «учителя» поставлены чаши со свѣжей водой, служащей эмблемою чистоты достигнувшихъ высшаго совершенства существъ.

Монаховъ мы нигдѣ не видимъ: въ противоположность ламамъ, занимающимъ довольно привилегированное положеніе въ самомъ Китаѣ, туземные духовные (хэшаны), — ближе подходящіе по особенностямъ обряда и быта къ японскимъ и аннамскимъ единовѣрцамъ чѣмъ къ тибетцамъ и монголамъ, — играютъ весьма второстепенную роль среди роднаго населенія. Очень можетъ быть, что они отчасти оттого и не показываются намъ на глаза сегодня. Мѣстныя власти съ ними вообще мало стѣсняются: напр. при проѣздѣ посольства лорда Амхерста въ 1816 г. ему и свитѣ отвели хонамскій храмъ, отправивъ главные кумиры за рѣку. Въ 50-хъ годахъ тутъ устроили разъ въ смутное время постоя китайскимъ солдатамъ.

Только-что осмотрѣнныя молитвенныя сооруженія тождественны по типу со множествомъ другихъ буддійскихъ святилищъ въ предѣлахъ имперіи и даютъ сравнительно ясное представленіе о культѣ Фо (Шакья-муни) въ странѣ богдыхана. Августѣйшіе путешественники тѣмъ болѣе въ состояніи были ознакомиться съ характернѣйшими деталями, что обходили монастырь въ сопровожденіи г. Покотилова, специально занимающагося буддійскою религіей съ точки зрѣнія синологіи: онъ еще недавно (въ маѣ 1889 г.) совершилъ любопытнѣйшую ученую экскурсію изъ Пекина въ довольно близкій отъ него У-тай, на чтимую милліонами людей «свѣтлую и прохладную» гору, ставшую однимъ изъ выдающихся центровъ поклоненія Буддѣ въ восточной Азіи. Нашъ молодой оріенталистъ такъ хорошо подготовился къ своей задачѣ, что быстро собралъ свѣдѣнія, дополняющія ранѣе

изданный объ этомъ предметѣ матеріалъ столь вѣскихъ знатоковъ края какъ Эдкинсъ и Гильмоуръ, какъ Рокхиль и Рихтгофенъ.

Въ предмѣстьѣ Хонамъ, рядомъ съ капищами, находятся жилища кантонскихъ богачей Ховква. Ихъ Высочества удостоиваютъ посѣтить послѣднія, чтобы получить понятіе хотя съ внѣшней стороны о жизни состоятельнаго китайца въ стѣнахъ роднаго дома. Входъ туда узокъ и непригляденъ: переступаешь порогъ обнесеннаго крѣпкою оградой обиталища крѣзовъ, точно за нею — мѣсто тоскливаго заключенія. Ни оконъ, ни дверей не замѣтно сначала у фасада: это — съ умысломъ, дабы мертвенно-пустымъ угрюмымъ видомъ отпугнуть взоры недобрыхъ духовъ, заглядывающихъ въ калитку. Искусство ихъ отвращать составляетъ для населенія предметъ цѣлой отрасли знанья.

Мы огибаемъ углы довольно запущеннаго, постепенно расширяющагося двора и передъ нами открывается — слѣва — мощеная камнемъ дорожка вдоль пруда, составляющаго принадлежность всякой резиденціи съ претензіями на роскошь. Направо расположена пріемная комната или точнѣе веранда, откуда можно любоваться оригинальной и даже, пожалуй, забавной имитаціей природы на туземный ладъ. Надъ влагой поднимаются соединенныя между собой крошечными выгнутыми мостиками нагія скалы игрушечныхъ размѣровъ съ деревцами-карликами тутъ и тамъ. По срединѣ «романтическаго» ландшафта красуется на небольшой насыпи подходящая по величинѣ стеклянная бесѣдочка, откуда хозяева и гости — любители кейфа вольны созерцать водную поверхность у своихъ ногъ, подъ которой сверкаютъ пестрою чешуей рѣзвья рыбы.

Убранство такъ-сказать параднаго зала, — гдѣ представитель рода Ховква (маленькій скромный человѣчекъ) въ восхищеніи привѣтствуетъ Августѣйшихъ путешественниковъ, — не отличается ровно ничѣмъ особеннымъ. Именитѣйшіе граждане имперіи не гонятся за показною пышностью: возможная простота во всемъ глубоко проникаетъ нравы среднихъ и высшихъ слоевъ населенія.

Рѣзная мебель — чернаго дерева. Неуклюжіе табуреты (въ отличіе отъ прочихъ азіатовъ китайцы признаютъ пользу имѣть сидѣнія), а также два-три массивныхъ стола и поставка для нѣсколькихъ старыхъ фарфоровыхъ вазъ и бронзы крыты пластинками кантонскаго или юннанскаго мрамора. Сѣсть на него и холодно, и неудобно. Стѣны гостиной — синій изразецъ съ бѣлымъ бордюромъ.

Намъ подносятъ неподслащенный душистый чай, съ плавающими въ немъ листиками: блюдечки положены на чашки, чтобы удерживать нѣжный ароматъ. Пьешь несравненный по качествамъ туземный напитокъ, слегка отодвигая крышечку. Разговора нѣтъ: благовоспитанные люди «желтой» рассы, согласно обычаю, молча встрѣчаютъ и угощаютъ Высокихъ посѣтителей.

Женскій семейный элементъ незримъ: на дорожкѣ извнѣ стоитъ лишь группа страшно размалеванныхъ молодыхъ служанокъ или рабынь (положительно съ масками вмѣсто лицъ).

... Во второмъ внутреннемъ дворѣ, — ближе къ выходу, — Ховква открываетъ намъ двери домашней кумирни, «святаго святыхъ» безусловно всякаго болѣе или менѣе обширнаго китайскаго обиталища; надо замѣтить, что въ чертѣ комплекса жилыхъ зданій туземцы-родственники въ количествѣ сотенъ душъ (съ чадами и домочадцами) образуютъ иногда какъ-бы одно неразрывное цѣлое, на подобіе клана.

Передъ алтаремъ пенатовъ (съ вертикально поставленными деревянными табличками въ память усопшихъ, — на которыхъ начертано ихъ имя, званіе, время рожденія и смерти, — а также со свѣтильниками, зажигаемыми въ торжественные дни) связанные узами крови

мужи собираются по временамъ для рѣшенія на совѣтѣ вопросовъ, затрагивающихъ общую честь или благополучіе, для смягченія ссоръ, для строгаго суда надъ непочтительными невѣстками; для развода (невѣрныхъ женъ по закону безжалостно гонятъ отъ оскверненнаго ими очага, — супруговъ же, противящихся наказанію прелюбодѣекъ, бьютъ бамбуками), для раздѣла имуществъ и т. п. Подобныя судилища въ практическомъ отношеніи дѣйствительнѣе правительственныхъ мѣропріятій и каръ.

Словно осяняя незримымъ присутствіемъ дѣятельную мысль и разумную волю живыхъ, со стѣнъ глядятъ изображенія иныхъ почившихъ, тогда какъ изъ-подъ потолка перпендикулярно спускаются надписи золотомъ, на красномъ фонѣ, о литературныхъ и государственныхъ заслугахъ извѣстной категоріи достойнѣйшихъ членовъ семьи. Прямо противъ входа въ кумирню провожающій насъ Ховква показываетъ Ихъ Высочествамъ поясной портретъ своей недавно скончавшейся и горько оплакиваемой старушки-матери. Подобные объекты культа, въ которые по стародавнему вѣрованію китайца охотно вселяются духи мертвецовъ, принято имѣть въ добропорядочныхъ домахъ. Исполняющіе заказъ художники (порою еще при жизни слѣпо уважаемаго младшими лица) чрезвычайно заботятся о сходствѣ картины съ оригиналомъ. Ее рисуютъ непремѣнно en face, а не въ профиль. Она съ почетомъ несется въ погребальной процессіи и затѣмъ уже занимаетъ мѣсто въ семейномъ храмѣ: аналогично поступали въ древнемъ Римѣ съ такъ-называемыми *imagines majorum*.

Благодаря любезности прекрасно освѣдомленнаго французскаго консула Эмбо-Хюара, мнѣ удастся сгруппировать нѣкоторыя данныя о Кантонѣ, отчасти не лишеныя для русскаго общества интереса новизны: мы такъ мало знаемъ до сихъ поръ о величайшемъ изъ смежныхъ намъ государствъ! Синологи съ широкимъ кругозоромъ, вродѣ С. М. Георгіевскаго, съ весьма небольшимъ успѣхомъ разъясняли до послѣдняго времени своей немногочисленной аудиторіи, почему Россіи необходимо разносторонне изучать Китай. Конечно, теперь (съ посѣщеніемъ его Престолонаслѣдникомъ и въ связи съ намѣченнымъ рельсовымъ путемъ черезъ Сибирь на Дальній Востокъ) положеніе вещей должно измѣниться, и наше самосознаніе естественно возрастетъ.

Издревле важный коммерческій центръ на Чжу-цзянѣ теряетъ прежнее значеніе, передающееся Гонконгу. Англичане начинаютъ торжествовать надъ кантонцами въ ихъ собственной сферѣ, однако по цифрамъ «Bulletin consulaire» (въ отдѣлѣ «Commerce de Canton») ввозъ и вывозъ отсюда равны пока четверти милліарда франковъ. Европейцы, живущіе здѣсь на островкѣ Шаминѣ, не могутъ похвалиться размѣромъ денежныхъ оборотовъ. Послѣдній скорѣе выпадаетъ на долю города Викторіи. На первомъ мѣстѣ однако все еще надо ставить экспортъ шелка и чая изъ сосѣдней дельты, столь богатой дарами природы! Тамъ, на небольшомъ пространствѣ (по направленію къ Макао), среди лабиринта водныхъ артерій ютится трудолюбивѣйшее населеніе, производящее въ очень значительномъ количествѣ лучшій сырецъ. Въ томъ же округѣ живутъ искусныя ткачи, изъ-подъ рукъ которыхъ на міровой рынокъ идутъ безподобнѣйшія шелковыя ткани съ узорочьемъ. Расшитая одежда мандариновъ считается спеціальностью мѣстныхъ фабрикъ.

Когда подумаешь, что этотъ предметъ торговли съ незапамятныхъ временъ оказывался звеномъ, косвенно объединявшимъ царство «Сына Неба» съ Индіей и Малой Азіей, съ «застѣнными» варварами любаго племени и культурными чужими государствами, — то понятно чувство китайцевъ, усматривающихъ въ шелковичномъ червѣ нѣчто чудодѣй-

ственное. Выматываемыя имъ нити, — цѣнившіяся напр. въ Римѣ (около Р. Хр.) на вѣсъ золота, — словно служили мистическими узами дружбы и взаимопознания для разобщенныхъ разстояніемъ и судьбой передовыхъ народовъ древности. Озабоченное сбытомъ шелка на Западъ населеніе сѣверныхъ областей Небесной имперіи въ началѣ нашей эры хотъ и смутно, но представляло себѣ пути туда, — особенно по-суху: къ Аму-Дарьѣ, въ землю парбянъ при династіи Арсакидовъ, на Мервѣ (по-китайски Мулу) и т. д. до Чермнаго моря и Антиохіи Сирійской. Востокъ въ ту отдаленную пору вовсе не дробился на ненавистныя другъ другу политическія единицы. Напротивъ, человѣчество тогда еще не додумалось до утонченно-безпощадныхъ принциповъ возводимаго нынѣ въ культъ націоналистическаго эгоизма и гораздо радушнѣе относилось повсюду (несмотря на исторически слагавшуюся замкнутость многихъ жизненныхъ формъ) къ притокамъ свѣжаго воздуха извнѣ, съ инородно-иновѣрной и странной по духу чужбины. Кто скажетъ, сколько творческихъ идей приносили съ дороги домой китайскіе богомольцы-купцы, ѣздившіе до нашей эры на Гангъ, или христіанскіе монахи изъ Ирана, познакомившіе Византію съ культурой шелковичнаго червя?

Въ Китаѣ на немъ въ нашъ вѣкъ какъ и въ Европѣ обнаружилась болѣзнь. Когда тоже случилось недавно у японцевъ, они ее живо локализовали. Между тѣмъ подданные богдыхана равнодушно или точнѣе беспомощно относятся къ бѣдѣ и, конечно, теряютъ отъ этого немало выгодъ въ виду естественно увеличивающагося спроса на шелкъ изъ «страны восходящаго солнца», хотя послѣдній хуже по достоинству.

Здѣшнимъ властямъ особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на опасность, которая грозитъ драгоцѣннѣйшему промыслу: изъ имперіи ежегодно вывозится одного сырца и тканей приблизительно на 70—75,000,000 рублей. Только чайное дѣло поставлено лучше, стоимость же всѣхъ прочихъ экспортируемыхъ товаровъ въ совокупности ниже, составляя какихъ-нибудь пятьдесятъ милліоновъ. И вдругъ китайцы дадутъ болѣзни развиваться! Въ прошломъ году вывозъ шелка уменьшился противъ 1889 г. на 90,000 пудовъ.

Провинція Гуанъ-дунъ производитъ непомѣрное количество хлѣба, риса и сахарнаго тростника. Однако продуктовъ едва хватаетъ на нужды туземцевъ. Китайцы фабрикуютъ для вывоза отсюда въ Англію лишь консервы изъ фруктовъ: наиболѣе славится приготовленіе въ сиропѣ или уксусѣ имбирнаго корня, ананасовъ, бамбуковыхъ ростковъ и т. п.

Почетомъ пользуется на Жемчужной рѣкѣ живопись по фарфору. Къ сожалѣнію, за послѣднее время это искусство — въ упадкѣ: мастерами-художниками утрачены нѣкоторыя тайны состава красокъ и не представляется счастливаго случая ихъ возсоздать.

Понимающіе толкъ въ старинныхъ вещахъ имѣютъ возможность отыскивать въ Кантонѣ множество рѣдкостей, которымъ (при продажѣ любителямъ на Западѣ) нѣтъ цѣны. Всего легче находить подобныя достопримѣчательности въ башняхъ, куда горожане носятъ въ залогъ все ненужное.

Шелкъ является, какъ я уже сказалъ, однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ кантонской торговли. Масса его (не меньше двухъ третей) скупается для Ліона, — но по непонятной косности дѣло это (на 50 милліоновъ франковъ) ведется черезъ посредничество англичанъ и нѣмцевъ. Всего одна фирма (Cozon et Giraud) обходится безъ него. Французское правительство проявляло здѣсь до сихъ поръ такъ мало инициативы, что даже уступленная ему на островѣ Шаминѣ земля фактически еще пустуетъ, — когда крошечная британская колонія рядомъ окрѣпла и развилась: французами ничего пока не израсходовано на необходимыя огражденія отъ наводненій, самъ консулъ не имѣлъ до послѣднихъ

мѣсяцевъ ни подходящаго жилища, ни своей полицейской охраны. Теперь, съ назначеніемъ энергичнаго Эмбо-Хюара, престижъ его родины быстро сталъ расти: въ предпрошломъ году удалось распродать всѣ земельные участки французской концессіи, съ обязательствомъ для покупающихъ поскорѣе воздвигнуть на ней вереницу домовъ.

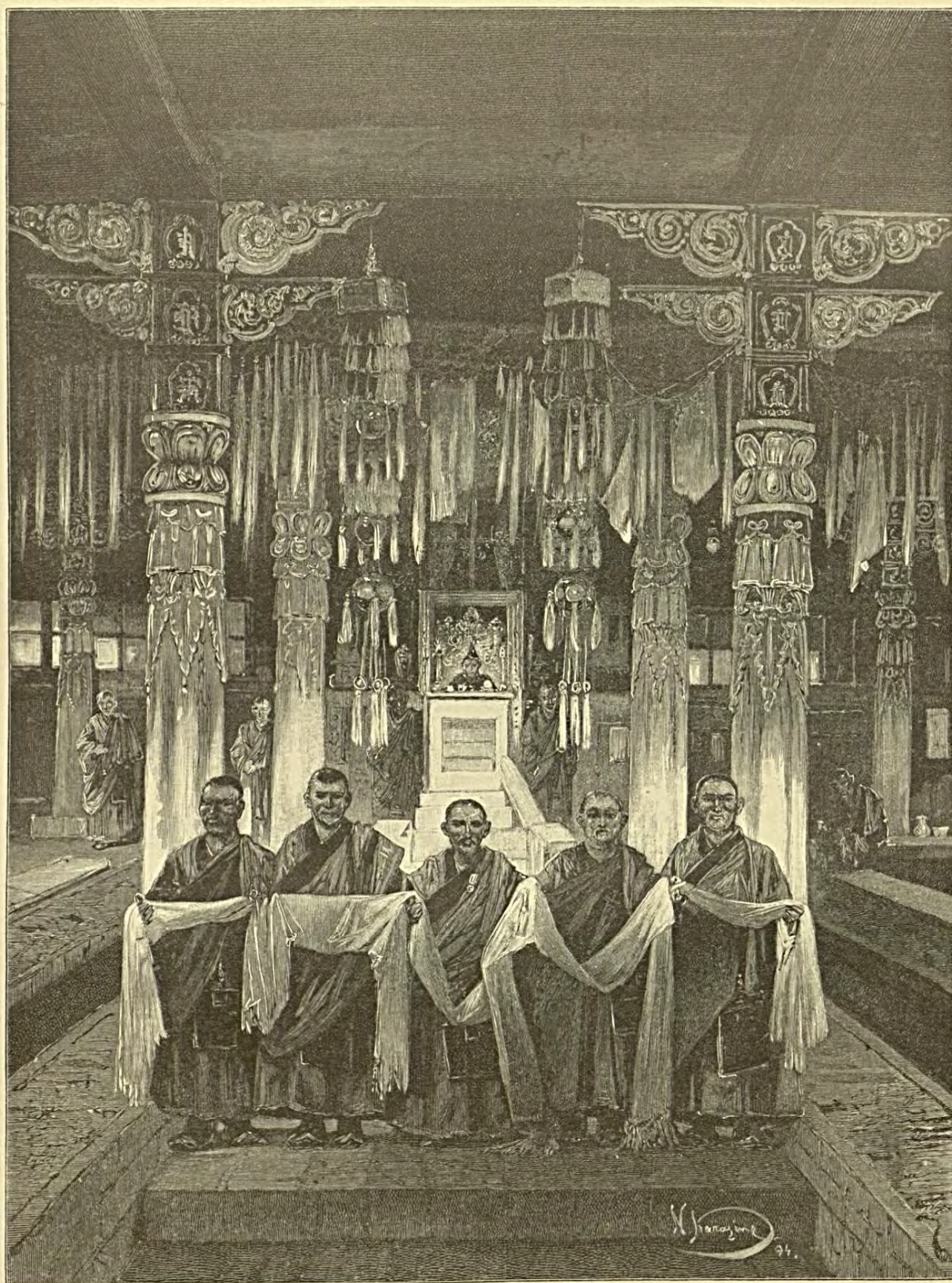
Понедѣльникъ, 25 марта (6 апрѣля).

Сегодня предстоитъ зрѣлище исторической важности: Е. И. Высочество, въ сопровожденіи отряда нашихъ матросовъ, прослѣдуетъ на завтракъ къ Ли-хан-чжану. Китайскія власти Кантона лишь въ знакъ чрезвычайнаго расположенія соглашаются на то, чтобы въ стѣнахъ города показывались вооруженные европейцы. Онѣ допустили это, между прочимъ, — сколько я знаю, — въ 1598 г. по отношенію къ манильской испанской экспедиціи въ здѣшній край, старавшейся вопреки злобному противодѣйствію португальцевъ разцвѣтавшаго тогда Макао завязать дружескія связи съ Небесной имперіей. Въ 1866 г. посланникъ Соединенныхъ Штатовъ, полковникъ Демби, принялъ въ кварталѣ Шамина визитъ вице-короля, въ присутствіи десанта съ американскаго корвета . . . но что значать подобные случаи параллельно съ фактомъ отдачи неслыханныхъ почестей Престолонаслѣднику?

Для Него приготовлены носилки священнаго въ глазахъ буддистовъ «желтаго» цвѣта, составляющія принадлежность исключительно «Сына Неба» и вдовствующей императрицы, въ сущности правившей Китаемъ до настоящаго времени. Относительно всемогущимъ генералъ-губернаторамъ не присвоено это право являться народу въ ореолѣ чего-то божественнаго. Ни одного именитѣйшаго иностранца населеніе никогда не видало открыто приравненнымъ земному владыкѣ высшаго порядка. Изъ устъ въ уста пойдетъ по четырехсотмилліонному царству небывалая вѣсть о совершившемся событіи. Недаромъ въ составъ іероглифа «Hwang-ti» (Хуанъ-ди, верховный государь), т. е. въ исконный титулъ богдыхановъ, входитъ понятіе «бѣлый князь, Цаганъ-ханъ, Бѣлый Царь»! Англійскіе синологи объясняютъ это позднѣйшимъ искаженіемъ слова, первоначально означавшаго «тотъ, кто умѣетъ управлять самимъ собою». Но не все-ли равно, разъ что въ данное время смыслъ столь краснорѣчивъ?

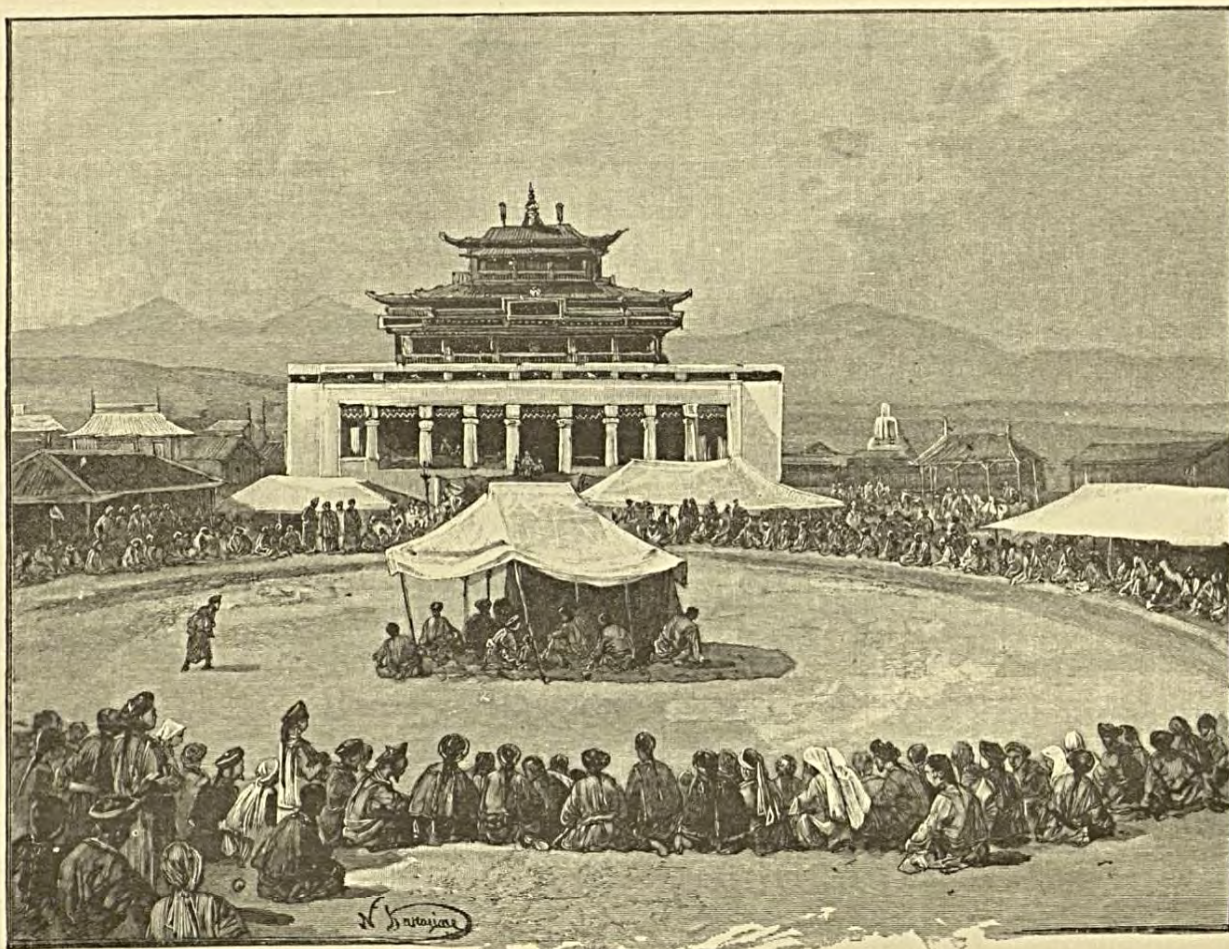
Около полудня Августѣйшіе путешественники на особомъ пароходикѣ отправляются съ «Кіангъ-Квана» къ мандаринской пристани. Еще большее оживленіе чѣмъ вчера кипитъ на Чжу-цзянѣ. Нестройные звуки южной гортанной рѣчи сливаются въ невообразимый гамъ. Мы съ величайшимъ трудомъ лавируемъ среди рѣчнаго люда, всецѣло отдавшагося обычной суетѣ. При нѣкоторомъ безсознательномъ навыкѣ наблюдать за окружающей жизнью, послѣдняя представляется все любопытнѣе и оригинальнѣе. Сразу замѣчаешь то, на чемъ взоръ и не медлилъ до этой минуты, утомленный многообразіемъ новыхъ впечатлѣній.

Въ черныхъ баржахъ какъ въ настоящихъ складахъ везется соль. Другія представляютъ изъ себя садки. Допотопнаго типа суда съ колесами, — приводимыми въ движеніе ногами кулевъ, дружно нажимающихъ педали, — шумно идутъ намъ на встрѣчу, нагруженные доверху пассажирами, которыхъ не смущаетъ малая скорость, развиваемая силой столь нехитраго механизма, и, пожалуй, даже радуется отсутствіе «бѣсовскаго» пара. Слѣдомъ за подобными «ковчегамъ», всплывающими воду среди несчетнаго пловучаго жилья, по теченію плывутъ огромныя лодки съ живностью, вмѣщающія тысячи утокъ и

ЛАМЫ, ПРИВѢТСТВУЮЩІЕ ХАДАКАМИ.

гусей. Иногда владѣльцы ихъ причаливаютъ къ берегу и даютъ имъ попасть. При скликаніи на ночлегъ хорошо вымуштрованныя птицы на перегонку торопятся взобраться по сходнямъ домой, зная, что запаздывающимъ изрядно попадаетъ отъ загонщиковъ пернатого стада. Мелькомъ видны поодаль рѣзко отличающіяся отъ убогихъ сампановъ такъ-называемая «flower boats». Онѣ богато отдѣланы, уставлены рѣзною мебелью изъ чернаго дерева, увѣшаны расшитыми занавѣсками, снабжены зеркалами и лампами. Тамъ веселится по вечерамъ состоятельный элементъ Кантона, — богачи приглашаютъ туда гостей пообѣдать и послушать пѣвицъ . . .

НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИКЪ У ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ КУМИРНИ.

Подъ навѣсомъ пристани, гдѣ вчера встрѣчалъ вице-король, выстроены русскій десантъ. Е. И. Высочество здоровадается съ карауломъ, которымъ командуетъ лейтенантъ Н. А. Кроунъ, флагъ-офицеръ адмирала Басаргина. Цѣлый рядъ паланкиновъ, съ Великокняжескимъ во главѣ (надъ нимъ золотой шарикъ порядочныхъ размѣровъ) ожидаетъ въ немногихъ шагахъ отъ рѣки. Свитѣ приготовлены мандаринскія носилки зеленого цвѣта.

Въ моментъ прибытія Высокаго посѣтителя Ли-хан-чжанъ спѣшитъ къ набережной, при серебристомъ звонѣ гонговъ. Неизгладимое впечатлѣніе должно остаться и у насъ,

участниковъ знаменательнаго шествія на завтракъ, и у кантонцевъ, высыпавшихъ взглянуть на Его торжественный пріемъ. Ничего подобного нельзя себѣ представить! Куліи такъ-сказать впряглись съ двухъ сторонъ въ бамбуковыя оглобли нашихъ безколесныхъ каретокъ съ перекладинками, за которыя они держатся. Процессія растянулась ломанною линіей на значительномъ протяженіи. Путь лежитъ не улицами (въ западномъ смыслѣ слова), а какими-то чисто восточными узкими переулками и закоулками. Музыка хора съ «Азова» то побѣдно гремитъ, то замираетъ въ зависимости отъ частыхъ поворотовъ къ средней части кортежа. Носильщики то стремительно выравниваются, чтобы не задерживать находящихся позади китайскихъ чиновниковъ, китайскихъ музыкантовъ и туземную

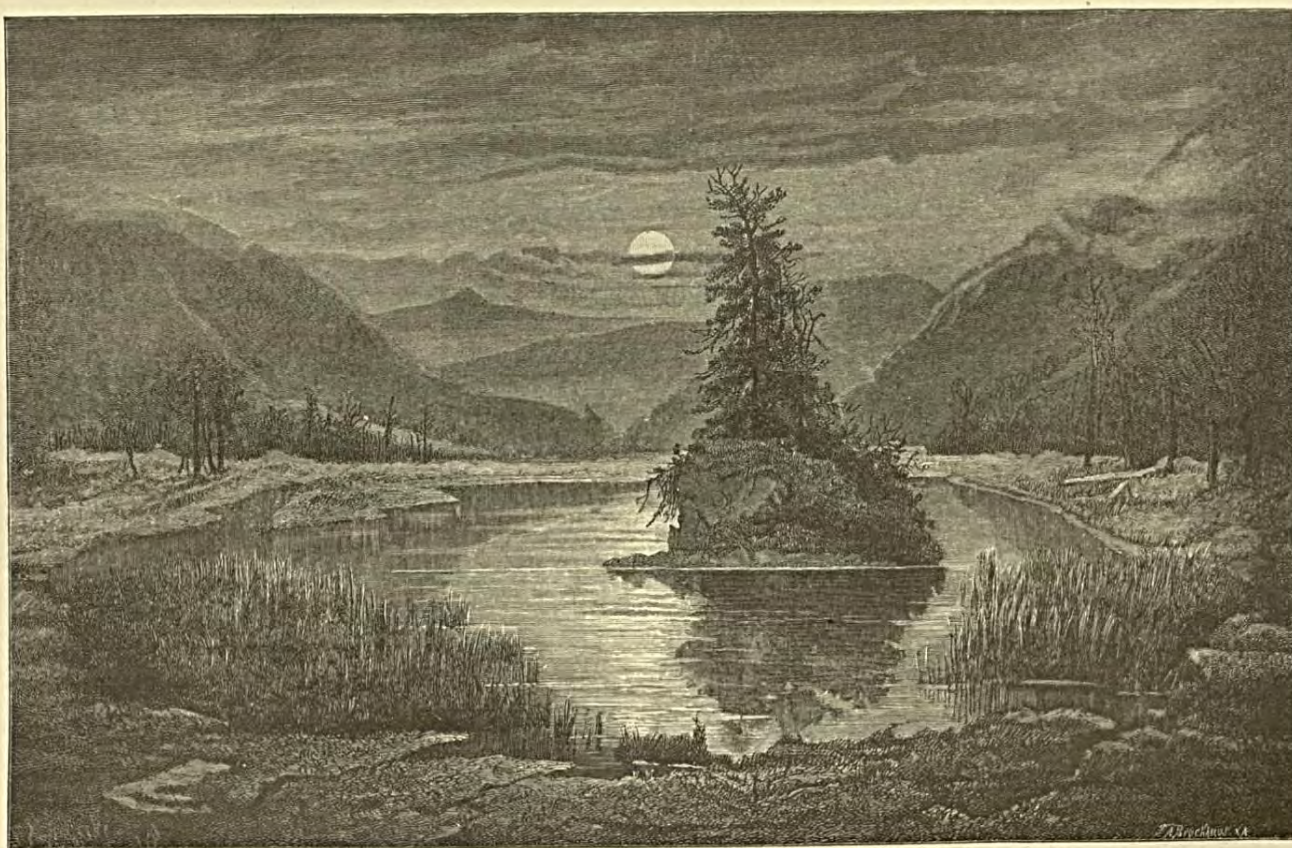
НА ГРАНЯХЪ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

стражу, — то едва тащатъ наши тяжелыя крытыя сидѣнья (съ окошечками по бокамъ). Все, что при этомъ замѣчаешь по дорогѣ, положительно не поддается описанію. Тутъ нѣтъ живописной распушенности мусульманскаго Востока, нѣтъ первобытнаго отпечатка полуденныхъ странъ, — гдѣ каждую неприглядную мелочь красятъ яркая природа и солнце. Здѣсь вылилась въ опредѣленные странныя формы утонченная ритуалистически застывшая жизнь народа съ прошедшимъ въ нѣсколько тысячелѣтій. Печать его культуры почилла положительно на каждомъ лицѣ, на каждомъ предметѣ вокругъ. Собственно движешься не городомъ съ миллионнымъ строптиво настроеннымъ населеніемъ, но по добродушно-удивленной, слегка лишь разступившейся безконечной толпѣ, которой родныя власти сообщ-

шили правду о Сѣверномъ Гостѣ, правду о взаимотяготѣнн Россіи и Китая, о необходимости показать именно западно-европейскому міру, кого правительство Небесной имперіи способно искренно чтить и признавать. Дни посѣщенія Цесаревичемъ Кантона пламенными начертаніями врѣжутся въ скрижали исторіи Дальняго Востока.

Улицъ, какъ я уже замѣтилъ, не существуетъ: лошадьми и въ благоустроенномъ Гонконгѣ почти никто не пользуется, довольствуясь мускулами куліевъ. Въ тѣсно застроенной столицѣ Гуанъ-дуна подавно! Никакой экипажъ не проѣхалъ бы среди зданій, находящіеся въ которыхъ при желаніи могли бы подать другъ другу руки, съ усиленіемъ нагнувшись впередъ. Тѣмъ осязательнѣе чувство, что стоитъ обступающей невѣдомой громадѣ сомкнуться и она бы насъ задавила; но ей сказано, какъ себя держать, и внутренняя дисциплина насквозь проникаетъ зрителей

Мостовая изъ гранитныхъ плитъ, снабженныхъ широкими отверстіями для стока дождей и нечистотъ. Низкіе кирпичные дома съ перекинутыми межъ ними (надъ головой прохожихъ) цыновками или стеклянными загражденіями (точно въ пассажахъ) и пестрыми сажеными вывѣсками, изъ коихъ ни одной нѣтъ въ горизонтальномъ положеніи, а всѣ отвѣсно болтаются вмѣстѣ съ фонарями, — изображающими яркихъ бабочекъ и птицъ или ландшафты, — у входа въ лавки, гдѣ въ глубинѣ выдѣляются маленькіе алтари съ золочеными фигурами боговъ удачи. И курьезны же, по свидѣтельству синологовъ, эти надписи (наивнѣйшія рекламы хозяину и товару) надъ туземными магазинами: «нескончаемый успѣхъ», «непрерывное счастье», «небесное благополучіе»! Затѣйливостью и вычур-

У ОЧАГОВЪ ЛАМАИЗМА.

ностью наименованій съ ними могутъ поспорить лишь уличные закоулки, величаемые горожанами: «улица мира», «улица свѣтлыхъ облаковъ», «улица долголѣтія», «улица вѣчной любви», «улица тысячи внуковъ», «улица зефировъ», «улица тьмы блаженствъ», «улица отдыхающаго дракона», «улица золотыхъ прибылей» и т. п.

Мы выходимъ изъ лабиринта невзрачныхъ базаровъ и убогаго съ виду жилья. Передъ нами — оберегаемая мѣстными воинами ворота училища «Kwong Nga», куда Ихъ Высочества удостоили принять приглашеніе генераль-губернатора на трапезу. Народъ съ возрастающимъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ поближе разсмотрѣть нашихъ вооруженныхъ матросовъ и особенно одѣтаго въ красное урядника Топорченко (Собственнаго Его Величества конвоя) готовъ хлынуть за паланкинами въ предѣлы училищной ограды. По приказанію мудраго вице-короля (какъ я узнаю потомъ) доступъ за нея наглухо замы-

кается; съ цѣлью же, чтобы непонимающіе люди не вздумали перелѣзть черезъ стѣну и, обезпокоивъ гостей, нечаянно не причинили столкновѣнія съ ними, послѣдняя обмазывается дегтемъ. Достаточно опыта двухъ-трехъ смѣльчаковъ, которые испортили себѣ платье, для вразумленія остальной массы. Этотъ характерный случай достоинъ вниманія.

Если не ошибаюсь, — приготовленное для пріема общественное зданіе служить разъ въ три года сборнымъ экзаменаціоннымъ пунктомъ великаго множества провинціальныхъ учащихся, домогающихся путемъ строгаго испытанія выказать результатъ своихъ способностей и свѣдѣній. Нѣтъ государства въ мірѣ, гдѣ бы знаніе такъ высоко и свято цѣни-

лось какъ въ Китаѣ. Достаточно вспомнить, что Конфуцій постепенно возводился въ царскій санъ, что ему за проникновеніе родною наукой строились храмы, что получаемыми за умственный трудъ дипломами земляковъ гордятся цѣлые округа, не говоря уже о выросившихъ счастливецъ городахъ или весяхъ. Наболѣе «преуспѣвшимъ» иногда возводятся арки.

МОНГОЛЬСКІЙ «СВЯТОЙ».

Уваженіе къ литературѣ и къ письменности вообще необыкновенно развито. Лица, сѣумѣвшія съ толкомъ вчитаться въ творенія истинныхъ мудрецовъ, мало по малу достигаютъ рѣдкаго почета. Каждый испещренный іероглифами лоскутокъ чтится китайцами. Въ Кантонѣ и въ Шанхаѣ (вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ) существуютъ общества, нанимающія рабочихъ ходить по улицамъ и отыскивать брошенныя бумажки, на которыхъ есть буквы, съ цѣлью предавать ихъ сожженію: изъ опасенія чтобы кто-нибудь не вздумалъ осквернить недостойнымъ употребленіемъ такую «святыню», какъ письменна, — да еще письменна, изобрѣтенныя выдаю-

щимися наставниками-руководителями китайскаго народа! Иные радѣтели не довольствуются и этимъ, — но глубоко зарываютъ пепелъ въ глиняныхъ горшечкахъ или опускаютъ ихъ въ рѣку. Конечно, при соприкосновеніи съ европейцами, подобный почти суевѣрный страхъ исчезаетъ, но явленіе настолько само по себѣ симпатично, что объ этомъ пока приходится только жалѣть. По словамъ одного туриста, ѣздившаго по имперіи, онъ какъ-то, сидя у дороги, читалъ англійскій романъ. Два туземныхъ «ученыхъ» подошли и безцеремонно просунули головы между лицомъ читавшаго и книгою, долго всматривались въ текстъ (кругомъ же тѣмъ временемъ столпились зрители!) и наконецъ съ комическимъ изумленіемъ заявили: «мы не можемъ распознать ни одной буквы», — на что находчивый путешественникъ спокойно имъ замѣтилъ по китайски: «значитъ, ваше знаніе весьма ограничено!» Общій хохотъ присутствующихъ тотчасъ пристыдилъ простодушныхъ литераторовъ.

Китаецъ готовъ учиться съ неимовѣрнымъ усердіемъ до какого-угодно возраста, преодолевая самыя тяжкія преграды. Каждому гражданину (кромѣ актеровъ, тюремщи-

ковъ и палачей съ ихъ ближайшимъ потомствомъ) открыты государственныя должности соотвѣтственно выдержанному экзамену. Уваженіе народа и властей къ выдавающимъ особое прилежаніе и разумѣніе прочитаннаго распространяется не только на этихъ избранниковъ, но и на ихъ родителей, которые воспитали столь пригодныхъ отечеству сыновъ. По даннымъ оффиціальной «Пекинской газеты» въ 1889 г. на осеннія письменныя состязанія въ Фу-чжоу явилось 9 кандидатовъ старше 80 лѣтъ и два старше девяности, причемъ работы имъ удалась и почеркъ отличался твердостью: а мы еще на школьной скамьѣ дивимся мужеству Катона-старика, взявшагося изучать греческій языкъ! Бываютъ

У ЛАМАЙСКАГО ХРАМА.

будто-бы случаи, когда на одно и тоже испытаніе записываются дѣдъ и внукъ. Множество бѣдняковъ трудится, подготовляясь къ этому буквально на мѣдный грошъ: по преданію, какой-то впослѣдствіе прославившійся «ученый», не имѣя средствъ покупать себѣ освѣщеніе для ночныхъ занятій передъ экзаменомъ, ловилъ въ мѣшечекъ свѣтляковъ и озарялъ ими свои завѣтныя книги: вѣдь одно сознательное ознакомленіе съ тысячами іероглифовъ требуетъ многихъ годовъ жизни!

Запрещеніе конкурировать на полученіе высшихъ гражданскихъ правъ относится въ Китаѣ лишь къ инородческому населенію: въ составъ такового включается напр. рѣчной людъ съ Жемчужной рѣки (Танка), происходящій отъ загнанныхъ когда-то китайцами на лодки туземцевъ. И то уже крошечный процентъ (не болѣе 500 человѣкъ) ежегодно

выдерживающихъ съ успѣхомъ сложное послѣднее состязаніе въ Пекинѣ не въ мѣру превышаетъ количество людей, требуемыхъ для замѣщенія чиновничьихъ вакансій! Параллельно же растетъ раздраженіе въ средѣ голодающихъ литераторовъ. Китайская администрація состоитъ въ сущности изъ неимоверно малаго числа должностныхъ лицъ со сколько-нибудь значущимъ рангомъ: таковыхъ наберется на всю колоссальную имперію лишь около девяти тысячъ! У кантонскаго генераль-губернатора ихъ всего — 430. На каждый постъ ждетъ очереди минимумъ десятковъ алчущихъ его занять и невыносимо беспокоящихъ начальство провинціи.

За границей сложилось убѣжденіе, что скудно оплачиваемые казной, но нуждающіеся въ цѣломъ штатѣ челяди мандарины — величайшіе грабители и деспоты. До извѣстной степени это весьма вѣроятно. Однако не мѣшаетъ взвѣсить и явленія обратнаго порядка.

Гдѣ кромѣ Китая, въ какомъ другомъ государствѣ граничить съ областью чего-то уже прямо мистическаго отвѣтственности главныхъ правителей передъ нравственнымъ закономъ и обычаемъ? Временно назначаемый представитель власти до такой степени считается тождественнымъ со ввѣреннымъ ему населеніемъ, что терпитъ подчасъ тяжкое наказаніе за преступленія, совершаемыя во ввѣренномъ ему районѣ, вообще сплошь и рядомъ штрафуется за чужія погрѣшности: онъ виновенъ передъ богдыханомъ даже за наводненія и засуху, голодъ, пожары и бѣдствія стихійнаго характера. За побои, нанесенные матери, одного китайца высочайше повелѣно было убить, домъ, — гдѣ случилось происшествіе, — разрушить, деревню признать зачумленной, чиновниковъ округа разжаловать, мѣстныхъ студентовъ болѣе не

МОНГОЛО-БУРЯТЫ.

допускать до экзамена. Усердные сановники сами молятъ «Сына Неба» не прощать имъ ошибокъ и проступковъ.

Если дѣятель на этомъ трудномъ тернистомъ поприщѣ еще вдобавокъ отличается безукоризненностью поведенія, нельзя выразить народной любви къ нему и безпредѣльной благодарности. При прощаніи съ доблестнымъ начальникомъ (администраторовъ довольно часто мѣняютъ!) ему дарятъ многоцвѣтное почетное одѣяніе и шелковые зонты, толпы народа и вереница паланкиновъ провожаютъ отъѣзжающаго, на пути разставлены столы съ явствами и дымящимися куреніями. Дорога украшается арками съ надписями: «отцу и другу», «яркой звѣздѣ области» и т. п. Обувь подобнаго лица, угоднаго согражданамъ, принято хранить послѣ него какъ драгоценность.

Безпощадно суроваго вице-короля Yeh, увезеннаго англичанами въ плѣнъ, кантонцы мертваго встрѣтили съ торжественной скорбью и воздвигли ему кумирню.

Раньше чѣмъ ввести Царственного Гостя въ павильонъ, приготовленный для трапезы, престарѣлый Ли-хан-чжанъ, — пройдя съ нами нѣсколько покоевъ, — приглашаетъ Ихъ Высочества сѣсть и отдохнуть. Краткая бесѣда начинается вопросами, какъ проведены Августѣйшими путешественниками вчерашніе предвечерніе часы. Услыхавъ (что ему и безъ того, конечно, было извѣстно) объ осмотрѣ Хомама, генераль-губернаторъ интересуется узнать, есть-ли въ предѣлахъ Россіи буддійская вѣра и по видимому нѣсколько изумленъ (какъ, впрочемъ, и многіе другіе образованные китайцы, съ которыми мнѣ приходилось говорить), что у насъ насчитывается нѣсколько сотъ тысячъ послѣдователей Шакья-муни. Безсознательность туземцевъ въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе странна, что правительство ихъ вообще неразъ обращало вниманіе на переселявшіяся въ наше подданство монгольскія племена ламайскаго вѣроисповѣданія, тѣсно связанныя религіозными узами съ Тибетомъ, — дорожить которымъ въ Пекинѣ принято съ давнихъ временъ, но особенно за послѣднія столѣтія. Властелиновъ Небесной имперіи крайне заботило отпаденіе духовныхъ сыновъ Далай-ламы къ иному политическому центру, т. е. Московской державѣ. Зарожденіе ея могущества на граняхъ Халхи, перекочевки калмыковъ до Яика и Дона, тяготѣніе къ русскимъ жаждавшей самостоятельнаго бытія воинственной Чжунгаріи, — все составляло предметъ смутныхъ опасеній для богдыханскаго двора. Онъ призналъ необходимымъ убить въ корнѣ (хотя-бы цѣною громадныхъ жертвъ) довольно независимыя ханства у рубежей Сибири, — сталъ добиваться посольствами, безопасно пропускавшимися изъ Петербурга въ ставки инородческихъ вождей въ нашей степи, возвращенія приволжскихъ торгоутовъ въ исконно родныя имъ страны, — воспользовался вліяніемъ Лхассы на простодушный забредшій въ Европу народъ, чтобы сманить его обратно и т. д. Китайцы могли бы послѣ этого имѣть представленіе о ламаитахъ въ Россіи! Тысячи ихъ ежегодно ходятъ на богомолье въ Монголію и къ центрамъ тибетской учености. Проводниками русской торговли и доброй славы о насъ, представителями русскаго имени въ нѣдрахъ «желтаго» Востока являются именно эти безхитростные маленькіе люди въ худыхъ халатишкахъ, на невзрачныхъ лошаденкахъ одной породы съ извѣстнымъ конемъ сотника Пѣшкова, или на уныло мычащихъ верблюдахъ типа, оказавшаго столько услугъ Пржевальскому . . . Они, безвѣстные инородцы наши, идутъ туда, — на едва доступный европейскимъ изслѣдователямъ Хуху-норъ, въ Амдо и Цайдамъ, въ таинственный Даши-лхунбо и смежныя съ Индіей нагорныя края, — съ такою же легкостью и бодростью, словно мы отправляемся въ неустойчивыя экскурсіи по окрестностямъ столицъ. Всюду этотъ смышленный и по внутреннему міру единоцвѣтный всему окружающему элементъ (какъ сходны по окраскѣ со снѣжнымъ просторомъ полярныя звѣри и птицы) незамѣтно несетъ въ эту азіатскую глушь (за полуневѣдомые пустыри) жизненные идеи о Бѣломъ Царѣ, несетъ идеи о разросшемся въ самое исполинское царство наслѣды благочестивой Бѣлокаменной, — привлекавшей къ себѣ инородческую братію «не жесточью, а лаской», — несетъ наконецъ неясныя пока идеи о томъ, что христіанскій Западъ естественно призванъ постепенно обновить черезъ насъ дряхлѣющую восточную культуру.

Въ Россіи никто еще почти и не догадывается, что за государственно полезную работу совершаютъ скромные русскіе ламаиты на разстояніи многихъ сотенъ верстъ отъ сибирской границы. Увидятъ и оцѣнятъ это во всемъ исторически важномъ объемѣ лишь послѣдующія поколѣнія.

До меня дошла вѣсть о приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ забайкальскими бурятами къ пріѣзду Обожаемаго Гостя. Они закупаютъ въ Китаѣ рѣдкости священнаго для нихъ

характера (подношеніемъ таковыхъ существу высшаго порядка очищается душа удостоеннаго столь великой чести), они съ молитвой повергнутся передъ Нимъ во прахъ, безъ различія занимаемыхъ тѣмъ или другимъ сверхъ-естественныхъ іерархическихъ степеней (у инородцевъ есть свои дальніе и близкіе «перерожденцы», отраженія Будды), они вручатъ Ему въ знакъ наисердечнѣйшаго привѣта длинныя шелковыя тканиплатки (хадаки), какими издревле по индійскимъ преданіямъ принято встрѣчать боговъ. Цѣлый степной край оживится при лицезрѣніи Первенца Цаганъ-хана. Лихими кавалькадами помчатся монгольскія наѣздницы за экипажемъ Августѣйшаго путешественника. Сладостно сложится по юртамъ вѣщая народная пѣсня о посѣщеніи Имъ забыто-глухой области...

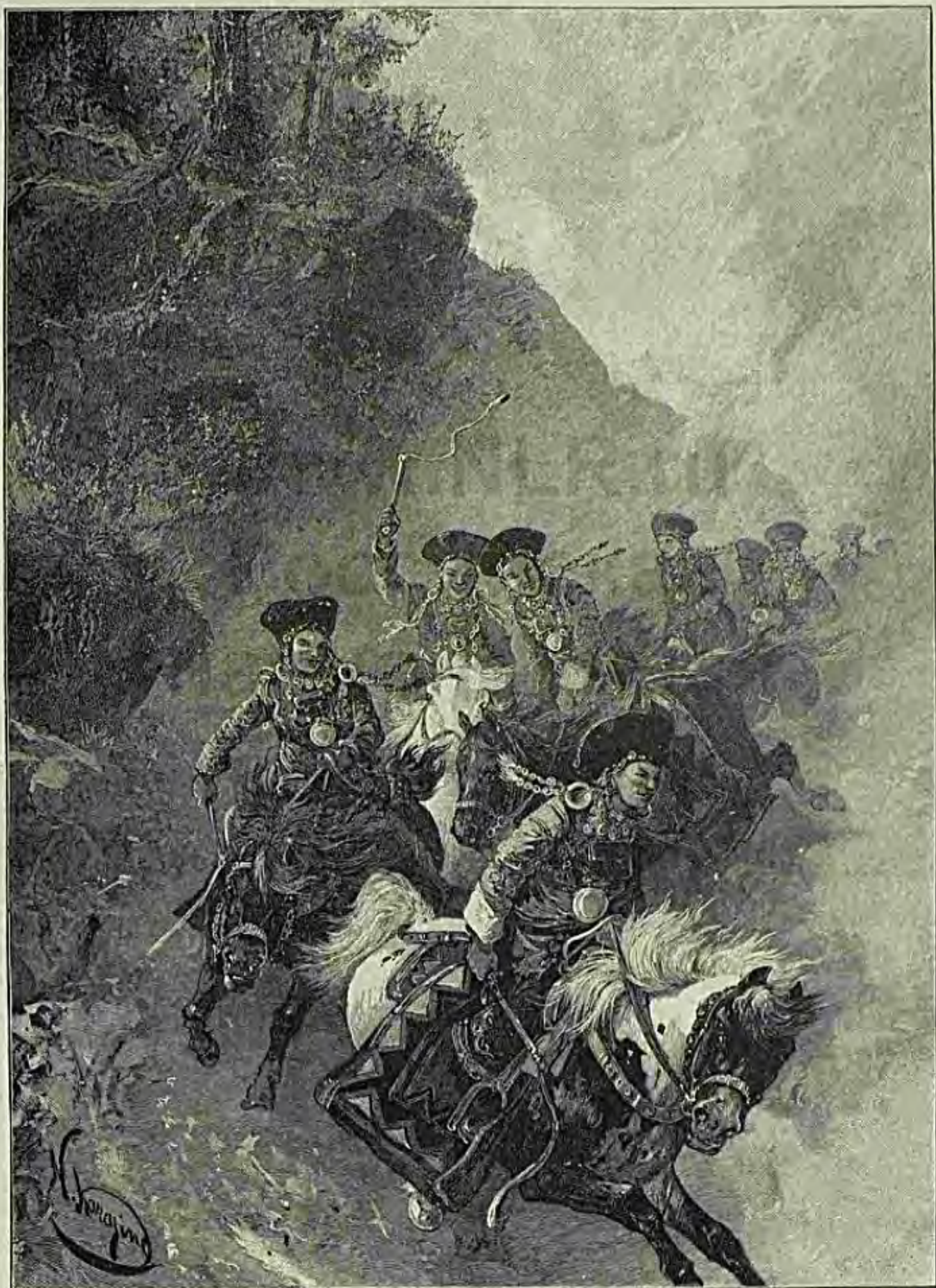
ТИБЕТСКИЙ «ПЕРЕРОЖДЕНЕЦЪ»,
ПОСѢЩАЮЩИЙ ЗАБАЙКАЛЬЕ.

А кантонскій вице-король еще спрашиваетъ, есть-ли у насъ приверженцы «желтой» вѣры «царевича-мудреца»!

Это, впрочемъ, не единственный курьезный вопросъ. Сюда какъ-то дошло извѣстіе, что въ свитѣ Наслѣдника Цесаревича находится кн. Кочубей (потомокъ Чингисханидовъ?) и что его какъ законнаго наслѣдника сверженной 500 лѣтъ тому назадъ Юаньской династіи русская эскадра не безъ умысла доставила въ китайскія воды. Должно быть, съ цѣлью вывѣдать, монголь-ли онъ и какого рода человекъ, — къ нему подходитъ одинъ изъ младшихъ мандариновъ и завязываетъ разговоръ на тѣму объ одинаковомъ съ нимъ происхожденіи: «я тоже — изъ Монголіи» черезъ переводчика замѣчаетъ Кочубею чиновникъ Ли-хан-чжана.

Тому, кто сколько-нибудь знакомъ съ нынѣшнимъ бѣдственнымъ положеніемъ этой богато одаренной страны, безпокойство китайцевъ не должно казаться страннымъ. Давно пора ввести въ ней лучшее управленіе, не столь раззорительное для населенія, — давно пора воспользоваться естественными ея условіями для развитія скотоводства въ обширнѣйшихъ размѣрахъ! Кочевники недовольны пекинскимъ игомъ. Каждый намекъ на броженіе съ ихъ стороны даже безъ видимаго повода вызываетъ подозрительныя чувства въ столицѣ Небесной имперіи.

Въ Пекинѣ и по прошествіи столѣтій не могутъ забыть частыхъ опустошительныхъ набѣговъ удалой монгольской конницы на «застѣнный» Китай, почти неспособный къ самооборонѣ. Наступленіе въ глубь степей, для погони за хищниками, рѣдко сопряжено было съ безусловнымъ успѣхомъ и во всякомъ случаѣ дорого обходилось правительству. Стоило какому-нибудь предприимчивому князю разослать по ставкамъ соотечественниковъ «циркулярныя стрѣлы» съ призывомъ къ выгодной войнѣ противъ осѣдлыхъ элементовъ богдыханскаго царства, и радостная быстроконная вольница стекалась на кличъ отовсюду (отъ восточныхъ туркестанскихъ оазисовъ до рубежей Кореи). Мандарины пробовали подарками задобрить трудно уловимаго врага, — подступавшаго врасплохъ къ самому центру государства, — пробовали организовать своего рода «казачество» на степныхъ окраинахъ, — устраивали монголамъ ярмарки для сбыта лошадей и скота главнымъ образомъ за хлѣбъ и бобы (кромѣ другихъ менѣ прельщавшихъ товаровъ); но кочевникъ

ЗАБАЙКАЛЬСКІЯ АМАЗОНКИ.

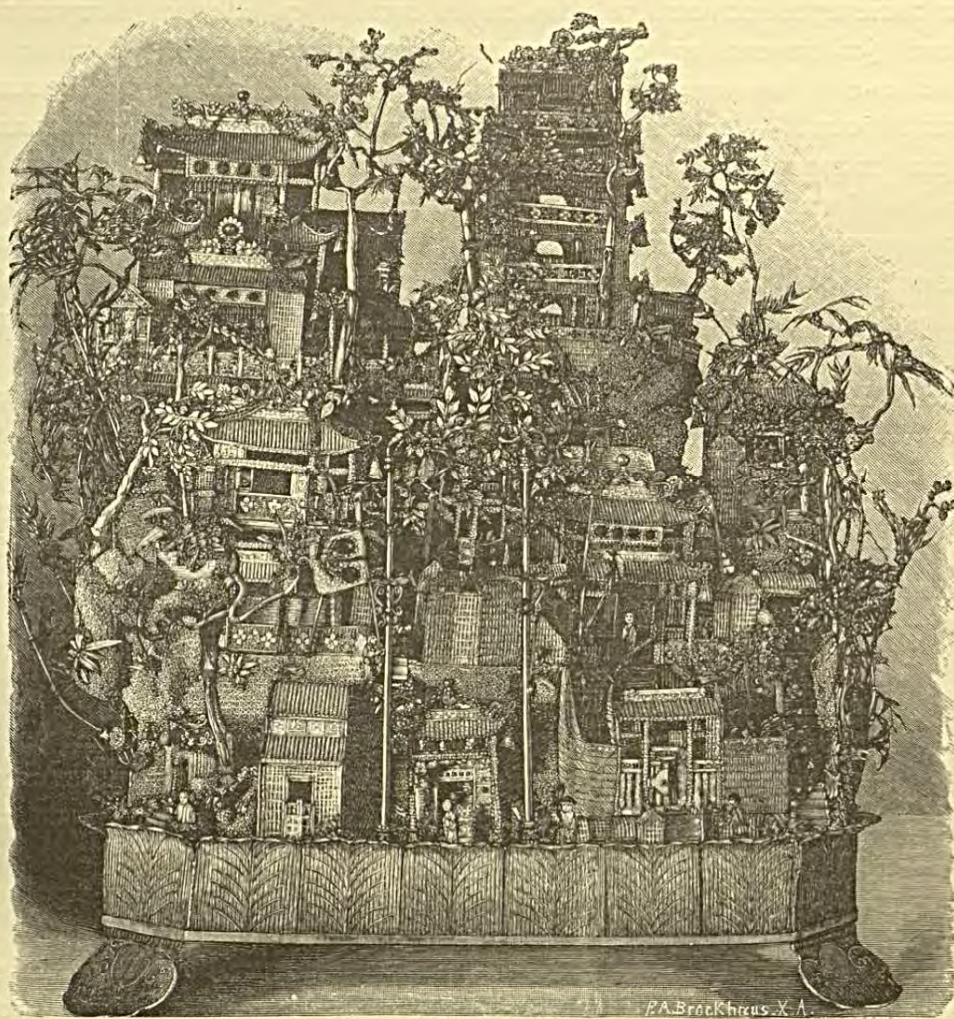
бралъ жалованье и считалъ его чуть-ли не данью. Для созданія полезнаго пограничнаго войска изъ пахарей не существовало подходящей боевой силы вроде нашей, въ смыслѣ же экономической зависимости имперія гораздо болѣе нуждалась въ естественныхъ богатствахъ Монголіи, чѣмъ послѣдняя въ культурномъ югѣ, лежавшемъ у ея ногъ.

Августѣйшіе путешественники подъ звуки музыки съ «Азова» завтракаютъ въ особомъ павильонѣ (съ видомъ на садъ) у кантонскаго вице-короля. Богатые китайцы — тончайшіе гастрономы по призванію и учтивѣйшіе хозяева въ мірѣ. Разказы о томъ, чѣмъ питается народъ, — описанія кантонскихъ съѣстныхъ лавокъ, гдѣ продаются совы и ящерицы (для поправляющихся больныхъ), конина и водяныя змѣи, вяленыя крысы (для роста волосъ и обостренія слуха), кошки и специально откармливаемая порода собакъ, жирное мясо коихъ должно предохранять отъ изнурительнаго дѣйствія жары, — ничего еще не доказываютъ. Кто можетъ, — а главное кто хочетъ, — и тамъ крайне разборчивъ въ кушаньяхъ. Поваренное искусство въ Небесной имперіи не уступаетъ европейскому. Надо только привыкнуть къ употребленію въ слишкомъ значительной дозѣ масла, лука и чеснока. Европейецъ съ самымъ прихотливымъ вкусомъ найдетъ, чѣмъ полакомиться на хорошемъ туземномъ обѣдѣ. Продукты свозятся къ столу богачей изъ Персидскаго залива и Зондскаго архипелага, изъ Индіи и Сіама. Первое мѣсто въ числѣ деликатесовъ занимаютъ соленыя цыплята, необыкновенно поджаренныя утки, рыбы подъ сладкимъ соусомъ, бомбейскіе плавники акулъ въ куриномъ супѣ, лежалыя голубиныя яйца въ крутую, разведенныя въ горячей водѣ полупрозрачныя ласточкины гнѣзда (изъ птичьей слюны, выдѣляемой птичками отъ принятія въ пищу разныхъ морскихъ зарослей), тщательно очищенныя отъ перышекъ и вываренныя до нѣжнаго нефритоваго цвѣта. Это весьма питательное блюдо на вѣсъ золота цѣнится китайцами, ибо добываніе ихъ (преимущественно малайцами въ юго-восточныхъ предѣлахъ Индійскаго океана) связано чуть-ли не съ опасностью для жизни и во всякомъ случаѣ съ огромнѣйшими трудностями. Наслѣдственно занимающіеся промысломъ смѣльчаки поднимаются по крутымъ скалистымъ обрывамъ надъ kloкочущей пучиной до разсѣлинъ, гдѣ бѣдныя пернатые вьютъ себѣ жилье, опускаются въ упорнѣйшихъ поискахъ за нимъ до мрачной глубины прибрежныхъ пещеръ и т. д.

Образцы мѣстнаго лакомства подаются и сегодня за столомъ Ли-хан-чжана, хотя половина завтрака заказана на европейскій ладъ. У нашихъ приборовъ (кромѣ вилокъ, ножей и ложекъ) положены также палочки изъ слоновой кости. Престарѣлый генералъ-губернаторъ съ изысканной восточной вѣжливостью угощаетъ Ихъ Высочества. Въ типичномъ братѣ знаменитаго канцлера Небесной имперіи столько достоинства и въ тоже время умѣнья предупредительно держать себя по отношенію къ Царственному иноземцу, что можно только съ одобреніемъ отозваться о китайскомъ этикетѣ и тактѣ. Впрочемъ, въ кантонскомъ вице-королѣ навѣрно сквозятъ и расовыя черты. Вся его семья (чисто туземнаго, не маньчжурскаго происхожденія) отличается выдающимися административными способностями. Будучи простаго званія, сыны ея самостоятельно достигли важныхъ должностей. За это высоко чтится женщинами Китая сѣмѣйная хорошо ихъ направить мать!

Когда Ли-хан-чжанъ еще былъ правителемъ хубэйскаго края и жилъ на рѣкѣ Янъ-цзы, его посѣтила извѣстная тибетская экспедиція графа Бѣла Сэчени и старикъ ей будто-бы высказывалъ свои чувства непріязни противъ Россіи. Если такъ, то тѣмъ

отрадно видѣть сегодня именно его поднимающимъ обѣими руками бокалъ за здоровье Государя Императора (титулъ Его согласно трактатамъ по-китайски звучитъ одинаково съ наименованіемъ «Сына Неба» — Shêng Chu Hwang-ti, святой владыка и государь), за долгую крѣпкую дружбу двухъ великихъ смежныхъ государствъ, за процвѣтаніе нашихъ царствъ, — наконецъ въ честь принца Георгія даже за невѣдомую Дальнему Востоку маленькую Грецію и ея короля. Наслѣдникъ Цесаревичъ отвѣчаетъ тостомъ за его вели-

ПАГОДА СТАРОКИТАЙСКОЙ ФИЛЕГРАНОВОЙ РАБОТЫ.

чество богдыхана и процвѣтаніе Небесной имперіи. Переводчикомъ рѣчей искусно служитъ А. С. Ваховичъ. Завтракъ затягивается до четырехъ часовъ.

Вторникъ, 26 марта (8 апрѣля).

Вчера вчеромъ Августѣйшіе путешественники въ сопровожденіи г. Эмбо-Хюара присутствовали на представленіи заѣзжаго японскаго цирка въ чертъ принадлежащаго Франціи незастроеннаго Шамина. Труппа изъ императорскаго Токіо почему-то величаетъ себя «royale». Она продѣлываетъ дѣйствительно замѣчательныя штуки. Милovidныя япон-

скія дѣвушки (Садакичи и Кику) не хуже любыхъ западныхъ гимнастокъ и эквилибристокъ показываютъ свое искусство, дающее имъ тѣ средства, которыя нѣмцы справедливо характеризуютъ словами «ein schweres Geld»!

Сегодня утромъ Ихъ Высочества отправляются пѣшкомъ черезъ европейскій кварталъ въ лучшія лавки, гдѣ насъ по обычаю угощаютъ желтымъ чаемъ и показываютъ изумительный по качествамъ товаръ, среди котораго главную роль играютъ нѣжныя финифтяныя произведенія (émaux cloisonnés) съ чисто арабскимъ орнаментомъ, яркія узорчатая ткани и фарфоръ. Степенные купцы (въ синихъ кофтахъ и бѣлыхъ шароварахъ, — съ полновѣсными косами, перевитыми шелкомъ) ни малѣйшимъ движеніемъ не подають повода думать, что они заинтересованы объемомъ покупокъ.

На обратномъ пути Великій Князь удостоиваетъ принять завтракъ въ домѣ французскаго консула. При этомъ любуеться еще разъ островкомъ, уступленнымъ китайцами колоніи «бѣлыхъ», съумѣвшихъ прекрасно устроиться на песчаной отмели. Тѣнистые газоны Шамина прорѣзаются дорожками, крытыми чунамомъ, подобіемъ асфальта. Церковь, домики, конторы утопаютъ въ сочной зелени. Одно горе удручаетъ иностранцевъ: глухая, непримиримая вражда кантонцевъ. Хотя послѣдніе и сдерживаются по ночамъ стражей на мостахъ, но каналы подъ ними такъ узки и до того запружены лодками, что черни ничего не стоитъ по суху перебѣжать en masse, — когда угодно, — къ жилищамъ европейцевъ.

Гостепріимная г-жа Эмбо-Хюаръ, сама уроженка Востока, выказываетъ при посѣщеніи консульскаго дома столько же обаянія какъ и ея необыкновенно симпатичный мужъ. Вотъ молодой дѣятель, которымъ Франція и синологія въ правѣ искренно гордиться! Его ученые труды (о походахъ китайскаго войска въ Бирму и Нѣпаль, о китайскомъ Туркестанѣ и дунганахъ, о первомъ даосійскомъ іерархѣ, о мусульманскихъ возстаніяхъ въ предѣлахъ Китая, о туземной поэзіи съ XIV вѣка по нашъ), его учебники китайскаго и корейскаго языка, его путевыя и литературныя замѣтки стяжали ему съ двадцатилѣтняго возраста громкую и вполне заслуженную извѣстность. Теперь г. Эмбо-Хюаръ готовится издать (при помощи этнографа Хами и библіографа Кордье) капитальное сочиненіе о Формозѣ.

ПО РѢКѢ ЯНЪ-ЦЗЫ.

Всего полтора мѣсяца остается до вступленія въ русскія воды. Какъ незамѣтно должны промелькнуть эти недѣли при интересномъ обзорѣ *à vol d'oiseau* внутреннихъ областей Небесной имперіи и при очаровательнѣйшихъ экскурсіяхъ, намѣченныхъ всюду по Японіи!

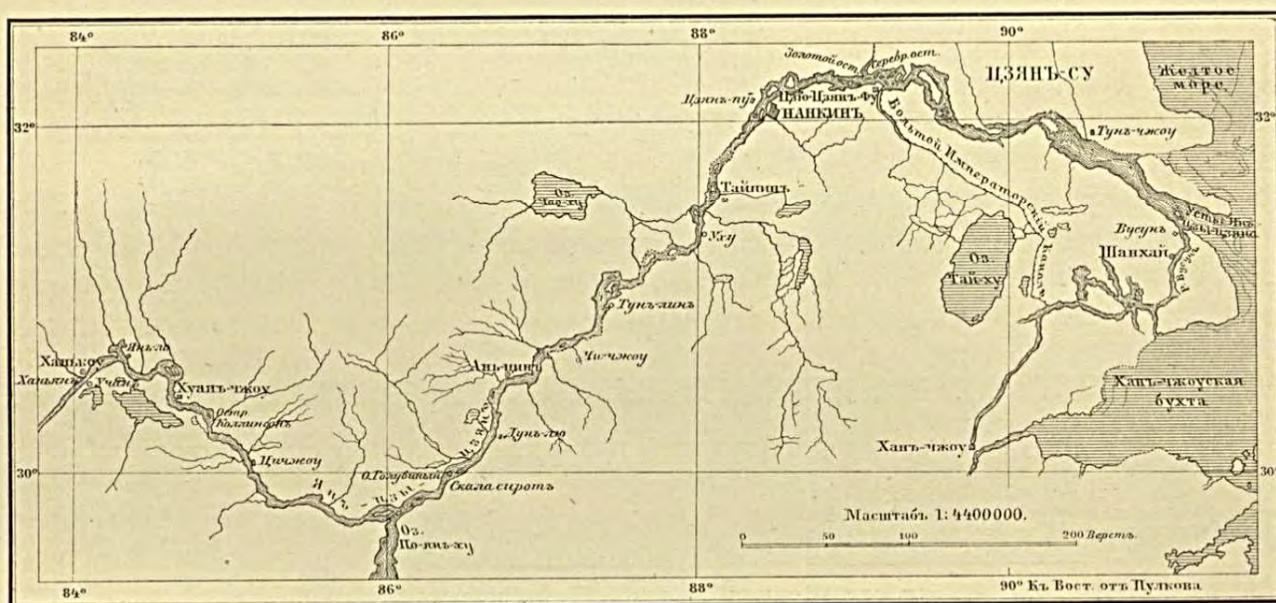
Согласно желаніямъ и просьбѣ Ли-хан-чжана нашъ «Kiang-Kwan» при возвращеніи въ Гонконгъ (27-го марта) останавливается у острова Вампоа, дабы Е. И. Высочество мелькомъ взглянуть на юныхъ китайцевъ, обучающихся тамъ искусству защищать отечество болѣе совершенными способами чѣмъ тѣ, что были пригодны при нападеніи въ средніе вѣка, при нападеніи японскихъ и зачастую дружившихъ съ ними своихъ собственныхъ пиратовъ. За недостаткомъ времени, мы къ сожалѣнію не подыдемъ до Чжи-фу, представляющаго отчасти средоточіе лучшихъ по организаціи войскъ (въ распоряженіи могущественнаго канцлера), и не увидимъ его внушительныхъ по размѣрамъ броненосцевъ. По кантонскимъ попыткамъ подражать созидаемому на родномъ сѣверѣ, конечно, трудно судить о достигаемыхъ богдыханскимъ правительствомъ результатахъ.

Здѣшняя военно-морская школа помѣщается, гдѣ прежде были доки одной богатой гонконгской компаніи. Инструкторами являются нѣмецкіе офицеры. Молодымъ китайцамъ преподаются тактика и минное дѣло. Близъ училища находится нѣсколько торпедныхъ лодокъ (со штетинскаго завода «Вулканъ»), вооруженныхъ шварцкопфовскими снарядами. Кромѣ того воспитанники могутъ практически знакомиться съ фортификаціей въ дельтѣ и около устья рѣки. Тамъ, по мѣрѣ силъ, все приспособляется (при помощи европейскихъ инженеровъ) къ обстрѣливанью фарватера и настильной стрѣльбѣ. Благодаря упорному стремленію «заморскихъ варваровъ» ворваться въ страну, жители прониклись сознаніемъ, что надо отражать противника его же оружіемъ.

Громоздкія цѣпи запирали прежде пресловутую «Пасть тигра». Это было въ ту наивную эпоху, когда подданные богдыхана еще мнили себя образованнѣе и могущественнѣе другихъ народовъ. «Бѣлые» пришлецы, являясь сюда съ торговыми цѣлями, нисколько

не помогали престижу христіанскихъ націй. Моряки, опьяненные крѣпчайшей рисовой водкой, страшно безчинствовали тогда у Вампоа, врывались въ кумирни, издѣвались надъ идолами. Мѣстные власти съ презрѣніемъ относились къ невѣжеству «дикихъ» людей... и терпѣли. Въ концѣ концовъ на Западѣ сложилось твердое убѣжденіе, что миролюбивый Китай не заслуживаетъ инаго отношенія какъ грубѣйшее насиліе. Когда онъ съ теченіемъ времени попытался стать на ноги, ему сразу дали понять, что не считаютъ или точнѣе не желаютъ считать его равноправнымъ съ политически молодыми государствами. Подобная несправедливость рѣзко бросается въ глаза. Почему напр. правительство Соединенныхъ Штатовъ отказывало ему около 1878—1881 годовъ въ пріемѣ его молодежи въ американскія военно-морскія школы, между тѣмъ какъ одновременно туда допускались японцы?

Августѣйшіе путешественники внимательно осматриваютъ зданіе училища, обходятъ классы, присутствуютъ даже при маршировкѣ «длинноколыхъ» кадетъ. Во всемъ, что

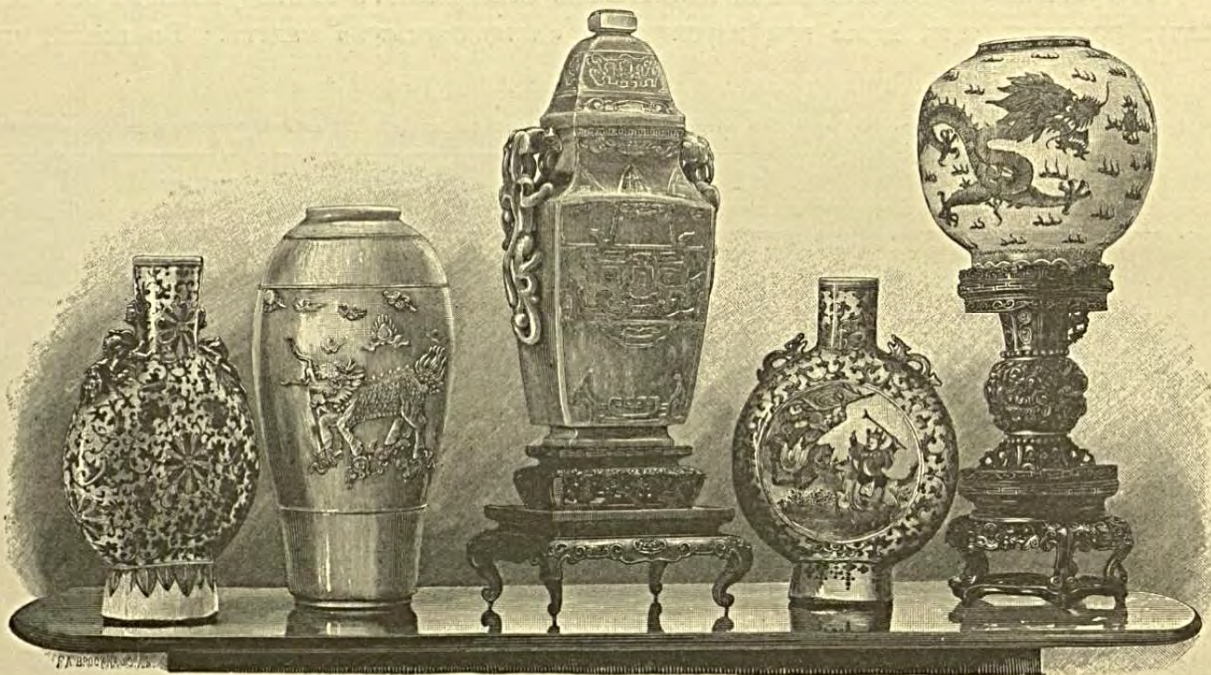

ихъ здѣсь касается, видно много добраго намѣренія и старанія, но совершенно отсутствуетъ военный духъ. Сыны Небесной имперіи до того несклонны по природѣ и по жизненному строю къ милитаризму, что никакіе инструкторы не привьютъ имъ его въ широкихъ размѣрахъ.

Ученики военно-морской школы облечены въ синее, съ красными и зелеными продолженіями. Головной уборъ иныхъ украшенъ перьями низшаго достоинства. Званіе солдата не пользуется уваженіемъ среди китайцевъ, причисляется къ разряду низшихъ ремеслъ. Офицеры до сихъ поръ въ большинствѣ случаевъ получаютъ мѣста по протекціи или попросту за деньги, выказавъ тѣлесную крѣпость и ловкость. Для болѣе быстраго прохожденія чиновъ прежде всего требуется умѣніе хорошо ѣздить верхомъ, мѣтко стрѣлять изъ тугаго лука, бороться, подымать и бросать тяжелые камни. Было время, что китайскіе «богатыри» побѣдно проходили почти цѣлую Азію!

Вторичная стоянка на рейдѣ Гонконга продолжается два дня. Въ это время (29-го марта стараго стиля, въ 11 часовъ утра) Августѣйшіе путешественники предпринимаютъ поѣздку инкогнито (въ сопровожденіи всего нѣсколькихъ лицъ свиты) по набережной (Прауа) къ живописной «Счастливой долинкѣ», смежной съ восточнымъ предмѣстьемъ города, — гдѣ нѣкогда находилась китайская деревня Wong-nei-chong, а теперь тянется арена скачекъ и бѣлѣютъ ограды нѣсколькихъ кладбищъ (христіанскихъ вѣроисповѣданій, мусульманскаго и парсійскаго, ибо огнепоклонникамъ здѣсь не дозволено выставять мертвецовъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ).

..... Мы къ катерѣ Наслѣдника Цесаревича отваливаемъ отъ «Азова». Могучіе веселые взмахи быстро рѣжутъ влагу. Молодцеватый сикхъ (въ желтоватой формѣ, съ красною чалмой) отдаетъ Ихъ Высочествамъ честь на пристани «Peddar's Wharf». спосо-

ИЗЪ КИТАЙСКИХЪ КОЛЛЕКЦІЙ Е. И. ВЫСОЧЕСТВА.

бомъ дальнѣйшаго передвиженія выбираютъ заимствованныя изъ Японіи, чуть-ли не тамъ же изобрѣтенныя колясочки «джинрикши» (что буквально значитъ «сила-телѣжка-человѣкъ»), которыя неутомимо везутъ (почти бѣгомъ!) крѣпконогіе туземцы. Первое впечатлѣніе отъ своего рода «ѣзды на людяхъ» въ высшей степени странно, непріятно и даже зазорно. Положимъ, желтая раса сама примѣнила и развила этотъ промыслъ, хоть и скудно оплачивающій физическіе труды бѣдноты. Въ «странѣ восходящаго солнца» онъ еще болѣе признанъ, какъ говорятъ, желательнымъ и подходящимъ. По гонконгскимъ улицамъ, между прочимъ, постоянно видишь катающихся такимъ образомъ португалокъ, закутанныхъ въ черныя шали, и ярко разряженныхъ японокъ. Оно, можетъ быть, дѣйствительно удобно и вполне соотвѣтствуетъ туземному взгляду на вещи; но привыкаешь къ нему далеко не сразу и отъ души жалѣешь китайца, замѣняющаго упряжную тварь (при скорости десяти верстъ движенія въ часъ). Участь «куліевъ» тутъ вообще не завидна. Оріенталисты спорятъ пока относительно происхожденія этого слова: одни его производятъ отъ обнищавшихъ раджпутровъ «коліевъ» (въ Гуджератѣ), другіе отъ тамиль-

скаго «кули» (жалованье) въ южной Индіи, третью наконецъ отъ однозвучнаго турецкаго «рабъ». Не проще-ли удовлетвориться сочетаніемъ краснорѣчивыхъ по значенію китайскихъ гіероглифовъ «ку» (горечь) и «ли» (сила, напряженіе)?

Золотистое шоссе вдоль берега, избранное Великимъ Княземъ для прогулки, свѣтитъ подъ яркими лучами точно лѣтомъ на Ривьерѣ. Тѣмъ призывнѣе зеленѣетъ надъ

ѢЗДА НА ЛЮДЯХЪ ВЪ ЯПОНИИ.

кипучимъ оживленіемъ впереди густая листва парковъ, насажденныхъ заботливыми властями. Вскорѣ открывается опоясанная бамбуками поляна у склона холмовъ, отведенная подъ скачки, на которыхъ преимущественно состязаются рѣзвые монгольскія лошадки. Растительность вокругъ становится все пышнѣе. Гонконгъ извѣстенъ былъ прежде своею лѣсистостью, но англичане застали его замѣтно обнаженнымъ нещадными вырубками. Благопріятныя внѣшнія условія помогли колонизаторамъ устранить это несчастье: дѣло въ томъ, что предмѣстья города и гавань снабжаются отличной водой изъ специальныхъ

резервуаровъ (Albany tanks), находящихся на полпути къ живописнымъ высотамъ «Victoria peak». Само названіе острова по кантонскому нарѣчію (Heung-keung, т. е. благовонные источники) служитъ ручательствомъ за доброкачественность здѣшней почвенной влаги. Есть, правда, другой тоже возможный переводъ: «хорошая гавань», — но первое толкованіе, пожалуй, вѣрнѣе.

Всюду проложены образцовыя дороги. Запахъ розъ, справедливо составляющихъ гордость гонконгцевъ, нѣжитъ воздухъ. До чего искусно умѣетъ обставлять себя всѣми прелестями матеріальнаго существованія стремящійся въ экзотическія страны британскій народъ!

«Нарру valley» изобилуетъ гробницами. Недаромъ колонія встарь называлась «могилою полковъ» (круглымъ счетомъ гибло чуть-ли не по одному въ три года!). Убійственный климатъ (влажный и знойный у міазмическаго побережья, сырой и холодный на возвышенностяхъ) въ связи съ холерными эпидеміями такъ и косилъ солдатъ. Не менѣе терпѣли

ПЕРЕВОЗКА РУССКИХЪ ЧАЕВЪ ПО МОНГОЛИИ.

экипажи судовъ. Въ 1843 г. полторы тысячи человѣкъ гарнизона по пяти разъ каждый перебивали въ госпиталѣ. «Бѣлое» населеніе жестоко страдало отъ лихорадокъ, вызывавшихся плохимъ устройствомъ жилья, — слишкомъ близкаго къ землѣ съ ея гнилостными испареніями отъ краснаго гранита, трескающагося подъ жгучимъ солнцемъ. Китайцы предсказывали этотъ печальный результатъ на основаніи своихъ якобы суевѣрныхъ примѣтъ.

Величавою тайною вѣетъ отъ надписи у главной кладбищенской ограды: «hodie mihi, cras tibi» (сегодня — мой чередъ, завтра — твой): довольно неутѣшительная истина для пріѣзжающихъ сюда погулять англичанъ! У входа продаются фрукты съ прохладительными напитками. Азіатамъ почему-то безусловно воспрещенъ доступъ къ надгробнымъ плитамъ европейцевъ. Птички такъ и заливаются въ цвѣтущемъ надъ могилами саду, надъ которымъ стѣной встаютъ угрюмыя скалы.

Въ данное время врачи успѣшно борются съ гонконгской маларіей, лѣча больныхъ мышьякомъ или ледяными компрессами. Процентъ смертности уже не пугаетъ. Однако это еще ничего не доказываетъ: просто-напросто занемогшіе уѣзжаютъ скорѣе чѣмъ прежде домой, надорвавшихъ же себѣ здоровье навѣрно нисколько не меньше!

Изъ «Счастливой долины» Августѣйшіе путешественники возвращаются въ Викторію по иному направленію, — не вдоль залива, а по такъ-называемой «королевской улицѣ»...

Экскурсія наканунѣ (на гору, осѣняющую городъ) представляла гораздо больше интереса. Достиженіе «Victoria peak» значительно облегчается устройствомъ съ 1888 г.

РУССКАЯ ЧАЙНАЯ ФАБРИКА ВЪ ХАНЬКОУ.

узенькой цѣпной желѣзной дороги, почти отвѣсно поднимающей и спускающей открытые по сторонамъ вагончики при помощи безконечнаго металлическаго каната: поѣздъ, идущій внизъ, тянетъ другой наверхъ. Ощущеніе на крутизнѣ, когда висишь надъ бездной, не изъ пріятныхъ. Подобное десятиминутное путешествіе безусловно неопасно: порвись даже канатъ, вагоны можно будто-бы затормозить безъ малѣйшаго замедленія. Гора, —

на которую совершился подъемъ, — сплошь изрѣзана рытвинами, лощинами и оврагами. По нимъ въ дождевую пору столь неистово низвергаются воды, что лишь съ трудомъ удаётся предотвращать ихъ разрушительное дѣйствіе.

На вершинѣ (около 2000 футовъ надъ уровнемъ моря) помѣщается первоклассный отель, — гдѣ Ихъ Высочества завтракали, любясь безподобнымъ видомъ на городской муравейникъ внизу и на желтѣющій грудями утесовъ архипелагъ, окаймленный глубокою бирюзою волнъ и тумана. Если посмотрѣть въ бинокль, то большія грузящіяся суда на рейдѣ кажутся каждое ульемъ, облѣпленнымъ пчелами (сампанами). Мѣстами среди пустынныхъ островковъ вдали выдѣляются восхитительныя бухточки, глядя на которыя невольно повторяешь слова поэта (графа Бутурлина):

Безъ волнъ и парусовъ заливъ забыть движеніе,
Серебрянымъ щитомъ межъ синихъ скалъ гора.

ПРИМИТИВНАЯ ПРЕССОВКА ЧАЯ.

Зажиточный элементъ Гонконга часто ищетъ отдыха и прохлады на «Victoria peak». Оранжерейная температура побережья слишкомъ быстро изнуряетъ непривычныхъ. Но и наверху есть тѣневая сторона жизни. Сырость (въ связи съ густой волокнистой мглой, подолгу покрывающей пикъ) плѣсенью ложится на вещи, портитъ бумагу и платье, требуетъ постоянной просушки ихъ у камина, наводитъ на европейца нестерпимую хандру.

Столь спокойная въ данную минуту гавань периодически подвергается жесточайшимъ опустошеніямъ «тайфуновъ» (отъ «тайвань», большой вѣтеръ), дующихъ съ Формозы. Грозное дуновеніе ихъ обрушивается преимущественно на городъ Викторія, щадя до нѣкоторой степени смежный материкъ. Когда убогое лодочное населеніе по достовѣрнѣйшимъ примѣтамъ узнаетъ о приближеніи бѣдствія, то стремительно спасается именно туда: подъ сѣнь родной земли.

По силѣ и продолжительности ураганы превосходятъ здѣсь все, что можетъ себѣ представить воображеніе. Колонія неразъ страдала буквально какъ отъ страшнѣйшей бомбардировки.

Даже внутреннее убранство домовъ разбивалось въ дребезги. Отъ зеркалъ и картинъ оставалась безформенная груда. Ставни бывали оторваны съ самаго начала, и потому грабители свободно проникали по ночамъ въ зіяющія окнами хоромы «бѣлыхъ». Ни за какія деньги не нанять было на первыхъ порахъ ни столяра, ни каменщика. Черепицы для крышъ продавались на вѣсъ золота. Однажды у острога и у губернаторской резиденціи на горѣ снесло кровли. Великолѣпные башенные часы ратуши (близъ главной пристани) испортились. Массу деревьевъ или вырвало съ корнемъ, или совершенно изломало, обнаживъ отъ коры. Телеграфныя линіи (между прочимъ и подводный кабель) пришли въ негодность. Въ какой-то кумирнѣ рухнули стѣны и народъ ахнулъ, увидавъ, что боги недвижно усидѣли надъ алтаремъ.

Еще хуже свирѣпствовала буря въ Макао. Тысячи китайцевъ, живущихъ на водѣ, истерзанными трупами очутились на сушѣ. Цѣлый пароходъ далеко выбросило на берегъ.

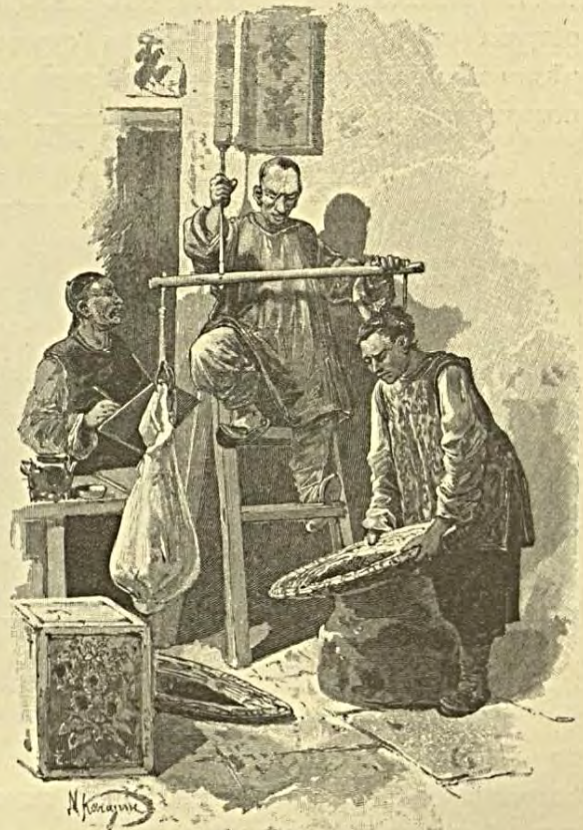
При спускъ съ горы по желѣзной дорогѣ зданія внизу представились намъ совершенно накрененными: чтобы разсѣять оптическій обманъ, приходилось сильно нагибать голову впередъ. Только тогда очертанія выпрямлялись въ прозрачно-лучезарномъ воздухѣ.

Во время второй стоянки Е. И. Высочество изволилъ посѣтить гонконгскіе магазины рѣдкостей, расположенные на главной такъ-сказать основной улицѣ города (Queen's road), вдоль которой для прохлады тянутся крытыя колоннады. Окна богатыхъ лавокъ въ противоположность кантонскимъ снабжены стеклами, ибо мѣстная чернь въ значительной степени состоитъ изъ отъявленныхъ плутовъ со всей Небесной имперіи. Они ухитряются съ рѣдкой изворотливостью доставать концемъ длинныхъ палокъ тщательно высмотрѣнные предметы, подвѣшенные ближе къ внѣшней стѣнѣ, и, нанизавъ добычу, стремительно скрываются съ нею. Сокровища, выставленные тутъ на продажу, еще замѣчательнѣе видѣнныхъ нами на Жемчужной рѣкѣ. Правда, это объясняется громаднымъ спросомъ на вещи со стороны мимолетныхъ туристовъ!

Испытываешь большое эстетическое наслажденіе, глядя на драгоцѣннѣйшую филеграновую работу, серебряные сервизы, вѣера изъ слоновой кости, съ узорчатой отдѣлкой, шахматы, шкафы различной величины, тонкую рѣзную мебель изъ дерева съ Борнео, изящныя корзинки для цвѣтовъ, бронзовыя курильницы, гигантскія вазы и вышивки всевозможныхъ цвѣтовъ, маленькія крайне отчетливыя модели судовъ, повозокъ, разныхъ производствъ и т. п. Многія вещи привезены изъ Японіи. Изъ мѣстныхъ украшеній (шпилекъ, булавокъ, браслетовъ, брошекъ) наиболѣе оригинальны словно эмалированныя издѣлія, въ сущности такъ-сказать засыпанныя цвѣтною пылью (со вклеенными кромѣ того въ ихъ поверхность перышками райскихъ птицъ). Къ пріѣзду Наслѣдника Цесаревича здѣшніе купцы естественно постарались сгруппировать побольше достопримѣчательностей туземнаго производства.

На гонконгскомъ рейдѣ намъ опять (какъ столь часто во время путешествія!) приходится видѣть однажды изумительной красоты закатъ. Магическое сочетаніе оттѣнковъ свѣта въ этотъ вечеръ неподражаемо гармонично. Небо изъ оранжеваго становится жемчужно-серебристымъ. Корабли и раскинувшія парусъ джонки на заливѣ окутываются прозрачною мглою. Горныя вершины надъ «гранитнымъ» городомъ горятъ еще нѣкоторое время въ оправѣ изъ облачковъ-рубиновъ. Затѣмъ эти тона начинаютъ меркнуть, переливаются въ фіолетовый и желтый цвѣтъ, послѣдній разъ вспыхиваютъ червленымъ золотомъ и гаснутъ

Въ пятницу, 29-го марта (10 апрѣля) русская эскадра покидаетъ при отличной погодѣ Гонконгъ. Китайцы на джонкахъ любезно провожаютъ насъ несмолкающимъ

ВЗВѢШИВАНІЕ ЧАЯ.

оглушительнымъ трескомъ петардъ, которыя должны отгонять съ пути всякую напасть, наводя страхъ на нечистыя силы. Переходъ сопровождается однако столь упорными туманами, что нашимъ судамъ нельзя идти ни строемъ клина, ни кильватерною колонной, — а приходится безопасности ради постепенно разбиться и довольно медленно слѣдовать почти совершенно врозь. Въ связи съ неровной качкой два-три дня плаванія на этотъ разъ далеко не принадлежатъ къ числу пріятныхъ. Говорятъ, впрочемъ, подобное явленіе обычно въ Формозскомъ проливѣ! Какая-то бѣлесоватая мгла постоянно вставала тутъ и тамъ надъ водой, расплзалась по ней и густѣла, обращалась въ огромную клубящуюся гряду, широкимъ кольцомъ опоясывала «Азовъ», наступала все зловѣщѣе, такъ-сказать давила своею отвратительною безформенностью . . . Но вдругъ зыбая стѣна окрестъ точно проваливалась въ море, изъ него живописно подымались на встрѣчу намъ скалистые острова съ дробящимся о камни сурово стонущимъ прибоемъ. Затѣмъ картина снова рѣзко мѣнялась: туманные глыбы снова незамѣтно подкрадывались, стягивались, суживали поверхность волнъ у бортовъ фрегата. Вскорѣ опять невозможно было ничего различать

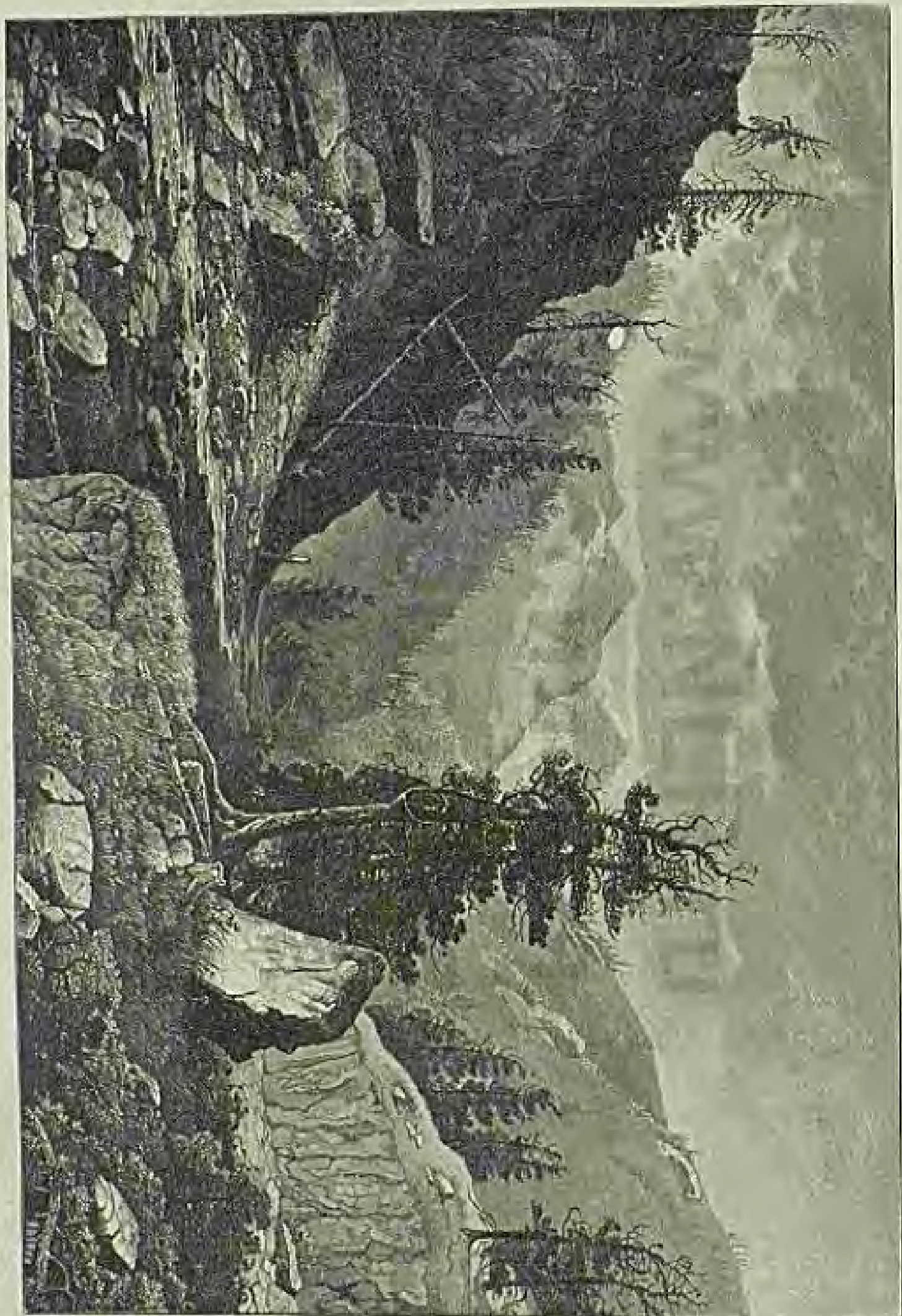

ЧАЙ НА ПУТИ ВЪ КЯХТУ.

по сторонамъ. Протяжною жалобою хватая за сердце, «пѣли» или точнѣе голосили «сирены» (судовые предостерегающіе сигналы) и, когда стихалъ ихъ ревъ, подъ окружающею безцвѣтною пеленой чувствовалось тяжелое дыханье угнетеннаго океана. Изъ-за облаковъ по временамъ силилось прорваться горячее солнце, оно скользило робкими свѣтовыми полосами по сводамъ нашей темницы и не проникало ихъ . . . Удивляться надо одному, какъ не отстали отъ насъ ни на минуту оба китайскихъ конвоира, ухитрившіеся обходиться безъ свистковъ, по трубу зарывавшіеся порою въ бурунъ и тѣмъ не менѣе исполнившіе приказанія Ли-хун-чжана.

Тридцать перваго мы приблизились къ устью рѣки Минь, въ ожиданіи депутаціи отъ двухъ русскихъ фирмъ города Фу-чжоу, занимающихся экспортомъ байховаго съ зеленымъ и приготовленіемъ кирпичнаго чая (между прочимъ онѣ еще съ убыткомъ пробуютъ сбывать сюда изъ Одессы сукно и сахаръ, крымское вино и свѣчи). Чайное дѣло у тамошнихъ купцевъ за послѣдніе годы что-то худо спорится. За пасмурностью пароходъ, нанятый бѣднягами-соотечественниками для привѣтствованія Высокаго Гостя у своего побережья, нигдѣ не находитъ насъ. Въ концѣ концовъ «Азовъ», промедливъ изъ-за нихъ немало часовъ, направляется дальше.

НА РУССКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ.

Среда, 3 (15) апрѣля.

Вчера мы бросили якорь на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ миль отъ Шанхая, у группы «Сѣдельныхъ острововъ», посѣщенныхъ Гончаровской «Палладою». Тутъ придется на полторы недѣли проститься съ великаномъ-крейсеромъ (по случаю мелководья въ Янъ-цзы весной) и отправиться по рѣкѣ до Ханькоу на «Владивостокѣ» (Добровольнаго флота). На него уже перевозится нашъ багажъ

Сперва существовало предположеніе завернуть въ только-что упомянутый портъ, составляющій важное pendant къ Гонконгу, но въ виду крайне космополитическаго характера тамошняго населенія (городъ раздѣленъ на французскій, англійскій и американскій кварталы), въ виду господствующаго въ нихъ республиканскаго режима и отсутствія настоящихъ хозяевъ для достойнаго пріема (занятая иностранцами земля считается китайцами частью родной территоріи, — туземныя же власти слишкомъ незначительны по рангу, чтобы подобающимъ образомъ встрѣтить Царственного путешественника) на основаніи совѣтовъ адмирала Назимова рѣшено миновать шанхайскій рейдъ: иначе было бы трудно избѣгнуть недоразумѣній и немудрено кого-нибудь нечаянно обидѣть

Едва-ли въ Россіи извѣстно, что во время недавней незаконной оккупации острова Гамильтона британскіе моряки проложили оттуда кабель къ здѣшнимъ островамъ. Онъ покоится на днѣ морскомъ и въ данную минуту. Кто-то имъ рано или поздно воспользуется?!

Угрюмые берега этихъ «Saddle Islands» служатъ исключительно рыбакамъ. Военныя суда рѣдко заглядываютъ въ такую глушь.

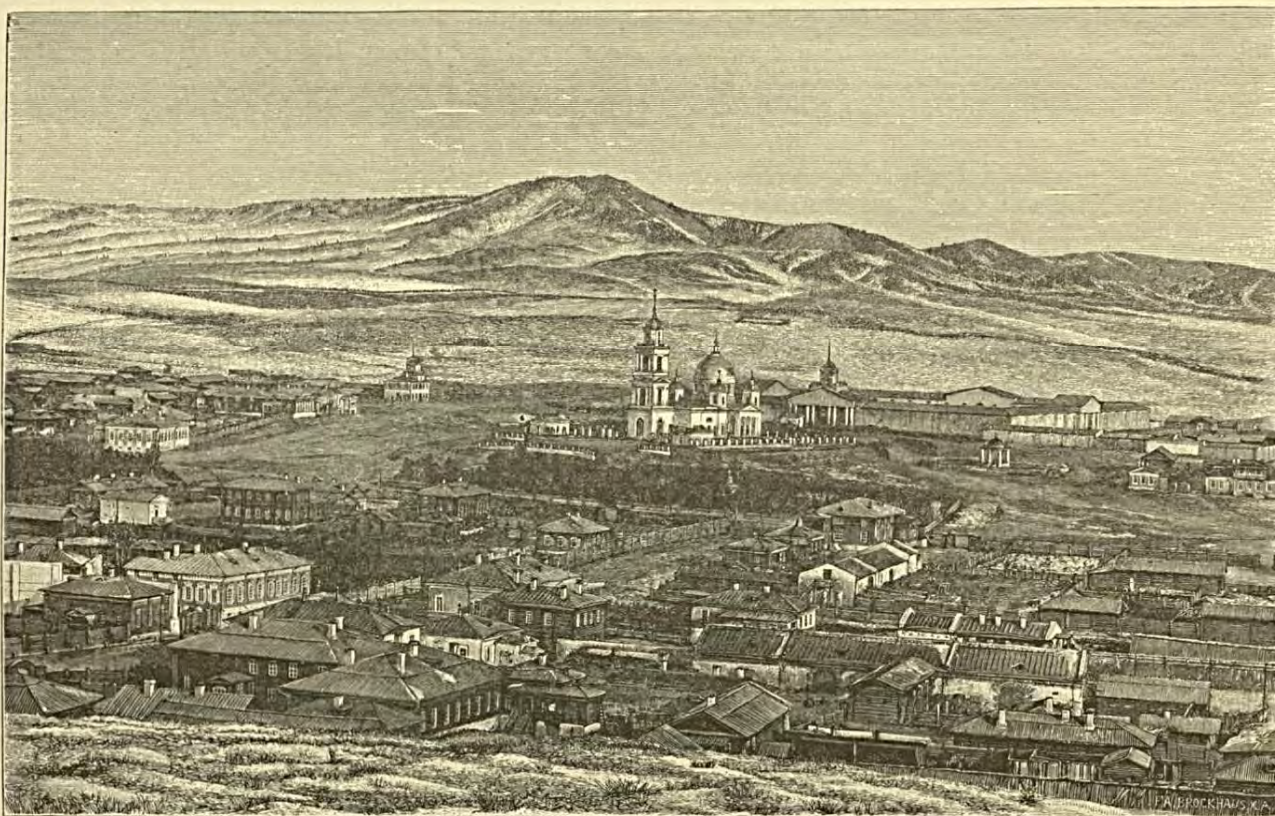
Вотъ мы съ грѣхомъ пополамъ размѣстились на тѣсномъ пароходѣ. Даже каюта Наслѣдника Цесаревича очень низка и мала. Неудобства плаванья развѣ только искупятся заботливымъ вниманіемъ «владивостокскихъ» офицеровъ (командира А. А. Остолопова, лейтенантовъ Трояна и Морозова, инженеръ-механика Акимова). Кромѣ свиты въ поѣздкѣ участвуютъ начальникъ эскадры со своимъ флагъ-офицеромъ Кладо и полковникъ Путята. Къ намъ переправляется хоръ музыкантовъ съ «Азова». Конвоирами назначены новоприбывшая сибирской флотиліи лодка «Бобръ» и «Кореецъ».

Сильная зыбъ развивается у безбрежнаго входа въ Янъ-цзы. Желто-бурая воды ходуномъ ходятъ и подъ «Владивостокомъ», и подъ нашими крейсерами, удаляющимися въ Японію. Ихъ точно подбрасываетъ на валахъ потемнѣвшаго простора. Тѣни титановъ довольно быстро тонутъ въ отдаленіи. Качка слабѣетъ. Низменная суша слабо обрисовывается впереди. Мутное теченіе, на разстояніи 4500 верстъ пронесшее зародыши плодородія отъ возвышенностей Тибета до Великаго океана, понемногу свѣтлѣетъ въ своемъ руслѣ и становится какъ-бы равномѣрнѣе.

Когда русскихъ пословъ въ старину снаряжали на Востокъ, имъ приказывали развѣдать въ каждой странѣ, «каковы тамъ бой и торгъ». Въ наши дни тутъ это все до мелочей извѣстно. О военномъ дѣлѣ у китайцевъ, столь тихо прогрессирующемъ въ теченіе вѣковъ, пессимистически могутъ судить даже не офицеры изъ среды европейцевъ. Ясно какъ Божій день, что народъ Конфуція не понимаетъ мудраго изреченія: «если хочешь мира, будь готовъ къ войнѣ». Онъ жаждетъ перваго, но не въ состояніи твердо стремиться ко второму. Иначе обстоитъ вопросъ объ экономическомъ развитіи туземныхъ

элементовъ и о выгодахъ, представляемыхъ возможностью болѣе тѣснаго общенія Запада съ имперіей Сына Неба. Гдѣ же какъ не въ сердцѣ ея естественнѣе всего убѣдиться въ рессурсахъ гигантскаго государства?!

Многое приходится намъ узнать и замѣтить во время десятидневнаго пребыванія на могучей китайской рѣкѣ. Въ виду ея коммерческаго міроваго значенія, арена для наблюденія — гораздо шире, чѣмъ напр. на относительно уединенномъ Нилѣ. По рѣкѣ безпрестанно попадаютъ типичныя джонки различной формы и величины (съ пестрыми или красными выпелами и флагами новаго четырехугольнаго или стараго треугольнаго образца, на которыхъ изображенъ синій драконъ на желтомъ полѣ). Издали онѣ положительно

КЯХТА.

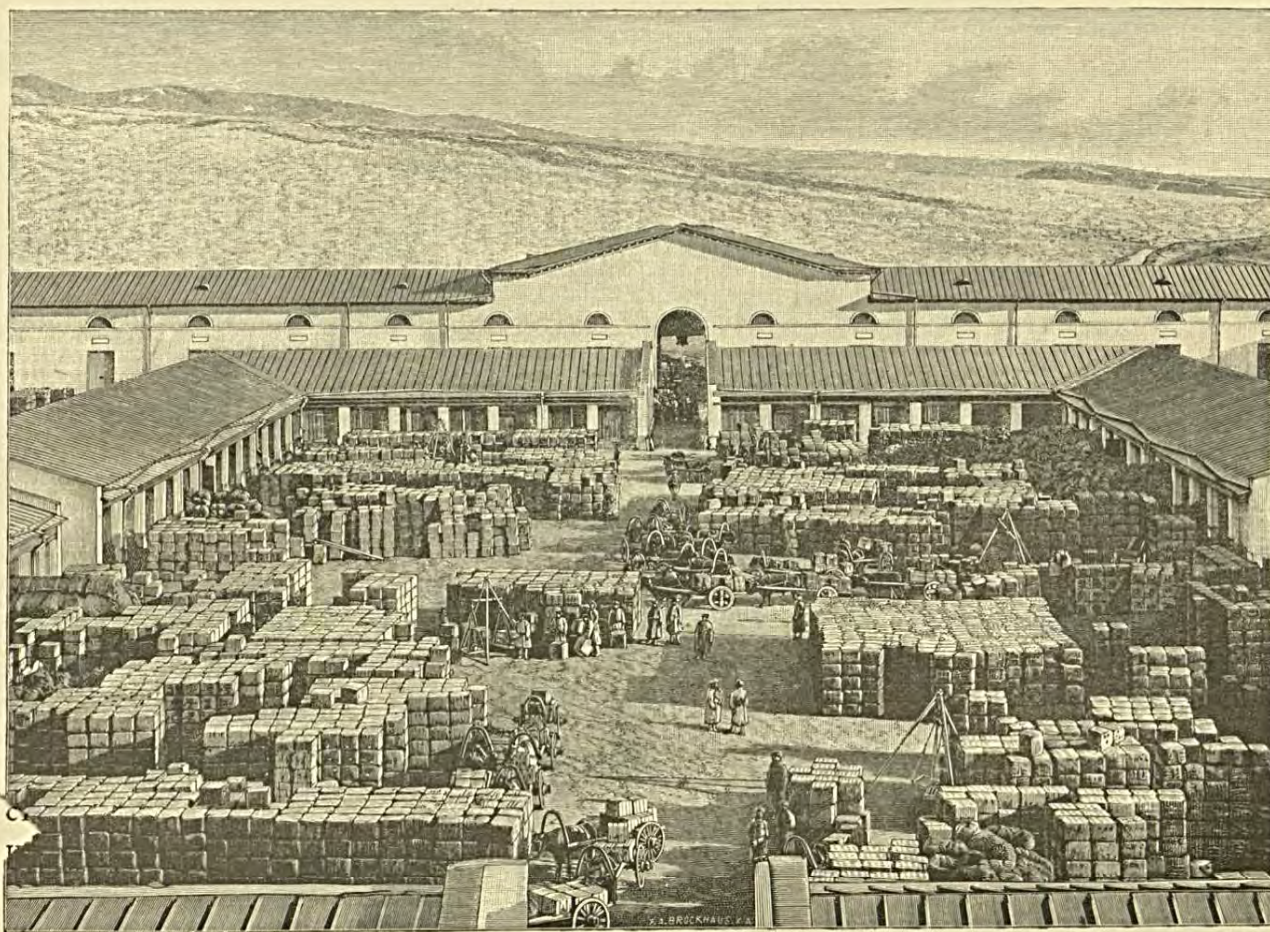
кажутся иногда огромнѣйшими пловучими ящиками. Число мачтъ колеблется между одной и пятью (на судахъ такъ — называемой шанхайской конструкціи). Въ Ханькоу строятся двухмачтовые. Наиболѣе цѣнятся здѣсь на рѣкѣ сооруженныя изъ прочнаго камфарнаго дерева, растущаго въ южныхъ предѣлахъ имперіи.

Барочки искусно пользуются парусами, идя по Янъ-цзы вверхъ и внизъ. Даже противъ теченія онѣ при благопріятномъ вѣтрѣ движутся столь быстро, что мы ихъ на всѣхъ парахъ едва перегоняемъ. Лодки, принадлежащія казнѣ, вооружены пушками, дабы при случаѣ преслѣдовать контрабандистовъ.

Кромѣ джонокъ по рѣкѣ спускается немало лѣсоплавныхъ плотовъ (въ 50 саж. длины, при 10 саж. ширины), плывутъ комфортабельные охотничьи домики европейцевъ, — извѣстные въ краю подъ именемъ «house-boats», — свистятъ паровые катера

чиновниковъ, бороздящіе Янъ-цзы Нѣкоторыя мелкія суда входятъ въ изрѣзывающіеся окрестность каналы и нерѣдко можно видѣть парусъ, какъ-бы бѣгущій по нивамъ и у горъ, вдали отъ рѣчнаго простора.

Сначала (около ста миль) мѣстность отличалась крайней монотонностью. Тянулись одни поля, да поля. Мало по малу, однако, вдали стали обрисовываться живописныя возвышенности. Красота природы внутренняго Китая открылась нашему взору. Причудливо-величественныя очертанія безлѣсныхъ хребтовъ гармонично дополнили панораму близкаго земледѣльческаго благополучія на равнинахъ.

ВЪ КЯХТИНСКИХЪ СКЛАДАХЪ.

На пути въ Ханькоу и обратно «Владивостокъ» слѣдовалъ извилистымъ фарватеромъ: чрезвычайно капризная рѣка, вродѣ нашей Аму-Дарьи, часто уклоняется отъ намѣченнаго русла, образуетъ неожиданныя отмели, грозитъ прибрежнымъ селеніямъ внезапностью напора. Только стройныя пагоды, на самыхъ характерныхъ пунктахъ пейзажа (нерѣдко на скалистыхъ островахъ) пребываютъ совершенно чуждыми этой вѣчной опасности опустошенія и разрушенія.

Цвѣтуція области прилегаютъ къ нашему водному пути, прославленному еще великимъ Марко Поло. Чего-чего въ нихъ только не найдешь! Съ похода Чингисъ-хана на Индію, въ Китаѣ положено напр. въ очень широкихъ размѣрахъ начало хлопководству.

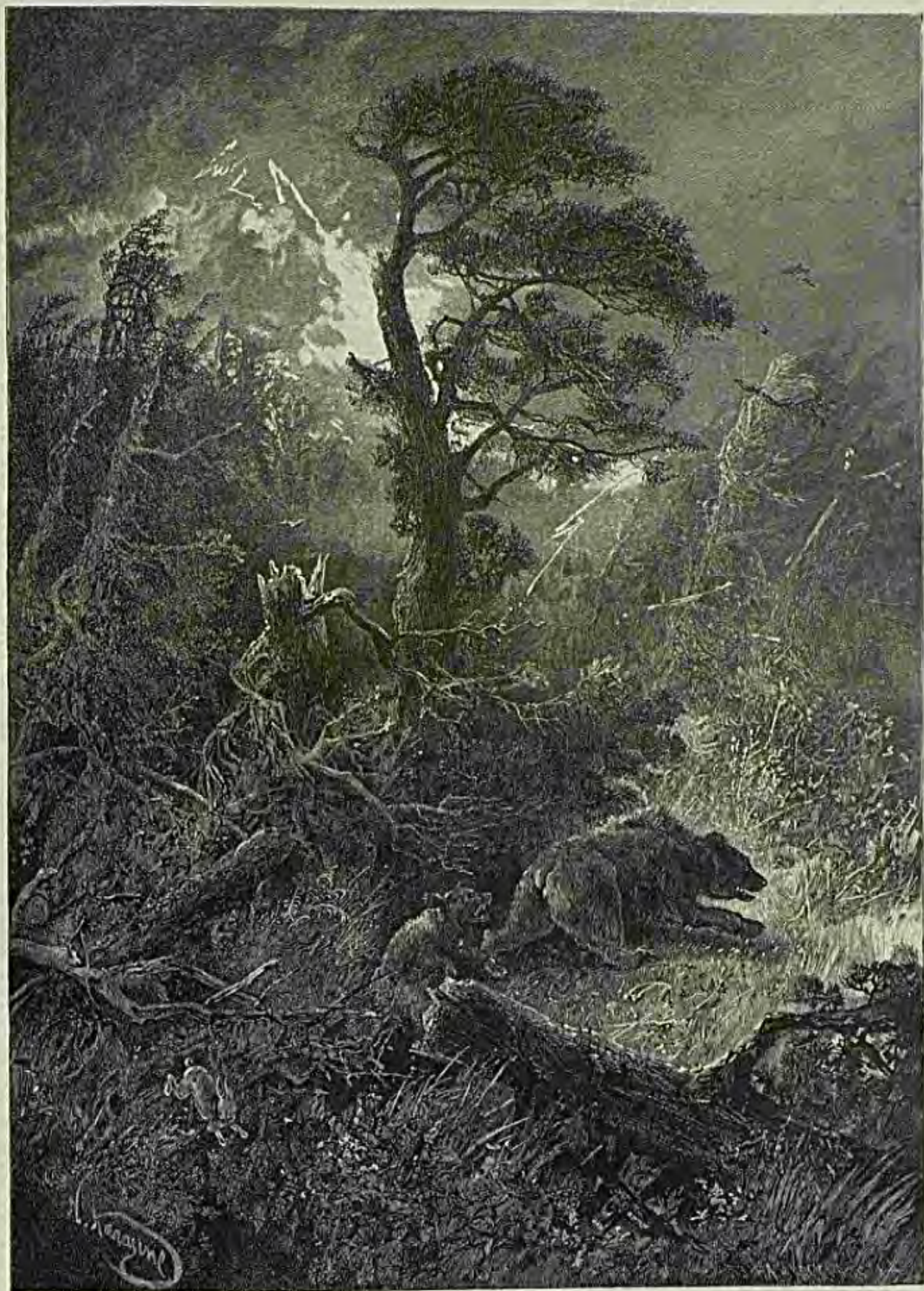
Хлопокъ, обильно произрастающій въ низинахъ Янъ-цзы, порою споритъ качествами съ американскимъ. Китайскіе рабочіе быстро свыкаются съ употребленіемъ машинъ. Тѣмъ не менѣ подавляющее большинство населенія носить еще исключительно ткани домашняго производства. Для Запада весьма важенъ вопросъ, откроется-ли его фабрикантамъ необъятный по размѣрамъ сбытъ въ предѣлы Небесной имперіи. Между тѣмъ, тамошніе предприимчивые горожане сознаютъ пользу самимъ монополизировать промышленность края. Несмотря на отсутствіе въ странѣ дешеваго кредита и осязательно свободныхъ капиталовъ (множество купцевъ непомѣрно богато, но прячетъ деньги) въ Шанхаѣ постепенно соста-

ОТПРАВКА СИБИРСКИХЪ ЧАЕВЪ.

вилась компанія (Cotton Cloth Company) изъ туземцевъ, съ цѣлью наводнить родной рынокъ своими собственными хлопчатобумажными издѣліями. «Техническимъ» директоромъ она взяла американца и въ теченіе года завела 21,000 прядильныхъ и 550 ткацкихъ станковъ. Мужчины нанимаются туда работать по 35 коп. въ день, бабы — по 25 коп. И то подобныя цѣны неслыханны для простонародья и объясняются лишь близостью европейскаго элемента, въ связи съ обусловливаемою этимъ развращенностью рабочаго люда!

Много китайскаго хлопка сбывается теперь въ Японію, откуда его уже въ видѣ матерій ввозятъ сюда обратно. Часть населенія внутри страны надѣется вознаградить себя путемъ такого спроса за тяжелые убытки отъ борьбы съ англичанами за чай. Послѣдніе ему измѣняютъ. Хорошими покупателями остаются преимущественно русскіе коммерсанты.

ВЪ ТАЙГЪ.

Въ разгаръ этого кризиса, для мѣстныхъ производителей еще больше значенія пріобрѣтаетъ фактъ посѣщенія Ханькоу Престолонаслѣдникомъ. Е. И. Высочество предпочелъ отказаться, за недостаткомъ времени, отъ поѣздки къ интереснымъ сѣвернымъ берегамъ Китая, чтобы воочию узрѣть и ободрить Августѣйшимъ присутствіемъ нашу крошечную колонію на Янь-цзы, за 1200 слишкомъ верстъ отъ его устья.

Чайное дѣло въ Китаѣ наканунѣ жестокаго упадка. Нужна прямо-таки правительственная поддержка, чтобы его отсрочить или отвратить. Конкуренція Индіи и Цейлона убиваетъ экспортъ чаевъ изъ Небесной имперіи въ Лондонъ. Съ 1881 г. на 1891 г. потребность въ нихъ уменьшилась сразу втрое. Хотя знатоки и склонны думать, что это есть только временное извращеніе вкуса потребителей и что природныя достоинства здѣшняго чая (само собой, при нѣкоторомъ улучшеніи его культуры!) несомнѣнно привлекутъ къ нему вновь покупателей, — но утрата важнаго рынка пока налицо. Одна Россія выказываетъ прежнюю склонность отдавать предпочтеніе ханькоусскому и фучжоусскому чаю передъ англійскими. Но мы меньше беремъ продукта, чѣмъ брала Великобританія: ея купцы, вдобавокъ, направляютъ не домой, а къ намъ (черезъ лондонскій рынокъ) главную часть пріобрѣтаемыхъ ими китайскихъ чаевъ. Въ 1886 г. на долю русскихъ приходилась всего одна девятая чайныхъ грузовъ изъ Ханькоу: теперь же приходится около трети, стоимостью приблизительно на 10—12 милліоновъ рублей. Понятно, что китайцы должны въ данную минуту сильно дорожить подобными кліентами!

Воскресеніе, 7 (19) апрѣля.

Четырехдневный безостановочный переходъ по Янь-цзы мало по малу изрядно надоѣдаетъ, — чему отчасти способствуетъ ненастная погода.

Вѣтеръ. Холодно. Сыро. Скучно на громадной рѣкѣ, — гораздо тоскливѣе чѣмъ въ открытомъ морѣ, гдѣ берега не дразнятъ близкими очертаніями. Сегодня, впрочемъ, послѣ утренняго тумана и дождя обѣщаетъ быть ясное небо.

Туземныя власти всюду по дорогѣ, еще издали, съ неслыханными для народа почестями встрѣчали Наслѣдника Цесаревича: грохотомъ пушекъ, ружейными залпами, торжественно выстроеннымъ войскомъ съ большими знаменами въ рукахъ солдатъ, наконецъ иллюминаціей по вечерамъ. Напримѣръ, въ пятницу, незадолго до полуночи адмиралъ пришелъ доложить Великому Князю, что цѣлая флотилія около насъ празднично убрана гирляндами огней, изъ темноты же за нею привѣтственно гремятъ трубы.

Каждый разъ какъ намъ на пути попадались китайскія суда подъ военнымъ флагомъ, грохотъ салюта оглашалъ мирную окрестность. Вдоль побережья, — особенно, гдѣ рѣчныя воды стремительнѣе текутъ по тѣсному руслу среди грозно сдвигающихся возвышенностей, — нерѣдко виднѣлись внушительныхъ размѣровъ укрѣпленія. Очевидно, здѣсь вполне сознаана необходимость дать по возможности отпоръ «бѣлому» иноземцу, въ случаѣ новаго несправедливаго нападенія съ его стороны. Хватить-ли только силы! Эскадра на Янь-цзы, положимъ, не велика (она состоитъ изъ 11 судовъ), но сильнѣе кантонской по численности экипажей и количеству орудій.

Утромъ 6 (18) апрѣля желтыя струи рѣки смѣшиваются съ голубыми полосами тока, идущаго изъ сосѣдняго озера. Мы достигаемъ на ней одного изъ красивѣйшихъ пунктовъ. Уже раньше встрѣчались острова («золотой», «серебряный» и другіе), крайне эффектные по внѣшности, но открывающійся нашему взору теперь затмѣваетъ ихъ

причудливой гармоніею линій. Это — нѣчто положительно безподобное, чудесно возникшее по преданію на мѣстѣ катастрофы, постигшей въ бурю бѣдную рыбацью семью. Младшій ребенокъ долже родителей боролся противъ опасности и все-таки тутъ затонулъ. Народное воображеніе почему-то разукрасило подробности его кончины. Знаменитый по своей живописности гранитный крутой «утесъ маленькой сироты» находится близъ лѣваго берега въ одномъ изъ стуженій Янъ-цзы. Сѣверные склоны совершенно обнажены, южные утопаютъ въ растительности. По уступамъ ихъ лѣпится буддійскій монастырь.

Девятый часъ на исходѣ. Вотъ и Ханькоу развертывается въ отдаленіи. Цвѣтушій культурный край вокругъ начинаетъ напоминать Среднюю Европу.

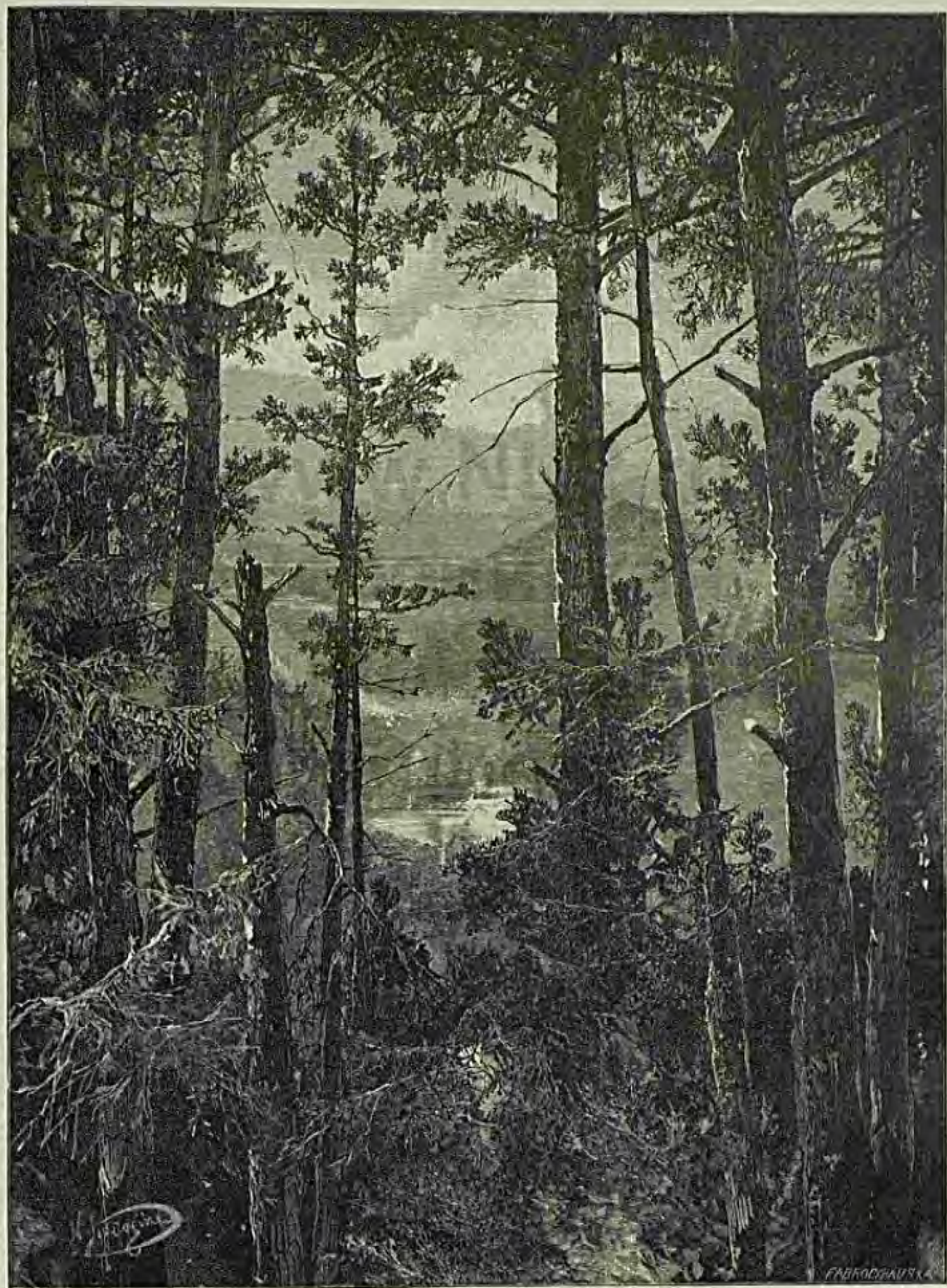
Медленно приближается «Владивостокъ» съ конвоирами (двумя русскими и двумя китайскими) къ якорной стоянкѣ у пристани европейскаго квартала. Терпѣніе встрѣчающихъ Е. И. Высочество соотечественниковъ невольно подвергнуто испытанію. Когда-то удастся имъ взглянуть на Него!

ЧЖАНЪ-ЧЖИ-ДУНЪ.

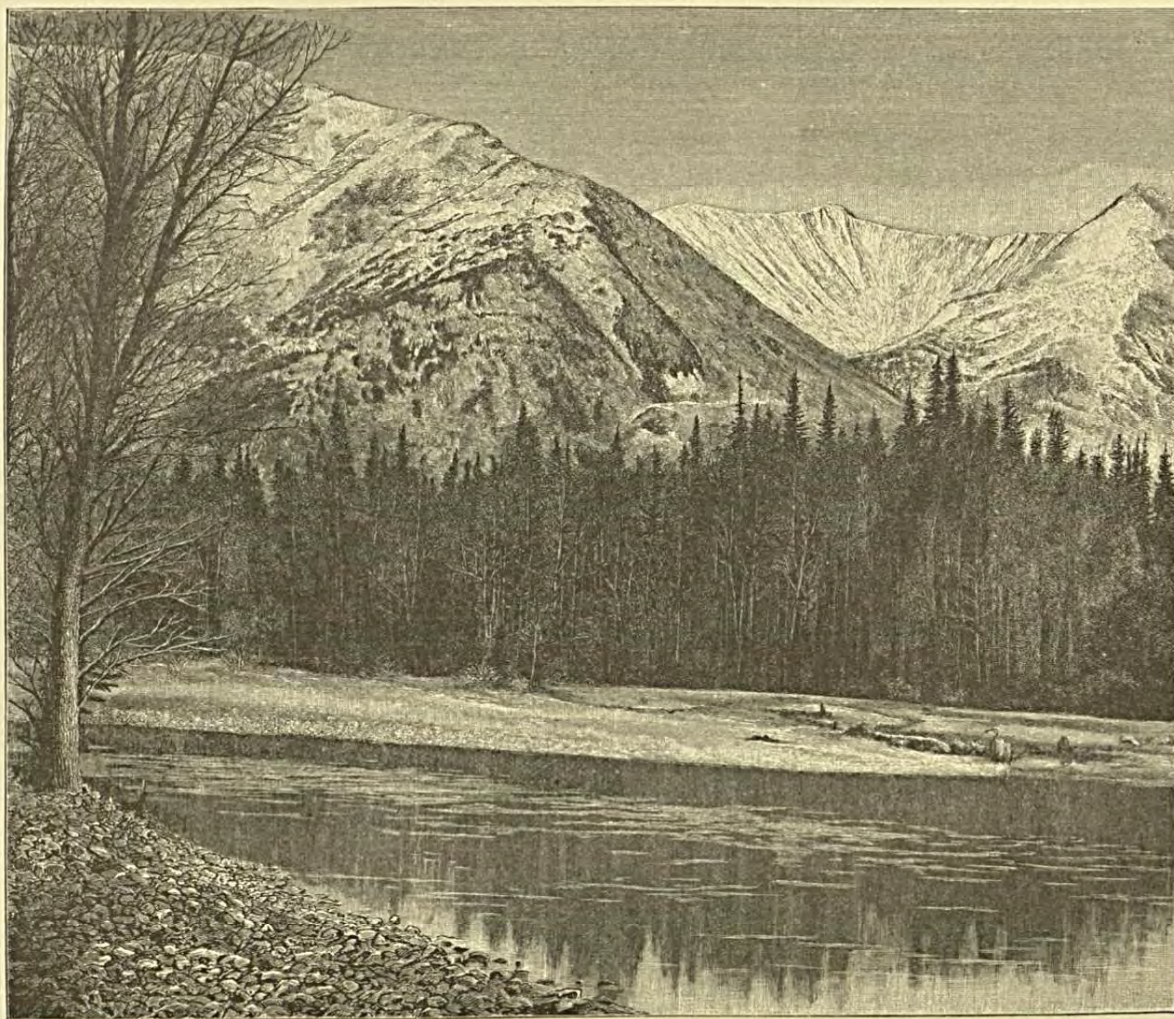
При салютѣ, въ моментъ прибытія, съ англійской канонерки «Rattler», — неосторожно стрѣлявшей въ упоръ, когда мы шли мимо нея, — пыжемъ обжигаетъ грудь нашему матросу на мостикѣ.

Первыми пріѣзжаютъ на пароходъ повѣренный въ дѣлахъ Императорской пекинской миссіи (недавно назначенный посланникъ еще не прибылъ къ мѣсту служенія) первый секретарь ея г. Клейменовъ и здѣшній консулъ г. Дмитревскій, одинъ изъ нашихъ достойнѣйшихъ синологовъ-практиковъ. Иностранные консула и вице-консулы тоже являются, но Наслѣдникъ Цесаревичъ откладываетъ представленіе ихъ до болѣе удобнаго случая. Вслѣдъ затѣмъ Его посѣщаетъ (на разукрашенномъ катерѣ, съ парадно одѣтою свитою) Хугуаньскій генераль-губернаторъ (Ху-гуанью «обширными озерами» именуется районъ провинцій Хубэй и Хунань съ 60—70-тью миллионнымъ населеніемъ), извѣстный китайскій литераторъ Чжанъ-чжи-дунъ, правившій въ Кантонѣ до Ли-хан-чжана и достаточно выказавшій свою непріязнь къ европейцамъ, при всемъ уваженіи къ достигнутому на Западѣ матеріальному прогрессу. Когда правительство богдыхана подняло вопросъ о

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ГЛУШЬ.

соединеніи внутреннихъ областей имперіи со столицей, — этотъ вице-король, поклонникъ родной старины, въ особой меморіи Сыну Неба одобрительно отнесся къ идеѣ, но съ непремѣннымъ условіемъ не отдавать ее всецѣло на эксплуатацію иноземцевъ-инженеровъ и не приобретать чужаго матеріала: съ цѣлью прежде всего поднять техническое знаніе въ самой странѣ и, утилизируя невѣроятную дешевизну туземнаго труда, создать необходимыхъ сооруженій изъ естественныхъ богатствъ Китая. Для этого рѣшено было приступить къ постройкѣ на Янъ-цзы огромнаго механическаго завода, соединивъ его

ВЪ ПУСТЫРЯХЪ СИБИРИ.

порядочной по длинѣ рельсовой линіей съ мѣстонахожденіями руды. Чжанъ-чжи-дунъ, считающійся въ глазахъ народа безкорыстнѣйшимъ сановникомъ, ассигновалъ большія суммы на осуществленіе замысла и пригласилъ въ руководители западныхъ специалистовъ, намѣреваясь въ то же время посылать на усовершенствованіе въ Бельгію собственныхъ способнѣйшихъ рабочихъ. На рынкахъ цесарскаго Рима древне-китайское желѣзо признавалось наилучшимъ. Нѣтъ причинъ, почему-бы при развитіи металлургіи на Дальнемъ Востокѣ оно опять не получило большаго значенія. Вѣдь не нормаленъ же и не вѣченъ ежегодный и притомъ быстро возрастающій ввозъ туда на милліоны рублей

иностранный желѣза и стали? Вѣдь придетъ же день, когда Америка, Англія, Швеція и Германія въ этомъ отношеніи станутъ не нужны развѣдавшему свои неистощимыя нѣдра Китаю?

Генераль-губернаторъ около получаса остается для бесѣды на «Владивостокѣ». Послѣ его отъѣзда Ихъ Высочества отправляются въ православный храмъ. Широкая лѣстница пристани обтянута краснымъ сукномъ. Берегъ и дома европейскаго квартала роскошно декорированы цвѣтными фонариками, флагами, вензелями, щитами и гирляндами. Арка-павильонъ и обычное британское «Welcome» отъ всѣхъ членовъ колоніи дополняютъ картину пышнаго убранства. Вдоль главной улицы крѣпко вбиты въ два ряда довольно высокія мачты съ украшеніями.

ПЕРВЕНСТВУЮЩІЕ ЛАМЫ ПРИ СЛУЖЕНІИ.

Для слѣдованія въ церковь приготовлены двухмѣстные экипажи частныхъ лицъ, въ одну лошадь, безъ козелъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ садится въ одинъ изъ таковыхъ съ принцемъ Георгіемъ Греческимъ и самъ правитъ.

Вотъ уже скоро пять мѣсяцевъ послѣ Каира, что мы только на фрегатѣ слушали обѣдню. Съ какими умиленными чувствами и глубокимъ благоговѣніемъ вступаешь на паперть ханькоусскаго храма! Архимандритъ Амфилохій, начальникъ пекинской духовной миссіи, ожидаетъ Великаго Князя у входа съ крестомъ и святою водою. Радостный колокольный звонъ и стройное пѣнье несутся на встрѣчу Царственному Гостю. Свѣтлый храмъ съ пронизывающими кадильный дымъ солнечными лучами и озаренные ими задумчиво-строгіе лики

на иконостасѣ, — все живо напомнило родину и наполняетъ душу сладостно-жгучимъ ощущеніемъ.

Хоръ любителей (я случайно записалъ ихъ имена: Орловъ, Масленниковъ, Токмаковъ, Милютинъ, Останинъ и Кандинскій) превосходно поетъ во время Божественной литургіи и молебна. Пріѣхавшій изъ столицы вмѣстѣ съ архимандритомъ «длинокосый» христіанинъ-китаецъ внятно по своему читаетъ Апостола. Мало кто знаетъ у насъ въ Россіи о существованіи и происхожденіи пекинской духовной миссіи. Она возникла двѣсти лѣтъ назадъ ради ободренія плѣненныхъ маньчжурами албазинскихъ казаковъ, — тосковавшихъ по вѣрѣ и по утраченнымъ пустырямъ Амура, несмотря на всякія милости и щедроты со стороны богдыхана, зачислившаго даже удалцевъ въ свою гвардію. Въ ту пору въ Пекинѣ

началось какое-то лютое повѣтріе. Проживавшій въ столицѣ при императорѣ тибетскій «святой» (Чжанчжа-хутухту) видѣлъ вѣщій сонъ: бѣлобородаго старца, подымавшагося изъ холма близъ албазинскаго лагеря. Мудрый лама истолковалъ видѣніе въ томъ смыслѣ, что это — Николай Чудотворецъ и ему безъ замедленія нужно соорудить въ Пекинѣ православный храмъ. Разрыли насыпь подлѣ казачьяго жилья, и дѣйствительно нашли святую икону съ ликомъ приснившагося хутухтѣ. Богдыханъ внялъ добрымъ совѣтамъ чтимаго имъ буддійскаго «святаго», отвелъ мѣсто для русской церкви, позволилъ плѣннымъ снестись съ отечествомъ по вопросу о снаряженіи къ нимъ духовныхъ лицъ и тѣмъ самымъ установилъ совершенно исключительную дружественную связь между Китаемъ и

СЕЛЕНГИНСКІЕ БУРЯТА.

Россіей. Пока другія націи посылали къ его побережьямъ игравшихъ въ политику миссіонеровъ-фанатиковъ, иногда пріобрѣтавшихъ огромное вліяніе при дворѣ или же изгонявшихся за оскорбленіе туземной святыни, — русскій «монашескій» караванъ изъ Забайкалья приходилъ въ столицу государства къ албазинцамъ какъ домой. Скромные иноки занимались китайскимъ языкомъ, обогащали цѣнными вкладами синологію, дѣлились знаніемъ съ посылаемыми къ нимъ черезъ Сибирь свѣтскими студентами, не выступали дипломатами-проповѣдниками, не отождествляли съ чисто-іезуитскимъ лукавствомъ языческихъ формъ культа съ христіанскими, не расширяли обманомъ или насиліемъ, т. е. вообще фиктивными способами своей маленькой паствы. Напротивъ, въ этомъ отношеніи наша прирожденная терпимость и летаргія простерлись даже до того, что колонія албазинцевъ путемъ браковъ съ окрестнымъ населеніемъ потеряла прежній обликъ, дѣдовскіе

обычаи, а съ ними вмѣстѣ отчасти и религію. Между тѣмъ какъ изъ состава миссій выходили ученые съ громкою міровою извѣстностью какъ напр.: Іакинѣъ Бичуринъ, профессоръ Васильевъ и Палладій, — пекинскіе албазинцы окитаивались почти до неузнаваемости. Правительство богдыхана съ полною симпатіей глядѣло на чуждую политикѣ и фанатизму православную общину. Ни въ какихъ военныхъ демонстраціяхъ во имя защиты мнимо-христіанскихъ, по настоящему же прямо коммерческихъ интересовъ она никогда не участвовала. Ни одинъ нашъ іеромонахъ не пытался поколебать конфуціанскаго жизненнаго строя. Миссії снаряжались въ Троицкосавскѣ и пускались въ путь черезъ Монголію на Ургу и Калганъ при помощи бурятскихъ ламъ, на инородческихъ верблюдахъ. Добродушные ламаиты столь сердечно сближались на каждомъ шагу съ пришлымъ «бѣлымъ» элементомъ, что нерѣдко роднились съ нимъ, жертвовали на православныя церкви, благоговѣнно стекались на православное богослуженіе, выдѣляли изъ своей среды вполне естественно обрусѣлыхъ, принявшихъ православіе Гонбоевыхъ и Бадмаевыхъ. Вотъ и теперь, рядомъ съ нами стоятъ два крупныхъ дѣятеля русско-китайскаго чайнаго міра: г. Старцевъ и г. Малыгинъ, родомъ селенгинскіе бурята.

Русская Азія переживаетъ въ 1891 г. одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ своего развитія и своей не избалованной радостями исторіи. Свѣтлая вѣсть, донесшаяся туда вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, что Престолонаслѣдникъ осчастливитъ личнымъ посѣщеніемъ далекія и глухія окраины родной земли, становится лучезарною былью, полнымъ глубокаго смысла событіемъ, зарею для необъятнаго края, ожидающаго въ теченіе столѣтій болѣе прочнаго и братскаго общенія съ Россіей. Кто можетъ его закрѣпить разностороннѣе и тѣснѣй какъ не Первенецъ ея Державнаго Вождя, посланный самимъ Царемъ-Отцемъ взглянуть на свое наслѣдье, передать сибирякамъ попечительно-творческія мысли Его о необходимости пробужденія восточныхъ окраинъ, озарить тамошнюю тускло-однозвучную жизнь отъ всего сердца идущими привѣтомъ и лаской? Фактъ Августѣйшаго проѣзда изъ Приморской области на Оренбургъ долженъ оставить и безъ сомнѣнія оставить неизгладимый слѣдъ на поверхности мѣстнаго строя и быта, доказавъ во-первыхъ (вопреки нелѣпымъ толкамъ о проникающемъ ихъ «опасномъ» сепаратизмѣ) неразрывную духовную связь между туземнымъ населеніемъ и Правящимъ нами Императорскимъ Домомъ, а кромѣ того вынуждая столичныя сферы иными глазами посмотрѣть на сравнительно обездоленный крайній Востокъ, откуда мы въ правѣ ожидать и навѣрно дождемся въ непродолжительномъ времени мощнаго движенія впередъ по пути конечнаго утвержденія русскаго главенства въ Азіи. Великая Сибирь — нашъ авангардъ; ея исполненные непоколебимаго мужества и упорства закаленные среди измѣнчивой природы сыны — наши «младшаго цикла богатыри», воочію воплотившіе и воплощающіе въ народную жизнь прямодушно-простые и единственно правильные государственные взгляды Допетровской Руси на инородческіе міры, на задачи пламѣнѣвшихъ ревностью святителей и радѣвшихъ о національной чести воеводъ, на призваніе cadaго вѣрноподданнаго стоять на полуневѣдомыхъ рубежахъ отчины во всеоружіи гуманнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ твердаго патріотическаго настроенія. Оттого-то лица вродѣ Муравьева-Амурскаго, — которыя по европейскую сторону Урала никогда не могли бы въ силу неблагоприятныхъ условій проявить достаточно гражданской доблести и политической предприимчивости, — въ предѣлахъ иркутскаго генераль-губернаторства и Приамурья свѣтлѣютъ сознаніемъ и волей, съ восторгомъ проникаются творческими замыслами о неизбѣжно-естественномъ развитіи и расширеніи нашихъ восточныхъ окраинъ, неуклонно начинаютъ стремиться къ достиженію ясно намѣченной цѣли. Это какъ-бы само собой навѣяль главному начальству своему

ГРАФЪ МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКІЙ.

молчаливо-вдумчивый сибирякъ, это тѣни ищущей моря и горъ легендарной вольницы осѣнили своимъ крыломъ завѣтныя мечты носителей нашей исторической идеи, — это заговорила въ сердцѣ послѣднихъ сквозь грубую кору чисто западныхъ предубѣжденій и предразсудковъ старая «сибирская» удаля новгородцевъ и пермяковъ, издавна считавшихъ смежную намъ Азію чѣмъ-то «исконно-нашимъ».

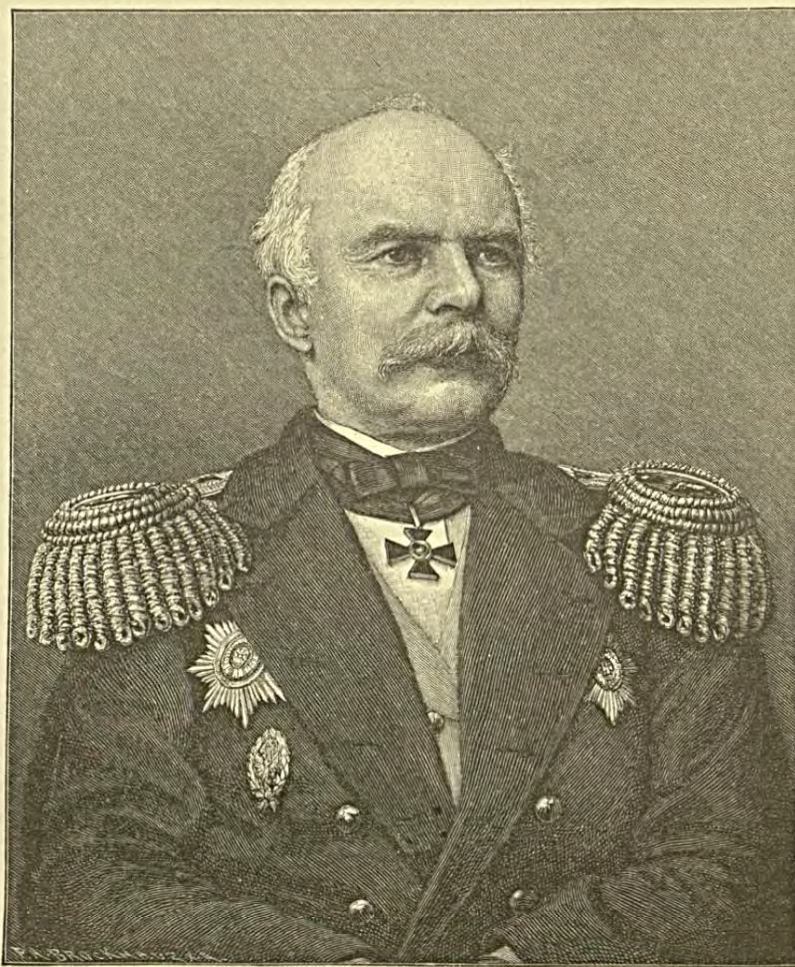
Проѣздъ Престононаслѣдника по неоглядной странѣ, — добытой правительству до предѣловъ океана почти безвѣстными искателями приключеній, піонерами славнаго дѣла, и «служилыми людьми» всякихъ общественныхъ слоевъ московскаго періода, — чрез-

ХОРИНСКІЕ БУРЯТА.

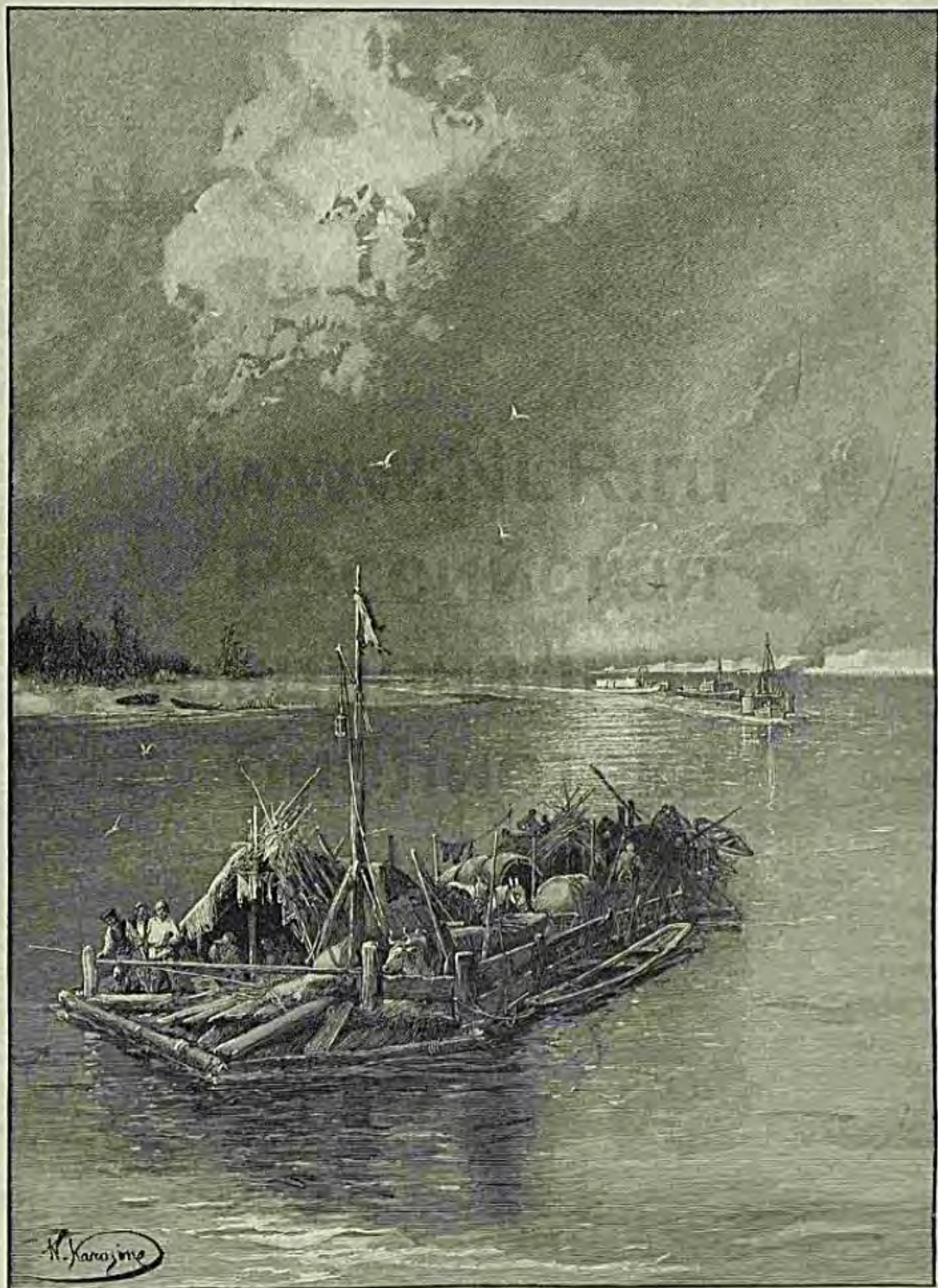
вычайно будетъ важенъ еще и потому, что до нашихъ дней главный административный центръ оставался довольно равнодушенъ къ южно-уссурійской и маньчжуро-монгольской периферіи: съ того же момента, что Государь направилъ къ ней Старшаго Сына, возвращающагося изъ обозрѣнія наиболѣе цвѣтущихъ чужихъ колоній Востока, гдѣ всего — вдоволь и человѣку скоро будетъ тѣсно жить, наши пустыри, — стерегущіе непочатое богатство земныхъ нѣдръ, — должны проснуться, должны почувствовать себя приближенными къ думамъ Царя, должны приукраситься внутреннею красой на встрѣчу Рѣдкому Гостю. Конечно, тамъ не впервые готовятся привѣтствовать Великихъ Князей: императоръ Александръ II, будучи Цесаревичемъ, посѣтилъ Тобольскъ, Е. И. В. Великій Князь Владиміръ Александровичъ изволилъ доѣзжать до Томской губерніи, Е. И. В. Великій

Князь Алексѣй Александровичъ изъ Америки проѣхалъ въ 1873 г. черезъ всю Сибирь, Е. И. В. Великій Князь Александръ Михайловичъ сравнительно недавно, совершая кругосвѣтное плаваніе на «Рындѣ», предпринялъ любопытную экскурсію изъ Владивостока по южно-уссурійской нови. Но всѣ подобныя непосредственныя соприкосновенія не имѣли, да и не могли имѣть такой цѣны какъ ожидаемое вскорѣ прибытіе Августѣйшаго путешественника съ Отчими манифестами на радость коренному и ссыльному населенію. Не однѣ только части гигантскаго сибирскаго цѣлага сознають, внемля имъ, свое единство съ

СПОДВИЖНИКЪ МУРАВЬЕВА-НЕВЕЛЬСКОЙ.

россійской державой, — но пойметъ его и проникнется имъ весь край, затрепещетъ отъ умиленія душа всего сибирскаго народа, осѣнитъ себя крестнымъ знаменіемъ на дальнѣйшіе подвиги и борьбу за наши историческіе интересы въ Азіи каждый заброшенный на окраину офицеръ, каждый вскормленный ею казакъ. Образованные классы у насъ часто выражаютъ удивленіе трудамъ и дѣятельности, лишеніямъ и энергіи англійскихъ изслѣдователей и должностныхъ лицъ въ предѣлахъ загималайскаго имперіи ея величества королевы Викторіи. Однако, если провести наглядную и безпристрастную параллель между относительно комфортабельной жизненной обстановкой британскихъ колонизаторовъ и до крайности тягостной, убогой и самоотверженной обстановкой, въ которой незамѣтно вершатъ

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

свое святое высоко національное дѣло безчисленные духовныя единицы земли русской на ея отдаленнѣйшихъ граняхъ, — первенство въ смыслѣ истиннаго подвига и настоящей пользы человѣчеству (такъ какъ мы — славяне — безсознательно служимъ идеаламъ вѣротерпимо-демократическаго свойства, западные же европейцы всегда и во всемъ стремятся къ насильственному господству надъ отвергаемыми по принципу «нисшими» рассами) безспорно должны оставаться за нами. Развѣ можно напр. даже поверхностно сопоставлять чопорныхъ британскихъ чиновниковъ Индіи, дорого оплачиваемыхъ кровью и потомъ несчастнаго мѣстнаго населенія, съ нашими безвѣстными и до героизма безропотными, нетребовательными тружениками на окраинахъ? Ихъ не окружаетъ утонченная роскошь, передъ ними

ЮЖНО-УССУРІЙСКІЯ ВОЙСКА.

не раболѣпствуетъ огромнѣйшій штатъ темнолицей прислуги, имъ не льстить, — въ сущности кады слѣпой національной гордыни, — самоувѣренная отечественная печать; но за то жизнь, среди которой и ради которой они работаютъ, составляетъ съ ними одно органическое цѣлое, — за то горячее «спасибо» скажетъ имъ русская исторія, за то на вспахиваемой ими невеселой нивѣ широко взойдетъ «золотая жатва нашего государственнаго величія». Убѣдиться въ первомъ, пророчески исполнить второе, отъ полноты молодого сердца повѣрить въ послѣднее ѣдетъ Великій Князь — Престононаслѣдникъ въ забытую Сибирь! . . .

Когда по Азіи путешествуютъ англійскіе принцы и доводимый до отчаянія безпощаднымъ игомъ туземный злосчастный людъ оффициально радуется чужому пиру въ своемъ

похмѣли, это узкій Западъ fin de siècle торжествуетъ побѣду проповѣдуемыхъ имъ эгоистическихъ началъ: неудивительно если ими создана и постоянно разверзается бездна между опекающими Азію противъ ея воли колонизаторами германо-романскаго типа и покоренными народами. Ничего подобнаго нѣтъ, когда воочию проявляется беззавѣтная любовь и преданность Востока къ своему Державному Дому. Иноходецъ и переселенецъ, сохраняющій чистоту великорусскаго облика раскольникъ-сибирякъ и амальгамировавшійся съ тюркско-монгольскими элементами пахарь-воинъ съ безконечной китайской границы, — всѣхъ ихъ одушевляетъ совершенно одинаковое по силѣ и рвенію чувство внутренней связи съ Вождемъ родной земли. Я немного знаю сибиряковъ и потому ясно вижу напередъ, какъ трогательно среди нихъ скажется на каждомъ шагѣ это стихійное настроеніе!

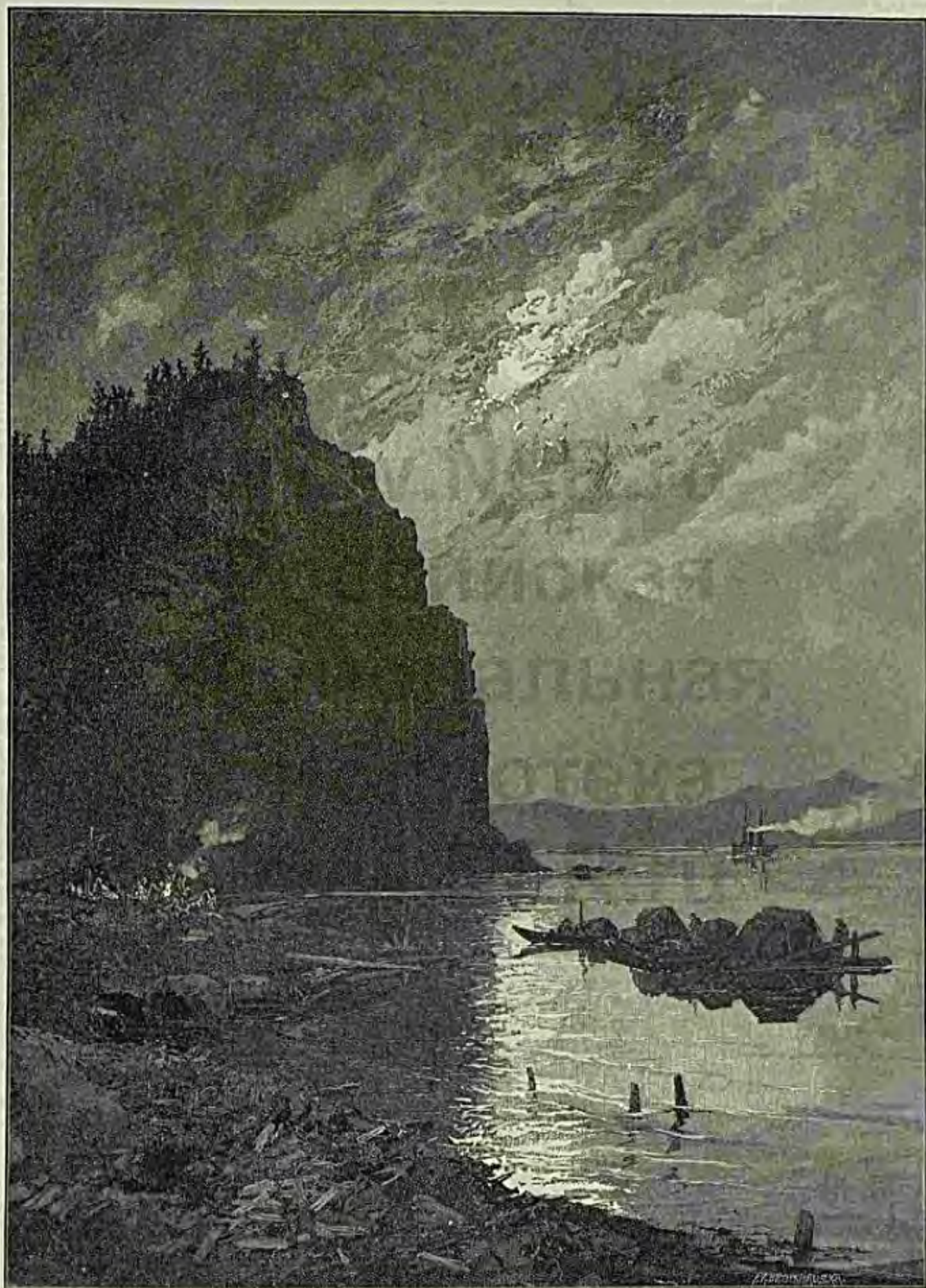
Е. И. Высочество подходитъ приложиться къ кресту. Исправляющій должность церковнаго старосты Никита Матвѣевичъ Молчановъ (храмъ сооруженъ отчасти на пожертвованія чайныхъ торговцевъ въ Россіи, отчасти на деньги здѣшнихъ русскихъ фирмъ и освященъ лишь въ 1885 г. во имя Александра Невскаго) подноситъ Великому Князю просфору, съ просьбой удостоить его домъ посѣщеніемъ и откушать хлѣба-соли. Затѣмъ Августѣйшіе путешественники и вся русская колонія отправляются въ смежное церковное зданіе, гдѣ живетъ нашъ консулъ и приготовленъ чай. Тамъ, въ кабинетѣ, Наслѣднику Цесаревичу представляются жена г. Дмитревскаго и жена купца Спѣшилова, а потомъ и депутаціи отъ ханькоуцевъ и посредниковъ нашего чайнаго дѣла въ сѣверномъ Китаѣ (изъ далекаго Калгана, напримѣръ, нарочно для этого прибылъ г. Басовъ). Привѣтственные рѣчи говорятъ компаніонъ торговаго дома Токмаковъ, Молотковъ и К°. (въ Ханькоу, Фу-чжоу, Тянь-цзинѣ, Кяхтѣ и Москвѣ) Алексѣй Петровичъ Малыгинъ и отъ дѣятелей на сѣверѣ имперіи Алексѣй Дмитріевичъ Старцевъ. Безъискусственно правдивы слова, сказанныя Царственному Гостю въ столь торжественную для туземцевъ минуту!

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Несказанно счастливые и полные безпредѣльной благодарности Его Императорскому Величеству, Вашему Державному Родителю, и Вамъ, Ваше Императорское Высочество, за милостивое посѣщеніе насъ, живущихъ въ этой далекой отъ сердца Россіи странѣ, но незабытыхъ щедротами Его Императорскаго Величества, непрестанно изливающимися на насъ и на развитіе нашей торговли, какъ-то: учрежденіе консульства, содержаніе почтоваго сообщенія по Монголіи, посылка торговыхъ и ученыхъ экспедицій, посылка пароходовъ Добровольнаго флота, посѣщеніе насъ судами военнаго флота для защиты насъ и нашихъ интересовъ, въ недалекомъ же будущемъ постройка по Сибири желѣзной дороги, по которой пойдутъ также и наши чаи.

Въ довершеніе имѣемъ не мечтавшееся намъ въ самыхъ лучшихъ нашихъ грезахъ счастье лицезрѣть Ваше Императорское Высочество, выразить Вамъ наши вѣрноподданническія чувства глубокой преданности и горячей любви Нашему Царствующему Дому и просить Васъ, Ваше Императорское Высочество, принять нашу хлѣбъ-соль.

Хлѣбъ-соль подносится на серебряномъ блюдѣ великолѣпной китайской работы, исполненномъ въ Шанхаѣ на «Nanking Road» въ мастерской Луэнь-Во (въ трехнедѣльный срокъ, несмотря на сложность орнамента изъ бамбуковыхъ вѣтвей съ птичками и трудность безукоризненной передачи надписей на русскомъ языкѣ).

НА СЕЛЕНГЪ (ЗА БАЙКАЛОМЪ).

Въ числѣ членовъ ханькоусской колоніи, радостно встрѣчавшихъ Е. И. Высочество, находится русскій подданный г. Пандеръ (изъ Прибалтійскаго края), состоящій на службѣ при мѣстной таможнѣ. Правильный надзоръ за таможенными сборами, представляющими существеннѣйшій источникъ доходовъ богдыханскаго правительства, организованъ англичаниномъ Хартомъ. Подъ его начальствомъ служили и служатъ два-три русскихъ. Знающій по китайски Пандеръ обучалъ передъ этимъ въ Пекинѣ нашей грамматикѣ и литературѣ китайскую университетскую молодежь и приобрѣлъ себѣ большую извѣстность на Западѣ составленіемъ богатѣйшей коллекціи бурхановъ, предметовъ ламайскаго культа.

Европейская система строгаго контроля надъ китайскими таможнями даетъ иностранцамъ оружіе въ руки противъ туземнаго населенія, создаетъ основу для нѣкотораго рода негласной опеки надъ нимъ.

Въ 1814 г. вся внѣшняя торговля Небесной имперіи равнялась лишь 35,000,000 рублей. Еще въ 1876 г. ввозъ иностранныхъ товаровъ въ Китай (приблизительно на 150 милліоновъ рублей) десятью милліонами оказывался ниже цѣнности экспорта. Черезъ 12 лѣтъ отношеніе настолько перемѣнилось, что изъ общей цыфры 450,000,000 рублей на долю перваго приходилось немного менѣе трехъ пятыхъ. Въ короткій срокъ приростъ въ количествѣ тоннъ подъ иностранными флагами обозначился сотнями тысячъ. Еще недавно въ Китаѣ почти ничего не было извѣстно объ австрійскихъ коммерческихъ судахъ: теперь ихъ является ежегодно цѣлая масса. Если европейцы добьются права глубже проникнуть въ страну, нельзя и предугадать громадности дальнѣйшихъ коммерческихъ оборотовъ. Пока торговля Небесной имперіи съ владѣніями королевы Викторіи вдесятеро превосходитъ торговлю съ Германіей и въ двѣсти слишкомъ разъ торговлю съ нами, уступающими въ этой области даже испанцамъ и португальцамъ, шведамъ и норвежцамъ.

На мой вопросъ о размѣрахъ отравы населенія по Янъ-цзы благотѣльнымъ индійскимъ опиумомъ, я узнаю, что ему почти нѣтъ сбыта у Ханькоу и за нимъ. Потребность пополняется собственнымъ производствомъ. Еще задолго до англичанъ мусульмане и лузитанцы ввозили опиумъ въ Макао и Кантонъ. Съ давнихъ временъ этотъ предметъ торговли (впослѣдствіе же чрезвычайно обширной культуры въ предѣлахъ самого Китая) доставлялся изъ Индіи излюбленными сухими путями черезъ Тибетъ или Бирму и Юннанъ, какими сюда издревле проникали элементы браминской цивилизаціи. До сихъ поръ кромѣ продукта британской имперіи и худшаго по качеству туземнаго, тѣмъ не менѣе сбываемаго въ огромномъ и все прогрессирующемъ количествѣ, на Дальній Востокъ идетъ турецкій и персидскій. Толки относительно вреда, причиняемаго куреніемъ, будто-бы крайне преувеличены. Домашній китайскій опиумъ разрушительнѣе дѣйствуетъ на здоровье, чѣмъ доброкачественный привозной. Люди, свыкшіеся съ нимъ (вродѣ напр. мужественныхъ и крѣпкихъ раджпутовъ въ Индіи) не только не страдаютъ отъ употребленія его, но даже черпаютъ, — благодаря ему, — силу для закаленія организма противъ болѣзней и усталости.

Оказывается, что помимо чая мы ничего особенно не вывозимъ, а тѣмъ паче не ввозимъ въ смежный намъ Китай. Попытки измѣнить столь ненормальное положеніе вещей до сихъ поръ не увѣнчивались значительнымъ успѣхомъ. Счастливое исключеніе составляетъ керосинъ, еще недавно не находившій въ Китаѣ особеннаго сбыта, теперь же ввозимый черезъ одинъ Шанхай на сумму свыше 3,000,000 рублей. Отрадно знать, что треть означеннаго количества въ виду дешевизны и меньшей воспламеняемости приходится на долю русскаго экспорта. Этому предмету ввоза отъ насъ вредитъ пока неудовлетворительная упаковка. Вдобавокъ, предпріятіе находится въ рукахъ англійскихъ и нѣмецкихъ

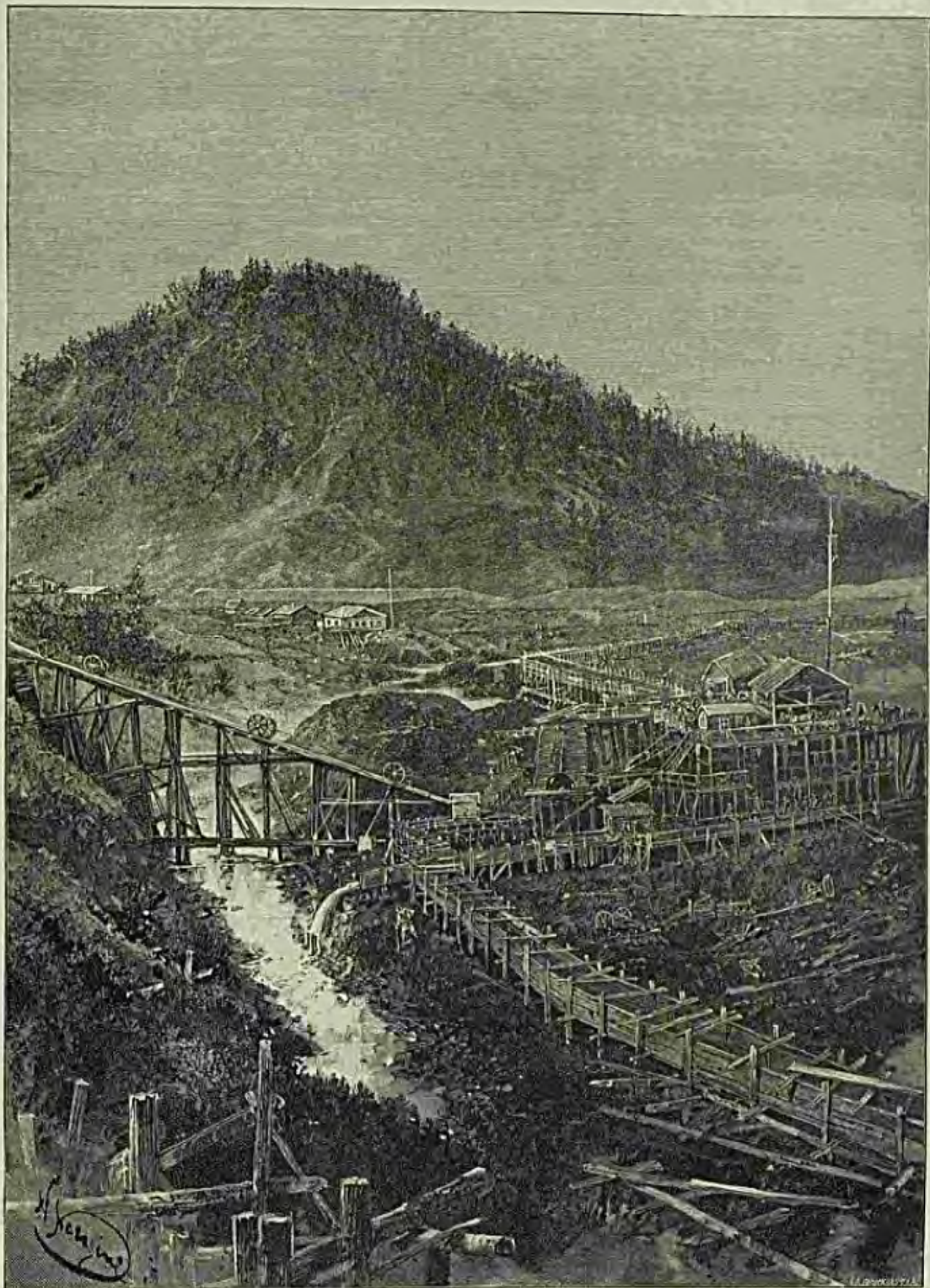
купцевъ, производящихъ закупку въ Батумѣ: участіе нашихъ нефтепромышленниковъ въ развитіи дѣла eo ipso совершенно устраняется.

За обставленнымъ съ лукулловской роскошью столомъ въ домѣ Н. М. Молчанова Наслѣдникъ Цесаревичъ милостиво бесѣдуетъ съ представителями нашихъ фирмъ. По слухамъ они всѣ хотѣли съ обычнымъ русскимъ хлѣбосольствомъ предложить этотъ первый завтракъ Высокому Гостю отъ своего имени, но за невозможностью остановиться на выборѣ подходящаго небольшого помѣщенія, — до общаго грандіознаго обѣда для цѣлой ханькоусской колоніи, — предпочтеніе временно отдано жилищу церковнаго старосты. И такъ никто не сомнѣвается въ глубоко восторженномъ настроеніи каждаго изъ нашихъ земляковъ, — и такъ осязательно бьется однимъ біеніемъ горячей преданности Царственному Дому русское сердце присутствующихъ!

Мы здѣсь, такъ-сказать, на родинѣ и въ мірѣ чая: почти всякій разговоръ естественно сводится къ нему. Даже ближайшія плантаціи находятся на нѣкоторомъ разстояніи отсюда и потому нѣтъ возможности познакомить насъ воочію съ характеромъ его любопытной культуры, что было бы весьма поучительно во многихъ отношеніяхъ. Никакой рассказъ, никакое описаніе не можетъ замѣнить собой непосредственной дѣйствительности. Постоянно видѣть чайные листики въ чайницѣ, сознать ихъ историческое міровое значеніе для умственной и физической жизни человѣчества — одно; совсѣмъ другое — самолично посѣтить китайскую плантацію, гдѣ подъ сѣнью тутовыхъ и бамбуковыхъ деревьевъ (кусты чая не выносятъ палящаго зноя) среди нарочно для нихъ посаженныхъ розъ, магноліи, маслины и т. п. (въ качествѣ нѣжнаго, душистаго entourage) растутъ «вѣки буддійскаго мистика Бодидармы». Согласно весьма распространенной легендѣ, этотъ выходецъ изъ Индіи предавался въ Китаѣ высшимъ подвигамъ духа, вѣчной молитвѣ и экстазу. Однажды немощная плоть не выдержала напряженія, и созерцатель уснулъ. Очнувшись, онъ въ гнѣвѣ и ужасѣ оторвалъ и бросилъ на землю виновницы несчастія — смежившіяся вѣки... и, о чудо! на этомъ мѣстѣ выросло растеніе, похожее на розовый кустикъ... Мудрецъ попробовалъ заварить его листья и призналъ бодрящій напитокъ необыкновенно полезнымъ съ аскетической точки зрѣнія.

Качества чая — въ прямой зависимости отъ размѣровъ взростившаго ихъ деревца: чѣмъ оно ниже, тѣмъ лучше сборъ, — отъ болѣе рослыхъ, напротивъ, грубѣе. Только-что ошипанные листья не имѣютъ еще ни специфическаго аромата, ни горьковато-вяжущаго вкуса, по которому его свойства опредѣляются экспертами, пробующими чай. На всякой плантаціи есть свои тайные вѣковые приемы приготовленія продукта на продажу, ароматизаціи его, просушки, сортировки (руками или сквозь рѣшето) и т. д. Представители нашихъ фирмъ до тонкости знакомы съ порядкомъ чайнаго производства и положеніемъ этого дѣла въ сосѣднихъ съ Ханькоу провинціяхъ. До послѣдняго времени русскіе приказчики жилали даже въ сторонѣ отъ Янъ-цзы, внутри страны, дабы близко слѣдить за урожаями драгоцѣннаго растенія.

Мало кому извѣстны попытки завести у насъ культуру чая на Кавказѣ. Между тѣмъ начало имъ положено еще въ 30-хъ годахъ при просвѣщенномъ администраторѣ князѣ М. С. Воронцевѣ. Первые насажденія чайнаго куста произведены (по приказанію верховнаго католика Нерсеса V) въ окрестностяхъ Эчміадзина, религіознаго центра разсѣянной по цѣлому міру армяно-грегоріанской паствы. Вскорѣ появились маленькія плантаціи

НА ЗОЛОТЫХЪ ПРИСКАХЪ СИБИРИ.

въ Сухумѣ, въ Гуріи. Не встрѣчая матеріальнаго успѣха, дѣло стало глохнуть. Съ 1883 г. на него обратило вниманіе Императорское Вольно-экономическое общество, выписавшее съ Янъ-цзы много сѣмянъ и черенковъ. Частныя лица опять взялись съ любовью за интересное предпріятіе. Хорошіе результаты получились недавно отъ опытовъ въ Кахетіи и Тифлисъ, — но торговаго значенія кавказскій продуктъ пока не приобрѣлъ, да врядъ-ли быстро и приобрѣтетъ, пока не будетъ явной правительственной поддержки, отвода казенныхъ участковъ, руководства специалистовъ и т. п.

СИБИРСКІЕ «НЕСЧАСТНЫЕ».

Принимая во вниманіе постройку сибирской желѣзной дороги, которая первоначально — дойдя до океана и «застѣннаго Китая», — должна въ значительной мѣрѣ разсчитывать на экзотическіе грузы вродѣ чая, есть полное основаніе усомниться въ цѣлесообразности чрезмѣрнаго покровительства въ данную минуту производству чая на Кавказѣ. Рельсовый путь до такой степени объединитъ наши экономическіе и государственные интересы съ китайскими, огражденіе тамошней безподобной по природному качеству чайной культуры отъ конечнаго упадка (въ виду жестокой конкуренціи Индіи и Цейлона) до того входитъ въ кругъ нашихъ обязанностей и собственныхъ выгодъ, что всякое умаленіе спроса на этотъ важнѣйшій продуктъ Небесной имперіи едва-ли желательно, если вникнуть въ вопросъ поглубже, — когда сама жизнь предъявляетъ совершенно иныя требованія и вовсе не выдвигаетъ на очередь осуществленія подобной задачи.

Послѣ завтрака въ молчановскомъ домѣ Е. И. Высочество осчастливилъ посѣщеніемъ кирпичную фабрику фирмы «Молчановъ, Печатновъ и Комп.», а также интереснѣйшую выставку китайскихъ произведеній, устроенную (спеціально для обозрѣнія Наслѣдника Цесаревича фирмой «Токмаковъ, Молотковъ и Комп.» по инициативѣ одного изъ ея представителей г. Литвинова) въ ея новомъ пакгаузѣ (godown), гдѣ переукупориваются и складываются байховые чаи. Огромное неуклюжее зданіе (съ помѣщающимися въ немъ такъ — сказать сараями) самымъ выгоднымъ образомъ преобразилось снаружи и роскошно изукрасилось внутри флагами, зеленью, гирляндами, шелковыми тканями и выписанными изъ Шанхая фонариками, — обратившись въ длинную галерею. Въ теченіе двухъ

МИСТИЧЕСКІЯ ПЛЯСКИ ЛАМАИТОВЪ.

мѣсяцевъ сюда тщательно собирались предметы, могущіе и достойные привлечь вниманіе Высокаго Гостя: разнаго рода матеріи (бархатъ и шелка) — серебряныя, фарфоровыя, деревянныя и жестяныя вещи, — издѣлія изъ слоновой кости, нѣкоторыя принадлежности мандаринскаго костюма, чучела птицъ, образцы туземныхъ снадобій и лекарственныхъ травъ, пищи вообще и лакомствъ, — модель ручнаго движущагося станка для выдѣлки тканей и т. п. Кромѣ того, на особыхъ столахъ съ оклеенными бѣлой бумагой лотками выставлены коллекціи всѣхъ сортовъ чая въ предѣлахъ Небесной имперіи: цвѣточнаго (т. е. съ примѣсью нѣжныхъ только-что распустившихся листиковъ чайнаго дерева), желтаго, зеленаго, чернаго «разсыпнаго» или иначе «байховаго» (отъ слова «бай», молодые ростки чайнаго куста), плиточнаго и кирпичнаго (съ обозначеніемъ: откуда, какъ

велико производство и какая цѣна). Послѣдняго рода надписи находились, впрочемъ, и при другихъ экспонатахъ.

Великій Князь внимательно ихъ осматривалъ, пріобрѣлъ даже иные предметы, отрицательно отозвался о качествѣ выставленнаго фарфора въ сравненіи съ чуднымъ кантонскимъ, пробовалъ крѣпкіе чаи (пряный темнокрасный настой). Для ознакомленія съ первосборными сортами фирма «Токмаковъ, Молотковъ и Комп.» отрядила еще въ мартѣ агентовъ на плантаціи закупить лучший товаръ. Говорятъ, среди него есть столь рѣдкіе по составу чаи, что мало спросить пятьдесятъ рублей за фунтъ.

Комнатка, гдѣ сгруппированы эти достопримѣчательности ханькоусскаго рынка, скоро будетъ ареною тончайшей вкусовой экспертизы. Съ конца апрѣля по май-іюнь, когда въ

УЧАСТНИКИ «ЦАМА», БУРЯТСКАГО РЕЛИГИОЗНАГО ТАНЦА.

конторы здѣшнихъ торговыхъ домовъ ежедневно поступаетъ на пробы до 100—150 разнороднѣйшихъ чайныхъ сортовъ, коммерсанты приглашаютъ за дорогую плату такъ-называемыхъ «титестеровъ» смаковать и обонять предлагаемые образцы. Специалисты по этой части, — строго воздерживающіеся отъ куренія и спиртныхъ напитковъ, — должны не только исполнять прямую задачу: высказываться о пробуемомъ чаѣ, но и опредѣлять характеръ урожая и сбора во всякомъ районѣ, выступающемъ съ предложеніями покупки, — а именно: мелокъ-ли или крупень листь, какъ онъ свернуть и поджаренъ, однообразенъ-ли его цвѣтъ, чѣмъ отличается ароматъ, какіе сорта куда направлять для выгоднаго сбыта и т. д. Результаты изслѣдованія и оцѣнки каждагодно записываются въ справочныя книги, которыми всякая фирма въ послѣдствіе и руководится. Плутовать китайцамъ рискованно довѣрять безусловно дѣло пробы, отъ которой зависятъ многотысячные обороты. Экспертами въ большинствѣ случаевъ служатъ англичане, получающіе

за такой страшно энервирующий трудъ до 10,000 рублей въ сезонъ, — да еще на всемъ готовомъ отъ хозяина и нерѣдко съ обязательствомъ патрона прибавлять титестеру на поѣздки въ Европу, въ виду того что употребленіе теина въ такомъ количествѣ медленной отравой дѣйствуетъ на организмъ.

Обходя интересную выставку и ближе знакомясь съ членами русской колоніи, приходишь къ самымъ отпаднымъ и отчасти неожиданнымъ мыслямъ и заключеніямъ. Наши

ВОЗСОЕДИНЯВШІЙСЯ СЪ МОСКОВСКОЮ РУСЬЮ ТУРАПЪ.

коммерсанты пользуются въ Китаѣ огромнымъ вліяніемъ. Несмотря на свою крайнюю малочисленность и обособленность отъ отечества, не взирая на грозную конкуренцію иностранныхъ капиталистовъ и кратковременность серьезнаго занятія чайнымъ дѣломъ, — они шутя счумѣли отвоевать себѣ въ немъ почти первенствующее положеніе, которое что ни годъ должно крѣпнуть. Китайцы очень любятъ здѣшнихъ русскихъ: при взрывѣ негодованія черни противъ европейскаго элемента, служащіе у нихъ всегда готовы грудью встать за своихъ хозяевъ, — вполнѣ ясно отличая послѣднихъ отъ «людей изъ-за моря». Если уже въ данную минуту оно такъ, — чего же ожидать отъ болѣе тѣснаго общенія въ близкомъ будущемъ съ имперіей богдыхана? Наши калганцы, тянь-цзинцы, ханькоуцы и фучжоуцы являются пока лишь передовыми застрѣльщиками народа-исполина,

чувствующаго себя въ Азіи какъ дома. Не безъ основанія говорится о нашей поразительной косности въ области развитія торгово-политическихъ сношеній съ тихо-океанскими побережьями. Однако надо имѣть въ виду, что мы почти оцупью идемъ или точнѣе шли туда до послѣдняго момента: безъ опредѣленнаго плана, когда и что тамъ дѣлать, во имя чего и съ чѣмъ именно бороться! Явленіе совершенно аналогично событіямъ чисто стихійнаго характера въ царство Грознаго. Русь расширилась какъ-то вдругъ до необычайныхъ размѣровъ, и общая жизнь проснулась въ ея гигантскомъ тѣлѣ. Когда первый русскій поѣздъ прямаго сообщенія изъ Москвы остановится у водъ Великаго океана, могу-

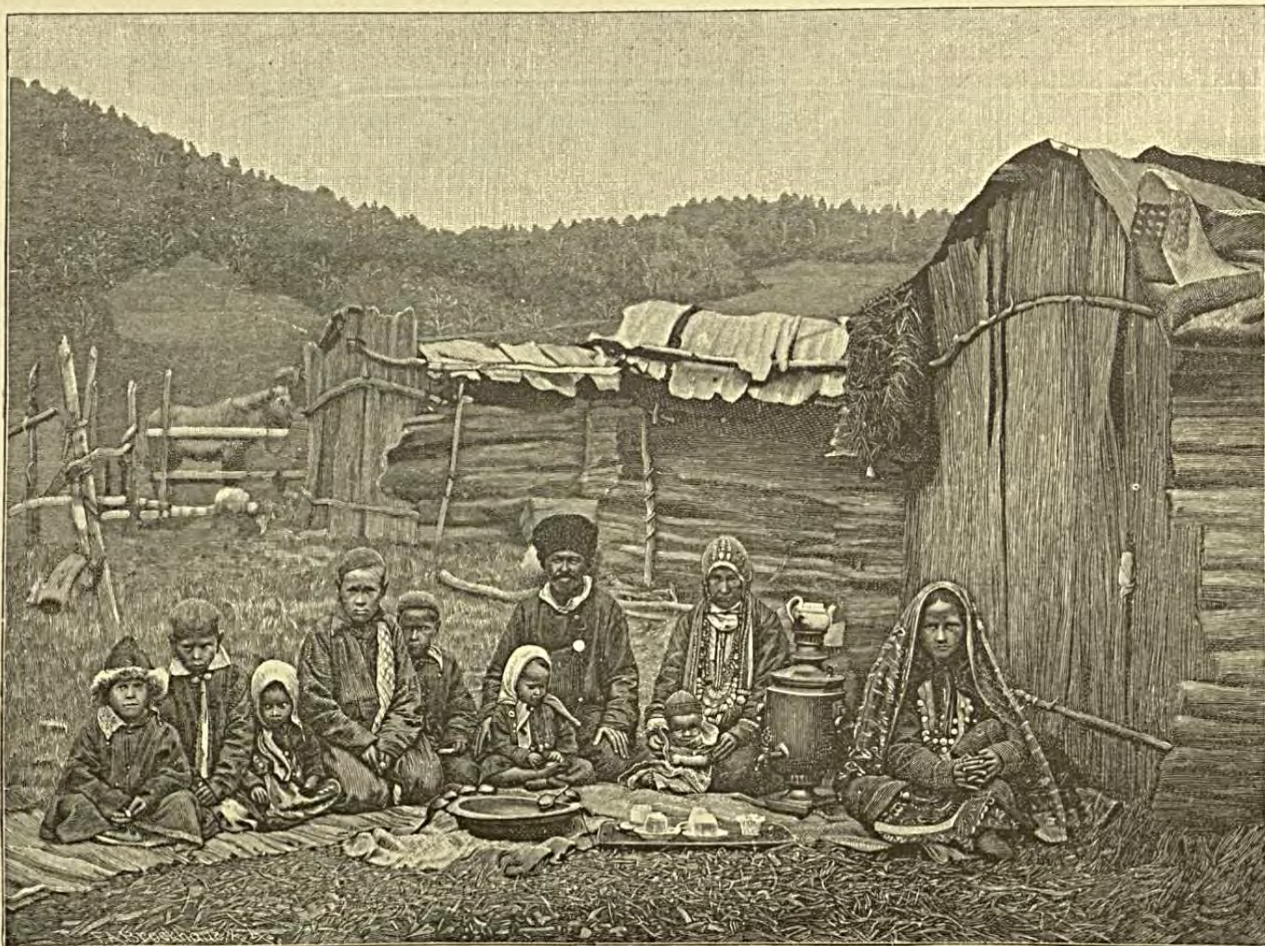
НАШИ ПРОМЫШЛЕННИКИ У ОСТЯКОВЪ ВЪ СТАРИНУ.
(СЪ РИСУНКА ТОВАЛЬСКАГО ХУДОЖНИКА ЗНАМЕНСКАГО.)

чая волна народно-русскаго стремленія тѣснѣе отождествиться экономически и государственно съ лежащими по этой дорогѣ мірами не заставитъ себя ждать. Дабы нагляднѣе уразумѣть столь простую истину, поучительно давать себѣ почаще отчетъ въ нашемъ смутномъ *Drang nach Osten* при Іоаннѣ IV.

Исторія Сибири до сихъ поръ не написана. Русскій народъ столь медленно приходитъ къ самосознанію, что почти никому еще не ясна картина нашего кореннаго единства и послѣдовательнаго слиянія съ Востокомъ. Земли за Ураломъ пытались даже именовать «колоніей». Связи ея съ такъ-называемой «метрополіей» иными признавались и чуть-ли не признаются одинаково искусственными какъ быстро порвавшіеся политическія узы между Испаніей и Америкой, между Англіей и молодыми заатлантическими Штатами.

«Solche ungeheure Reiche wie Russland können gar nicht bestehen», ex cathedra превозглашаютъ профессора въ Германіи. Знаменитое изреченіе Тютчева про свою родину:

Ея разсудкомъ не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить,
У ней особенная стать,
Въ Россію можно только вѣрить —

ИНОРОДЦЫ ПРИУРАЛЬЯ.

отчасти служить выраженіемъ взглядовъ образованной толпы на совершенно ей непонятное развитіе маленькаго удѣльнаго княжества въ колоссальнѣйшую по пространству изъ когда-либо существовавшихъ имперій. Не пора-ли отдать себѣ наконецъ отчетъ (хотя-бы теперь, накануне закладки сибирскаго желѣзнодорожнаго пути), почему это неизбежно случилось и отчего наше поступательное движеніе въ Азіи далеко нельзя считать завершеннымъ? Ключъ къ подобному истолкованію лежитъ въ характерѣ завоеванія и заселенія великорусскимъ племенемъ сроднаго ему Заволжья и Зауралья. Когда европейцы устремлялись искать приключеній и наживы за океанъ, пришельцевъ встрѣчали тамъ диковинныя для нихъ иновѣрно-иноязычныя рассы съ діаметрально противоположной цивилизаціей: такія начала естественно вступали тотчасъ же въ борьбу не на жизнь, а на смерть, — въ результатъ чего получалась гибель слабѣйшихъ элементовъ. Между тѣмъ

наши восточно-русскіе піонеры (полупромышленники, полуразбойники), — невольно расширяя черту окраинъ, — на каждомъ шагу открывали не новый и по временамъ безусловно враждебный міръ, но зачастую съ дѣтства знакомый по облику и рѣчи, по обычаямъ и поведкѣ добродушный инородческій людъ, съ которымъ вовсе не трудно было, — смотря по обстоятельствамъ, — сражаться или ладить, по мѣрѣ похода вглубь азіатскаго материка. Для конквистадоровъ Кортеса и Пизарро всякій мексиканецъ и перуанецъ, — съ его невѣдомымъ прошедшимъ и чудовищными жертвоприношеніями, — казался исча-

ЭЛЕМЕНТЪ ДРУЖИНЫ ЕРМАКА.

дѣемъ ада, обреченнымъ исчезнуть съ лица земли. Любому вологжанину или вятичу, шедшему въ числѣ вольницы на Востокъ, встрѣчное финско-тюркское «нечистое отродье» представлялось младшею братією, напрасно избидѣть которую и по совѣсти не слѣдовало, и ради собственной выгоды являлось опаснымъ: черезъ разныхъ зырянъ, чувашей, черемисовъ, башкиръ, мордву и татарву въ качествѣ опытныхъ хожалыхъ проводниковъ постепенно прокладывался нашимъ крестьянствомъ и казачествомъ торный путь въ необъятное сибирское приволье. Къ ихъ дорожному и сторожевому костру по ночамъ безъ робости и отчужденія приближалась (и въ тайгѣ, и въ степи) одинаково съ этими ватажниками

одѣтая, мало чѣмъ отъ нихъ отличная фигура инородца. У общаго котла и ему очищалось мѣсто, при дружной незатѣйливой бесѣдѣ и его голосъ получалъ иногда рѣшающее значеніе, у случайной коновязи могъ отдохнуть до разсвѣта и его шибко запаренный конь. Подобный *modus vivendi* былъ немыслимъ при взаимоотношеніи «бѣлыхъ колонизаторовъ» съ американскими мѣдноокрасными автохтонами. Отдѣльные эпизоды кратковременно пріязненного характера слишкомъ ясно служатъ исключеніемъ изъ правила, чтобы на нихъ стоило останавливаться.

Русскому предприимчивому человѣку въ XVI столѣтіи не встрѣчалось никакого иного выхода какъ за Ураль. «Басурманскій» Туранъ тѣснилъ мужика-порубежника съ юга. Лютые нравы дома нерѣдко дѣлали жизнь нестерпимой. По мѣткимъ словамъ народной пѣсни:

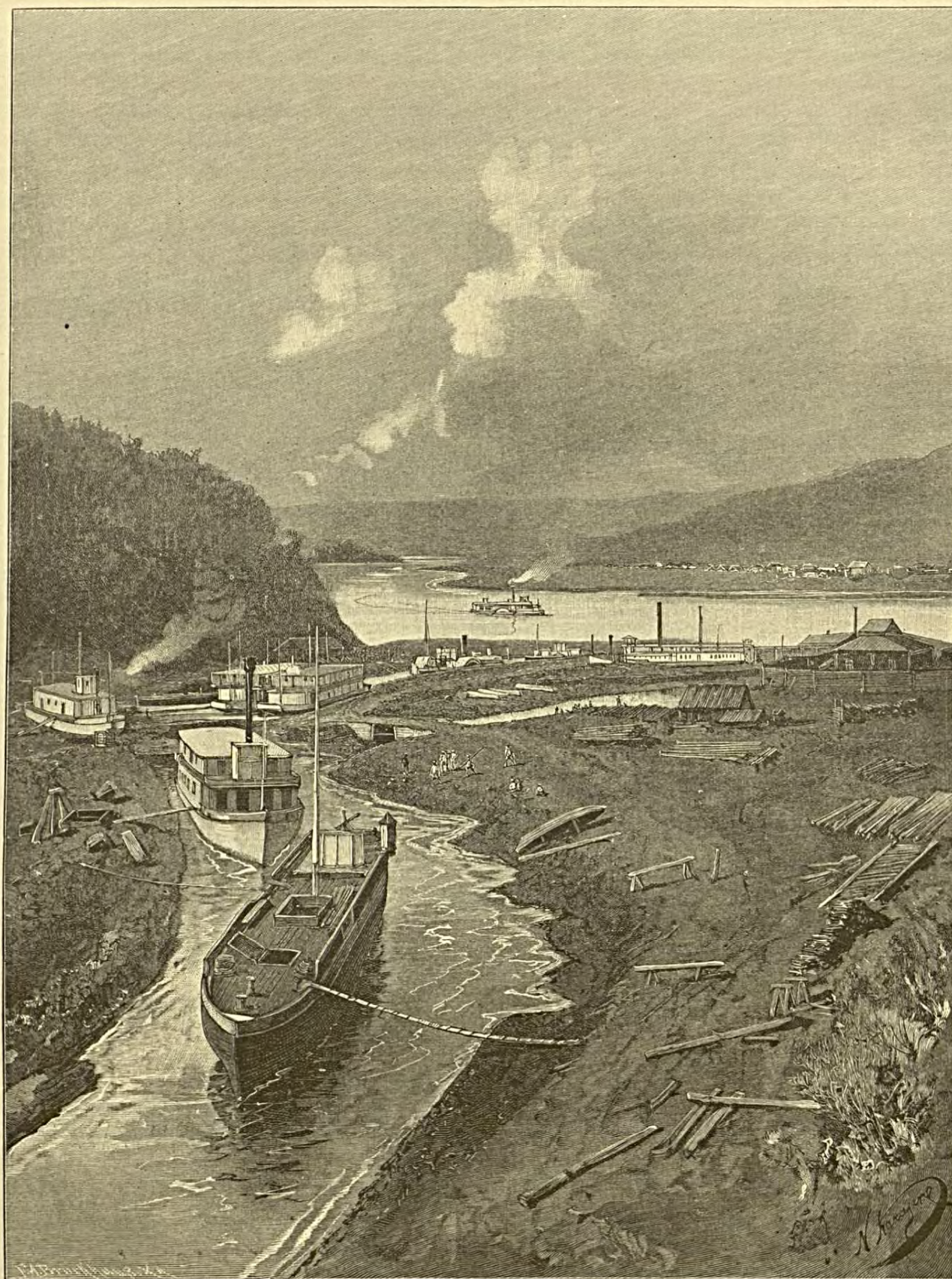
Въ Астрахани жить нельзя,
На Волгѣ жить — ворами слыть,
На Яикѣ идти — переходъ великъ,
Въ Казань идти — Грозень царь стоитъ,
Грозень царь-государь Иванъ Васильевичъ.

Лѣсныя и рѣчныя дороги сквозь Пермь въ непочатый край манили тогдашняго переселенца точно встарь, — при первыхъ ужасахъ монгольскаго ига, — наши сѣверныя дебри, куда за изгнанникомъ-пахаремъ и упорнымъ насадителемъ обрусенья, трудолюбивымъ инокомъ, не дерзалъ проникнуть неутомимый татарскій вершникъ. Послѣдній въ данную пору замѣнялся опричникомъ, олицетворялся въ Иоанновомъ гнѣвѣ и связанной съ нимъ жестокой опалѣ А тамъ «за богатой Біарміей» классическихъ писателей разстилась съ еще болѣе неистощимыми подспудными сокровищами многоводная приобская страна: съ безбрежнымъ кругозоромъ для звѣробоя и золотоискателя, съ цѣлыми мірами неизвѣданной шири вдоль Енисея и Лены, за Байкаломъ и по Амуру. Горсти смѣльчаковъ въ самый непродолжительный срокъ перекинулись по нимъ до океана. Это могло совершиться только потому, что они тамъ не чувствовали себя на чужбинѣ, видѣли въ Сибири что-то совсѣмъ родное. Кажущееся намъ чрезвычайно грандіознымъ по масштабу нисколько не смущало безхитростнаго воображенія Ермаковъ, Хабаровыхъ, Поярковыхъ и другихъ по своему великихъ людей, забытыхъ потомствомъ.

Не вспомнить при удачѣ о Москвѣ, не сознать органической связи съ нею даже разбойничьи атаманы сочли бы явнымъ грѣхомъ и непростительной измѣной. Долгъ любви къ отечеству требовалъ, — говоря былиннымъ языкомъ, — чтобы побѣдители послали туда соболиную казну и прочую рухлядь, чтобы руководитель движенія чистосердечно изрекъ батюшкѣ-царю:

Приношу тебѣ буйную я головушку
И съ буйной головой царство Сибирское.

Подобное настроеніе, искони присущее русскому народу, сохранилось до нашего вѣка. Императоръ Николай Павловичъ, узнавъ о пребываніи въ Персіи бѣглыхъ нижнихъ чиновъ, гдѣ имъ за выдающуюся храбрость и добрые совѣты въ ратномъ дѣлѣ противъ азіатовъ шахомъ жаловано было положеніе при дворѣ, званіе военачальниковъ-тѣлохранителей, наконецъ цѣлое состояніе при согласіи перейти въ мусульманскую религію, высочайше командировалъ къ нимъ офицера съ Кавказа (изъ 44 драгунскаго Нижегородскаго полка) съ цѣлью вразумить нарушившихъ присягу, пробудить въ нихъ раскаяніе и вернуть на родину. Посланный отправился, рискуя жизнью. Тѣ сначала, конечно, и слышать ни

НА РЪЧНЫХЪ ВЕРФЯХЪ АМУРСКАГО КРАЯ.

о чемъ не хотѣли, — но мало по малу смутились, порѣшили принести повинную, согласились отречься отъ кровью добытыхъ почестей и богатствъ: только-бы Государь смилостивился и принялъ обратно на службу своихъ законопреступныхъ подданныхъ! Въ чьей исторіи искать аналогичныхъ разительныхъ примѣровъ глубочайшаго безкорыстія и беззавѣтной преданности монарху?

Въ противоположность безпощадной борьбѣ съ кореннымъ населеніемъ, которую вели напр. «бѣлые» колонизаторы Америки, достойно вниманія относительно весьма человѣчное отношеніе нашего простолюдина къ инородческому жизненному строю и правамъ на существованіе. Если разные самоѣды, остяки и бродячіе тунгузы вымираютъ въ силу измѣнившихся экономическихъ условій, — то не изъ-за жесточи господствующаго эле-

ИНОРОДЦЫ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (САГАЙЦЫ).

мента, а потому что цивилизація часто прививаетъ дикарямъ страсти и пороки, не встрѣчающіе реакціи въ ихъ душѣ. Тутъ виновата не пришлая довольно примитивная культура, — но слабыя воли, гибнущія отъ соприкосновенія съ нею какъ насѣкомыя на огнѣ. Нельзя же отрицать, что исчезающимъ народностямъ на столѣтія хватило бы еще простора въ сѣверныхъ областяхъ Сибири! Инородцы, — сѣмьѣвшіе не подпасть соблазнамъ, — свободно бродятъ годами въ поискахъ за звѣремъ, владѣютъ, — гдѣ имъ нужно, — рыбнымъ царствомъ, по прежнему занимаютъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ оленеводствомъ и т. д. Туземцы съ болѣе опредѣленнымъ національнымъ обликомъ (вродѣ якутовъ и бурятъ) въ свою очередь стойко выдерживали и выдерживаютъ «мирный» натискъ Россіи, дружелюбно принимали всѣмъ племенемъ (въ иныхъ мѣстностяхъ, напр. въ Забайкальѣ, даже еще тогда пока менѣе прозорливые жители нынѣшней Иркутской губерніи

оборонялись отъ казаковъ) горсть піонеровъ съ Запада, быстро вошли въ плотской и нравственный союзъ съ новоприбывшими богатырями, наложили на ихъ непосредственное потомство и послѣдующія восточно-сибирскія поколѣнія физическій отпечатокъ своей рассы, со вложенною имъ однако въ сердце русскою рѣчью, русскою вѣрой, русскою стремительностью духа.

Послѣ подробнаго осмотра выставки Е. И. Высочество внимательно ознакомился на фабрикѣ «Молчанова, Печатнова и Комп.» съ производствомъ кирпичныхъ и плиточныхъ

ЗАПАДНО-СИБИРСКІЕ СУЛТАНЫ.

чаевъ. У входа Наслѣднику Цесаревичу поднесено было на серебряномъ блюдѣ прессованное блюдо изъ матеріала лучшаго зеленого чая съ соотвѣтствующими надписями и хлѣбомъ-солью. Передъ Августѣйшимъ путешественникомъ выяснилась по возможности полная картина фабрикаціи и упаковки главнаго вышеназваннаго продукта. Кирпичи изготовляются изъ разныхъ остатковъ и отбросовъ, образующихся послѣ просѣиванія листовъ драгоцѣннаго растенія (въ составъ высѣвокъ входятъ сухіе стебли, корешки, сердцевинки и пыль, — получающіе общее наименованіе «хусянъ»). Его въ огромномъ количествѣ скупаютъ на заводы съ плантацій, распредѣляютъ по холщевымъ мѣшечкамъ небольшихъ размѣровъ, въ такомъ видѣ помѣщаютъ на четверть часа въ паровую ванну,

пересыпаютъ оттуда въ толстыя деревянныя формы съ плотно прилегающими крышками и ставятъ подъ прессъ, напоминающій внѣшностью щипцы для орѣховъ. На хорошихъ фабрикахъ, — гдѣ нѣтъ недостатка въ формахъ, — спрессованный матеріалъ нѣсколько сутокъ слеживается и сохнетъ.

Для производства плиточнаго чая (вродѣ шоколада) употребляется сильный гидравлическій прессъ, благодаря которому лучше сохраняется ароматъ и продуктъ оказывается приспособленнѣе къ дальней перевозкѣ. Нашими фирмами ежегодно отправляется изъ одного Ханькоу — свыше 100,000 ящиковъ кирпичнаго и плиточнаго чая, вообще же до

ГЛАВАРИ ИНОРОДЧЕСКАГО СЕМИРѢЧЬЯ.

170,000, — изъ коихъ послѣдній составляетъ лишь двѣнадцатую долю. Большая часть производства сосредоточена въ рукахъ молчановскаго торговаго дома, нанимающаго до тысячи человѣкъ куліевъ. «Токмаковымъ, Молотковымъ и Комп.» изготовляется на 25% меньше.

Очень интересно было взглянуть на способы укупорки и задѣлки этихъ чаевъ въ такъ-называемыя «мѣста» (вѣсомъ отъ двухъ съ половиною пудовъ и тяжелѣе), оплетенныя камышевыми дранками.

Передъ отъѣздомъ съ фабрики на «Владивостокъ» Е. И. Высочеству и принцу Георгію подносятся спрессованные специально въ память Августѣйшаго посѣщенія кирпичи зеленого чая (между прочимъ и для лицъ свиты): съ надписью о столь радостномъ событіи.

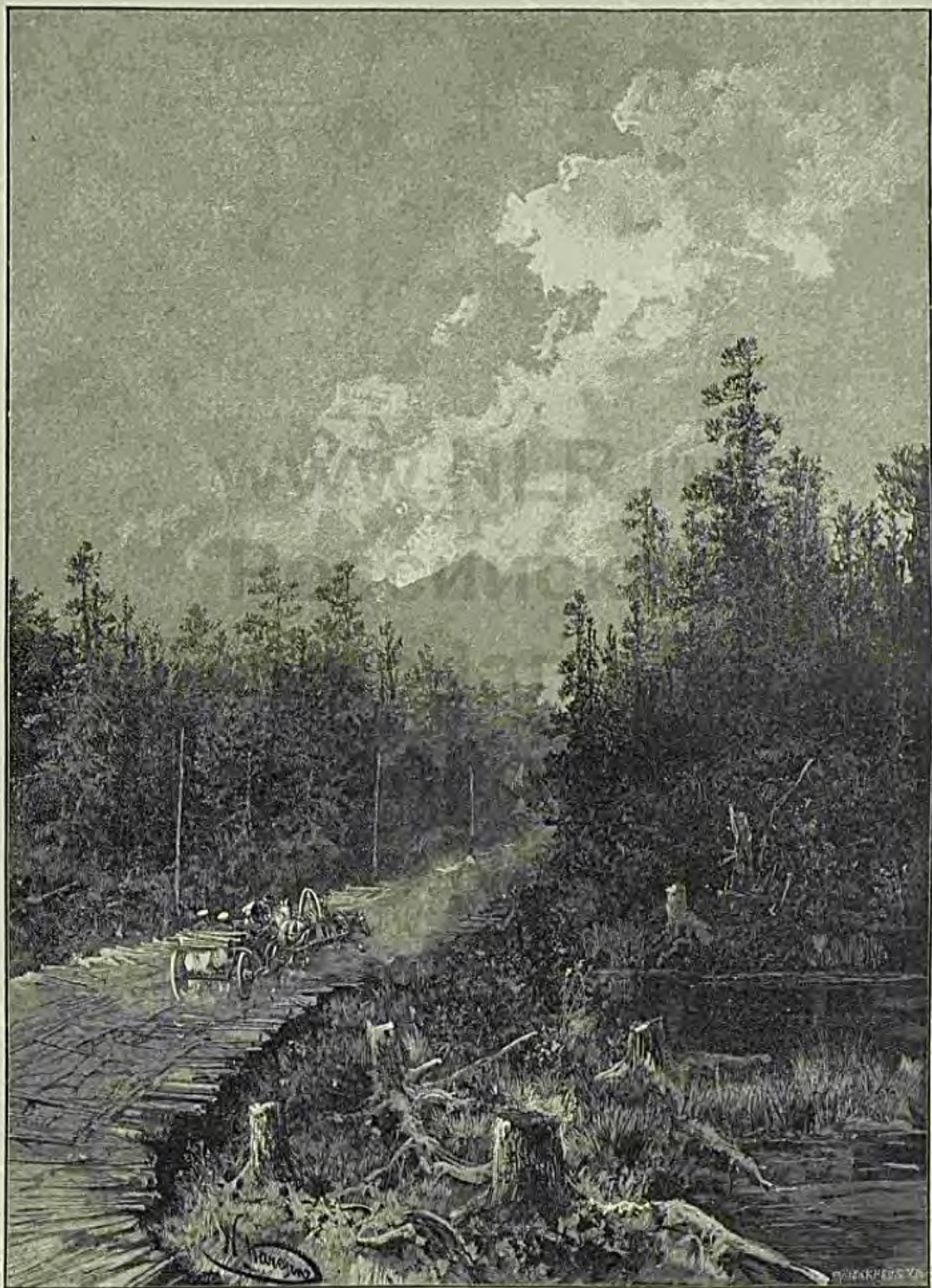
Въ 8 часовъ вечера домъ фирмы Молчанова вновь осчастливленъ былъ прибытіемъ Наслѣдника Цесаревича на обѣдъ, милостиво принятый отъ нашего консула. За столомъ (на 40 приборовъ) присутствовали, — кромѣ обычныхъ спутниковъ и русскихъ командировъ, — старшіе члены нашей колоніи и иностранные консула. Послѣдніе, — а также участники муниципалитетнаго комитета, организованнаго для наблюденія за украшеніемъ города и иллюминаціей, — представились Великому Князю. Любоваться ею и чрезвычайно эффектнымъ туземнымъ фейерверкомъ (на ботахъ, вдали отъ берега) — пришлось только около десяти, — съ пристани, куда Высокимъ Гостямъ вынесли кресла. Европейскій

БОГАТОЕ КИРГИЗСКОЕ ЖИЛЬЕ.

кварталь (не только набережная, но и невидимые оттуда переулки) заблесталъ буквально тысячами разноцвѣтныхъ фонариковъ и шкаликовъ, а также вереницею транспарантовъ съ вензелями и надписями: «Добро пожаловать!» «Милости просимъ!» «Слава русскому Царю!» «Боже, Царя храни!» и т. д.

Громадная толпа (вся колонія иноземцевъ и несмѣтное множество китайцевъ, ухитрившихся проникнуть на «праздникъ огня», — несмотря на всевозможныя преграды) тѣснымъ кругомъ обступила Августѣйшихъ путешественниковъ, соблюдая однако образцовый порядокъ. Раньше чѣмъ вернуться на пароходъ Цесаревичъ соблаговолилъ выразить свою признательность распорядителю чествованія, англичанину Прейсу. Возвратиться безъ задержки домой казалось на первый взглядъ весьма затруднительнымъ: рѣку сплошь

ПО ГАТЯМЪ СИБИРСКАГО ТРАКТА.

ТИПЪ МАНДАРИНА.

усѣяли лодки любопытныхъ туземцевъ, такъ что хоть по суху переходи на «Владивостокъ». Стоило съ берега раздаться прощальному «ура» всѣхъ иностранцевъ, — и масса на водѣ чинно, съ глубокой почтительностью очистила дорогу.

Понедѣльникъ, 8 (20) апрѣля.

Сегодня, — до полудня, — будетъ отданъ визитъ Чжанъ-чжи-дуну, живущему повыше отъ города, на Янъ-цзы (мили за четыре отъ Хань-коу). Е. И. Высочество отправится туда, подъ Своимъ флагомъ, но на яхтѣ вице-короля (съ одѣтой въ красное командой), — въ сопровожденіи «Корейца» и «Бобра». Упорные слухи и толки о томъ, что здѣсь слишкомъ велика вражда властей и населенія ко всему иноземному въ результатѣ являются непримѣнными къ намъ. Китайцы отлично знаютъ, кто достоинъ ихъ неприязни: имъ и въ голову не придетъ устроить намъ, — на радость нашихъ европейскихъ недруговъ,

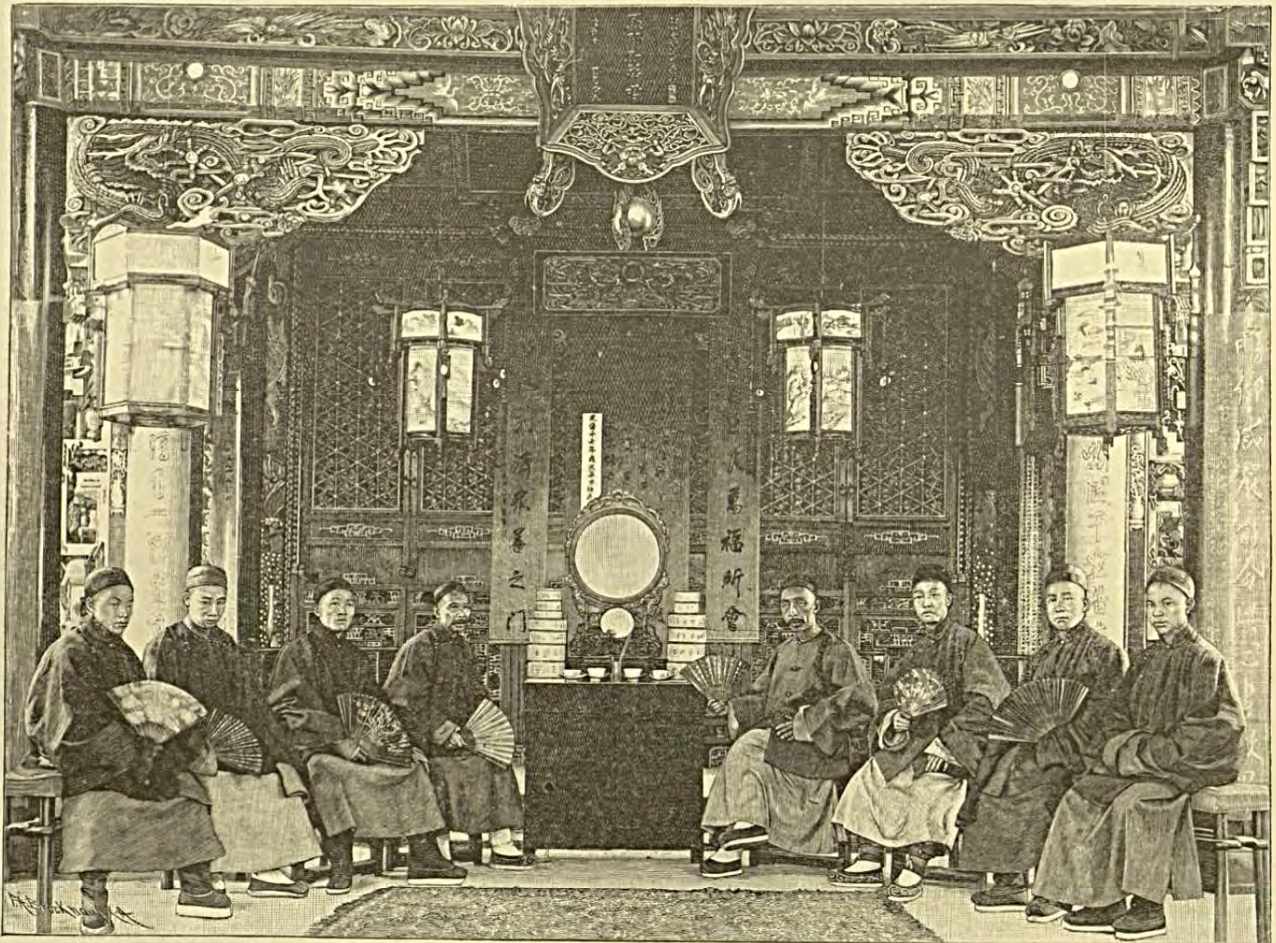
— демонстрацію съ выраженіемъ антипатіи. Наоборотъ, убѣжденный консерваторъ Чжанъ-чжи-дунъ воочію имъ покажетъ, что думаетъ его народъ о Россіи. Говорятъ, пріемъ обѣщаетъ быть еще торжественнѣе кантонскаго. Эстетическаго впечатлѣнія ради онъ состоится, впрочемъ, не въ самой резиденціи генералъ-губернатора. Столица провинціи Хубэй (Hupéh)-Учанъ (Wutschang), — на правомъ берегу, — вмѣщаетъ до 300,000 душъ населенія, обнесена могучими стѣнами и будто-бы сильно укрѣплена (въ ней насчитываютъ 400 орудій). Чествовать Наслѣдника Цесаревича рѣшено не тамъ (среди грязныхъ многолюдныхъ улицъ туземнаго центра), а на противоположномъ ему живописномъ ханьянскомъ холму, гдѣ близъ воспѣваемаго китайскими поэтами красиваго «острова попугаевъ и птицъ» высится надъ обрывомъ кумирня Чжинъ-чжункоу съ такъ называемымъ «павильономъ лучезарной рѣки». Тамъ состоится оффиціальный завтракъ. Въ Небесной имперіи принято считать инья кумирни (въ особенности конфуціанскія) за своего рода клубы, куда на досугъ можно собираться для чаепитія и разговоровъ.

Во время медленнаго слѣдованія противъ теченія (на трапезу къ вице-королю) съ учанскихъ укрѣпленій непрерывно гремитъ салютъ. По обоимъ берегамъ цѣпью разставлены значительныя по количеству войска, при-

КИТАЙСКІЙ ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

вѣтствующія ружейными залпами. До 50 туземныхъ канонерокъ провожаютъ Царственного Гостя по озаренной солнцемъ и сверкающей парусами рѣкѣ Янь-цзы. У пристани, гдѣ Его встрѣчаетъ Чжань-чжи-дунъ, дожидаются также желтыя богдыханскія носилки, которыя по этикету несутъ всегда 8 человѣкъ. Принцу Георгію Греческому приготовленъ зеленого цвѣта паланкинъ съ 4 носильщиками. Подъемъ въ гору тянется пестрымъ шатромъ и убранъ фарфоровыми цвѣточными горшками. Выстроенный для пріема чиновный людъ до крайней степени наряженъ. За безконечнымъ банкетомъ въ узорчатой палаткѣ съ вышитыми золотомъ начертаніями, — среди разукрашенныхъ флагами кумиренныхъ зда-

КИТАЙЦЫ, СОБРАВШЕСЯ ВЪ КУМИРНѢ ДЛЯ БЕСѢДЫ.

ній, — генераль-губернаторъ провозглашаетъ тосты за Государя Императора и Государыню Императрицу, заявляя, что въ Китаѣ хорошо сознается важность прибытія Русскаго Престолонаслѣдника и цѣнность продолженія столь же дружественныхъ отношеній между двумя государствами. Цесаревичъ пьетъ здоровье ихъ величествъ: китайскаго императора, вдовствующей и молодой императрицъ.

Необозримыя массы народа глядѣли на прибытіе Его въ Чжинъ-чжункоу. Угощеніе отличалось обычною въ такихъ случаяхъ изысканной гастрономической роскошью. Меню были отпечатаны на шелку по французски. Сидѣнья были покрыты богатыми вышивками съ изображеніемъ весьма условно похожихъ львовъ. Передъ возвращеніемъ на свой паро-

ходъ, Августѣйшіе путешественники любовались съ вершины холма грандіознымъ видомъ на оживленныя окрестности, состоящія въ сущности изъ трехъ находящихся въ постоянномъ общеніи городовъ (Учана, Ханьяна, — при слияніи судоходной рѣкѣ Хань съ Янъ-цзы, — и Ханькоу).

Сравнительно недавно на мѣстѣ послѣдняго находилось простое прирѣчное торговое село (чжэнь), которое быстро стало расти послѣ усмиренія тридцать лѣтъ тому назадъ тайпинскаго возстанія, организованнаго съ цѣлью ниспровергнуть маньчжурскую династію. Ханькоу, развившееся въ силу благоприятныхъ топографическихъ условій изъ предмѣстій города Ханьяна (Nanjang), насчитываетъ съ нимъ вмѣстѣ теперь около милліона жителей. Изъ нихъ около $\frac{4}{5}$ обитаетъ въ первомъ, немного западнѣе отъ напоминающаго настоящій паркъ европейскаго квартала, гдѣ иностранцевъ всего — 370 душъ: при 27 фирмахъ (6 нѣмецкихъ, одной французской, 12 англійскихъ, 4 русскихъ, 3 американскихъ) — 150 англичанъ, 40 русскихъ, 15 нѣмцевъ и столько же французовъ, 35 американцевъ, 70 итальянцевъ и т. д.

Ежегодные обороты порта, — являющагося отчасти складомъ товаровъ, идущихъ въ богатѣйшую провинцію Сычуань, — равняются приблизительно ста милліонамъ рублей. Число всевозможныхъ китайскихъ судовъ, каждагодно посѣщающихъ ханькоусскій рынокъ, простирается до 20—25,000 (съ водоизмѣщеніемъ въ милліонъ тоннъ). Экспортъ, почти вдвое превышающій импортъ, состоитъ преимущественно — кромѣ 3,000,000 пудовъ чая (на 25,000,000 рублей въ годъ) — изъ шелка, табаку, кожъ, сала, масла, воска, мускуса, ревеня. Четыре дѣятельно работающихъ пароходныхъ линіи связываютъ развивающійся городъ съ Шанхаемъ.

Тѣмъ не менѣе коммерсанты имѣютъ нѣкоторое основаніе быть недовольными отсутствіемъ возможности разгружаться прямо у пристаней. Стоянка у Ханькоу весьма неудобна для большихъ судовъ: въ виду водоворотовъ, возникающихъ отъ впаденія надъ нимъ въ Янъ-цзы многоводной рѣки Хань. Кромѣ того дно очень песчано, якоря черезчуръ въ немъ завязаютъ и рвутся, — отчего иногда гибнутъ врасплохъ застигаемые бѣдой нагруженные пароходы. Подойти близко къ берегу нельзя.

Конечно, надо надѣяться, что новѣйшія техническія усовершенствованія дадутъ средства для борьбы съ этими явленіями. Во всякомъ случаѣ будущая роль порта очень велика. Въ Ханькоу нерѣдки наводненія: Янъ-цзы вздувается лѣтомъ на 7—8 саженой. Хотя европейскій кварталъ огражденъ съ набережной каменнымъ оплотомъ, неукротимо разливающаяся мутная рѣка затопляетъ иногда и тамошнія благоустроенныя улицы-аллеи.

У СТРАНЫ ВОСХОДЯЩАГО СОЛНЦА.

Вторникъ, 9 (21) апрѣля.

Е. И. Высочество удостоилъ принять вчера обѣдъ отъ всей русской колоніи, на который къ 7 часамъ 30, — кромѣ Великокняжеской свиты и офицеровъ съ «Корейца» и «Бобра», — собралось около ста сорока приглашенныхъ (множество иностранцевъ: въ томъ числѣ командиры германской и англійской канонерскихъ лодокъ). До устройства его въ одномъ изъ отдѣленій гигантскаго токмаковскаго пакгауза (смежно съ выставкой) были, по видимому, большіе дебаты о выборѣ мѣста для торжества: шла рѣчь объ организаціи его въ красивомъ клубѣ китайскихъ чаоторговцевъ, въ туземномъ кварталѣ, — но возникло опасеніе, какъ-бы, при слѣдованіи туда, узкою улицею вдоль низкихъ заборовъ невѣжественная чернь не выказала враждебныхъ чувствъ. Это случилось уже неразъ, когда тамъ угощали именитыхъ иностранцевъ, — но я глубоко убѣжденъ, что въ данномъ случаѣ оно не повторилось бы. Чуткій народъ сознаетъ санъ чествуемаго мѣстными властями Высокаго Сѣвернаго Гостя.

На площадкѣ у входа въ импровизированный годоунъ-чертогъ Наслѣднику Цесаревичу представлялись служащіе нашихъ фирмъ (одинъ изъ нихъ — въ формѣ прапорщика запаса), которые не были поименованы г. Дмитревскимъ въ его домѣ. Великій Князь остановился, чтобы осчастливить ихъ нѣсколькими словами бесѣды. «Никогда мнѣ не забыть Его ласковой улыбки и пристальнаго взгляда въ эту минуту», говорилъ мнѣ потомъ бывшій между ними.

Часть пакгауза оказалась преобразенной въ двѣ комнаты (гостинную и закусную), эффектно задрапированныя шелковыми матеріями оранжеваго цвѣта и убранныя ширмами самой лучшей работы. Огромное пространство, отведенное подъ столовую, утопало въ гирляндахъ изъ зелени и флаговъ, вензелей и щитовъ.

Надъ дверями красовались восковыя изображенія туземнаго быта.

Передъ обѣдомъ Е. И. Высочеству были представлены европейскія дамы и близкіе чайному дѣлу роскошно одѣтые коммерсанты-депутаты изъ Кантона и Фу-чжоу, изъ

шаньсѣйской, хунаньской и хубѣйской провинцій. Они явились благодарить Августѣйшаго путешественника за милостивое посѣщеніе и съ просьбой выразить ихъ почтительнѣйшія чувства Государю Императору за добрый пріемъ, которымъ пользуются торгующіе въ русскихъ предѣлахъ китайцы. Переводчикомъ служилъ А. Д. Старцевъ. Цесаревичъ отвѣтилъ, что передастъ содержаніе знаменательной рѣчи Державному Отцу.

Обѣденное сидѣніе Великаго Князя было обито старинной парчей съ золотыми гвоздями. Позади стояли піоны и пальмы. Прислуга изъ туземцевъ (въ соломенныхъ шляпахъ съ алыми кистями) отличалась изяществомъ костюма. Меню привезли изъ Шанхая исполненными рукою художника-француза. Хоръ музыкантовъ съ «Азова» присутствовалъ на праздникѣ. Е. И. Высочество велъ къ столу г-жу Дмитревскую, принцъ Греческій — жену англійскаго консула. Единодушное «ура»! встрѣчало тосты за Ихъ Величества и Августѣйшихъ Гостей. Цесаревичъ благодарилъ русскую колонію за пріемъ и пожелалъ нашимъ фирмамъ успѣха въ наступающій сезонъ.

Передъ возвращеніемъ на «Владивостокъ» Великій Князь смотрѣлъ съ особой платформы у пакгауза на грандіозный фейерверкъ въ китайскомъ вкусѣ (съ каскадами пламени и кружащимися среди нихъ фигурами). Когда Е. И. Высочество покидалъ иллюминированную набережную, — снова запруженную (равно какъ и рѣка) толпами длиннокосыхъ людей, — катеръ Его фантастически озарился бенгальскими огнями и могучіе клики восторга понеслись Ему вслѣдъ.

По приглашенію земляковъ свита и офицеры вернулись еще потомъ на ужинъ въ пакгаузъ и дружественный обмѣнъ мыслей затянулся далеко за полночь.

Сегодня, около десяти утра, Августѣйшіе путешественники отправляются внизъ по рѣкѣ, — за полверсты отъ европейскаго квартала, — на кирпичную фабрику «Токмакова, Молоткова и Комп.» Представители фирмы и служащіе привѣтствуютъ на пристани Царственного Гостя. Лѣстница устлана краснымъ сукномъ. У входа въ помѣщеніе, гдѣ идетъ работа, подносится хлѣбъ-соль. Фактъ незабвеннаго посѣщенія фабрики совпадаетъ съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ торговаго дома, которому она принадлежитъ. Въ память событія хозяева всепреданнѣйше просятъ Великаго Князя о разрѣшеніи пожертвовать 10,000 рублей на учрежденіе стипендіи Его имени при С.-Петербургскомъ Императорскомъ Университетѣ, на Восточномъ факультетѣ, по китайско-монгольско-маньчжурскому отдѣленію.

При подробномъ осмотрѣ фабрики Наслѣдникъ Цесаревичъ внимательно ознакомился сначала съ приготовленіемъ матеріала (хуасяна) для прессовки, затѣмъ въ машинномъ отдѣлѣ съ образцами прессовъ (прежними ручными и новѣйшими паровыми), изъ подъ которыхъ выходитъ столь важный въ коммерческомъ отношеніи кирпичъ, — и наконецъ, съ упаковкой его въ бамбуковые ящики, для отправки въ Сибирь, на Амуръ и въ Аянъ черезъ Іокохаму.

Послѣ осмотра фабрики Е. И. Высочество осчастливилъ посѣщеніемъ домъ фирмы «Токмаковъ, Молотковъ и Комп.», откушалъ тамъ чаю и милостиво бесѣдовалъ съ ея представителями (Тяньцзинскимъ коммерсантомъ Алексѣемъ Дмитріевичемъ Старцевымъ,

временно Селенгинским 1-ой гильдии купцем Алексѣемъ Петровичемъ Малыгинымъ и временно Нарымскимъ 1-ой гильдии купцемъ Семеномъ Васильевичемъ Литвиновымъ). На набережную вывели въ это время показать Великому Князю замѣчательныхъ скаковыхъ лошадей г. Молоткова (русскіе играютъ въ Ханькоу выдающуюся роль въ качествѣ спортсменовъ). Августѣйшимъ путешественникамъ подали тутъ экипажъ. Направляясь въ церковь на панихиду по только-что въ Бозѣ почившей Великой Княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ, Наслѣдникъ Цесаревича заѣхалъ въ находящійся подъ вѣдѣніемъ италіанскихъ монахинь большой пріютъ для покидаемыхъ бѣдными родителями дѣвочекъ-китайнокъ (при католическомъ монастырѣ). Царственнаго Гостя торжественно встрѣтила вся община, во главѣ со старшей сестрой.

Послѣдняя провожала Его по прекрасно содержимому помѣщенію, и поднесла искусную работу воспитанницъ, кружевное платье для Государыни Императрицы. Е. И. Высочество подарилъ пятьсотъ долларовъ на нужды пріюта.

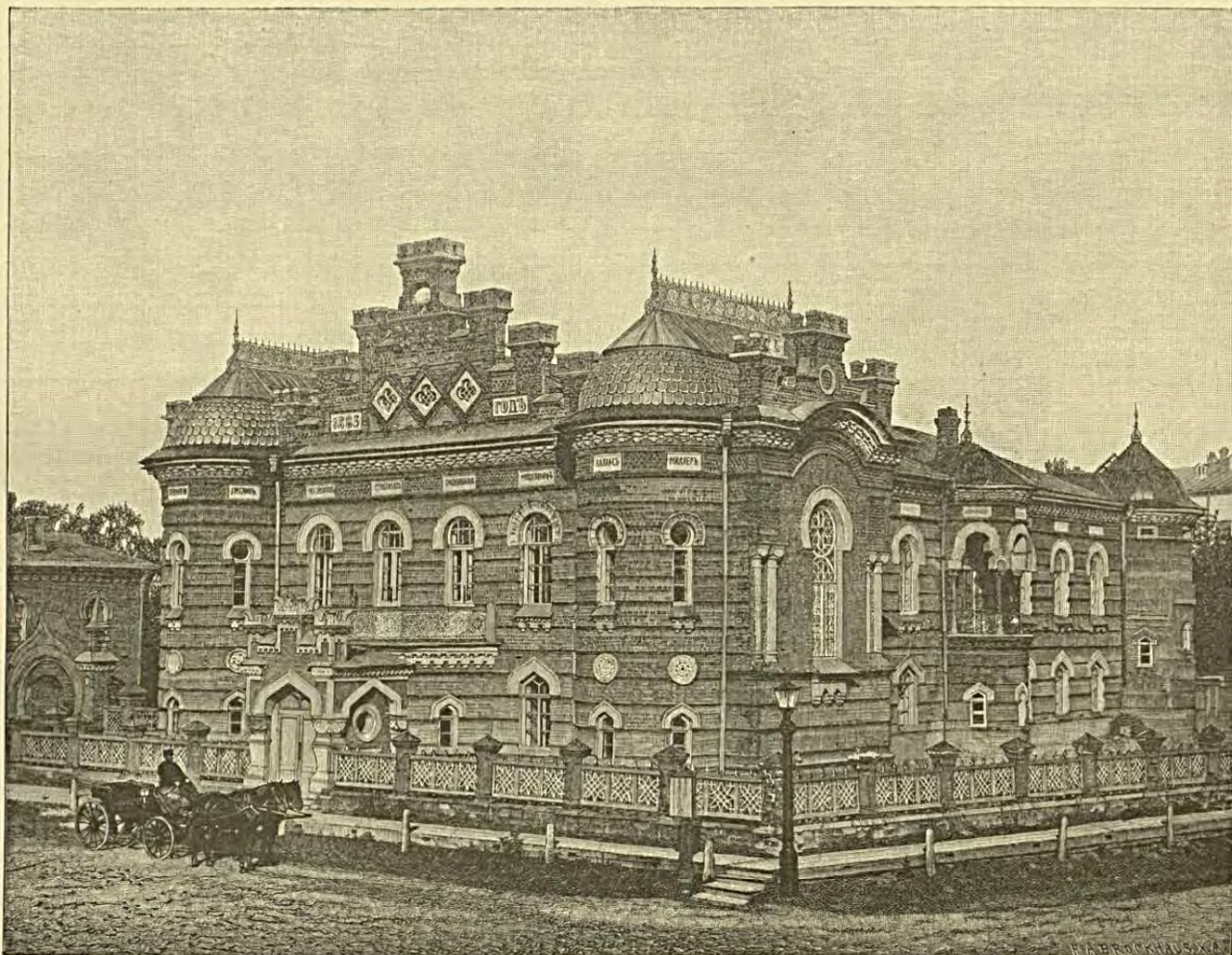
Первое аналогичное учрежденіе на территоріи Китая возникло около 1596 г. въ Макао подъ названіемъ «Santa Casa da Misericordia» и не показалось чѣмъ-то неслыханнымъ для населенія, ибо въ странѣ издавна считается общественною задачею призрѣніе сирыхъ малолѣтнихъ и малютокъ, временно являющихся тяжкимъ бременемъ для родителей. Впослѣдствіе, когда призрѣваемыхъ естественно стали обращать въ христіанство и не отдавать обратно роднѣ, выражавшей желаніе заняться ихъ участію, — что китайцы со своей точки зрѣнія находятъ совершенно незаконнымъ, — филантропическія стремленія миссіонерокъ вызвали враждебное чувство въ народѣ.

Крайне распространено мнѣніе, будто подданные Сына Неба — изверги въ полномъ смыслѣ слова, бросающіе новорожденныхъ на произволъ судьбы, чуть-ли не на съѣденіе собакамъ. Между тѣмъ хорошо извѣстно, что нигдѣ нѣтъ такого чадолюбія (притомъ на религіозной основѣ) какъ въ Небесной имперіи. Противорѣчіе объясняется тѣмъ, что нищій людъ дѣйствительно иногда не имѣетъ возможности прокормить свое крошечное потомство и охотно отдаетъ въ чужія руки или несетъ въ мѣстные воспитательные дома грудныхъ дѣвочекъ, не составляющихъ предмета гордости отца и матери (мальчиковъ цѣнятъ за даръ небесъ). Если провести точную цифровую параллель между случаями родительскаго жестокосердія на Западѣ и въ царствѣ конфуціанскихъ принциповъ, то сравненіе будетъ далеко не въ пользу цивилизованныхъ націй. Смутно зная это съ одной стороны, а кромѣ того видя на каждомъ шагѣ бездушный эгоизмъ «бѣлой расы» изъ-за моря, держащей проповѣдывать «желтолицымъ дикарямъ», — въ лицѣ немногихъ избранниковъ, — Предвѣчныя начала любви, пока соотечественники жерлами пушекъ и безжалостными контрибуціями, алчной грубостью и насиліемъ дискредитируютъ истины наивысшей этики въ глазахъ негодующаго Дальняго Востока, — неудивительно отчужденіе его народныхъ массъ отъ искренно пламенѣющихъ ревностью «ангеловъ свѣта и милосердія», приходящихъ сюда помогать страждущимъ, спасать гибнущихъ и врачевать зло. «Отчего вы не изберете себѣ подобной дѣятельности дома, гдѣ у васъ не мало социальнаго неустроя?» — испытующе говорятъ китайцы-патріоты?

Нѣкоторая замкнутость и таинственность, которыми привыкли окружать себя инокини, — значительная смертность среди призрѣваемыхъ крошекъ, зачастую попадающихъ въ пріютъ при полнѣйшемъ изнуреніи отъ голода и недуга, — распускаемые врагами порядка слухи, будто тамъ ихъ убиваютъ съ цѣлью колдовства, для приготовленій снадобій, въ составъ коихъ должны входить куски дѣтскаго тѣла, — все вмѣстѣ взятое вредитъ миссіямъ самоотверженныхъ европейскихъ женщинъ. Никому тутъ не понять скорбной

фигуры отрешившейся отъ родины и соблазновъ міра подвижницы-христианки, съ молитвами наклоняющейся въ ночи надъ колыбелью боляшаго ребенка китаянки!

Община ханькоусскихъ сестеръ при католическомъ монастырѣ, — содержащемъ еще помимо ея убѣжище для престарѣлыхъ туземцевъ и маленькій госпиталь — включаетъ въ кругъ своихъ заботъ до 500 дѣвочекъ. Часть изъ нихъ живетъ, подъ тщательнымъ надзоромъ, на попечении особыхъ нянекъ въ окрестностяхъ города. Тѣ же, что постарше, обучаются здѣсь грамотѣ и полезнымъ рукодѣльямъ, съ тѣмъ чтобы

ИРКУТСКІЙ МУЗЕЙ.

выйти затѣмъ замужъ за крещеныхъ единоплеменниковъ. Въ силу дикаго обычая, бѣдняжкамъ съ дѣтства уродуютъ ножки: иначе не отыскать жениховъ даже между обращенными.

Въ первомъ часу на «Владивостокѣ» — прощальный завтракъ для представителей русской колоніи. Затѣмъ Наслѣдникъ Цесаревичъ изволитъ посѣтить канонерскую лодку «Бобръ».

Передъ тѣмъ что намъ сняться съ якоря (въ шестомъ часу), является дипломатическій чиновникъ съ пожеланіями счастливаго пути Ихъ Высочествамъ отъ имени вице-короля. Вмѣстѣ съ тѣмъ Чжанъ-чжи-дунъ, въ качествѣ извѣстнаго литератора, подноситъ Наслѣднику Цесаревичу стихи собственного сочиненія, написанные на вѣерѣ (такъ принято дѣлать въ знакъ особенно пріязненныхъ чувствъ). Содержаніе собственноручной надписи слѣдующее: «Его быстрое судно перенесло изъ океана въ океанъ Великаго Князя Наслѣдника, коего зарю узрѣлъ С.-Петербургъ. Солнце сіяло надъ павильономъ лучезарной рѣки, когда происходило чествованіе. Яркіе цвѣты нашей страны привѣтствовали радужный стягъ Того, кто совершилъ продолжительное путешествіе, чтобы насладиться красотами трехъ материковъ. Сегодняшній славный день — свидѣтель братскаго союза двухъ народовъ. Воспоминаніе объ этомъ празднествѣ никогда не изгладится, — ибо небеса и вода далеко отражали миръ и блескъ».

Стихотвореніе вице-короля, посвященное принцу Георгію (тоже на вѣерѣ), отличается меньшею оригинальностью: «Онъ съ радостью прибылъ нарвать полевыхъ цвѣтовъ въ краю Хубэй и цвѣта его флага озарили горизонтъ. Созерцая вешнія струи, мы пѣвучестью своею уподоблялись птицамъ сосѣдняго намъ острова и отвѣдывали вина изъ хрустальныхъ чашъ. Принцы, двоюродные братья изъ двухъ царствъ, напоминаютъ цвѣтки изъ драгоцѣнной яшмы. Красавица-Греція съумѣла прославиться искусствами и науками.»

«Я, старый мандаринъ Хунана, благодарю князя за то, что онъ велѣлъ остановить свое судно, чтобы спросить у меня эту пѣсню.»

Она является крайне любопытной въ виду упоминанія объ Элладѣ, съ культурою которой Небесная имперія косвенно связана иными важными, хотя мало кому извѣстными заимствованіями. Едва-ли знаетъ объ этомъ и самъ почтенный поэтъ Чжанъ-чжи-дунъ! Дѣло въ томъ, что Китай издревле велъ торговлю съ «кушитскими» побережьями Аравіи, при посредствѣ предприимчивыхъ индусовъ. Подъ вліяніемъ эллинской цивилизаціи послѣдніе между прочимъ научили подданныхъ Сына Неба чеканкѣ монетъ, астрономическимъ теоріямъ и алхиміи.

Отъ нашего купечества всепреданнѣйше подносятся на память Августѣйшимъ путешественникамъ вазы и вышивки, ширмы чернаго дерева съ изумительною рѣзбой, серебряная пагода изъ пекинской коллекціи Гонбоева, альбомы видовъ Ханькоу и всѣхъ сортовъ чаи, а также модели машинъ, употребляемыхъ при производствѣ кирпичей.

Проводить Царственнаго Гостя хотя-бы на протяженіи нѣсколькихъ миль на пароходѣ «Tehsing» отправляется вся русская колонія. Кромѣ того на другомъ суднѣ «Yuenwo» Его дальше внизъ сопровождаетъ группа представителей каждой фирмы.

Отличная за эти три дня погода испортилась. Дождитъ. Свѣжо. Дружное «ура» съ болью въ сердцѣ прощающихся земляковъ гремитъ вслѣдъ «Владивостоку». Цесаревичъ стоитъ у самого борта и милостиво имъ кланяется.

Среда, 10 (22) апрѣля.

Рано утромъ мы останавливаемся у одного пункта на рѣкѣ, гдѣ тоже есть русскіе интересы. Сильно пострадавшій отъ возстанія тайпиновъ и теперь только отстраивающійся Цзю-цзянь (Kiu-Kiang) лежитъ на правомъ берегу Янъ-цзы, среди холмистой плодородной мѣстности: къ югу выступаютъ живописныя горы. Прямо напротивъ города, съ другой стороны рѣки, тянется сравнительно скудная по характеру равнина.

Въ этотъ относительно небольшой, но коммерчески чрезвычайно важный пунктъ свозится все, что производитъ замкнутая горами провинція Цзянь-си (Kiang-si), находящая здѣсь лучший естественный исходъ своимъ товарамъ въ обмѣнъ на продукты другихъ китайскихъ областей и предметы иностраннаго импорта: главную роль играетъ чай, которымъ славится прилегающій округъ, а также фаянсъ и фарфоръ съ извѣстныхъ фабрикъ въ Цзинъ-де-чжэнъ (Kiu-tê-shên). При смутахъ, тридцать лѣтъ назадъ, при разрушеніи сотенъ заводовъ въ этой области погибли многіе секреты тамошняго художественнаго производства, кормившаго и даже до сихъ поръ кормящаго десятки тысячъ ремесленниковъ.

КАЗАКИ СИБИРСКАГО ВОЙСКА, ПРОСЛАВИВШЕСЯ ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

До Ханькоу отсюда — 240 верстъ, до Шанхая — около 780. Городскія стѣны имѣютъ, правда, четыре тысячи сажень въ длину, но на охватываемомъ ими пространствѣ больше полей и огородовъ чѣмъ туземнаго жилья. Европейцевъ тутъ живетъ не болѣе ста.

Въ десять утра Наслѣдникъ Цесаревичъ отправляется на берегъ для посѣщенія фабрикъ «Молчанова, Печатнова и Комп.», а также «Токмакова, Молоткова и Комп.». На обѣихъ устроена выставка фарфоровыхъ вещей съ близкихъ казенныхъ заводовъ. Даже лучшіе изъ подобранныхъ предметовъ — посредственнаго достоинства, несмотря на обозначенныя на нихъ цѣны. Производство — видимо въ упадкѣ, сравнительно съ однородными западными издѣліями. Далеки тѣ времена, когда китайскія вазы казались знатокамъ

дороже золота, вывозились (какъ напр. въ эпоху крестоносцевъ при Саладинѣ) въ Египетъ, украшали чертоги индійскихъ владыкъ!

Передъ отъѣздомъ Августѣйшіе путешественники принимаютъ завтракъ отъ обѣихъ русскихъ фирмъ въ домѣ фирмы «Молчановъ, Печатновъ и Комп.» А. П. Малыгинъ отъ лица всѣхъ ханькоусскихъ коммерсантовъ (двухъ вышеупомянутыхъ торговыхъ домовъ, «Высочайше утвержденного товарищества чайной торговли и складовъ Братьевъ К. и С. Поповыхъ», фирмы «Спѣшилова, Чиркова и Комп.») проситъ соизволенія Е. И. Высочества пожертвовать въ память незабвеннаго посѣщенія 10,000 рублей на учрежденіе стипендіи имени Цесаревича въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ учреждений, по усмотрѣнію Великаго Князя. Въ данномъ случаѣ (какъ, впрочемъ, и за все время пышно организованнаго приѣма) наше купечество выказываетъ себя на обычномъ уровнѣ патріотическаго воодушевленія. Піонеры необъятнаго по глубинѣ и размѣрамъ русскаго будущаго въ предѣлахъ Китая, очевидно, широко смотрятъ на вещи и сознаютъ свою органическую связь съ Россіей. Исполать имъ на этихъ помыслахъ и на этомъ великомъ дѣлѣ!

Возвращеніе по Янъ-цзы къ его устью лишено особеннаго интереса. При быстротѣ передвиженія картины природы черезчуръ быстро смѣняются и меркнутъ. Изъ прирѣчныхъ пунктовъ хоть сколько-нибудь привлекаютъ вниманіе: Уху, предмѣстье Нанкина и Вусунъ. Первый замѣчателенъ обрушивавшимися на его европейскій элементъ неоднократными погромами. Здѣшняя чернь озлоблена противъ миссіонеровъ, противъ англичанъ. Она не хочетъ примиряться съ характеромъ предпринимаемыхъ репрессалій, не подчиняется требованіямъ боязливаго начальства, готова ополчаться въ любой моментъ на пришлеца-врага, считая его (даже въ одеждѣ проповѣдника) за волка въ овечьей шкурѣ.

Главное, что бросается въ глаза, когда приближаешься къ Уху (Wuhu), это — зданія пресвитеріанской и іезуитской миссіи, англійское консульство и таможня. Вдали мелькаетъ на холму семиэтажная пагода. Городъ имѣетъ торговлю съ годовымъ оборотомъ въ 20,000,000 рублей слишкомъ, причемъ экспортъ быстро начинаетъ преобладать надъ импортомъ. Въ окрестностяхъ найдены залежи каменнаго угля. Смежной области несомнѣнно предстоитъ широкое развитіе.

..... Нанкинскія власти, по приказанію его величества богдыхана, давно готовились торжественно встрѣтить Августѣйшаго Гостя въ чертѣ средневѣковаго центра Китая. Для этого даже реставрированы немногіе уцѣлѣвшіе памятники старины. Все лучшее уничтожено мятежниками въ серединѣ нынѣшняго столѣтія. Самого Нанкина съ рѣки не видно: можно только различить въ отдаленіи трубы его арсенала и крыши нѣкоторыхъ пагодъ.

Ближайшій рукавъ Янъ-Цзы здѣсь укрѣпленъ: батареи хорошо замаскированы деревьями. На томъ же берегу, гдѣ начинается предмѣстье прежней столицы, сооруженъ фортъ на такъ-называемомъ «львиномъ» (изъ-за формы) холму. Напротивъ лежатъ стѣны Цзянь-фу (Kiang-pu) — города, который при паденіи миньской династіи первый въ округѣ объявилъ себя сторонникомъ наступавшихъ маньчжуровъ, за что и пострадалъ отъ тогдашнихъ нанкинскихъ владыкъ.

Наслѣдникъ Цесаревичъ встрѣченъ близъ Нанкина высшими мѣстными властями, съ приглашеніемъ посѣтить его и погостить въ особо для Него отдѣланномъ съ рѣдкою

китайскою пышностью прекрасномъ дворцѣ. Но дни маршрута сочтены. Поѣздкѣ къ тамошнимъ достопримѣчательностямъ, къ сожалѣнію, не суждено осуществиться.

У Вусуна, около устья Янъ-цзы, Е. И. Высочеству имѣетъ счастье представиться нашъ шанхайскій консулъ г. Редингъ.

У Сѣдельныхъ острововъ (13 [25] апрѣля) Великаго Князя ожидалъ «Азовъ», вернувшійся туда за Нимъ изъ «страны восходящаго солнца». Новый полуторадневный переходъ обратно совершился съ обычнымъ благополучіемъ.

. . . . Розовыя вершины вереницей встаютъ передъ нами надъ окутаннымъ свѣтлою мглою горизонтомъ. Вотъ онѣ ближе, синѣе, опредѣленнѣе: это — Японія!

Скалы и густая зелень — по сторонамъ. Узкій длинный заливъ, открывающій доступъ въ Нагасаки, до такой степени оригиналенъ и декоративно красивъ подъ нависающею надъ нимъ грядою тѣнистыхъ возвышенностей, что на первыхъ порахъ онъ даже кажется искусственнымъ: точно не воочию видишь все это, а на привезенномъ съ Дальняго Востока рисункѣ, на изящно лакированномъ шкапчикѣ или подносѣ, вообще на какомъ-нибудь тамошнемъ предметѣ роскоши, передающемъ характерный японскій пейзажъ.

Когда умолкаетъ салютъ нашей собравшейся на рейдѣ тихо-океанской эскадры и другихъ военныхъ судовъ, надъ зыбкими туземными домиками долго еще стономъ стоитъ и оглушительными раскатами переливается «ура!» съ огромнаго парохода «Орель» (Добровольнаго флота). На немъ — инженеры, командированные сооружать желѣзную дорогу отъ Владивостока, матеріалы для постройки и молодцы-новобранцы для Уссурийскаго края. При видѣ этой пловучей громады, которая несетъ къ нашему туманному побережью залогъ близкаго разцвѣта и могучаго пробужденія, — яркою вереницей просятся въ душу картины ожидающаго Восточную Русь величія и развитія, въ связи съ обогащеніемъ науки о человѣкѣ драгоцѣннѣйшими этнографическими данными.

Богатые музеи, — прототипами коихъ уже служатъ иркутскій и минусинскій, — должны вскорѣ создаться въ этой странѣ радостно предугадываемаго будущаго. «Живая старина» инородческихъ міровъ (бродячаго, кочеваго и осѣдлаго) въ отраженіи разнообразнѣйшихъ формъ культуры Китая, Индіи, Ирано-Турана найдетъ тамъ надлежащее мѣсто и уясненіе. Творческая сила мужественнаго сибиряка, — столь блистательно проявившаяся еще недавно (при участіи героев-казаковъ изъ Степнаго генераль-губернаторства въ туркестанскихъ походахъ), — неразрывными узами скрѣпитъ нашу имперію съ однородною Азіей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ III.

Страница

ВЪ БЕНАРЕСѢ	1— 15
НА ГАНГѢ	16— 28
КАЛЬКУТТА	29— 61
НА ПУТИ ВЪ МАДРАСѢ	62— 80
ЮЖНАЯ ИНДІЯ	81—117
ЦЕЙЛОНЪ	118—204
ВЪ ТИХІЙ ОКЕАНЪ	205—228

ЧАСТЬ IV.

СИНГАПУРЪ	1— 12
ЯВА	13— 31
ВЪ ОБЛАСТИ ВУЛКАНОВЪ	32— 43
ОТЪ ГАРУТА ДО ПАКНАМА	44— 57
БАНГКОКЪ	58— 75
ВЪ ЦАРСТВѢ СЛОНОВЪ	76—101
САЙГОНЪ И ЧОЛОНЪ	102—135
ГОНКОНГЪ И КАНТОНЪ	136—181
ПО РѢКѢ ЯНЪ-ЦЗЫ	182—239
У СТРАНЫ ВОСХОДЯЩАГО СОЛНЦА	240—247

